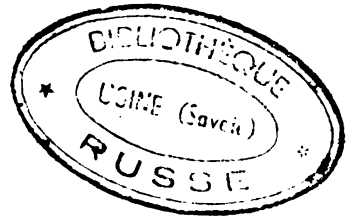

087

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

АѢАНАСІА,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1852.

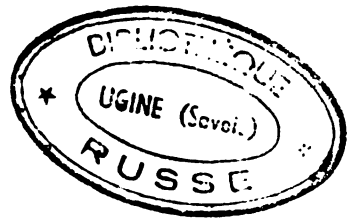
281.1
АТ 3536

v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 7 дня, 1859 года.

*Цензоръ, Московской Духовной Академіи
Инспекторъ Архимандритъ Сергій.*

11.

ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АѦАНАСІЯ, АРХІ- ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, ПРЕДЪ ЦА- РЕМЪ КОНСТАНЦІЕМЪ.

Зная, что съ давнихъ лѣтъ ты—христіанинъ и отъ предковъ боголюбивъ, смѣло теперь защищаю дѣло свое: ибо, воспользовавшись словами блаженнаго Павла (Дѣян. 26, 2.), его дѣлаю за себя ходатаемъ предъ тобою; такъ какъ извѣстно мнѣ, что онъ — проповѣдникъ истины, а ты, боголюбивѣйшій Августъ, охотно внимаешь словамъ его.

О дѣлахъ церковныхъ и о составленномъ противъ меня заговорѣ благоговѣнію твоему достаточно засвидѣтельствовало писанное столь многими епископами. Также, раскаяніе Урсакія и Валента довольно всѣмъ показало, что не было никакой правды въ ихъ обвиненіяхъ. Столько ли значительны—свидѣтельства другихъ, сколько значительно—ими сказанное, когда написали они: «мы лгали, выдумывали, все сказанное на АѦанасія — чистая клевета»? Добавленіемъ же къ очевидному доказательству, если соблаговолишь довѣдаться, послужить то, что обвинители при мнѣ ничего не доказали на пресвитера Макарія, безъ

меня же, наединѣ, дѣлали, что хотѣли. Но о такихъ дѣйствіяхъ, первоначально, Божій законъ, а потомъ, и наши законы опредѣлили, что не имѣютъ они никакой силы. И изъ сего, конечно, и твое благоговѣніе, какъ правдолюбивое и боголюбивое, усмотрить, что свободенъ я отъ всякаго подозрѣнія, а обвинителей моихъ признаётъ клеветниками.

О доносѣ же, —какой сдѣланъ на меня твоему челоуѣколюбію касательно благочестивѣйшаго Августа, блаженной и вѣчной памяти, брата твоего, Константа (такъ какъ враги разглашаютъ и осмѣлились писать это), —прежніе доносы достаточно доказываютъ, что и онъ —несправедливъ. Если бы и другой кто сталъ говорить сіе; то дѣло было бы и тогда сомнительно, имѣло бы нужду во многихъ доказательствахъ и личныхъ уликахъ. А если тѣже, кѣмъ выдуманно прежнее, сложили и сіе; то прежнимъ не въ полной ли мѣрѣ доказывается, что и послѣднее выдуманно? Поэтому, опять говорятъ наединѣ, думая, что можно ввести въ обманъ твое богочестіе. Но они ошиблись; не какъ имъ хотѣлось, выслушалъ ты ихъ, но по великодушію своему далъ и мнѣ возможность оправдаться. Если не вдругъ ты подвигся и наложилъ наказаніе; то не иное что значило сіе, но то, что, какъ правосудный Царь, ожидаешь оправданія отъ обвиненнаго. И если удостоишь выслушать оное; то увѣренъ, что и въ этомъ осудишь продерзливыхъ и небоющихся Бога, Который заповѣдалъ: *ничтоже ложно отъ языка цареви да глаголется* (Притч. 24, 22.).

Подлинно, стыжусь оправдываться въ томъ, о чемъ, думаю, не упомянулъ бы уже и самъ обвинитель

въ моемъ присутствіи; ибо въ-точности извѣстно ему, что и самъ онъ лжетъ, и я не повредился столько въ умъ, и не дошелъ до такого изступленія, чтобы можно было предположить о мнѣ, будто бы помыслилъ даже что-либо подобное. Посему, если бы спросили меня другіе,—не сталъ бы я отвѣчать, чтобы слушающихъ не оставить въ недоумѣніи даже на время моего оправданія. Предъ твоимъ же благоговѣніемъ оправдываюсь громкимъ и яснымъ голосомъ, и простерши руку, какъ научился у Апостола, *свидѣтеля Бога призываю на мою душу* (2 Кор. 1, 23.). И, какъ написано въ царственныхъ исторіяхъ, да позволено будетъ и мнѣ сказать: *свидѣтель Господь и свидѣтель Христосъ Его* (1 Цар. 12, 5.), что о благочестіи твоёмъ никогда не упоминалъ я худо предъ братомъ твоимъ, блаженной памяти, благочестивѣйшимъ Августомъ Константиномъ, и не раздражалъ его, какъ наклеветали сіи люди. А если когда входилъ я къ нему, и при мнѣ упоминалъ онъ о твоёмъ челолюбіи (сіе же было, когда Фалассъ прибылъ въ Питивіонъ, а я жилъ въ Аквилеи); то (свидѣтель—Господь) упоминалъ я о твоёмъ богочестіи и говорилъ то, что Богъ да откроетъ душѣ твоей, чтобы донесшихъ тебѣ на меня осудилъ ты за клевету. Прости, челолюбивѣйшій Августъ, въ томъ, что говорю тебѣ это, и удостой меня великаго твоего снисхожденія. Ни христолюбивый Константинъ не былъ такъ легкомысленъ, ни я—столько дерзокъ, чтобы вести намъ разговоръ о подобныхъ вещахъ, и мнѣ клеветать брату на брата, передъ Царемъ отзываться худо о Царѣ. Не обезумѣлъ я еще, Царь, и не забылъ, что говоритъ Божіе слово: *и въ совѣсти твоей не*

клени царя; и въ кльти ложницы твоея не клени богатаго: яко птица небесная донесетъ гласъ твой, и имгль крыль възвѣститъ слово твое (Еккл. 10, 20.). Если же не остается скрытымъ, что и наединѣ говорится о васъ царяхъ; то вѣроятное ли—дѣло, чтобы сталъ я говорить о тебѣ въ присутствіи Царя и при столькихъ предстоящихъ? Ибо никогда не видалъ я брата твоего одинъ, и онъ никогда не бесѣдовалъ со мною однимъ; напротивъ же того, всегда ходилъ я къ нему съ епископомъ того города, гдѣ жилъ, и въ присутствіи тамъ другихъ. Вмѣстѣ являлись мы къ нему, вмѣстѣ и уходили. О семъ можетъ засвидѣтельствовать Фортунатіанъ, Епископъ Аквилейскій; то-же въ-состояніи сказать Отецъ Осія и Епископы: Криспинъ Патавскій, Лукиллъ Веронскій, Діонисій Ліндскій и Викентій Кампанійскій. Послеку же скончались Максиминъ Триверскій и Протасій Медіоланскій: то можетъ засвидѣтельствовать бывший магистръ Евгеній; потому что онъ стоялъ при дверяхъ, и слышалъ, о чемъ просили мы Царя, и что благоволилъ онъ сказать намъ.

Почему, хотя и сего достаточно для доказательства, однакожь, дозволю пересказать и причину моей отлучки, чтобы и за сіе осудилъ ты доносившихъ на меня напрасно. По отбытіи изъ Александріи, отправился я не ко двору брата твоего, и не къ кому-либо другому, а единственно въ Римъ; и предложивъ Церкви о своихъ дѣлахъ, о чемъ только и была у меня забота, проводилъ время въ церковныхъ собраніяхъ. Къ брату твоему не писалъ я, кромѣ того случая, когда Евсевій написалъ ему противъ меня, и мнѣ, будучи еще въ Александріи, нужно стало за-

щищаться, и когда, по повелѣнію Константа—изготовить списки Божественныхъ Писаній, сдѣлалъ я и отослалъ ихъ. Ибо, защищаясь предъ твоимъ богочестіемъ, должно мнѣ говорить правду. Итакъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, въ четвертый уже годъ пишетъ онъ ко мнѣ, приказывая явиться къ нему (былъ же онъ въ Медиоланѣ). Распрашивая о причинѣ (ибо не зналъ ея; свидѣтель въ томъ—Господь), осведомился я, что нѣкоторые епископы, пришедши къ нему, просили написать къ твоему благочестію о томъ, чтобы составить соборъ. Повѣрь, Государь; такъ было дѣло, и я не лгу. Посему, прибывъ въ Медиоланъ, увидѣлъ я великое его челоуколюбіе; потому что соблаговолилъ видѣть меня и сказать мнѣ, что написалъ и послалъ къ тебѣ, прося составить соборъ. Когда же я жилъ въ сказанномъ выше городѣ,—снова послалъ меня въ Галлію, куда прибылъ и Отецъ Осія, чтобы оттуда отправиться намъ въ Сардику. По окончаніи же собора, когда жилъ я въ Нанссъ, писалъ онъ ко мнѣ; и отправившись оттуда, проживалъ уже я въ Аквилеи. Здѣсь застигло меня письмо твоего богочестія, и отсюда опять вызванный, блаженной памяти, Константомъ, и возвратясь въ Галлію, такимъ образомъ, прибылъ я къ твоему благочестію.

Какое же мѣсто, или какое время наименуетъ обвинитель, гдѣ, какъ доносилъ онъ, говорено мною подобное? Или—въ чьемъ присутствіи дошелъ я до безумія—произнести такіа слова, какія будто бы, какъ лгалъ онъ на меня, вымолвлены мною? Кто подтверждаетъ это? Кто сему свидѣтель? Ибо, *лже видѣста очи его*, то долженъ онъ говорить, какъ повслѣдуетъ

Божественное Писаніе (Притч. 25, 8.). Но обвинитель мой, конечно, не найдетъ ни-одного свидѣтеля тому, чего не было. А свидѣтелемъ въ томъ, что не лгу, сверхъ истины имѣю и твое благочестіе. Ибо зная, что ты весьма памятливъ, прошу привести себя на память слова, какія произносилъ я, когда благоволилъ ты видѣть меня въ первый разъ въ Виминакіи, во второй—въ Кесаріи Каппадокійской и въ третій—въ Антиохіи. Отзывался ли я при тебѣ худо объ огорчившемъ меня Евсевіѣ, чернилъ ли кого изъ обидѣвшихъ меня? Если же не очернилъ я тѣхъ, противъ кого должно было мнѣ говорить; то какое было бы безуміе—передъ Царемъ говорить худо о Царѣ, и брата ссорить съ братомъ? Умоляю тебя: или вели обвинить меня въ лице, или осуди доносчиковъ, и будь подражателемъ Давиду, который говоритъ: *оклеветающаго тай искреннаго, сего изгоняхъ* (Псал. 100, 5.). Чтò касалось до нихъ,—то они совершили уже убійство, ибо *уста лжущая убиваютъ душу* (Прем. 1, 11.); но препобѣдило твое великодушіе, даруя мнѣ свободу оправдываться, чтобы и они могли быть осуждены, какъ упорные и клеветники. Сіе пусть будетъ сказано о благочестивѣйшемъ, блаженной памяти, братѣ твоемъ; потому что и изъ этого немногаго, по данной тебѣ отъ Бога премудрости, можешь предположить многое и дать судъ о выдуманномъ обвиненіи.

О другомъ доносъ, — писалъ ли я къ похитителю власти (имени его не хочу и упоминать), — умоляю тебя, изслѣдуй и суди, какъ тебѣ угодно, и чрезъ кого заблагоразсудишь. Чрезвычайность этого доноса изумляетъ меня и приводитъ въ великое недоумѣніе.

И повѣрь, боголюбивѣйшій Царь, неоднократно разсуждая самъ съ собою, не вѣрилъ я, чтобы могъ кто дойти до такого безумія и солгать что-либо подобное. Поелику же и это разглашаемо было аріанами, и они хвастались, что приложили и списокъ съ письма; то еще болѣе изумился я, и проводя ночи безъ сна, входилъ въ состязаніе съ обвинителями, какбы они были передо мною,—то внезапно пспускалъ сильный вопль, то немедленно, слезно вздыхая, молилъ Бога благосклоннымъ для себя найти слухъ твой. Но и дѣйствительно нашедши его такимъ по благодати Господней, снова недоумѣваю, какое положить начало оправданію. Какъ-скоро рѣшаюсь говорить,—всякій разъ удерживаетъ меня ужасъ приписываемаго мнѣ поступка.

Въ-разсужденіи, блаженной памяти, брата твоего, конечно, былъ правдоподобный предлогъ къ клеветамъ; потому что я удостоивался видѣть его, и онъ благоволилъ писать о мнѣ къ твоему братскому расположенію, неоднократно, когда бывалъ при немъ, оказывалъ мнѣ честь, и отсутствующаго вызывалъ къ себѣ. Свидѣтель же—Господь и свидѣтель—Христось Его, что не знаю діавола Магненція и вовсе не имѣлъ о немъ свѣдѣнія. Поэтому, какія же отношенія у незнакомаго съ незнакомымъ? Какой предлогъ побудилъ писать къ такому человѣку? Съ чего бы началъ я письмо, рѣшившись къ нему писать? Не съ этого ли?—« Прекрасно ты сдѣлалъ, убивъ того, кто оказывалъ мнѣ честь, чьихъ благодѣлній никогда не забуду! Хвалю за то, что умертвилъ знаемыхъ мною христіанъ, мужей преисполненныхъ вѣры. Хвалю, что лишилъ жизни тѣхъ, которые радушно

принял меня въ Римъ (именно блаженную твою тетку, въ подлинномъ смыслѣ Евтропію) (а), праводушнаго Авутирія, самаго върнаго Спирантія и многихъ другихъ людей превосходныхъ ».

Даже и подозрѣвать меня въ этомъ обвинителю — не признакъ ли сумасшествія? Ибо что опять убедило бы меня довериться ему? Какое надежное для себя усмотрѣлъ бы я въ немъ расположеніе? — Не то ли, что убилъ онъ собственнаго своего владыку, сталъ невѣренъ друзьямъ своимъ, нарушилъ клятвы, вознечествовалъ предъ Богомъ, противъ Божія суда употребляя въ дѣло отравителей и чародѣевъ? Съ какою совѣстію изрекъ бы ему свое привѣтствіе, когда его неистовство и жестокость повергли въ печаль не меня одного, но и всю, обитаемую нами, вселенную? Великою и глубокою благодарностію обязанъ я ему за то, что, блаженной памяти, братъ твой наполнялъ церкви приношеніями, а онъ сего дародателя умертвилъ; и не уважилъ злодѣй, видя все сіе, не убоился благодати, дарованной блаженному въ крещеніи, но, какъ губительный и злокозненный какой демонъ, вознечествовалъ противъ него! Посему, блаженной памяти, брату твоему сіе обратилось въ мученичество, а онъ, наконецъ, преследуемъ былъ, какъ узникъ, *стена и трясыйся*, подобно Канну (Быт. 4, 12.), и чтобы въ смерти уподобиться Іудѣ, наложилъ самъ на себя руки, и понесетъ на себя сугубое наказаніе на будущемъ судѣ. Такому-то человѣку почелъ меня другомъ доносчикъ; или, можетъ быть, и самъ онъ

2. 5. 124 318. 319. 320. 321.
3. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

(а) Благонравную.

не почиталъ, но, какъ врагъ, выдумалъ невѣроятное, въ-точности зная, что лгалъ. Но кто бы онъ ни былъ, желалъ бы я, чтобы предсталъ онъ здѣсь, и предъ самою истинною (ибо мы христіане что говоримъ какбы въ присутствіи Божиемъ, то вмѣняемъ въ клятву) допрошенъ былъ: кто изъ насъ радовался, когда живъ былъ, блаженной памяти, Константъ, и кто болѣе желалъ ему продолженія жизни? И первый доносъ показываетъ, и всякому извѣстно это. Если же и самъ доносчикъ въ-точности зналъ, что таково было мое расположеніе; то любившій, блаженной памяти, Константа, конечно, не былъ другомъ противнику его. А если былъ онъ расположенъ иначе, нежели мы; то опасуюсь, не то ли, что замыслилъ изъ ненависти къ Константу, ложно приписалъ мнѣ?

А я, приведенный симъ въ удивленіе, недоумѣваю, что надобно сказать въ свое оправданіе, и себя единственно осуждаю на тысячи смертей, если, вообще, падеть на меня хотя какое-либо въ этомъ подозрѣніе. Предъ тобою же, правдолюбивый Царь, оправдываюсь смѣло. Умоляю, какъ сказалъ выше, изслѣдуй дѣло, тѣмъ паче, что имѣешь свидѣтелями тѣхъ, которыхъ отправилъ онъ нѣкогда къ тебѣ послами, именно — Серватія и Максима Епископовъ и бывшихъ съ ними, также, Клементія и Валента. Освѣдомься, умоляю тебя, принесли ли они ко мнѣ письмо; ибо это и мнѣ послужило бы поводомъ писать къ нему. Если же не писалъ онъ ко мнѣ и не зналъ меня; то какъ было писать мнѣ, не зная его? Спроси: не вспоминалъ ли я, видѣвшись съ Клементіемъ, о, блаженной памяти, Константъ и, по написанному, не омочалъ ли одежду свою слезами (Псал. 6, 7.), представляя

въ умъ его челоуѣколюбіе и христоролюбивую его душу? Освѣдомся, какъ, услышавъ о жестокости сего звѣря, и видя Валента идущаго чрезъ Ливію, убоялся я, чтобы и онъ не покусился на дерзость и, подобно разбойнику, не сталъ предавать смерти любящихъ и памятующихъ блаженнаго, въ числѣ которыхъ никому не уступлю перваго предъ собою мѣста. Итакъ, боясь, что это замышляютъ они, не паче ли сталъ бы я благожелательствовать твоему челоуѣколюбію? Ужели бы полюбилъ его убійцу, и возымѣлъ огорченіе на тебя, его брата, который мстишь за смерть его? Ужели бы сталъ содержать въ памяти его беззаконіе, забывъ же твои благодѣянія, когда благоволилъ ты изъяснить мнѣ письменно, что и по смерти, блаженной памяти, брата твоего буду такъ-же ими пользоваться, какъ пользовался и при жизни его? Какими бы глазами сталъ я смотреть на убійцу? Или, какъ не вознесъ бы моленій о твоёмъ спасеніи, думая при семъ, что имѣю предъ очами и, блаженной памяти, брата твоего? Братья по природѣ служатъ зеркаломъ одинъ другому. Поэтому, тебя видя въ немъ, никогда не могъ я клеветать, и опять въ тебѣ усматривая его, никогда не сталъ бы писать къ противнику его, но, скорѣе, вознесъ бы моленіе о спасеніи твоёмъ. И свидѣтель сему, первоначально, Господь, Который видалъ и даровалъ тебѣ царство, въ цѣлости перешедшее отъ предковъ; свидѣтели также и находившіеся тогда со мною Филкиссимъ, бывший дуксъ Египта, Руфинъ и Стефанъ, изъ которыхъ одинъ былъ тамъ каѳоликосомъ, а другой магистромъ, Астерій комить, Палладій, бывший магистромъ палатнымъ, и правители дѣлъ—Антіохъ

и Евагріи. Одно только было сказано мною: «будемъ молятся о спасеніи благочестивѣйшаго Августа Констанція». И весь народъ немедленно въ одинъ голосъ воскликнулъ: «да поможетъ Христосъ Констанцію!» и эта молитва повторялась народомъ.

Итакъ, что никогда я не писалъ къ Магненцію, и отъ него никогда не получалъ писемъ, — призываю свидетелемъ въ этомъ Бога и Слово Его, едиnorodнаго Сына Божія и Господа нашего Иисуса Христа. Обвинителя же моего дозволю мнѣ спросить кратко и о томъ, какъ дошелъ онъ до сего. Скажетъ ли, что есть у него списокъ съ письма? — Ариане старались разсѣять такой слухъ. — Но во-первыхъ, хотя бы показали письма похожія на мое, и это не служить еще несомнѣннымъ доказательствомъ. Иные пишутъ подъ чужую руку; такіе люди не рѣдко поддѣльвались подъ вашу царскую руку. Поэтому, сходство почерка не придаетъ письмамъ важности, если подлинность писемъ не засвидѣтельствуютъ привыкшіе писать такія письма. Посему, желаю еще и о семъ спросить доносчиковъ: кто доставилъ списки, и гдѣ оныя найдены? И у меня были люди, которые писали, и у Магненція, которые принимали отъ подателей и передавали ему. Мое люди — здѣсь: соблаговоли призвать и его людей; конечно, они могутъ еще быть въ живыхъ. Освѣдомся о сихъ письмахъ, изслѣдуй какбы предъ самою истинною. Ибо истина — охраненіе царей, и особливо христіанскихъ. Съ нею безопасно вамъ — царствовать, какъ говоритъ Божественное Писаніе: *милостыня и истина сохраненіе царю, и обыдутъ престолъ его въ правдѣ* (Притч. 20, 28.). Предпочтя истину, мудрый Зоровавель одержалъ

верхъ , и вси людїе возопиша : велика истина , и премогаетъ (2 Ездр. 4, 41.).

Если бы оклеветанъ я былъ предъ другими ; то сталъ бы искать правосудїя у твоего благочестїя , какъ и Апостоль перенесъ однажды судъ къ Кесарю (Дьян. 25, 10.), и прекратилось противъ него злоумышленїе враговъ. Но поелпку осмѣлились обвинять передъ тобою ; то къ кому отъ тебя перенести мнѣ дѣло на судъ , какъ не къ Отцу Того , Который говорить : *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.), чтобы Онъ сердце твое преклонилъ на милость?

Владыка , Вседержитель , Царь вѣковъ , Отче Господа нашего Иисуса Христа ! Ты словомъ Твоимъ даровалъ царство сіе служителю Твоему Констанцію ; Ты озари сердце его , чтобы , уразумѣвъ взведенную на меня клевету , милостиво принялъ онъ оправданїе , и для всѣхъ содѣлалъ извѣстнымъ , что слухъ его утверждень во истинѣ и , по написанному , *прїятны царю токмо устни праведны* (Притч. 16, 13.). Ибо симъ однимъ исправится престоль царства его , какъ вѣщала Ты чрезъ Соломона (Притч. 25, 5.).

Итакъ , допроси вполне . Пусть знаютъ доносчики , что заботишься ты доведаться истины и узнать , не покажутъ ли самымъ цвѣтомъ лица , что они говорятъ клевету ; потому что лице служитъ облпченіемъ совѣсти , и написано : *сердцу веселящуся , лице цвѣтеть : въ печальхъ же сушу , стѣтуетъ* (Притч. 15, 13.). Такъ , совѣсть изблпчила злоумышлявшихъ противъ Іосифа , и лукавство Лаваново противъ Іакова обнаружено было на лицѣ . Видишь ихъ подозрительность , съ какою бѣгутъ и скрываются , и мою свободу , съ какою оправдываюсь . Не объ имѣніи — теперь

судь, но—о славъ Церкви! Пораженный камнемъ ищетъ врага, но острѣе камней язвить клевета; потому что клевета есть *дреколь и мечъ, и стрѣла острѣ*, какъ сказалъ Соломонъ (Притч. 25, 18.). Одна истина можетъ уврачевать сіи язвы; какъ же скоро она пренебрежена,—страшнымъ образомъ увеличиваются язвы. Всѣмъ этимъ дѣла церковныя всюду приведены въ замѣшательство, придуманы ими предлоги, и такое число преклонныхъ лѣтми епископовъ за общеніе со мною изгнаны въ заточеніе. И если было это до-нынѣ: то оставалась еще добрая надежда; потому что ты—человѣколюбивъ. Но чтобы не простерлось зло и впредь, да превозможетъ у тебя истина. Непусти, чтобы вся Церковь была въ подозрѣніи, будто бы христіане, и тѣмъ паче епископы, замышляютъ и пишутъ подобныя вещи. Или, если не угодно—входить въ разысканія: то справедливо—повѣрить больше намъ оправдывающимся, нежели клеветующимъ; потому что они лукавствуютъ, какъ враги, а мы со страхомъ представляемъ доказательства. Но дивлюсь,—почему мы говоримъ съ благоговѣніемъ, они же столько имѣли безстыдства, что солгали Царю. Изслѣдуй же дѣло по истинѣ и, по написанному, *взыскаю обзыици* (Юил. 1, 7.) въ нашемъ присутствіи: на какомъ основаніи говорятъ они это, или гдѣ найдены письма? Но ни моихъ никто не уличить, ни изъ Магненціевыхъ никто не скажетъ сего; потому что все выдуманно. Можетъ быть, и неприлично—болѣе разыскивать, и сами они не хотятъ сего, чтобы по необходимости не былъ найденъ писавшій сіи письма; потому что одни доносчики знаютъ его, кромѣ же ихъ не знаетъ никто.

Т. XIX.

2

19. 23.

Поелку же и о великой церкви доносили, что производилась тамъ Божественная служба прежде ея совершенія: то и въ-разсужденіи сего представляю опять оправданіе твоему благочестію; потому что вынуждаютъ къ тому расположенные ко мнѣ враждебно. Да; это было, признаюсь въ томъ; ибо и прежде говоря, я не лгалъ, и теперь не буду отрицать сего. Но и сіе дѣло было опять иначе, нежели какъ донесли они. И да позволено мнѣ будетъ сказать: не день обновленія совершали мы, благочестивѣйшій Августъ; ибо дѣйствительно было бы незаконно—сдѣлать сіе прежде твоего указа, да и приготовленій къ тому у насъ не было, не приглашали на это ни епископа, ни другаго кого изъ клира, и зданію многаго еще не доставало. Служба же совершена не по предварительному извѣщенію, въ чемъ могли бы они найдти поводъ къ доносу; напротивъ того, всѣ знаютъ, какъ происходило дѣло. Впрочемъ, выслушай съ свойственными тебѣ кротостію и великодушіемъ.

Былъ праздникъ Пасхи; народу собралось весьма много, и столько именно, что христіанскимъ царямъ можно желать, чтобы такое число христіанъ было въ каждомъ городѣ. Посему, такъ какъ церковей у насъ не много, и тѣ очень тѣсны; то произошло небольшое волненіе въ народѣ, пожелали собраться въ великой церкви, чтобы тамъ всѣмъ молиться о твоёмъ спасеніи. Такъ и было. Я совѣтовалъ потерпѣть до времени, и какъ ни есть, хотя съ нуждою, собраться въ другихъ церквахъ; но меня не послушали, готовы же были идти вонъ изъ города, собраться въ пустомъ мѣствѣ подъ открытымъ небомъ,

соглашаясь лучше—перенести трудность пути, нежели праздновать печально. Повѣрь, Государь, и въ свидѣтели сему пріими опять истину, что съ богослуженія въ Четырехдесятницу, по причинѣ тѣсноты мѣстъ и великаго множества народа, бѣольшая часть дѣтей, немало юныхъ женъ, бѣольшая часть старыхъ женщинъ и немало юношей приносимы были домой раздавленными. И хотя, по Божию смотрѣнію, никто не умеръ; однакоже, всѣ роптали, и требовали службы въ большой церкви. Если же такая тѣснота была въ предпразднственные дни; что могло произойти въ самый праздникъ? Безъ сомнѣнія, нѣчто и сего еще худшее. Но непримично было народу вмѣсто радости имѣть печаль, вмѣсто веселія—слезы, вмѣсто праздника—плачь, тѣмъ болѣе, что, какъ зналъ я, образцемъ служили мнѣ Отцы. Блаженной памяти, Александръ, поелику всѣ прочія мѣста были тѣсны, создавая церковь, которая въ то время почиталась обширнѣйшею и называлась Θεοною, собиралъ тамъ народъ на богослуженіе по причинѣ многолюдства, и отправляя службу, не прекращалъ продолжать строеніе. То-же самое, какъ видѣлъ я, дѣлалось въ Триверахъ и въ Аквилен. И тамъ въ праздники, по причинѣ многолюдства, когда храмы еще строились, въ нихъ собирались на богослуженіе, и такое дѣло не находило обвинителей. Да и, блаженной памяти, братъ твой самъ присутствовалъ при такомъ богослуженіи въ Аквилен. Такъ поступилъ и я; у насъ было не освященіе храма, но молитвенное собраніе. Почему, вѣрно знаю, что и ты, какъ боголюбивый, одобришь усердіе народа, и извинишь меня, что не воспротивился желаніямъ такого многолюдства.

Но желательно еще мнѣ спросить о семъ доносчикѣ, гдѣ законно было молиться народу, — въ пустомъ ли мѣстѣ, или въ недостроенномъ молитвенномъ домѣ? Гдѣ народу прилично и святолюбиво было отвѣтствовать: *аминь*, — въ пустомъ ли мѣстѣ, или въ домѣ, который нареченъ уже Господнимъ? И ты, боголюбивѣйшій Царь, гдѣ пожелалъ бы народу воздѣвать руки и молиться о тебѣ, — тамъ ли, гдѣ останавливаются мимоходящіе язычники, или въ сомненномъ тебѣ зданіи, которое съ самого уже основанія именуютъ всѣ домомъ Господнимъ? — Знаю, что предпочитаешь ты свое зданіе; потому что ослабляешься, и даешь сіе знать своимъ ослабленіемъ. Доносчикъ говоритъ: «сему надлежало быть въ церквахъ». Всѣ онѣ, какъ сказалъ я выше, малы и тѣсны для такого многолюдства. Притомъ, какъ же прилично было совершаться молитвамъ? И что было лучше? — По частямъ ли и раздѣльно сходиться народу съ опасностію терпѣть тѣсоту, или, — когда было уже мѣсто, гдѣ могли помѣститься всѣ, — въ немъ сойдтись, чтобы отъ всего народа стройно возносился единый и тотъ-же гласъ? Последнее было лучше, потому что показывало и единодушіе многолюдства; въ такомъ случаѣ и Богъ скорѣе внимлетъ молитвѣ. Ибо если, по обътованію самого Спасителя, *еще два совѣщаются о всякой вещи, елиже еще просятъ, будетъ има* (Матѣ. 18, 19.); что сказать, если возносится единый гласъ отъ такого множества собравшихся и взывающихъ Богу: *аминь*? Посему, кто не дивился, кто не ублажалъ тебя, видя такое множество народа, собравшагося въ одномъ мѣстѣ? Какъ радовались люди, собиравшіеся прежде въ раздѣльныхъ мѣстахъ, взирая теперъ другъ

на друга? Всѣхъ веселило это, опечалило же одного клеветника.

Хочу предупредить и другое остающееся у него возраженіе. Доносчикъ скажетъ: «дѣло не было еще совершено, и не надлежало тамъ быть молитвамъ». Но Господь сказалъ: *ты же, егда молишися, вниди въ клятвѣ твою и затвори двери* (Матѳ. 6, 6.). Посему, что скажетъ обвинитель? Лучше же, что скажутъ мудрые и истинные христіане? Последнихъ вопросы, Государь; потому что о первыхъ написано: *юродъ бо юродивая изречеть* (Иса. 32, 6.), а о последнихъ: *совѣта у всякаго премудраго ищи* (Тов. 4, 18.). Когда церкви были тѣсны, а народу—такъ много, и хотѣли идти въ пустыню; что тогда надлежало дѣлать? Въ пустынь нѣтъ дверей, она—удобопроходна всякому желающему; Господній же домъ огражденъ стѣнами и дверьми, и показываетъ различіе людей благочестивыхъ и оскверненныхъ. Не всякій ли благоразумный человекъ согласится въ этомъ, Царь, съ твоимъ благочестіемъ? Ибо знаютъ, что здѣсь молитва—законна, а тамъ есть мѣсто подозрѣнію въ неблагочвннн, развѣ только по невѣжнннн опредѣленныхъ для молитвы мѣстъ одна молящіяся будутъ населять пустыню, какъ было съ израильтянами. Но и у нихъ, по устроеніи скиннн, определено уже было мѣсто для молитвы.

Владыка и истинный Царь царствующихъ, Христе, еднородный Сыне Божій, Отчее Слово и Отчая Премудрость! Поелику народъ умолялъ человеколюбіе Твое, а чрезъ Тебя и Отцу Твоему, существу надъ всеми Богу, приносилъ моленіе о спасеніи раба Твоего, благочестивѣйшаго Констанція; то меня обви-

няютъ за сіе. Но благодареніе благости Твоей, что винятъ меня за это и за соблюденіе законовъ Твоихъ!

Больше могли бы винить меня, и обвиненіе было бы справедливо, если бы оставили мы созидаемый Царемъ храмъ, и пустыни взыскали для молитвы. Чего не наговорилъ бы тогда обвинитель? И сколько вѣроятія было бы въ словахъ его, когда бы сказалъ: «уничжилъ онъ храмъ твой, не по мысли ему совершаемое; проходя мимо, онъ смѣялся, показавъ, что пустыня замѣняетъ собою потребность сего храма; народу, желавшему молиться, не дозволилъ сего»? Вотъ что желалъ онъ сказать, сего искалъ, и не нашедши скорбить и выдумываетъ, наконецъ, вины. Если бы сказалъ онъ это, пристыдилъ бы тѣмъ и меня, какъ самъ впадаетъ теперь въ погрѣшность, ставъ подражателемъ діавольскому нраву и подстрекая молящихся. Почему и поползнулся, обманувшись сказаніемъ о Даніилѣ. Ибо подумалъ этотъ невѣжда, что и при тебѣ въ силѣ—вавилонскіе обычаи, не зналъ же онъ того, что другъ ты блаженному Даніилу, одному поклоняешься съ нимъ Богу, и не запрещаешь, но хочешь, чтобы всѣ молились, зная, о чемъ общая у всѣхъ молитва, именно же, чтобы ты всегда былъ невредимъ и царствовалъ въ мирѣ.

Вотъ моя жалоба на доносчика; а ты, боголюбивѣйшій Августъ, да живешь многія лѣта, и да совершишь освященіе храма; всѣми приносимыя молитвы о твоёмъ спасеніи не воспрепятствуютъ сему торжеству освященія. Да не утверждаютъ такой лжи сіи невѣжды; напротивъ того, пусть научатся они у Отцевъ и прочтутъ Писанія, лучше же сказать, пусть научатся у тебя любослова, что священникъ Ісусъ,

сынъ Иоседековъ, и братья его, и мудрый Зорова-
 вель, сынъ Салаоилевъ, и Ездра священникъ и книж-
 никъ закона,—когда, послѣ плѣненія, созидаемо было
 святилище, и наступило *потчненіе стни* (а это былъ
 великій праздникъ и торжество, и молитвенный день
 въ Иерусалимѣ),—собрали единоплеменный народъ на
 мѣсть перваго притвора, обращеннаго къ востоку,
 уготовили жертвенникъ Богу, и тамъ принесли жер-
 твы, тамъ совершили праздникъ, а послѣ такимъ-же
 образомъ приносили жертвы въ субботы и новомѣ-
 сячія, народъ же возносилъ молитвы свои (1 Ездр.
 3, 2—6.). И Писаніе ясно говоритъ, что все это
 совершалось, а храмъ Божій не былъ еще построенъ;
 напротивъ же того, когда молились они такимъ
 образомъ,—созиданіе храма шло успешно. Ни ожида-
 ніемъ дня освященія не были останавливаемы молит-
 вы, ни бывшими молитвенными собраніями не полага-
 лось препятствія освященію; но и народъ молился
 такимъ образомъ, и когда все зданіе было доверше-
 но,—совершили освященіе, принесли жертвы въ
 обновленіе храма, и всѣ праздновали окончаніе дѣла.
 То-же опять сдѣлали и, блаженной памяти, Александръ
 и другіе Отцы,—и прежде собирали народъ на молит-
 ву, и приведа къ окончанію дѣла, возблагодарили
 Господа, совершивъ освященіе. Такъ прилично по-
 ступить и тебѣ, любовядушій Государь. Готовъ уже—
 храмъ, предосвященный принесенными въ немъ мо-
 литвами, и ожидаетъ прибытія твоего благочестія;
 ибо сего недостаетъ ему къ совершенному украше-
 нію. Да совершишь и сіе, и да вознесешь молитву
 Господу, Которому создалъ ты домъ,—таково общее
 всѣхъ желаніе!

Дозволь рассмотреть и другой доносъ, и соблаговоли принять мое въ этомъ оправданіе. Ибо осмѣлились донести и то, будто бы, въ противность твоимъ указамъ, не оставляю я церкви. Дивлюсь имъ, что не утомятся составлять клеветы, самъ же не только не утомляюсь, но, оправдываясь, паче еще радуюсь. Чѣмъ больше у меня оправданій, тѣмъ большему могутъ они подпасть осужденію. Не противился я указу твоего благочестія; да не будетъ сего! У меня не стало бы дерзости противиться даже правителю города, не только что такому Царю. И для увѣренія въ этомъ не нужно мнѣ многихъ словъ; потому что засвидѣтельствуетъ о мнѣ весь городъ. Впрочемъ, дозволю и сіе дѣло рассказать опять сначала. Ибо очень знаю, что, выслушавъ, подивишься ловкости враговъ.

Прибыль палатникъ Монтанъ и принесъ письмо будто бы въ отвѣтъ на то, что самъ я писалъ о дозволеніи идти мнѣ въ Италію для исправленія нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію, нуждъ церковныхъ. Благодареніе твоему благочестію, что соблаговолили внять сему, какъ будто бы писано было мною, принялъ на себя попеченіе о пути, чтобъ могъ я вступить въ оный и совершить безъ затрудненій! Но дивлюсь опять, какъ солгавшіе предъ тобою не побоялись, что ложь—свойственна діаволу, и лжецы—чужды Того, Кто говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.)! Я не писалъ, и обвинитель не въ-состояніи будетъ найдти подобное письмо. Хотя и должно бы мнѣ было ежедневно писать къ тебѣ, чтобы узрѣть исполненное благи лица твое; однакоже, и церкви оставляю—неблагочестно, и стать въ тягость твоему

благочестію—несправедливо, особливо—когда и въ отсутствіе наше благосклонно внемлешь церковнымъ прошепіямъ. И такъ, прикажи мнѣ прочесть, что приказывалъ Монтанъ, именно же—слѣдующее (б)....

Но гдѣ нашли доносчики и это письмо? Желалъ бы я слышать отъ нихъ, кто сообщилъ имъ оно! Заставъ ихъ дать отвѣтъ; чрезъ это можешь узнать, что и послѣднее письмо такъ-же они выдумали, какъ разглашали и о письмѣ къ несправедливому Магненцію. Но и въ семь осужденные, къ какому еще оправданію повлекутъ меня послѣ сего? Объ этомъ они замышляютъ, объ этомъ, какъ вижу, у нихъ состязаніе, чтобы все привести въ движеніе и смятеніе, въ той надеждѣ, что, говоря противъ меня много, можетъ быть, и раздражатъ тебя со-временемъ. Но справедливость требуетъ—такихъ людей отвращаться и ненавидѣть; потому что каковы—сами, такими-же предполагаютъ и слушателей своихъ, и думаютъ, что клеветы и у тебя могутъ имѣть силу. Нбо имѣлъ нѣкогда силу доносъ Доиковъ на священниковъ Божіихъ (1 Цар. 22, 9.); но выслушавшій его Саулъ былъ человекъ несправедливый. И клеветующая Иезавель могла сдѣлать вредъ богобоязненному Навуею, но внимающій ей былъ лукавый отступникъ Ахавъ. Святѣйшій же Давидъ, подражать которому—прилично тебѣ (какъ и всѣ того желаютъ), не допускалъ къ себѣ такихъ людей, напротивъ же того, отвращался ихъ, какъ бѣшеныхъ псовъ, говоря: *оклеветавшаго тай, искреннаго своего, сего изгоняхъ* (Псал. 100, 5.);

(б) Письма, упоминаемаго св. Аванасіемъ, не находится въ греческомъ подлинникѣ.

потому что соблюдалъ заповѣдь, въ которой сказано: *да не примешь слуха суетна* (Исх. 23, 1.). И ими разглашаемое—суетно передъ тобою; потому что ты, подобно Соломону, просилъ у Господа и получилъ отъ Него (будь въ томъ увѣренъ), *да будетъ суетно слово и ложно далече отъ тебе* (Притч. 30, 8.).

Поэтому и я,—такъ какъ письмо вынуждено было клеветниками, и не заключало въ себя приказа идти,—сдѣлалъ заключеніе, что не было изволенія у твоего благочестія, чтобы явился я къ тебѣ. Изъ того,—что ты не прямо приказалъ прійти, но писалъ въ отвѣтъ на писанное и изъявленное будто бы мною желаніе, исправить видимые недостатки,—и безъ чьихъ-либо объясненій ясно было, что доставленное письмо было писано не по собственному изволенію твоей снисходительности. Это всѣ знали, это выражалъ я и въ письмѣ. И Монтану было пзвѣстно, что не идти къ тебѣ отказывался я, но не почиталъ приличнымъ идти въ-слѣдствіе моего будто бы письма, чтобы клеветники и въ семь не нашли опять предлога сказать, что беспокою твое богочестіе. И дѣйствительно я готовился въ дорогу, и Монтанъ знаетъ, что, если бы соблаговолилъ ты написать, то отправился бы я немедленно, и съ усердіемъ исполнилъ бы приказаніе. Ибо не дошелъ я до такого безумія, чтобы противиться подобному приказанію. А такъ какъ благочестіе твое подлинно не писало; то какъ же воспротивился я тому, о чемъ не было мнѣ повелѣнія? Или, почему говорятъ, что не послушался я, когда и приказанія не было? Какъ же не клевета—это, когда враги, и чего не было, выдають за бывшее? Боюсь, что и теперь, когда оправдываюсь, стануть разгла-

шать, что не благоволил ты выслушать мое оправданіе. Такъ, по ихъ мнѣнію, нетрудно мнѣ меня обвинить; такъ скоры они на то, чтобъ клеветать, пренебрегая Писаніемъ, которое говоритъ: *не люби клеветати, да не вознесешися* (Притч. 20, 13.).

Итакъ, по удаленіи Монтана, чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ прибылъ Діогенъ нотарій. Но и онъ не сообщилъ мнѣ письма, не видались мы другъ съ другомъ, не было отъ него предписаній въ-слѣдствіе бывшаго приказа. Даже, когда вступилъ въ Александрію военачальникъ Сиріанъ, поелику ариане выпускали какіе-то слухи, и объявляли, что будетъ, чего имъ хотѣлось,—спрашивалъ я, имѣетъ ли онъ съ собою письма, о которыхъ разглашаютъ (признаюся, я требовалъ письма съ твоимъ повелѣніемъ). Поелику же онъ сказалъ, что писемъ у него нѣтъ: то просилъ я, чтобы хотя Сиріанъ, или египетскій епархъ Максимъ написалъ мнѣ объ этомъ. Требовалъ же я сего по той причинѣ, что челоуѣколюбіе твое писало ко мнѣ,—ничѣмъ не смущаться, не обращать вниманія на тѣхъ, которые хотятъ меня утратить, но беззаботно пребывать въ церквахъ. Доставили письмо это мнѣ—Палладій, бывшій палатнымъ магистромъ, и Астерій, бывшій дуксомъ Арменіи. Списокъ же съ сего письма (дозволь прочесть мнѣ) есть слѣдующій:

Въ списокъ съ письма заключалось слѣдующее:

Констанцій побѣдитель Августъ—Аванасію.

Всегдашнее мое желаніе всякаго благополучія покойному брату моему Константу не могло не быть извѣстнымъ твоему разумнію. Въ какую погружался

я скорбь, когда слышала, что умерщвленъ онъ по обольщенію людей самыхъ нелѣпыхъ,—легко можетъ разсудить о семъ ваше благоразуміе. Поелику же въ настоящее время есть люди, которые покушаются устрашать тебя столь плачевнымъ происшествіемъ; то призналъ я, посему, нужнымъ къ честности твоей послать сіе препровождаемое теперь писаніе, поставляя тебѣ въ обязанность,—какъ прилично епископу, учить народъ, чтобы собирався для установленнаго богослуженія, и съ нимъ по обычаю проводить время въ молитвахъ. Ибо сіе—пріятно намъ. Желаемъ, по изволенію нашему, во всякое время быть тебѣ епископомъ на мѣстѣ своемъ.

И другою рукою приписано: Божество да сохранитъ тебя на многія лѣта, возлюбленный Отецъ!

О письмѣ семъ говорили они и судіямъ. А я, вмѣя у себя оное, не въ-правѣ ли былъ требовать писемъ и не обращать вниманія на представляемые предлоги? Они же, не показывая приказанія твоего благочестія, дѣйствовали не прямо ли вопреки письму сему? Поелику же не представляли мнѣ писемъ; то не слѣдовало ли мнѣ заключить, что слова ихъ не на письмѣ основывались?—На такія же слова повелѣвало мнѣ не обращать вниманія писаніе твое. Посему, справедливо поступилъ я въ этомъ случаѣ, боголюбивѣйшій Августъ, положивъ,—какъ по твоему предписанію вступилъ я въ отечество,—такъ по твоему-же приказанію и оставить оное, чтобы не подпасть со-временемъ ответственности какъ бѣглецу, оставившему Церковь, но, какъ получившему твое повелѣніе, имѣть предлогъ къ удаленію. Сію мысль выражали, приступивъ

къ Сиріану, весь народъ съ пресвитерами и съ ними (чтобъ не сказать болѣе надлежащаго) бѣльшая часть города; тутъ былъ и египетскій енархъ Максимъ. Мнѣніе же состояло въ томъ, чтобы, или о мнѣ написать и послать, или не тревожить болѣе церквей, пока самъ народъ не отправитъ къ тебѣ пословъ по дѣлу сему. И какъ они усиленно требовали сего; то, сознавая основательность требованія, Сиріанъ, свидѣтельствуясь твоимъ спасеніемъ, при чемъ былъ тогда и Иларій, увѣрялъ, что не будетъ болѣе беспокоить, но перенесетъ дѣло къ твоему богочестію. Сіе извѣстно когортѣ Дукса и когортѣ Епарха египетскаго. А градоначальникъ хранитъ у себя поданные тогда голоса, и можно удостовѣриться, что ни я, ни кто-либо другой не противились твоему приказу, всѣ же требовали, чтобы показано было писаніе твоего благочестія. Правда, что и одно слово царское имѣетъ одинакую силу съ написаннымъ, особенно—когда передающій сіе слово говоритъ смѣло и на письмѣ сообщаетъ повелѣніе. Но поелику не сказали ясно, что есть повелѣніе, и какъ требовали, не сообщили сего письменно, но какъ-будто отъ себя все это дѣлали: то, признаюсь и смѣло говорю это, возымѣлъ я на нихъ подозрѣніе; потому что съ ними много было аріанъ,—съ аріанами они ѣли, съ ними совѣтовались, ничего не дѣлали открыто, старались же строить мнѣ козни и злоухищренія, ничего не дѣлали какбы по царскому приказанію, обличили же сами себя, что дѣйствуютъ по настоянню враговъ. Это и вынудило меня болѣе требовать у нихъ писемъ; потому что, какъ предприемлемое и замышляемое ими было подозрительно, такъ неприлично было и мнѣ, пришедши

съ такимъ яснымъ твоимъ писаніемъ, удалиться изъ Церкви безъ всякаго писанія.

Итакъ, поелику Сиріанъ далъ обѣщаніе, — всѣ собирались въ церквахъ съ радостію, ничѣмъ не тревожась. Но чрезъ двадцать три дня послѣ даннаго обѣщанія, входитъ онъ въ церковь съ воинами; а мы, по обыкновенію, совершали молитву, что видѣли вошедшіе; потому что было всенощное бдѣніе будущаго торжества. И сіе случилось въ ту ночь, въ которую напередъ хотѣли и обѣщались исполнить это аріане; ибо военачальникъ взошелъ, имѣя ихъ съ собою, — они были зачинщиками и совѣтниками такого нашествія. И въ семь нѣтъ ничего невѣроятнаго, боголюбивѣйшій Августъ; потому что это — не тайна, но разглашается повсюду. Итакъ, видя сіе нашествіе, сперва убѣдиль я народъ удалиться, а потомъ уже удалился и самъ, покрываемый и руководимый Богомъ; что видѣли бывшіе тогда со мною. И съ сего времени оставался я у себя въ домъ, имѣя дерзновеніе и оправданіе прежде всего предъ Богомъ, а потомъ и предъ твоимъ благочестіемъ, что, не оставивъ народъ, бѣжалъ, но свидѣтелемъ гоненія имѣю нашествіе военачальника, чему и дивлялся всѣ особенно; ибо надлежало ему — или не обѣщать, или обѣщавъ не солгать.

Для чего же такіе замыслы, или къ чему принимали злоухищренно строить козни, когда можно было велѣть и написать? Царское приказаніе даетъ большую свободу, а желаніе дѣйствовать скрытно дѣлало яснымъ подозрѣніе, что не имѣютъ они царскаго приказанія. Чего же неумѣстнаго я требовалъ, правдолюбивый Царь? Кто не скажетъ, что такое

требованіе Епископа—основательно? Читавъ Писанія, знаешь, какъ предосудительно епископу—оставить Церковь и вознерадеть о паствѣ Божіей. Ибо отсутствіе пастырей даетъ случай нашествію волковъ на стадо. Сего-то и домогались аріане и всѣ прочіе еретики, чтобы, по удаленіи моемъ, найдти возможность обольстить народъ и вовлечь въ нечестіе. Посему, если бы предался я бѣгству, то какое оправданіе имѣлъ бы предъ истинными епископами, а еще болѣе предъ Вѣрившимъ мнѣ стадо сіе? А Вѣрившій мнѣ оное есть Тотъ, Кто судитъ всю землю, истинный Всецарь и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Не всякій ли бы имѣлъ основаніе винить меня въ нерадѣніи о народъ? Не укорило ли бы меня и твое благочестіе справедливо, говоря: «вступивъ по письму, для чего удаляешься безъ письма, и оставилъ народъ»? Самъ народъ не по всей ли справедливости въ день суда на меня возвергъ бы нерадѣніе о немъ, говоря: «епископствовавшій у насъ бѣжалъ, и мы оставлены были безъ попеченія; некому было напомнать намъ»? Если бы это сказали они,—что сталъ бы я отвѣчать? Ибо такую укоризну заслужилъ отъ Іезекіиля ветхозавѣтные пастыри. Сіе вѣдая, и блаженный Апостоль Павелъ каждому изъ насъ повелѣлъ чрезъ ученика своего, сказавъ: *не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть съ возложеніемъ рукъ священничества* (1 Тим. 4, 14.). Сего страшась, и я не хотѣлъ бѣжать, но ждалъ повелѣнія, есть ли на то воля твоего благочестія. Но не получилъ я, чего основательно требовалъ, да и теперь обвиненъ предъ тобою напрасно; потому что не противился я повелѣнію твое-

11

го благочестія, и теперь не покушаюсь идти въ Александрію, пока не угодно то будетъ твоему чело-вѣколюбію; и о семъ довошу предварительно, чтобы клеветники и въ этомъ не нашли опять предлога оговорить меня.

Взирая на сіе, и не признавалъ себя виновнымъ, но имѣя у себя оправданіе, поспѣшилъ я къ твоему благочестію, зная твое чело-вѣколюбіе и содержа въ памяти нелживыя твои обѣщанія, и твердо надѣясь, что, по написанному въ Божественныхъ Притчахъ, *пріятны царю помыслы праведны* (Притч. 16, 13.). Когда уже отправился я въ путь, и оставилъ пустыню, — разнесся какой-то ввезапный слухъ, который сначала казался мнѣ невѣроятнымъ, но въ-послѣдствіи оказался вѣрнымъ. Вездѣ говорили, что Ливерій, Епископъ Римскій, великій Осія Испанскій, Павліянь Гальскій, Діонисій и Евсевій Италійскіе, Луккверъ Сардійскій и другіе нѣкоторые епископы и пресвитеры и діаконы осуждены на изгнаніе за то, что не согласились подписаться противъ меня. И сіи осуждены на изгнаніе; а Викентій Капуанскій, Фортунатіанъ Аквилейскій, Іеремія Фессалоникійскій и всѣ западные епископы будутъ терпѣть не малое какое-либо принужденіе, но весьма великую нужду и страшныя оскорбленія, пока не дадутъ обѣщанія не имѣть со мною общенія. Потомъ, когда дивился я сему и недоумѣвалъ, — вотъ достигъ до меня другой еще слухъ объ епископахъ египетскихъ и ливійскихъ, а именно, что около девятиста епископовъ изгнаны, церкви же переданы исповѣдующимъ Аріево ученіе, и что шестнадцать епископовъ посланы въ заточеніе, а прочіе частію обратились въ бѣгство, а частію при-

нуждены лицезрять. Ибо, какъ разсказывали, такое произошло тамъ гоненіе, что, — когда въ Александріи въ Пасху и въ воскресные дни братія молились въ пустомъ мѣстѣ, близъ кладбища, — военачальникъ со множествомъ болѣе нежели трехъ тысячъ вооруженныхъ воиновъ, съ обнаженными мечами и стрѣлами, напалъ на христіанъ, и съ женщинами и дѣтьми, ничего болѣе не дѣлавшими, какъ только молившимися Богу, было уже поступлено, какъ можно только поступить при такомъ нападеніи. Но, можетъ быть, теперь и неприлично — описывать это, чтобы и одно воспоминаніе о семъ не пзвлекло слезъ у всякаго. Ибо такова была жестокость, что дѣвицъ обнажали, а тѣла умершихъ отъ ранъ не предавали тотчасъ погребенію, но повергали всамъ непогребенными, пока родственники тайно, съ великою для себя опасностію, не похищали тѣла ихъ близкихъ; и большаго стоило труда, чтобы никто не узналъ о семъ.

А что еще было, то, можетъ быть, почтено будетъ невѣроятнымъ, и всѣхъ изумить необычайною своею гнусностію. Впрочемъ, необходимо — сказать о семъ, чтобы христіолюбивая твоя рачительность и богочестіе твое знали, что доносы и клеветы на меня не для чего янаго дѣлались, а единственно для того, чтобы можно пмъ было изгнать меня изъ церкви и ввести свое нечестіе. Когда истинные и преклонные лѣтами епископы, одни посланы были въ заточеніе, другіе обратились въ бѣгство, тогда уже язычники, оглашенные и занимающіе первыя мѣста въ городскомъ совѣтѣ, и именитые по богатству, по приказанію аріанъ, вмѣсто христіанскихъ учителей, стали преподавать ученіе православной вѣры. Не было уже

вопроса о томъ, непороченъ ли человекъ, какъ заповѣдалъ Апостоль (1 Тим. 3, 2.); но какъ дѣлалъ злочестивѣйшій Иероваамъ (3 Царст. 12, 31.), кто больше давалъ золота, того и нарекали епископомъ. И не было у нихъ различія, если кто и язычникъ, только бы представилъ золото. Епископы, поставленные Александромъ, монашествующіе и подвижники, посылаемы были въ заточеніе; а мудрые на клеветы, сколько имѣли силъ, растлѣвали Апостольское постановленіе, и оскверняли церквп. И великія выгоды доставили имъ клеветы ихъ; въ твои времена стало для нихъ возможно беззаконствовать и совершать подобныя дѣла; посему, къ нимъ только относится написанное: *горе, ихже ради имя Мое хулится во языцехъ* (Иса. 52, 5.).

Когда носились такіе слухи, и все до основанія приведено было въ колебаніе,—не оставилъ я, однакоже, своей ревности, но снова продолжалъ путь къ твоему благочестію, и еще съ бѣльшимъ прежняго тщаніемъ, въ твердой надеждѣ, что дѣлалось все безъ соизволенія твоего благочестія; и если бы человекѣлюбіе твое узнало, что происходитъ, то воспретило бы уже такія дѣла; потому что несвойственно благочестивому царю—пожелать, чтобы заточаемы были епископы, обнажаемы дѣвы, или вообще, приводились въ смятеніе Церкви. Но когда разсуждалъ я такимъ образомъ и ускорялъ свой путь,—вотъ достигъ до меня третій еще слухъ, что будто бы властвующимъ въ Авксумъ предписано: Авксумійскаго Епископа Фрументія удалить отсюда, а меня отыскать хотя бы у варваровъ, и переслать къ епархамъ для составленія такъ называемыхъ судебныхъ записей, народъ же и

всѣхъ клириковъ принудить къ вступленію въ общеніе съ аріанскою ересью, и если кто не послушаетъ, такихъ предавать смерти; и что сіе не на словахъ только разглашаемо было, но доказывалось самыми дѣлами, — въ подтвержденіе сего, съ дозволенія твоего челоуѣколюбія, представляю и посланіе; они очень часто читали оное, угрожая смертію всякому.

Списокъ съ посланія.

Констанцій побѣдитель, великій Августъ — александрійцамъ.

Городъ вашъ, сохраняя въ себѣ отечественныя черты, и помня доблесть основателя, и нынѣ оказалъ обычное свое послушаніе. Да и мы, если бы благоволеніемъ своимъ къ вашему городу не затмили самого Александра, сознали бы себя не мало погрѣшившими. Какъ цѣломудрію свойственно — вести себя во всемъ благоприлично: такъ царскому сану свойственно — преимущественно предъ всѣмъ привѣтствовать вашу (позвольте сказать сіе) доблесть. Вы первые учредили у себя истолкователей мудрости, первые познали истиннаго Бога, и изъ истолкователей избрали лучшихъ, и охотно, съ любовію приняли наше опредѣленіе, справедливо возгнушавшись льстецемъ и обманщикомъ, и присоединившись, какъ и слѣдовало, къ людямъ досточестнымъ, которые — выше всякаго удивленія. Но кому изъ обитающихъ на краяхъ даже вселенной неизвѣстно любочестіе, выказанное въ послѣднихъ происшествіяхъ, которыя, не знаю, чему должно и приравнять изъ случившагося когда либо. Большая часть жителей города слѣпотствовала;

овладѣлъ имъ человекъ, исшедшій изъ самой крайней низости, который жаждущихъ истины обольщаетъ какъ во тмѣ, увлекая ко лжи, никогда не предлагаетъ плодотворнаго слова, совращаетъ же какимъ-то обаяніемъ и пустыми вещами. Лстецы вопіяли, рукоплескали, пзумлились, когда имъ слѣдовало бы и сквозь зубы не пропускать слова. Весьма многіе изъ людей простыхъ жили по ихъ указанію. Дѣла текли сами собою, какъ во время потопа, когда всѣ совершенно пришли въ нерадѣніе. Управлялъ же всѣмъ человекъ изъ народной толпы, какъ вѣрнѣе сказать это, ничѣмъ не отличающійся отъ чернорабочихъ, оказавшій тѣмъ только услугу городу, что обитателей его не ввергъ въ преисподнюю. Но сей доблестный и знаменитый мужъ не сталъ дожидаться суда надъ нимъ, самъ себя наказавъ бѣгствомъ; почену, должно истребить его, для пользы самыхъ варваровъ, чтобы и изъ нихъ не убѣдилъ кого нечестивать, принося жалобы, какъ лицедѣй, первому встрѣтившемуся. Но ему издали будетъ сказано свой привѣтъ. А васъ надлежитъ мнѣ поставить на ряду съ немногими, лучше же сказать, однихъ почтить преимущественно предъ прочими за ту высокую степень въ васъ доблести и ума, о какой проповѣдуютъ дѣла, прославляемая едва не цѣлою вселенною. Честь вашему цѣломудрію! Желалъ бы и не разъ слышать многихъ вѣстниковъ, описывающихъ и прославляющихъ дѣла, вами совершенныя, о затмившіе любочестіемъ предковъ, и представившіе въ себѣ образецъ современникамъ и потомкамъ! Вы одинъ вождемъ въ словъ и дѣлъ избрали человека всѣхъ совершеннѣйшаго по нравамъ; и нимало не поколебались, но

мужественно перемѣнили образъ мыслей своихъ и
 присоединились къ прочимъ, отъ этого дольнаго и
 земнаго поспѣшили къ небесному, подъ руководствомъ
 достопочтеннѣйшаго Георгія — чловѣка, который бо-
 лѣ всякаго другаго углубился въ подобныя пред-
 меты. При его содѣйствіи и послѣдующее время жизни
 проведете съ прекрасною надеждою, и въ настоя-
 щемъ будете жить спокойно. О, если бы всѣ вообще
 жители города, какъ священнаго якоря, держались
 его слова, чтобы не имѣть намъ нужды ни въ свѣ-
 ченіяхъ, ни въ прижиганіяхъ для уврачеванія людей
 испорченныхъ сердцемъ! И симъ послѣднимъ наипаче
 советуемъ отступиться отъ приверженности къ Ава-
 насію, и не вспоминать болѣе объ этомъ излишнемъ
 пустословіи; или, сверхъ своего чаянія, подвергнуть
 они себя крайнимъ опасностямъ, изъ которыхъ, не
 знаемъ, изхититъ ли кто мятежниковъ при всемъ сво-
 емъ могуществѣ. Ибо ни съ чѣмъ не сообразно — изго-
 вить изъ одной страны въ другую пагубнаго Ава-
 насія, уличеннаго въ такихъ гнусныхъ дѣяніяхъ, что
 никогда не понесетъ достойной казни, хотя бы де-
 сять разъ отнята была у него жизнь, оставить же
 безъ вниманія безчинствующихъ его льстецовъ и при-
 служниковъ — людей способныхъ къ обаянію и достой-
 ныхъ такого наименованія, которое стыдно и выго-
 ворить, — людей, каковыхъ издавна уже повелѣно су-
 дить предавать смерти. А можетъ быть они и не
 подвергнутся смерти, если только, отставъ отъ преж-
 нихъ заблужденій, перемѣнятся со-временемъ въ мы-
 сляхъ и тѣ самые, которыми управлялъ этотъ не-
 сноснѣйшій Аванасій, нарушитель общественнаго спо-
 койствія, простирающій злочестивыя и нечистыя руки
 къ тому, что всего святѣе.

А что объ Епископъ Авксумейскомъ Фрументіѣ написано было къ тамошнимъ властелинамъ, — состоитъ въ слѣдующемъ:

Побѣдитель Констанцій, великій Августъ — Эзанъ и Сазанъ.

Предметъ великой заботливости и наибольшаго раченія составляетъ для насъ вѣдѣніе Всесовершеннаго. Думаю же, что въ подобныхъ дѣлахъ и весь человѣческій родъ требуетъ равной попечительности, чтобы всѣ могли проводить жизнь съ упованіемъ, имѣя такое познаніе о Богѣ, и ни-мало не разнотлася въ исповѣданіи о томъ, что — справедливо и истинно. Посему и васъ удостоивая сего промышленія, и равняя васъ въ этомъ съ римлянами, повѣщаемъ, чтобы у васъ въ церквахъ имѣло силу одно и тоже съ нами ученіе. По этому же Епископа Фрументія, какъ можно скорѣе, пошлите въ Египетъ къ достопочтеннѣйшему Епископу Георгію и другимъ египетскимъ епископамъ, которые всего болѣе имѣютъ право рукополагать и судить о подобныхъ дѣлахъ. Ибо, конечно, знаете и помните (если только не притворитесь, будто бы однимъ вамъ совершенно неизвѣстно признаваемое всѣми), что сего Фрументія въ этотъ санъ поставилъ Аѳанасій, обвиненный въ тысячахъ худыхъ дѣлъ, почему не могъ и дать никакого справедливаго оправданія въ принесенныхъ на него жалобахъ, немедленно низпалъ съ своей кеедры, блуждаетъ въ мірѣ и не находитъ нигдѣ мѣста, переселяясь изъ одной стороны въ другую, какъ будто бы чрезъ сіе избѣгнетъ того, что онъ — худъ.

Итакъ, если Фрументій съ готовностію послушается, согласившись дать отчетъ во всемъ ходѣ дѣлъ: то для всѣхъ будетъ явно, что не разногласитъ онъ ни въ чемъ ни съ церковнымъ закономъ, ни съ господствующею вѣрою; и по окончаніи надъ нимъ суда, показавъ опытъ всей своей жизни и отчетъ въ этомъ представивъ тѣмъ, которые судятъ подобныя дѣла, будетъ ими поставленъ, если захочетъ, чтобы почитали его дѣйствительнымъ и всѣ права имѣющимъ епископомъ. Если же будетъ медлить и избѣгать суда; то изъ сего сдѣлается явнымъ, что, обольщенный словами лукавѣйшаго Аѳанасія, нечестуется онъ предъ Богомъ; а такимъ образомъ, окажется, что онъ такъ-же—лукавъ, какъ—и упомянутый предъ симъ Аѳанасій. И, въ такомъ случаѣ, опасно, чтобы пришедши въ Авксумъ, не развратилъ онъ вашихъ, разсѣвая беззаконное и злочестивое ученіе, и не только Церкви приводя въ замѣшательство и смятеніе, произнося хулы на Всесовершеннаго, но и язычникамъ уготовляя симъ совершенное разстройство и разореніе. Но знаемъ, что нѣкому научившись предварительно, и многимъ общепользнымъ воспользовавшись отъ обращенія съ досточестивѣйшимъ Георгіемъ и съ прочими, вполне умѣющими наставить въ подобномъ, возвратится онъ на мѣсто свое до основанія изучившимъ, что касается до дѣлъ церковныхъ. Богъ да сохранитъ васъ, почитеннѣйшіе братія!

Слыша это и ближе вникнувъ въ то, о чемъ сѣтовали пересказывавшіе мнѣ сіе, признаюсь, опять возвратился я въ пустыню, разсуждая (какъ усмотритъ

это и твое богочестіе), что, если меня ищутъ съ намѣреніемъ, какъ-скоро найдутъ, переслать къ енархамъ, то есть препятствіе дойти мнѣ до твоего человѣколюбія. И если не захотѣвшіе подписаться противъ меня потерпѣли столько тяжелыхъ бѣдъ, если и миряны, которые не хотятъ вступить въ общеніе съ аріанами, приказано умерщвлять: то нѣтъ сомнѣнія, что для меня клеветниками будутъ выдуманы тысячи новыхъ смертей; да и по смерти моей, враги поведутъ дѣла, противъ кого хотятъ, и какъ хотятъ, и еще больше выдумывая противъ меня лжи, потому что некому будетъ обличить ихъ. Не твоего благочестія убоившись, предался я бѣгству; потому что зналъ твою справедливость и твое человѣколюбіе. Но изъ того, что было сдѣлано, усматривалъ я, каково—раздраженіе враговъ, и разсудилъ, что, изъ опасенія—быть обличенными въ сдѣланномъ ими противъ воли твоей правоты, употребить всѣ мѣры, чтобы умертвить меня. Ибо вотъ человѣколюбіе твое приказало удалить только епископовъ изъ городовъ и енархій; сіи же чудные люди, осмѣлившись на нѣчто большее твоего приказанія, за три енархіи въ мѣста пустынные, необитаемые и страшныя послали на заточеніе старцевъ и преклонныхъ лѣтами епископовъ. Ибо изъ Ливіи посланы въ великій Оазисъ, а изъ Фиваиды—въ Ливійскую Аммоніаку. И не смерти убоясь опять, обратился я въ бѣгство (никто изъ нихъ да не урекаетъ меня въ боязни!), но сдѣлалъ это потому, что есть Спасителява заповѣдь: когда гонять насъ, бѣгать; когда ищутъ, скрываться; и не вдаваться въ очевидную опасность, чтобы появленіемъ своимъ не возжечь еще болѣе ярость гонящихъ. Ибо

все равно—самому себя умертвить, и также отдать себя врагамъ на убіеніе. А бѣгать, какъ заповѣдалъ Спаситель, значить знать время, и имѣть истинное попеченіе о гонителяхъ, чтобы они, простерши злобу свою до крови, не сдѣлались преступниками заповѣди: *не убій* (Исх. 20, 13.); хотя клевета на меня, то особенно и имѣютъ они въ-виду, чтобы я пострадалъ. Ибо то, что и теперь опять сдѣлали они, показываетъ, что о семъ стараются, и таково—кровожадное ихъ намѣреніе. Очень знаю, что ты удивишься, боголюбивѣйшій Августъ, выслушавъ сіе: ихъ дерзость, подлинно, должна привести въ изумленіе. Какова же она на самомъ дѣлѣ,—выслушай это въ невмогихъ словахъ.

Сынъ Божій, Господь и Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, сдѣлавшійся для насъ человекомъ, упразднившій смерть и освободившій родъ человеческій отъ рабства тлѣнию, сверхъ всего прочаго, даровалъ намъ и то, что имѣемъ дѣвство — образъ ангельской на землѣ святости. И тѣхъ, которые имѣютъ сію добродѣтель, вселенская Церковь обыкла именовать не вѣстами Христовыми, язычники же, видя ихъ, дивятся, какъ содѣлавшимся храмомъ Слова. Ибо, дѣйствительно, никѣмъ не исполняется сей высокій и небесный обѣтъ, какъ только нами одними христианами; потому что всего болѣе служить это важнымъ признакомъ, что у насъ подлинное и истинное богочестіе. Сихъ дѣвственницъ преимущественно предъ прочими чтить и, блаженной памяти, благочестивѣйшій родитель твой, Константинъ Августъ, и твое богочестіе, въ писемахъ своихъ, неоднократно именовало ихъ досточтвыми и святыми. А нынѣ чудные сіи аріане, клеветующіе на меня, строившіе столько коз-

ней весьма многимъ епископамъ, пользуясь содѣйствіемъ и покорностію имъ судей, заставляли обнаженныхъ дѣвъ вѣшать на такъ называемыхъ ермитаріяхъ (в), и троекратно строгами имъ ребра, чего никогда не терпѣли и самые злодѣи. Пилать, угождая тогдашнимъ іудеямъ, пронзилъ копіемъ одинъ бокъ Спасителю; они же превзошли неистовствомъ и Пилата, — потому что строгами Ему не одинъ бокъ, но оба, такъ какъ члены дѣвственницъ, по преимуществу, суть собственные члены Спасителевы. Всякій, если только кто скажетъ о семъ, отъ одного слуха приходитъ въ трепеть. Они одни не только не убоялись обнажать и строгать чистые члены, посвященные дѣвами одному Спасителю нашему Христу; но, что еще хуже, укоряемые всѣми за такую жестокость, нимало не краснѣютъ, а еще оправдываются тѣмъ, что на это есть повелѣніе твоего благочестія. Такъ они смѣлы на все и намѣренно лукавы! Ничего, ничего подобнаго не слыхано было во времена бывшихъ гоненій. А если и совершались когда такія дѣла: то при тебѣ христіанинъ неприлично, чтобы и дѣвство терпѣло такое оскорбленіе и безчестіе, и чтобы они жестокость свою слагали на твое благочестіе; потому что однимъ еретикамъ свойственна такая злоба — нечестивать предъ Сыномъ Божиимъ и погрѣшать противъ святыхъ дѣвъ Его.

Поелику же столько и такихъ злодѣяній совершили аріане; то не погрѣшилъ я, послушавшись Божественнаго Писанія, которое говорить: *укройся мало*

(в) Такъ назывались, вѣроятно, столбы съ головою на нихъ Гермеса или Меркурія, какіе ставились на перекресткахъ для указанія дорогъ.

елико, елико, дондеже мимоидеть гнѣвъ Господень (Иса. 26, 20.). И сіе также послужило предлогомъ къ моему удаленію, боголюбивѣйшій Августъ, и я не отказался бы—какъ идти въ пустыню, такъ, если бы настояла нужда, въ кошницѣ священнымъ быть со стѣны (2 Кор. 11, 32.). Ибо все перенесъ я, и жилъ со звѣрями и ожидалъ удобнаго времени для сего слова, когда вы будете проходить мимо, и твердо надѣясь, что осуждены будутъ клеветники и обнаружится твое человеколюбіе. Чтѣ было бы угодное тебѣ, блаженный и боголюбивѣйшій Августъ?—То ли, чтобы пришелъ я, когда клеветники мои воспламенены были яростію и искали убить меня, или, чтобы, по написанному, скрылся я мало, пока между-тѣмъ клеветники будутъ признаны еретиками, твое же человеколюбіе сдѣлается явнымъ? Уже ли угодно было бы тебѣ, Царь, чтобы предсталъ я судіямъ твоимъ, и чтобы они,—хотя писалъ ты для одной угрозы,—не выразишь мысли твоей и будучи подстрекаемы арианами, въ-слѣдствіе писанія твоего, предали меня смерти, и по тому-же письму, сложили на тебя убійство сіе? Неприлично было, чтобы и я самъ бросилъ и предалъ себя на кровопролитіе, и чтобы тебя, Царя христіюлюбиваго, винили въ убіеніи христіанъ, и притомъ, епископовъ.

Поэтому, лучше было скрываться и выжидать сего времени. Такъ, знаю, что и ты, свѣдущій въ Божественныхъ Писаніяхъ, соглашаешься со мною, и одобряешь меня за этотъ поступокъ. По крайней мѣрѣ, какъ-скоро перестали раздражать тебя,— снова видимъ мы твою благочестивую терпѣливость; и всѣмъ стало явно, что и вначалѣ не ты гналъ христіанъ, но

они приводили въ запусьтніе церкви, чтобы повсюду разсѣвать мнѣ собственное свое злочестіе, по причинѣ котораго и я, если бы не предался бѣгству, давно бы уже былъ жертвою ихъ козней. Ибо тѣ, которые не усумнились дѣлать такому Государю на меня такіе доносы, и рѣшились на такіе поступки съ епископами и дѣвами, само собою явно, не опустили бы случая предать меня смерти. Но благодареніе Господу, даровавшему тебѣ царство! Всѣмъ стали извѣстны и твое челоуѣколюбіе и ихъ лукавство, отъ котораго и вначалѣ спасался я бѣгствомъ, чтобы и мнѣ можно было обратиться къ тебѣ слово, и тебѣ открылся случай оказать кому-либо свое челоуѣколюбіе. Посему,—такъ какъ, по написанному, *отвѣтъ смиренъ отвращаетъ гнѣвъ* (Притч. 15, 1.) и *пріятны царю помыслы праведны* (16, 13.), — умоляю тебя, прими сіе оправданіе, и возврати отечеству и церквамъ всѣхъ епископовъ и прочихъ клириковъ, чтобы обнаружилось лукавство клеветниковъ, а ты и нынѣ, и въ день судный, съ дерзновеніемъ могъ сказать Господу и Спасителю нашему, Всецарю Иисусу Христу: *«не погубишь отъ нихъ никогоже* (Іоан. 18, 9.): но вотъ тѣ, которые злоумышляли противъ всѣхъ; а я скорбѣлъ о скончавшихся, о подвергшихся терзаніямъ дѣвахъ и о всѣхъ, что худаго дѣлаю христіанамъ, сосланныхъ же въ заточеніе возвратилъ, и снова отдалъ собственнымъ ихъ церквамъ.»

12.

**ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ СЛОВО, ВЪ КОТОРОМЪ
СВЯТЫЙ АѦНАСІЙ ОПРАВДЫВАЕТЪ БЪГСТВО
СВОЕ ВО ВРЕМЯ ГОНЕНІЯ, ПРОИЗВЕДЕННАГО
ДУКОМЪ СИРІАНОМЪ.**

Слышу, что Леонтій, который—нынѣ въ Антиохіи, Наркиссъ изъ города Перонова, Георгій, который—нынѣ въ Лаодиѣи, и прочіе съ ними ариане много разглашаютъ о мнѣ и порицаютъ меня, называя боязвѣио, что не пришелъ и не выдалъ себя имъ, когда искали меня убить. На ихъ злословія и клеветы могу написать многое, чего и они отрицать не могутъ, въ чемъ сознаются и всѣ, слышавшіе объ этомъ: впрочемъ, намъ ренъ сказать не болѣе, какъ только Господне слово и Апостольское изреченіе, а именно, что ложь отъ діавола (Іоан. 8, 44.) и *досадители царствія Божія не насльдятъ* (1 Кор. 6, 10.). И смѣлъ достаточно доказывается, что они и думаютъ и поступаютъ не по Евангелію, но по своимъ прихотямъ и, что мнѣ угодно, то почитають хорошимъ.

Но поелику присвояють себѣ право обвинять въ боязни; то необходимо—написать о семъ нѣсколько; ибо и изъ немногаго будетъ видно, что лукавы они нравомъ и не читали Божественныхъ Писаній, а если и читають, то не вѣрують, что заключающіяся въ нихъ словеса Богодухновенны,—еслибы вѣровали, то не осмѣлились бы поступать вопреки Писаніямъ, и не поревновали бы злонравію убившихъ Господа іудеевъ.

И іудей, — когда Богъ далъ заповѣдь: *чти отца твоего и мать твою: и, иже злословитъ отца, или мать, смертію да умретъ* (Матѳ. 15, 14.), — установили новый законъ, превративъ честь въ безчестіе, и уваженіе, какимъ дѣти обязаны родителямъ, замѣнивъ серебромъ; а также, читая Давидовы дѣянія, научились изъ нихъ противоположному, и невиновныхъ, которые въ субботній день выдерживали и стирали въ рукахъ колосья, обвиняли не потому, что заботились о законахъ и о субботахъ (въ чемъ всего болѣе и нарушали законъ), но потому, что, будучи лукавы нравомъ, завидовали спасаемымъ ученикамъ, и того только хотѣли, чтобы имѣло силу ихъ мнѣніе. И они за беззаконіе свое получили возмездіе, содѣлались богопротивными, и наименованы уже князьями sodomскими и людьми гоморскими (Иса. 1, 10.).

Но и сіи, по моему мнѣнію, не меньше, чѣмъ іудеи, несутъ уже на себя наказаніе, а именно — невѣдѣніе своего неразумія. Они не понимаютъ, чтѣ говорятъ, и еще почитаютъ себя знающими то, чего не знаютъ. Одно у нихъ знаніе — дѣлать зло и ежедневно сверхъ прежняго худаго изобрѣтать еще худшее. И если винять меня за теперешнее бѣгство; то не изъ желанія — видѣть меня доблестнымъ въ добродѣтели. Ибо враги станутъ ли желать сего тѣмъ, которые не за-одно съ ними зломудрствуютъ? Но по злонравію своему притворно разглашаютъ сіе, думая (такъ они въ дѣйствительности просты), что, утраченный ихъ злословіемъ, и я присоединюсь къ нимъ со-временемъ. Имъ желательно (для того и ходятъ всюду, то притворяются друзьями, то обо всемъ развѣдываютъ, какъ враги), — имъ желательно, пресы-

тившись уже кровью, искоренить и меня; потому что всегда я держался и держусь образа мыслей противнаго ихъ нечестію, и ересь ихъ, обличая, предаю позору.

Кого, начавъ когда-либо преслѣдовать и уловивъ, не оскорбляли они, сколько хотѣли? Кого, начавъ искать и нашедши, не доводили до того, что или злой постигалъ ихъ конецъ, или отсюда терпѣли они вредъ? Чтò, повидимому, дѣлаютъ судьи, тò ихъ есть произведеніе, и лучше сказать, судьи бываютъ служителями ихъ пзволенія и лукавства. Посему, въ какомъ мѣстѣ нѣтъ памятника ихъ злобы? Противъ кого, неединомысленнаго съ ними, не дѣлали они заговоръ, подобно Іезавели выдумывая предлоги къ обвиненію? Какая Церковь не проливаетъ нынѣ слезъ отъ ихъ злоумышленій на епископовъ? Антиохія оплакиваетъ исповѣдника и твердаго въ православіи Евстазія, Балавен—досточуднаго Евфрасіана, Палтось и Автарадъ—Киматія и Картерія, Адріанополь—христіюлюбиваго Евтропія, а послѣ него многократно носившаго отъ нихъ узы и умершаго въ узахъ Лукія, Авкира—Маркелла, Беррія—Кира и Газа—Асклипу. Ибо, подвергнувъ ихъ напередъ многимъ оскорбленіямъ, до заточенія довели сіи коварные люди. А Феодула и Олимпія, Епископовъ Фракійскихъ, и меня, и моихъ пресвитеровъ такъ усердно заставляли искать, что, если бы мы были найдены, то подпали бы смертной казни, и вѣроятно, не были бы уже въ живыхъ, если бы, сверхъ ихъ чаянія, не спаслись тогда бѣгствомъ. Ибо такія предписанія даны были объ Олимпіѣ Анонпату Донату, а о мнѣ—Филагрію. Преслѣдовавъ же и отыскавъ Константинопольскаго

Епископа Павла, приказали явно задушить въ такъ называемой Каппадокійской Кукузъ, употребивъ на дѣло сіе Филиппа, бывшаго епархомъ; потому что былъ онъ покровителемъ ихъ ереси и служителемъ лукавыхъ совѣщаній.

Но насытились ли они столькими злодѣяніями, и успокоились ли, наконецъ? Нимало. Не только не прекратили гоненій, но подобно упоминаемой въ Притчахъ піваницъ (Притч. 30, 15), тѣмъ паче мужаются на змыя дѣла, нападая на большія епархіи. Ибо кто достойнымъ образомъ опишетъ, что сдѣлано ими нынѣ? Кто въ-состояніи удержать въ памяти все то, что привели они въ дѣйствіе? Когда церкви пребывали въ мирѣ, и народъ молился во время богослуженія; Либерій, Епископъ Римскій, Павлинъ, Епископъ митрополіи Гальской, Діонисій, Епископъ митрополіи Италійской, Лукиферъ, Епископъ митрополіи Сардинской, и Евсевій, Епископъ Италійской, всѣ епископы благочестивые и проповѣдники истины, вдругъ похищены и заточены безъ всякаго на то предлога, кромѣ того, что не присоединились къ аріанской ереси, и не подписали съ аріанами выдуманныхъ на меня ложныхъ обвиненій и клеветъ.

А о великомъ маститомъ старцѣ и истинномъ исповѣдникѣ Осіи излишнимъ для меня будетъ и говорить. Ибо всякому, можетъ быть, извѣстно, что и его довели до изгнанія; потому что онъ былъ старецъ не безъизвѣстный, но особенно изъ всѣхъ и паче всѣхъ знаменитый. На какомъ соборѣ не былъ онъ руководителемъ? Не убѣждалъ ли всякаго правыми вѣщаніями? Какая Церковь не имѣетъ прекраснѣйшихъ памятниковъ его предстательства? Кто ко-

гда приходя съ печалію къ нему, отходилъ отъ него не съ радостію? Кто просилъ его въ нуждѣ, и удаллся, не получивъ желаемого? Однакоже, отважились возстать и на него; потому что и онъ, зная, какія слагають клеветы по своему вечестію, не подписался къ вымышленнымъ на меня навѣтамъ. А если въ-послѣдствіи, по причинѣ нанесенныхъ ему чрезъ мѣру многихъ ударовъ и заговоровъ на его родныхъ, уступилъ имъ на минуту, какъ старецъ и изнемогшій тѣломъ; то и въ этомъ видно лукавство сихъ людей, при всякомъ случаѣ старавшихся показать, что они дѣйствительно не христіане.

Послѣ сего, снова напали они на Александрію, опять ища моей смерти; и настоящія событія были хуже прежнихъ. Вонны внезапно окружили церковь, и мѣсто молитвъ заступило то, что дѣлается только на войнѣ. Потомъ, въ Четыредесятницу прибылъ посланный ими изъ Каппадокіи Георгій и увеличилъ злодѣянія, какъкъ научился у нихъ. Послѣ недѣли Пасхи дѣвъ ввергали въ темницы, епископовъ связанныхъ уводили вонны, расхищали жилища и хлѣбы сиротъ и вдовпцъ, врывались въ дома, ночью выгоняли изъ нихъ христіанъ, дома опечатывались, и братья клириковъ бѣдствовали за братьевъ своихъ. Ужасно—все сіе; но еще ужаснѣе, на что отважился послѣ этого. Въ недѣлю по святой Пятидесятницѣ постившійся народъ вышелъ молиться на кладбище: потому что все отвращались отъ общенія съ Георгіемъ. Но узнавъ о томъ этотъ вселукавый, возбуждаетъ военачальника Севастіана, манихей, и самъ уже, ведя множество воиновъ съ оружіемъ и съ обнаженными мечами, луками и стрѣлами, устремляется на народъ въ самый храмъ Господнемъ. И, нашедши немно-

гихъ молящихся, — потому что бóльшая часть удалась уже по причинѣ поздняго времени, — произвелъ такія дѣла, какія только приличны ученику арианъ: зажегъ костеръ и, поставивъ дѣвъ къ огню, принуждалъ ихъ говорить, что Аріевой онѣ вѣры. Когда же увидѣлъ, что дѣвы непобѣдимы и не заботятся объ огнѣ, — обнаживъ, до того билъ по лицу, что въ-скольکو времени едва узнавали ихъ.

Захвативъ сорокъ человекъ мужчинъ, мучилъ ихъ новымъ способомъ: только-что срѣзавъ вѣтви съ финиковыхъ деревьевъ, пока онѣ были еще съ иглами, ими до того изсѣкъ хребты, что у пныхъ нужно было не разъ вырѣзывать вонзившіяся иглы, а иные не перенесли этого и умерли. Всѣхъ же, внезапно захваченныхъ, даже и дѣвъ, заточили въ великій оазисъ; а тѣла скончавшихся не позволяли вначалѣ отдавать своимъ, но скрывали, гдѣ хотѣли, бросая непогрѣбанными; потому что думали утаить такую жестокость. Но и въ этомъ поступаютъ сіи безразсудные, водясь заблуждающимъ разумѣніемъ. Поелику домашніе скончавшихся и радовались ихъ исповѣдничеству, и плакали о тѣлахъ ихъ; то тѣмъ громогласнѣе разносилось обличеніе нечестію и жестокости еретиковъ. Они вскорѣ заточили изъ Египта и Ливіи епископовъ: Аммонія, Муія, Гаія, Филона, Ерму, Плинія, Псеносириса, Ниламмона, Агаеона, Анагамеа, Марка, Аммонія, другаго Марка, Драконтія, Адельфія, Аѳинодора, и пресвитеровъ: Іеракса и Діоскора, и съ такою жестокостію понуждали ихъ идти, что нѣкоторые умерли еще въ дорогѣ, а другіе на мѣстѣ уже заточенія. Болѣе же тридцати епископовъ принудили спастись бѣгствомъ. Ибо, подобно Аха-

аву, старались, сколько было можно, истреблять истину. На такія дерзости отважились нечестивые.

Такъ поступая и не стыдясь, что столько золь умыслили противъ меня прежде, теперь еще и винить, что могъ избѣжать убійственныхъ ихъ рукъ, лучше же сказать, горько жалуется, что не истребили меня вконецъ, и выставляютъ уже въ предлогъ, что порицають мою бѣззаконность, не зная того, что и снѣгъ ропотомъ обращаютъ укоризну больше на себя самихъ. Ибо если худое дѣло—бѣгать; то гораздо хуже—гнать. Одинъ укрывается, чтобы не умереть; а другой гонитъ, стараясь убить. И бѣгать дозволяетъ Писаніе; а кто домогается смерти другого, тотъ преступаетъ законъ, и скорѣе самъ подаетъ поводъ къ бѣгству. Посему, если порицають за бѣгство; то пусть устыдятся болѣе сами себя, какъ гонители. Если перестанутъ злоумышлять; то не будетъ вскорѣ и спасающихся бѣгствомъ. Но они не прекращаютъ собственнаго своего лукавства, и для того все и дѣлають, чтобы уловить насъ, не зная того, что бѣгство служитъ великимъ обличеніемъ не гонимымъ, но гонителямъ. Вслкій бѣгаетъ не отъ кроткаго и челоуѣколюбиваго, а скорѣе, отъ свирѣпаго и лукаваго нравомъ. Потому, *всякъ печальный и всякъ должникъ* убѣгалъ отъ Саула, и прибѣгалъ къ Давиду (1 Цар. 22, 2.). Поэтому и они стараются убивать укрывающихся, чтобы не имѣть, повидимому, обличенія своему лукавству. Но, кажется, и въ этомъ слѣпотствуютъ сіи, всегда заблуждающіеся, люди. Ибо, чѣмъ извѣстнѣе—бѣгство, тѣмъ еще болѣе лживыми дѣлаются, по ихъ злоумышленію происшедшія, или убійство, или заточеніе. Если умертвятъ;

то смерть еще громче возопіетъ противъ нихъ. Если также заточать; то сами противъ себя пошлютъ всюду памятники своего беззаконія.

Посему, если бы сохранили они здравый смыслъ; то увидѣли бы, что сами себя запутали симъ, и преткнулись о собственные свои помыслы. Но поелику погублено ими цѣломудріе; то, когда сіе самое побуждаетъ ихъ гнать и домогаться убійствъ, не видятъ они своего нечестія. А можетъ быть (ибо нѣтъ ничего такого, на что не дерзнули бы они), отважатся обвинить и самый Промыслъ за тѣхъ, которыхъ не предасть имъ; потому что, по слову Спасителя, известно, что и воробей не можетъ впасть въ сеть безъ Отца нашего небеснаго (Матѣ. 10, 29.). Какъ же скоро уловляютъ кого сн губители, — тотчасъ забываютъ другихъ, а прежде другихъ — себя самихъ, однимъ самохвальствомъ надмевая себя брови, и не знаютъ они времени, и дѣлая обиды людямъ, не уважаютъ самой природы; подражая же вавилонскому мучителю, тѣмъ съ бѣльшею нападаютъ свирѣпостію, никого не милуютъ, но и *старчій яремъ отягчаютъ* (Иса. 47, 6.) и, какъ написано, *къ болѣзни язвъ прилагаютъ* (Псал. 68, 27.) сн безжалостные. Посему, если бы не дѣлали этого, и если бы не заточили тѣхъ, которые защищаютъ меня отъ ихъ клеветъ; то иные почли бы слова ихъ достойными вѣроятія. Поелику же злоумышляли они противъ многихъ и почтенныхъ епископовъ, и не пощадили ни великаго исповѣдника Осн, ни епископа римскаго, ни столькихъ епископовъ Испаніи, Галліи, Египта, Ливіи и иныхъ странъ, а напротивъ того, причинили столько зла всякому, кто только обли-

чаль ихъ за меня; то не значить ли сіе, что прежде другихъ гораздо болѣе злоумышляли они противъ меня, и весьма желаютъ послѣ нихъ предать меня злой смерти? На сей конецъ они бодрственны, и почитаютъ для себя обидою, если видятъ спасающимися тѣхъ, кому не желали бы они жить.

Посему, кто не увидитъ ихъ коварства? Кому неизвестно, что не ради добродѣтели порицаютъ за боязнь, но жажда крови, своими злоухищреніями пользуются какбы сѣтями, думая, что уловять ими всякаго, кого только пожелаютъ умертвить? А что они таковы,—показали это дѣла ихъ, обличивъ, что нравъ у нихъ свирѣпѣе, чѣмъ у звѣрей, и что жестокостию превосходятъ они вавилонянъ. И хотя достаточно имъ такого обличенія; однакоже, поелику, подобно отцу своему діаволу, прикрываются мягкими рѣчами, чтобы обвинить меня въ болзни, когда сами боязливѣе зайцевъ; то посмотримъ, что пишется о семъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Тогда окажется, что и Писаніямъ противятся они не менѣе того, сколько клеветуютъ на добродѣтели святыхъ.

Если злословятъ тѣхъ, которые укрываются отъ ищущихъ убить ихъ, и порицаютъ тѣхъ, которые бѣгутъ отъ гонителей; что будутъ дѣлать, видя, что Іаковъ бѣжитъ отъ брата Исава, и Моисей удаляется въ Мадіамъ, страшась Фараона? Вдаваясь въ подобное суесловіе, чѣмъ оправдаютъ они Давида, который бѣжитъ изъ дома отъ Саула, когда послалъ онъ убить его,—то укрывается въ пещеръ, то *измѣняетъ лице свое* (1 Цар. 21, 13.), пока не ушелъ отъ Авимелеха (г) и не уклонился отъ злоумышленія?

(г) Въ Писаніи имя царю сему *Аххусъ*.

Что скажутъ сїи, легко дающіе на все отвѣтъ, видя, что великій Илія — то призываетъ Бога и воскрешаетъ мертвыхъ, то укрывается отъ Ахаава и бѣжитъ отъ угрозъ Іезавельныхъ? Тогда и сыны пророческіе, которыхъ искала Іезавель, при помощи Авдія, укрывались тайно въ вертепахъ.

Положимъ, что не читали они сего, какъ ветхозавѣтнаго; но нимаю также не помнятъ и того, что есть въ Евангеліи. Ибо и ученики, *страха ради іудейска* (Іоан. 20, 19.), пребывали въ-скрѣтности; и Павелъ, когда искалъ его народоначальникъ въ Дамаскъ, свѣшемъ *со стѣны въ кошницѣ* (Дѣян. 9, 25.), избѣгъ рукъ искавшаго. Поелѣку же Писаніе говоритъ такимъ образомъ о святыхъ; то какой могутъ найти предлогъ къ своей продерзости? Если и святыхъ будутъ порицать за боязнь; то такая дерзость свойственна только неистовымъ. А если станутъ клеветать, что святые поступили такъ вопреки Божіей волѣ; то совершенно несвѣдуши они въ Писаніи. Ибо въ Законѣ было постановленіе (Второз. 19, 3.)—учредить города убѣжища, гдѣ могли бы на-время спастись отыскиваемые на смерть. При скончаніи же вѣковъ, когда пришелъ самъ Глаголавшій Моисею, Отчее Слово, снова даетъ сію заповѣдь, говоря: *егда же гонятъ вы во градъ семь, бѣгайте въ другій* (Матѣ. 10, 23.); и потомъ продолжаетъ: *егда убо узрите мерзость заупустынія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святыхъ: иже чтеть, да разуметь: тогда сущи во Іудеи да бѣжатъ на горы: и иже на кровь, да не сходитъ взяти, яже въ дому его: и иже на сель, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ* (Матѣ.

24, 15—18.). И сіе зная, святые симъ руководились въ житіи своемъ. Ибо, что нынѣ заповѣдалъ Господь, тоже самое и до пришествія Своего во плоти глаголаше чрезъ святыхъ. А законъ, ведущій людей къ совершенству, таковъ: дѣлать то, что повелѣлъ Богъ.

Посему-то и само Слово, сдѣлавшееся для насъ человѣкомъ, благоволило, подобно намъ, скрываться, когда искали, а также, бѣгать и уклоняться отъ злоумышляющихъ, когда воздвигали гоненіе. Ибо, какъ алканіемъ, жаждою и страданіемъ, такъ и симъ—укрываніемъ себя и бѣгствомъ—подобало Ему доказать о Себѣ, что носитъ плоть, и стало человѣкомъ. И вначалѣ, когда по вочеловѣченіи Господь былъ еще младенцемъ, Самъ повелѣлъ Іосифу чрезъ Ангела: *воставъ поими Отроча и Матерь Его, и бѣжи во Египеть: хочеть бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е* (Матѣ. 2, 13.); а по смерти Ирода ради Архелая, сына его, удаляется въ Назаретъ. Когда же доказалъ о Себѣ, что Онъ Богъ и сухую руку сотворилъ здоровою, а фарисеи *изшедше совѣтъ творяху на-Нь, како Его погубятъ* (Марк. 3, 6.),—Исусъ, узнавъ сіе, удавился *оттуда*. И когда Лазаря воздвигъ изъ мертвыхъ,—*Отъ того убо дне*,—сказано,—*совѣщаша, да убіютъ Его. Исусъ же ктому не лавъ хождаше во іудеехъ, но иде оттуду во страну близъ пустыни* (Іоан. 11, 53. 54.). Потомъ, когда Спаситель говоритъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*; тогда іудеи *взяша каменіе, да вергутъ на-Нь: Исусъ же скрися, и изыде изъ церкви, прошедь посредъ ихъ: и мимохождаше тако* (Іоан. 8, 58. 59.).

Видя это, лучше же сказать, слыша это,—потому

что не видятъ,—ужелп, по написанному, не восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были (Иса. 9, 5.), потому что и замышляютъ и говорятъ противное тому, что творить и чему учить Господь? Когда Іоаннъ скончался мученически, и ученики погребли тѣло,—слышавъ *Иисусъ отыде оттуду въ корабли въ пусто мѣсто единъ* (Матѳ. 14, 13.). Такъ поступалъ Господь, такъ и училъ. О, хотя сего да устыдятся еретики, и одними людьми ограничать свою продерзость, и не стануть же еще съ бѣльшимъ неистовствомъ обвинять въ боязни самого Спасителя, какъ обучившіеся уже хулить Его! Но никто не потерпитъ сихъ неистовыхъ, скорѣе же, будутъ обличать ихъ, что не понимаютъ они и Евангелія. Есть основательный и истинный предлогъ къ таковому удаленію и бѣгству. И Евангелисты упомянули объ ономъ, говоря о Спасителѣ. А изъ сего должны мы заключить, что сей-же предлогъ имѣли и всѣ свѣтые. Ибо, что написано о Спасителѣ по челоуѣчеству, то надобно относить вообще ко всему челоуѣческому роду; потому что Спаситель повесъ на Себѣ наше тѣло и обнаруживалъ въ Себѣ челоуѣческую немощь, которую Іоаннъ описалъ такъ: *искажу, да имуть Его, и никтоже возложи на-Нь руки; яко не у бы пришелъ часъ Его* (Іоан. 7, 30.). И, пока не пришелъ часъ сей, Самъ сказалъ Матери: *не у прииде часъ Мой* (Іоан. 2, 4.); и такъ именуемымъ братіямъ Своимъ говорилъ: *время мое не у прииде* (Іоан. 7, 6.). А когда пришло время,—сказалъ уже ученикамъ: *Спите прочее и почивайте. Се приближися часъ, и Сынъ челоуѣческой предается въ руки грѣшниковъ* (Матѳ. 26, 45.).

Посему, какъ Богъ и Отчее Слово, не имѣлъ Онъ времени, потому что самъ Онъ—зждитель времени; но, содѣлавшись человѣкомъ и говоря сіе, показываетъ этимъ, что всякому человѣку измѣрено время, и измѣрено не случайно, какъ думаютъ и баснословятъ въкоторые изъ еллиновъ, но какъ опредѣлилъ самъ Онъ зждитель по волю Отца. И сіе написано, и всѣмъ уже стало явно. Если сокрыто и утаено отъ всѣхъ людей,—почему и какаѣ мѣра назначается каждому; то всякій, однакоже, знаетъ, что, какъ есть время веснь, лѣту, осени и зимъ, такъ, по написанному, есть *время умирати* и *время жить* (Еккл. 3, 2.). Потому-то усъчено было время человѣческаго рода при Цоѣ; и поелику настало время всѣхъ,—сокращены были лѣта. А Езекиѣ приложено пятнадцать лѣтъ; потому что Богъ искренно служащимъ Ему обѣтовалъ: *долготою дней исполню его* (Псал. 90, 16.). И Авраамъ умираетъ *исполненъ дней* (Быт. 25, 8.); а Давидъ умоляетъ, говоря: *не возведи мене во преполовеніе дней моихъ* (Псал. 101, 25.). И одинъ изъ друзей Іовлевыхъ, Елифазъ, хорошо зная сіе, сказалъ: *видеши во гробъ, якоже пшеница созрѣлая во время пожатаѣ, или якоже стогаъ гумна во время свезеный* (Іов. 5, 26.); а Соломонъ, прилагая печать къ его изреченію, говоритъ: *отземлются же безвременно души беззаконныхъ* (Притч. 11, 30.), почему, увѣщаваеъ въ Екклесіастъ, говоря: *не нечествуй много, и не буди жестокъ, да не умрешши не во время свое* (Еккл. 7, 18.).

А какъ сіе написано, то, по указанію Писанія, святыѣ знали, что время измѣрено каждому. Но никто не знаетъ конца сего времени; доказательствомъ сему

служить Давидово слово: *умаленіе дней моихъ возвѣсти ми* (Псал. 101, 24.); ибо просилъ сдѣлать ему извѣстнымъ, чего не зналъ онъ. Потому, богатый, думая прожить еще долгое время, услышалъ: *безумие, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20.)? И Екклесіастъ, дерзая Духомъ Святымъ, провозноситъ рѣшительный приговоръ и говоритъ: *не разумъ челоуѣкъ времени своего* (Еккл. 9, 12). Потому и патріархъ Исаакъ сказалъ сыну своему Исаву: *се состарѣлся и не вѣмъ дне скончанія моего* (Быт. 27, 2.).

Посему и Господь, какъ Богъ и Отчее Слово, вѣдая, какое время отмѣрено Имъ всякому, и зная, какое время самъ Онъ опредѣлилъ на страданіе тѣлу Своему, — потому что насъ ради сталъ челоуѣкомъ, — до наступленія сего времени и Самъ, подобно намъ, скрывался, когда Его искали, убѣгалъ, когда Его гнали, и, уклоняясь отъ козней, *мимохождаше тако и посреде ихъ идяше* (Лук. 4, 30.). А когда Самъ привелъ къ окончанію опредѣленное Имъ время, въ которое восхотѣлъ пострадать за всѣхъ тѣлесно; тогда провозглашаетъ о семъ Отцу, говоря: *Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1.); не сталъ уже укрываться отъ ищущихъ, но Самъ восхотѣлъ, чтобы взяли Его. Ибо сказано: *рече пришедшимъ къ Нему: кого ищите?* И, когда отвѣтили: *Исуса Назореа*, сказалъ имъ: Я тотъ, кого вы ищите (Іоан. 18, 4. 5.), и сдѣлалъ сіе не однажды, но двукратно, и тогда уже отвели Его къ Пилату. Какъ не позволилъ взять Себя, пока не пришло время; такъ не сталъ укрываться по наступленіи времени,

но самъ Себя предать злоумышляющимъ, чтобы всякому показать, что и жизнь и смерть человеческая зависятъ отъ вышшняго суда, и безъ воли Отца нашего, суцнаго на небесахъ, не могутъ ни волосъ человеческїй сдѣлаться бѣлымъ или чернымъ, ни воробей впасть когда-либо въ сеть.

Такъ Господь, по сказанному выше, предать Себя за всѣхъ; а святые, у Спасителя научившись,— потому что Имъ прежде сего и всегда были научаемы,— въ борьбѣ съ гонителями законно спасались бѣгствомъ, и укрывались отъ нихъ, когда ихъ искали. Какъ люди, не зная конца опредѣленнаго имъ Промысломъ времени, не хотѣли просто предавать себя злоумышляющимъ; зная же написанное, что жребїи человеческіе—въ рукахъ Божїихъ (Псал. 30, 16.), что *Господь живить, Господь и мертвить* (1 Цар. 2, 6.), соглашались лучше терпѣть до конца, какъ сказалъ Апостолъ, проходя *въ мѣлотехъ, и въ козїяхъ кожахъ, лшени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеса и укрываясь въ горахъ, въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. 11, 37. 38.), пока или не наступило опредѣленное время смерти, или не возглаголаъ имъ самъ опредѣлившїй время Богъ, и не остановилъ злоумышляющихъ, или явно не предать гонимыхъ гонителямъ, какъ самъ Онъ находилъ сіе лучшимъ. И сему, преимущественно предъ другими, можно совершенно научиться у Давида. Ибо, когда Іоавъ возбуждалъ его противъ Саула, сказалъ Давидъ: *Живъ Господь, аще не Господь поразить его, или день смерти его придетъ, или на брань снидетъ и погибнетъ отъ сопротивныхъ:*

Не будетъ ми отъ Господа нанести руку мою на Христа Господня (1 Цар. 26, 10.).

Если же иногда предавшіеся бѣгству сами приходили къ ищущимъ; то не просто дѣлали сіе. Поелику глаголаъ имъ Духъ; то, какъ боголюбивые, шли въ срѣтеніе врагамъ, и симъ опять доказывая свое послушаніе и усердіе. Такъ, Илія внемлетъ Духу, и является къ Ахааву. И Михей пророкъ приходитъ къ тому-же Ахааву. Такъ поступаютъ—и другой Пророкъ, *воззавшій ко олтарю въ Самаріи* и посрамляющій Іеровоама (3 Цар. 13, 2—10.), и Павелъ, нарицающій Кесаря (Дѣян. 25, 11.). Не по боязни предавались они бѣгству,—да не будетъ сего!—вѣрнѣе же сказать, бѣгство для нихъ было подвигомъ и помышленіемъ о смерти. Но два соблюдали они правла, и прекрасно умышляли о себѣ, что и не отдавались тотчасъ сами врагамъ, — это значило бы самому себя убить, стать виновнымъ въ своей смерти и противодѣйствовать Господу, Который говоритъ: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 19, 6.),—и не хотѣли потерпѣть укоризну за малодушіе, будто бы не имѣютъ силъ перенести скорби во время бѣгства, которыя—мучительнѣе и ужаснѣе самой смерти; потому что умирающій перестаетъ страдать, а предающійся бѣгству, ежедневно ожидая нападенія враговъ, и смерть почитаетъ для себя болѣе сего легкою; а потому, скончавшіеся въ бѣгствѣ не безславно умираютъ, но могутъ также похвалиться мученичествомъ. Поэтому и Іовъ признанъ великимъ въ мужествѣ; потому что, пребывая живъ, претерпѣлъ столько великихъ страданій, которыхъ нисколько не ощутилъ бы, если бы скончался. Посему-то и бла-

женные сіи Отцы водились таковымъ правломъ жизни; гонимые предавались не боязни, но тѣмъ паче показывали душевное мужество свое. Такъ, заключившись въ мѣстахъ душныхъ и мрачныхъ и ведя суровое житіе, не отрекались также и отъ смерти, когда наступало время. О томъ прилагали попеченіе, чтобы не ужасаться смерти, когда настоятъ она, и не предварять опредѣленнаго Промысломъ суда, не противодѣйствовать Его смотрѣнію, по которому и признавали себя хранимыми, и чтобы, поступая дерзко, самимъ не содѣлаться виною своего ужаса, какъ написано: *продерзивый устнама устрашитъ себе* (Притч. 13, 3.).

Конечно, столько были они приуготовлены къ добродѣтели мужества, что никто не можетъ въ семь усумниться. Патріархъ Іаковъ, спасающійся прежде бѣгствомъ отъ Исава, не утрашился предстоящей смерти, а напротивъ того, въ сіе самое время каждого изъ патріарховъ благословилъ по ихъ достоинству. А великій Моисей, скрывающійся сперва отъ Фараона и отъ него бѣжавшій въ Мадіамъ, не уболяся, когда услышалъ: иди во Египеть; и опять, когда повельно ему было взойти на гору Аваримъ и скончаться тамъ, —необязненно принялъ повелѣніе и даже радостно пошелъ на гору. И Давидъ, бѣгающій прежде отъ Саула, не страшился подвергаться опасностямъ во браняхъ за народъ; даже, —когда выслушалъ предложеніе избрать смерть или бѣгство, и была ему возможность спастись бѣгствомъ и сохранить жизнь, —скорѣе избралъ смерть сей премудрый. И великій Ілія, съ давняго времени скрывающійся отъ Іезавели, не уболяся, когда повелѣлъ Духъ идти

къ Ахааву и обличить Охозію. И Петръ, кроющійся страха ради іудейскаго, и апостоль Павелъ, свѣщенный въ копнищѣ и спасшійся бѣгствомъ, услышавъ: «въ Римъ должно пріять вамъ мученичество», не отложили путешествія, но паче радуясь отправились въ путь, и одинъ, какбы поспѣвая къ своимъ, веселился закалаемый, а другой не утратился предстоящаго времени, но хвалился еще, говоря: *азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. 4, 6.).

А сіе сколько показываетъ, что и прежде ихъ бѣгство было не по боязни, столько свидѣтельствуеть, что и настоящее дѣло ихъ не маловажно, но проповѣдуетъ о нѣкоей великой доблести ихъ мужества. Не по слабости духа удалялись они, но тогда-то съ наибольшимъ напряженіемъ и совершали подвигъ; и бѣгая не подвергались осужденію, не были обвиняемы въ боязни людьми подобными симъ нынѣшнимъ укорителямъ, но тѣмъ паче ублажалъ ихъ Господь, Который говоритъ: *блаженны гонимыя правды ради* (Матѣ. 5, 10.). И не бесполезенъ былъ для нихъ такой подвигъ; потому что, какъ прорекла Премудрость, *яко злато въ горниль искушенныхъ обрѣте ихъ Богъ достойны Себѣ* (Прем. 3, 5. 6.). И они паче сіяли тогда, какъ искры, спасаемые отъ ихъ гонителей, избавляемые отъ злоумышленій и чрезъ сіе сохраненныя для наученія народовъ; почему, бѣгство ихъ и укрытіе отъ раздражительности ищущихъ было по смотрѣнію Господню. Ибо тогда именно были они столько боголюбивы и представили наилучшее свидѣтельство доблестей.

Патріархъ Іаковъ во время бѣгства сподобился мно-

гихъ Божественныхъ видѣній, и даже, пребывая самъ въ покоѣ, имѣлъ защитникомъ своимъ Господа, Который то постыждаетъ Лавана, то удерживаетъ Исава. И послѣ сего содѣлался Іаковъ отцемъ Іуды, отъ котораго возсіялъ Господь по плоти, и преподалъ благословенія патриархамъ. И боголюбивый Моисей, когда былъ въ бѣгствѣ, тогда узрѣлъ великое видѣніе; и спасшись отъ гонителей, посланъ пророкомъ во Египеть; ставъ служителемъ столькихъ знаменій и Закона, былъ вождемъ многочисленнаго народа въ пустынь. И Давидъ гонимый поучалъ: *отрыгну сердце мое слово благо* (Псал. 44, 2.), и: *Богъ нашъ явь пріидеть, Богъ нашъ, и не премолчитъ* (Псал. 49, 3.), и тѣмъ паче возмогалъ, говоря: *на враги моя воззръ око мое* (Псал. 53, 9.), и еще: *на Бога уповахъ: не убоюся, что сотворитъ мнѣ человекъ* (Псал. 55, 5.). Убѣгая и скрываясь въ пещеру отъ лица Саулова, сказалъ онъ: *посла съ небесе и спасе мя, даде въ поношеніе попирающія мя: посла Богъ милость Свою и истину Свою, и избави душу мою отъ среды скимновъ* (Псал. 56, 4. 5.), и такимъ образомъ, спасенный по Божію смотрѣнію, какъ послѣ самъ сдѣлался царемъ, такъ и пріялъ обѣтованіе, что отъ сѣмени его возсіяетъ Господь нашъ. И великій Ілія, удаляясь на гору Кармилъ, призвалъ Бога и вдругъ истребилъ четыреста и болѣе Вааловыхъ пророковъ; и когда посланы были противъ него два пятидесятиначальника и съ ними сто воиновъ,—сказавъ: *да снидетъ огонь съ небесе* (4 Цар. 1, 10.), наказалъ огнемъ, а самъ былъ соблюденъ, чтобы помазать вмѣсто себя Елисея и для сыновъ пророческихъ послужить образцемъ подвижничества. И блажен-

ный Павелъ,—пшша : *якова изгнанія пріяхъ , и отъ встьхъ мя избавиль есть Господь* (2 Тим. 3, 11.), и пзбавить,—тѣмъ паче превозмогалъ и говорилъ : *Но во встьхъ сихъ препобъждаемъ. Извьстихся бо , яко ничто не отлучитъ насъ отъ любви Христовой* (Рим. 8, 37. 39.). И тогда-то восхищенъ онъ былъ до третіяго небесе и введенъ въ рай, гдѣ слышалъ неизреченны глаголы , *ихже не лтъ есть челоуьку глаголати* (2 Кор. 12, 4.). Для того былъ тогда сохраненъ, чтобы отъ *Иерусалима даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе* (Рим. 15, 19.).

Посему, не порицавія достойно и не бесполезно бѣгство святыхъ. Если бы не уклонялись они отъ гонителей; то какъ бы Господь возсіялъ отъ сѣмени Давидова? Или, какъ иные стали бы благовѣствовать слово истины? Для того и гонители искали святыхъ, чтобы не было поучающаго. И іудеи повелѣвали Апостоламъ не учить ; но они для того и терпѣли все , чтобы проповѣдано было евангеліе. Такииъ образомъ подвизался, не въ праздности проводили время бѣгства, и гонимые не забывали о пользѣ другихъ, но, какъ служители благаго слова, не скупились преподавать оное всѣмъ , даже и въ бѣгствѣ проповѣдывали евангеліе , предвѣщали ухищренія злоумышляющихъ , и ограждали вѣрныхъ увѣщаніями. Такъ, блаженный Павелъ , научившись опытно, предвѣщаль , что *вси, хотлящии благочестно жити о Христѣ, гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12.), и въ то же время подкрѣплялъ и предающихся бѣгству , говоря : *терпніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1.). Ибо хотя скорби непрестанны; но скорбь терпніе содѣловаетъ, терпль-

ніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамить (Рим. 5, 4.). И пророкъ Исаія , при ожидаемомъ бѣдствіи , напоминалъ и взывалъ : идите людіе мои , внидите въ храмину вашу , затворите двери своя , укрійтєся мало елико елико , дондеже мимоидеть гнѣвъ (Иса. 26, 20.). И Екклєсіастъ ,—зная злоумышленія на благочестивыхъ и говоря: *Аще обиду нищаго и расхищеніе суда и правды увидиши въ странѣ , не дивися о вещи : яко высокій надъ высокими надзиратель , и высокои надъ ними . И изобиліе земли* (Еккл. 5 , 7. 8.), — имѣлъ отцемъ своимъ Давида , который опытно зналъ тяжесть гоненій , и ограждаетъ страждущихъ сими словами: *мужайтєся , и да крѣпится сердце ваше , вси уповающіи на Господа* (Псал. 30, 25.); и претерпѣвающимъ гоненія говорятъ : самъ Господь поможетъ , и избавитъ ихъ , яко уповаша на Него (Псал. 36 , 40.). И я самъ терпя потерпѣхъ Господа , и внятъ ми и услыша молитву мою : и возведе мя отъ рова преисподняго , и отъ брєніа тины (Псал. 39 , 2. 3.). Симиъ доказываетъ , что бѣгство святыхъ полезно и не безплодно для людей , хотя и такого мнѣнія аріане.

Посему , святые , какъ сказано , предавался бѣгству , преимущественно и по особому смѣтрѣнію были сохраняемы , какъ врачи ради имѣющихъ въ нихъ нужду . А для прочихъ и вообще для всѣхъ насъ чловѣковъ такой законъ :—бѣгать отъ гонителей , укрываться отъ ищущихъ и не искушать дерзновенно Господа , но ожидать , какъ сказано мною выше , пока наступитъ опредѣленный часъ смерти , или соблаговолитъ чтѣ о нихъ Судія , какъ Самъ признаеть сіе

наилучшимъ;—быть готовыми, чтобы, по требованію времени, когда уловятъ гонители, подвизаться за истину даже до смерти. Сіе соблюдали и блаженные мученики среди бывшихъ по временамъ гоненій: гонимые бѣжали, укрываясь терпѣли, отысканные страдали. Если же нѣкоторые изъ нихъ сами приходили къ гонителямъ: то и сіе дѣлалось не просто, но въ то же время свидѣтельствовали о себѣ, и для всѣхъ дѣлалось это явственнымъ, что ихъ ревность и такое внезапное появленіе предъ гонителями были отъ Духа.

Таковы заповѣди Спасителя, таковы дѣянія святыхъ! Пусть сіи, доселѣ ни отъ кого еще не слыжавшіе себѣ достойнаго имени, скажутъ мнѣ: у кого научились они быть гонителями? Не могутъ сказать, что научились у святыхъ, и остается признаться развѣ, что научились у діавола, который говоритъ: *гнавъ постигну* (Исх. 15, 9.). Убѣгать повелѣлъ Господь, и святые бѣжали; а гнать есть діавольское предпріятіе, и діаволъ просить, чтобы дозволено ему было гнать всѣхъ. Пусть скажутъ еще: съ чѣмъ должно согласовать себя, съ Господними ли словами, или съ ихъ баснословіемъ? Чѣмъ дѣяніямъ должно подражать: дѣяніямъ ли святыхъ, или тому, что они умыслятъ? Но, можетъ быть, и сего разсудить они не въ-состояніи; потому что ослѣплены умомъ и совѣстію, какъ сказалъ Исаія, горькое почитаютъ сладкимъ и свѣтъ—тмою (Иса .5, 20.). Пусть кто-нибудь изъ насъ христіанъ поидетъ и пристыдитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: *благо есть уповати на Господа* (Псал. 117, 9.), а не внимать ихъ буесловію: потому что слова Господни имѣютъ въ себѣ

жизнь вѣчную , а слова, ими произносимыя , исполнены коварства, всякой злобы и кровей.

Сего достаточно къ тому , чтобы низложить безуміе нечестивыхъ и показать, что не о другомъ чемъ стараются они, а только соревнуютъ въ злословіи и въ хулахъ. Но поелику однажды отваживались стать христорборцами, содѣлались потомъ и пытливыми; то пусть разсмотрятъ самый образъ моего удаленія и распросятъ о томъ у своихъ. Ибо и ариане съ воинами приходили, чтобы поощрять ихъ и указать меня, котораго не знали войны. Хотя и столько они не сострадательны; однакоже, услышавъ устыдятся и успокоятся. Была уже ночь, и нѣкоторые изъ народа совершали всенощное бдѣніе въ ожиданіи Божіей службы: внезапно приходитъ военачальникъ Спріанъ болѣе нежели съ пятью тысячами воиновъ , у которыхъ были оружіе, обнаженные мечи, луки, стрѣлы и дубины , какъ сказано было прежде ; и онъ окружилъ церковь, поставивъ воиновъ одного близъ другаго, чтобы вышедшіе изъ церкви не могли миновать ихъ. А я, почитая неразумнымъ оставить народъ въ такомъ смущеніи и не предварить ихъ паче въ опасности , сѣвъ на своемъ престолѣ , велѣлъ діакону читать, а народу слушать псаломъ: *яко въ вѣкъ милость Его* (135), и, такимъ образомъ, всѣмъ расходиться и идти домой. Но поелику Военачальникъ вошелъ уже силою, и воины заняли святилище, чтобы захватить меня; то находившіеся тамъ клирики и нѣкоторые изъ народа подняли крикъ, умоляли, чтобы и я уже удалился. Но я спорилъ съ ними , что не удалюсь , пока не выйдутъ всѣ по одному ; потомъ всталъ , велѣлъ читать молитву и настоятельно тре-

боваль , чтобы вышли все прежде меня , говоря : «лучше мнѣ—подвергнуться опасности, нежели терпѣть вредъ кому-либо изъ васъ.» Посему , когда бѣльшая часть народа вышла , а прочіе за ними послѣдовали ; бывшіе тамъ со мною монахи и нѣкоторые изъ клириковъ , вошедши , увлекли меня съ собою. Такимъ образомъ (свидѣтельствуюсь самою истиною), когда воины частію окружали святилище , частію ходили вокругъ церкви ,—вышелъ я , руководимый Господомъ , и подъ Его охраненіемъ , удалился незамѣченный воинами , велемѣнно прославляя самого Бога , что не предать я народа своего , но , выславъ его прежде , могъ и самъ спастись и избѣжать рукъ ищущихъ меня.

Посему , когда такъ чудно спасъ меня Промыслъ ; кто можетъ справедливо укорять меня , что самъ я не отдался въ руки ищущимъ , или не возвратился и не предсталъ къ нимъ ? Это значило бы явно оказаться неблагодарнымъ предъ Господомъ , поступить противъ Его заповѣди и не согласоваться съ дѣяніями святыхъ. Порицающій сіе пусть осмѣлится и великому апостолу Петру поставить въ вину , что , заключенный и стегомый воинами , послѣдовалъ за зовущимъ Ангеломъ и , вышедши изъ темницы и спасшись , не возвратился и не предать самъ себя , хотя слышалъ , что сдѣлано было Иродомъ. Пусть неистовый арианецъ порицаетъ и то ,—что апостолъ Павелъ , свѣщенный со стѣны и спасшись , не перемѣнилъ мысли , не возвратился и не предать самъ себя ; что Моисей не возвратился изъ Мадіама въ Египетъ , чтобы поймали его ищущіе ; что Давидъ въ пещерѣ не показался Саулу , что и сыны пророческіе пребы-

вали въ вертепахъ , не предали сами себя Ахааву ; потому что сіе значило бы также поступить противъ заповѣди, когда Писаніе говоритъ : *да не искушиши Господа Бога твоего* (Втор. 6, 16.).

И я, благоговѣя къ сему и наученный этимъ, такъ себя велъ; и не отметаю милости и помощи Господней, явленной мнѣ, хотя сіи неистовые скрежещуть на меня зубами. Таковы были обстоятельства моего удаленія. Думаю, что не заслужить оно ни-одной укорины отъ людей, имѣющихъ здравый разумъ, когда, по свидѣтельству Божественнаго Писанія, и святыми въ наученіе наше преданъ сей-же образецъ. Но эти люди, сколько видно, готовы на всякую прочность, и не хотятъ оставить безъ исполненія ничего такого, что можетъ доказывать ихъ лукавство и жестокость. И жизнь ихъ такова-же, каковъ образъ ихъ мыслей, и каково ихъ пустословіе. Никто не въ состояніи даже пересказать тѣ многочисленныя и ужасныя злодѣянія, какія не стыдятся совершать самыя дѣломъ. Когда Леонтія обвиняли въ связи съ одною молодою женщиною, по имени Евстолиєю, и запрещали жить съ нею вмѣстѣ, — самъ себя оскотилъ ради нея, чтобы свободно проводить съ нею время, хотя не очистилъ себя тѣмъ отъ подозрѣнія, но за сіе, наипаче, низложенъ изъ пресвитеровъ, и только еретикъ Констанцій вынудилъ силою, чтобы наименовали его епископомъ; Наркиссъ же, за множество иныхъ худыхъ дѣлъ, три раза низложенъ былъ разными Соборами, и теперь между ними превосходить всѣхъ лукавствомъ. И Георгій, и бывъ пресвитеромъ, низложенъ за порочную жизнь свою, и наименовавъ себя епископомъ, тѣмъ не менѣ снова низложенъ

101.112.

на великомъ сардикійскомъ Соборѣ, имѣеть же то преимущество, что живетъ распутно и не скрываетъ сего, почему, осуждается даже своими, и цѣль и радость жизни измѣряя дѣлами срамными.

Посему, каждый у нихъ превосходить другаго худыми своими дѣлами; но на нихъ лежитъ общая скверна, а именно, по ученію своему они — христорборцы и именуются уже не христіанами, но, паче, аріанами. Вотъ въ чемъ должно осуждать ихъ; ибо это чуждо вѣрѣ во Христа. Но они скрываютъ сіе. И неудивительно, что при такомъ образѣ мыслей, и запутавшись въ столь многихъ худыхъ дѣлахъ, гонять и ищутъ тѣхъ, которые не содѣйствуютъ злочестивѣйшей ихъ ереси, и, убивая ихъ, радуются, а не успѣвая въ желаемомъ, печалятся, и почитаютъ для себя обиду, когда, какъ сказано мною выше, видятъ живымъ, кого хотѣли видѣть мертвымъ. О, если бы потерпѣть имъ такую обиду, чтобы изнемочь въ неправдахъ своихъ, а гонимымъ ими возблагодарить Господа и сказать словами 26-го псалма: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего: отъ кого утрашуся? Внегда приблизатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя, оскорбляющимъ мя и врази мои, тѣмъ изнемогоша и падоша* (Псал. 26, 1—3.), и также словами 30-го псалма: *спаслъ еси отъ нужды душу мою: и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражѣихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои* (Псал. 30, 8. 9.), о Христвѣ Иисувѣ Господѣ нашемъ! Имъ Отцу и Святому Духу слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ПОСЛАНИЕ КЪ БРАТУ СЕРАПИОНУ.

Аванасій брату и сослужителю Серапіону желаетъ о Господѣ радоваться.

Прочелъ я писанное твоимъ благоговѣніемъ, гдѣ убѣждаешь меня извѣститъ тебя и о касающемся до меня, и о настоящихъ событіяхъ, и о нечестивѣйшей ереси аріанъ, за которую потерпѣлъ я все это, также о томъ, какой конецъ жизни имѣлъ Арій. Изъ трехъ сихъ требованій два исполнилъ я охотно, и послалъ къ твоему благочестію писанное мною къ монахамъ, потому что изъ сего можешь узнать касающееся и до меня и до ереси. Писать же о послѣднемъ, то есть, о смерти, долго не рѣшался я, опасаясь, чтобы не подумалъ кто, будто бы насмѣхаюсь надъ смертію человека сего. Но поелику, — при бывшемъ у васъ разсужденіи объ ереси, вопросъ остановился на томъ, вступивъ ли въ общеніе съ Церковію, кончилъ жизнь Арій, — повѣствованіемъ о смерти какбы рѣшается этотъ вопросъ; то по необходимости принялъ я на себя трудъ разсказать о семъ, разсуждая, что сдѣлать сіе извѣстнымъ значитъ то-же, что — заставить, наконецъ, молчать охотниковъ до спора. Ибо, какъ думаю, узнавъ о чудѣ, бывшемъ при смерти, и сами, предлагавшіе прежде вопросы, не осмѣлятся сомнѣваться въ томъ, что богоненавистна аріанская ересь.

Меня не было въ Константинополь, когда Арій кончилъ жизнь, но былъ тамъ пресвитеръ Макарій, и я слышалъ, что имъ было разсказано. Арій, по

настоящую Евсевіевых приверженцевъ, призванъ былъ царемъ Константиномъ, и когда явился, Царь спросилъ его: содержитъ ли онъ вѣру вселенской Церкви? Аріій поклялся, что вѣруетъ право, и подалъ письменное исповѣданіе вѣры, не сказавъ въ ономъ, за что извергнуть былъ изъ Церкви епископомъ Александромъ, и вмѣстѣ прикрываясь изреченіями Писанія. Посему, когда клятвенно подтвердилъ, что не держался тѣхъ мыслей, за которыя извергъ его Александръ; тогда Царь отпустилъ его, сказавъ: «Если вѣра твоя правая, то хорошо сдѣлалъ, что поклялся. Если же вѣра твоя нечестива, и ты поклялся, то Богъ по клятвѣ твоей будетъ судить дѣло твое». Когда же, такимъ образомъ, вышелъ онъ отъ Царя: Евсевіевы приверженцы хотѣли ввести его въ церковь, съ обыкновеннымъ для нихъ насиліемъ. Но константиновольскій епископъ, блаженной памяти, Александръ, воспротивился сему, говоря, что изобрѣтателя ереси не должно принимать въ общеніе. Наконецъ, Евсевіевы приверженцы стали говорить съ угрозою: «какъ безъ вашего соизволенія сдѣлали мы, что Царь призвалъ его къ себѣ; такъ и на утро,—хотя и не будетъ на это согласія твоего,—Аріій будетъ съ нами присутствовать при богослуженіи, въ этой церкви». День же, когда говорили сіе, былъ субботній.

Епископъ Александръ, выслушавъ это, и весьма опечалившись, входитъ въ церковь, воздвѣгаетъ руки къ Богу, заливаясь слезами, и повергшись на лице свое въ святилищѣ, простертый на полу молится. Съ нимъ былъ и Макарій, вмѣстѣ молился и выслушалъ произносимыя имъ слова. Молитва Епископа заключалась въ сихъ двухъ прошеніяхъ: «Если Аріій на утро бу-

детъ съ нами при богослуженіи, то разрѣши меня, раба Твоего, и вмѣстѣ съ нечестивымъ не погуби благочестиваго. А если упадишь Церковь Свою (знаю же, что пощадишь ее); то призри на слова Евсевіевыхъ приверженцевъ, и наслѣдія Твоего не предай на истребленіе и поруганіе; изми отъ насъ Арія, чтобы, когда войдетъ онъ въ церковь, не казалось, что входитъ съ нимъ и ересь, и — нечестіе не было уже признаваемо благочестіемъ». Такъ молился Епископъ, и съ великою заботою вышелъ изъ храма. И случилось нечто чудное и необычайное. Когда Евсевіевы приверженцы дѣлали угрозы; тогда Епископъ молился, Арій же твердо полагался на Евсевіевыхъ сообщниковъ. И много суесловивъ, идетъ онъ въ нечистое мѣсто для удовлетворенія нуждъ, и внезапно, по Писанію, *нищъ бывъ, просъдеся посреде* (Дѣян. 1, 18.), немедленно упавъ, испускаетъ духъ, лишается вдругъ и того и другаго, и общенія съ Церковію и жизни.

Таковъ былъ конецъ Аріевъ, и Евсевіевы сообщники съ великимъ стыдомъ предали погребенію своего соумышленника. А, блаженной памяти, Александръ, при радованіи Церкви, совершилъ богослуженіе благочестно и православно, со всѣми братіями молясь и торжественно славя Бога, не потому, что радовался смерти, — (да не будетъ сего! ибо *всѣмъ чловѣкамъ лежитъ единою умрети*. Евр. 9, 27.), — но потому, что оказалось сіе превышающимъ суды чловѣческіе. Самъ Господь, воздавая должное угрозамъ Евсевіевыхъ приверженцевъ и молитвъ Александровой, осудилъ аріанскую ересь, показавъ, что она недостойна церковнаго общенія, и дѣла всѣхъ сдѣлавъ явнымъ, что, какъ бы ни предстательствовали за нее и Царь и

всѣ люди, она осуждена самою Церковію. Посему, доказано теперь, что это христорборное сборище неистовствующихъ аріанствомъ не боголюбиво, но злочестиво. И многіе изъ обольщенныхъ прежде переимѣнились въ мысляхъ; потому что не другой кто, но самъ хулимый ими Господь осудилъ возставшую противъ Него ересь, и показалъ также, что, хотя бы и нынѣ царь Констанцій сталъ дѣлать за нее притѣсненіе епископамъ, однакоже, она не можетъ имѣть общенія съ Церковію и отчуждена небомъ.

Посему и у васъ вопросъ считается пусть рѣшеннымъ (потому что такъ сдѣлано было и условіе), и никто да не прилагается къ ереси, а напротивъ того, да раскаются и обольщенные. Ибо кто приметъ такую вѣру, которую осудилъ Господь? И если самъ Онъ сдѣлалъ ее недостойною общенія; то не страшно ли нечестуетъ и не явный ли христорборецъ приемиющій оную? И сего достаточно, чтобы пристыдить любителей спора.

Поэтому, предложившимъ тогда вопросъ прочитай какъ это, такъ и написанное къ монахамъ вкратцѣ противъ ереси, чтобы въ-слѣдствіе сего еще болѣе осудили нечестіе и лукавство зараженныхъ аріанствомъ. Впрочемъ, никому не давай списка съ сего, и не списывай для себя; сіе-же замѣтилъ я и монахамъ. Но, если недостаетъ чего въ написанномъ, какъ человекъ искренній, дополни и немедленно отошли ко мнѣ назадъ. Ибо и изъ того посланія, какое написано мною къ братіямъ, можешь увидѣть, что было со мною, когда писалъ это, а также узнать, что писанія человека малоумнаго, особенно же, о самыхъ высокихъ и главныхъ догматахъ не безопасно—распростра-

нять и по той причинѣ, что по немощи, или по неясности языка, выраженное недостаточно можетъ сдѣлать вредъ читающимъ. Многіе не смотря на вѣру и на цѣль писавшаго, но, или по зависти, или изъ желанія—поспорить, какое напередъ составили въ умѣ мнѣніе, въ такомъ, какъ хотятъ, и принимаютъ слова, по своей прихоти перетолковываютъ написанное. Но да дастъ Господь, чтобы во всѣхъ, особливо же, въ тѣхъ, кому будешь читать сіе, превозмогли истина и здравая вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа! Аминь.

14.

ПОСЛАНІЕ.

Всѣмъ,—которые повсюду въ области сей подвижутся въ иноческой жизни, утверждены въ вѣрѣ Божией, освящены во Христвѣ и говорятъ: *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ* (Матѣ. 19, 27.),—возлюбленнымъ и превожделеннымъ братьямъ, желаю премного о Господѣ радоваться.

Уступивъ вашему благорасположенію, и по многократныхъ отъ васъ убѣжденіяхъ, написать я кратко о томъ, что претерпѣли и я и Церковь, по мѣрѣ силъ моихъ обличилъ скверную ересь зараженныхъ арианствомъ, и показалъ, сколь далека она отъ истины. Но что было со мною, когда писалъ это,—призналъ я необходимымъ сдѣлать сіе извѣстнымъ вашему благочестію, чтобы изъ сего видѣть вамъ, какъ справедливо сказалъ блаженный Апостолъ: о глубина

богатства и премудрости и разума Божія (Рим. 11, 33.), а потому, извинить и меня человека по природе немощнаго. Какъ-скоро намъревался я писать и принуждалъ себя помыслить о божествѣ Слова,—всякой разъ далеко отъ меня отступало вѣдѣніе, и сознавалъ я, что въ такой мѣрѣ остаюсь я позади, въ какой думалъ постигнуть. Ибо не могъ написать того, что, повидимому, представлялъ умомъ; а что писалъ, то дѣлалось слабѣе даже и той малой тѣни истины, какая была у меня въ мысли. Посему,—видя, что написано въ Екклесіастъ: *рѣчь, умудрюся: и сія удалія отъ мене далече паче неже бѣхъ, и бездны глубина, кто обращаетъ ю* (Еккл. 7, 25.)? и въ Псалмахъ: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. 138, 6.), и что Соломонъ говоритъ: *слава Божія крыетъ слово* (Притч. 25, 2.),—не разъ (повѣрьте въ этомъ) намъревался я удержаться и перестать писать. Но,—чтобы не показалось, будто бы молчаніемъ и васъ огорчаю, и тѣхъ, которые спрашивали у васъ и упорствуютъ въ своемъ мнѣніи, поощряю въ нечестіи,—принудилъ я себя написать немного, и послалъ сіе къ вашему благочестію. Ибо хотя постиженіе истины само по себѣ далеко нынѣ отъ насъ по немощи плоти; однакоже, возможно, какъ сказалъ тотъ-же Екклесіастъ, *разумѣти нечестивыхъ безуміе*, и обрѣтши оное, сказать: *горчайше есть паче смерти* (Еккл. 7, 26. 27.). Посему-то, какъ умѣю и могу обрѣсти сіе, написалъ я, зная при семъ и то, что для вѣрныхъ осужденіе нечестія есть достаточное уже къ благочестію вѣдѣніе. Ибо, хотя и невозможно постигнуть, что такое Богъ, однакоже, можно сказать, чѣмъ Онъ

не есть. Знаемъ же, что Онъ не то же, что человекъ, и что непозволительно представлять себѣ о Немъ что-либо свойственное тварямъ. Такъ и о Сынѣ Божіемъ, хотя по природѣ весьма далеки мы отъ того, чтобы постигнуть Его, но и возможно и удобно—осудить произносимое еретиками и сказать: не таковъ Сынъ Божій, и подобнаго тому, что говорятъ еретики, непозволительно о божествѣ Его даже и помыслить, не только, чтобы говорить устами. Посему-то, сколько могъ, написалъ я. А вы, возлюбленные, примите сіе, не какъ полное изложеніе ученія о божествѣ Слова, но какъ обличеніе нечестія христорборцевъ, которое служить, и желающимъ подаетъ поводъ къ благочестію здравой о Христѣ вѣры. Если же что въ написанномъ—неполно (а думаю, что и все неполно), то извините меня въ семъ съ чистою совѣстію, и обратите вниманіе только на смѣлость намѣренія—стоять за благочестіе. А къ совершенному осужденію аріанской ереси достаточенъ судъ Господень, совершившійся въ Аріевой смерти, о которой предварительно и отъ другихъ уже знаете. *Яже бо Богъ святыи совѣща, кто разоритъ* (Иса. 14, 27.)? И кого Господь осудилъ, кто тому оправдатель? Изъ такого бывшаго знаменія кто не уразумѣетъ, наконецъ, что богоненавистна сія ересь, хотя бы и покровительствовалъ ей люди? Прочтавъ сіе, помолитесь о мнѣ, и другъ друга убѣждайте дѣлать то же; но немедленно возвратите мнѣ сіе, и вовсе никому не давайте списка, не списывайте и для себя, но какъ искусные торжники, удовольствуйтесь прочтеніемъ, прочтавъ, если пожелаете, и не разъ. Ибо не безопасно оставлять будущимъ родамъ писанное мною немотствуо-

щны и невѣждою. Привѣтствуйте любовію другъ друга и всѣхъ приходящихъ къ вамъ въ благочестіи и вѣрѣ; ибо *еще кто, какъ сказалъ Апостоль, не любитъ Господа, да будетъ проклятъ. Благодать Господа нашего Исуса Христа съ вами (1 Кор. 16, 22. 23.). Аминь.*

15.

ПОСЛАНИЕ

ЕПИСКОПА АѦНАСІЯ КЪ МОНАХАМЪ ПОВСЮДУ ПРЕБЫВАЮЩИМЪ О ТОМЪ, ЧТО СДѢЛАНО АРІАНАМИ ПРИ КОНСТАНЦІѢ (д).

Они же, для чего все сіе строили, въ непродолжительномъ времени привели то и въ исполненіе. Едва замыслили, какъ вскорѣ и въ общеніе приняли аріанъ, не уважили столькихъ опредѣленій, сдѣланныхъ противъ нихъ, въ защиту же свою выставляли опять царскую власть. Не постыдились писать: «поелику АѦанасій пострадалъ, то зависть прекратилась; будемъ, наконецъ, принимать въ общеніе аріанъ, въ устрашеніе слушающихъ присовокупляя: такъ повелѣлъ Царь». А потомъ, не устыдились прибавить объ аріанахъ: «право мудрствуютъ сіи люди», и не убоились написаннаго: *горе глаголющимъ горькое сладкое, полагающимъ тму свѣтъ (Иса. 5, 20.);* потому что готовы все потерпѣть за ересь. А симъ не

(д) Начала сего посланія недостаетъ въ подлинникѣ.

ясно ли всякому показывается, что не по церковному суду, но въ-слѣдствіе царской угрозы, за благочестивую во Христа вѣру, и тогда мы страдали, и теперь вы насъ гоните? Такъ-же злоумышляли и противъ другихъ епископовъ, выдумывая такіе-же предлоги къ ихъ осужденію. Одни изъ нихъ пошли въ заточеніе, заслуживъ похвалу за исповѣданіе Христово, а другіе и теперь еще находятся въ изгнаніи, тѣмъ мужественнѣе возставая противъ ихъ ереси и говоря: ничто не отлучитъ насъ отъ любви Христовой.

Но и изъ сего можно также узнать ересь, и тѣмъ паче осудить ее. Кто другъ имъ и вмѣстѣ съ ними нечестуеетъ, тотъ, — хотя бы былъ и виновенъ въ другихъ проступкахъ, и подлежалъ тысячамъ укоризнъ, хотя бы противъ него были самыя ясныя обличенія и доказательства, — пользуется у нихъ добрымъ мнѣніемъ, и скоро дѣлается другомъ царевымъ, заслуживаетъ себѣ одобреніе своимъ нечестіемъ, а накопивъ много денегъ, беретъ уже смѣлость и предъ судіями дѣлать, что хочетъ. Но кто обличаетъ нечестіе ихъ и искренно стоитъ за Христа, тотъ, — хотя бы чистъ былъ во всемъ, и самъ не сознавалъ за собою ничего, и другіе его не обвиняли, — по выдуманнымъ ими предлогамъ, немедленно похищается, и по суду цареву дѣлается изгнанникомъ, или какъ виновный, въ чемъ имъ угодно винить, или подобно Навуею, какъ оскорбившій царя. Защитникъ же ереси тотчасъ бываетъ взысканъ и появляется въ Церковь изгнаннаго; а не принимающимъ его грозятъ уже описи и обиды, всѣ бѣдствія. И что всего страннѣе, — кого народъ желаетъ и признаетъ неукоризненнымъ, того царь отнимаетъ и изгоняетъ, а кого народъ не

81. 82. 86. 88. 92. 93. 103. 104. 107.

99.
 О Претрѣ

хочеть и не знаетъ, того издали присылаетъ съ военными и съ своими посланіями. И тогда настoitъ великая нужда ненавидѣть, кого любятъ, кто оглашалъ ихъ и стать отцемъ въ богочестіи, любить же, кого не хотятъ, и ввѣрять дѣтей своихъ тому, о комъ не знаютъ, какой онъ жизни, какого поведенія, и кто онъ таковъ; или терпѣть наказаніе, если не послушаются царя.

Это и нынѣ дѣлають, и издавна такъ поступали злочестивые съ православными, вездѣ и всякому давая видѣть свое злонравіе и нечестіе. Положимъ, что виновенъ Аѳанасій; что же сдѣлали другіе епископы? Какіе противъ нихъ предлоги? Или и тамъ найденъ какой мертвый Арсеній? И у нихъ—какой-нибудь пресвитеръ Макарій? Какая-нибудь сокрушена чаша? Какой-нибудь мелетіанинъ выведенъ дѣйствующимъ? Но какъ изъ дѣлъ ихъ епископовъ видно, что показанное на Аѳанасія есть ложь, такъ и тѣмъ, что предпринимали противъ Аѳанасія, объясняется, что и на епископовъ все выдуманно. Великій какой-то звѣрь (разумью ересь сію) вышелъ на землю; не словами только, какъ зубами, наноситъ онъ вредъ простодушнымъ, но и мірскую власть наемъ для злоумышленія. И странно то, что, какъ я сказалъ уже, никто изъ нихъ не обвиняется, а если и обвиненъ, не осуждается, или повидимому, и требуется въ судъ, но бываетъ оправданъ во вредъ обличающимъ. И скорѣе, обличитель терпитъ отъ злоумышленія, нежели отвѣтчикъ подвергнется какому-либо стыду. Поэтому, всѣ у нихъ исполнены скверны, и ихъ, ввѣрѣе сказать, соглядатаи, а не епископы, всѣхъ болѣе покрыты сквернами. И если кто хочеть у нихъ стать

99. 104. 1:5. 138.
 Претрѣ

епископомъ, — слушасть не сказанное: *подобаетъ епископу быти непорочну* (1 Тим. 3, 2.), но одно только: «мудрствуй противъ Христа, и не заботься о нравахъ; сего достаточно, чтобъ получить тебѣ одобреніе и царскую дружбу». Такъ бываетъ съ держащимися Аріевыхъ мыслей. А ревнители истины, хотя бы казались святыми и чистыми, по сказанному выше, подвергаются ответственности, когда хотятъ сего аріане по какимъ угодно имъ вымышленнымъ предлогамъ. И это, какъ уже сказано мною, можно усмотрѣть изъ того, что сдѣлано аріанами.

Былъ нѣкто Евстаѳій, Епископъ антиохійскій, исповѣдникъ и благочестивый въ вѣрѣ мужъ. Поелику же онъ много ревновалъ по истинѣ, ненавидѣлъ аріанскую ересь и не принималъ державшихся ея: то его оклеветали предъ Царемъ Константиномъ; выдумавъ предлогъ, будто бы Евстаѳій оскорбилъ Цареву мать. И немедленно дѣлается онъ изгнанникомъ, а съ нимъ виѣсть изгнано и великое число пресвитеровъ и діаконовъ. Наконецъ, которыхъ Епископъ сей за нечестіе не принялъ въ клиръ, тѣхъ, по изгнаніи его, не только ввелъ въ церковь, но и весьма многихъ изъ нихъ поставилъ епископами, чтобы имѣть ихъ соумышленниками своими въ нечестіи. Изъ числа ихъ Леонтій свнухъ, нынѣ Епископъ антиохійскій, а прежде него Стефанъ, Георгій лаодикійскій, Θεодосій, бывшій Епископомъ трипольскимъ, Евдоксій германікійскій и Евстаѳій, нынѣ Епископъ севастійскій.

Остановились ли же на этомъ? Нѣтъ. Евтропій, бывшій Епископомъ въ Адрианополь, мужъ добрый и во всемъ совершенный, поелику неоднократно обличалъ Евсевія, и кому лежалъ путь чрезъ Адрианополь.

79. поль, всякому давалъ совѣты не слушаться нечестивыхъ Евсевіевыхъ словъ,—терпѣть тоже, что—и Евстаѣій, изгоняется изъ города и изъ Церкви, потому что противъ него много усиливалась Царица (е). Евфратіона въ Баланеяхъ, Киматія въ Палтѣ и другаго Киматія въ Антарадѣ, Асклипу въ Газѣ, Кира въ Беріи сирійской, Діодора въ Асін, Домніона въ Сиріи, Елланика въ Триполь, — какъ-скоро узнали о нихъ, что ненавидятъ ересь, — однихъ по какому-нибудь предлогу, а другихъ и безъ предлога, царскими грамотами отрѣшивъ и выгнавъ изъ городовъ, вмѣсто нихъ въ ихъ Церкви поставили другихъ, нечестіе которыхъ было цѣль извѣстно.

О Маркелъ, Епископъ галатійскомъ, можетъ быть, не нужно и говорить: потому что всемъ извѣстно, какъ обвиняемые имъ прежде въ нечестіи Евсевіевы сообщники, сами обвинили его, и довели старца до изгнанія. Онъ, прибывъ въ Римъ, оправдался, и по требованію ихъ далъ письменное исповѣданіе своей вѣры, которое принялъ и Соборъ сардикійскій; а Евсевіевы сообщники не оправдались, и не устыдились обличенія въ нечестіи, доказанномъ ихъ писаніями, но съ бѣльшею еще дерзостію стали нападать на всѣхъ; потому что отъ царскихъ женъ получили себѣ одобреніе передъ Царемъ, и для всѣхъ были страшны.

О Павлѣ же, Епископъ Константинова града, знаетъ, думаю, всякій. Ибо въ какой мѣрѣ знатенъ городъ, въ такой-же не утаевается и все, что дѣлается въ немъ. Итакъ и противъ него выдуманъ предлогъ къ обвиненію. Обвинитель его Македоній, сдѣлавшійся

(е) Жена Юлія Констанція, мать Юліана отступника.

теперь Епископомъ на его мѣсть, въ присутствіи моемъ во время обвиненія былъ въ общеніи съ нимъ и служилъ пресвитеромъ у самого Павла. Впрочемъ, поелку Евсевій съ завистию желалъ восхитить себѣ епископство сего города (такъ перешелъ онъ и изъ Вирита въ Никомпдію), то предлогъ къ обвиненію Павлову пребылъ въ своей силѣ, злоумышленіе не оставлено въ небреженіи, клеветники устояли въ своемъ. Павелъ, въ первый разъ, сосланъ Константиномъ въ Понтъ; во второй разъ, Констанціемъ, окованный желѣзными узами, заточенъ въ Сингару месопотамскую, и оттуда переведенъ въ Емесу; а въ четвертый разъ—въ Кукузу каппадокійскую у таврскихъ пустынь. Тамъ, какъ рассказывали бывшіе при немъ, задушенъ аріанами, и кончилъ жизнь. Сдѣлавъ это, ни въ чемъ не хранящіе правды люди сіи не постыдились, послѣ смерти Павловой, выдумать опять ложь, будто бы Павелъ скончался отъ болѣзни, хотя знаютъ объ этомъ всѣ жители мѣста того. И Филагрій, тогдашній намѣстникъ тѣхъ мѣсть, всѣ ихъ поступки толкуетъ, какъ имъ угодно: дивится, однакоже, притомъ, огорчившись, можетъ быть, тѣмъ, что не онъ, а другой сдѣлалъ такое злое дѣяніе; рассказывалъ же онъ многимъ другимъ, также и моимъ знакомымъ, и Епископу Серапіону, какъ Павелъ, запертый ими въ какое-то тѣсное и темное мѣсто, оставленъ былъ тамъ умереть съ голода, и какъ, потомъ, чрезъ шесть дней пришедііе наши его еще дышущимъ, наконецъ, вошли и удушили его. И такимъ образомъ, онъ кончилъ жизнь сію. Исполнителемъ же дѣла въ нанесеніи такой смерти, какъ сказывали, сдѣлался Филппъ, бывший епархомъ. Но судъ Божій не оставилъ

его ненаказаннымъ ; не прошло и года, какъ Филиппъ съ великимъ безчестіемъ лишенъ начальства, и ставъ частнымъ челоувкомъ, потерпѣлъ осмѣяніе, отъ кого бы не желалъ. И онъ весьма огорченный, подобно Каину, *стѣня и трясѣйся*, со дня на день ожидая своего убійцы, умеръ и самъ вдали отъ своего отечества и отъ своихъ, и какъ не того ему желалось, ставъ какбы лишеннымъ ума. Сверхъ того, не щадятъ они и мертвыхъ, если на кого при жизни выдумывали предлоги къ обвиненію. Ибо чрезъ это постарались показать себя для всѣхъ страшными; и живыхъ заточаютъ, и мертвыхъ не милуютъ. Но и въ этомъ случаѣ они одни, вопреки всѣмъ людямъ, ненавидятъ отшедшихъ, злоумышляютъ на ихъ домашнихъ, сн въ подлинномъ смыслѣ безчеловѣчны и ненавистники добра, больше самыхъ враговъ развръпѣвшіе нравомъ, по нечестію своему, не ради истины, но по вымышленнымъ предлогамъ, старавшіеся строить козни и мнѣ и другимъ.

Усматривая это, три брата Константинъ, Констанцій и Констансъ, по смерти отца, возвратили всѣхъ въ отечество и въ Церковь, о другихъ написавъ къ Церкви каждаго, а объ Аѳанасіѣ выразивъ то, чѣмъ показывается опять насліе, употребленное въ дѣль, и обличаетъ убійственное намѣреніе Евсевіевыхъ сообщниковъ (ж). Это было писано Кесаремъ; какой же другой свидѣтель ихъ заговора можетъ быть достовѣрнѣе сего? Ибо что зналъ онъ, то и написалъ.

(ж) Сіе посланіе отъ имени Константина Кесаря къ жителямъ Александріи, смотри выше Т. 1. стр. 306.

Евсевіевы сообщники, видя, что ересь ихъ ослабѣваетъ, пишутъ на Аѳанасія въ Римъ, пишутъ къ Царямъ Константину и Констанцію. Какъ же скоро и Аѳанасіемъ посланные обличили писанное ими, — передъ Царями были они постыжены. Епископъ же римскій Юлій писалъ, что надобно быть Собору, гдѣ пожелаемъ, чтобы на ономъ доказали они то, въ чемъ обвиняютъ, и смѣло оправдались, въ чемъ сами обвиняются. Ибо о семъ просили и посланные ими пресвитеры, видя себя обличаемыми. Въ такомъ положеніи дѣла во всемъ подозрительные люди сіи примѣчая, что не одержать они верха на судѣ церковномъ, приходятъ къ одному Констанцію, и его уже, какъ защитника ереси, жалобно просятъ, говоря: «Пошледи ересь; видишь, всѣ отъ насъ отступаютъ, и остается уже немного насъ; начни гоненіе, потому что и сіи немногіе оставляютъ насъ, и нѣтъ у насъ послѣдователей. Кого принудили мы силою, по изгнаніи епископовъ, тѣхъ епископы, возвратившись, опять убѣдили мудрствовать вопреки намъ. Поэтому, напиши указъ противъ всѣхъ нихъ, и пошли Филагрія вторично епархомъ въ Египеть; онъ способенъ произвести гоненіе, доказалъ уже это на опытъ, притомъ же, онъ и отступникъ. Пошли и Григорія епископомъ въ Александрію, и онъ можетъ поддержать нашу ересь».

Поэтому, пишетъ тогда Констанцій, всѣхъ начинаетъ преслѣдовать, посылаетъ епархомъ Филагрія и съ нимъ какого-то евнуха Аргакія, посылаетъ и Григорія съ воинскою силою. И произошло подобное тому, что было и прежде. Собравъ множество волопасовъ, пастуховъ и другихъ площадныхъ и рас-

путныхъ молодыхъ людей, съ мечами и дубинами вторглись они внезапно въ церковь, такъ называемую Кирриа, и однихъ убивали, другихъ топтали, иныхъ же, нанеся имъ раны, ввергли въ узилище, и послали въ заточеніе; схвативъ многихъ женщинъ, всенародно влекли въ судялице, и ругались надъ ними, таща за волосы; у иныхъ описывали нѣтъіе, у другихъ отымали хлѣбъ, не для чего инаго, а для того единственно, чтобы присоединились они къ аріанамъ, и приняли присланнаго Царемъ Григорія.

79.

Аѳанасій же, прежде нежели произошло это, едва услышалъ, какъ отплылъ въ Римъ, зная раздражительность еретиковъ, и вмѣстѣ для того, чтобы, какъ положено, составился Соборъ. Юлій пишетъ и посылаетъ пресвитеровъ Елпидія и Филоксена, назначилъ и срокъ Собору, чтобы или пришли еретикп, или знали уже, что будутъ ихъ подозрѣвать во всемъ. Но Евсевіевы сообщники, — какъ-скоро услышали, что будетъ церковный судъ, на которомъ ни комитъ не присутствуетъ, ни войны не стоятъ у дверей, и дѣла соборныя совершаются не по царскому приказу (а этимъ всегда брали они верхъ надъ епископами, безъ сего же едва осмѣлываются вовсе и говорить), — въ такой пришли страхъ, что пресвитеровъ продержали за срокъ и выдумали неблаговидный предлогъ, говоря: «не можемъ теперь идти по причинъ войны съ персами». Но въ этомъ не было правды, идти же препятствовалъ страхъ совѣсти. Ибо какое дѣло епископамъ до войны? Или, какимъ образомъ по причинъ персовъ не могли идти въ Римъ, — городъ, который далеко стоитъ отъ персовъ и за моремъ, между-тѣмъ какъ восточныя и близкія персамъ страны обходятъ

они, какъ львы, ища, не воспротивится ли имъ кто, чтобы, оклеветавъ, довести его до заточенія.

И безъ сомнѣнїя, отпустивъ отъ себя пресвитеровъ съ симъ неудовлетворительнымъ предлогомъ, разсуждали они между собою: «поелику не имѣемъ возможности одержать верхъ на судъ церковномъ, то покажемъ обычную намъ дерзость». Поэтому, пишутъ къ Филагрію и убѣждаютъ его въ скоромъ времени вмѣстѣ съ Григоріемъ обозрѣть Египеть: и теперь-то епископы безъ жалости подвергаются бичеваніямъ и заключаются въ узы. Сарапаммона Епископа исповѣдника посылають въ заточеніе; Потаммону Епископу исповѣднику, который лишился даже глаза во время гоненія, нанесли множество ударовъ по выѣ, и не прежде перестали мучить его, какъ призвавъ уже мертвымъ; такъ былъ онъ брошенъ, и едва чрезъ нѣсколько часовъ, послѣ многихъ стараній и отдуваній, началъ дышать, потому что Богу стало угодно даровать ему жизнь. Но чрезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ тяжести сихъ ударовъ, и можетъ о Христѣ похвалиться двукратнымъ мученичествомъ. Сколько же другихъ монаховъ терпѣли бичеваніе, между-тѣмъ какъ Григорій сидѣлъ съ Балакіемъ, такъ называемымъ дукомъ? Сколько епископовъ были мучимы? Сколько женъ несли на себѣ удары?

Потомъ, послѣ всего этого, жалкій Григорій приглашаетъ всѣхъ вступить съ нимъ въ общеніе. Но—если желаешь имѣть съ ними общеніе, то не были они достойны ранъ; если же терзалъ ты ихъ, какъ людей негодныхъ, то для чего приглашаешь, какъ святыхъ? Но у него не было другой цѣли, какъ только исполнить волю пославшихъ и поддержать

ересь. Посему-то сей безумный человекъ сдѣлался убійцею, исполнителемъ казни, обидчикомъ, коварнымъ, гнуснымъ и вполне христорборцемъ. Тетку Епископа до того преслѣдовалъ онъ, что и умершую не позволялъ предать погребенію. Сіе и случилось бы, и она была бы брошена непогребенною, если бы поднявшіе ее не вынесли, какъ своего мертвеца. Такъ и въ этомъ показалъ онъ свой нечестивый нравъ. Поелику вдовы и другіе недвижимые собирали милостыню, то велѣлъ отнимать подаваемое, и разбивать сосуды, въ которыхъ держали масло и вино, чтобы не только нечестиво отнять у нихъ, но самымъ дѣломъ обезчестить Господа, и вскорѣ услышать отъ Него: обезчестивъ сихъ, обезчестилъ ты Меня.

79. Многие и другое имъ сдѣлано, что даже трудно и выразить словомъ, и о чемъ иной выслушавъ, почтетъ это невѣроятнымъ. Поступалъ же такъ потому, что не былъ поставленъ по правилу церковному, и былъ назначенъ Епископомъ не по апостольскому преданію, но присланъ отъ Двора съ воинскою силою и пышностію, какъ-будто бы вручалась ему мірская власть. Поэтому, желалъ онъ больше—быть другомъ градоправителей, нежели епископовъ и монашествующихъ. И если когда писалъ ему съ горы Отецъ Автовій, то, поелику богочестіе неприятно грѣшнику, онъ гнушался письмами сего Святаго. А если писалъ царь, или военачальникъ, или какой судія,—столько же бывалъ веселъ, какъ—и тѣ, о которыхъ, какбы оплакивая ихъ, говоритъ Писаніе въ Притчахъ: *о оставившии пути правыя! о веселящихся о злыхъ и радующихся о развращеніи*

злымъ (Притч. 2, 13. 14.)! И, безъ сомнѣнія, приносящихъ сіи письма чествовалъ онъ денежными вознагражденіями. А когда написалъ ему, однажды, Автоній, — вельбъ дуку Балакію оплевать и бросить посланіе. Но судъ Божій не оставилъ сего ненаказаннымъ; не много прошло времени, какъ поименованный Дукъ садился на коня, отправляясь еще только въ путь; конь обернулся и укусилъ его въ лядвею; Дукъ упалъ, и чрезъ три дня умеръ.

Такъ поступали они со всѣми. Между-тѣмъ въ Римъ собралось до пятидесяти епископовъ. Евсевіевыхъ сообщниковъ, какъ подозрительныхъ и убоявшихся прійти, не приняли они въ общеніе, и писаннаго ими не уважили, а меня приняли и возлюбили со мною общеніе. Но пока сіе происходило, — дошло до свѣдѣнія Царя Констанса и о Соборъ, бывшемъ въ Римъ, и о томъ, что сдѣлано противъ Церквей въ Александріи и на всемъ Востоку. Тогда пишетъ онъ къ брату Констанцію; и обимъ уже было угодно, чтобы составился Соборъ, и были разобраны дѣла, и обиженные не терпѣли болѣе обидъ, обидчики же не могли болѣе осмѣливаться на подобныя поступки. Поэтому, въ городъ Сардику сходятся епископы съ Востока и Запада числомъ болѣе или менѣе 170-ти. Западные епископы были одни съ Отцемъ Осіею, а восточные привели съ собою пѣстунами и ходатаями Мусоніана комита и Исихія челоувѣка военнаго, которыхъ ради и пришли охотно, надѣясь опять сдѣлать все ихъ властію. Ибо такъ и всегда съ помощію ихъ показывали себя страшными, кому хотѣли, и строили козни, противъ кого было имъ угодно. Когда же пришедши

93.

увидѣли, что производится одинъ церковный судъ безъ Комита и воиновъ, увидѣли противъ себя обвинителей и обличителей отъ каждой Церкви и отъ каждаго города, увидѣли, что почтенные Епископы Арій и Астерій, хотя пришли съ ними, но уклонились отъ нихъ, присоединились къ намъ и пересказали намъ о лукавствѣ ихъ и о томъ, сколько они подозрительны по дѣламъ, и сколько боятся судопроизводства,—чтобы и мы ихъ не обличили, и представленные ими обвинители не показали, что сами они все это внушили имъ и подстроили,—примѣчая все это,—хотя пришли со тщавіемъ въ той мысли, что иначе не встрѣтятъ насъ, какъ уstraшенными, но какъ-скоро увидѣли нашу готовность,—заключаются во дворецъ (ибо тамъ жили) и начинаютъ разсуждать между собою: «Съ иною цѣлю мы шли, и иное видимъ; пришли мы съ комитами, а судъ производится безъ комитовъ; безъ сомнѣнія, мы будемъ осуждены, всѣ вы знаете данныя предписанія; Аѳанасіевы защитники имѣютъ у себя мареотскія записки, по которымъ онъ оправдается, а мы посрамимся. Поэтому, что же намъ дѣлать? Для чего медлить? Выдумаемъ какіе-нибудь предлоги и уйдемъ, чтобы оставался не быть осужденными; лучше, бѣжавъ, повести стыдъ, нежели потерпѣть посрамленіе, когда обличать насъ клеветниками. Если убѣжимъ, то будемъ еще въ-состояніи хотя сколько-нибудь защитить ересь. Хотя и осудятъ насъ бѣжавшихъ: но нашимъ покровителемъ Царь; онъ не попуститъ, чтобы народъ изгналъ насъ изъ Церквей».

Подобно сему разсуждали они; Осія же и многіе другіе епископы часто давали имъ выразумѣть рев-

ность Аѳанасіевыхъ защитниковъ, и сколько готовы они къ оправданію, даже обѣщаются обличить ихъ клеветниками. Епископы говорили: «Если боитесь суда,— для чего пришли? Или приходитъ не надлежало, или пришедши не должно бѣжать». Слыша это и еще въ большій пришедши страхъ, прибѣгли къ новому предлогу болѣе нелѣпому, нежели выдуманный въ Антиохіи, будто бы Царь писалъ имъ о торжествахъ по случаю побѣды надъ персами, и рѣшились бѣжать. И предлогъ сей безъ стыда представили чрезъ Евстаѳіа пресвитера сардикійской Церкви. Однакоже, побѣгъ ихъ по желанію не состоялся. Ибо святой Соборъ, на которомъ председателемъ былъ великій Осія, вскорѣ написалъ имъ ясно: «Или явитесь оправдаться въ представленныхъ на васъ обвиненіяхъ и въ сложенныхъ вамъ клеветахъ, или знайте, что Соборъ осуждаетъ васъ, какъ признанныхъ виновными. Аѳанасія же и защитниковъ его объявляемъ свободными и чистыми отъ всякой вины». Но они больше были гонимы страхомъ совѣсти, нежели способны внять сему посланію; видя передъ собою обиженныхъ ими, не дали отвѣта дѣлающимъ сіе предложеніе, но скорѣе, бѣжали.

Такъ постыдно и неблагообразно было ихъ бѣгство. Святой же Соборъ, созванный изъ 35-ти и болѣе епархій, признавъ злонравіе аріанъ, допустилъ Аѳанасія и прочихъ съ нимъ къ оправданію, въ чемъ обвиняли ихъ, и за что пострадали; и когда оправдались, какъ сказали мы выше,—Соборъ призналъ ихъ и призналъ достойными всякаго удивленія, а потому и возлюбилъ общеніе съ ними, отписалъ всюду, послалъ писанія въ округъ cadaго и осо-

бенно въ Александрію, въ Египеть и въ Ливію, что Аѳанасій и прочіе съ нимъ чисты и не подлежатъ никакому упреку, а противники ихъ — клеветники, люди злобные и вовсе не христіане. Посему, Аѳанасія и прочихъ съ нимъ отпустили съ миромъ, а низложили Стефана, Минофанта, Акакія, Георгія лаодикійскаго, Урзація, Валента, Феодора и Нарцисса. Григорія же, присланнаго Царемъ въ Александрію, отлучили отъ Церкви; потому что онъ вовсе не былъ епископомъ, и не долженъ именоваться христіаниномъ. Поэтому, объявили недѣйствительными и тѣ поставленія, которыя сдѣланы Григоріемъ, приказавъ, чтобы оныя вовсе не именовались въ Церкви, по необычайности беззаконія. Такъ Аѳанасій и прочіе съ нимъ отпущены съ миромъ. Соборныя же посланія, по длиннотѣ ихъ, писаны въ концѣ (з). И Соборъ разошелся.

Низложенные, которымъ теперь надлежало бы успокоиться, послѣ такого постыднаго бѣгства, совершили дѣла, въ сравненіи съ которыми прежніе ихъ поступки оказываются малыми. Ибо, когда жители Адрианополя не захотѣли вступить съ ними въ общеніе, потому что бѣжали они отъ Собора и признаны виновными; тогда донесли о семъ Царю Констанцію, и сдѣлали, что на тамошнемъ заводѣ десять человекъ мірянъ были обезглавлены, при содѣйствіи аріанамъ опять и въ этомъ Филагрія, бывшаго тамъ комитомъ. Надгробные памятники умерщвленныхъ находятся предъ городомъ, какъ и мы это видѣли,

(з) Сія посланія помѣщаемъ уже выше Т. I. стр. 230—256.

проходя мимо. Потомъ, какъ-будто сдѣлано имъ хорошее дѣло, потому что бѣжали, чтобы не обличили ихъ клеветниками; все, чего только хотѣли, и Царь подтвердилъ своимъ приказаніемъ. Поэтому, успѣли и въ томъ, что изъ Александріи сосланы въ заточеніе въ Арменію два пресвитера и три діакона; Арія же и Астерія, изъ которыхъ одинъ былъ Епископомъ Петры палестинской, а другой Епископомъ аравійскимъ, за то, что отдѣлились отъ нихъ, не только послали въ заточеніе въ верхнюю Ливію, но и подвергли ихъ оскорбленіямъ.

Съ адрианопольскимъ Епископомъ Лукіемъ, поелику увидѣли, что обходится съ аріанами очень смѣло и обличаетъ ихъ нечестіе, поступили опять такъ-же, какъ и прежде, возложили желѣзныя оковы на выю и руки, и потомъ, послали въ заточеніе, гдѣ Лукій и скончался, какъ они это знаютъ. Удалили съ мѣста Епископа Діодора, Олимпія же энейскаго и Θεодула траянопольскаго, которые оба были Епископами во Фракіи, добрыхъ и православныхъ мужей, поелику видѣли, что они ненавидятъ ересь, оклеветали сперва Евсевіевы сообщники, о чемъ и писалъ Царь Констанцій, а во второй разъ и сіи подтвердили то же. Констанціемъ же писано было не только изгнать сихъ Епископовъ изъ городовъ и Церквей, но и предать смертной казни, если будутъ гдѣ найдены. Какъ ни удивительно это, однакоже, видало не чуждо ихъ образу дѣйствія. Научившись подобнымъ вещамъ у Евсевіевыхъ сообщниковъ, и какбы ставъ наследниками ихъ нечестія и поведенія, какъ отцы ихъ дѣлали во Фракіи, такъ и они захотѣли въ Александріи показать себя страшными,

и по ихъ домогательству было написано наблюдать за пристанями и входами въ города, чтобы епископы не возвратились какъ въ Церкви, въ-слѣдствіе соборнаго дозволенія. Написано было, по ихъ домогательству, и къ александрійскимъ судіямъ объ Аванасіѣ и о нѣкоторыхъ пресвитерахъ по-иному, что если Епископъ, или кто изъ оныхъ пресвитеровъ найденъ будетъ вступившимъ въ городъ или въ предѣлы его, то судія въ-правъ—обезглавить найденнаго. Такъ новая іудейская ересь не только отрицается отъ Господа, но и поучается убійствамъ.

И при этомъ они не успокоились; но какъ отецъ ихъ ереси *ходитъ яко левъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8.), такъ и они,—захвативъ во власть свою общенародное гульбище и ходя по оному, если находили, что кто-нибудь порицаетъ ихъ за бѣгство и изъявляетъ ненависть къ аріанской ереси,—всѣхъ таковыхъ съкли бичами, связывали, высылали изъ отечества въ заточеніе. А чрезъ это сдѣлали себя столько страшными, что многіе обратились въ лицемеровъ, а многіе согласились лучше—бѣжать въ пустыни, нежели жить съ ними вмѣстѣ. Таковы были неистовыя ихъ дерзости послѣ побѣга. Ибо совершаютъ нѣчто необычайное, пріличное только ихъ ереси, чего прежде и не слыхивали, и чего, можетъ быть, никогда не случится даже у развращенныхъ язычниковъ, не только у христіанъ. Святый Соборъ Епископовъ Викентія изъ Капуи, гдѣ—митрополія Кампаніи, и Евфрата пзъ Агриппиніи, гдѣ—митрополія верхней Галліи, отправилъ послани къ Царю, чтобы, поелпку онъ изгналъ Епископовъ, то самъ же и дозволилъ бы, по суду соборному, возвратить-

ся имъ въ свои Церкви. Писалъ также и благочестивѣйшій Констансъ къ брату своему, и поддерживалъ сторону Епископовъ. Сии же достойные удивленія и на все отважные люди, какъ-скоро увидѣли пословъ въ Антиохіи, составляютъ общій совѣтъ, исполненіе же принимаетъ на себя одинъ Стефанъ, какъ способный къ подобнымъ дѣламъ. Въ самые дни святѣйшей Пасхи, напимають распутную женщину, и раздѣвъ ее до-нага, вводятъ ночью къ Епископу Евфрату. Женщина сія, думая сперва, что призвана молодымъ человѣкомъ, шла охотно. Когда же, оставленная ими, увидѣла человѣка соннаго, который ничего не знаетъ о случившемся, а потомъ, разсмотрѣла лице старца и догадалась, что это — Епископъ, — тотчасъ подняла крикъ, и стала жаловаться, что введена насильно. Но они просили ее молчать и солгать на Епископа. Такъ наступилъ день; дѣло разгласилось, и стекся весь городъ; придворные пришли въ движеніе, дивясь распространившемуся слуху и прося не молчать о дѣлѣ. Поэтому, произведенъ судъ; содержатель непотребнаго дома обличилъ приходившихъ за женщиной; она же обличила Стефана, потому что были это его клирики. Посему, Стефанъ отрѣшается, и на мѣсто его поставляется скопецъ Леонтій, только бы арианской ереси не оставаться безъ защитника.

Царь Констанцій, тронутый симъ нѣскольکو, пришелъ въ себя, и изъ поступка съ Евфратомъ заключивъ, что и противъ другихъ бываютъ подобные замыслы, повелѣваетъ немедленно освободить сосланныхъ изъ Александріи въ Арменію пресвитеровъ и діаконовъ; и въ Александрію пишетъ прямо, чтобы

болѣе не преслѣдовать клириковъ и мірянъ у Аѳанасія. Потомъ, когда мѣсяцевъ чрезъ десять скончался Григорій, — съ великою честью приглашаетъ Аѳанасія, не однажды и не двукратно, но три раза напсавъ къ нему дружественно, убѣждаетъ ничего не опасаться и идти въ путь, посылаетъ пресвитера и діакона, чтобы тѣмъ съ бѣльшею увѣренностію возвратился онъ. Царь думалъ, что, страшась бывшаго прежде, не забочусь о возвращеніи. Пишетъ же и къ брату своему Констансу, чтобы и онъ убѣждалъ меня возвратиться. Онъ увѣрялъ, что цѣлый годъ ожидаетъ Аѳанасія, и никакъ не дозволялъ какого-либо нововведенія, или поставленія, сохраняя Церкви Епископу Аѳанасію.

Когда же такъ писалъ Царь и убѣждалъ чрезъ многихъ, потому что заставлялъ писать и комитовъ Полемія, Датіана, Бардіона, Фаласса, Тавра и Флоренція, которымъ болѣе можно было вѣрить; тогда, предавъ все Богу, и на сіе подвижшему Констанція, пришель къ нему Аѳанасій съ бывшими при немъ. Царь принялъ его искренно и дозволилъ возвратиться въ отечество и въ Церкву, напсавъ къ помѣстнымъ судьямъ, чтобы (такъ-какъ прежде приказывалъ оберегать входы) имѣть ему невозбренный доступъ. Потомъ, когда Епископъ сталъ жаловаться на то, что потерпѣлъ, и что писано было противъ него, присовокупилъ же и просьбу, чтобы, по отбытіи его, опять не стали клеветать враги, и сказалъ: «призови ихъ, если угодно; пусть стануть они передо мною, и я обличу ихъ»; тогда Царь не сдѣлалъ этого, но все, что прежде писано было на Аѳанасія по клеветѣ, велитъ уничтожить и изгладить,

подтвердивъ, что впредь не потерпитъ клеветы, и что намѣреніе его въ этомъ—твердо и непремѣнно. И сказалъ сіе не просто, но запечатлѣлъ слова клятвами, призывая при семъ свидѣтелей Бога. Убѣдивъ же Аѳанасія многими другими словами и посовѣтовавъ ему остаться въ томъ увѣреннымъ, къ епископамъ и судьямъ пишетъ слѣдующее (н):

Побѣдитель Констанцій Августъ—екзарху египетскому Несторію.

Извѣстно, что прежде сего было наше приказаніе (і) отыскать нѣкоторыя писанія, противныя чести достопочтеннѣйшаго Епископа Аѳанасія, состоятъ же оныя въ завѣдываніи твоей правдивости. Посему, угодно намъ отъ испытанной нами трезвенности твоей, чтобы всѣ письма, касающіяся сказаннаго выше имени и бывшія въ твоёмъ завѣдываніи, сообразно сему нашему приказу, отослалъ ты въ нашъ комитатъ.

А что писалъ онъ, по смерти блаженнаго Констанса, то, по переводу съ латинскаго подлинника, состоитъ въ слѣдующемъ:

Побѣдитель Констанцій Августъ—Аѳанасію.

103. Всегдашнимъ моимъ желаніемъ было, чтобы все дѣлалось въ угодность покойному моему брату Кон-

(н) Смотри выше два посланія Констанціевы: одно—къ епископамъ и пресвитерамъ вселенской Церкви (Т. I. стр. 261.), другое—ко всѣмъ вѣрнымъ вселенской Церкви въ Александрію (Т. I. стр. 262.).

(і) Смотри выше Т. I. стр. 263.

стансу; это не безызвѣстно и твоему разумѣнію. Въ какой же былъ я скорби, узнавъ, что онъ умерщвленъ какими-то людьми преступными,—о семъ можетъ опять догадываться твое благоразуміе. Поелику же въ настоящее столь печальное время покушаются иные устрашать тебя; то заблагоразсудилъ я послать къ твердости твоей письмо сіе, поставляя тебя въ обязанность, какъ прилично епископу, учить народъ тому, чего требуетъ Божественная вѣра, и вмѣстѣ съ нимъ обычнымъ образомъ проводить время въ молитвахъ, а не вѣрять пустымъ слухамъ, какіе бы они ни были. У насъ же укоренено въ душъ это желаніе, чтобы тебя, согласно съ нашимъ изволеніемъ, всегда быть епископомъ на мѣстѣ твоёмъ. Божественный Промыслъ многіе годы да соблюдаетъ тебя, возлюбленнѣйшій Отецъ (к)!

Когда происходило сіе,—Аѳанасій и бывшіе съ нимъ простились и вступили уже въ путь; друзья, взирая на друга, радовались; а что—до прочихъ,—то одни, видя его, стыдились, другіе, не осмѣливаясь видѣть, скрывались, иные же раскаявались въ томъ, что писали на Епископа. Всѣ палестинскіе Епископы, за исключеніемъ двоихъ или троихъ, и то подозрительныхъ, такъ приняли Аѳанасія и возрадовались общенію съ нимъ, что писали и оправдывались, говоря: «что писано нами прежде, то сдѣлано не по произволенію, но принужденно». А объ Епископахъ

(к) Письмо сіе читается выше (стр. 97. 98.) въ другихъ нѣскольکو выраженіяхъ, вѣроятно, по другому переводу съ латинскаго языка.

въ Египтъ и въ Ливіяхъ, также о народъ въ сихъ странахъ и въ Александріи излишнее дѣло и говорить; потому что всѣ стекались, и несказанна была ихъ радость, не потому только, что сверхъ чаянія срѣтали своихъ живыми, но и потому, что освобождались отъ еретиковъ, какъ отъ мучителей и отъ бѣшеныхъ псовъ. Великое было веселіе, когда люди мірскіе въ церковныхъ собраніяхъ другъ друга поощряли къ добродѣтели. Сколько незамужнихъ, которыя прежде готовы были вступить въ бракъ, остались дѣвами Христовыми? Какъ многіе, смотря на другихъ, возлюбили иноческую жизнь? Сколь у многихъ просили дѣти, чтобы не препятствовали имъ подвизаться о Христе? Сколь многія жены убѣдили мужей, и сколь многія убѣждены мужьями, пребывать, какъ сказалъ Апостоль, въ молитвъ (1 Кор. 7, 5.)? Сколько вдовъ, сколько сиротъ прежде были голодны и наги, а теперь, въ слѣдствіе великаго народнаго усердія, не только не чувствовали голода, но ходили уже одѣтыми? Вообще, такое было соревнованіе въ добродѣтели, что каждое жилище, каждый домъ, по добротолубію обитающихъ и по молитвъ къ Богу, можно было почестъ церковію. Глубокій и чудный былъ миръ въ Церквахъ; повсюду сущіе епископы писали и принимали отъ Аѳанасія обычныя мирныя посланія.

Раскаялись и Урзацій и Валентъ, какбы терзаемые совѣстію. Дружеское и мирное посланіе пишутъ они къ Епископу, хотя сами не получили отъ него письма. Пришедши же въ Римъ, приносили покаяніе, признаваясь, что все, что ни дѣлали и ни говорили они противъ Аѳанасія, есть ложь и одна

клевета. И не сіе одно сдѣлали они, но предавъ анаѳемъ аріанскую ересь, письменно изложили свое покаяніе, написавъ Епископу Юлію на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ на еллинскій, слѣдующее посланіе, съ котораго на латинскомъ языкѣ (л) приславъ списокъ мнѣ Павломъ, Епископомъ триверскимъ.

Написавъ это, подписались они и къ мирнымъ посланіямъ, когда проходили у нихъ Аѳанасіевы пресвитеры, Петръ и Иринея и мірлининъ Аммоній, хотя Аѳанасій съ ними ничего не написалъ къ Урзацію и Валенту.

Посему, кто не дивился, видя все сіе и такой миръ Церквей? Кто не радовался, взряя на единомысліе столькихъ епископовъ? Кто не славилъ Господа, примѣчая веселіе народа въ церковныхъ собраніяхъ? Сколь многіе изъ враговъ принесли покаяніе? Сколь многіе изъ клеветавшихъ прежде старались оправдаться? Сколь многіе изъ ненавидѣвшихъ прежде Аѳанасія въ послѣдствіи возлюбили его? Сколь многіе изъ писавшихъ противъ него перемѣнили складъ пѣсни? Многіе изъ бывшихъ въ общеніи съ аріанами не по произволенію, но по нуждѣ, приходили ночью и оправдывались; они предавали ересь анаѳемъ и просили себѣ прощенія, потому что по заговорамъ и клеветамъ, отъ нихъ бывшимъ, видимо и тѣлесно были они съ аріанами, сердцемъ же соединены съ

(л) Смотри выше посланія Урзація и Валента, одно—къ Епископу Юлію Т. I. стр. 266. а другое—къ св. Аѳанасію Т. I. стр. 267.

Аѳанасіемъ, и съ нимъ всегда пребываютъ. Эй, поверьте, что это было такъ!

Но видя и слыша сіе, въ великомъ были стыдѣ наследовавшіе мнѣнія и нечестіе Евсевіевы, а именно: скопецъ Леонтій, — съ которымъ не должно имѣть общенія и какъ съ мірянномъ, потому что оскотпилъ себя, чтобы свободно уже жить съ какой-то Евстоліей, которая имѣла прежде съ нимъ связь, хотя именовалась еще дѣвою, — также Георгій, Акакій, Феодоръ, Наркиссъ, которые низложены еще Соборомъ. Потомъ, видя согласіе и миръ съ Аѳанасіемъ болѣе нежели 400 епископовъ, и именно: Епископовъ великаго Рима, всей Италіи, Калабріи, Апуліи, Кампаніи, Бриттій, Сициліи, Сардиніи, Корсики и всей Африки, также Епископовъ Галліи, Британіи, Испаніи и великаго исповѣдника Осіи, и еще Епископовъ Панноніи, Норика, Сискіи, Далмаціи, Сардиніи, Дакии, Мисіи, Македоніи, Фессалии, всей Ахаіи, Крита, Кипра, Ликіи и большей части Епископовъ Палестины, Исавріи, Египта, Фиваиды, всей Ливіи и Пентаполя, — видя все сіе, объаты они были завистию и страхомъ; — завистию по причинѣ общенія съ Аѳанасіемъ столь многихъ Епископовъ, и страхомъ, чтобы обольщенные ими не приступили къ еднородности съ столь многими, и обезсиленная ересь ихъ не была всюду предана посрамленію и позору.

И во-первыхъ, убѣждаютъ Урзація и Валента перемѣнить свои мысли и подобно псамъ возвратиться на свою блевоину, или подобно свиніямъ снова погрузиться въ прежнюю тину нечестія и выдумать такой предлогъ принесеннаго ими покаянія, будто бы сдѣлали сіе, убоявшись благочестивѣйшаго Кон-

станса. Но если былъ въ этомъ и страхъ; то, ежели дѣло совершаемо было съ увѣренностію въ ономъ, не надлежало измѣнять сдѣланному. Если же и страха не было, во они солгали; то не всякаго ли достойны они осужденія? Не было тутъ воина, и не посылались царедворцы или письмоводцы (какъ дѣлаютъ они нынѣ), не присутствовалъ царь, и вовсе не по чьему-либо приглашенію писали они; но сами, по своей воли, пришли въ Римъ, и въ церкви, гдѣ нѣтъ вѣшняго страха, дѣйствуетъ же одинъ страхъ Божій, гдѣ всякій имѣетъ свободное произволеніе, сами собою принесли покаяніе и написали оное. И однакоже, въ другій разъ ставъ аріанами, не красѣются, придумавъ снова такой неприличный предлогъ.

Потомъ, собравшись вмѣстѣ, обратились съ просьбою къ Царю Констанцію, говоря: «О чемъ представляли мы прежде, въ томъ намъ не повѣрили. Когда вызывалъ ты Аѳанасія,—говорили мы, что, приглашая его, изгоняешь нашъ толкъ; потому что Аѳанасій изъ-начала противъ него, и не перестаетъ предавать его анаемѣ. Онъ всюду уже разослалъ свои противъ насъ писанія; весьма многіе—въ общеніи съ нимъ, а которые, повидимому, насъ держались, тѣ, или уже присоединились къ нему, или думаютъ присоединиться; и мы остались одни; есть опасность, что огласится наше ученіе, и мы и ты будемъ, наконецъ, провозглашены еретиками. А если сдѣлается сіе; то смотри, чтобы не причли насъ къ манихеямъ. Поэтому, начини опять гоненіе, и будь покровителемъ нашего толка; потому что и онъ признаетъ тебя своимъ царемъ». Таковы были лукавыя ихъ

29. 97.
 слова. И Царь, когда шелъ противъ Максентія, види
общеніе Епископовъ съ Аѳанасіемъ, какбы возго-
рѣвшись огнемъ, перемѣнилъ свою мысль, не сохра-
нилъ въ памяти клятвъ, но забылъ, что писалъ, и
 не соблюлъ даннаго брату слова; потому что и въ
 письмахъ къ нему, и при свиданіи съ Аѳанасіемъ,
 увѣрялъ клятвенно не иначе поступать, но только
 какъ пожелаетъ народъ, и угодно будетъ Епископу.
 Усердіе къ нечестію сдѣлало, что все вдругъ стало
 имъ забыто. Но не должно дивиться, что перемѣ-
 нился Констанцій послѣ столькихъ писаній и клятвъ.
 И тогдашній египетскій мучитель, Фараонъ, много-
 кратнo давая обѣщанія и получая за то освобожде-
 ніе отъ казней, перемѣнялъ свое намѣреніе, пока вко-
 нецъ не погибъ съ своими единомышленниками.

Сперва Констанцій въ каждомъ городѣ принуж-
 далъ епископовъ перемѣниться; а когда былъ въ
 Арелатъ и въ Медиоланъ, — сталъ уже поступать, какъ
 совѣтовали и внушали еретики, лучше же сказать,
 сами они стали такъ поступать, и воспользовавшись
 властію, нападать на всякаго. И вскорѣ пришли по-
 вельнія и писанія къ епарху—немедленно отнять у
 Аѳанасія выдававшійся ему хлѣбъ и отдать мудрствующимъ
 по-аріеву, а также дозволить желающимъ
 оскорблять всякаго, кто сходится на богослуженіе
 вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ. Угрожали даже судіямъ, если
 будутъ собираться на богослуженіе не съ аріанами.
 Все же сіе было только предначатиемъ того, что сдѣ-
 лано потомъ дукомъ Сиріаномъ. Посланы предписа-
 нія и въ другія мѣста кромѣ Александріи, отправле-
 ны въ города письмоводцы и придворные съ угро-
 зами къ епископамъ и судіямъ, чтобы судіи поспѣ-

шали, а епископы, или писали противъ Аѳанасія, вступивъ въ общеніе съ аріанами, или въ наказаніе сами подвергались заточенію, а также міряне, сходящіеся съ ними на богослуженіе, звали, что противъ нихъ употреблены будутъ узы, поруганія, раны и отъятіе собственности. Предписаніе это не оставлено въ небреженіи; потому что посланные имѣли при себѣ клириковъ Урзаціевыхъ и Валентовыхъ, чтобы и побуждали они нерадивыхъ судей и доносили о нихъ Царю. И другимъ ересямъ, какъ меньшимъ своимъ сестрамъ, дозволяли хулить Господа; противъ однихъ только христіанъ злоумышляли, не имѣя терпѣнія слышать благочестивыя о Христвѣ вѣщанія. Посему, сколько епископовъ, по Писанію, вѣдены были предъ воеводы и цари (Марк. 13, 9.), и слышали отъ судей: «или подпишитесь, или оставьте Церкви, потому что Царь велѣлъ низложить васъ»? Сколь многіе въ городахъ приведены были въ смущеніе, что и ихъ обвинять, какъ друзей епископскихъ? Ибо и гражданамъ было писано, притомъ съ угрозою денежнаго взыскація, если каждый не будетъ епископа города своего принуждать къ тому, чтобы подписался. Вообще, всякое мѣсто и всякій городъ исполнились страха и смятенія; потому что епископовъ влекли, а судіи видѣли сътованіе и стenanія народа.

Такъ поступали посланные царедворцы. Сіи же чудные люди, смѣло полагаясь на покровительство, употребляютъ свое стараніе, и такимъ образомъ, однихъ епископовъ вызываютъ къ Царю, противъ другихъ строятъ опять козни, въ письмахъ выдумывая на нихъ обвиненія, чтобы одни убоились присутствія

Констанціева, другіе же, устрашившись посланныхъ и угрозъ вымышленною клеветою, отступили отъ своего праваго и благочестиваго образа мыслей. Такъ, Царь великое число епископовъ, то угрозами, то обѣщаніями принуждалъ сказать: «мы — уже не въ общеніи съ Аѳанасіемъ». Приходящимъ къ Царю не прежде дозволяли его видѣть, и вообще, не прежде давали имъ какой-либо покой и свободу оставлялъ свое жилище, какъ взявъ съ нихъ подпись. А если отказывались подписаться, то посылали ихъ въ заточеніе. И это дѣлалъ Царь, примѣчая, что ересь ненавидима всѣми. Посему-то ваипаче и принуждалъ многихъ присоедииниться къ числу немногихъ, старался собрать кучу именъ изъ зависти къ Епископу Аѳанасію, и чтобы придать бѣльшую важность аріанскому ученію, которому онъ покровительствовалъ, думая, что въ-состояніи будетъ такъ-же извратить истину, какъ превращалъ людскія мнѣнія; но не зналъ и не читалъ того, что саддукеи и продіане, присоедиинивъ къ себѣ фарисеевъ, не возмогли утаить истину. Напротивъ же того, истина при всемъ этомъ съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе блистательною, а они, вопія: *не имамы Царя, токмо Кесаря*, и имѣя на своей сторонѣ Платовъ приговоръ, тѣмъ не менѣе остаются лишенными всего и во всемъ стыдѣ, ожидая, что и сами будутъ совершенно обважены, какъ *рыбъ* (Іерем. 17, 11.); какъ-скоро увидятъ умершимъ своего покровителя.

Хотя совершенно неприлично, что нѣкоторые изъ епископовъ, устрася сего, перемѣнили свои мнѣнія; но гораздо неприличнѣе, что неполагающіеся на правоту своей вѣры употребляютъ насиліе и при-

нуждають другихъ вѣрнѣ противъ воли. Такъ, дѣволъ, поелику нѣтъ въ немъ истины, нападая *слѣвѣмъ и оскордомъ*, сокрушаетъ *двери* пріемлющихъ его (Псал. 73, 6.). Спаситель же столько кротокъ, что, хотя спрашиваетъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити* (Матѣ. 16, 24.), и: кто хочетъ быть моимъ ученикомъ, однакоже, приходя къ каждому, не употребляетъ насилія, а напротивъ того, ударяетъ въ дверь и говоритъ: *отверзи Ми сестро Моя* невесто (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2.); и когда отворяють, — входитъ; когда же медлятъ и не хотятъ, — удаляется. Не мечемъ и стрѣлами, не съ помощію воиновъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ. Какое же — тамъ убѣжденіе, гдѣ — страхъ царевъ? Или, какой — совѣтъ, гдѣ прекословящій имѣетъ предъ собою въ-виду заточеніе, или смерть? И Давидъ, — будучи Царемъ, когда въ рукахъ своихъ имѣлъ врага, и воины его покушались убить сего врага, — не со властію запретилъ имъ, но, какъ говоритъ Писаніе, словами убѣждалъ мужей своихъ, и не далъ имъ возстать и умертвить Саула (1 Цар. 26, 9—11.). А Констанцій, поелику нѣтъ у него слова, принуждаетъ всѣхъ властію, чтобы всякому было явно, что мудрованіе ихъ не по Богу, но челоувѣческое, и мудрствующіе по-аріеву дѣйствительно не имѣють Царя токмо Кесаря; потому что христорборцы чрезъ него дѣлають все, что только хотятъ.

Но, положивъ при его помощи строить козни многимъ, не знали они, что заставяють многихъ сдѣлаться исповѣдниками; таковы нынѣ показавшіе досто-славное исповѣдничество, мужи благоговѣйные и добрые епископы: Павлинъ, Епископъ Триверовъ,

митрополи гальской, Люциферъ, Епископъ митрополи сардинской, Евсевій веркельскій въ Италиі, и Діонисій Епископъ Медиолана, также митрополи итальянской. Ибо Царь, призвавъ ихъ, приказывалъ подписаться противъ Аѳанасія и вступить въ общеніе съ еретиками; потомъ, когда они, удивившись сему новому предпріятію, сказали, что нѣтъ такого церковнаго правила, — онъ тотчасъ возразилъ: «Я хочу этого правила, — исполняйте; такъ сказано мною и епископамъ сирійскимъ, и онъ согласенъ. Поэтому и вы, или повинуйтесь, или будете въ заточеніи». Епископы, выслушавъ и весьма удивившись, воздѣвъ руки къ Богу, съ великимъ дерзновеніемъ обратили къ нему рѣчь, поучая, что царство — не его, но даровавшаго ему Бога, и умоляли убоиться Бога, чтобы не отнялъ онаго внезапно; угрожали ему днемъ суда, советовали ему не разстроивать дѣлъ Церкви и римскаго народоправленія не смѣшивать съ церковнымъ постановленіемъ, не вводить аріанской ереси въ Церковь Божию. Но онъ не вилялъ имъ, не позволилъ продолжать рѣчь, а напротивъ того, еще болѣе сталъ угрожать, обнажилъ на нихъ мечъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ велѣлъ отвести на казнь, и опять, какъ Фаравонъ, отмѣнилъ приказъ. Посему, святые сии, отрясши прахъ и возведя очи къ Богу, не убоились царской угрозы, и ради обнаженнаго меча не измѣнили истинъ, но и самое изгнаніе свое обратили въ дѣло служенія. Проходя по мѣстамъ и городамъ, хотя были въ узахъ, благовѣствовали они, проповѣдуя благочестивую вѣру, анаѳематствуя же аріанскую ересь и предавая позору раскаяніе Урзаціа и Валента. И изъ сего вышло противное желанію злоумы-

шлявшихъ. Чѣмъ дальше отстояло мѣсто заточенія, тѣмъ больше возрастала къ нимъ ненависть, и шестіе заточаемыхъ стало проповѣдію объ ихъ печестіи. Ибо кто, смотря, какъ проходили заточаемые, не дивился имъ, какъ исповѣдникамъ, и не отвращался отъ аріанъ и не гнушался ими, не только какъ нечестивыми, но какъ кровопійцами и убійцами, давая имъ всякія именованія, только не имя Христіанъ?

Посему, Констанцію лучше было въ самомъ началѣ вовсе не приступать къ сей ереси, или приступивъ, не уступать въ такой мѣрѣ печестивымъ, или уступивъ до такой степени, стать въ одинъ съ ними рядъ, чтобы понести общее съ ними осужденіе за учиненныя дониндѣ дерзости. Но, какъ видно, подобно обезумѣвшимъ, опутавъ себя оковами нечестія, навлекаютъ они на себя еще большее осужденіе. Ибо и вначалѣ не пощадилъ Либерія римскаго Епископа, но и туда простерли свое неистовство; не постыдились, что это—Апостольскій престолъ; не уважили, что Римъ есть митрополія Романіи; не привели себя на память, что прежде сами въ письмахъ именовали ихъ мужами Апостольскими. Все смѣшавъ вмѣстѣ, о всемъ вдругъ забыли, и заботились только ревновать о нечестіи. Какъ-скоро увидѣли, что Либерій держится православія, ненавидитъ аріанскую ересь и старается убѣдить всякаго, чтобы отвращался и удалялся отъ ереси; тотчасъ разсудили сіи злочестивые: «если Либерія склонимъ на свою сторону, то вскорѣ и всѣхъ преодолѣемъ». И клеветуютъ они Царю, а онъ, въ чаяніи чрезъ Либерія привлечь къ себѣ всѣхъ, неспешенно пишетъ и посылаетъ ка-

кого-то евнуха, по имени Евсевія, съ письмомъ и съ дарами, чтобы обольстить дарами и привести въ страхъ письмомъ. Посему, евнухъ, прибывъ въ Римъ, сперва, убъждалъ Либерія подписаться противъ Аѳанасія и вступить въ общеніе съ аріанами, говоря: «этого хочеть Царь, и такъ велить тебѣ поступить»; потомъ, показывая дары, снова убъждалъ и бралъ его за руки, говоря: «послушайся Царя, и прійми сіи дары».

Епископъ же, желая убъдить словомъ, вразумлялъ его: «Можно ли поступить такъ съ Аѳанасіемъ? Кого совершенно оправдалъ не только первый, но и второй, отсюда созванный, Соборъ, и кого римская Церковь отпустила съ миромъ, того можемъ ли мы осудить? И кто одобритъ насъ, если заочно окажемъ отвращеніе къ тому, кого лично возлюбили и допустили съ собою въ общеніе? Нѣтъ такого церковнаго правила, не имѣемъ у себя подобнаго преданія отъ Отцевъ, которые сами заимствовались у блаженнаго и великаго Апостола Петра. Но если Царь заботится о церковномъ мирѣ, если повелѣваетъ уничтожить написанное нами въ пользу Аѳанасія; то пусть будетъ уничтожено составленное ими противъ Аѳанасія, а также уничтожено составленное и противъ всѣхъ другихъ, и пусть, наконецъ, составится церковный Соборъ вдали отъ двора, гдѣ не присутствовалъ бы царь, не появлялся комитъ, не угрожалъ судія, но было бы достаточно Божія только страха и Апостольскихъ постановленій, чтобы, такимъ образомъ, наче всего сохранена была церковная вѣра, какъ опредѣлили Отцы на никейскомъ Соборѣ, а мудрствующіе по-аріеву были изринуты, и ересь

С
127. 127. 199. 150.

О разномъ

ихъ предана проклятію. И тогда уже по произведе-
ніи суда о томъ, въ чемъ обвиняется Аванасій, или
другой кто, и въ чемъ обвиняютъ ихъ самихъ, ви-
новные будутъ извергнуты, а оправдавшіеся возьмь-
ютъ дерзновеніе. Ибо непозволительно было бы
причислить къ Собору тѣхъ, которые нечестиво
учать о вѣрѣ, и неприлично изслѣдованіе о частномъ
дѣлѣ предпочесть изслѣдованію о вѣрѣ. Прежде на-
добно пресѣчь всякое разногласіе о вѣрѣ, и потомъ
производить изслѣдованіе о дѣлахъ. И Господь напѣ
Исусъ Христосъ не изпѣлялъ страждущихъ прежде,
нежели обнаружатъ и скажутъ они, какую имѣютъ
въ Него вѣру. Сему научились мы отъ Отцевъ, сіе
и возвести Царю. И ему это полезно, и Церковь со-
здаетъ. Пусть не слушаетъ Урзація и Валента. Они
и въ прежнемъ калялись, и что теперъ говорятъ, не
заслуживаютъ въ томъ вѣры».

Такъ сказалъ Епископъ Либерій; внучъ же, огор-
часъ не столько тѣмъ, что Либерій не подписалъ,
сколько тѣмъ, что нашель въ немъ противника ереси,
и забывшись, что онъ—предъ Епископомъ, послѣ ве-
ликихъ угрозъ удалися съ дарами, совершаетъ же
нѣчто незаконное, чуждое христіанину и для еву-
ха слишкомъ дерзкое. Въ подражаніе Саулову пре-
ступленію, входитъ онъ во храмъ Апостола Петра,
и ему посвящаетъ дары. Но Либерій, узнавъ о семъ,
сильно вознегодовалъ на того, кто былъ блюстите-
лемъ мѣста и не воспрепятствовалъ ему; дары же,
какъ незаконную жертву, отрянулъ. И это на боль-
шій гнѣвъ подвигло скопца. Поэтому, раздражаетъ
онъ Царя, говоря: «не о Либеріевой подписи у насъ
теперь забота, страшить же Либеріевъ образъ мы-

слей объ ереси,—предавать арианъ анаѳемъ за одно имя». Къ тому же возбуждаетъ онъ и другихъ евнуховъ, а у Констанція—ихъ много, и лучше сказать, все одни евнухи, и во всемъ имѣютъ у него силу, безъ нихъ ничто не можетъ тамъ быть сдѣлано. Поэтому, Царь пишетъ въ Римъ, снова посылаются придворные письмоводцы, комиты и письма къ епарху, чтобы Либерія, или обманувъ хитростію, увели изъ Рима и прислали къ Царю въ станъ, или изгнали его насильно.

Послѣ того какъ было сіе написано,—страхъ и наветы усилились тамъ по всему городу. Сколькимъ домамъ сдѣланы угрозы? Сколько обѣщаній получили многіе, только бы дѣйствовали противъ Либерія? Сколь многіе епископы, видя сіе, скрывались? Сколь многія благородныя жены удалялись въ деревни по причинѣ клеветъ, распространяемыхъ христорборцами? Сколькимъ подвижникамъ устроены козни? Сколькихъ, проживавшихъ въ Римѣ и тамъ уже водворившихся, довели до изгнанія? Сколько разъ и съ какимъ стараніемъ охраняли пристань и входъ въ городскіе ворота, чтобы кто изъ православныхъ не вошелъ и не имѣлъ свиданія съ Либеріемъ? И Римъ на опытъ узналъ христорборцевъ, и ему уже сдѣлалось извѣстнымъ, чему не вѣрилъ прежде, слыша, какъ другія церкви по городамъ были ими разоряемы. Все же сіе, какъ и вездѣ противъ другихъ, приводили въ движеніе евнухи. И въ семъ злоумышленіи странно то, что арианская ересь, отрпцающая Божія Сына, находитъ себѣ помощь въ евнухахъ, которые, какъ по природѣ, такъ и по душѣ бесплодны добродѣтелями и вовсе не терпятъ слышать о Сынѣ. Еѳіопскій евнухъ, не понимая, чтò читалъ,

69. ^{Ученые} повѣрилъ Филиппу, который училъ о Спасителѣ; но Констанціевы внухи на терпятъ исповѣдающаго Петра, отвращаются даже, когда Отець показываетъ Сына, съ неистовствомъ возстають на утверждающихъ, что есть преискренній Божій Сынъ, присвоивъ себѣ скопеческую ересь, будто бы ничего нѣтъ преискренняго и истиннаго отъ Отца. Посему-то и законъ запрещаетъ допускать внуховъ въ церковное совѣщаніе. Однакоже, нынѣ и они признаются владыками церковныхъ судовъ, и что имъ заблагоразсудится, то присуждаетъ Констанцій; а такъ называемые епископы притворствуютъ. О, кто будетъ описателемъ всего этого? Кто возвѣститъ о семъ иному роду? Кто поивритъ, слыша, что внухи, которымъ едва довѣряются домашнія службы (потому что это родъ людей сластолюбивыхъ, о томъ только заботящихся, чтобы воспрепятствовать и другимъ, въ чемъ отказано имъ природою), управляютъ нынѣ дѣлами церковными? И ихъ-то власти подпавъ, Констанцій злоумышлялъ противъ всего, и изгналъ въ заточеніе Либерія.

103. Много писалъ Царь въ Римъ, много было угрозъ, много отправлено пословъ, много устроено козней; наконецъ, настало гоненіе и на Александрію. Либерій повлеченъ къ Царю, и съ великимъ предъ нимъ дерзновеніемъ говоритъ: «Перестань гнать христіанъ, не покушайся чрезъ насъ ввести нечестіе въ Церковь; мы готовы потерпѣть все, только не называться аріанами; не принуждай насъ христіанъ сдѣлаться христорборцами. И тебѣ советуемъ это: не противоборствуй Даровавшему тебѣ власть сію; не воздавай Ему, вмѣсто благодарности, нечестіемъ; не

будь гонителемъ вѣрующихъ въ Него , чтобы и тебѣ не услышать: *жестоко ти есть противу рождѣнію прати* (Дѣян. 9, 5.). Но, о если бы ты услышалъ это, чтобы и тебѣ увѣровать, какъ святому Павлу! Вотъ и мы—передъ тобою, пришли прежде, нежели выдумаютъ предлогъ къ обвиненію. Для того и поспѣшали, зная, что отъ тебя ждетъ насъ заточеніе, чтобы потерпѣть сіе прежде предлога къ обвиненію, и чтобы всякому было явно, что и всѣ прочіе пострадали такъ-же, какъ и мы, и разглашенныя предлоги къ ихъ обвиненію были выдуманы врагами, и все, противъ нихъ представленное, есть клевета и ложь».

Такъ говоря, Либерій всѣхъ тогда привелъ въ удивленіе. А Царь, вмѣсто того, чтобы отвѣчать, далъ только приказаніе, и послалъ въ заточеніе каждаго въ отдельное мѣсто, какъ поступилъ и съ прежними. Сей образъ заточенія ввелъ онъ, чтобы и въ наказаніяхъ превзойти жестокостію бывшихъ прежде него мучителей и гонителей. Ибо въ прежнее, бывшее тогда гоненіе, Максиміанъ общимъ опредѣленіемъ многихъ вмѣстѣ исповѣдниковъ посылалъ въ заточеніе, и тѣмъ облегчалъ наказаніе, доставляя имъ утѣшеніе позволеніемъ жить вмѣстѣ. А Констанцій и его превзошелъ жестокостію, и сталъ посылать въ разныя мѣста тѣхъ, которые сообщали дѣйствовали въ дерзновеніи и исповѣдничествѣ, сталъ разлучать соединенныхъ вѣрою, чтобы и умирая не видали они другъ друга. Онъ думалъ, что тѣлесная разлука расторгнетъ и душевное расположеніе, и разлученные между собою забудутъ взаимное единомысліе и единодушіе. Но не знаетъ того, что, хотя

Т. XIX. 8

каждый останется одинъ, однакоже, съ нимъ пребываетъ еще тотъ Господь, Котораго исповѣдывали они живя совокупно, и Который сдѣлаетъ, какъ и сотворилъ съ Пророкомъ Елиссеемъ, что съ каждымъ будетъ множае, нежели воиновъ съ Констанціемъ (4 Цар. 6, 16.). Подлинно злоба слѣпа. Чѣмъ думали оскорбить исповѣдниковъ, разлучая ихъ между собою, тѣмъ наипаче сильно повредили себѣ самихъ. Если бы исповѣдники жили неразлучно, и всѣ находились въ одномъ мѣстѣ: то ненависть нечестивыхъ была бы извѣстною въ одномъ-же мѣстѣ. А теперь, разлучивъ ихъ, сдѣлали, что повсюду пронесены и вездѣ стали извѣстны и нечестивая ересь и ихъ лукавство. Чего же достигли они, поступая такъ? Кто услышавъ о семъ, не почтетъ ихъ скорѣе всѣмъ иными, только не христіанами?

Поелпку Либерій послалъ къ Царю съ письмомъ пресвитера Евтропія и діакона Иларія, когда явился исповѣдникомъ Люциферъ; то пресвитера немедленно послали въ заточеніе, а діакона Иларія сперва обнажили, съкли, а потомъ сослали, приговаривая: «для чего не противишься Либерію, но еще носишь отъ него письма?» Сіе сдѣлали Урзацій и Валентъ и съ ними евнухи. И діаконъ, когда съкли его, благословлялъ Господа, припомявъ сказанное Имъ: *плещи моя вдахъ на раны* (Ис. 50, 6.). А бичующіе смѣялись и издѣвались надъ нимъ, не стыдясъ, что оскорбляютъ Левита. И они смѣясь разсуждали, о чемъ было имъ прилично, Иларій же продолжалъ благословлять Господа; потому что терпѣть біеніе свойственно христіанамъ, но чтобы бичевать христіанъ,—на сіе нужна Пилатова и Каіафина дерзость.

Такъ еще вначалѣ покушались растлить и римскую Церковь, желая и въ нее внести нечестіе. Заточенный Либерій чрезъ два года изнемогъ въ силахъ, и убоившись смерти, какую угрожали, подписался. Но симъ доказываются какъ ихъ насиліе, такъ въ Либерій ненависть къ ереси и справедливость его въ пользу Аванасія, когда имѣлъ свободное произволеніе. Ибо что сдѣлано послѣ истязаній вопреки первоначальному мнѣнію, въ томъ видно изволеніе не убоившихся, но истязующихъ. Хотя все покушались дѣлать въ пользу ереси; однакоже, въ каждой Церкви, соблюдая вѣру, какой научились, ожидаютъ учителей, христорбную же ересь осудили, и всѣ бѣгутъ отъ нея, какъ отъ змія.

Злочестивые, совершивъ такое множество и такихъ дѣлъ, думали, что ничего еще ими не сдѣлано, пока великій Осія не испыталъ на себѣ ихъ лукавства. И на такого старца замыслили они простирать свое неистовство, не устыдились, что онъ отецъ епископовъ, не уважили того, что былъ онъ исповѣдникомъ, не почтили долголѣтняго епископства, въ которомъ пребывалъ онъ болѣе шестидесяти лѣтъ. Напротивъ того, все вмѣнили въ ничто, а имѣли въ виду одну только ересь сіи подлинно ни Бога не боящіеся, ни людей не стыдящіеся люди. Поэтому, приступивъ къ Констанцію, обратились опять къ нему съ такими словами: «все мы сдѣлали, заточили римскаго Епископа, а прежде него заточили многихъ другихъ епископовъ, и всякое мѣсто наполнили страхомъ; но ни къ чему не служатъ намъ такія дѣйствія твои, и нимало не успѣваетъ дѣло наше, пока остается Осія. Поелику онъ — между своими, то и всѣ

при своихъ перквахъ; онъ одинъ словомъ и върою можетъ возставитъ всѣхъ противъ насъ. Онъ предсѣдательствуетъ на Соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимають; онъ и въ Никей излагалъ вѣру, и объ аріанахъ вездѣ проповѣдалъ, что они еретики. Поэтому, ежели онъ останется, то напрасно было заточеніе другихъ: ересь наша гибнетъ. Воздвигни же гоненіе и на него, не пощади, что онъ древенъ, — ересь наша не знаетъ уваженія къ старческимъ сѣдинамъ».

Слыша сіе, Царь не замедлилъ; но зная сего мужа, зная способности старца, пишетъ и повелѣваетъ, чтобы явился къ нему Осія, когда подвергалъ онъ искушенію и Либерія. Осія пришелъ. Царь сталъ проситъ и убѣждать его обычными ему словами, какими думалъ обольщать и другихъ, а именно, чтобы подписался противъ насъ и вступилъ въ общеніе съ аріанами. Старецъ съ непріятностію выслушавъ и оскорбившись даже тѣмъ, что говорятъ ему нѣчто подобное, обличилъ и убѣдилъ Царя, и удалился въ свое отечество и къ своей Церкви. Но, велику еретики стали сѣтовать и снова подстрекать Царя, — были же у него и евнухи, напоминавшіе о семъ и еще болѣе раздражавшіе, — то Царь пишетъ уже съ угрозами. Осія терпитъ оскорбленія, но не трогается страхомъ козней. Будучи твердъ въ мысляхъ и на камни создавъ домъ вѣры своей, дерзновенно подвизается противъ ереси, угрозы же въ царскомъ письмѣ почтаетъ дождевыми каплями и дуновеніемъ вѣтра. Констанцій пишетъ къ нему многократно, то ласкаетъ его, какъ отца, то угрожаетъ, переименовывааетъ заточенныхъ и говоритъ: «Еще ли ты одинъ будешь противъ ереси? Послушайся, подпишись къ

осужденію Аѳанасія. Ибо кто—противъ него, тотъ, безъ сомнѣнія, за одно съ нами думаетъ по-аріански». Осія не колебался, но, терпя обиды, самъ написалъ къ Констанцію; мы читали посланіе его, и оно приложено въ концѣ (м).

Осія Констанцію Царю желаетъ о Господѣ радоваться.

Не отрекался я быть исповѣдникомъ и прежде, когда было гоненіе при дѣдѣ твоёмъ Максиміанѣ. Если и ты меня гонишь, то готовъ и теперь лучше потерпѣть, чѣмъ бы то ни было, нежели пролить невинную кровь и измѣнить истинѣ. Не одобряю же тебя за такія письма и угрозы; перестань писать подобныя письма, не держись Аріевыхъ мыслей, не слушай восточныхъ, не вѣрь Урзацію и Валенту; чѣмъ говорятъ они,—говорятъ не въ пользу Аѳанасія, но въ пользу своей ереси. Повѣрь мнѣ, Констанцій, по возрасту могу быть тебѣ дѣдомъ; самъ я былъ на сардикійскомъ Соборѣ, когда всѣхъ насъ собрали ты и, блаженной памяти, братъ твой Констансъ, и самъ отъ себя Аѳанасіевыхъ враговъ, пришедшихъ въ ту церковь, въ которой пребывалъ я, вызывалъ сказать, если имѣютъ чѣмъ противъ Аѳанасія, требуя отъ нихъ, чтобы они были благонадежны и ничего лиаго не ожидали, кромѣ правдиваго во всемъ суда. И не однажды, но двукратно дѣлалъ я это, убѣждая

(м) Посланіе сіе, по словамъ Аѳанасія, приложенное имъ въ концѣ, въ рукописяхъ читается обыкновенно на рѣду, какъ и здѣсь.

сказать, если не захотятъ при цѣломъ Соборѣ, то хотя при мнѣ одномъ, снова обѣщая, что если окажется Аѳанасій виновнымъ, — будетъ отринутъ и нами; если же найденъ будетъ невиннымъ и обличить васъ въ клеветѣ, вы же станете отвергать его, — уговорю Аѳанасія идти со мною въ Испанію. И Аѳанасій соглашался на сіе и не противорѣчилъ; они же, не полагаясь на себя, отъ всего равно отказались. И еще, Аѳанасій былъ въ твоёмъ станѣ, когда вызвалъ ты его письмомъ, и онъ просилъ, чтобы враги его, находящіеся въ самой Антиохіи, были позваны всѣ, или каждый порознь, и чтобы или его изобличили, или сами были обличены, чтобы или въ присутствіи его доказали, что говорятъ, или не клеветали заочно. И ты не принялъ того, что сказалъ онъ, да и враги его отказывались отъ сего. Для чего же слушаешь еще отзывающихся о немъ худо? Для чего терпишь Валента и Урзація, хотя они раскаялись и письменно признались въ клеветѣ своей? Ибо признались они, что не по принужденію (какъ представляютъ теперь), не подъ прикрытіемъ воинновъ, не свѣдома брата твоего (при немъ не бывало того, что дѣлается вынѣ, да не будетъ сего!), но сами, по своей волѣ, пришли въ Римъ, и въ присутствіи Епископа и пресвитеровъ написали свое признаніе, написавъ прежде мирное и дружественное посланіе къ Аѳанасію. Если же представляютъ теперь въ предлогъ сдѣланное имъ принужденіе, и признаютъ сіе дѣломъ худымъ, и ты не одобряешь сего; то самъ ты перестань дѣлать принужденія, не пиши, не посылай комитовъ, но освободи и заточенныхъ, чтобы, когда тебя самого внятъ въ насиліяхъ, ере-

тики не дѣлали еще ббльшаго насилія. Бывало ли что подобное при Ковстансѣ? Кто изъ епископовъ былъ заточень? Вступалъ ли онъ когда въ среду церковнаго сужденія? Какой изъ царедворцевъ его принуждалъ подписываться къ чьему либо обвиненію, какъ утверждаетъ это Валентъ? Перестань, умоляю тебя, вспомни, что и ты человекъ смертный, убойся дна суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя, и не давай намъ приказаній объ оныхъ; а лучше, привнмай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла Церкви. Какъ восхищающій себя твою власть противорѣчитъ учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть отвѣтственности въ тяжелой винѣ. Написано: *воздадите кесарева, кесареви: и Божія, Богови* (Матѹ. 22, 21.). Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты, Царь, не имѣешь власти приносить кадило. Пишу тебѣ это, заботаюсь о твоёмъ спасеніи; а о чемъ ты ко мнѣ писалъ, таково мое мнѣніе: не только не согласенъ я съ аріанами, но и амаѹемъ предаю ихъ ересь; не подпишусь и къ осужденію Аѹанасія, котораго мы, римская Церковь и цѣлый Соборъ оправдали. Сіе видя, и ты вызывалъ къ себѣ сего человека, и позволилъ ему съ честію возвратиться въ отечество и въ Церковь. Посему, какой былъ предлогъ къ такой перемѣнѣ? Тѣ-же у Аѹанасія враги и прежде были и теперъ, и что теперъ наушничаютъ (въ присутствіи же его ничего не говорятъ), то наговаривали и прежде, нежели ты вызывалъ Аѹанасія, то-же разглашали и пришедши на Соборъ; а когда

потребовалъ я, какъ сказано выше,—не возмогли представить доказательствъ. Если бы имѣли доказательства, то не бѣжали бы такъ постыдно. Посему, кто же убѣдилъ тебя, по прошествіи столькаго времени, забыть свои письма и слова? Удержись, и не слушайся злыхъ людей, чтобы за взаимную услужливость самому не сдѣлаться виновнымъ. Здѣсь угождаешь имъ, а на судъ будешь отвѣчать одинъ. Они чрезъ тебя желаютъ отмстить врагу своему и тебя хотятъ сдѣлать служителемъ своего лукавства, чтобы чрезъ тебя посягать въ Церкви и ненавистную ересь. Но неблагооразумно, въ удовольствіе другихъ, ввергать себя въ очевидную опасность. Перестань, умоляю тебя, и послушайся меня, Констанцій. Ибо прилично—и мнѣ написать это, и тебѣ не пренебрегать симъ.

Такъ мудрствовалъ и писалъ авраамскій старецъ, истинный Осія (и). Но Царь не отступилъ отъ козней, не пересталъ искать предлога къ его обвиненію, и продолжалъ страшно угрожать, чтобы, или принужденіемъ совратить, или, ежели не послушается, заточить его. Какъ чиновницы и князи въ Вавилонѣ, нища вины на Данила, не обрѣтали, развѣ только въ законахъ Бога его (Дан. 6, 4.): такъ и нынѣшніе князи нечестія не могли выдумать на старца пнаго предлога (потому что былъ извѣстенъ сей истинный Осія, известна была неукоризненная жизнь его),

(и) То есть, въ подлинномъ смыслѣ преподобный, что значить имя *Осіасъ*.

кромѣ ненависти его къ ереси. Посему и на него клеветуютъ, впрочемъ не какъ на Данила—Дарію (потому что Дарій неохотно слушалъ, что говорили на Данила), но какъ Іезавель—на Навухелъ, и какъ іудей—Ироду,—говоря такъ: «Не только не подписываетъ опредѣленія на Аѳанасія, но и насъ за него осуждаетъ, и столько ненавидитъ ересь, что и другимъ пишетъ: лучше—претерпѣть вамъ смерть, нежели стать предателями истины. Ибо за нее гонимы и возлюбленный нами Аѳанасій и римскій Епископъ Либерій, даже строятъ козни всѣмъ прочимъ». Выслушавъ это, особливо же узнавъ, что въ Испаніи и другіе одинаковыхъ мыслей съ Осією, покровитель вѣчества и ереси, Царь Констанцій пытался склонить ихъ къ подписи; и когда не могъ къ тому принудить,—вызываетъ Осію. И вмѣсто заточенія цѣлый годъ удерживаетъ его въ Сиріи сей безбожный, злочестивый и немилосердый, и Бога не убоившись и не уваживъ расположенія, какое отецъ его имѣлъ къ Осію, не устыдившись и столѣтней его старости. Все это оставилъ безъ вниманія ради нечестія сей новый Ахаавъ и другой явившійся у насъ Валтасаръ. Столько дѣлалъ насилія старцу, до того удерживалъ его, что онъ измученный едва принялъ въ общеніе Урзація и Валента, но не подписалъ Аѳанасіева осужденія. Впрочемъ и сіе безпокоило старца; и когда приближался къ смерти,—какбы завѣщавая свидѣтельствовалъ онъ о сдѣланномъ ему насиліи, предавалъ анаѳемъ ересь и всякому запрещалъ принимать ее.

Кто, видя сіе или только слыша о семъ, не придетъ въ изумленіе и не возопіетъ ко Господу, говоря:

ужели въ потребленіе сотворишь Израїля (Іезек. 11, 13.)? Кто, примѣчая это, и самъ благовременно не возопіеть, говоря: *ужась и страшная содѣяшася на земли* (Іер. 5, 30.); и: *ужасеся небо, и вострепета земля попремногу зѣло* (Іер. 2, 12.). Отцы людей и учителя вѣры поемлются, а нечестивые вводятся въ Церковь! Когда заточемъ былъ Либерій Епископъ римскій, и столько пострадалъ Отецъ епископовъ великій Осія, заточаемы были столь многіе Епископы Исианіи и другихъ странъ: кто, видя все сіе, если имѣлъ хотя нѣсколько чувства, не понималъ, что на Леанасія и на другихъ представленные предлоги ложны, и что все исполнено клеветы? Посему-то и переносили все терпѣливо, видя злоумышленные клеветы арианъ. Ибо какая вина приписана Либерію? Какое обвиненіе сдѣлано на старца Осію? Кто хотя бы солгалъ что на Павлина, на Люцифера, на Діонисія, на Евсевія? Или, какой проступокъ указанъ у другихъ заточенныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ? Ни-одного; совершенно ни-одного. Не по поводу преступленій составлялись заговоры и не по обвиненію заточенъ былъ каждый, — это было возстаніе нечестія на благочестіе, и сколько усердіе къ арианской ереси, столько и назначеніе пришествія Антихрестова. Ибо Антихресту предназначалъ путь Констанцій.

Послѣ того какъ въ церквахъ Италіи и другихъ странъ Царь сдѣлалъ все, чего ему хотѣлось, послѣ того какъ однихъ заточалъ, другихъ принуждалъ и повсюду наполнялъ все страхомъ, обратилъ онъ ярость свою, подобно какой-то болѣзни, на Александрію. Дѣлалось же сіе христорборцами злокозненно,

чтобы имѣть, наконецъ, подписи многихъ епископовъ; а чтобы у гонимаго Аѳанасія не было даже епископа, предъ которымъ бы могъ жаловаться, предварительно повсюду наполнили они все страхомъ, и страхъ соблюли въ помощники себѣ при своихъ козняхъ сии неразумные, не зная того, что обнаруживали симъ не произволеніе епископовъ, но сдѣланное имъ принужденіе. Не знали они, что хотя оставятъ братія, далеко будутъ и друзья и знакомые, не найдется челоуѣка, который бы вмѣстѣ поскорбѣлъ и утѣшилъ, однакоже, паче всего этого достаточная помощь — прибѣжище къ Богу. И Илія гонимый оставляетъ одинъ, но всѣмъ и во всемъ былъ для Святаго Бога. И Спаситель показалъ намъ сей-же образъ, и одинъ былъ оставленъ, когда злоумышляли на Него враги. И мы, если во время гоненія оставлены будемъ людьми, да не стужаемъ си (Гал. 6, 9.), но на Него возложимъ надежду и не измѣнимъ истинъ. Если истина вначалѣ, повидимому, и утѣснена, то въ послѣдствіи признаютъ ее и сами гонители.

Царя побуждаютъ, и онъ сперва пишетъ и посылаетъ угрозы Дуку и воннамъ; отправлены писмоводцы Діогеній и Иларій, а съ ними и придворные; воздвигнуто на Церковь столько ужасовъ и жестокостей, какъ говорили мы о семъ нѣсколько выше, и какъ всякому извѣстно изъ показаній, данныхъ народомъ, какія явныя можетъ и прочесть, потому что помѣщены въ концѣ сего. А потомъ, послѣ того, что сдѣлано Сиріаномъ, послѣ всего, что было въ Александріи, послѣ оскорбленія дѣвъ, Царь, одобривъ такія и въ такой мѣрѣ худыя дѣла, снова пишетъ александрійскому сенату и народу, и поощряетъ

молодыхъ людей, чтобы все они сошлись и воздвигли гоненіе на Аѳанасія, или знали, что иначе они—враги Царю. Но Аѳанасій, прежде нежели пришли въ Александрію предписанія, по которымъ Свиріанъ напалъ на церковь, удался уже, зная написанное: *укрыйся мало елико елико, дондеже мимоидеть гнѣвъ* (Ис. 26, 20.). Подателемъ же сихъ писемъ служить нѣкто Ираклій, саномъ комитъ, предшествуя какому-то, посланному Царемъ соглядатаю, Георгію, потому что присланный имъ не могъ быть епископомъ (да не будетъ сего!), какъ показываютъ самыя событія и то, чѣмъ началось его вшествіе.

Ираклій обнаруживалъ царскія письма и обнаружилъ великій позоръ писавшаго. Поелику, какъ писалъ великій Осія, Царь не находилъ правдоподобнаго предлога къ перемѣнѣ своихъ расположеній; то выдумывалъ предлогъ еще гораздо болѣе неприличный и для него самого и для его совѣтниковъ. Ибо говорилъ: уважая пріязнь, боголѣпной и благочестивой памяти, брата, дозволилъ я Аѳанасію на время возвратиться къ вамъ. А сіе и доказываетъ, что не сдержалъ онъ обѣщанія и непризнателемъ къ брату по смерти. Притомъ, именуетъ брата достойнымъ боголѣпной и благочестивой памяти (какъ и дѣйствительно онъ достоинъ); посему, долженъ былъ соблюсти его заповѣдь и пріязнь, какъ писалъ (если только и для блаженной памяти Констанса дозволилъ возвратиться Аѳанасію), чтобы не нарушить своихъ обязанностей къ брату, но сдѣлаться наследникомъ какъ царства, такъ и воли его. Захотѣвъ выставить свои права, отвергъ онъ Бретаніона, сказавъ: «кому по смерти братьевъ принадлежитъ

наслѣдство»? Ради же ненавистной ереси христорб-
 цевъ не знаетъ онъ правъ, но нарушаетъ обязанности
 къ братьямъ. Для сей же ереси не подумалъ онъ
 сохранить ненарушенною и волю отца, но въ угод-
 номъ для нечестивыхъ показываетъ видъ, что соблю-
 даетъ ее, а въ неприятномъ для нихъ не умѣетъ
 сохранить уваженія и къ отцу. Ибо отецъ въ-слѣд-
 ствіе клеветы Евсевіевыхъ сообщниковъ послалъ на
 время Епископа Аѳанасія въ Галлію, чтобъ укрыть
 отъ жестокости злоумышляющихъ (это сдѣлалъ
 извѣстнымъ по смерти отца, блаженной памяти, Кон-
 стантинъ братъ Констанціевъ, какъ видно изъ писемъ
 его); однакоже, не послушался сихъ Евсевіевыхъ
 сообщниковъ, чтобы послать епископомъ, кого они
 желали, но воспрепятствовалъ ихъ желанію, и пред-
 пріятіе ихъ остановилъ сильными угрозами. Если
 Констанцій хотѣлъ сохранить волю своего родителя,
 какъ пишетъ; то для чего же послалъ сперва Григо-
 рія, а теперь посылаетъ этого міролдца Георгія?
 Или, для чего арианъ, которыхъ тотъ называлъ пор-
 фиріанами, старается онъ ввести въ Церковь, и имъ
 покровительствуя, другихъ заточаетъ? Если и отецъ
 его допустилъ къ себѣ Арія; то Арій, нарушившій
 клятву и разсѣдшійся, утратилъ благорасположеніе
 къ нему отца; какъ-скоро узналъ о семъ Констан-
 тинъ,—осуждалъ уже его, какъ еретика. Почему же
 Констанцій, выставляя на видъ, что заботится о
 церковныхъ правилахъ, все замыслилъ дѣлать вопреки
 правиламъ? Ибо гдѣ правило—посылать епископа
 отъ двора? Или, гдѣ правило, чтобы войны вторга-
 лись въ церкви? Кто сообщилъ такое преданіе, чтобы
 церковными дѣлами управляли комиты и несмыслен-

11
 105 127

ные евнухи,—и своимъ предписаніемъ объявляли опредѣленіе такъ называемыхъ Епископовъ? Всякую ложь употребляетъ онъ въ пользу нечестивой ереси. Вопреки волѣ отца и тогда послалъ въ другой разъ Филагрія епархомъ, вопреки ему сдѣлано и теперь бывшее. И для брата не стоить онъ во истинѣ. Ибо, по смерти его, не разъ и не два, но трижды писалъ Епископу, и еще обѣщалъ не перемѣнять своего рѣшенія, даже совѣтовалъ твердо надѣяться, что никто не потревожитъ его, но безъ всякихъ безпокойствъ будетъ оставаться онъ въ Церкви. Съ комитомъ же Астеріемъ и письмоводцемъ Палладіемъ послалъ предписанія къ тогдашнему дуку Филкистиму и къ епарху Несторию, чтобы они воспретили, если епархъ Филиппъ, или другой кто, осмѣлится злоумышлять противъ Аѳанасія.

Посему, когда прибылъ Диогенъ, и Сиріанъ строилъ козни,—и онъ и мы и народъ требовали царскихъ посланій, думая, что какъ, по написанному: *ничто же ложно отъ языка царева да глаголется* (Прит. 24, 22.), такъ и нашъ Царь, обѣщавъ, не солжетъ и не перемѣнится. Посему, если дозволилъ для брата, то почему писалъ и по смерти его? А если и въ этомъ случаѣ писалъ ради его-же памяти; то почему въ-послѣдствіи сталъ вовсе непризнательнымъ къ брату и гонить Аѳанасія? Почему пища ссылается на судъ епископовъ, а самъ дѣлаетъ, чтò ему угодно, и притомъ не скрытно, но имѣя близъ себя уличеніе въ злоухищреніи? Ежели это—опредѣленіе епископовъ; то какъ сіе касается до Царя? А если царская это угроза, то какаѣ здѣсь потребности въ именуемыхъ епископахъ? Слышно ли было чтò подобное

отъ начала вѣка?

Много было Соборовъ прежде сего, много составлялось церковныхъ опредѣленій; но и Отцы никогда не требовали совѣта отъ царя, ни царь не входилъ въ дѣла существенно церковныя. Апостоль Павелъ имѣлъ друзьями принадлежавшихъ къ Кесареву дому, и пиша къ Филиппійцамъ, привѣтствовалъ ихъ отъ имени сихъ друзей, но никогда не дѣлалъ ихъ сообщниками въ своихъ опредѣленіяхъ. А теперь новое зрѣлище, и оно есть изобрѣтеніе аріанской ереси. Собрались вмѣстѣ еретики и Царь Констанцій, чтобы и ему, ссылаясь на епископовъ, но своей власти дѣлать, что хочетъ, и воздвигая гоненіе, не называться гонителемъ, и имъ, опираясь на могущество Царя, злоумышлять, противъ кого хотять; угодно же имъ злоумышлять противъ тѣхъ, которые не мыслятъ такъ-же нечестиво, какъ они. И увидишь, что сіе разыгрывается у нихъ какбы на зрѣлищѣ: такъ, именуемые епископы лицедѣйствуютъ, а Констанцій распоряжаетъ ими. И еще, Царь даетъ общанія, какъ Иродъ Иродіадъ, они же пляшутъ и тѣлодвиженіями выражаютъ клеветы, чтобы заточать и предавать смерти благочестующихъ предъ Господомъ.

Кому не повредили клеветами? Противъ кого не злоумышляли христорборцы? Кого, оговореннаго ими, не заточилъ Констанцій? Когда не выслушивалъ ихъ охотно? И что странно: принималъ ли когда чье-либо слово противъ нихъ, не скорѣе ли одобрялъ каждое ихъ слово, что ни сказали бы они? Какая Церковь со всею свободою покланяется нынѣ Христу? Если благочестива, то бѣдствуетъ; если притворствуетъ,

109. 149.

то страштся. Констанцій, сколько было ему возможно, все наполнилъ лицемѣремъ и нечестіемъ. Ежели гдѣ есть кто-либо благочестивый и христороубецъ (повсюду же много таковыхъ); то подобно Пророкамъ и великому Иліи они скрываются, если только найдутъ гдѣ вѣрнаго человѣка, подобнаго Авдіи, или же удаляются въ вертепы и пропасти земныя, или проводятъ жизнь, обходя пустыни. Сип безумцы также клеветуютъ, какъ и Іезавель выдумывала на Навуоел, и Іудей—на Спасителя. И наконецъ, покровительствуя ереси, желая превратить истину, какъ Ахааву хотѣлось виноградникъ превратить въ вертоградъ зелій, Констанцій дѣлаетъ все, что они захотятъ, потому что и самъ слышалъ отъ нихъ, что хотѣлъ.

Такимъ образомъ, по сказанному выше, истинныхъ епископовъ за то, что не принимали нечестія, Царь заточалъ, какъ хотѣлъ. Такъ и противъ Аѳанасія послалъ теперь комита Ираклія, и онъ всенародно предложилъ предписанія, объявилъ и царскій приказъ, что, если не послушаются писаній, прекратится выдача хлѣба, ниспровергнуты будутъ пдолы, многіе изъ чиновныхъ гражданъ и изъ простаго народа будутъ непременно проданы въ рабство. А послѣ сихъ угрозъ посланный не устыдился при всемъ народѣ громко сказать: «Царь удаляетъ Аѳанасія, и церкви велѣлъ отдать аріанамъ». Поелику всѣ дивились сему, подавали другъ другу знаки и говорили: «если Констанцій сталъ еретикомъ; то стыдиться сего должно». Ираклій же еще болѣе сталъ принуждать сенаторовъ, престолюдиновъ, языческихъ храмопоситителей, чтобы подписались къ сему, и дали слово

принять, кого Царь пришлетъ епископомъ. И прекрасно защищалъ Констанцій правила Церкви, поступая такъ, не въ церкви требуи подписи, но на площади, не у христіанъ, но у языческихъ храмовъ и почитателей; ибо зналъ, что посылаетъ не епископа христіанамъ, но какого-то любителя тяжбъ подписывающимся.

Посему язычники, сею подписью какбы покупая неприкосновенность своихъ идоловъ, также нѣкоторые изъ рабочихъ, по причинѣ сказанныхъ выше Иракліевыхъ угрозъ, хотя не охотно, однакоже подписались, какъ-будто шло дѣло о народномъ правителѣ или иномъ присылаемомъ судѣ. Да и что могли сдѣлать они, будучи язычниками, кромѣ того, что угодно было Царю? Поелву же вѣрные собрались въ великой церкви (была же тогда среда); то комитъ Ираклій беретъ съ собою на слѣдующій день египетскаго епарха Катафронія, католиноса Фавстина и еретика Виенна, и побуждаютъ на площадяхъ молодыхъ людей и читателей идоловъ сдѣлать нападеніе на церковь и побивать камнями вѣрныхъ, увѣряя, что есть на это приказъ самого Царя. Большая часть вѣрныхъ вышли уже изъ церкви, потому что отпускъ былъ сдѣланъ, оставалось тамъ нѣсколько женщинъ; тогда началось исполненіе приказаній, и жалкое открылось зрѣлище. Женщины въ небольшомъ числѣ сѣдали одиѣ послѣ молитвы; вдругъ входятъ обнаженные юноши съ камнями и палками, нѣкоторыхъ побиваютъ камнями, свитымъ тѣламъ дѣвъ наносятъ удары сіи безбожники, срываютъ съ нихъ покрывала, обнажаютъ ихъ головы, влекуть и попираютъ ногами сіи злосчастныя. Ужасно, крайне ужасно—это; но

что было послѣ, то — еще ужаснѣе и несноснѣе всякаго оскорбленія. Видя скромность дѣвъ и непорочность ихъ слуха, зная, что для нихъ сноснѣе камни и мечи, нежели срамословіе, къ сему средству прибѣгаютъ нападающіе на нихъ. И сіе молодымъ людямъ внушали аріане, потому что смѣлись, когда тѣ говорили и дѣлали. Святыл же дѣвы и другія честныя жены бѣжали отъ такихъ словъ, какъ отъ угрызенія аспидовъ; христорборцы помогали молодымъ людямъ, а можетъ быть, участвовали съ ними и въ срамословіи, потому что услаждались непотребными словами, какія вырывались изъ устъ у молодыхъ людей.

Потомъ, какбы для совершеннаго исполненія приказа (о чемъ и старались особенно, чего и требовали Комитъ и Католикось), похитивъ изъ церкви сопрестоліе, святительскій престолъ и святую трапезу, которая была деревянная, церковныя завѣсы и все прочее, что только могли, вынесши вонъ, зажгли предъ церковными дверями на большой площадкѣ, и кидали туда ладонъ. О, кто, слыша сіе, не прольетъ слезъ, и даже не заградить своего слуха, не терпя, когда говоритъ о семъ и другій, почитая вреднымъ слышать что-либо подобное! Они прославляли своихъ идоловъ и говорили: «язычникомъ сталъ Констанцій; аріане признали нашу вѣру; не задумываются даже прикрывать себя язычествомъ, только бы утвердилась ихъ ересь». И телицу, на которой возили воду для орошенія садовъ въ Кесарси, готовы были принести въ жертву и дѣйствительно принесли бы, если бы это былъ телець; животныхъ же женскаго пола, какъ говорили, не позволялось у нихъ приносить въ жертву.

Подобныя дѣла совершали злочестивые аріане вмѣстѣ съ язычниками, думая нанести тѣмъ намъ оскорбленіе. Но Божій судъ обличилъ ихъ лукавство и произвелъ нѣкое великое и чудное знаменіе, и въ этомъ показалъ всѣмъ ясно, что они, какъ злочестивцы, встаютъ не противъ кого инаго, но противъ Господа. Поступая такимъ образомъ, вознамѣрились они еще нанести оскорбленіе Господу; и это всего очевиднѣе было доказано совершившимся чудомъ. Одинъ развратный молодой человѣкъ, войдя въ церковь, осмѣлился сѣсть на святительскій престолъ, и сядя на немъ, сей несчастный воздрамил своими производимъ какіе-то блудодѣйные звуки, потомъ вставъ усиливался сдвинуть престолъ съ мѣста и привлечь къ себѣ; но не зналъ онъ, что навлекаетъ на себя казнь. Ибо, какъ тогдашніе жители Азота, осмѣлившись коснуться ковчега, на который непозволительно имъ было даже и смотрѣть, тотчасъ погибали отъ него, поражаемые прежде мучительною болѣзнію ихъ съдапщъ; такъ и сей несчастный, едва осмѣлился сдвинуть престолъ, влекомое имъ превлекать самъ на себя, и какъ-будто древо сіе наслало на него казнь, ударился онъ о престолъ чревомъ своимъ, и вмѣсто престола симъ ударомъ исторгъ изъ себя внутренности, и престолъ скорѣе исторгъ изъ него жизнь, нежели самъ былъ имъ сдвинутъ съ мѣста. *Изліяся утроба его*, какъ написано о Іудѣ (Дѣян. 1, 18.), упалъ онъ, былъ вынесенъ и чрезъ одинъ день погибъ. Другой, войдя съ ветвями въ рукахъ и какъ язычникъ махая ими и стѣясь, немедленно ослѣпъ, не видѣлъ, не зналъ, гдѣ онъ теперь, и готовый также упасть, выведенъ

9*

за руку бывшими тутъ, и ими поддерживаемый вышелъ, едва опомнившись черезъ день и не зная этотъ дерзновенный, что онъ сдѣлалъ, и что съ нимъ было.

Язычники, видя сіе, пришли въ страхъ и не отваживались ни на что болѣе; аріане же и при семъ не устыдились, но, какъ іудей, видя знаменія не вѣрили и сія невѣрные, и еще болѣе ожесточались подобно Фараону, имѣя надежды, сокрытыя гдѣ-то долу—въ царь и въ его евнухахъ. Какъ язычникамъ, вѣрите же сказать, негоднѣйшимъ изъ язычниковъ, дозволил онъ дѣлать описанное выше, потому что распорядился ими и поощрялъ ихъ къ этому Фавстинъ, именуемый католикосомъ, но человекъ грубый нравомъ и развратный въ душѣ; такъ аріане и сами стали поступать, подобно язычникамъ, чтобы, какъ ересь свою составили по образцу другихъ ересей, такъ и въ лукавствѣ имъ участвовать съ непотребными. Посему, какъ сказано, иное дѣлали чрезъ язычниковъ; а что преступное совершали сами, то не превосходить ли всякое лукавство, не превышаетъ ли злобу всякаго кровопійцы? Какій домъ не былъ ими разоренъ? Чье жилище, подъ видомъ осмотра, не было разграблено? Какій садъ не потоптанъ? Какій гробъ не открытъ? Въ предлогъ представляли они, что ищутъ Аѳанасія; а дѣйствительнымъ намѣреніемъ ихъ было все расхищать и грабить встречающихся. У сколь многихъ дома были опечатаны? У сколь многихъ, что было въ ихъ страннопріимницахъ, раздано воинамъ, которые помогали аріанамъ? Кто не испыталъ на себѣ ихъ злобы? Кто, встрѣтившись съ ними на площади, не спѣшилъ укрыться?

Кто, ради ихъ оставивъ домъ свой, не проводилъ ночи въ пустынь? Кто, спѣша сохранить отъ нихъ свою собственность, не терялъ ббльшей части имущества? Всякій незнакомый съ моремъ не рѣшался ли лучше—пуститься въ оное и извѣдать его опасность, нежели видѣть ихъ угрозы? Многіе переходили изъ дома въ домъ, переселялись изъ улицы въ улицу, изъ города въ предмѣстія. Какъ многіе понесли разные убытки? Не имѣя при себѣ ничего, брали въ заемъ у другихъ, только бы избавиться отъ злоумышленія еретиковъ.

Они всѣмъ показывали себя страшными, со всѣми вели себя высокомерно, всякому ставя на видъ имя Царя и какъ угрожалъ его гнѣвомъ, такъ споспѣшниками въ лукавствѣ имѣя дука Себастіана-манихей и развратнаго молодаго челоука, также епарха, комита и лицемѣра католикоса. Многихъ дѣвъ, которыя осуждали ихъ нечестіе и исповѣдывали истину, выбрасывали изъ домовъ, иныхъ оскорбляли, когда онѣ проходили по улицамъ, молодыхъ людей изъ своего круга заставляли обнажать имъ головы, и женамъ своимъ дали волю оскорблять, какую хотятъ женщину. Честныя и вѣрныя женщины уклонялись и уступали имъ дорогу; онѣ же, ходя подобно Менадамъ и Эрриніямъ, почитали несчастіемъ, если не находили, кого обидѣть, и со скорбію проводили тотъ день, въ который не могли сдѣлать зла. И вообще для всѣхъ былъ они столько свирѣпы и жестоки, что всякій называлъ ихъ кровопійцами, убійцами, негодьями, подсмотрщиками и всякими другими именами, только не христіанами.

Подражая скиѣамъ, схватили они иподіакона Евти-

хія, мужа прекрасно служившаго Церкви, и избивъ воловьими жилами по хребту почти до смерти, требовали, чтобы сосласть онъ былъ въ рудокопню, и притомъ, не въ какую-либо простую, но въ ту, которая въ Фено, гдѣ и осужденный убійца едва можетъ прожить немного дней. Но что необычайно, — не дали они Евтихию и нѣсколько часовъ успокоиться послѣ нанесенныхъ ранъ, но настояли, чтобы немедленно былъ отосланъ, говоря: «если такъ будетъ сдѣлано, — всѣ устроятся и будутъ уже заодно съ нами». Но Евтихій отошелъ не далеко, въ изнеможеніи отъ ранъ не могъ достигнуть рудокопни и умеръ въ дорогѣ. И онъ скончался съ радостію, приобретя славу мученичества; нечестивые же и при семъ не устыдился, во по Писанію, имѣя *не милостивныя утробы* (Притч. 12, 10.), къ тому, что сдѣлали, присоединили еще нѣчто сатанинское. Поелію народу просилъ за Евтихія и умолялъ о немъ; то домоглись, чтобы захвачены были еще четыре мужа превосходныхъ и благородныхъ, въ числѣ же ихъ и Ерміи, омывавшій недвижно-больныхъ; и Дукъ, давъ имъ много ударовъ бичемъ, ввергъ ихъ въ темницу. Но ариане, превосходя жестокостію и снѣговъ, когда увидѣли, что не скончались они отъ ударовъ, укоряли Дука и грозили ему, говоря: «напишемъ евнухамъ, что не съчесть, какъ намъ желательно». Услышавъ это и пришедши въ страхъ, принужденъ былъ Дукъ въ другой разъ бить людей сихъ. А они, зная, за что бьютъ ихъ и къмъ оклеветаны, не иное что говорили, а только: «насъ бьютъ, потому что стоимъ за истину, но не вступимъ мы въ общеніе съ еретиками; бей насъ, сколько хочешь; и тебѣ

будеть судить за это Богъ». Такъ нечестивые хотѣли, чтобы и въ темницѣ они бѣдствовали и умерли. Но народъ Божій, улучивъ время, упросилъ за нихъ, и едва чрезъ семь, или болѣе дней, освободилъ ихъ.

Аріане, какбы отчаявшись, предприняли сдѣлать нѣчто еще болѣе жестокое и нечестивое, точно для вѣщаго жестокого, но сообразнаго христорборной ихъ ереси. Господь заповѣдалъ помнить о нищихъ, говоря: *продайте имѣнія, и дадите милостыню* (Лук. 12, 33.); и: *взаяхася, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя. Понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ, сотвористе* (Матѣ. 25, 35. 40.). Аріане же, какъ дѣйствительно мудрствующіе противъ Христа, и въ этомъ осмѣльлись противоборствовать Его волю. Когда Лукъ передалъ церкви аріанамъ, — вуждающимся и вдовамъ невозможно стало пребывать въ нихъ, и они сѣдлись на мѣстахъ, указанныхъ клириками, попеченію которыхъ вверены вдовы. Поелику же аріане увидѣли, что братія усердно подають имъ и питають вдовъ; то стали ихъ бить по ногамъ и прогнали, а подающихъ оклеветали Дуку. И это сдѣлано однимъ воиномъ Динаміемъ, было же пріятно и Себастіану; потому что у манихеевъ нѣтъ милосердія, и подать милостыню нищему для нихъ ненавистное дѣло. Отсюда новый поводъ къ укоризнамъ; и въ первый теперь разъ выдуманъ ими судилище, — человекъ былъ судимъ за благотворіе, подающаго милостыню обвиняли, облагодѣтельствованнаго били, хотѣли лучше, чтобы нищій былъ голоденъ, нежели чтобъ желающій подать милостыню подавалъ ее. И сему-то еще у древнихъ іудеевъ

Милосердіе

научились новые сін іуден. Ибо и тѣ, видя, что слѣпый отъ рожденія прозрѣлъ и долгое время бывшій разслабленнымъ сталъ здоровъ, благодѣтельствовавшего Господа обвиняли, а получившихъ благодѣяніе осуждали какъ законопреступниковъ.

Кто же не удивлялся при семъ? Кто не проклиналъ ересп и ея защитниковъ? Кто не признавалъ, что аріане свирѣпѣе и звѣрей? Ибо скверные сін не пріобрѣли той выгоды, для которой дѣлали это; а напротивъ того, еще болѣе увеличили общую къ нимъ ненависть. Думали, что злоумышленіемъ и страхомъ принудить иныхъ вступить въ ересь и съ ними вмѣстѣ отправлять богослуженіе, но произошло противное тому. Страждущіе отъ нихъ все, что ни сдѣлано было ими, переносили какъ мученичeskій подвигъ, и не измѣнили, не отреклись отъ благочестивой вѣры во Христа; а смотрѣвшіе на аріанъ со стороны, даже и самые язычники, проклинали ихъ, какъ антихристовъ, какъ кровопійць, потому что родъ человѣчeskій нищелюбивъ и сострадательнъ, аріане же утратили и смыслъ человѣчeskій. Страждущіе желали бы видѣть благодѣяніе отъ другихъ; но аріане, имѣя на своей сторонѣ власть судей и особенно поощряемые Дукомъ, не дозволяли другимъ оказывать сін благодѣянія.

А что дѣлали съ пресвитерами и діаконами, какъ въ присутствіи Дука и судей выгоняли ихъ, выбрасывая изъ домовъ ихъ домашнихъ съ помощію воиновъ и военачальника Горгонія, наносившаго удары, какъ (что всего безчеловѣчнѣе) съ поруганіемъ и уже у скопчавшихся расхищали хлѣбы, — того невозможно выразить словомъ; потому что жестокость ихъ пре-

восходитъ всякое описаніе. Если бы кто и описалъ это; то можетъ ли подумать, что сказано имъ что-нибудь? Или, помянувъ о чемъ-либо первомъ, не найдеть ли, что второе ужаснѣе перваго, а за тѣмъ слѣдующее еще ужаснѣе и втораго? Вся ихъ предпріятія и нечестивыя дѣла исполнены убійства и злочестія. Столько коварны они сердцемъ и разнообразны въ средствахъ, что стараются оболъстить то обѣщаніемъ покровительства, то денежными наградами, только бы, когда вѣтъ основательныхъ убѣжденій, хотя сямъ произвести, повидимому, какое-нибудь впечатлѣніе на простодушныхъ.

Кто же послѣ сего назоветъ ихъ хотя просто язычниками, не только христіанами? Кто предположитъ въ нихъ человѣческой, а не скорѣе звѣрскаго нравъ, за жестокость и свирѣность ихъ дѣлъ? Они злѣе кровопійцъ, дерзостнѣе другихъ еретиковъ, гораздо ниже язычниковъ, лучше же сказать, далеко отстоятъ отъ нихъ. Ибо слышалъ я отъ Отцевъ, и вѣрнымъ почитаю слово ихъ, что вначалѣ, когда произошло гоненіе при Максиміанѣ, Констанціевомъ дѣдѣ, язычники скрывали у себя отыскиваемыхъ братьевъ нашихъ христіанъ, и часто сами тратили деньги, терпѣли заключеніе въ темницахъ, только бы не стать предателями бѣжавшихъ. Какъ сами себя охраняли они прибѣгнувшихъ къ нимъ, и готовы были за нихъ бѣдствовать. А теперь, чудные эти люди, изобрѣтатели новой ереси, не инымъ чѣмъ отличающіеся, какъ только злоумышленіями, поступаютъ совершенно напротивъ того. Сами ставъ исполнителями наказаній, стараются всѣхъ предать, строятъ укрывающимъ козни, равно почитая врагомъ

и укрывающаго и укрываемаго. Такъ они кровожадны, и Иудину лукавству поревновали сіи злодѣи.

И невозможно въ должномъ видѣ изобразить, сколько сдѣлано ими зла, развѣ сказать о нихъ одно то, что, когда пишу и хочу перечислить лукавыя ихъ дѣла, приходитъ на мысль: уже ересь сія не та ли, упоминаемая въ Притчахъ, четвертая дочь пѣявцы, которая, послѣ столькихъ неправдъ, послѣ столькихъ убійствъ, не сказала еще: *довольтъ* (Притч. 30, 15. 16.). Она еще мужается, ходитъ и отыскиваетъ неузнанныхъ ею; а кому успѣла нанести обиду, тѣхъ старается преобидѣть снова. Ибо вотъ послѣ ночнаго нашествія, послѣ причищенныхъ ею золъ, послѣ говенія, произведеннаго Ираклемъ, не перестаютъ еще клеветать Царю; они твердо увѣрены, что нечестивые имъ выслушиваются. Клеветаютъ же, чтобы произошло нѣчто большее заточенія, и непокорные ихъ нечестіямъ были, наконецъ, умерщвляемы. Такъ и нынѣ Секундъ, атотъ самый злый пентаполитъ, и равный ему въ жестокости Стефанъ, — принявъ дерзость, зная, что, если сдѣлаютъ и неправду, то оправданіемъ послужитъ имъ ересь, — когда увидѣли въ баркѣ одного непокорнаго имъ пресвитера, — а назывался онъ Секундомъ, былъ сомневать, но не единоувѣренъ съ еретикомъ, — убили его, растоптавъ ногами. Убиваемый же уподоблялся святому, говоря: «никто да не отмщаетъ за меня предъ судіями, имѣю своимъ отмстителемъ Господа, за Котораго и терплю сіе отъ нихъ». Но они не сжалились надъ говорившимъ это, не устыдились и днѣи, потому что убили его въ самую Четырехдесятницу.

∞ Новая подлинно ересь, нечестіемъ и дѣлами все-

цѣло представляющая собою діавола! Въ первый еще только разъ вымышлено зло сіе. Если, повиднмому, иные и помышляли о ней когда-либо, то скрывали и таили еще такой образъ мыслей. Евсевій же и Аріій, какъ змѣи, вышедши изъ норы, изbleвали ядъ сего нечестія: и Аріій принялъ на себя дерзость изрыгать явную хулу, а Евсевій — покровительство сей дерзости. Но не могъ стать покровителемъ ереси прежде, пока, какъ сказано выше, въ Царѣ не нашелъ ей покровителя. Посему, Отцы ваши: составилъ вселенскій Соборъ, и сошедши въ числѣ болѣе или менѣе трехъ сотъ, осудили аріанскую ересь, и опредѣлили, что она чужда и нова для церковной вѣры. Но покровители ея, видя себя уже посрамленными и не имѣя на своей сторонѣ никакихъ твердыхъ основаній, придумали иной путь, и вознамѣрились защищать ее мірскою властію. При семъ иной наипаче подивится ихъ новому и лукавому предпріятію и превосходству ихъ ереси предъ всеми другими. Ибо вымыслы другихъ ересей къ обольщенію людей простыхъ имѣютъ силу приводить въ безуміе убѣдительноію рѣчей. И язычники, какъ говорилъ Апостоль, дѣйствуютъ превосходствомъ и убѣдительноію словъ и правдоподобными умствованіями (1 Кор. 2, 1—4.). Иудеи же, оставивъ Божественныя Писанія, какъ сказалъ Апостоль, ведутъ уже споръ о басняхъ и родословіяхъ безконечныхъ (1 Тим. 1, 4.). Манихей, а съ нимъ Валентины и другіе, искажалъ Божественныя Писанія своими прикровенными словами, слагають басни. Но аріане большею дерзостію отлпчаютъ предъ всеми другими ересями, и доказали, что онѣ меньшія ихъ

сестры; потому что, какъ сказано, аріане болѣе ихъ нечествуютъ, и въ лукавствѣ соревнуютъ всѣмъ, навпаче же іудеямъ. Ибо какъ іудеи, когда не могли обличить Павла, въ чемъ винили его ложно, немедленно повели его къ тысяченачальнику и игемону; такъ и аріане, выдумывая болѣе іудеевъ, пользуются одною только властію судей, и какъ-скоро противорѣчить кто имъ, — влекутъ его къ игемону или къ военачальнику.

Другія ереси, когда обличаетъ ихъ сама истина своими доказательствами, умолкаютъ, потому что обличенія приводятъ ихъ въ стыдъ: новая же и ненавистная ересь зріанъ, когда низложена доводами, когда посрамленная самою истинною падаетъ уже, тѣхъ самыхъ, кого не можетъ убѣдить словами, старается привлечь насиліемъ, ранами, темницами; и въ этомъ случаѣ давая о себѣ знать, что она всего меньше богочестива. Ибо богочестію свойственно, какъ говорили мы, не принуждать, а убѣждать. И самъ Господь, не принуждая, но отдавая на произволеніе, говорилъ какъ всѣмъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити* (Матѣ. 16, 24.), такъ и ученикамъ: *еда и вы хотите ити* (Іоан. 6, 67.)? Сія же ересь совершенно чужда богочестія. Что же, какъ не противное Спасителю, надлежало ей дѣлать, когда христорборнымъ вождемъ нечестія избрала себѣ Констанція?.... Ибо онъ ради ереси старался соревновать въ жестокости во-первыхъ и Саулу. Саулъ, когда іереи снабдили пищу Давида, даетъ повелѣніе, — и всѣ они истреблены числомъ до трехсотъ и пяти. Констанцій, — поелику всѣ бѣгутъ отъ ереси и исповѣдуется здравая вѣра въ Господа, — въ ничто

Религіозныя.

обращаетъ цѣлый Соборъ трехъ сотъ Епископовъ, и самыхъ Епископовъ заточаетъ, а народу препятствуетъ поучаться благочестію и молиться Богу, воспрещая имъ богослуженіе. Саулъ разорилъ градъ іерейскій Номву: подобно и сей, еще болѣе увелпчивая зло, отдалъ церкви нечестивымъ. И какъ тотъ клеветникъ Донка предпочелъ истиннымъ іереямъ, а Давида гналъ, внемля Зифельмъ: такъ сей еретиковъ предпочитаетъ благочестивымъ, убѣгающихъ отъ него гонить, внемля евнухамъ своимъ, клеветующимъ на православныхъ, не видя, что, если что дѣлаетъ и пишетъ въ пользу аріанской ереси, то во всемъ этомъ возстаютъ онъ противъ Спасителя.

И Ахавъ не дѣлалъ того съ іереями Божиими, на что отважился Констанцій противъ Епископовъ. Тотъ все еще и по убіеніи Навуея сокрушался, и увидѣвъ Илію, пришелъ въ страхъ; а сей не устыдился и великаго Осін, не пришелъ въ ужасъ или въ сокрушеніе, заточивъ столько Епископовъ. Но какъ второй Фараонъ, тѣмъ паче ожесточается, чѣмъ болѣе его сокрушаютъ, и каждый день вымышляетъ худшее и худшее. И что особенно странно въ его лукавствѣ: когда заточаются Епископы,—случалось и другимъ людямъ за виновность въ убійствѣ, или мятежѣ, или татѣбѣ, подвергаться осужденію по свойству вины своей; и ихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по просьбѣ, какъ Пилать Варавву, освобождалъ онъ, рабовъ же Христовыхъ не только не отпускаетъ на свободу, но и на заточеніи осуждаетъ гораздо немилосерднѣе, ставъ для нихъ неумирающимъ зломъ. Съ одними онъ дружественъ по нравамъ, а православнымъ врагъ по благочестивой ихъ вѣрѣ во Христа.

Не ясно ли смѣ показалъ онъ всякому, что и тогдашніе іудеи, испросившіе себѣ Варавву, а Господа распявшіе, были таковы-же, какъ и нынѣшніе Констанціевы христорборцы, самъ же Констанцій, можетъ быть, жестокосердѣ Пилата? Ибо тотъ, видя неправду, умылъ, по крайвей мѣрѣ, руки; а этотъ, заточая святыхъ, тѣмъ паче скрежещеть зубами.

И удивительно ли, что, совратившись въ печестіе, такъ жестокъ онъ къ Епископамъ, когда и собственного своего родства не пощадилъ, какъ свойственно человеку? Умертвилъ онъ дядей, истребилъ двоюродныхъ братьевъ и тестя, на дочери котораго былъ еще женатъ, не помиловалъ страждущихъ сродниковъ. Всегда и предъ всѣми былъ нарушителемъ клятвъ, такъ осмѣлился быть печестивымъ и въ отношеніи къ брату. Притворно созидаеть ему надгробный памятникъ, и отдаеть варварамъ обрученную съ нимъ Олимпіаду, которую тотъ до самой кончины соблюдалъ и воспитывалъ, какъ будущую супругу свою. Вознамѣрился нарушить и волю его, хотя обѣщается быть его наследникомъ, и пишетъ то, чего постыдился бы всякій имѣющій хотя нѣсколько чувства; а я, сличая его письма, нахожу, что не отъ природы такія у него расположенія, но управляется онъ внушеніями другихъ, вовсе не имѣя собственного ума. И Соломонъ говорить: *Царю послушающую словесе неправедна вси, иже подъ нимъ, законопреступницы* (Притч. 29, 13.). А оя дѣлами своими показываеть, что и самъ неправеденъ и окружающіе его законопреступники.

Посему, когда и самъ таковъ и любитъ такихъ людей, можетъ ли когда въ чехъ-либо имѣть спра-

ведливый и съ разумомъ согласный образъ мыслей? Это — человекъ, связанный беззаконіемъ приближенныхъ къ нему, его наушники такіе люди, у которыхъ мозгъ потоптанъ пятами. Посему-то и пишетъ, и написавъ раскаявается, и раскаявшись раздражается, и опять съгуетъ, и не зналъ, что дѣлать, показываетъ, что душа его лишена всякой мысли. Таковъ Констанцій. Почему, нный справедливо пожалѣть о немъ скорѣе, что, свободный по виду и имени, онъ рабъ тѣхъ, которые влекутъ его въ угодность своему нечестію. Конечно, безумному и объуродѣвшему свойственно сіе, какъ сказала Писаніе (Притч. 7, 22.). Желая угодить другимъ, самого себя предаетъ на будущемъ судѣ на осужденіе и въ пищу огню, потому что дѣлаетъ, что имъ угодно, позволяетъ имъ злоумышлять противъ епископовъ и распоряжаться церквами. Ибо вотъ и нынѣ снова возмутилъ онъ церкви въ Александріи, въ Египтѣ и во всѣхъ Ливіяхъ, и явно повелѣлъ благочестивыхъ епископовъ вселенской Церкви изгонять изъ церквей, передавать же всѣ сіи церкви мудрствующимъ по-аріански. И сіе началъ приводить въ исполненіе военачальникъ. Епископы — въ узахъ, пресвитеры и монашествующіе въ желѣзныхъ оковахъ, избитые едва не до смерти, уже изгнаны; все тамъ приведено въ смятеніе, Египетъ и вся Ливія бѣдствуютъ; народъ негодуетъ на беззаконное сіе повелѣніе, видитъ антихристово уготованіе, видитъ, что собственность у нихъ расхищается, и отдается это еретикамъ.

Поэтому, было ли слышимо когда такое беззаконіе? Бывало ли когда, даже во время гоненія, подобное зло? Прежде гонителями были язычники, но они не

вносили идоловъ въ церкви. Покровительница Павла Самосатскаго Зиновія была іудейка, но она церкви не отдавала іудеймъ на синагоги. Это — новал мерзость; не просто гоненіе, но нѣчто большее гоненія, — предначатіе и предуготованіе антихрислово. Положимъ, что противъ Аѳанасія и противъ другихъ заточенныхъ епископовъ выдуманы хотя ложные предлоги; какъ приводятъ это къ новому начинанію? Какой предлогъ называютъ къ возстанію противъ Египта и всей Ливіи, и Пентаполя? Не противъ того или другаго начали злоумышлять, гдѣ была бы возможность хотя солгать, но вдругъ напали на всѣхъ; почему, если бы захотѣли и выдумать что, явно будутъ осуждены. Злоба ослѣпила въ этомъ умъ ихъ. Стали требовать, чтобы свергнуты были всѣ епископы безъ всякаго предлога, въ доказательство того, что и противъ Аѳанасія и противъ другихъ заточенныхъ епископовъ выдуманы ими ложные предлоги, не ради чего инаго, но ради скверной ереси христорборныхъ аріанъ. Но это уже не тайна, и всякому, особливо нынѣ, стало явно; потому что Аѳанасія Царь велѣлъ изгнать изъ города, отдавъ же церкви аріанамъ. Аѳанасіевы пресвитеры и діаконы, поставленные еще Петромъ и Александромъ, изгоняются и должны спасаться бѣгствомъ. А подлинныя аріане, не по одной вѣщности справедливо подозрѣваемые, но въ самомъ еще началѣ за ересь вѣсть съ Аріемъ низложенныя Епископомъ Александромъ, и именны — въ верхней Ливіи Секундъ, въ Александріи Евзой хананянинъ, Юлій Аммонъ, Маркъ, Иринея, Зосима и Сарационъ по прозванію Пеликонъ, и въ Ливіи Сисиній и съ нимъ другіе младшіе, раздѣляющіе ихъ нечестіе, — заняли теперь церкви.

196. 2/57
Визит. Самосатскаго

Военачальникъ Себастіанъ писалъ къ помѣстнымъ начальникамъ и къ воинскимъ властямъ — изгнать истинныхъ епископовъ и на ихъ мѣсто ввести державшихся нечестія. И послали въ заточеніе епископовъ, состарѣвшихся въ клиръ, много лѣтъ епископствовавшихъ еще со времени Епископа Александра: и Аммонія, Еренія, Анагамфа и Марка послали въ верхній Оазисъ, а Муія, Псеносириса, Ниламмона, Плинія, Марка, Аѣнодора — въ Аммонію, не съ пною какою мыслию, но чтобы, проходя пустыню, кончили они жизнь; потому что не сжалились и надъ больными, но гнали и тѣхъ, которые по немощи съ трудомъ переносили это, почему, несли ихъ на носилкахъ, и по причинѣ болѣзни ихъ за ними-же слѣдовало и нужное къ погребенію. Одинъ изъ нихъ умеръ, и не позволили, чтобы тѣло его несли свои. Поэтому и Епископа Драконтія заточили въ пустынный мѣста около Клемены, а Филона — въ Вавилонъ, Аделфія — въ еиваидскую Пеннаблу; Иеракла же и Діоскура — пресвитеровъ сослали въ Сіену; Аммонія, Агаѣона, Агаѣодемона, Аполлонія, Евлогія, Аполлоса, Пафнутія, Гаія и Флавія, престарѣлыхъ Епископовъ, и также Епископовъ Діоскора, Аммонія, Ираклида и Псаія принудили къ бѣгству. И однихъ послали въ каменоломню, другихъ гнали, желая довести до смерти, многихъ же иныхъ ограбили. Даже, сорокъ человекъ мѣрянъ и дѣвъ, сперва поставивъ на огонь, послали потомъ въ заточеніе. Дѣвамъ наносили раны финиковыми жезлами, отчего нныя черезъ пять дней умерли, а у другихъ, по причинѣ вонзившихся въ тѣло спиць, надлежало ихъ вырѣзывать, и онѣ терпѣли мученія тягчайшія смерти. Но для всякаго имѣющаго

здравый смыслъ еще ужаснѣе, какъ ни свойственно это нечестивымъ: когда мучимыя призывали имя Христово, — ариане еще болѣе скрежетали на нихъ зубами. Даже, тѣла отшедшихъ не отдавали своимъ для погребенія, но скрывали, чтобы утаить убійство; однакоже, не утаили, потому что видѣлъ цѣлый городъ, и всѣ отвращались отъ нихъ, какъ отъ кровопійца, отъ злодѣевъ и разбойниковъ. Разоряли они и монастыри; и монаховъ покушались бросать въ огонь; грабили дома; остатки денегъ, положенные епископами на сохраненіе въ домъ свободныхъ гражданъ, расхищали и присвоили себѣ; вдовъ били по пяткамъ; запретили подаваніе милостыни.

Таковы злодѣйскіе поступки арианъ. Кто же не ужаснется, услышавъ, каковы предпріятія ихъ безбожія? Довели они до заточенія столь почтенныхъ великихъ старцевъ и многолѣтнихъ епископовъ; а на мѣсто ихъ молодыхъ распутныхъ язычниковъ, — еще неоглашенныхъ, думая вдругъ сдѣлать совершенными, даже двуженцевъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, по причинѣ окружающаго ихъ богатства или ихъ силы въ гражданскомъ обществѣ, — если давали золото, какбы съ торга посылали, именуя ихъ епископами. И для мірянъ ужаснѣйшее уже было бѣдствіе. Они отвращались отъ сихъ чуждыхъ для нихъ арианскихъ наемниковъ; а военачальникъ наказывалъ ихъ за это бичеваніемъ, описаніемъ имуществъ, заключеніемъ въ темницу (и дѣлалъ это съ удовольствіемъ, какъ манихей), чтобы не требовали они своихъ епископовъ, а приняли тѣхъ, которыхъ отвращаются, то-есть людей, совершающихъ такіа дѣла, какія прежде осмѣивали и въ своихъ идолахъ.

Видя или слыша сіе, смотря на высокоуміе печестивыхъ и на такую неправду, кто не возстаетъ, если только онъ правдолюбивъ? Ибо на мѣстѣхъ нечестивыхъ стѣнахъ праведіи (Притч. 28, 28.). Кто послѣ всего этого, когда нечестіе дошло до такого безстыдства, осмѣлится еще назвать Констанція?

.....

Не по его ли приказанію аріане и язычники въ великой церкви, которая—въ Кесарей, приносили жертвы и хулили Христа? Видѣніе Даніила не такія ли черты полагаетъ въ изображеніи антихриста: творить брань со святыми, укрѣпится противъ нихъ, превзидетъ злобами всѣхъ прежнихъ, три цари смиритъ, словеса на Вышняго возглаголетъ, и помыслитъ премѣнити времена и законъ (Дан. 7, 24. 25.)?

.....

И сей, покровительствуя нечестивой ереси, глаголетъ словеса на Вышняго; заточая епископовъ, творитъ брань со святыми, хотя не надолго имѣетъ такую власть къ своей же гибели. И злобою превысмль онъ бывшихъ прежде него, придумавъ новый способъ гоненія. И по истребленіи трехъ царей, Бретаніона, Максентія и Галла, вскорѣ сталъ покровителемъ ереси и, какъ исполнивъ, дерзнулъ превозвестись въ высокоуміи предъ Вышнимъ. Онъ замыслилъ перемѣнить законъ, нарушалъ Господнее, чрезъ Апостоловъ данное, постановленіе, измѣняя церковные обычаи и вымышляя новый способъ поставленій. Ибо изъ другаго мѣста за пятьдесятъ переходовъ посылалъ Епископовъ съ вопнами къ народамъ, ихъ не желающимъ; и вмѣсто свѣдѣній о себѣ приносятъ они къ народамъ угрозы и посланія къ судіямъ. Такъ

Григорія изъ Каппадокіи прислалъ въ Александрію , и Гермнія изъ Кизика переслалъ въ Сирмію, а Кекропія изъ Лаодикіи отправилъ въ Никомидію, и какогото Авксентія, болѣе любителя тяжбъ, нежели христіанина, изъ Каппадокіи перевелъ въ Медиоланъ. И поелику тамошняго Епископа Діонисія, челоуѣка благоговѣйнаго, послалъ въ заточеніе за благочестивую вѣру во Христа; то ему, незнающему даже римскаго языка и умьющему только нечестивать, повелѣлъ быть тамъ Епископомъ. А теперъ еще какому-то Георгію, родомъ каппадокіянину, бывшему сборщикомъ податей въ Константинополь, и все присвоившему себѣ, а потому бѣжавшему, велѣлъ войти въ Александрію въ сопровожденіи воиновъ, при содѣйствіи военачальника.

Потомъ, нашедши какогото Эпиктита, дерзкаго молодаго челоуѣка изъ новообращенныхъ, полюбилъ его, видя готовымъ на злыя дѣла: и посредствомъ его строить уже козни, кому хочеть изъ епископовъ. А Эпиктитъ готовъ сдѣлать все, чтд угодно Царю. Пользуясь симъ служителемъ, и въ Римъ совершилъ Констанцій дѣло необычайное и дѣйствительное подобіе антихристова злоумія. Ибо вмѣсто церкви пригатовивъ палату и вмѣсто народа призвавъ трехъ своихъ евнуховъ, трехъ злонравныхъ соглядатаевъ (никто не назоветъ ихъ епископами), принудилъ въ палатѣ поставить въ епископы какогото достойнаго ихъ Филикса. Ибо весь народъ, зная о беззаконіи еретиковъ, не позволялъ имъ входить въ церкви, но отгонялъ отъ нихъ далеко прочь.

Посему, чего недостаетъ, чтобы ему быть антихристомъ? Или, чтд большаго сдѣлаетъ пришедши антихристъ? Не найдетъ ли онъ, что Констанціемъ

предуготованъ ему удобный къ обольщенію путь? Ибо опять вмѣсто церквей въ чертоги призываетъ на судъ къ себѣ, и самъ председательствуетъ на судѣ. И что чудно: если видить, что недостаетъ обвинителей, самъ на себя беретъ должность обвинителя, чтобы терпящимъ неправду, при его насиліи, не было и возможности оправдаться. Такъ поступилъ онъ въ дѣлѣ съ Аѳанасіемъ. Видя дерзновеніе Епископовъ Павлина, Люцифера, Евсевія и Діонисія, какъ скоро говорящихъ противъ Аѳанасія стали они обличать раскаяніемъ Урзація и Валента и подали голосъ, что не должно вѣрить Урзацію и Валенту, какъ уже раскаявшимся въ томъ, что теперь утверждаютъ, — Констанцій, тотчасъ вставъ съ мѣста, сказалъ: «теперь я обвинитель Аѳанасіевъ, для меня повѣрьте тому, что утверждаютъ они». Послѣ сего епископы сказали: «Какъ можешь быть обвинителемъ, когда нѣтъ здѣсь обвиняемаго? Если ты и обвинитель; то, поелику Аѳанасія здѣсь нѣтъ, онъ не можетъ быть судимъ: не гражданскій здѣсь судъ, чтобы повѣрить тебѣ, какъ царю; но дѣло идетъ объ Епископѣ. И судъ долженъ быть равный и надъ обвиняющимъ и надъ подсудимымъ. Но почему обвиняешь? Не могъ ты быть вмѣстѣ съ находящимся отъ тебя далеко. А если утверждаешь слышанное отъ Урзація и Валента, то справедливость требуетъ вѣрить и тому, что говоритъ Аѳанасій. Если же ему не вѣришь, а вѣришь свмъ, то оказывается, что они утверждаютъ это для тебя и въ угодность тебѣ обвиняють Аѳанасія». Выслушавъ это и обидою для себя признавъ сказанное прямодушно, послалъ ихъ въ заточеніе, и прогнѣвавшись на Аѳанасія, строго предписалъ посту-

пать съ нимъ, какъ и сдѣлано, церкви передать аріанамъ и дозволить имъ дѣлать, что хотятъ.

Ужасно, правда, и все ужасное превосходить подобное дѣло.
 Ибо кто, видя, какъ начальствуетъ онъ надъ мнимыми епископами и председательствуетъ на церковныхъ судахъ, не въ правѣ будетъ сказать, что это—упоминаемая у Даниила мерзость запустѣнія (Дан. 9, 27.)? Прикрываясь христіанствомъ, входя въ святыя мѣста и стоя въ нихъ, приводитъ онъ въ запустѣніе церкви, нарушая церковныя правила и принуждая, чтобы имѣли силу собственныя его приказанія. Кто осмѣлится еще сказать, что время сіе для христіанъ есть мирное, а не паче гоненіе? И что такое это гоненіе, какого никогда не было, и какому подобнаго никто, можетъ быть, не воздвигнетъ, развѣ только сынъ беззаконія,—сіе показываютъ намъ уже христорборцы, ясно то въ себѣ живописуя. Посему-то и надлежитъ намъ наипаче трезвиться и смотреть: уже ересь сія, имѣющая столько безстыдства и, по написанному въ Притчахъ, разливающаяся *якоже отъ кераста ядъ* (Притч. 23, 32.), научающая мудрствовать противъ Спасителя, не есть ли то отступленіе, послѣ котораго откроется антихристъ; конечно, въ Констанціи имѣя своего предтечу? Иначе, для чего такъ неистовствуетъ онъ на благочестивыхъ? Для чего подвизается какбы за собственную свою ересь и непокаряющагося Аріеву безумію именуетъ собственнымъ своимъ врагомъ, а что говорятъ христорборцы, то принимаетъ съ удовольствіемъ, и безчеститъ великіе и многіе Соборы? Для чего церкви повѣлѣлъ передать аріанамъ? Не для того

104.

ли, чтобы антихристъ пришедши нашелъ возможность
войдти въ нихъ и похвалилъ Констанція?

Епископы старцы, поставленные Александромъ и прежде
де него бывшимъ Ахиллою и даже предшественникомъ
Ахилла Петромъ, изгнаны, а введены люди, которыхъ
избирали сопровождаемые войнами, и избирали, какъ
давшихъ обѣщаніе одинаково съ ними мудрствовать.

Такое требованіе не трудно было для мелетіанъ;
потому что бѣльшая часть изъ нихъ, а лучше ска-
зать, всѣ небогочестивы по жизни, не знаютъ здра-
вой вѣры во Христа и вообще того, что такое хрис-
тіанство, или какія писанія имѣемъ у себя мы—
хрістіане. Одни изъ нихъ прямо отъ идоловъ, другіе
изъ сената и изъ первыхъ правительственныхъ мѣстъ,
для этого жалкаго увольненія отъ службы, для
людскаго покровительства, деньгами склонивъ на свою
сторону давнихъ мелетіанъ, вступали въ епископскій
санъ, прежде нежели были оглашены. Но если и
почитали себя оглашенными, то какое оглашеніе у
мелетіанъ? Впрочемъ и тѣ, которые не почитали
себя оглашенными, приступали вмѣстѣ съ прочими,
и тотчасъ, какъ дѣти, пріявъ имя, нарекаемы были
епископами. И посему-то, какъ незнающіе хрис-
тіанства, ни во что вмѣняли дѣло, и не полагали
различія между благочестіемъ и нечестіемъ; охотно
и скоро изъ мелетіанъ сдѣлались аріанами; а если
и другое что повелитъ Царь,—готовы измѣниться и
въ это. Незнаніе благочестія скоро доводитъ ихъ до
обычнаго имъ неблагоразумія, какому обучились изъ
начала. Для нихъ ничего не значить влаться вся-
кимъ вѣтромъ и волненіемъ, только бы не нести на
себѣ гражданской службы и имѣть покровительство

отъ людей. А, можетъ быть, они и не переменяются, оставаясь такими-же, какими были и прежде, какими были, когда находились въ язычествѣ. Такіе-то люди, имѣя нравъ, ко всему склонный, думая, что церковь есть тотъ-же сенатъ, помышляя еще объ идолахъ и пріявъ на себя прекрасное имя Спасителево, какъ язычники, осквернили весь Египеть, сдѣлавъ, чтобы и въ немъ именовалась ихъ аріанская ересь; потому что въ одномъ только Египтѣ повсюду была еще свобода держаться православія. Посему и въ него злочестивые старались ввести зависть, лучше же сказать, не они, но подвижній ихъ діаволь, чтобы проповѣдникъ его, антихристъ, пришедши нашель, что церкви въ Египтѣ принадлежать уже ему, и мелетіане предоглашены его ученіемъ, и потому узналъ, что уже вообразился онъ въ нихъ.

Таково незаконное повелѣніе, вышедшее отъ Констанція; въ народъ же была готовность къ мученичеству, и лучше сказать, ненависть къ нечестивѣйшей ереси. Впрочемъ, вездѣ были плачь и стenanіе о церквахъ, всѣ вопіяли ко Господу: *пощади, Господи, люди Твоя, и не предаждь достоянія Твоего въ укоризну врагамъ Твоимъ* (Іон. 2, 17.), но ускори изъять насъ изъ руки незаконныхъ. Ибо вотъ не пощадили они рабовъ Твоихъ, предуготовляютъ же путь антихристу. Мелетіане никогда не воспротивятся ему, не позаботятся объ истинѣ и отречься отъ Христа не почтутъ для себя дѣломъ низкимъ. Это — люди, никогда не приступающіе къ слову искренно, подобно хамелеону принимающіе на себя всякій видъ, сдѣлавшіеся наемниками пмъющихъ въ нихъ нужду. Они не истину имѣютъ цѣлю,

но предпочитают ей мигутое удовольствіе, и говорятъ только: *да ямы и пѣмъ, утрѣ бо умремъ* (Иса. 22, 13.). Таковы ихъ предположеніе и невѣрный нравъ, свойственные лицемѣрамъ епикритіанамъ, а не мелетіанамъ. Но вѣрные рабы Спасителя и истинные епископы,—искренно увѣровавшіе, живущіе не для себя, а для Господа, соблюдая благочестивую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа и зная, какъ сказано прежде, что лживы предлоги, выставленные противъ истины, и явно выдуманы ради арианской ереси (ибо изъ покаянія Урзаціева и Валентова увидѣли они, что на Аѳанасія сложена клевета съ намѣреніемъ искоренить его и ввести въ Церкви нечестіе христорбцевъ),—видя все сіе, какъ поборники и проповѣдники истины, рѣшились лучше—понести оскорбленія, идти въ заточеніе, и дѣйствительно потерпѣли сіе, но не согласились подписать Аѳанасіева осужденія и вступить въ общеніе съ арианами. Не забыли они, чему научены, но всего паче знаютъ, что предателямъ—великое безчестіе, а исповѣдникамъ истины—небесное царство, что малодушнымъ и убоавшимся Констанція не будетъ ничего добраго, а претерпѣвшимъ здѣсь скорби, какъ пловцамъ послѣ бури тихая пристань, какъ борцамъ послѣ подвига вѣнецъ, будутъ на небесахъ великая и вѣчная радость и веселіе,—радость, какую имѣлъ Іосифъ послѣ понесенныхъ имъ скорбей, какую имѣлъ и великій Давидъ послѣ искушеній и навѣтовъ отъ царедворцевъ, какую имѣть нынѣ и Павелъ, увѣнчанный Спасителемъ, и какой ожидаютъ повсюду сущіе люди Божіи. Видя все сіе, не изнемогли они произволениеть, но паче укрѣплялись вѣрою, болѣе и болѣе

возрастала ихъ ревность; удостовѣрившись въ клеветѣ и нечестіи еретиковъ, осуждаютъ они гонителя, гонимымъ же содѣйствуютъ и рѣшимостію и еднomyслиемъ, что-бы и имъ самимъ получить вѣнецъ исповѣдничества.

Многое могъ бы сказать ный противъ сей скверной и христорборной ереси: но поелику, какъ сказалъ Пророкъ, *отъ ногъ даже до главы* (Иса. 1, 6.) вѣтъ въ ереси ничего твердаго, все же исполнено нечистоты и всякаго нечестія, и по одному слуху должно бѣжать отъ нея, какъ отъ изверженій псовъ и отъ змѣннаго яда. ; то, чтобы не продоллось слово, прекрасно будетъ удовольствоваться Божественнымъ Писаніемъ и всякому изъ насъ послушаться того, что оно заповѣдуетъ и въ-разсужденіи нныхъ ересей, а наипаче въ-разсужденіи сей ереси. Заповѣдь же его такова: *отступите, отступите, изыдите отсюда, и нечистотъ не прикасайтесь, изыдите изъ среды ихъ, и отлучитесь носящии сосуды Господни* (Иса. 52, 11.). Сего достаточно къ наученію всѣхъ, чтобы, если и обольщенъ кто ими, изшедши какъ изъ Содома, не обращался къ нимъ болѣе, и не потерпѣлъ того-же, что — и жена Лотова. Если же кто отначала пребылъ чистымъ отъ сея нечестивой ереси, то да хвалится о Христвъ, говоря: *не въздохомъ руки наша къ Богу чуждему* (Псал. 43, 21.), не поклонялись дѣламъ рукъ нашихъ, и не служили твари паче Тебя, Боже, создавашаго вслческа Словоиъ Твоимъ, едиnorodнымъ Сыномъ, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. О Немъ Тебъ Отцу съ самимъ Словоиъ въ Духъ Сватоиъ слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ПОКАЗАНИЕ ВТОРОЕ.

Всѣ вѣрные вселенской въ Александріи Церкви, правимой достопочтеннѣйшимъ Епископомъ Аѳанасіемъ, чрезъ подписавшихся ниже сего всѣмъ міромъ показываютъ слѣдующее:

Дѣлали мы уже показаніе о томъ ночьюъ нашествіи, какому подверглись мы и храмъ Господень: хотя и не было нужды въ показаніи о томъ, что зналъ и знаетъ цѣлый городъ; потому что найденныя тѣла убитыхъ лежали для всѣхъ открыто, и въ храмѣ Господнемъ оружія и луки вопіяли о совершенномъ тамъ беззаконіи. Поелику же и послѣ показанія свѣтлѣйшій дукъ Сиріанъ принуждаетъ всѣхъ говорить согласно съ нимъ, будто бы и смятенія не было, и никто не умеръ, сіе же даетъ не маловажный поводъ ко подозрѣнію, что сдѣлано сіе противъ воли челоувѣколюбивѣйшаго Августа Констанція (ибо Сиріанъ не сталъ бы бояться того, что сдѣлано, если бы сдѣлалъ это по приказанію; но онъ, — когда пришли мы къ нему и стали просить, чтобы не дѣлалъ никому принужденія, и не отрицалъ бывшаго, — велѣлъ васъ, не смотря на то, что мы христіане, бить палками, доказывая тѣмъ самымъ, что ночьюъ была воздвигнута брань на церковь): то по сей самой причинѣ и теперь даемъ сіе показаніе, когда уже нѣкоторые изъ насъ готовы отправиться къ благочестивѣйшему Августу. Вседержителемъ же Богомъ о спасеніи благочестивѣйшаго Августа Констанція заклинаемъ египетскаго епарха Максима и присмотрщиковъ

довести о всемъ благочестію Августову и власти свѣтлѣйшаго епарха. Заклинаемъ и всѣхъ кораблехозяевъ провозвѣститъ это повсюду и довести до слуха благочестивѣйшаго Августа и до епарховъ, и до мѣстныхъ судей, чтобы извѣстною содѣлалась брань воздвигнутая на церковь, и также извѣстно было и то, что, во времена Августа Констанція, Сиріанъ и дѣвъ и многихъ другихъ заставилъ пріять мученничество. Ибо на разсвѣтъ пятого дня февральскихъ идусовъ, то есть въ четырнадцатый день мѣсяца Мехира, когда были мы на бдѣниіи во храмъ и совершали молитвы,—потому что въ пятницу надлежало быть службѣ,—вдругъ около полночи пришелъ къ намъ въ церковь свѣтлѣйшій дукъ Сиріанъ со многими легионами воиновъ, у которыхъ были оружія, обнаженные мечи, стрѣлы и иные воинскіе снаряды, и шлемы на головахъ. И дѣйствительно, когда молились мы и было у насъ чтеніе,—разбили они двери; а какъ скоро усиленіемъ множества были двери отворены,—Сиріанъ отдалъ приказаніе: и одни стали стрѣлять; другіе восклицали; произошелъ стукъ оружія; за сверкали мечи при свѣтѣ свѣтильниковъ. А въ—слѣдъ уже за симъ убиваемы были дѣвы; многія потоптаны, падая другъ на друга, при наступленіи на нихъ воиновъ; раненыя стрѣлами, мушкетеры умирали. Нѣкоторые изъ воиновъ обратились къ грабежу, срывали покрывала съ дѣвъ, при чемъ страхъ, при одномъ прикосновеніи къ нѣкоторымъ воиновъ, былъ для нихъ тяжелѣе смерти. Епископъ сидѣлъ на престолѣ своемъ, увѣщавая всѣхъ молиться; а Дукъ распорядился войскомъ, имѣя при себѣ письмоводца Иларія, много участвовавшего въ этомъ, какъ пока-

залъ и конецъ. Влекомый Епископъ едва не растерзанъ на части. Доведенный до великаго изнеможенія и полумертвый, не знаемъ гдѣ, скрылся у нихъ изъ вида, а они старались убить его. Когда увидѣли многихъ умершихъ,—велѣли воинамъ спрятать тѣла скончавшихся; святые дѣвы, оставшіяся мертвыми, погребены въ гробницахъ, стяжавъ ту похвалу, что, во времена благочестивѣйшаго Констанція, содѣлались мученицами. Діаконы были биты и заключаемы въ самый храмъ. Но дѣло и симъ не кончилось. По совершеніи всего этого, разбивая двери, гдѣ только могъ Сиріанъ, отворялъ ихъ, обыскивалъ и похищалъ, что было внутри. Входили и въ такія мѣста, въ которыя не всѣмъ христіанамъ дозволенъ входъ. Сіе знаетъ и градскій военачальникъ Горгоній, потому что былъ тамъ. Не малымъ обличеніемъ такого вражескаго нашествія служить то, что въ храмъ послѣ вышедшихъ остались оружія, стрѣлы, мечи, которые доннынъ висѣли въ церкви, чтобы не возможно было отречься. Сиріанъ неоднократно присылалъ изъ отряда Динамія и военачальника, желая взять ихъ; но до времени не позволяли мы сего, чтобы дѣло всѣмъ стало извѣстно.—Посему, ежели есть приказаніе воздвигнуть на насъ гоненіе, то всѣ мы готовы стать мучениками. Если же нѣтъ приказанія отъ Августа: то египетскаго епарха Максима и всѣхъ, участвующихъ въ правленіи, просимъ умолять Царя, чтобы не было уже предпринимаемо ничего подобнаго; просимъ довести до него и сію нашу просьбу, пусть и не думаютъ ввести сюда другаго какого-либо епископа. До смерти станемъ въ своемъ желаніи—имѣть епископомъ достопочтеннѣйшаго Аеана-

сія, котораго изначала далъ намъ Богъ, по преданію Отцевъ нашихъ. И самъ благочестивѣйшій Августъ Констанцій его прислалъ къ намъ съ посланіями и клятвами; увѣрены же, что, если узнаеть его благочестіе, то вознегодуетъ на происшедшее, и ничего не сдѣлаеть вопреки даннымъ клятвамъ, но опять повелитъ Епископу нашему Аванасію оставаться съ нами.

Во время избранія консуловъ, послѣ консульства свѣтлѣйшихъ Арбеѳіона и Колліана, въ семнадцатый день Мехира, то-есть въ первый день февральскихъ идусовъ.

16.

НА АРІАНЪ СЛОВО ПЕРВОЕ.

Извѣстны тѣ ереси, которыя съ умышленнымъ своимъ неистовствомъ отступили отъ истины; и ихъ нечестіе давно стало всѣмъ явно. Ибо само собою видно, что изобрѣтатели сего *изыдоша отъ насъ*, какъ написалъ блаженный Іоаннъ (1 Іоан. 2, 19.); потому что по мудрованію своему не къ намъ таковыя принадлежали, и теперь не съ нами. Почему, какъ сказалъ Спаситель, не собирая съ нами, *расточаютъ съ діаволомъ* (Лук. 11, 23.), подстерегая усыпленныхъ, чтобы, всѣявъ въ нихъ гибельный ядъ свой, не однимъ, но съ ними вмѣстѣ, подвергнуться смерти. И одна изъ сихъ ересей, именно послѣдняя, явившаяся нынѣ предтечею антихриста и называемая аріанскою, какъ коварная и хитрая, примѣчая, что

старшія сестры ея , то-есть другія ереси , преданы явному позору , лицемѣритъ , подобно отцу своему діаволу , прикрываясь изреченіями Писанія , и снова усиливается войти въ рай Церкви, чтобы, притворясь вѣрною христіанству , такъ-какъ ничто въ ней не имѣетъ твердаго основанія , правдоподобіемъ своихъ лжеумствованій обольтивъ нѣкоторыхъ , заставитъ тѣмъ мудрствовать противное Христу. Она ввела уже въ заблужденіе иныхъ безразсудныхъ , которые не только растлились слухомъ , но , по примѣру Евы , взяли и вкусили , и , наконецъ , въ невѣдѣніи своемъ почитаютъ горькое сладкимъ , и мерзкую ересь называютъ прекрасною. Посему-то , убѣжденный къ этому вами , почитаю необходимымъ раскрыть изгибы въ груди этой гнусной ереси , и показать зловоніе ея безразсудства , чтобы и находящіеся еще далекими отъ нея бѣжали уже ея , а обольщенные ею раскаялись , и съ отверстыми очами сердца уразумѣли , что , какъ тма—не свѣтъ , и ложь—не истина , такъ и арианская ересь—не добро; напротивъ же того , называющіе арианъ христіанами находятся въ великомъ и крайнемъ заблужденіи , какъ не читавшіе Писаній и вовсе не знающіе христіанства и христіанской вѣры.

Какое же примѣтивъ сходство въ ереси съ благочестивою вѣрою , суесловятъ , будто бы еретики не утверждаютъ ничего худаго ? Понстигиъ , это значить тоже , что и Каіафу называть христіаниномъ , . Іуду предателя соприслать еще къ Апостоламъ , утверждать , что вмѣсто Спасителя испросившіе Варавву не сдѣлали ничего худаго , доказывать , что Именей и Александръ—люди благомыслящіе , и Апостоль лжетъ на нихъ. Но христіанинъ не можетъ выслушать сего

160.161.
 Антипротестант.

терпѣливо; и кто отваживается говорить это, о томъ никто не предположить, что въ здоровомъ онъ умѣ. Въмѣсто Христа у нихъ Аріій, какъ у манихеевъ Манихей, а вмѣсто Моисея и другихъ святыхъ отыскиваются у нихъ какой-то осмѣиваемый и язычниками Сотадь и дочь Иродіадина. Ибо нетвердому и изнеженному складу рѣчи одного подражаетъ Аріій, пиша Фаліи, а съ другою состязуется въ плясаніи, выплясывая и выигрывая свои хулы на Спасителя; отчего, выпадающіе въ ересь его развращаются умомъ и безразсудствуютъ, имя Господа славы измѣняютъ въ подобіе образа тлѣнна челоуька (Римл. 1, 23.), и вмѣсто христіанъ именуются уже аріанами, что и служить признакомъ нечестія.

Да не вымышляютъ себя извиненій, и цорцаемые да не лгутъ на тѣхъ, которые не подобны имъ, называя и христіанъ также по имени учителей, чтобы заставить думать, будто бы и сами христіане такъ себя именуютъ. Да не отдѣлываются шутками, когда стыдятъ ихъ поноснымъ ихъ именемъ. Если же дѣйствительно стыдятся; то пусть скроются, или оставить свое злочестіе. Вѣрные никогда еще не принимали наименованія отъ своихъ епископовъ, но именовались отъ Господа, въ Котораго и вѣруемъ. Блаженные Апостолы были нашими учителями, и они послужили евангелію Спасителя; но не отъ нихъ получили мы себя именованіе, а отъ Христа мы христіане, и христіанами называемся. Которые же начало мнимой своей вѣры ведутъ отъ другихъ, тѣ справедливо, какъ ихъ твореніе, отъ нихъ заимствуютъ себя и наименованіе. И именно, когда всѣ мы отъ Христа и были, и именовались христіанами; изверженъ былъ

въ древности Маркіонъ , изобрѣтшій ересь , между тѣмъ оставшіеся , по его изверженіи , удержали имя христіанъ , а послѣдовавшіе Маркіону стали уже называться не христіанами , но маркіонитами. Такъ и Валентинъ , Василидъ , Манихей , Симонъ волхвъ передали имя свое послѣдователямъ , и одни именуются Валентиніанами , другіе василидіанами , третьи манихеями , послѣдніе симоніанами , нныя же отъ Фригія катафригами и отъ Новата новатіанами. Также и Мелетій , изверженный Епископомъ и мученикомъ Петромъ , назвалъ своихъ уже не христіанами , но мелетіанами. Такъ , когда и блаженной памяти Александръ изринулъ Аріа , оставшіеся съ Александромъ удержали за собою именованіе христіанъ , а согласившіеся съ Аріемъ имя Спасителя предоставили намъ единомысленнымъ съ Александромъ , сами же стали уже называться аріанами. Вотъ , и по смерти Александра , состоящіе въ общеніи съ преемникомъ его Аѳанасіемъ , и тѣ , съ которыми въ общеніи самъ Аѳанасій , тотъ-же соблюдаютъ уставъ ; и какъ никто изъ нихъ не носятъ имени Аѳанасіева , такъ и Аѳанасій не отъ нихъ заимствуетъ себѣ имя , но всѣ опять по обычаю именуются христіанами. Хотя имѣемъ у себя преемниковъ учителямъ , и ихъ дѣлаемъ учениками ; однакоже , поелику преподають они намъ Христово ученіе , то тѣмъ не менѣе и остаемся , и называемся , христіанами. Послѣдователи же еретиковъ , хотя у нихъ тысячи преемниковъ , непременно носятъ на себѣ имя изобрѣтшаго ересь. Такъ , и по смерти Аріа , хотя многіе изъ его учениковъ стали его преемниками , однакоже , держащіеся Аріевыхъ мыслей , отъ Аріа заимствуя свою извѣстность , назы-

ваются аріанами. И вотъ достойное удивленія сему доказательство : и нынѣ язычники , вступающіе въ Церковь , оставляя языческое суевѣріе , получаютъ себѣ именованіе не отъ имени тѣхъ , кто оглашаетъ ихъ , но отъ имени Спасителя , и вмѣсто язычниковъ начинаютъ называться христіанами ; отходящіе же къ аріанамъ , даже и тѣ , которые изъ Церкви переходятъ въ ересь , оставляютъ имя Христово , и называются уже аріанами , какъ не содержащіе Христовой вѣры , но содѣлавшіеся наслѣдниками Аріева безумія .

Посему , какъ могутъ быть христіанами тѣ , которые—не христіане , но аріане ? Или , почему будутъ принадлежать ко вселенской Церкви тѣ , которые отринули Апостольскую вѣру , и стали изобрѣтателями новыхъ золь ? Они оставили словеса Божественныхъ Писаній , и Аріевы еаліи называютъ новою мудростію , въ чемъ и справедливы , потому что возвѣщаютъ новую ересь . Почему , иной подивится , что , —когда многими написано много сочиненій и великое число бесѣдъ на Ветхій и Новый Завѣтъ , и ни у кого изъ нихъ не отыскивается еаліи , даже не найдешь ея и у степенныхъ изъ язычниковъ , а развѣ только что-либо подобное съ рукоплесканіями и шутками поется у нихъ среди пооекъ , во время забавъ , для возбужденія смѣха въ другихъ , —чудный Аріій , не избравъ для подражанія что-либо честное , даже не зная , что дѣлали степенные изъ язычниковъ , когда весьма многое выкралъ изъ другихъ ересей , въ этомъ поревновалъ смѣхотворству одного Сотата . Да и что ему , когда пожелалъ издѣваться надъ Спасителемъ , личнѣе было дѣлать , какъ не сими небрежными и

вольными стихами выражать жалкія мудрованія своего злочестія?

Какъ по исходу слова, говоритъ Премудрость, познанъ будетъ мужъ (Притч. 29, 20.); такъ и по смь Аріевымъ произведеніямъ познается разслабленіе души и растльніе ума въ писавшемъ. И хотя, подобно змію, туда и сюда извращается сей коварный; однакоже, не могъ скрыть, что впаль онъ въ обольщеніе фарисейское. Ибо какъ ть, желая пребывать въ беззаконіи, показывали наружно, что изучаютъ словеса Закона, и желая отречься отъ ожиданнаго и пришедшаго Господа, лицемѣрно называли Его Богомъ, и сами себя обличали, говори хульно: почему *Ты человекъ сый, твориши себе Бога*, и говоришь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30. 33.)? Такъ и этотъ, самозванный учитель и Сотадовъ подражатель, Арій, хотя притворяется, что разсуждаетъ о Богъ, и приводитъ изреченія изъ Писаній; однакоже, во всемъ обличаетъ себя, что онъ Арій безбожникъ, отрицающій Сына и причисляющій Его къ тварямъ.

Вотъ начало Аріевой еаліи и Аріева пустословія, женоподобное и по складу рѣчи и по размѣру стиха. «Отъ избранныхъ Божіихъ по вѣрѣ, богоразумныхъ, святыхъ чадъ, правомѣрныхъ, пріившихъ Святаго Божія Духа, причастниковъ премудрости, мужей образованныхъ, богоучимыхъ и во всемъ премудрыхъ научился я сему. По ихъ единомысленно шествуя слѣдамъ, пришелъ я, оглашаемый всюду, много пострадавшій за Божію славу, и отъ Бога научившись мудрости, увѣдалъ я вѣдніе». Отвратительныя же и исполненныя злочестія ругательства, провозглашаемая имъ въ еаліи, таковы: «Богъ не всегда былъ Отцемъ; но было, ко-

да одинъ былъ только Богъ, и не было еще Отца ; въ-послѣдствіи же содѣлался Онъ Отцемъ. Не всегда былъ Сынъ. Поелику все произошло изъ ничего, и все происшедшее есть тварь и произведеніе; то и самое Божіе Слово произошло изъ не-сущаго; и было, когда не было Слова; Его не было, пока не произошло; и Оно имѣло начало созданія. Одинъ былъ Богъ, говоритъ Арій, и не было еще Слова и Премудрости. Потомъ, восхотѣвъ создать насъ, сотворишь Единаго нѣкоего, и наименовалъ Его Словомъ, Премудростию и Сыномъ, чтобы посредствомъ Его .создать насъ». Посему, говоритъ, что «двѣ есть премудрости: одна собственная и соприсущая Богу; Сынъ же рожденъ сею премудростию, и какъ причастникъ ея , наименованъ только Премудростию и Словомъ. Ибо Премудрость , говоритъ онъ , отъ премудрости пріяла бытіе по волю премудраго Бога». Подобно сему утверждаетъ, что «въ Богъ есть другое слово кромѣ Сына, и Сынъ, какъ причастникъ онаго, наименованъ опять по благодати Словомъ и самымъ Сыномъ». Ихъ же ереси свойственно и сіе мудрованіе , выраженное въ ихъ другихъ сочиненіяхъ, а именно , что «много есть силъ, и какъ одна по естеству собственно есть Божія и вѣчная сила; такъ Христось опять—не истинная Божія сила, но и Онъ есть одна изъ нарицаемыхъ силъ, между которыми и *прузи* и *гусеницы* называются не только силою; но и силою великою (Іонл. 2, 25.). Есть же много и другихъ силъ, подобныхъ Сыну, о которыхъ воспѣваетъ Давидъ, говоря: *Господь силъ* (Псал. 23, 10.). И подобно всѣмъ онымъ силамъ , и само Слово по естеству измѣнимо , по собственной же свободѣ , пока хочетъ , пребываетъ

совершеннымъ; а когда восхоцеть, — можетъ измѣнить-ся, потому что Оно, какъ и мы, измѣняемаго естества. Посему, говоритъ Аріи, Богъ предувѣдавъ, что Слово будеть совершеннымъ, предварительно даровалъ Ему сию славу, какую человекъ сталъ имѣть въ-послѣдствіи за добродѣтель; почему, за дѣла Его, которыя предувѣдавъ Богъ, сотворилъ, что таковымъ стало Оно нынѣ». Еще же дерзнуть сказать онъ, что «Слово—не истинный Богъ ; а если и скажется Богомъ, то не истиннымъ, а по причастью благодати ; какъ всѣ иные, такъ и Оно по имени только скажется Богомъ. И какъ всѣ чужды и неподобны Богу по сущности; такъ и Слово чуждо Отчихъ свойствъ, и по всему неподобно Отчей сущности, состоитъ же въ свойствѣ съ вещами получившими бытіе и съ тварями, и есть одна изъ нихъ». Сверхъ же сего, содѣлавшись преемникомъ діаволовой дерзости, Аріи написалъ въ своей еаліи, что «Отецъ невидимъ Сыну, и что Слово не можетъ совершенно и въ-точности видѣть и познавать Своего Отца; а что познаетъ и видитъ, то знаетъ и видитъ соответственно иѣрамъ Своимъ, какъ и мы познаемъ по мѣрѣ силъ своихъ. Ибо и Сынъ, говоритъ Аріи, не только не познаетъ Отца въ-точности (недостаеъ у Него и силъ постигнуть сіе), но и Своей сущности не знаетъ самъ Сынъ». И еще говоритъ Аріи, что «раздѣльны по естеству, разобщены, разлучены, чужды и непричастны одна другой сущности Отца, Сына и Святаго Духа, и, какъ самъ онъ выразился, до безконечности во всемъ несходны между собою по сущностямъ и по славамъ ; по крайней мѣрѣ, Слово, говоритъ онъ, что касается до подобія сущности и славы, совершенно чуждо

тому и другому, и Отцу и Духу Святому». Такими словами выражался нечестивый, и утверждалъ , что «Сынъ существуетъ отдѣльно самъ по себѣ, и совершенно непричастенъ Отцу». И это часть только Аріевыхъ басенъ, заключающихся въ смѣшномъ его сочиненіи.

Кто же, выслушавъ подобныя рѣчи и такой напѣвъ еаліи, по справедливости не возненавидитъ Арія, который, какъ на зрѣлищѣ, шуточно судить о такихъ предметахъ? Кто не усмотритъ, что для вида только именуется онъ Бога, и разсуждаетъ о Богѣ, какъ змій, подающій совѣтъ женѣ? Кто, читая и продолженіе еаліи, не увидитъ его нечестія, какъ въ послѣдствіи стало видно заблужденіе, въ какое ухищренный змій вводилъ жену? Кого не приведутъ въ изумленіе такія хулы? *Ужасеся небо*, какъ говоритъ Пророкъ, и земля *вострепета* (Іер. 2, 12.) отъ преступленія Закона; а еще болѣе солнце, негодуя и не терпя тогда тѣлесно наносимыхъ общему всѣхъ Владыкѣ оскорбленій, которыя добровольно понесъ Онъ ради насъ, отвратилось, и удержавъ лучи свои, произвело оный неозаренный солнцемъ день. Отъ Аріевыхъ же хуленій не будетъ ли поражено онѣмъ все естество человѣческо, не заградить ли слуха, не смежить ли очей, чтобы прійти въ невозможность и слышать что-либо подобное и видѣть написавшаго это? Самъ же Господь не тѣмъ ли паче справедливо возопіетъ на сихъ, какъ на злочестивыхъ и вмѣстѣ неблагодарныхъ, что предрекъ Онъ чрезъ Пророка Осію: *горе имъ, яко отскочиша отъ Мене: боязливи суть, яко нечествоваша ко Миѣ: азъ же избавихъ я, сіи же возглаголаша на Мя азъ же* (Осіи

7, 13.); и нѣсколько ниже: *И на Мя помыслиша злая. Сократишася ни во чтоже* (15. 16.)? Отвратившись отъ суцѣга Божія Слова и измысливъ себѣ слово несущее, низпали они въ ничто.

Посему-то и вселенскій Соборъ говорящаго сіе Арія изринулъ изъ Церкви, и, не терпя злочестія, предалъ анаѣмъ, и Аріево заблужденіе признано уже ересію, заключающею въ себѣ нѣчто большее иныхъ ересей; потому и христорбнымъ оно названо, и признано предтечею антихриста. И хотя, какъ говорилъ я и прежде, такой судъ, произнесенный на злочестивую ересь, всего болѣе достаточенъ убѣдить всякаго, чтобы бѣжалъ отъ нея; однакоже, поелику нѣкоторые изъ именуемыхъ христіанами, или по невѣдѣнію, или лицемѣрію, какъ говорено уже прежде, признають ересь безразличною въ отношеніи къ истинѣ, и мудрствующихъ такъ называютъ христіанами; то, допросивъ ихъ, откроемъ, сколько можемъ, коварство ереси, чтобы, хотя симъ остановленные, заградилъ они себѣ уста и бѣжали отъ ереси, какъ отъ лица змѣнна.

Если на томъ основаніи, что въ еаліи выписаны нѣкоторыя изреченія Божественнаго Писанія, и хулы ея почитаютъ благохваленіями; то, конечно, увидѣвъ нынѣшнихъ іудеевъ, читающихъ Законъ и Пророковъ, отрекутся съ ними отъ Христа, а можетъ быть, услышавъ манихеевъ, произносящихъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелій, отрекутся съ ними и отъ Закона и Пророковъ. Если же такъ волнуются и пустословятъ по невѣдѣнію; то пусть узнають изъ Писаній, что измыслившій ереси діаволь, по причинѣ смрада собственной его злобы, употребляетъ изреченія Писанія,

чтобы, подь покровомъ оныхъ всъявъ ядъ свой, обольстить простодушныхъ. Такъ обольстил онъ Еву. Такъ произвелъ и другія ереси. Такъ и нынѣ убѣдилъ Арія притворствовать и говорить, повидя-мому, противъ ересей, чтобы неприязнито посвѣать въ умахъ собственную свою ересь.

Но и такимъ образомъ не утаился сей коварный. За свое нечестивое ученіе о Божіемъ Словѣ скоро утратилъ всякое довѣріе, и ясно всѣмъ стало, что неслѣдуя онъ и въ другихъ догматахъ, и только притворяется, ни о чемъ же не разсуждаетъ вѣрно. Ибо можетъ ли истинно учить объ Отцѣ, кто отрицаетъ Сына, преподавашаго откровенное ученіе объ Отцѣ? Или, можетъ ли право мудрствовать о Духѣ, кто хулитъ Слово, подателя Духа? Кто повѣритъ ему, разсуждающему о воскресеніи, когда отрицаетъ Христа, для насъ содѣлавшагося *первороденнымъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18.)? Возможно ли, чтобы совершенно не познавъ преискренняго и истиннаго рожденія Сына отъ Отца, не имѣлъ онъ погрѣшительной мысли и о пришествіи Сына во плоти? Такъ и тогдашніе іудеи, отрекшись отъ Слова, и говоря: *не мамы царя, токмо кесаря* (Іоан. 19, 15.), вдругъ лишены были всего, и остались безъ свѣтильника свѣта, безъ вони мура, безъ вѣдѣвія пророчества, безъ самой истины; и нынѣ, ничего не разумѣя, ходить какъ во тмѣ.

Кто слышалъ когда что-либо подобное? Или, откуда, или отъ кого услышали это подкупленные и льстивые защитники ереси? Кто, преподавая огласительное ученіе, говорилъ имъ подобное сему? Кто сказалъ имъ, что, оставивъ служеніе твари, опять

приступаете вы служить твари и произведенію? Если же сами сознаются, что въ первый теперь разъ услышали сіе; то пусть не отрицають, что ересь сія—чужда намъ и не отъ Отцевъ заимствована. Не отъ Отцевъ же заимствованное, а нынѣ только изобрѣтенное можетъ ли быть чѣмъ инымъ, а не тѣмъ, о чемъ предсказалъ блаженный Павелъ: *въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ здравыя вѣры, вмѣшляюще духовомъ лестчимъ, и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію* (1 Тим. 4, 1. 2.), и *отвращающихся отъ истины* (Тит. 1, 14.).

Вотъ съ дерзновеніемъ изъ Божественныхъ Писаній предлагаемъ о благочестивой вѣрѣ, и какбы на свѣщникъ поставляемъ свѣтильникъ, говоря: истинный по естеству и преискренній Отчій Сынъ, собственно принадлежащій Отчей сущности, едиnorodная Премудрость, истинное и единственное Божіе Слово есть Онъ; не тварь, не произведеніе, но собственное рожденіе Отчей сущности. Посему, Онъ истинный Богъ, какъ единосущный истинному Отцу. Всѣ же прочіе, какъ сказалъ: *Азъ рѣхъ, бози есте* (Псал. 81, 6.), имѣють сію благодать отъ Отца только по причастію Слова чрезъ Духа; потому что Онъ есть образъ упостаси Отчей, свѣтъ отъ свѣта, сила и истинный образъ Отчей сущности. Сіе сказалъ также и Господь: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.). Всегда Онъ былъ и есть, и не было, когда не былъ. Какъ вѣченъ Отецъ, такъ вѣчно Его Слово, или вѣчна Его Премудрость.

Что же представляютъ намъ они изъ этой достойной всякаго осужденія еалїи? Или пусть сперва про-

164.
 чтуть ее, подражая обычаю написавшаго, чтобы хотя насмѣшки другихъ вразумили ихъ, какъ глубоко они пали; и тогда уже пусть говорятъ. Но что же могутъ сказать изъ нея? Не это ли одно? «Богъ не всегда былъ Отцемъ, но сталъ Имъ въ послѣдствіи; не всегда былъ Сыномъ, Его не было, пока не рожденъ. Онъ не отъ Отца, но произошелъ изъ не-сущаго, не собственно принадлежитъ Отчей сущности, потому что есть тварь и произведеніе. Христось—не истинный Богъ, но и Онъ обоженъ по причастию. Сыномъ не знаетъ въ-точности Отца, Слово не видитъ Отца совершенно, Слово не разумѣетъ и не познаетъ Отца въ-точности. Христось—не истинное и единственное Отчее Слово, но по имени только нарицается Словомъ и Премудростию, и по благодати сказуется Сыномъ и силою. Онъ не неизмѣняемъ, какъ Отецъ, но измѣняемъ по естеству, какъ и твари, не имѣетъ достаточной пріемлемости для совершеннаго вѣдѣнія Отца». Странная подлинно ересь, не имѣющая въ себѣ ничего правдоподобнаго, и Сущаго представляющая несущиимъ, и вмѣсто благохваленій изрыгающая одну хулу!

Если вникнувшаго въ сказанное тѣмъ и другими спросить; то какую избереть онъ вѣру, или чьи рѣчи назоветъ приличествующими Богу? Лучше же, пусть скажутъ потворствующие нечестию, что прилично отвѣчать спрошенному о Богъ (потому что *Богъ бѣ Слово*)? Ибо изъ сего сдѣлается извѣстнымъ все достоинство того и другаго изъ предложенныхъ ученій. Что же прилично сказать? *Былъ*, или *не былъ*; *всегда*, или *пока не получилъ бытія*; *вѣчно*, или *съ той поры*, и *послѣ того*, какъ; *истинно*,

или по усвоенію, по причастію и по промышленности? Назвать ли Слово единымъ изъ сотворенныхъ, или соединить оное со Отцемъ? Чтò утверждать,—то ли, что по сущности не подобно Отцу, или то, что подобно и собственно есть Отчее Слово? То ли, что Оно тварь, или то, что твари Имъ получили бытіе? То ли, что Оно есть Отчее Слово, или то, что кроме Его есть другое слово, и отъ сего-то другого слова и отъ другой премудрости произошло и Оно, и по имени только наречено Премудростію и Словомъ, содѣляясь причастникомъ первой оной премудрости, и послѣ нея занимаетъ второе мѣсто?

Въ чьихъ реченіяхъ заключается богословіе и доказывается, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть Богъ и Сынъ Отца? Въ тѣхъ ли, которыя излевали вы, или въ тѣхъ, которыя мы привели и предлагаемъ изъ Писаній? Если Спаситель — не Богъ, не Слово, не Сынъ; то пусть, какъ язычникамъ, а нынѣ іудеямъ, такъ и вамъ дозволено будетъ говорить все, чтò угодно. Если же Онъ—Отчее Слово и истинный Сынъ и Богъ отъ Бога, и *надъ всѣми благоволень во вѣки* (Римл. 9, 5.); то нѣмъ реченія и Аріева еалія, какъ образецъ худаго и какъ исполненная всякаго нечестія, не тобо ли стоять, чтобы уничтожить ихъ и изгладить? Кому и попадаетъ въ руки эта еалія, *тотъ не вѣсть, яко земнородни у нея погибають, и во днь ада обрътаются* (Притч. 9, 18.).

И это знаютъ сами они, но скрываютъ, какъ коварные, не осмѣливаясь выговорить сего, говорятъ же вмѣсто сего другое. Ибо если скажутъ, то будутъ осуждены. Если возбуждать къ себѣ подозрѣ-

ніе; то отъ всѣхъ будутъ замѣтаны обличеніями изъ Писаній. Поэтому, какъ сыны вѣка сего, съ коварствомъ возжигая иншимъ свѣтильникъ свой, наполненный елеемъ дикой маслинны, и боясь, чтобы не погасъ онъ скоро (ибо сказано: *свѣтъ нечестивыхъ угасаетъ. Іов. 18, 6.*), скрываютъ его подъ сльдомъ лицемѣрія, и говорятъ иное, или обѣщаютъ предстательство друзей, или устрашаютъ Константиємъ, чтобы вступающіе въ ихъ общество подъ лицемѣріемъ и обѣщаніями не видѣли сквернъ ереси. И поэтому опять не достойна ли ненависти ересь сія, когда она, какъ лишенная всякаго дерзновенія, даже и своими утаевается, и согрѣвается ими, какъ змія?

Откуда набрали они себѣ сихъ реченій? Или, отъ кого заимствовавъ, осмѣлились говорить подобныя вещи? Не могутъ сказать, чтобы сообщилъ имъ это какой-нибудь человекъ. Кто изъ людей, еллинъ или варваръ, осмѣлился сказать объ исповѣдуемомъ имъ Богѣ, что Онъ—одна изъ тварей, и не былъ, пока не сотворенъ? Или, кто тому Богу, въ Котораго уверовалъ, не повѣритъ, когда говоритъ Онъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17.), и станетъ утверждать: Онъ — не Сынъ, а тварь? Скорѣе же, вознегодуютъ всѣ на произносящихъ такіа безумныя рѣчи. Но и въ Писаніяхъ не имѣютъ къ тому предлоговъ. Многократно уже было, и теперь будетъ еще, доказано, что чуждо сіе Божиимъ словесамъ.

Итакъ, поелнку остается уже сказать, что, у діавола заимствовавъ сіе, обезумѣли они; потому что онъ—единственный съятель такихъ ученій: то проти-

возстанемъ ему; потому что съ нимъ у насъ борьба въ лицѣ сихъ еретиковъ; — противостанемъ, чтобы, когда, при Господней помощи, діаволь пораженъ будетъ обличеніями, и еретики устыдились, видя приведеннымъ въ затрудненіе посявшаго въ нихъ ересь, и хотя поздно узнали, что, будучи аріанами, они уже не христіане.

Вы сказали, какъ внушено вамъ діаволомъ, и думаете, что было, когда не было Сына. Ибо прежде всего должно совлечь съ васъ этотъ покровъ вашего вымышленія. Скажите же вы, хульники и злочестивцы: что было, когда не было Сына? Если нависнете Отца; то вѣщшая ваша хула. Ибо, невозможно сказать, что былъ Онъ нѣкогда, или снѣ нѣкогда означить и Его. Онъ всегда есть, Онъ есть и нынѣ, Онъ есть и при бытїи Сына, Онъ есть Сый и Отецъ Сына. Если же скажете, что Сынъ былъ и въ это нѣкогда, когда Его не было; то отвѣтъ неразуменъ и безсмысленъ. Ибо какимъ образомъ и былъ Онъ, и не былъ? Почему, чтобы выйти изъ сего затрудненія, необходимо уже вамъ сказать: было нѣкогда время, когда не было Слова. Ибо въ существѣ дѣла сіе означаетъ и самое ваше варьчїе: нѣкогда. А что еще сказали вы, написавъ: не было Сына, пока не рожденъ, — сіе то же значить, что и сказанное вами: было нѣкогда, когда Его не было. Ибо и первое и послѣднее изреченіе означаетъ, что было время прежде Слова.

Гдѣ же вами отыскано это? *Вскую* и вы, какъ *азыцы*, восшатались, и поучаетесь *тщетнымъ* поговоркамъ на Господа и на Христа Его (Цсал. 2, 1.)? Ни-одно изъ Святыхъ Писаній не сказало о

Спаситель ничего подобнаго, всего же болѣе употребляетъ реченія: *всегда, вѣчно, всегда пребываетъ со Отцемъ*. Ибо сказано: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.); и въ Апокалипсисѣ говорить слѣдующее: *Сый, и Иже бѣ, и грядый* (Апок. 1, 8.). О Комъ же сказано: *Сый, и Иже бѣ, у Того станетъ ли кто отымать вѣчность?* То-же и Павелъ въ Посланіи къ римлянамъ, въ обличеніе іудеевъ, написалъ: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Римл. 9, 5.); а въ посрамленіе язычниковъ сказалъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Римл. 1, 20.). А кто есть Божія сила, онъ же опять учитъ говоря: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Ибо, говоря сіе, не Отца означаетъ, какъ не рѣдко повторяли вы, другъ другу говоря: Отецъ есть присносущная сила Его. Но на дѣлѣ не то. Не сказалъ Апостоль: самъ Богъ есть сила, но есть Его сила. Для всякаго же очевидно, что реченіе *Его* не значитъ: *Онъ*, и означаетъ также не что-либо постороннее, но паче собственно Ему принадлежащее. Прочтите же сіи реченія въ связи, и обратитесь ко Господу (*Господь же Духъ есть* 2 Кор. 3, 12.), и увидите, что означается здѣсь Сынъ. Ибо, упомянувъ о созданіи, Апостоль, соотвѣтственно съ симъ, пишетъ и о силѣ Зиждителя въ созданіи, то-есть о Божіемъ Словѣ, *Которымъ вся быша* (Іоан. 1, 3.). Если тварь сама по себѣ одна и безъ Сына достаточна привести къ познанію Бога; то смотрите, не подвергнитесь паде-

нио, думая, что тварь и въ бытіе приведена безъ Сына. Если же тварь приведена въ бытіе Сыномъ, и всяческая въ Немъ состоится (Кол. 1, 17.); то правильно взирающій на тварь по необходимости усматриваетъ создавшее ее Слово, а чрезъ Слово начинаетъ уразумѣвать и Отца. Если же, по сказанному Спасителемъ, никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ, и если кому Сынъ откроетъ (Матѳ. 11, 27.); и на вопросъ Филиппа: *покажи намъ Отца*, не сказалъ Господь: *смотри на тварь, но: видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 8. 9.); то справедливо Павелъ обвиняетъ язычниковъ, что, рассматривая стройность и порядокъ въ твари, не домыслиются о Зиждителѣ твари—Словѣ; потому что твари возвыщаютъ своего Зиждителя, чтобы чрезъ нихъ уразумѣли истиннаго Бога, и прекратили служеніе тварямъ.

Апостоль, давая разумѣть о Сынѣ, сказалъ: *и присносущная сила Его и Божество*. Святые же, говоря: *Сый прежде вѣка* (Псал. 54, 20.), *Имже и вѣки сотвори* (Евр. 1, 2.), тѣмъ не менѣе благоговѣствуютъ опять о всегдашнемъ бытіи и о вѣчности Сына, тѣмъ и означаютъ, что Онъ Богъ. Исаія говоритъ: *Богъ вѣчный, устроивый концы земли* (Ис. 40, 28.). Сосанна сказала: *Боже вѣчный* (Дан. 13, 42.). Варухъ написалъ: *возопію къ Вѣчному во дни моя* (Вар. 4, 20.); и нѣсколько ниже: *азъ бо надѣялся на Вѣчнаго о спасеніи вашемъ, и прииде ми радость отъ Святаго* (22.). Поелику же, и пиша къ евреямъ, Апостоль говоритъ: *Иже сый сіяніе славы и образъ впостаси Его* (Евр. 1, 3.); и Давидъ въ 89-мъ псалмѣ воспѣваетъ: *и буди*

свѣтлость Господа на насъ (Псал. 89, 17.); и: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.); то будетъ ли кто столько неразумевъ, чтобы сомнѣваться о вѣчномъ бытіи Сына? Ибо, когда видѣль кто свѣтъ безъ свѣтлости сіянія, чтобы могъ и о Сынѣ сказать: было, когда Его не было, или не былъ, пока не рожденъ? А сказанное Сыну въ 144-мъ псалмѣ: *царство Твое царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. 144, 13.), не позволитъ никому представлять даже самомагвѣйшей продолжительности, въ которую бы не было Слова. Ибо, если всякая продолжительность измѣряется вѣками, а Слово есть Царь и Творецъ всѣхъ вѣковъ; то, поелику нѣтъ и самомагвѣйшей продолжительности прежде Слова, необходимо назвать это безуміемъ, когда говорятъ: было, когда не было Вѣчнаго, и Сынъ изъ не-сущаго. И поелику самъ Господь говоритъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 19, 6.), не говоритъ же: *сталъ Я истинною*, но *есмь* всегда; и еще говоритъ: *Азъ есмь пастырь* (Іоан. 10, 14.); *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. 8, 12.); и еще: *вы глаголете Мене учителя и Господа: и добръ глаголете, есмь бо* (Іоан. 13, 13.); то слыша, что Богъ, Отчая Премудрость и Отчее Слово, такъ о Себѣ говоритъ, кто еще усумнится въ истинъ, и не повѣритъ тотчасъ, что *словами есмь* означается вѣчное прежде всѣхъ вѣковъ и безначальное бытіе Сына?

Посему, изъ сказаннаго видно, что Писанія, говоря о Сынѣ, показываютъ Его вѣчность. А что реченія, употребляемая аріанами: *не было, пока, когда, тѣ же* Писанія употребляютъ о тваряхъ,—сіе будетъ также явствовать изъ послѣдующаго. Ибо Моисей,

повѣствуя о началѣ бытія нашего, говорить: и всякій злакъ селный, прежде даже быти на земли, и всякую траву селную, прежде даже прозябнути: не бо одожди Богъ на землю, и человекъ не бѣше дѣлати ю (Быт. 2, 5.); и во Второзаконіи: егда раздѣляше Вышній языки (Втор. 32, 8.). Господь же самъ сказалъ: *Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ, иду ко Отцу: яко Отецъ болій Мене есть. И нынѣ рѣхъ вамъ, прежде даже не будетъ: да егда будетъ, вѣру имете* (Іоан. 14, 28. 29.); а о твореніи говоритъ чрезъ Соломова: *прежде неже землю сотворити, и прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя* (Притч. 8, 23—25.). И: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 58.). Объ Іереміи говорить: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревъ, познахъ тя* (Іер. 1, 5.). Давидъ воспѣваетъ: *Господи прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ: прежде даже горамъ не быти, и создатися земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка Ты еси* (Псал. 89, 2. 3.). У Даніила: *возопи Сосанна гласомъ велиимъ, и рече: Боже вѣчный, сокровенныхъ вѣдателью, свѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Итакъ: не было нѣкогда, пока не пришелъ въ бытіе, когда, и всѣ подобныя выраженія прилично—употреблять о вещахъ созданныхъ и о тваряхъ, происшедшихъ изъ ничего; чужды же оныя Слову.

Если же Писанія употребляютъ выраженія сіи о тваряхъ, о Сынѣ же—реченіе: *всегда*; то значить, боговорцы, что Сынъ произошелъ не изъ ничего,

Сынъ вовсе не изъ числа существъ сотворенныхъ, но Онъ—Отчій Образъ и вѣчное Отчее Слово, не когда-либо несуществовавшій, но всегда Сый, какъ вѣчное Сілвіе вѣчнаго Свѣта. Почему же воображаете себѣ времена прежде Сына? И для чего, по прошествіи времени, хулите Слово, Которымъ и вѣки произошли? Какъ же время или вѣкъ состоялись, когда еще, по вашему мнѣнію, не явилось Слово, Которымъ *вся быша, и безъ Него ничтоже бысть?* Или, почему, подразумевая время, не говорите ясно: было время, когда не было Слова, но именованіе: *время* закрываете къ обольщенію простодушныхъ, вовсе же не скрываете своей мысли, даже и скрывая не можете утаиться? Ибо опять означаете времена, говоря: *было, когда не былъ; не былъ, пока не рожденъ.*

Послѣ сихъ доказательствъ, еще съ бѣльшимъ безстыдствомъ говорятъ они: «если не было, когда бы Онъ не былъ, но Сынъ вѣченъ и пребываетъ со Отцемъ; то симъ утверждаете, что Онъ уже не Сынъ, а братъ Отцу». О неразумные и упорные! Если бы мы называли Его только вѣчно соприсущимъ Отцу, а не Сыномъ; то была бы еще нѣсколько правдоподобна притворная ихъ богобоязненность. Если же, именуя вѣчнымъ, исповѣдуемъ Его Сыномъ отъ Отца; то какимъ образомъ Рожденный можетъ быть почитаемъ братомъ Родшему? И если вѣра наша—въ Отца и Сына; то какое между Ними братство? Или, какъ можетъ Слово нарицаться братомъ Тому, Чье Оно Слово? Сіе возраженіе дѣлается ими, не какъ невѣдущими; потому что и сами видятъ истину. Но это—іудейскій предлогъ; предлогъ,

какъ сказалъ Соломонъ, хотящихъ отлучитися отъ истины (Притч. 18, 1.). Не отъ какого-либо существующаго начала родились Отець и Сынъ, чтобы именоваться Имъ братьями; но Отець есть начало и родитель Сына, и Отець есть Отець, и ничьимъ не былъ сыномъ, и Сынъ есть Сынъ, а не братъ. Если же нарицается вѣчнымъ Рожденіемъ Отца, то прекрасно нарицается; потому что сущность Отца не была когда-либо недовершенною, такъ чтобы собственно ей принадлежащее произошло къ ней въ-послѣдствіи. Сынъ рожденъ не какъ чело-вѣкъ отъ чело-вѣка, такъ чтобы явился позднѣе Отческаго бытія; Онъ Божіе есть Рожденіе, и какъ собственно сущій Сынъ всегда сущаго Отца, существуетъ вѣчно. Людямъ свойственно—раждать во времени по несовершенству природы; Божіе же Рожденіе вѣчно по всегдашнему совершенству естества.

Посему, если Онъ—не Сынъ, но произведенъ изъ ничего, то пусть сперва докажутъ сіе, и потомъ, представляя Его себѣ тварію, вопіють: было нѣкогда, когда Его не было, потому что твари, не имѣвъ прежде бытія, приведены въ бытіе. Если же Онъ—Сынъ (ибо сіе глаголетъ Отець, о семъ взываютъ Писанія); Сынъ же не иное что есть, какъ раждаемое отъ Отца, и раждаемое отъ Отца есть Его Слово, Премудрость и Сіяніе: что должно сказать? Не то ли, что утверждающіе: было нѣкогда, когда не было Сына, подобно какимъ-то разбойникамъ, похищаютъ у Бога Слово, и прямо противъ Него говорятъ, что былъ Онъ нѣкогда безъ собственнаго Своего Слова и безъ Премудрости, что былъ нѣкогда свѣтъ безъ луча, былъ источникъ безводный и сухой.

Хотя, притворно боясь употребить именованіе времени, во избѣжаніе укоризнъ, и говорятъ, что Сынъ—прежде времени; однакоже, допуская какую-то продолжительность, въ которую представляють Его несуществовавшимъ, не иное что разумють, какъ время, и приписывая Богу бытіе безъ Слова, страшно ѿчествуютъ. Если же, не желая, чтобы всѣ явно ихъ осуждали, исповѣдуютъ также и имя Сына, но отрицаютъ, что Онъ есть собственное рожденіе Отчей сущности, какъ-будто невозможно сему быть безъ предположенія частей и раздѣленій; а тѣмъ не менѣе также отрицаютъ и то, что Онъ есть истинный Сынъ, нарицаа Его Сыномъ только по имени: то не тяжко ли погрѣшаютъ, о Безплотномъ представляя свойственное тѣламъ, и по немощи своей природы отрицая, что по естеству собственно принадлежитъ Отцу? Остается имъ, не разумѣя, какъ существуетъ Богъ, и каковъ Отецъ, отрицать и Его; потому что Отчее Рожденіе* по себѣ измѣряютъ неразумные. Но хотя за такое расположеніе духа и за то, что почитаютъ невозможнымъ бытіе Сына Божія, достойны они сожалѣнія; однакоже, справедливость требуетъ спросить и обличить ихъ, что, можетъ быть, и приведетъ ихъ въ чувство.

Если, по вашему мнѣнію, Сынъ изъ не-сущаго и не былъ, пока не рожденъ: то, безъ сомнѣнія, Онъ по причастию наименованъ и самимъ Сыномъ, и Богомъ, и Премудростию; потому что по причастию и всѣ другія существа и освящаются, и прославляются какъ освященныя. Посему, необходимо вамъ сказать: чей Онъ причастникъ? Всѣ прочія существа суть при-

частники Духа; чьимъ же причастникомъ, по вашему мнѣнію, будетъ Сынъ? Причастникомъ ли Духа? Но самъ Духъ пріемлетъ паче отъ Сына, какъ сказалъ Сынъ (Іоан. 16, 14.); и неразумно—утверждать, буд-то бы Сынъ освящается Духомъ. Слѣдовательно, Сынъ причастникъ Отца; сіе одно остается сказать по необходимости. Чего же именно причащается Сынъ, или откуда то, чего причащается? Если примышлено сіе Отцемъ совнѣ; то Сынъ будетъ уже причастникомъ не Отца, но сего бывшаго совнѣ, и имѣя это предъ Собою, Сынъ не будетъ уже вторымъ по Отцу, и можетъ быть названъ не Сыномъ Отца, но Сыномъ того, чего ставъ причастникомъ, наименованъ Онъ и Сыномъ и Богомъ. Если же это и нелѣпо и нечестиво, потому что и Отецъ говорить: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*, и Сынъ подтверждаетъ, что Богъ есть собственный Отецъ Его (Іоан. 8, 54.); то явно, что Сынъ причащается не чего-либо совнѣ, а Отчей сущности. Но опять, если то, чего причащается Сынъ, составляетъ что-либо иное, а не сущность Сына: то встрѣчается равная прежней несообразность; потому что опять отыскивается нѣчто посредствующее между Отцемъ и сущностію Сына, какова бы ни была сія сущность.

Поелику же такія умствованія нелѣпы и явно противны истинѣ,—необходимо сказать: что—отъ Отчей сущности, то—совершенно и есть собственный Отчій Сынъ. Ибо выраженіе: Богъ даетъ Себя во всецѣлое причастіе, равнозначительно сему: Богъ раждаетъ; а словомъ: раждать что дается разумѣть, какъ не Сынъ? Вся существа по благодати Духа, даруемой Сыномъ, дѣлаются причастниками самого Сына; и

изъ сего явно слѣдуетъ, что самъ Сынъ не есть чей-либо причастникъ ; но чего причащаются другіе отъ Отца, то и есть Сынъ. Ибо о причащающихся самого Сына говоримъ , что они причастники Бога. И сіе-то означаетъ сказанное Петромъ : *да будете Божественнаго причастницы естества* (2 Петр. 1, 4.), какъ говоритъ и Апостоль : *не вѣсте ли , яко храмъ Божій есте* (1 Кор. 3, 16.); и : *мы бо есмь церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16.). И взирая на самого Сына , видимъ Отца ; потому что уразумѣть и постигнуть Сына значить приобрѣсти вѣдѣніе объ Отцѣ , такъ какъ Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности.

А какъ даѣніе Себя во причастіе никто изъ васъ не назоветъ страдательнымъ состояніемъ, или раздѣленіемъ Божіей сущности ; ибо объяснено и безъ противорѣчія признано, что Богъ даѣтъ Себя во причастіе , а даѣтъ себя во причастіе и раждаетъ—одно и то-же: такъ и рожденіе не есть страданіе и раздѣленіе одной блаженной сущности. Посему, вѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ , что Богъ имѣетъ Сына, рожденіе собственной Своей сущности ; и говоря о Сынѣ и о рожденіи , не означаемъ ни страданія , ни раздѣленія Божіей сущности , а паче познаемъ Пренискреннаго , Истиннаго и Единороднаго Божія , и въ Него вѣруемъ.

Поселику же приведено сіе въ ясность и доказано , что Сынъ есть рожденіе Отчей сущности ; то никто уже не усумнится, а напротивъ того, для всякаго будетъ явно , что сіе Рожденіе есть Премудрость и то Слово Отца , о Которомъ и чрезъ Котораго Отецъ все творить и производить. Оно есть и то Сіяніе

Отца , Которымъ Отецъ все просвѣщаетъ и открываетъ Себя , кому хочеть. Оно есть Его начертаніе (*χαράτις*) и Образъ , въ Которомъ созерцается и познается Отецъ; почему, Сынъ и Отецъ едино суть. Ибо кто видитъ Сына , тотъ видитъ и Отца. Оно есть Христось, Которымъ все искуплено, и Которымъ Отецъ произвелъ также новую тварь.

А поелнку таковъ Сынъ , то неприлично и даже крайне опасно—говорить, что Онъ есть произведеніе изъ не-сущаго , и что Его не было , пока не рождень. Кто такъ отзывается о собственномъ Рожденіи Отчей сущности , тотъ простираетъ хулу на самого Отца, и о Немъ имѣя такія-же мысли , какія лживо составляетъ себѣ о Рожденіи Его.

Хотя и сего одного достаточно къ низложенію аріанской ереси ; однакоже, неправомысліе ея можно видѣть всякому и изъ слѣдующаго. Ежели Богъ есть Творецъ и Создатель, созидаетъ же твари чрезъ Сына , и невозможно увидѣть что-либо приведенное въ бытіе иначе , а не Словомъ ; то не хула ли , когда Богъ есть Творецъ, утверждать, что нѣкогда не было зиждительнаго Божія Слова и Премудрости ? Это значить то-же, что—сказать : Богъ не Творецъ, не имѣетъ собственнаго отъ Себя зиждительнаго Слова, но отвнѣ привзошелъ , чуждъ Ему и неподобенъ по сущности Тотъ, Къмъ Богъ созидаетъ.

Потомъ , пусть скажутъ намъ , или лучше, пусть хотя изъ сего увидятъ свое злочестіе, съ какимъ говорятъ: было, когда не былъ , и не былъ , пока не рождень. Если Слово не вѣчно соприсуще Отцу ; то не вѣчна и Троица , но прежде была Единицею , и чрезъ присовокупленіе въ-послѣдствіи сдѣлалась

Троицею , и только съ продолженіемъ времени возрасло и составилось въднѣе богословія. И еще: если Сынъ не есть собственное рожденіе Отчей сущности, но произошелъ изъ не-сущаго : то и Троица составила изъ не-сущаго, и было, когда не было Троицы , но была Единица , и нѣкогда была неполная Троица , нѣкогда же стала полною, и именно—Она неполна, пока не происходитъ Сынъ, стала же полною , когда произошелъ. И уже сотворенное причисляется къ Творцу, несуществовавшее нѣкогда дѣлается предметомъ боговъднѣя и прославляется вмѣстѣ съ вѣчно Сущимъ, и, что еще важнѣе, Троица оказывается неподобною Себѣ самой, составляемою изъ стороннихъ и чуждыхъ между собою естествъ и сущностей! А сіе значить то-же, что—Троицу назвать сотворенною. Какое же это богочестіе, само себѣ неподобное, но съ продолженіемъ времени восполняемое, и нѣкогда не такимъ бывшее, съ нѣкогого же времени содѣлавшееся такимъ? Можно думать, что оно и еще получить приращеніе, и сіе будетъ простирается до безконечности, какъ-скоро однажды въ самомъ началѣ составилось чрезъ присовокупленіе. Но нѣтъ также сомнѣнія , что можетъ оно и уменьшиться ; потому что присовокупляемое , какъ очевидно, можетъ быть и отъемлемо.

Но сіе не такъ. Да не будетъ сего ! Троица не сотворена, но вѣчное и единое Божество въ Троицѣ, и единая слава Святой Троицы ; а вы осмѣливаетесь разсѣкать Ее на различныя естества. Когда Отецъ вѣченъ,—о Словѣ съ Нимъ возсѣдающемъ говорите: было, когда Его не было. Когда Сынъ совозсѣдаетъ со Отцемъ,—замышляете удалить Его отъ Отца. Трои-

ца творить и созидаетъ , а вы не страшитесь низводить Ее въ рядъ сотворенныхъ изъ ничего, не ужасаетесь существа рабскія уравнивать съ преславною Троицею , и Царя Господа Саваога ставить за одну съ подчиненными. Перестаньте смѣшивать несоединимое, лучше же сказать , не-сущее смѣшивать съ сущимъ. Говорить сіе значитъ не славу и честь воздавать Господу, но безславить и безчестить Его. Кто не чтить Сына, тотъ не чтить и Отца. Если нынѣ совершенно богословіе въ Троицѣ, и это есть истинное и единственное богочестіе, и оно всего лучше и есть самая истина ; то надлежало сему такимъ быть и всегда , чтобы наилучшее и сама истина были не чѣмъ-либо придаточнымъ , и полнота богословія составлялась не чрезъ присовокупленія. Итакъ , сему надлежало быть вѣчнымъ. А если было невѣчнымъ ; то и теперь богословію надлежало быть не такимъ , а какимъ вы предполагаете оное вначалѣ , чтобы и теперь не было Троицы.

Но никто изъ христіанъ не потерпитъ такихъ еретиковъ. Ибо язычникамъ сіе свойственно — вводить сотворенную Троицу и уравнивать Ее тварямъ. Только твари допускаютъ до себя недостатки и добавленія. Вра же христіанская знаетъ неизмѣняемую, совершенную и всегда ту-же блаженную Троицу, и ничего большаго не прилагаетъ къ Троицѣ, и не представляетъ, чтобы когда-либо была Она недостаточною: ибо то и другое злочестиво; а потому, признаетъ Ее недопускающею въ Себя никакой примѣси сотвореннаго, поклоняется же Ей, сохраняя нераздѣльность и единство Ея Божества, и какъ бѣгаетъ аріанскихъ хуленій , такъ исповѣдуетъ и знаетъ вѣчное

бытіе Сына. Ибо Онъ вѣченъ какъ Отець , и есть вѣчное Его Слово.

И сіе увидимъ еще изъ слѣдующаго : Если Богъ есть источникъ премудрости и жизни , и нарицается сими именами , какъ говорить чрезъ Іеремію : *Мене оставиша источника воды живы (Іер. 2, 13.) ; и еще : престолъ славы возвышенъ , мѣсто святыхи нашея , чаяніе израилево : Господи , вси оставляющіи Тя да постыдятся , отступающіи на земли да напишутся , яко оставиша источникъ живыхъ водъ Господа (17, 12. 13.) ; и въ книгѣ Варуха написано : оставили есте Источника премудрости (Вар. 3, 12.) : то слѣдуетъ жизни и премудрости быть не чуждыми , но свойственными сущности Источника , и не быть когда-либо лишенными бытія , но всегда имѣть бытіе. А Сынъ говорить : *Азъ есмь животъ (Іоан. 14, 6.) ; и : Азъ премудрость вселихъ совѣтъ (Притч. 8, 12.)*. Посему не вѣщуетъ ли , кто говорить : было , когда Сынъ не былъ ? Это значить сказать : было , когда Источникъ былъ сухъ , безъ Жизни и безъ Премудрости. Но такой источникъ не будетъ уже источникомъ. Неисточающій изъ себя не есть уже источникъ. Какихъ же несообразностей исполнено сіе ? Богъ творящимъ волю Его даетъ обѣтованіе , что будутъ подобными источнику , въ которомъ не оскудѣваетъ вода , говоря чрезъ Пророка Исаію : *и насытишиися , якоже желаетъ душа твоя , и кости твоя утучнѣютъ , и будутъ яко вертоградъ напоенный , и яко источникъ , емуже не оскудѣ вода (Иса. 58 , 11.)*. Они же осмѣливаются хулить Бога , и нарицаемаго и сущаго источника Премудрости , говоря , что былъ онъ нѣкогда безводенъ и ску-*

день собственною Своею Премудростію Но что говорить они , это ложно ; истина же свидѣтельствуеть , что Богъ есть вѣчный источникъ Своей Премудрости. А поелику Источникъ вѣченъ ; то и Премудрости необходимо должно быть вѣчною : потому что Ею все сотворено , какъ воспѣваетъ Давидъ : *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103 , 24.) , и говоритъ Соломонъ : *Богъ Премудростію основа землю , уготова же небеса Разумомъ* (Притч. 3 , 19.). А сія Премудрость есть Слово , и какъ говоритъ Іоаннъ : *вся Тьмъ быша , и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1 , 3.) ; и сіе Слово есть Христось. Ибо *единъ Богъ Отець , изъ Негоже вся , и мы у Него , и единъ Господь Іисусъ Христось , Имже вся , и мы Тьмъ* (1 Кор. 8 , 6.). Если же *вся—Имъ* ; то самъ Онъ не можетъ быть соприсчисляемъ ко всѣмъ. Кто осмѣливается и о Тьмъ , *Имже—вся* , сказать , что Онъ единый изъ всѣхъ , тотъ , безъ сомнѣнія , то-же заключить и о Богѣ , *изъ Негоже—вся*.

Если же кто бѣгаетъ такого заключенія , какъ нечелпаго , и отличаетъ Бога отъ всѣхъ сотворенныхъ существъ ; то слѣдуетъ ему и о единородномъ и собственно Отчей сущности Сынъ , сказать , что Онъ инаковъ со всѣми существами сотворенными. А когда Онъ не единъ изъ всѣхъ ; то непозволительно—сказать о Немъ : было , когда Онъ не былъ , и не былъ , пока не рожденъ. Ибо такія выраженія прилично—употреблять о тваряхъ , а Сынъ таковъ-же , каковъ и Отець ; Онъ—собственное рожденіе сущности Его , Слово и Премудрость. Это есть собственность Сына въ-отношеніи къ Отцу , и это указываетъ на собственнаго Отца Сыну ; почему , невозможно—сказать , что Богъ

былъ когда-нибудь безъ Слова, и невозможно также сказать, что Слово когда-либо не имѣло бытія. Ибо почему и Сынъ, если не отъ Отца? Или, почему Слово и Премудрость, если не всегда былъ собственно стію Отца? Былъ ли когда Богъ безъ того, что Его есть собственность? Или, почему можетъ кто разсуждать о собственномъ, какъ о постороннемъ и вносущномъ? Все, что ни сотворено, нисколько не подобно по сущности своему Творцу, но внѣ Его, по благодати и изволенію Его сотворено Словомъ, почему и опять можетъ, если восхоцетъ Сотворившій, перестать когда-либо существовать; потому что такого свойства существа сотворенныя. А Кто собственно есть Отчей сущности (ибо признано уже, что таковъ есть Сынъ), о Томъ не дерзко ли и не злочестиво ли—говорить, что Онъ изъ не-сущаго и не былъ, пока не рожденъ, произошелъ же случайно, и опять когда-либо можетъ не быть? Какъ-скоро приходитъ только кому такая мысль,—пусть представитъ себѣ, что симъ отъемлетъ совершенство и полнота у Отчей сущности.

И опять, еще яснѣе увидитъ всякій несообразность ереси, если приведетъ себѣ на мысль, что Сынъ есть образъ, сіяніе и начертаніе Отца и истина. Если, какъ-скоро есть Свѣтъ, есть уже и Его Образъ—Сіяніе, и какъ-скоро есть Упостась, есть и всецѣлое Ея Начертаніе, и какъ-скоро есть Отецъ, есть и Истина; то измѣряющіе временемъ Образъ и Начертаніе Божества пусть вникнуть, въ какой ровъ нечестія впадаютъ они. Если Сынъ не былъ, пока не рожденъ; то въ Богъ не всегда была истина. Но сказать сіе—нечестиво. Поелику былъ Отецъ; то всегда была въ Немъ и истина, то-есть Сынъ, Который говоритъ о

Себѣ: *Азъ есмь истина*. Поелику была Упостась; то, безъ сомнѣнія, тотчасъ надлежало быть Ея Образу и Начертанію: потому что не въѣ пишется Образъ Божій; но самъ Богъ—родитель сего Образа, и видя Себя въ Немъ, радуется о Немъ, какъ говорить самъ Сынъ: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся* (Притч. 8, 30.). Когда же Отецъ не видѣлъ Себя самого въ Образъ Своемъ? Или, когда не радовался, чтобы осмѣлиться кому-либо сказать: Образъ произошелъ изъ не-сущаго, и Отецъ не радовался, пока не произошелъ Образъ? Да и какъ бы Творецъ и Создатель увидѣлъ Себя самого въ тварной и созданной сущности? Образу должно быть такимъ-же, каковъ и Отецъ Его. Итакъ, рассмотримъ свойства Отца, чтобы дознаться объ Образѣ, точно ли Отчій это образъ. Отецъ вѣченъ, безсмертенъ, могущъ; Онъ—Свѣтъ, Царь, Вседержитель, Богъ, Господь, Создатель и Творецъ. Сіе-же должно быть и въ Образѣ, чтобы видѣмый Сына дѣйствительно видѣлъ Отца. Если же Образъ не таковъ, а напротивъ того, какъ мудрствуютъ аріане, Сынъ сотворенъ и невѣченъ; то Онъ не истинный Отчій образъ, развѣ только безъ стыда уже станутъ утверждать, что и наименованіе Сына образомъ не есть признакъ подобосущія, но одно только Его имя. Но это, христорборцы, опять уже не образъ и не начертаніе. Ибо, какое сходство между тѣмъ, что изъ ничего, и между Творцемъ, изъ ничего приводящимъ это въ бытіе? Или, какое возможно подобіе у Сущаго съ не-сущимъ, имѣющимъ уже тотъ недостатокъ, что нѣкогда не имѣло бытія, и помѣщено въ числѣ вещей сотворенныхъ?

Аріане, желая такимъ представить Сына, придума-

ли свои умозаключенія и говорятъ: «Если Сынъ есть рожденіе и образъ Отца и во всемъ Отцу подобенъ; то, безъ сомнѣнія, Сынъ какъ рождается, такъ и Самъ долженъ раждать и содѣлаться Отцемъ сыну; а также и рожденный Сыномъ самъ долженъ раждать, и такъ далѣе, до безконечности. Ибо симъ только показывается подобіе рожденнаго родшему». Подлинно, изобрѣтатели хуленій сии богоборцы, которые, чтобы Сына не признавать Образомъ Отца, о самомъ Отцѣ представляютъ что-либо тѣлесное и земное, приписывая Ему съченія, истеченія и втеченія. Итакъ, если Богъ — то-же, что — человекъ, то пусть и родителемъ будетъ какъ человекъ, чтобы и Сыну сдѣлаться отцемъ другаго сына; и тогда пусть сыны по порядку происходятъ другъ отъ друга, чтобы, по словамъ еретиковъ, преемство боговъ возрасло до множества. Но если Богъ не то-же, что — человекъ (а это и дѣйствительно такъ); то не должно представлять о Немъ чего-либо человѣческаго. Неразумныя животныя и люди, по силѣ зиждительнаго начала, раждаются по преемству другъ отъ друга; и раждаемый, родившись отъ отца рожденнаго, согласно съ порядкомъ вещей, дѣлается отцемъ другаго, имѣя это въ себѣ отъ отца, отъ котораго и самъ произошелъ; почему, между ними нѣтъ въ собственномъ смыслѣ отца и въ собственномъ смыслѣ сына, и имена: отецъ и сынъ у нихъ не суть что-либо постоянное; потому что самъ сынъ дѣлается отцемъ, и онъ сынъ родившаго, а отецъ рожденнаго имъ. Но о Божествѣ должно разумѣть не такъ. Богъ — не то, что — человекъ; потому что Отецъ не отъ отца, почему и раждаетъ не отца, который будетъ раждать; и Сынъ не чрезъ

истеченіе происходитъ отъ Отца, не отъ родившагося раждается отца, почему, раждается не для того, чтобы раждать. И посему-то въ одномъ только Божествѣ Отець есть въ собственномъ смыслѣ Отець, и Сынь въ собственномъ смыслѣ Сынь, и для Нихъ однихъ сіе постоянно — Отцу всегда быть Отцемъ, и Сыну всегда быть Сыномъ. Поэтому, допытывающійся: почему Сынь не можетъ раждать сына? пусть спросить: почему Отець не имѣлъ отца? И тотъ и другой вопросъ вельпъ и исполненъ всякаго нечестія. Какъ Отець — всегда Отець, и никогда не былъ сыномъ: такъ Сынь — всегда Сынь, и никогда не будетъ отцемъ. Въ семъ паче и открывается, что Сынь есть начертаніе и образъ Отца, пребываетъ тѣмъ, что Онъ есть, и не измѣняется, но имѣетъ отъ Отца тождество бытія. Посему, если измѣняется Отець, то пусть измѣняется и Образъ Его; ибо каковъ Родившій, таково и Сіяніе Его, таково и Образъ. Если же Отець непремѣненъ, тѣмъ и пребываетъ, что Онъ есть; то по необходимости и Образъ Его пребываетъ тѣмъ, что Онъ есть, и не премѣнится. Сынь же — отъ Отца; поэтому, Онъ — не иное что, а то самое, что собственно принадлежитъ Отчей сущности. Слѣдовательно и сіе напрасно придумали безразсудные, намѣреваясь похитить у Отца Образъ Его, чтобы Сына сравнять съ тварями.

Итакъ, аріане, по ученію Евсевіеву, къ тварямъ причисляя Сына и почитая Его такимъ-же, каково и созданное Имъ, отступили отъ истины; набравъ же себя хитрыхъ реченій, какъ ходили всюду вначалѣ, когда изобрѣли только сію ересь, такъ и донынѣ не въ маломъ числѣ ловятъ отроковъ на торжищахъ,

и предлагают имъ вопросы не изъ Божественныхъ Писавій , но какбы отъ избытка сердца своего , изливая , говорятъ : «Сущій изъ сущаго сотвориъ не-сущаго или сущаго? Сущимъ ли, или не-сущимъ сотвориъ его? И еще : одно ли нерожденное , или нерожденныхъ два? И свободенъ, по собственному Своему изволенію измѣняемъ Сынъ, будучи измѣняемъ по естеству; потому что Онъ — не камень, который самъ по себѣ пребываетъ неподвижнымъ.» Потомъ, входятъ они и къ женщинамъ , и имъ предлагаютъ также свои неприличные вопросы : «Быль ли у тебя сынъ, пока ты не родила? Какъ у тебя не было сына, такъ не было и Сына Божія, пока не рождень.» Играя такими реченіями , скачутъ сіи безчестные , уподобляя Бога чловѣкамъ; и называя себя христіанами , измѣняютъ славу Божию въ подобіе образа тльнна чловѣка (Римл. 1, 23.).

На подобныя рѣчи не слѣдовало бы и отвѣчать , такъ онъ неразумны и безсмысленны. Но чтобы ересь ихъ не казалась имъющею въ себѣ что-либо твердое , не неприлично будетъ , хотя какбы мимоходомъ , обличить ихъ и въ этомъ, и наипаче ради женщинъ, которыхъ легко вводить они въ обманъ.

Но имъ, говоря сіе , надлежало спросить и зодчаго : можетъ ли построить что безъ готоваго вещества? Какъ ты не можешь, такъ и Богъ не могъ создать вселенной безъ готоваго вещества. Имъ надлежало и каждаго чловѣка спрашивать : можешь ли ты существовать внѣ пространства? Какъ ты не можешь, такъ и Богъ не можетъ быть иначе, какъ въ извѣстномъ пространствѣ. Предлагая такіе вопросы , можетъ быть , и постыдились бы они слушающихъ.

193

195.

190.197.

Почему же, когда слышатъ, что Богъ имѣеть Сына, — смотреть на себя, и отрицають Сына; а когда слышатъ, что Богъ созидаетъ и творить, — не противопоставляютъ сему чего-либо человѣческаго? Имъ надлежало и въ-разсужденіи творенія представлять все по-человѣчески и предположить для Бога готовое вещество, а потому, отрицать, что Богъ есть Творецъ, и пресмыкаться съ манихеями. Если же понятіе о Богѣ превышаетъ все сіе, и каждый, слыша о Богѣ, и вѣруеть и знаетъ, что Богъ существуетъ, не какъ существуемъ мы, существуетъ же какъ Богъ, и творить, не какъ творять люди, творить же какъ Богъ: то явно, что и раждаетъ, не какъ раждаютъ люди, раждаетъ же какъ Богъ. Ибо не Богъ подражаетъ человѣку, а скорѣе, напротивъ того, люди, — поелюку Богъ въ собственномъ и единственномъ смыслѣ есть истинный Отецъ Сына Своего, — и сами наименовались отцами чадъ своихъ: потому что *изъ Него всяко отечество на небесяхъ и на земли именуется* (Еф. 3, 15.).

А что говорятъ они, то, пока остается безъ изслѣдованія, кажется еще и разумно сказаннымъ. Но если кто изслѣдуетъ это по разуму, то найдетъ, что они достойны великаго смѣха и поруганія. Ибо первый предлагаемый ими вопросъ во-первыхъ неумень и нелсенъ. Не означаютъ они, о комъ спрашиваютъ, чтобы спрашиваемый могъ дать отвѣтъ; но говорятъ просто: Сущій не-сущаго? Кто же, ариане, этотъ Сущій, и что такое это не-сущее? Или, кто Сущій, и кто не-сущій, и что называется сущимъ, или не-сущимъ? Ибо Сущему можно творить и не-сущее, и сущее, и существовавшее прежде. Древодѣль, золо-

тарь, горшечникъ обрабатываютъ, каждый по искусству своему, вещество прежде нихъ существовавшее, творя изъ него сосуды, какіе имъ угодно. Да и самъ Богъ всяческихъ, взявъ сущую, и Имъ уже сотворенную, персть отъ земли, образуетъ человѣка; самая же земля не существовала прежде, но въ-послѣдствіи Богъ привелъ ее въ бытіе Словомъ Своимъ. Посему, если такъ они спрашиваютъ, то явно, что твари не было, пока не сотворена, а люди обрабатываютъ сущее уже вещество, и умствование ихъ окажется несостоятельнымъ; потому что, какъ сказали мы, производится и сущее, производится и не-сущее. Если же говорятъ о Богѣ и о Словѣ Его; то пусть присовокупятъ къ вопросу и недостающее, и спрашиваютъ такъ: Сущій Богъ былъ ли когда безъ Слова? Сущій Свѣтъ былъ ли безъ Сіянія? Или Богъ всегда былъ Отцемъ Слова? Или еще и такъ: сущій Отецъ сотворилъ ли не-сущее Слово, или всегда имѣетъ съ Собою Слово, собственное рожденіе Своей сущности? Тогда видно будетъ, что входятъ они въ пытливыя изслѣдованія, и осмѣливаются умудряться собственно о Богѣ и о Сущемъ отъ Него. Ибо кто позволить имъ сказать, что Богъ былъ некогда безъ Слова? Такъ опять впадаютъ они въ ту же, что и прежде, несообразность; хотя и стараются избѣжать сего и прикрыть своими умствованиями, но не могутъ. Ибо вовсе никто не захочетъ слушать ихъ сомнѣній, будто бы Богъ не всегда былъ Отцемъ, но сталъ Имъ въ-послѣдствіи, почему и представляютъ себя, что не было некогда и Слова Его; тогда-какъ и прежде много представлено на нихъ обличевій, и Іоаннъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово*, и Павелъ

пишетъ : *Иже сый сіяніе, и: сый надъ вѣми Богъ
благословенъ во вѣки, аминь.*

Лучше было бы имъ успокоиться ; но поелику не перестаютъ, то на таковой безстыдный ихъ вопросъ иный и самъ, подобно имъ отважившись, предложитъ уже свой вопросъ, въ надеждѣ, что, не видя себѣ выхода изъ такихъ нелѣпостей, отступятъ, прекративъ борьбу съ истиною. Посему, иный, себѣ прежде усердными молитвами испросивъ Божіей милости, встрѣтитъ ихъ такимъ вопросомъ: сущій Богъ, ужель не существуя, содѣлался Богомъ, или существуетъ прежде, нежели дѣлается? Посему, существуя ли сотворилъ Себя, или Онъ изъ ничего, будучи прежде ничѣмъ, внезапно явилъ самъ Себя? Такой вопросъ нелѣпъ, дѣйствительно нелѣпъ и исполненъ хулы, до подобенъ ихъ вопросу. Ибо что ни скажутъ они, все это исполнено всякаго нечестія. Если же богохульно и весьма нечестиво—предлагать такіе вопросы о Богѣ; то такъ-же богохульно подобнымъ образомъ спрашивать и о Словѣ Его.

Впрочемъ, чтобы не дать мѣста такому ихъ неразумному и бессмысленному вопросу, необходимо—отвѣчать такъ: Богъ есть вѣчно сущій; а потому, поелику всегда есть Отецъ, то вѣчно есть и Его Сіяніе, то есть Его Слово. И еще: сущій Богъ отъ Себя имѣетъ и сущее Слово; и Слово не послѣ явилось, какъ несуществовавшее прежде, и Отецъ никогда не былъ безъ Слова. Ибо, какъ-скоро наменуешь что-либо изъ сего,—по сказанному, означаешь тѣмъ Рожденіе отъ Отца; почему, такой ихъ вопросъ несостоятеленъ; и сіе справедливо. Ибо, отрицая Слово, не имѣютъ разума и въ вопросъ. Какъ если бы кто, видя солнце,

сталъ спрашиватьъ объ его сіяніи, и сказалъ: сущее солнце несуществующее или уже существующее произвело сіяніе?—то о подобномъ чловѣкъ подумаютъ, что не имѣетъ онъ здраваго смысла, но обезумѣлъ, потому что представляетъ себя внѣ свѣта существующимъ, что всецѣло отъ свѣта, и спрашивается о семъ: въ такое ли время, гдѣ, когда, сотворено ли оно? Такъ, разсуждающій подобнымъ образомъ и предлагающій такіе вопросы о Сынѣ и объ Отцѣ тѣмъ паче обнаруживаетъ въ себѣ еще бѣльшее безуміе; потому что Слово, сущее отъ Отца, приводитъ въ Него совнѣ, и Рожденіе по естеству представляя себя произведеніемъ, говоритъ: не было, пока не рождено. Впрочемъ, пусть услышатъ на сей вопросъ, что сущій Отецъ сотворилъ сущаго Сына. Ибо Слово плоть бысть, и Его, сущаго Сына Божія, при скончаніи вѣковъ, сотворилъ и сыномъ чловѣческимъ; развѣ только согласно съ Самосатскимъ станутъ утверждать, что и Сына не было, пока не содѣлался чловѣкомъ. На первый ихъ вопросъ достаточно отъ насъ и сего.

Но и вы, аріане, помня собственныя ваши реченія, скажите: Сущій въ не-сущемъ ли имѣлъ потребность при созданіи вселенной, или потребенъ былъ Ему сущій? Вы сказали: изъ не-сущаго уготовалъ себя орудіе, Сына, чтобы Имъ творить все. Посему, что превосходнѣе? Имѣющее потребность, или удовлетворяющее потребности? Или то и другое восполняетъ взаимныя другъ друга недостатки? Ибо, утверждая подобное сему, показываете болѣе немощь уготовляшаго, а именно, что одинъ Онъ не имѣлъ силъ создать вселенную, но измышляетъ Себѣ орудіе совнѣ,

какъ древодѣль или кораблестроитель какой, не имѣющей возможности сработать что-нибудь безъ топора и пилы. Поэтому, что сего нечестивѣе? И должно ли вообще останавливаться на семъ, какъ на чемъ-то трудномъ, когда сказанное нами прежде достаточно показываетъ, что представляемое ими есть одна мечта?

192
 Что же касается до другаго ихъ очень неискуснаго и неразумнаго вопроса, какой предлагаютъ они женщинамъ; то и на оный не надлежало бы также отвѣчать болѣе того, что сказано уже нами выше, а именно, что Рожденіе отъ Бога не должно измѣрять человѣческою природою. Однакоже, чтобы и въ этомъ признали они себя виновными, хорошо будетъ встрѣтить ихъ опять у нихъ-же заимствованнымъ вопросомъ. Вообще, если родителей спрашиваютъ о сынѣ; то пусть разсудятъ, откуда у нихъ рожденное чадо. Если родитель не имѣлъ сына, пока не родилъ: то, когда уже имѣетъ, не совнѣ и не какъ чуждаго имѣетъ, но отъ себя, какъ собственность своей сущности и сходный съ собою образъ; почему, сынъ виденъ въ отцѣ, и отецъ усматривается въ сынѣ. Поэтому, если изъ человѣческихъ примѣровъ заимствуютъ они понятіе о времени раждаемыхъ: то почему же изъ тѣхъ-же примѣровъ не заимствуютъ мысли о естественной связи дѣтей съ родителями и о принадлежности однихъ другимъ, но, какъ змѣи, собираютъ съ земли только годное для яда? Имъ, спрашивая родителей и говоря: не имѣлъ ты сына, пока не родилъ, должно было присовокупить и сказать: а ежели есть у тебя сынъ; то ужели покупаешь его состороны, какъ домъ, или иное какое имущество? И отецъ отвѣтитъ тебѣ: «Сынъ—не состороны, но изъ

меня; что—отвѣтъ, то составляетъ мое имущество, и оно отъ одного переходитъ къ другому; а сынъ—отъ меня, собственность моей сущности, мнѣ подобенъ, и не отъ другаго во мнѣ произошелъ, но рожденъ мною. Поэтому, въ немъ весь я, самъ пребывая тѣмъ, что есмь». Такъ бываетъ въ дѣйствительности; и хотя родитель отличается по времени, какъ человекъ, и самъ происшедшій во времени; но онъ имѣлъ бы всегда соприсущимъ себѣ свое чадо, если бы природа не положила преграды, и не воспрепятствовала возможности. Ибо и Левій былъ уже въ чреслахъ правды, прежде нежели родился онъ, и родилъ его дѣдъ. Посему, когда человекъ приходитъ въ надлежащій возрастъ, и природа даетъ ему возможность; тогда, по устраненіи естественныхъ препятствій, скорѣ дѣлается онъ отцемъ происходящаго отъ него сына. И такъ, если спрашивали родителей о дѣтяхъ и знали, что естественные дѣти происходятъ не совнѣ, но отъ родителей; то пусть исповѣдуютъ и о Словѣ Божіемъ, что Оно всецѣло отъ Отца. А спрашивая о времени, пусть называютъ и препятствующее Богу. Ибо тѣмъ самымъ, о чемъ спрашивали какбы въ насмѣшку, надлежитъ обличить нечестующихъ. Посему, пусть скажутъ, что служить препятствіемъ Богу—всегда быть Отцемъ Сына. Ибо признано уже, что есть Раждаемое отъ Отца. А чтобы разсуждающіе подобнымъ образомъ о Богѣ совершенно признали себя виновными,—для сего, какъ спрашивали женщинъ о времени, пусть допрашиваются также у солнца объ его сіяніи, или у источника объ источаемомъ изъ него, и узнаютъ, что сіяніе и струя, хотя суть порожденія, но всегда находятся съ тѣми, отъ кого

происходить. Если же и такіе родители въ-отношеніи къ дѣтямъ имѣють то, чтобы имъ быть смѣль и по естеству и всегда; то почему же, предполагая Бога чѣмъ-то меньшимъ вещей сотворенныхъ, не выскажутъ яснѣе своего нечестія? Если же не осмѣлятся сказать сего явно, и исповѣдуютъ о Сынѣ, что Онъ— не совнѣ, но отъ Отца и по естеству Его рожденіе, притомъ же ничто не служитъ препятствіемъ Богу (Богъ—не то, что—человѣкъ, Онъ больше и солнца: паче же Богъ солнца); то явно, что отъ Бога и всегда соприсуще Отцу—Слово, Которымъ Отецъ все не-сущее привелъ въ бытіе. Посему, что Сынъ не изъ не-сущаго, но вѣченъ, и отъ Отца,—сіе показываетъ самое дѣло. А вопросъ еретиковъ, предлагаемый родителямъ, обличаетъ ихъ злонамѣренность. Ибо видѣли, что—сообразно съ естествомъ; а наконецъ, посрамлены они и въ томъ, что касается до времени.

А что Божія рожденія не должнѣ примѣнять къ человѣческой природѣ, и думать, что Сынъ Божій есть часть Бога, или что вообще рожденіе означаетъ нѣкоторое страданіе,—о семъ предварительно говорили мы выше. И теперь повторяемъ то-же: Богъ—не то, что—человѣкъ. Люди раждають страдательно, по природѣ будучи преходящими и ожидая времени по немощи естества своего; о Богъ же сказать того невозможно. Богъ не изъ частей слагается, но, будучи безстрастенъ и простъ, безстрастно и недѣлимо Онъ Отецъ Сыну. И сему опять имѣемъ сильное свидѣтельство и доказательство въ Божественныхъ Писаніяхъ. Ибо Слово Божіе есть Сынъ Божій, и Сынъ есть Отчее Слово и Отчая Премудрость. А Слово и Премудрость—не тварь и не часть Того, Чье Оно Слово,

и не рожденіе, сопровождаемое страданіемъ. Писаніе, сочетавая то и другое, наименовало Сыномъ, и снвъ благовѣствуетъ объ истинномъ по естеству рожденіи отъ сущности; а чтобы рожденіа сего не предположили кто человѣческимъ, и означая опять сущность Сына, говорятъ, что Онъ есть Слово и Премудрость и Сіяніе. Ибо изъ сего заключаемъ и о безстрастїи, о вѣчности и о боголѣпїи рожденіа. Ибо какое страданіе, и какая часть Отца—Его Слово, Премудрость и Сіяніе? И сіе можно дозвать и имъ несмысленнымъ. Ибо, какъ спрашивали женъ о сынѣ, такъ пусть мужамъ предлагать вопросъ о словѣ; и узнаютъ, что не страданіе ихъ и не часть ума ихъ—произносимое ими слово. Если же таково слово у людей, которые удобостраждуши и слагаются изъ частей; то почему въ безплотномъ и недѣлимомъ на части Богъ представляютъ себѣ страданіе и части, чтобы, убоившись, повидимому, такого представленія, отрицать имъ истинное по естеству рожденіе Сына? И какъ выше достаточно уже было доказано, что рожденіе отъ Бога не есть страданіе, такъ теперь въ особенности доказывается, что Слово раждается безъ страданія. А пусть услышать то-же и о Премудрости. Богъ—не то, что—человѣкъ, и въ семъ да не представляютъ о Немъ чего-либо человѣческаго. Люди сотворены также удобоприемлющими и мудрость, но Богъ ни отъ кого не приобщается мудрости; Онъ самъ есть отецъ Своей Премудрости, и причастники Оной обыкновенно пменуются мудрыми. И самая Премудрость есть не страданіе, не часть, но собственное рожденіе Отца. Посему Богъ—всегда Отецъ, и не въ-послѣдствїи пришло сіе наименование: *Отецъ*, въ какомъ слу-

чаѣ, можно было бы почитать Бога измѣняемымъ. Ибо, если прекрасно Богу быть Отцемъ, то не всегда было бы въ Немъ прекрасное.

Но вотъ говорятъ: «Богъ всегда есть Создатель, и не въ-послѣдствіи привзошла въ Него зндительная сила. Но, поелику Онъ Создатель, то ужели посему и твари вѣчны, и непозволительно о нихъ сказать: ихъ не было, пока не сотворены»? О безсмысленные ариане! Въ чемъ подобны между собою Сынъ и тварь, чтобы одно и то-же говорить вамъ и объ Отцѣ и о здателяхъ? Почему остаются они въ своемъ невѣжествѣ, когда въ предыдущемъ показано было столько различія между Рожденіемъ и тварию? Посему, опять должно повторить то-же: тварь, какъ было уже говорено, внѣ Творящаго; а Сынъ есть собственное рожденіе сущности. Посему, нѣтъ необходимости твари быть всегда. Когда хочетъ Создатель, тогда и производитъ. Но рожденіе не подлежитъ изволенію, а напротивъ того, есть собственность сущности. Можно и быть и именоваться Творцемъ, когда и нѣтъ произведеній; но невозможно ни назваться, ни быть Отцемъ, когда нѣтъ Сына.

Но если съ пытливостію спросить: почему же Богъ, всегда имѣя силу творить, не всегда творить?—то и сей дерзкій вопросъ свойственъ только безумнымъ. *Кто бо разумъ умъ Господень? Или кто совѣтникъ Ему бысть (Римл. 11, 34.)? Еда речеть зданіе скудельнику, почто мя сотворилъ еси тако (9, 20.)?* Но чтобы не оставаться намъ въ молчаніи, имѣя у себя хотя и слабый доводъ, то пусть выслушаютъ. Если Богу и всегда возможно творить: то твари не могли быть вѣчными; потому что онъ—изъ ничего, и

ихъ не было, пока не сотворены. А то, чего не было, пока не сотворено, какъ могло сопребывать съ вѣчно сущимъ Богомъ? Посему, Богъ, имѣя въ-виду полезное для тварей, когда увидѣлъ, что онъ будучи сотворенными, могутъ пребывать, тогда и сотворилъ все. И какъ могъ Онъ и въ самомъ началѣ при Адамъ, или при Навъ, или при Моисеѣ послать Слово Свое, но послалъ только при скончаніи вѣковъ; потому что усмотрѣлъ сіе полезнымъ для всей твари: такъ создалъ и тварей, когда восхотѣлъ, и когда имъ было сіе полезно. А Сынъ, будучи не произведеніемъ, но собственностью Отчей сущности, всегда пребываетъ. И поелнку всегда существуетъ Отецъ, то всегда должно быть и тому, что собственно принадлежитъ сущности Его, то-есть Его Слово и Премудрости. Твари, хотя бы еще и не существовали, не умаляли бы Творца; потому что нивѣтъ Онъ силу создать, когда захочетъ. А если бы не всегда было со Отцемъ Рожденіе Отчее, то сіе было бы уже умаленіемъ совершенства Отчей сущности. Посему, когда восхотѣлъ Богъ, тогда и созданы твари Словоиъ Его; а Сынъ всегда есть собственное рожденіе Отчей сущности.

Какъ радуется сіе вѣрующихъ, такъ печалитъ еретиковъ, которые видятъ, что рушится ихъ ересь. Ибо и этотъ опять вопросъ ихъ, выражаемый такъ: одно ли несозданное, или несозданныхъ два, — показываетъ въ нихъ умъ неправый, но опасный и полный обмана. Не къ чести Отца предлагаютъ они этотъ вопросъ, но къ безчестию Слова. И если кто, не зная ихъ коварства, дастъ отвѣтъ: несозданное одно; тотчасъ изbleвываютъ ядъ свой, говоря: «слѣдовательно, Сынъ—изъ числа созданныхъ, и хорошо

сказали мы, что Его не было, пока не рожденъ. Все смѣшиваютъ и приводятъ въ безпорядокъ, чтобы только отдалить Слово отъ Отца, и Создателя сопричислить къ тварямъ. Посему, во-первыхъ, достойны осужденія за то, что, — порицая Епископовъ сошедшихъ въ Никее, за употребленныя ими реченія, взятая не изъ Писанія, впрочемъ не хульныя, но служащія къ изложенію ихъ нечестія, — сами впади въ ту-же вину, и произносятъ слова, не изъ Писанія взятая, измышляютъ поруганія Господу, не зная, ни что говорятъ, ни что подтверждаютъ. По крайней мѣрѣ, пусть спросятъ язычниковъ, у которыхъ выслушали сіе реченіе (потому что ихъ это изобрѣтеніе, а не Писанію принадлежитъ), и узнавъ, какія значенія имѣетъ реченіе, увидятъ, что, если о чемъ говорятъ, то не умѣютъ хорошо о томъ спросить. А я дождался ради нихъ, что несозданнымъ называется, что еще не сдѣлалось, но можетъ сдѣлаться; на-примѣръ, дерево еще не сдѣлалось, но можетъ сдѣлаться, ладію. И несозданнымъ также называется, что не сдѣлалось, и не можетъ никогда сдѣлаться, на-примѣръ, ²⁰²треугольникъ—четыреугольникомъ, и четное число—нечетнымъ. Ибо треугольникъ никогда не былъ, и никогда не будетъ, четыреугольникомъ, и четное число никогда не было, и никогда не будетъ, нечетнымъ. И еще несозданнымъ называется, что существуетъ, но ни отъ кого не произошло, и вообще, никто не имѣетъ своимъ отцемъ. А коварный софистъ Астерій, защитникъ сей ереси, присовокупляетъ, говоря въ своемъ сочиненіи: «несозданное есть то, что не сотворено, но всегда существуетъ». Посему, надлежало имъ предлагать вопросъ, опредѣливъ предварительно,

въ какомъ значеніи разумѣютъ слово: *несозданный*, чтобы и спрашиваемый отвѣчалъ правильно. Если же думаютъ, что хорошо предлагаютъ вопросъ, сказавъ: одно ли несозданное, или несозданныхъ два?— то пусть прежде услышатъ, какъ невѣжды, что несозданныхъ много, и что несозданное есть ничто; и вещей, которыя могутъ произойти, много, а что не можетъ произойти, то, по сказанному, ничто. Если же, и Астерій хотятъ, чтобы не тварь, но всегда сущее было несозданнымъ, и они предлагаютъ вопросъ: то пусть не разъ, но многократно выслушаютъ, что въ такомъ смыслѣ и Сынъ наименуется несозданнымъ; потому что Онъ не тварь и не произведеніе, но вѣчно присущъ Отцу, какъ уже и доказано, хотя они не разъ отъ сего отказывались, только бы сказать противъ Господа: Онъ изъ ничего, Его не было, пока не рожденъ. Посему, если, лишась во всемъ опоры, захотятъ уже предложить вопросъ, разумѣя подъ несозданнымъ, что существуетъ, во никѣмъ не рождено и не имѣетъ у себя отца: то пусть слышатъ, что и у насъ въ такомъ значеніи одинъ и единственный несозданный Отецъ, и услышавъ сіе, ничего больше не приобретутъ себя; потому что именованіе Бога несозданнымъ въ этомъ смыслѣ не доказываетъ, что Сынъ сотворенъ, такъ какъ изъ предыдущихъ доказательствъ ясно видно, что Слово таково-же, каковъ и Родившій Его. Итакъ, если Богъ несозданъ, то несозданъ и Образъ Несозданнаго, а Его есть рожденіе, то-есть Его Слово и Премудрость. Ибо какое сходство созданнаго съ Несозданнымъ? И не полѣнимся повторить опять то-же. Если хотятъ, чтобы созданное подобно было Несо-

зданному, чтобы взирающій на одно видѣлъ другое; то не долго уже имъ сказать, что Несозданное есть образъ и тварей,—такъ все уже у нихъ перемѣшано: созданныя вещи уравниваются Несозданному, испровергается Несозданное, потому что измѣряется тварями, только бы Сына низвести имъ въ рядъ тварей.

Но думаю, что и они не захотятъ еще сказать сего, если послушаются софиста Астерія. Ибо онъ, хотя старается защитить арианскую ересь, и говорить, что несозданное одно, однакоже, вопреки имъ утверждаетъ, что и Премудрость Божія несозданна и безначальна. Вотъ часть написаннаго имъ: «не сказалъ блаженный Павелъ, что проповѣдуетъ Христа, сію Божию силу и сію Божию Премудрость, но говорить безъ этого присовокупленія,—Божію силу и Божію премудрость (1 Кор. 1, 24.), проповѣдая тѣмъ, что есть иная собственная сила самого Бога, Ему врожденная и несозданно соприсущая». И немного послѣ говорить еще: «хотя вѣчная Его сила и Премудрость, Которая по доводамъ истины оказывается безначальною и несозданною, безъ сомнѣнія, можетъ быть одна и та-же». Хотя нехорошо выразумѣвъ Апостольское изреченіе, и признавъ онъ двѣ премудрости, однакоже, назвавъ несозданною соприсущую Богу премудрость, выразилъ, что несозданное не одно, но есть при немъ и другое несозданное; потому что соприсущее не себѣ соприсуще, но другому. Посему или пусть, послушавшись Астерія, не спрашиваютъ больше: одно ли несозданное, или ихъ два, чтобы сомнѣніемъ своимъ не вступить въ борьбу съ Астеріемъ, или, если противятся и ему, то

2 18. 312. 316. 3 92.

пусть не опираются на его книгу, чтобы, угрызав другъ друга, не истребить имъ себя взаимно.

Сіе пусть будетъ кратко сказано ихъ невѣжеству; а на коварное ихъ произволеніе въ-состояніи ли кто сказать что-либо достаточное? И кто, по справедливости, не возненавидитъ ихъ за такое бѣснованіе? По-елику не имѣютъ уже свободы сказать: Сынъ изъ не-сущаго, и не былъ, пока не рожденъ; то придумали себѣ реченіе: *несозданный*, чтобы, предъ людьми простодушными называя Сына созданнымъ, означать опять симъ тѣ-же самыя положенія: изъ не-сущаго, и нѣкогда не былъ. Ибо имъ означаются вещи созданныя и твари. Если бы твердо стояли они въ томъ, что говорятъ; то имъ надлежало бы держаться сего, и не мѣшать своихъ мыслей, извращая ихъ много-различно. Но они не хотятъ сего, думая, что не трудно будетъ всего достигнуть, если оградятся словомъ: *несозданный*, прикрывая имъ ересь свою. Ибо и самое сіе реченіе имѣетъ значеніе не въ-отношеніи къ Сыну, какую мысль они разсѣвають, но въ-отношеніи къ вещамъ сотвореннымъ. Подобное сему-можно видѣть въ словахъ: Вседержитель и Господь сплъ. Ибо, если Отецъ надъ всѣмъ державствуетъ и господствуетъ чрезъ Слово, и въ царствѣ Отца царствуетъ Сынъ, и имѣетъ надъ всѣмъ державу, какъ Слово и какъ Образъ Отца; то явно, что здѣсь Сынъ не причисляется ко всѣмъ тварямъ, и не въ-отношеніи къ Нему именуется Богъ Вседержителемъ и Господомъ, а въ-отношеніи къ тому, что сотворено Сыномъ, и надъ чѣмъ Богъ державствуетъ и господствуетъ чрезъ Слово. И именованіе: *несозданный* имѣетъ значеніе въ-отношеніи не къ Сыну, но къ тому, что сотворено

Сыномъ. И справедливо употребляется оное о Богъ; потому что Богъ — не то, что — существа созданныя, а, напротивъ того, Онъ есть ихъ Творецъ и Создатель чрезъ Сына. Но какъ имя: несозданный имѣеть значеніе въ-отношеніи къ существамъ созданнымъ: такъ имя: Отецъ указываетъ на Сына. И кто именуеть Бога творцемъ, создателемъ и несозданнымъ, тотъ имѣеть въ-виду, и представляетъ себѣ твари и существа созданныя; а кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ съ симъ вмѣстѣ умопредставляетъ и видѣть Сына. Посему-то иныи подивится упорству ихъ въ нечестіи; потому что, хотя имя: несозданный, по сказанному, имѣеть хорошій смыслъ, и можетъ быть употребляемо благочестиво, но они по своей ереси проносятъ оное къ безчестию Сына, не не зная того, что кто чтить Сына, тотъ чтить Отца, а кто безчестить Сына, тотъ безчестить Отца (Іоан. 5, 28.).

Если бы у нихъ было попеченіе о прославленіи и чествованіи Отца; то имъ (что было бы и лучше и выше) надлежало бы паче признавать и именовать Бога Отцемъ, нежели давать Ему оное наименованіе. Ибо, называя Бога несозданнымъ отъ произведенныхъ имъ дѣлъ, какъ сказано, именуютъ Его только Творцемъ и Создателемъ, думая, что изъ сего имени могутъ, въ угодность свою, и Словоу дать имя твари. А кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ даетъ Ему сіе именованіе отъ Сына, не не зная, что, поелику есть Сынъ, то и сотворенное создано необходимо Сыномъ. И они, именуя Бога несозданнымъ, даютъ Ему имя только отъ дѣлъ, а сами также не знаютъ Сына, какъ и лзычники. А кто называетъ Бога Отцемъ, тотъ даетъ Ему сіе именованіе отъ Слова; познавая

же Слово, познаетъ въ Словѣ Создателя, и понимаетъ, что Имъ *вся быша*. Посему, не благочестивѣ ли и не согласнѣ ли съ истинною — дать имя Богу отъ Сына, и назватъ Его Отцемъ, нежели именовать Его отъ однихъ дѣлъ, и называть несозданнымъ? Ибо сіе послѣднее наименованіе указываетъ только на каждое въ отдѣльности и на всѣ вообще дѣла, по волѣ Божіей сотворенныя Словомъ. А имя Отець получаетъ значеніе только отъ Сына, и Имъ ограничивается. Но сколько Слово превосходитъ сотворенныя вещи, столько, и еще въ болѣеи мѣрѣ, названіе Бога Отцемъ будетъ превосходить названія несозданнымъ. И какъ послѣднее именованіе взято не изъ Писанія, подозрительно и имѣетъ различныя значенія, почему, спрашиваемый объ ономъ носится мыслию туда и сюда: такъ имя Отець просто, употребительно въ Писаніи, гораздо вѣрнѣе, и указываетъ только на Сына. И слово: *несозданный* изобрѣтено язычниками, незнающими Сына, имя же: *Отець* познано отъ Господа нашего и Имъ даровано. Ибо Самъ, въдая, Чей Онъ Сынъ, сказалъ: *Азъ во Отцѣ, и Отець во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 10.), и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (9.), и: *Азъ и Отець едино есма* (10, 30.). И нигдѣ не видно, чтобы назвалъ Онъ Отца несозданнымъ, но и научая насъ молиться, не сказалъ: когда молитесь, — говорите: Боже несозданный; — а напротивъ того, говорить: *егда молитесь, глаголите: Отче нашъ, Иже на небесѣхъ* (Лук. 11, 2.). И къ сему восхотѣлъ направить главнѣйшее въ нашей вѣрѣ, повелѣвъ креститься намъ не во имя Несозданнаго и созданнаго, не во имя Творца и твари, но во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Такъ таинвод-

ствуемые и мы твари наконецъ всыновляемся Богу, и произнося имя Отца, познаемъ изъ сего имени и сущее въ самоѣ Отцѣ Слово.

Итакъ, доказано, что напрасно—ихъ предпріятіе, ввести реченіе: *несозданный*, и не имѣеть никакого основанія, кромѣ ихъ произвола. А что касается до предлагаемаго ими вопроса, *измѣняемо ли Слово?*—то напрасно и входить о семъ въ изслѣдованіе. Ибо достаточно—выписать мнѣ только ихъ изреченія, чтобы показать дерзость ихъ нечестія. Пустословятъ же они, предлагая въ-видѣ вопросовъ слѣдующее: «Свободенъ ли Сынъ, или нѣтъ? По произволенію ли, въ-слѣдствіе свободы, добръ, и, если захочетъ, можетъ измѣниться, имѣя измѣняемую природу, или, какъ камень и дерево, не имѣеть свободнаго произволенія подвигнуться и склониться на ту и другую сторону?» Ихъ ереси не чуждо такъ и говорить, и думать. Ибо, однажды вообразивъ себя Бога изъ не-сущаго и сотвореннаго Сына, въ-слѣдствіе сего собрали и подобныя реченія, какъ приличныя твари. Но поелику, препираясь съ держащимися церковнаго ученія и слыша отъ нихъ объ истинномъ и единомъ Отчемъ Словѣ, еретики отваживаются говорить о Немъ подобное сему; то видалъ ли кто ученіе, болѣе сего мерзкое? Кто, слыша только сіе, хотя и можетъ оспорить ихъ, не возмутится, не заградить слуха, приводимый въ изумленіе новыми реченіями, какія произносятъ они, и какія самъ онъ слышитъ, реченіями, которыя сами въ себя и при самомъ произношеніи исполнены хулы?

Если Слово измѣняемо, и можетъ приходиться въ различныя состоянія; то на чемъ Оно остановится,

какой будетъ конецъ Его возрастанія? Или, какъ измѣняемый можетъ быть подобенъ неизмѣняемому? Какъ видѣвшій измѣняемаго помыслить о себѣ, что видѣлъ неизмѣняемаго? И въ какое состояніе должно прійти Ему, чтобы можно было видѣть въ Немъ Отца? Ибо явно, что не всегда человекъ увидитъ въ Немъ Отца; потому что Сынъ непрестанно измѣняется, и имѣетъ естество не пребывающее въ одномъ состояніи. Отецъ неизмѣняемъ, не бываетъ въ разныхъ состояніяхъ; ибо всегда одинаковъ, всегда одинъ и тотъ-же. Если же Сынъ, по мнѣнію ихъ, измѣняемъ и не всегда тотъ-же, но по естеству непрестанно въ новомъ бываетъ состояніи; то какъ-же Онъ въ такомъ положеніи можетъ быть образомъ Отца, не имѣя въ Себѣ подобія неизмѣяемости? И вообще, какъ Онъ пребываетъ въ Отцѣ, имѣи колеблющееся произволеніе? А можетъ быть, какъ измѣняемый и со дня на день преуспѣвающій, и до нынѣ еще Онъ несовершенъ?

Но да погибнетъ такое безуміе арианъ, да возсіяетъ же истина, и да обнаружится ихъ неразуміе! Ибо какъ будетъ несовершеннымъ Равный Богу? Или, какъ будетъ измѣняемымъ Тотъ, Кто едино есть со Отцемъ, Кто есть собственный Сынъ Его сущности? Поелику неизмѣяема Отчая сущность; то неизмѣяемо будетъ и собственное ея Рожденіе. Если же это такъ, и лживо приписываютъ они измѣяемость Слову; то пусть узнаютъ, къ какой опасности ведетъ ихъ слово. Отъ плода познается древо; посему и видѣвшій Сына видѣлъ Отца, и познаніе Сына есть познаніе Отца. Посему, неизмѣняемъ будетъ Образъ неизмѣняемаго Бога. Ибо Иисусъ Христосъ *вчера и днесъ, тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8.). И Давидъ,

воспѣвая о Немъ, говоритъ: *Въ началѣхъ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла рукѹ Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко ризи обетшаютъ, и яко одежду свѣиши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 26—28.). И самъ Господь говоритъ о Себѣ чрезъ Пророка: *видите, видите, яко Азъ есмь* (Втор. 32, 39.), *и не измѣняюся* (Мал. 3, 6.). Хотя можетъ иной сказать, что сіе должно разумѣть объ Отцѣ; однакоже, прилично—сказать сіе о Себѣ и Сыну, особенно потому, что, содѣлавшись человекомъ, показываетъ Онъ Свое тождество и Свою неизмѣняемость тѣмъ, которые думаютъ, что, принявъ плоть, Онъ измѣнился и сталъ чѣмъ-то инымъ. Святые же, а тѣмъ паче Господь, болѣе достойны вѣры, нежели злонамѣренность нечестивыхъ. Ибо и въ приведенномъ мѣстѣ изъ пѣснопѣнія Писаніе, разумѣя подъ небомъ и землею все созданное и вслую тварь, и естество ихъ называя измѣняемымъ и превратнымъ, Сына же исключая изъ сего, показываетъ тѣмъ, что Онъ вовсе не сотворенъ, а паче, Имъ измѣняется все иное, и научаетъ также, что Онъ не измѣняется, говоря: *Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ.*

Сіе и справедливо. Ибо существа сотворенныя, произходя изъ ничего, и несуществовавшія, пока не были сотворены—потому что изъ ничего приходятъ въ бытіе—имѣюмъ измѣняемую природу; а Сынъ, сый отъ Отца и собственно принадлежащій Его сущности, неизмѣняемъ и непреложенъ, какъ и самъ Отецъ. Ибо невозможно сказать, что отъ неизмѣняемой Сущности раждается измѣняемое Слово и измѣняемая

Премудрость. Ибо почему уже и Слово, если измѣняемъ? И почему уже Премудрость, если подлежитъ перемѣнамъ? Развѣ хотять, чтобы сіе было какбы случайнымъ въ сущности, какъ въ недѣлимомъ какомъ существѣ бываетъ случайно какое-либо предрасположеніе и способность къ добродѣтели, и сіе-то названо Словомъ и Сыномъ и Премудростію, почему, можетъ быть и отнято у сего существа и придано ему. Они нерѣдко высказывали подобныя умствованія; но это вѣра не христіанская. Это не показываетъ, что есть истинно Божіе Слово и истинно Божій Сынъ, что Премудрость есть истинная Премудрость. Ибо измѣняемое, переходящее разныя состоянія и не пребывающее въ одномъ и томъ-же, какъ можетъ быть истиннымъ? А Господь говоритъ о Себѣ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.). Если же Господь самъ о Себѣ говоритъ сіе, и показываетъ Свою неизмѣняемость, и святые, тому-же научившись, свидѣтельствуютъ о семъ, да и по самому понятію о Богѣ признаётся сіе благочестнымъ; то, откуда занявъ, примыслили это нечестивые? Поэтому, изъ сердца, какъ изъ зараженнаго члена, изблевали они это.

Но поелику въ защиту свою выставляютъ они Божественныя словеса, и усиливается толковать ихъ по собственному своему разумнію; то необходимо въ такой мѣрѣ отвѣчать имъ, чтобы защитить мѣста Писанія и показать, что въ нихъ заключается правый смыслъ. Еретники худо разумють сіи изреченія. Итакъ говорятъ, что Апостоломъ написано: *тѣмъже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Иисусовъ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и пре-*

исподнихъ (Флипп. 2, 9. 10.), и Давидомъ: *сего ради помаза Тя Боже Богъ Твой елемя радости паче причастникъ Твоихъ* (Псал. 41, 8.). Потомъ прибавляютъ, какъ-будто сказывая что-то мудрое:

212

если сего ради вознесенъ и прилъ благодать, сего ради помазанъ; то получилъ награду за свое произволеніе. А если дѣйствовалъ по произволенію; то, безъ сомнѣнія, измѣняемъ по естеству». И сіе не

только говорить, но и написать осмѣлились Евсевій и Арій; а послѣдователи ихъ не лѣнятся провозглашать то среди торжищъ, не примѣчая, какое безуміе заключается въ словахъ ихъ. Ибо, если въ награду за свое произволеніе получилъ то, что имѣеть, и не имѣлъ бы сего, если бы не привелъ въ дѣйствіе требуемаго; то, получивъ сіе за добродѣтель и усовершеніе, поэтому уже справедливо названъ и Сыномъ и Богомъ, но не есть истинный Сынъ. Что происходитъ отъ кого-либо по естеству, то есть истинное рожденіе. Таковъ былъ Исаакъ у Авраама, и Іосифъ у Іакова. Таково сіяніе у солнца. А называемые сынами за добродѣтель и по благодати вмѣсто естества имѣютъ только благодать, въ-слѣдствіе пріятія сего имени, и инаковы съ тѣмъ, что имъ дано. Таковы люди по причастию пріавшіе Духа, о которыхъ и сказалъ Богъ: *сыны родихъ и возвысихъ, тѣмъ же отвергошася Мене* (Иса. 1, 2.), конечно потому, что не были сынами по естеству. И какъ-скоро измѣнились, — отнять у нихъ Духъ, и они отвержены; но кающихся снова ихъ приметъ и, давъ имъ свѣтъ, опять наречетъ сынами Богъ, вначалъ даровавшій имъ благодать сію. Посему, если въ такомъ-же смыслѣ называютъ Сыномъ и

СЛОВА

Спасителя; то окажется, что Онъ не истинный Сынъ, не Богъ, даже не Сынъ, не подобенъ Отцу, и совершенно не имѣеть Бога Отцемъ Своимъ по самой сущности, имѣеть же только по данной Ему благодати, а по сущности имѣеть Бога Творцемъ Своего бытія, подобно какъ и всѣ твари. А если Онъ таковъ, какъ утверждаютъ еретики; то откроется еще, что и вначалѣ не имѣлъ Онъ имени Сына, если только получилъ оное въ награду за свои дѣла и преслѣваніе, и пмевно, не за иное, но за то, какое показалъ, когда содѣлался человѣкомъ и принялъ званіе раба. Ибо тогда, какъ сталъ послушливъ даже до смерти, скажется о Немъ, что Онъ превознесенъ и получилъ благодать, то есть имя, да о имени Иисусовѣ поклонится всяко колѣно. Чѣмъ же былъ Онъ прежде, если теперь вознесенъ, теперь началъ быть достопокланяемымъ, теперь названъ Сыномъ, когда содѣлался человѣкомъ? Видно, что нисколько не усовершилъ Онъ плоть, а паче, Самъ усовершилъ плотию, если, по пхъ зломысленному ученію, тогда вознесенъ и нареченъ Сыномъ, когда сталъ человѣкомъ. Посему, чѣмъ же Онъ былъ прежде сего? Опять настоятъ необходимость спросить ихъ о семъ, чтобы видѣть былъ и конецъ ихъ нечестія. Если Господь есть Богъ, Сынъ, Слово, но не былъ сими, пока не сталъ человѣкомъ; то, или былъ чѣмъ-либо инымъ, отличнымъ отъ сего, и въ-послѣдствіи за добродѣтель сдѣлался причастникомъ сего, какъ говорили уже мы, или необходимо сказать имъ другое (что да обратится на главы ихъ!), а именно, что прежде сего Онъ и не былъ, и по естеству совершенно есть человѣкъ, а не что-либо большее. Но

147. это — не церковное учение, а мудрование Самосатскаго и вышшихъ иудеевъ. Почему же они, мудрствуя по-иудейски, и не обрѣзываются какъ иудеи, лицемерно прикрываются христіанствомъ, и ведутъ съ нимъ борьбу?

Если Сынъ не былъ, или хотя и былъ, но усовершенся въ-послѣдствіи; то какъ же вся Тьма быша? И какъ же о Немъ, если несовершенъ Онъ, радовался Отець? Да и самъ Онъ, если нынѣ только усовершенся, какъ прежде сего веселился предъ лицомъ Отца (Прем. 8, 30.)? Если по смерти уже пріялъ Онъ достопокланяемость; то какъ же видимъ, что Авраамъ поклоняется Ему въ кушъ, и Моисей — въ купинѣ? Какъ Давидъ видѣлъ, что тьмы темъ, тысящи тысящъ служатъ Ему (Дан. 7, 10.)? Если, по словамъ еретиковъ, нынѣ Онъ усовершенся; то почему же, упоминая о Своей еще прежде міра премірной славѣ, самъ Сынъ сказалъ: прослави Мя, Ты Отче, славою, юже имѣхъ у Тебѣ прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5.)? Если нынѣ вознесенъ, по ихъ мнѣнію; то почему же прежде сего преклони небеса и сниде, в еще: даде Вышній гласъ Свой (Псал. 17, 10. 14.)? Слѣдовательно, если Сынъ и прежде сотворенія міра имѣлъ славу, и былъ Господомъ славы и Вышнимъ, и сошелъ съ неба, и всегда былъ достопокланяемъ; то не усовершенся Онъ сошедши, а паче, Самъ усовершилъ имѣющихъ нужду въ усовершеніи. А если снишелъ для усовершенія другихъ; то не въ награду пріялъ именованіе Сына и Бога, а паче, Самъ всыновилъ насъ Отцу, и обожилъ человѣковъ, ставъ Самъ человѣкомъ. Не человѣкомъ бывъ прежде, въ-послѣдствіи сталъ Богомъ; но, Богъ сый, въ-послѣдствіи сталъ человѣкомъ, чтобы насъ обожить.

Ибо если, когда сталъ человѣкомъ, тогда названъ Сыномъ и Богомъ, а прежде нежели сталъ Онъ человѣкомъ, Богъ древніе народы называлъ сынами, и Моисея поставилъ богомъ Фараону; и о многихъ богахъ Писаніе говоритъ: *Богъ ста въ сонмъ боговъ* (Псал. 81, 1.); то явно, что послѣ сихъ названъ Онъ Сыномъ и Богомъ. Посему, какъ-же всяческая Тѣмъ, а Той прежде всѣхъ? Или, почему *первороденъ* Онъ *всѣмъ твари* (Колос. 1, 15—17.), и *пѣтъ* прежде Себя нареченныхъ сынами и богами? Почему же первые причастники не причастники Слова? Невѣроятно мнѣніе сіе; оно есть изобрѣтеніе іудействующихъ нынѣ. Какъ вообще могъ бы кто-либо признавать Бога Отцемъ? Ибо невозможно было бы сыноположеніе безъ истиннаго Сына; потому что самъ Сынъ говоритъ: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѣ. 11, 27.). И какъ возможно было бы обоженіе безъ Слова и прежде Слова, когда Самъ говоритъ братіямъ свѣхъ еретиковъ іудеямъ: *аще оныхъ рече боговъ, къ нимъже слово Божіе бысть* (Іоан. 10, 35.)? А если всѣ тѣ, которые наименованы были сынами и богами на землѣ и на небесахъ, всыновлены и обожены Словомъ, Слово же есть самъ Сынъ: то явно, что всѣ—Имъ, а Онъ—прежде всѣхъ, лучше же сказать, Онъ только—истинный Сынъ и единый истинный Богъ отъ истиннаго Бога, не въ награду за добродѣтель пріавшій сіе, и не чѣмъ-либо инымъ бывшій, но естествомъ по сущности сущій Сынъ и Богъ; потому что Онъ есть рожденіе Отчей сущности. И посему, никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ подобіе неизмѣняемому Отцу неизмѣняемо и Слово.

Досель, основываясь на самых понятіяхъ о Сынѣ, сколько далъ намъ Господь, отражали мы неразумные ихъ вымыслы. Но хорошо будетъ предложить уже и Божественныя словеса, чтобы еще, и въ большей силѣ, были доказаны неизмѣняемость Сына, непреложное въ Немъ Отчее естество, а также и злоудріе еретиковъ. Такъ Апостолъ, пиша къ Филиппійцамъ, говоритъ: *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ нещеча быти ровенъ Богу: но Себе истощилъ, зракъ раба примъ, въ подобіи чловѣчествѣ бывъ, и образомъ обрътеся якоже чловѣкъ, смирилъ Себе, послушивъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небсныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 5—10.).* Что можетъ быть сего яснѣе и убѣдительнѣе? Не съ высшей начавъ степенн, содѣлался болѣе совершеннымъ, а напротивъ того, будучи Богомъ, принявъ зракъ раба, и симъ принятіемъ не усовершенлся, но смирилъ Себе. Посему, гдѣ же въ этомъ награда за добродѣтель? Или, какое преслѣніе и усовершеніе въ уничиженіи? Если Онъ, Богъ сый, сталъ чловѣкомъ, и о Свисшедшемъ съ высоты сказуются, что Онъ возносится; то куда же возноситься Богу! Поелику Богъ есть Вышній, то явно опять, что и Слову сего Бога необходимо быть Вышнимъ. Посему, куда же болѣе возноситься Тому, Кто—во Отцѣ и во всемъ подобенъ Отцу? Слѣдовательно, не

имѣть Онъ нужды ни въ какомъ приращеніи, и не таковъ, какимъ предполагаютъ Его аріане. Ибо, если снизошло Слово для возношенія Своего, и таковъ смыслъ Писанія; то какая вообще была потребность смирять Себя, чтобы домогаться о пріятіи того, что имѣло уже Слово? Да и какую благодать пріялъ Податель благодати? Или, какъ пріялъ достопоклоняемое имя, Кому всегда поклонялись о имени Его. И прежде нежели дѣлается человѣкомъ, святые призываютъ: *Боже во имя Твое спаси мя* (Псал. 53, 3.), и еще: *сїи на колесницахъ, и сїи на коняхъ: мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся* (Псал. 19, 6. 8.). Такъ поклонялись Ему Патріархи, да и объ Ангелахъ написано: *и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6.). Если же, какъ Давидъ воспѣваетъ въ семьдесятъ первомъ псалмѣ, имя Его пребываетъ прежде солнца и прежде луны въ роды родовъ (Псал. 71, 5.); то какимъ образомъ пріялъ то, что имѣлъ всегда, даже прежде нежели пріялъ это нынѣ? Или, какимъ образомъ возносится, когда Онъ есть Вышній, прежде нежели былъ вознесенъ? Или, какъ пріялъ достопоклоняемость Онъ, и прежде нежели пріемлетъ это нынѣ, всегда достопоклоняемый?

Это—не прикровенное слово, но Божіа тайна. *Въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1.). Но ради насъ въ-послѣдствіи *Слово плоть бысть* (ст. 14.). И теперь сказанное: *превознесе* означаетъ не то, что возносится сущность Слова; потому что она всегда была и есть равна Богу. Напротивъ того, это есть *вознесеніе* *человѣчества*. Не прежде сіе сказано, но когда уже

Слово плоть бысть, чтобы ясно было, что слова: *смирилъ* и *превознесе* сказуются о человеческомъ естествѣ. Ибо чему свойственно смиреніе, то можетъ быть и возносимо. И если въ-слѣдствіе принятія плоти написано: *смирилъ*; то явно, что къ плоти же относится слово: *превознесе*. Въ семъ имѣлъ потребность человекъ по смиренію плоти и смерти. Поелику Слово, будучи образомъ Отца и бессмертнымъ, пріяло зракъ раба, и ради насъ, какъ человекъ, во плоти Своей претерпѣло смерть, чтобы такимъ образомъ за насъ чрезъ смерть принести Себя Отцу; то и сказуется о Немъ, что ради насъ и за насъ вознесено, какъ человекъ, чтобы, какъ смертію Его всѣ мы умерли во Христѣ, такъ о самомъ же Христѣ были мы опять и превознесены, будучи воздвигнуты изъ мертвыхъ и входя на небеса, *идѣже предтеча о насъ вииде Исусъ* (Евр. 6, 20.), *не въ противоположная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (—9, 24.). Если же нынѣ за насъ вошелъ Христосъ въ самое небо, хотя и прежде сего, и всегда, Онъ Господь и Зиждитель небесъ; то посему написано, что за насъ и вознесенъ нынѣ. И какъ Онъ, *святій* всѣхъ, говоритъ опять Отцу, что святитъ Себя за насъ (Іоан. 17, 19.), не для того, чтобы Слово стать святымъ, но чтобы Ему освятить въ Себѣ всѣхъ насъ: такъ разумѣй и сказуемое теперь: *превознесе Его*, — не для того превознесе, чтобы Ему возвестись (яко Онъ есть Вышній), но чтобы стать Ему правдою за насъ, и намъ возвестись въ Немъ и войти въ небесныя врата, которыя Онъ-же опять отверзъ за насъ при возглашеніи предшествующихъ:

возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вѣчная, и внидетъ Царь славы (Псал. 23, 9.). Ибо и здѣсь врата были заключены не Ему—Господу и Творцу всяческихъ, но это написано ради насъ, которымъ заключена райская дверь. Посему, какъ по человечеству, по причинѣ плоти, которую понесъ на Себѣ, скажется о Немъ: *возмите врата*, и какъ о входящемъ человѣкѣ: *внидетъ*; такъ опять по Божеству, потому что Слово есть Богъ, скажется о Немъ: *Той есть Господь и Царь славы*. О такомъ-же, въ насъ совершающемся вознесеніи, предвозвѣстивъ Духъ, въ восемьдесятъ осьмомъ псалмѣ говоритъ: *правдою Твоею вознесутся: яко похвала силы ихъ Ты еси* (17. 18.). Если Сынъ есть правда; то не Онъ имѣетъ нужду въ вознесеніи, но мы возносимся правдою, то-есть, Имъ.

И сіе: *дарови Ему* написано не ради самого Слова, потому что опять, прежде нежели содѣлалось Оно человѣкомъ, поклонялись Ему, какъ сказано, и Ангелы и вся тварь по единству свойствъ со Отцемъ; но и сіе опять написано ради насъ и за насъ. Какъ Христосъ умеръ и вознесенъ, яко человѣкъ; такъ о Немъ, яко о человѣкѣ, скажется, что пріемлетъ, что всегда имѣлъ Онъ какъ Богъ, чтобы и на насъ простерлась таковая дарованная благодать. Ибо Слово, принявъ тѣло, не умалилось до того, чтобы возимъть нужду въ пріятіи благодати, но обожило паче и то, во что облеклось, и въ большей мѣрѣ даровало сіе человѣческому роду. Какъ будучи Словомъ и въ образъ Божіи сый, Сынъ всегда достопокланяемъ; такъ Онъ-же сталъ человѣкомъ и нареченъ Іисусомъ, но тѣмъ не менѣе вся тварь—подъ

ногами Его, и о имени семъ преклоняеть предъ Нимъ колѣна, и исповѣдуетъ, что Слово стало плотію, и смерть претерпѣло во плоти, совершилось же сіе не къ безславію Божества, но въ славу Бога Отца. А слава Отца— въ томъ, что человекъ созданный и погубшій обрѣтенъ, умерщвленный оживотворенъ и содѣлался Божіимъ храмомъ. Поелику небесныя Силы, Ангелы и Архангелы, какъ всегда поклоняются Ему, такъ и нынѣ поклоняются Господу о имени Иисусовъ; то намъ принадлежитъ сія благодать, наше это превознесеніе, что Сынъ Божій, и содѣлавшись человекомъ, достопоклоняемъ, и не удивятся небесныя Силы, видя, какъ всѣ мы *стѣлесники Его* (Ефес. 3, 6.) вводимся въ ихъ область. Но не совершилось бы сіе иначе, если бы *во образъ Божіи Сый* не пріялъ *зракъ раба*, и не смирилъ Себе, поустивъ тѣлу пріяты даже смерть.

Итакъ вотъ, что, по мнѣнію людей, ради креста есть *буре Божіе* (1 Кор. 1, 25.), то стало честиѣе всего. Ибо въ Немъ соблюдается наше воскресеніе. Не одинъ израиль, но и всѣ уже народы, какъ предрекъ Пророкъ, оставляють идоловъ своихъ, познають истиннаго Бога Отца Христова, демонское мечтаніе приведено въ бездѣйствіе, поклоняются же единому истинному Богу о имени Господа нашего Иисуса Христа. А тѣмъ, что поклоняются Господу, явившемуся во плоти и нареченному Иисусомъ, и вѣрують, что Онъ есть Сынъ Божій, и что чрезъ Него познается Отецъ, ясно показывается, какъ сказано, что не Слово, поелику Оно Слово, пріяло такую благодать, но пріяли мы. Ибо, по сродству съ тѣломъ Его, и мы стали храмомъ Божіимъ, содѣланы

уже сынами Божиими; почему и въ насъ уже достопокланяемъ Господь, и взирающіе на насъ възвѣщаютъ, какъ сказалъ Апостоль: *воистину Богъ есть съ нами* (1 Кор. 14, 25.); какъ и Іоаннъ въ Евангеліи говоритъ: *елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12.), а въ Посланіи пишетъ: *о семъ разумѣемъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа Его, Котораго далъ намъ* (1 Іоан. 4, 13.). Признакомъ же Его явленной намъ благодати служить, что возносимся мы; потому что въ насъ пребываетъ Вышній Господь, и ради насъ дается благодать; потому что раздающій благодать Господь содѣлался подобнымъ намъ чловѣкомъ.

Самъ же Спаситель *смирилъ Себя* пріятіемъ нашего смиреннаго тѣла. Онъ воспріялъ *зракъ раба*, облекшись въ плоть, порабощенную грѣхомъ. И хотя Самъ не пріялъ отъ насъ ничего, служащаго къ усовершенію,—(потому что Божіе Слово не имѣетъ нужды ни въ чемъ): однакоже, мы чрезъ Него тѣмъ паче усовершились; потому что Онъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго чловѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9.).

И напрасно аріане опираются на семъ словъ: *тѣмже*; когда Павелъ говоритъ: *тѣмже и Богъ Его превознесе*. Ибо не въ означеніе награды за добродѣтель и усовершенія въ преспѣваніи Его сказалъ сіе Апостоль, но показываетъ причину въ насъ совершеннаго вознесенія. Чтò же сіе значитъ? Не то ли, что въ образъ Божій сый Сынъ высокаго Отца смирилъ Себя, и вмѣсто насъ и за насъ содѣлался рабомъ? Ибо, если бы Господь не содѣлался чловѣкомъ, то не были бы мы избавлены отъ грѣховъ, и

не встали бы изъ мертвыхъ, но пребывали бы жертвыми подъ землею, не были бы вознесены на небеса, но оставались бы лежащими во адъ. Поэтому, ради насъ и за насъ сказано: *превознесе и дарова*. Посему, полагаю, что такой смыслъ изреченія есть самый церковный.

Впрочемъ, иной можетъ искать и другаго значенія въ сѣмъ изреченіи, объясняя оное обратнымъ прежнему образомъ, а именно: не означается сѣмъ, что возносятся Слово, потому что Оно, какъ сказано нѣсколько прежде, есть Высочайшее и подобно Отцу, но изреченіе сѣе, по причинѣ человечества Его, указываетъ на воскресеніе изъ мертвыхъ. Посему, Апостолъ, сказавъ: *смирилъ Себе даже до смерти*, тотчасъ присовокупилъ: *тѣмже превознесе*, желая показать, что, если, какъ человѣкъ, скажется Онъ умершимъ, то, какъ жизнь, вознесенъ воскресеніемъ. Ибо *сшедый Той есть* и воскресый (Ефес. 4, 10.); сошелъ Онъ тѣлесно, воскресъ же, потому что въ тѣлѣ былъ Богъ. И посему-то самому опять присовокупилъ въ такомъ-же смыслѣ слово: *тѣмже*,— въ означеніе не награды за добродѣтель, или преспѣваніе, но причины, по которой совершилось воскресеніе, и по которой, когда всѣ люди отъ Адама и донинѣ умирали и оставались мертвыми, Онъ одинъ невредимымъ всталъ изъ мертвыхъ. Сему причиною, какъ Самъ сказалъ прежде, есть то, что Онъ Богъ и содѣлался человѣкомъ. Всѣ прочіе люди, происходя только отъ Адама, умирали, и смерть царствовала надъ ними (Римл. 5, 14.). А сей второй человѣкъ есть съ небеси; потому что *Слово плоть бысть*. И о такомъ Человѣкѣ скажется, что

Онъ—съ неба и есть небесный; потому что съ неба спизошло Слово, почему и не обладаетъ смертію. Ибо, хотя и смирилъ Себя, дозволивъ собственному Своему тѣлу пріять даже смерть, потому что доступно было оно смерти; однакоже, превознесень отъ земли, потому что въ тѣлѣ былъ самъ Сынъ Божій. Посему, сказанное здѣсь тѣмже, и Богъ Его превознесе равно сказанному Петромъ въ Дѣяніяхъ: *Егоже Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бльше мощно держиму быти Ему отъ нея* (Дѣян. 2, 24.). Ибо какъ Павломъ написано: *во образъ Божіи Сый сталъ челоувкомъ, и смирилъ Себе даже до смерти, тѣмже и Богъ Его превознесе*; такъ и у Петра говорится: поелику Онъ Богъ и содѣлался челоувкомъ, но знаменія и чудеса показали всякому видящему, что Онъ Богъ, то по сему самому *не бльше мощно держиму Ему быти въ смерти*. Но челоувку невозможно было дойти до такого совершенства; потому что смерть свойственна челоувку. Посему, Слово, будучи Богомъ, стало плотію, чтобы, умерши плотію, сплюю Своею оживотворить всѣхъ.

Поелику же скажется, что Онъ возносится, и что Богъ дарова Ему, а еретики почитаютъ сіе недостаткомъ, или страдательнымъ состояніемъ для сущности Слова; то необходимо—сказать, почему и сіе скажется. Возносящимся скажется Онъ отъ *ддльнѣйшихъ странъ земли* (Ефес. 4, 9.); потому что и смерть скажется Его смертію. О Немъ же говорится и то и другое; потому что Ему, а не другому, принадлежало тѣло, вознесенное отъ мертвыхъ и взятое на небеса. И опять, поелику тѣло принадлежитъ

Ему, и не внѣ тѣла—само Слово; то справедливо говорится, что съ возносимымъ тѣломъ и Самъ, какъ человекъ, возносится по причинѣ тѣла. Посему, если не сталъ Онъ человекомъ, то да не скажется сіе о Немъ. А если Слово плоть бысть; то необходимо, чтобы и воскресеніе и вознесеніе были сказуемы о Немъ, какъ о человекѣ, чтобы, какъ сказуемая о Немъ смерть была искупленіемъ грѣховъ человѣческихъ и уничтоженіемъ смерти, такъ сказуемая о Немъ воскресеніе и вознесеніе чрезъ Него надежнымъ пребыли и для насъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Апостоль сказалъ: *Богъ Его превознесе, и Богъ дарова Ему*, чтобы и симъ еще показать, что не Отецъ есть Тотъ, Кто сталъ плотию, но что Слово Его содѣлалось человекомъ, и Оно по-человѣчески, какъ сказано, и пріемлетъ отъ Отца, и возносится Имъ. Явно же, и никто не можетъ въ томъ сомнѣваться, что, если даетъ что Отецъ, то даетъ сіе чрезъ Сына. Удивительно, и подлинно можетъ привести въ изумленіе, что самъ Сынъ скажется пріемлющимъ ту благодать, какую даетъ Онъ отъ Отца, и тѣмъ вознесеніемъ, какое совершаетъ Сынъ чрезъ Отца, какбы возносится и самъ Сынъ. Ибо Тотъ-же самый, Кто есть Божій Сынъ, содѣлался и сыномъ человѣческимъ. И какъ Слово, даетъ Онъ то, что—отъ Отца; потому что все, что творить и даетъ Отецъ, творить и сообщаетъ чрезъ Него; а какъ сынъ человѣческой, Онъ-же скажется по-человѣчески пріемлющимъ то, что—отъ Него; потому что тѣло принадлежитъ не другому, а Ему, и тѣлу, какъ сказано, свойственно—принимать благодать. Ибо пріялъ при вознесеніи человека, и вознесеніемъ было

обоженіе его. Само же Слово всегда шло сіе по Отчему Своему Божеству и совершенству.

Посему, написанное Апостоломъ, заключая въ себя такую мысль, обличаетъ нечестивыхъ, и сказанное Пѣснопѣвцемъ имѣетъ опять тотъ-же правый смыслъ. И хотя еретики перетолковали оное, но Псалмопѣвецъ доказываетъ, что благочестиво разумніе сіе; ибо говоритъ: *Престоль Твой Боже въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости жезлъ царствія Твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси неправду: сего ради помаза Тя Боже Богъ Твой елемя радости паче причастникъ Твоихъ* (Псал. 44, 7. 8.). Смотрите, аріане, и хотя изъ сего познайте истину. Псаломникъ всѣхъ насъ называлъ причастниками Господа. А если бы и Господь былъ изъ не-сущихъ и однимъ изъ сотворенныхъ; то и Самъ былъ бы однимъ изъ причастниковъ. Но поелику пѣснословитъ Его вѣчнымъ Богомъ, говоря: *престоль Твой Боже въ вѣкъ вѣка*, все же прочее представляетъ причастнымъ Его; что должно уразумѣть? Не то ли, что Онъ отмѣненъ отъ всего сотвореннаго и одинъ есть истинное Отчее Слово, Сіяніе и Премудрость, Которой причастны всѣ твари, и отъ Него освящаются Духомъ? И здѣсь помазуется, но не для того, чтобы стать Богомъ,—потому что былъ прежде сего,—и не для того, чтобы стать Царемъ,—потому что царствуетъ вѣчно, будучи Божиимъ Образомъ, какъ показываетъ сіе изреченіе; но и сіе опять написано въ-отношеніи къ намъ. Цари израильскіе, когда были помазуемы, тогда дѣлались царями, не бывъ царями прежде, какъ на примѣръ—Давидъ, Езекия, Іосія и другіе. Напротивъ того, Спаситель, хотя

есть Богъ, и царствуетъ всегда въ царствѣ Отца, и Самъ есть податель Духа Святаго, однакоже, сказуются теперь помазуемымъ, чтобы опять, когда сказуются о Немъ, что помазанъ Духомъ, какъ чело-
вѣкъ, и намъ челоувкамъ приуготовить какъ вознесе-
ніе и воскресеніе, такъ вселеніе и присвоеніе Духа. Сіе же давая разумѣть, и самъ Господь сказалъ въ Евангеліи отъ Іоанна: *Азъ послахъ ихъ въ міръ и за нихъ Азъ свящу Себе, да и ти будете священи во истину* (Іоан. 17, 18. 19.). Говоря сіе, показаль Онъ, что Самъ есть не освящаемый, но освящающій; ибо не другимъ освящается, но Самъ Себя святитъ, чтобы мы были *священи во истину*. Святый же Себя есть Господь освященія. Какъ же сіе совершается? Въ какомъ смыслѣ говорить сіе? Не въ этомъ ли? «Я, Слово Отчее, Самъ даю Духа Себѣ, содѣлавшемуся челоувкомъ, свящу Имъ Самъ Себя, содѣлавшагосл челоувкомъ, чтобы уже Мною—истиною (*слово же Твое истина есть*, ст. 12.) освятились и всѣ». Если же насъ ради святитъ Себя и совершаетъ сіе, когда сталъ челоувкомъ: то явно, что и во Іорданѣ бывшее на Него сошествіе Духа было сошествіемъ на насъ; потому что носитъ Онъ на Себѣ наше тѣло. И было оно не къ усовершенію Слова, но для нашего опять освященія, чтобы мы причастились Его помазанія, и о насъ могло быть сказано: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16.)? Ибо когда Господь, какъ челоувкъ, крестится во Іорданѣ,—мы въ Немъ и Имъ омываемся, и когда прие-
летъ Онъ Духа,—мы чрезъ Него дѣлаемся духопріем-
выми. Посему, помазуются Онъ не такъ-же, какъ

Ааронъ, или Давидъ, или всѣ прочіе помазуемы были елеемъ, но иначе, — *паче всѣхъ причастникъ Своихъ, елеемъ радости*; а это есть Духъ, какъ, Самъ толкуя, говоритъ чрезъ Пророка: *Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя* (Иса. 61, 1.), какъ и Апостоль сказалъ: *яко помаза Его Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38.). Посему, когда же сіе о Немъ сказано, — не тогда ли, какъ, воплотившись, крестился Онъ во Иорданъ, и сошелъ на Него Духъ? Самъ Господь говоритъ: *Духъ отъ Моего приметъ* (Іоан. 16, 14.), и: *Азъ пошлю Его* (Іоан. 15, 26.); и ученикамъ сказалъ: *примите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 22.). И однакоже, о Немъ, Который, какъ Слово и Сілніе Отчее, подаетъ Духа другимъ, скажется теперь, что Онъ святится по той опять причинѣ, что содѣлался человѣкомъ, и освящено тѣло Его. Отъ Него и мы начали принимать помазаніе и печать, какъ говоритъ Іоаннъ: *и вы помазаніе имате отъ Святаго* (1 Іоан. 2, 20.); и Апостоль: *и вы знаменаетесь Духомъ обѣтованія Святымъ* (Ефес. 1, 13.). Слѣдовательно, сказано сіе ради насъ и о насъ.

Посему и этимъ показывается ли какое преспѣваніе въ усовершеніи, или какая награда добродѣтели или просто дѣлъ Господнихъ? Если бы, не бывъ Богомъ, содѣлался Богомъ, если бы, не царствовавъ, возведенъ былъ на царство; то слово ваше имѣло бы нѣкоторую тѣнь вѣроятности. А если Онъ Богъ, и престоль царствія Его вѣченъ; то какъ преуспѣвать Богу? Или, чего не доставало Сѣдѣющему на Отчемъ престолѣ? Если же, какъ и самъ Господь сказалъ, Его есть Духъ, отъ Него приметъ, и Онъ посылаетъ Духа;

то не Слово, поколику Слово есть Премудрость, помазуются подаваемымъ отъ Него Духомъ, но воспрія-
тая Имъ на Себя плоть въ Немъ и Имъ помазуются,
чтобы освященіе, совершенное надъ Господомъ, какъ
надъ человѣкомъ, совершилось Имъ надъ всѣми людь-
ми. Сказано: *Духъ не отъ Себе глаголетъ* (Іоан. 16,
13.), но Слово даетъ Духа достойнымъ. И сіе—подоб-
но приведенному выше изреченію. Какъ Апостоль на-
писалъ: *Иже во образъ Божіи сый не восхищеніемъ
непщева быти равенъ Богу, но Себе истоцилъ, зракъ
раба примъ*: такъ и Давидъ воспѣваетъ, что Господь
есть вѣчный Богъ и Царь, но посланъ къ намъ, и
пріялъ наше смертное тѣло. Ибо сіе даетъ разумѣть,
говоря во псалмѣ: *смирна и стакти и касіа отъ
ризы Твоихъ* (Псал. 44, 9.). Сіе же показываютъ
Никодимъ и *лже о Маріи*, когда первый *прииде, но-
ся смѣшеніе смиренно и алоино, яко литръ сто*
(Іоан. 19, 39.), а послѣднія принесли *лже приготова-
ша ароматы* на погребеніе Господня тѣла (Лук.
23, 66.).

Какое опять преспѣваніе у Безсмертнаго, воспріяв-
шаго на Себя смертное? Или, какое усовершеніе у
Вѣчнаго, облекшагося во временное? Какая возможна
большая награда вѣчному Богу и Царю, существу въ
вѣдрахъ Отчихъ? Ужели не видите, что и сіе ради
насъ было, и о насъ написано, чтобы Господу, со-
дѣлавшемуся человѣкомъ, насъ смертныхъ и времен-
ныхъ содѣлать безсмертными и ввести въ вѣчное не-
бесное царство? Ужели не стыдитесь вы, клеветца на
Божественныя изреченія? Когда пришелъ Господь нашъ
Исусъ Христосъ; мы усовершились, освободившись
отъ грѣха, а Онъ пребываетъ тотъ-же, и не измѣ-

нился (опять должно повторить сіе) отъ того, что содѣлался человѣкомъ, но, какъ написано, Слово Божіе *пребываетъ во вѣки* (Псал. 40, 8.). Безъ сомнѣнія, какъ до вочеловѣченія, будучи Словомъ, подавалъ святымъ Духа, какъ Своего собственнаго, такъ, и содѣлавшись человѣкомъ, свѣтитъ всѣхъ Духомъ, и говоритъ ученикамъ: *примите Духъ Святъ*. Онъ далъ Духа Моисею и другимъ седмидесяти (Числ. 11, 27.); чрезъ Него и Давидъ молился Отцу, говоря: *Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене* (Псал. 50, 13.). А содѣлавшись человѣкомъ, сказалъ Онъ: *послю вамъ Утѣшителя, Духа истины* (Іоан. 15, 26.), и послалъ; потому что Онъ—неложное Божіе Слово. Посему, *Иисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки* пребываетъ неизмѣннымъ (Евр. 13, 8.). Онъ и даетъ, и пріемлетъ: даетъ, какъ Божіе Слово; пріемлетъ, какъ человѣкъ; усовершеняется во Слово,—какъ Слово, Оно имѣло все и всегда имѣетъ,—но усовершеняются люди, въ Немъ и чрезъ Него имѣющіе начатокъ пріятія. Ибо когда Онъ скажется тебѣ помазуемымъ по-человѣчески,—помазуемся въ Немъ мы; и когда крещается онъ,—крещаемся въ Немъ мы. Все же сіе еще болѣе уясняетъ Спаситель, говоря Отцу: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмь* (Іоан. 17, 22.). Посему, для насъ просилъ Онъ славы, для насъ сказано о Немъ: *и пріялъ, и дарова, и превознесе, чтобы мы пріяли, чтобы намъ было даровано, и мы были вознесены въ Немъ, какъ для насъ же и свѣтитъ Себе, чтобы мы священны были въ Немъ*.

Если же, по причинѣ присовокупленнаго во псал-

мѣ: *сего ради помаза тя Боже Богъ твой*, изъ реченія *сего ради* заимствуютъ опять себѣ предлогъ къ подтвержденію своей мысли; то пусть дознають сіи невѣжды въ Писаніяхъ, сіи изобрѣтатели нечестія, что и здѣсь опять слово *сего ради* означаетъ не награду добродѣтели или дѣлъ Слова, но причину Его къ намъ пришествія и для насъ совершеннаго на Немъ помазанія Духомъ. Не сказалъ Давидъ: «сего ради помаза Тя, чтобы стать Богомъ, или Царемъ, или Сынномъ, или Словомъ»,—симъ и прежде сего былъ, и всегда есть, какъ это доказано. Но паче, говорить: «поелику Ты Богъ и Царь, то *сего ради* и помазанъ; потому что не другому принадлежало привести чело-вѣка къ единенію съ Духомъ Святымъ, какъ Тебѣ, Отчему Образу, по Которому и вначалѣ сотворены мы. Ибо Твой есть и Духъ. Естество существъ сотворенныхъ недостаточно для сего; потому что и Ангелы стали преступниками, и люди впали въ преслушаніе». Для сего была потребность, чтобы самъ Богъ (Слово же есть Богъ) освободилъ ставшихъ подъ клятвою. Посему, если бы изъ не-сущихъ былъ Онъ; то не былъ бы и Христомъ, Самъ будучи единымъ изъ всѣхъ и причастникомъ. Но поелику Онъ Богъ, какъ Божій Сынъ, Царь и вѣченъ, какъ Сіяніе и Образъ Отца; то посему справедливо Онъ есть ожидаемый Христосъ, Котораго Отецъ предвозвѣщаетъ людямъ, открывая святымъ своимъ Пророкамъ, чтобы, какъ чрезъ Него сотворены мы, такъ въ Немъ совершилось для всѣхъ избавленіе отъ грѣховъ, и Онъ царствовалъ надъ всѣми. Такова причина совершившагося надъ Нимъ помазанія и явленія Слова во плоти. Сіе-то прозрѣвая, и Псалмопѣвецъ, когда вос-

птваеть Его Божество и Отеческое царство, возглашаетъ: *престолю Твой Боже въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего*; а когда възвѣщаетъ о пришествіи Его къ намъ, — говорить: *сего ради помаза тя Боже Богъ твой елеємъ радости паче причастникъ Твоихъ*.

Что же удивительнаго, или, что невѣроятнаго, если Господь, подающій Духа, скажется Самъ помазуемымъ отъ Духа, когда опять, по требованію нужды, не отрекается пменовать Себя по челоувѣчеству Своему и меньшимъ Духа? Ибо, когда іудеи сказали, что изгоняетъ Онъ бѣсовъ о *вельзевулъ*, отвѣчалъ и сказалъ въ обличеніе ихъ — хулителей: *аще ли же Азъ о Дусъ Божіи изгону бѣсы* (Матѣ. 12, 28.)? Вотъ Податель Духа говорить теперь, что Самъ изгоняетъ бѣсовъ о *Дусъ*. Сіе же не иначе сказано, какъ по причинѣ плоти. Поелику естество челоувѣческое само по себѣ недостаточно къ тому, чтобы изгнать бѣсовъ, а можетъ сіе дѣлать только силою Духа; то посему, какъ челоувѣкъ, сказалъ: *аще ли же Азъ о Дусъ Божіи изгону бѣсы?* Конечно, давая разумѣть, что и хула, приносямая на Духа Святаго важнѣе хулы на Его челоувѣчество, сказалъ: *иже аще речеть слово на Сына челоувѣческаго, получить отпущеніе* (Матѣ. 13, 22.). Таковы были говорившіе: *не сей ли есть тектоновъ сынъ* (Матѣ. 13, 53.)? А которые хулятъ Духа Святаго, и дѣла Слова приписываютъ діаволу, тѣ понесутъ неизбѣжное наказаніе. Такимъ образомъ говорилъ Господь іудеямъ, какъ челоувѣкъ; ученикамъ же Своимъ, являя Свое Божество и величіе, и давая разумѣть, что Самъ — не менѣе Духа, но равенъ Ему, даровалъ Онъ Духа, и сказалъ: *прими-*

те Духъ Святъ (Іоан. 20, 22.), и: *Азь Его послю, и: Онъ Мя прославитъ, и: елика услышитъ, глаголати имать* (Іоан. 16, 13. 14.). Посему, здѣсь самъ Податель Духа Господь не отрекается сказать, что Онъ, какъ чловѣкъ, о Дусѣ изгоняетъ бѣсовъ. Подобнымъ сему образомъ, Самъ будучи подателемъ Духа, послѣ-ку, какъ сказалъ Іоаннъ, сталъ Онъ плотию, не отрекся сказать: *Духъ Господень на Мя, Егоже ради помаза Мя* (Іса. 61, 1.), чтобы показать чрезъ сіе, что мы и для освященія имѣемъ нужду въ благодати Духа, и не можемъ изгонять демоновъ безъ силы Духа. Къмъ же и чрезъ кого долженъ быть подаваемъ Духъ, какъ не чрезъ Сына, когда Онъ есть Духъ Сына? Могли ли бы мы когда-либо пріять Духа, если бы Слово не сдѣлалось чловѣкомъ? И какъ сказанное Апостоломъ показываетъ, что не были бы мы избавлены и превознесены, если бы *во образъ Божіи Сый* не пріялъ *зракъ раба*; такъ и Давидъ показываетъ, что не сдѣлались бы мы причастниками, и не освятились бы иначе, если бы самъ Податель Духа—Слово не сказалъ о Себѣ, что Онъ за насъ помазуется Духомъ. И мы надежно пріемлемъ, потому что Онъ скажется помазаннымъ по плоти. Ибо какъ скоро въ Немъ первомъ освятилась плоть, и чрезъ нее скажется Онъ пріявшимъ Духа, какъ чловѣкъ; то вслѣдъ за Нимъ и мы имѣемъ благодать Духа, пріемля отъ исполненія Его.

А слова: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси неправду, присовокуплены во псалмѣ не въ означеніе, какъ вы опять думаете, измѣняемаго естества Слова, а напротивъ того, симъ самымъ даютъ разумѣть болѣе неизмѣняемость Слова. Послѣду естество*

существо сотворенныхъ измѣняемо, и, какъ сказано, одни преступили, другіе преслушали заповѣдь, и дѣлательность ихъ непостоянна, но нерѣдко есть возможность нынѣ доброму въ-послѣдствіи измѣниться и стать инымъ, а потому, дотоле праведному чрезъ нѣсколько времени оказаться неправеднымъ: то опять была потребность въ неизмѣняемомъ, чтобы непреложность правды Слова люди имѣли для себя образомъ и примѣромъ въ добродѣтели. Такое же разумнѣе для здравомыслящихъ имѣеть основательную причину. Поелику первый Адамъ измѣнился, и чрезъ грѣхъ вошла въ міръ смерть: то прилично посему было, чтобы второй Адамъ пребывалъ неизмѣннымъ; и если бы снова сталъ нападать змій, то не имѣло бы силы обольщеніе сего змія, и по неизмѣняемости и непреложности Господа, для всѣхъ немощнымъ содѣлался змій въ своихъ нападеніяхъ. Ибо, какъ съ преступленіемъ Адамовымъ грѣхъ простерся на всѣхъ людей: такъ, поелику Господь сталъ человѣкомъ и низложилъ змія, таковая-же крѣпость будетъ переходить во всѣхъ людей; почему, каждый изъ насъ скажетъ: не неразумѣваемъ умысленій его (2 Кор. 2, 11.). Посему, Господь всегда и по естеству неизмѣняемый, любя правду и ненавида неправду, справедливо помазуется и Самъ посылается, чтобы Ему, пребывающему однимъ и тѣмъ-же, пріявъ измѣняемую плоть, какъ осудить въ ней грѣхъ, такъ и содѣлать ее свободною; послѣ чего можно уже было бы въ ней и намъ исполнить законную правду и прійти въ состояніе сказать: мы несмы во плоти, но въ Духъ, понеже Духъ Божій живетъ въ насъ (Рим. 8, 9.).

Поэтому, напраснымъ для васъ, аріане, дѣлается

теперь таковое предположеніе, и напрасно представляете въ предлогъ реченія Писаній. Слово Божіе неизмѣняемо, всегда одно и то-же, и притомъ столько-же неизмѣняемо, сколько и Отецъ. Ибо иначе, какимъ образомъ Оно подобно Отцу, если не въ такой-же мѣрѣ неизмѣняемо? Или, какимъ образомъ все, что имѣетъ Отецъ, будетъ имѣть и Сынъ, если не имѣетъ Онъ неизмѣняемости и непреложности Отца? Не какъ подлежащій законамъ и имѣющій склонность и къ тому и къ другому, одно Онъ любитъ а другое ненавидитъ, чтобы, изъ страха—подвергнуться паденію, не допустить чего худаго. Невозможно также представить Его и иначе какъ-либо измѣняемымъ. Напротивъ того, какъ Богъ и Отчее Слово, Онъ есть праведный и добротолубивый судія, лучше же сказать, Податель добродѣтели. Поелику праведенъ и святъ Онъ по естеству; то сказуются о Немъ, что любитъ правду и ненавидитъ неправду, или, что то-же значить, любитъ и пріемлетъ добродѣтельныхъ, отвращается же и ненавидитъ неправедныхъ. Ибо и объ Отцѣ то-же сказуютъ Божественныя Писанія: *праведенъ Господь, и правды возлюби* (Псал. 10, 7.); *и: возненавидѣлъ еси вся дѣлающія беззаконіе* (Псал. 5, 6.); *и: любитъ Господь врата Сиона, и не во многое ставитъ селенія Иаковля* (Псал. 86, 2.). *и: возлюби Иакова, Исава же возненавидѣлъ* (Мал. 1, 2.). И у Исаи Богъ говоритъ также: *Азъ бо есмь Господь любяй правду, и ненавиждя грабленія отъ неправды* (Иса. 61, 8.). Поэтому и тѣ реченія пусть принимаютъ, какъ и сн, потому что и тѣ написаны о Божіемъ Образѣ; или пусть и сн, какъ и тѣ, разумѣютъ худо, и Отца представляютъ себѣ измѣняемымъ. Но если и

слышать, когда говорят это другіе, не безопасно; то хорошаго держимся разумнія, когда сказанное о Богъ, что любить Онъ правду и ненавидитъ *грабленія отъ неправды*, понимаемъ не въ томъ смыслъ, будто бы имѣеть Онъ наклонность къ тому и другому, и можетъ принять даже противное, почему, одно избираетъ, а другаго не избираетъ (это свойственно существамъ сотвореннымъ), но въ томъ, что, какъ Судія, любить и приѣмлетъ Онъ праведныхъ, далекъ же бываетъ отъ злыхъ. Сообразно же будетъ подобное сему представлять и о Божіемъ Образъ, а именно, что также любить и ненавидитъ; ибо естество Образа должно быть таково-же, каковъ и Отець Образа, хотя аріане, какъ слѣпые, не видятъ въ Божественныхъ словесахъ ни сего Образа, ни чего-либо другаго.

Приведенные въ затрудненіе своими любимыми мнѣніями, или, лучше сказать, своимъ сумазбродствомъ, снова прибѣгаютъ они къ изреченіямъ Божественныхъ Писаній, и по обычаю не вникая въ оныя, не видятъ заключающагося въ нихъ смысла, но какбы поставивъ для себя какимъ-то правиломъ собственное свое нечестіе, къ нему наклоняютъ всъ Божіи словеса; почему, когда и ихъ только пропозносятъ, достойны слышать одно сіе: *прельщается, не въдуще Писанія, ни силы Божія* (Матѣ. 22, 29.). И если стоять въ своемъ, — должны опять устыдиться и услышать: *воздадите челоуѣческой челоуѣку, и Божія Богови* (Матѣ. 22, 21.). Такъ говорятъ они: въ Притчахъ написано: Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя (Прит. 8, 22.), а въ Посланіи къ евреямъ Апостоль говоритъ: толико лучший бывъ Ангеловъ, елико преславнѣе паче ихъ наслѣдствова имя (Евр.

1, 14.), и немного ниже: тѣмже, братіе святая званія небеснаго причастницы, разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса: върна суща Сотворшему Его (3, 1. 2.); и въ Дѣянїяхъ: вѣдомо да будетъ всѣмъ вамъ, весь домъ израилевъ, яко и Господа и Христа Его сотворилъ есть, сего Іисуса, Егоже вы распяте (Дѣян. 2, 36.). При всякомъ случаѣ повторяя мѣста сіи и погрѣшая въ нихъ разумѣніи, заключили изъ нихъ, что Слово Божіе есть тварь и произведеніе, одно изъ существъ сотворенныхъ. Такъ обольщаютъ они и людей неразумныхъ, представляя въ предлогъ сіи изреченія, и вмѣсто истиннаго, заключающагося въ нихъ, смысла разсѣвая собственный свой еретическій ядъ. Ибо, если бы разумѣли; то не стали бы нечестиво говорить о Господѣ славы, и перетолковывать, что прекрасно написано. Посему, если явно уже, усвоивъ себѣ Каіафинъ нравъ, заблаго-разсудили іудействовать, а потому, не хотять знать написаннаго, что Богъ дѣйствительно вселится на земль (Зах. 2, 10.): то пусть не входятъ въ изслѣдованіе Апостольскихъ реченій; потому что несвойственно это іудеямъ. Если также, присоединясь къ безбожнымъ манихеямъ, отрицають сказанное: Слово плоть бысть, и пришествіе Слова во плоти: то пусть не приводятъ мѣста изъ Притчей; потому что несвойственно это манихеямъ. Если же ради спора и той корыстолюбивой выгоды, какую прїобрѣли изъ сего, а также ради мнимаго славолобія, не смѣють отрицать сказаннаго: *Слово плоть бысть;* — потому что сіе написано: то пусть или реченія, написанныя о семъ, разумють правильно о пришествіи Спасителевомъ въ тѣль, или, если отрицають сіе

разумные, отрицают вместе и то, что Господь стал человеком. Ибо неприлично — и исповедывать, что Слово стало плотью, и стыдиться того, что написано о Немъ, и поэтому, извращать смысл написанного.

Написано: *только лучший был Ангеловъ* (Евр. 1, 4). Сие нужно сперва рассмотреть. И какъ надлежитъ, и даже необходимо, дѣлать со всякимъ мѣстомъ Божественнаго Писанія; такъ и здѣсь должно вѣрно истолковать, по какому обстоятельству сказалъ сие Апостоль, о какомъ лицѣ и предметѣ написалъ сие, чтобы читатель въ семь, или въ другомъ мѣстѣ, не зная чего-либо изъ сказаннаго, не остался далекимъ отъ истиннаго смысла. Сие-то зная, и любознательный оный Евнухъ просилъ Филиппа сказать: *Молю тя, о комъ Пророкъ глаголетъ сие? О себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ* (Дѣян. 8, 34.)? Боялся онъ, чтобы, протолковавъ читанное не о томъ лицѣ, не уклониться отъ правильнаго смысла. И ученики, желая знать время сказуемаго имъ, умоляли Господа, глаголюще: рцы намъ, когда сѣя будутъ? и что есть знаменіе Твоего пришествія (Матѣ. 24, 3.)? И они, слыша отъ Спасителя о кончинѣ міра, хотѣли знать самое время для того, чтобы и самими не обмануться и быть въ-состояніи научить другихъ. И дѣйствительно, узнавъ о семъ, исправили они Солунянъ готовыхъ впасть въ заблужденіе. Посему, когда приобрететъ кто совершенное знаніе о чемъ-либо подобномъ, тогда будетъ имѣть правильное и здоровое разумніе вѣры. А если кто что-либо подобное перетолкуетъ о другомъ, то вскорѣ впадетъ въ ересь. Такъ, во времени ошибались Именей и Александръ, — говоря, что воскресеніе уже было, а

Галаты, — уже послѣ надлежащаго времени возлюбивъ обрѣзаніе. И іудеи были, и доннынъ находятся, въ заблужденіи касательно лица, когда думаютъ, что объ одномъ изъ нихъ сказано: *се Дѣва во чревъ прииметь, и родить Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказуемо съ нами Богъ* (Матѣ. 1, 23.); и когда слова: *Пророка вамъ возставитъ Богъ* (Второз. 18, 15.) почитаютъ сказанными объ одномъ изъ Пророковъ, и слыша: *яко овца на заколеніе ведеса* (Иса. 53, 7.), не учатся у Филиппа, но предполагаютъ, что сіе сказано объ Исаи, или о комъ другомъ изъ бывшихъ Пророковъ. Тому-же подвергшись и христорбцы, впади въ мерзкую ересь. Если бы сіи безразсудные знали лице и предметъ и время въ Апостольскомъ изреченіи; то не стали бы столько нечестствовать, человѣческое толкуя о Божествѣ. Сіе же можно увидѣть, если кто хорошо протолкуеть начало мѣста.

Апостоль говоритъ: *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ днй сихъ глагола намъ въ Сынъ* (Евр. 1, 1.). Потомъ, чрезъ нѣсколько словъ продолжаетъ: *Собою очищеніе сотворивъ грѣховъ нашихъ, съде одесную величествія на высокихъ, толико лучшій бывъ Ангеловъ, елико преславнѣе ихъ наслѣдствова имя* (2. 3.). Итакъ, Апостольское изреченіе напоминаетъ о времени, въ которое Богъ глагола намъ въ Сынъ, когда также совершенно и очищеніе грѣховъ. Когда же глагола намъ въ Сынъ? И когда совершенно очищеніе грѣховъ? Когда содѣлался чловѣкомъ? Не послѣ ли Пророковъ? Не на послѣдокъ ли днй? Потомъ, поелику идетъ рѣчь о домостроитель-

О 2 а д а м и тѣ

16

ствъ нашего спасенія, говоря о послѣднихъ временахъ, по связи съ симъ упомянулъ, что и въ прежнія времена Богъ не умолкалъ, но глаголалъ людямъ чрезъ Пророковъ. А поелику и Пророки служили, и чрезъ Ангеловъ изглаголанъ Законъ (Гал. 3, 19.), но пришелъ и Сынъ, и пришелъ послужить; то по необходимости присовокупилъ: *только лучший бывъ Ангеловъ*, желая показать, что сколько Сынъ отличенъ отъ раба, сколько-же и служеніе Сына стало лучше служенія рабовъ. Посему, Апостоль, различая ветхозавѣтное и новозавѣтное служеніе, съ дерзновеніемъ пишетъ іудеямъ и говорить: *только лучший бывъ Ангеловъ*. Почему, не сказалъ совершенно сравнительно: *больше, или честнѣе бывъ*, чтобы не заключилъ кто объ Ангелахъ, будто бы одного съ Нимъ рода, но сказалъ: *лучшій*, чтобы дать выразумѣть отличіе Сына по естеству отъ существъ сотворенныхъ. И на сіе имѣемъ доказательство въ Божественныхъ Писаніяхъ. Давидъ псалмопѣвствуетъ: *лучше день одинъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ* (Псал. 83, 11.). И Соломонъ возглашаетъ: *Примите наказаніе, а не сребро, и разумъ паче злата искушена. Лучше бо премудрость камней многоцѣнныхъ, вслкое же честное недостойно ея есть* (Притч. 8, 10, 11.). И дѣйствительно, не различны ли по сущности и по естеству премудрость и добытые изъ земли камни? Какое сродство между дворами небесными и жилищами земными? Или, въ чемъ сходство у вѣчнаго и духовнаго съ временнымъ и смертнымъ? И въ семь-же смыслъ Исаія говорить: *сія глаголетъ Господь каженикомъ, елицы сохранятъ субботы Моя, и изберутъ, яже Азъ хочу, и содержатъ*

завѣтъ Мой, дамъ имъ въ дому Моемъ и во оградѣ Моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщереи, имя вѣчно дамъ имъ, и не оскудѣетъ (Иса. 56, 4. 5.). Почему, нѣтъ никакого сродства у Сына съ Ангелами. А если нѣтъ никакого сродства; то слово: *лучшій* сказано въ означеніе не сравненія, но различенія; потому что Сынъ по естеству отличенъ отъ Ангеловъ. И самъ Апостоль, толкуя слово: *лучшій*, поставляетъ сіе превосходство не въ иномъ чемъ, но въ различіи Сына съ существами сотворенными, говоря, что Онъ—Сынъ, а тѣ—*служебнии* (Евр. 1, 14.), и что, какъ Сынъ сѣдитъ одесную Отца, такъ они, будучи служебными, предстоятъ, посылаются и служатъ. Поелику же въ такомъ смыслѣ написано сіе; то означается симъ, ариане, что Сынъ не сотворенъ, но паче, инаковъ съ существами сотворенными, собственно принадлежитъ Отцу *Сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.).

И написанное здѣсь: *бывъ* не означаетъ, что Сынъ сотворенъ, какъ думаете вы. Ибо если бы просто сказалъ: *бывъ*, и умолкъ; то былъ бы предлогъ у арианъ. Поелику же предварительно нарекъ Сыномъ, во всемъ отдѣленіи рѣчи показавъ, что инаковъ Онъ съ существами сотворенными; то и слово *бывъ* поставилъ неотрѣшенно, но къ *бывъ* присовокупилъ: *лучшій*; потому что реченіе сіе почиталъ безразличнымъ, зная, что объ исповѣдуемомъ преискреннимъ Сыномъ сказать: *былъ* равнозначительно слову: *родился*, и есть *лучшій*. Для рожденнаго нѣтъ различія, скажетъ ли кто: *сталъ*, или: *содѣлался*; того же, что приведено въ бытіе, какъ созданіе, невозможно именовать рожденнымъ, развѣ только послѣ того,

какъ твари содѣлаются причастными рожденнаго Сына, и сами наименоуются рожденными, не по собственному естеству, но потому что стали причастны Сына Духомъ. Такое словоупотребленіе известно и въ Божественномъ Писаніи. Оно говорить о существахъ сотворенныхъ: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.), и: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). О сынахъ же рожденныхъ: *быша Іову сынове седмь и дщери три* (Іов. 1, 2.); и: *Авраамъ бѣ ста лѣтъ, егда бысть ему Исаакъ сынъ его* (Быт. 21, 4.). И Моисей сказалъ: *если будутъ у кого сыновья.*

Посему, если Сынъ инаковъ съ существами сотворенными, и есть единое собственное рожденіе Отчей сущности; то напрасенъ предлогъ арианъ, указывающихъ на слово: *бывъ*. Ибо, если, и сими постыжденные, будутъ еще усиливаться и говорить, что изреченія сіи употреблены сравнительно, и потому, сравниваемые однородны, почему и Сынъ есть ангельскаго естества; то пусть предварительно срамлены будутъ тѣмъ, что соревнуютъ Валентину, Карпократу и другимъ еретикамъ, и говорятъ одно съ ними. Ибо Валентинъ называлъ Ангеловъ однородными со Христомъ, а Карпократъ утверждаетъ, что Ангелы—зидители міра. У нихъ научившись, можетъ быть, и ариане Ангеловъ сравниваютъ съ Божиимъ Словомъ. Но водящихся подобными представленіями да постыдитъ Псалмопѣвецъ, который говоритъ: *кто уподобится Господеву въ смыслѣхъ Божіихъ* (Псал. 88, 7.)? И: *кто подобенъ Тебѣ въ бозьхъ Господи* (Псал. 85, 8.)? Пусть же слышать, и хотя изъ сего научатся, что, по общему

всѣхъ признанію, сравненіе дѣлается обыкновенно между однородными, а не между разнородными. Никто не сравниваетъ Бога съ человѣкомъ, и человѣка опять— съ безсловесными, и деревъ—съ камнями, по несходству естества. Но какъ Богъ несравнимъ, такъ сравнивается человѣкъ съ человѣкомъ, дерево съ деревомъ, камень съ камнемъ. И о сихъ никто не скажетъ: *лучше* (*τὸ κρείττον*), а развѣ: *паче* (*τὸ μᾶλλον*) и: *больше* (*τὸ πλεόν*). Такъ, Іосифъ былъ прекрасенъ паче братьевъ своихъ, и Рахиль—паче Лии (Быт. 29, 30.). *И звѣзда отъ звѣзды* не лучше, но паче *разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41.). О вещахъ же разнородныхъ, когда слпчаетъ ихъ кто между собою, въ означеніе ихъ различія сказается *лучше*, какъ сказано о премудрости и о камняхъ (Притч. 8, 11.). Если бы Апостоль сказалъ: толико паче Сынъ предходить Ангеламъ, или толико ихъ больше; то былъ бы вамъ предлогъ говорить, что Сынъ сравнивается съ Ангелами. Но теперь говоря, что Онъ—лучшій и столько-же ихъ преславнѣе, сколько Сынъ отстоитъ славою отъ рабовъ, показываетъ, что отличенъ Онъ отъ Ангеловъ по естеству. И опять, говоря, что Онъ все основаль, показываетъ, что отличенъ Онъ отъ всего сотвореннаго. Если же по естеству отличенъ Онъ отъ тварей и иносущенъ съ ними, то какое же возможно сравненіе, или сходство Его сущности съ вещами сотворенными? Ибо, если опять выдумаютъ что-либо подобное, то обличить ихъ Павелъ, говоря сіе: *Кому рече когда отъ Ангель, Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя? И ко Ангеломъ убо глаголетъ: творий Ангелы Своя души, и слуги Своя огонь палящъ* (Евр. 1, 5. 7.). Вотъ о

вещахъ созданныхъ , говорить , что онѣ сотворены и суть произведенія; обращаясь же къ Сыну, называетъ Его не произведеніемъ, не созданнымъ, но вѣчнымъ Царемъ, Создателемъ, говоря: *престолъ Твой Боже въ вѣкъ вѣка, и: въ началъ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса: та погибнуть, Ты же пребываеши* (Евр. 1, 8. 10. 11.).

Изъ сего и они, если бы захотѣли, могли бы уразумѣть, что иной есть Создатель, иные же—созданія, и первый есть Богъ, а послѣднія произошли и сотворены изъ ничего. Сказуемое теперь: *та погибнуть* не то означаетъ, что тварь блюдется на погибель, но указаніемъ на конецъ даетъ разумѣть о ествѣ вещей сотворенныхъ. Чтò можетъ погибнуть, тò, хотя и не погибнетъ по милости Сотворшаго сіе, однакоже, произошло изъ ничего и свидѣтельствуеть о себѣ, что нѣкогда оно не существовало. Поелику же таково естество вещей сотворенныхъ; то по сему самому о Сынѣ сказутся: *Ты же преbываеши*, чтобы показать Его вѣчность. Поелику не имѣеть возможности погибнуть, какъ имѣють онуо вещи сотворенныя, имѣеть же вѣчное пребываніе; то такое сказуемое о Немъ: «не было Его, пока не рожденъ», для Него чуждо, свойственно же Ему вѣчное бытіе и сопревываніе со Отцемъ.

Итакъ, если бы Апостоль не написалъ сего въ Посланія къ Евреямъ, то другія его Посланія и все Писаніе понстинв воспретили бы представлять себѣ о Словѣ что-либо подобное. Поелику же и Апостоль написалъ, и въ предыдущемъ было доказано, что Сынъ есть рожденіе Отчей сущности, и что Онъ—Создатель, прочія же вещи Имъ созидаются, что

Онъ есть Сіяніе, Слово, Образъ и Отчая Премудрость, а сотворенныя вещи состоятъ ниже Троицы и служебны; то Сынъ инокроденъ и иносущенъ съ вещами сотворенными, свойственъ же паче Отчей сущности и подобоестественъ со Отцемъ. Посему и самъ Сынъ не сказалъ: Отецъ Мой лучший Меня есть, чтобы не предположилъ кто, будто бы Сынъ чуждъ Отчаго естества, но сказалъ: *болій* (Іоан. 14, 28.), не по какой-либо причинѣ, и не по времени, но по причинѣ рожденія Его отъ Отца. Но и симъ опять изреченіемъ: *болій есть*, показалъ отличительное свойства сущности.

И самъ Апостоль, не сущность Слова желая главнымъ образомъ сравнивать съ вещами сотворенными, сказалъ: *только лучший бывъ Ангеловъ* (потому что сравненіе не имѣетъ здѣсь мѣста, иное—Слово, иное—Ангелы), но, имѣя въ-виду пришествіе Слова во плоти и домостроительство, совершенное Имъ тогда, хотѣлъ показать, что Слово—неподобно бывшимъ прежде, чтобы, въ какой мѣрѣ Слово по естеству отлично отъ предпосланныхъ Имъ, въ такой-же и болъшей еще мѣрѣ отъ Него и чрезъ Него бывшая благодать содѣлалась лучшею ангельскаго служенія. Рабамъ свойственно было требовать только плодовъ, а Сыну и Владыкѣ свойственно—простить долги и пересадить виноградникъ.

И присовокупленное Апостоломъ показываетъ различіе Сына съ вещами сотворенными; ибо говорить овъ: *Сего ради подобаетъ намъ лишше внимати слышаннымъ, да не когда отпадемъ. Аще бо глаголанное Ангелы слово быть извѣстно, и всяко преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоз-*

даяніе: како мы убѣжимъ о толицѣмъ нерадивше спасеніи, еже зачало приимше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися (Евр. 2, 1—3.)? Если бы Сынъ былъ изъ числа сотворенныхъ, и былъ не лучшей ихъ; то ради Него не полагалось бы бѣльшаго наказанія за ослушаніе. Ибо при служеніи Ангеловъ, относительно къ каждому изъ нихъ, въ преступающихъ Законъ бѣльшая или меньшая могла быть виновность; однакоже, Законъ былъ одинъ, одно было наказаніе преступающимъ оный. Поелику же Слово—не изъ числа сотворенныхъ, но Отчій есть Сынъ; то, въ какой мѣрѣ и Самъ есть лучшей, и совершенное имъ—и лучше и выше, въ такой-же и наказаніе будетъ тяжелѣе. Да рассмотримъ же благодать, дарованную Сыномъ, и да познають, какъ и дѣла свидѣтельствуютъ о Немъ, что отличенъ Онъ отъ вещей сотворенныхъ, что Онъ единственный истинный Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ (Іоан. 17, 21.). Законъ изглаголанъ Ангелами и никого не возвелъ къ совершенству, имѣя нужду въ пришествіи Слова, какъ сказалъ Павелъ. Пришествіе же Слова довершило дѣло Отца. И какъ тогда отъ Адама до Моисея царствовала смерть; такъ явленіе Слова привело смерть въ бездѣйствіе. Не умираемъ уже всѣ во Адамъ, но всѣ оживотворяемъ во Христь. Тогда отъ Дана до Вирсавіи возвѣщался Законъ, и въ одной іудей вѣдомъ былъ Богъ (Псал. 75, 1.); нынѣ же во всю землю изыде вѣщаніе ихъ (Псал. 18, 5.), и вся земля полна вѣщанія о Богѣ, ученики Христовы научили всѣ народы; и нынѣ исполнилось написанное: и будутъ всѣ научены Богомъ (Иса. 54, 13.). И показанное тогда служило образомъ, а теперь явилась истина.

И сіе самъ ояты Апостоль въ-послѣдствіи яснѣе толкуеть, говоря: *потомуку лучшаго завѣта бысть испоручникъ Исусъ* (Евр. 7, 22.), и еще: *нынѣ же лучшее улучи служеніе, поелику и лучшаго завѣта есть ходатай, иже на лучшихъ обѣтованіихъ узаконися* (Евр. 8, 6.), и: *ничтоже бо совершилъ законъ, приведеніе же есть лучшему упованію* (Евр. 7, 19.), а потомъ говоритъ: *нужда убо бѣше образомъ небесныхъ сими очищатися: самѣмъ же небеснымъ лучшими жертвами, паче сихъ* (Евр. 9, 23.). Слово *лучшій* и теперъ, и во всѣхъ мѣстахъ, Апостоль прилагаетъ ко Господу, какъ лучшему и отличному отъ вещей сотворенныхъ. Ибо Имъ совершается лучшая жертва, о Немъ—лучшее упованіе, чрезъ Него—лучшія обѣтованія, лучшія не потому только, что сравниваются, какъ великія, съ чѣмъ-то малымъ, но потому, что по самому свойству инаковы съ прежними. Ибо Домостроительствовавшій все сіе есть лучшій вещей сотворенныхъ. И сіе ояты изреченіе: *бысть испоручникъ* означаетъ данное Имъ за насъ поручительство. И, какъ будучи Словомъ, *плоть бысть*, и реченіе *бысть* относимъ мы къ плоти, потому что она получила бытіе, и есть тварь: такъ и здѣсь сказано *бысть*, чтобы изреченіе сіе принимали мы въ послѣднемъ значеніи, поелику содѣлался Онъ человекомъ. Да знаютъ же упорствующіе, и да откажутся отъ своего злоумія. Пусть слышать, что Павелъ означаетъ сямъ не приведеніе въ бытіе Его сущности; ибо знаетъ, что Слово есть Сынъ и Премудрость, и Сіяніе, и Образъ Отца; но и теперъ реченіе *бысть* относится къ служенію завѣта, которымъ приведена въ бездѣйствіе смерть, тогда царствовавшая. И со-

вершенное Имъ служеніе стало лучшимъ; потому что немощное закона, въ немже немощствоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсъ осуди грѣхъ во плоти (Рим. 8, 3.), то-есть, удалилъ отъ нея грѣхопаденіе, плѣнницею котораго была всегда плоть, почему и не принимала въ себя Божественной мысли, и самую плоть доведя до удобопріемлемости слова, содѣлалъ, что мы не по плоти уже ходимъ, но по духу, и верѣдко говоримъ о себѣ: мы не во плоти, но въ Дусѣ (Рим. 8, 9.). И Сынъ Божій пришелъ, не да судитъ мірови, но да искупитъ всѣхъ, и да спасетъ Имъ міръ (Іоан. 3, 17.). Ибо тогда міръ, какъ повинный, судимъ былъ закономъ; а теперь судъ приняло на Себя Слово, и, за всѣхъ нострадавъ плотію, всѣмъ даровало спасеніе. И сіе имѣя въ-виду, Іоаннъ воззвалъ: яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть (Іоан. 1, 17.). Но благодать—лучше, нежели Законъ; дѣйствительность—лучше, нежели тѣнь.

Лучшимъ же не могло сіе содѣлаться чрезъ кого-либо другаго, а не чрезъ Сына, сѣдящаго одесную Отца. Чтò же означаетъ это, какъ не прескренность Сына, и тò, что Божество Отца есть вмѣстѣ и Божество Сына? Ибо въ царствѣ Отца царствующій Сынъ на одномъ престолѣ возсѣдаетъ со Отцемъ, и созерцаемое въ Божествѣ Отца Слово есть Богъ, и кто видитъ Сына, тотъ видитъ Отца (Іоан. 4, 19.); а такимъ образомъ, единъ есть Богъ. Сѣдя одесную, не дѣлаетъ Отца сѣдящимъ ошуюю, но чтò во Отцѣ есть десное и досточестное, тò имѣетъ и Сынъ, и говорить: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан.

16; 15.). Посему, Сынъ, сѣдя одесную, и Самъ видитъ Отца одесную, хотя, какъ содѣлавшійся человекомъ, говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною быну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. 15, 8.). И сямъ опять показывается, что Сынъ—во Отца, и Отецъ—въ Сынъ. Поелику Отецъ—въ десныхъ; то и Сынъ—одесную. И поелику Сынъ сѣдитъ одесную; то Отецъ—въ Сынъ.

И какъ Ангелы служатъ, восходя и нисходя (Іоан. 1, 51.); такъ о Сынъ сказано: *и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6.). Когда Ангелы служатъ, тогда говорятъ: «посланъ я къ тебѣ», и: «Господь повелѣлъ». А Сынъ, хотя по человѣчеству и говоритъ о Себѣ, что Онъ посланъ, и приходитъ совершить дѣло и послужить, однакоже, какъ Слово и Образъ, скажетъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ; и: видѣвый Мене, видѣ Отца; и: Отецъ во Мнѣ пребывалъ, Той творитъ дѣла* (Іоан. 14, 10. 11.). Ибо все то, что созерцается въ семъ Образъ, суть дѣла Отца.

Сего достаточно, чтобы посрамить возстающихъ противъ самой истины. Если же—поелику написано: *лучшій бывъ—реченіе бывъ*, какъ сказуемое о Сынъ, не хотятъ принимать за равнозначительное реченіямъ: *содѣлался и есть*, или, по причинъ совершенія лучшаго служенія, не хотятъ сего реченія *бывъ* принимать и разумѣть въ томъ значеніи, какое нами сказано, думаютъ же изъ сего реченія заключать, что Слово названо получившимъ бытіе; то пусть снова выслушаютъ сіе въ краткихъ словахъ, когда забыто ими сказанное. Если Сынъ есть одинъ изъ Ангеловъ; то реченіе *бывъ* относится будетъ къ Нему такъ-же,

какъ и къ нимъ, и ничѣмъ не будетъ отличатся Онъ отъ нихъ по естеству, напротивъ же того, или Ангелы будутъ сынами, или и Онъ—Ангеломъ, и вмѣстѣ совокупно возсядутъ одесную Отца, или со всѣми Ангелами и Сынъ будетъ предстоять, какъ служебный духъ, подобно имъ посылаемый въ служеніе. Если же Павелъ отличаетъ Сына отъ существъ сотворенныхъ, говоря: кому рече когда отъ Ангелъ: Сынъ Мой еси Ты?—и Сынъ создаетъ небо и землю, Ангелы же Имъ приводятся въ бытіе, Сынъ возседитъ со Отцемъ, а Ангелы предстоятъ въ служеніи; то для кого не ясно видно, что не о сущности Слова употребилъ Апостоль реченіе: *бывъ*, но о служеніи, какое совершено Словомъ? Ибо какъ, будучи Словомъ, *плоть бысть*, такъ, содѣлавшись человѣкомъ, сталъ въ служеніи толико лучшей служенія бывшаго чрезъ Ангеловъ, сколько Сынъ отличенъ отъ рабовъ и Создатель отъ созданныхъ. Посему, да перестанутъ реченіе *бывъ* принимать относящимся къ сущности Сына, потому что Сынъ не изъ числа сотворенныхъ, и пусть знаютъ, что реченіемъ *бывъ* означается служеніе и бывшее домостроительство. Посему-то содѣлался Онъ лучшимъ въ служеніи, будучи лучшимъ сотворенныхъ существъ по естеству. Сіе доказывается тѣмъ, что сказано нами прежде.

И думаю, что это пристыдить ихъ. Если же будутъ упорствовать, то сообразно съ дѣломъ будетъ, по безумной ихъ дерзости, такой-же дать имъ и отвѣтъ и противоположить имъ подобныя-же реченія, употребляемая о самомъ Отцѣ, чтобы пристыженные тѣмъ удержали языкъ свой отъ зла, и познали, въ какомъ глубокомъ находятся они неразуміи. Итакъ,

написано: *буди ми въ Бога защитителя, и въ домъ при-*
бъжища, еже спасти мя (Псал. 30, 3.); и еще: *бысть*
Господь прибъжище убогому (Псал. 9, 10.). И много
 подобныхъ симъ мѣстъ находится въ Божественныхъ
 Писаніяхъ. Поэтому, если говорить, что сказано это
 о Сынѣ, (что, можетъ быть, всего болѣе вѣрно);
 то пусть сознаются, что Святые желаютъ имѣть Его
 защитителемъ и домою прибъжища, не какъ тварь;
 и потому реченія: *бывь, сотвори, созда* пусть при-
 нимають въ-отношеніи къ человѣческому Его при-
 шествію. Ибо тогда содѣлался Онъ защитителемъ и
 домою прибъжища, когда *грѣхи наша вознесе на*
тѣль Своемъ на древо (1 Петр. 2, 24.), и сказалъ:
приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обременен-
ни, и Азъ упокою вы (Матѣ. 11, 28.). А если ска-
 жуть, что реченія сии употреблены объ Отцѣ; то—
 поелику и здѣсь написано: *буди и бысть*—ужели рѣ-
 шатся утверждать, что и Богъ сотворенъ? Конечно,
 на это осмѣлятся они, когда такимъ образомъ ум-
 ствуютъ о Словѣ Его. Последовательность мыслей тре-
 буетъ отъ нихъ тоже предположить и объ Отцѣ,
 что представляютъ себя о Словѣ Его. Но да не бу-
 деть того, чтобы и на мысль кому-либо изъ вѣрую-
 щихъ пришло когда что-либо подобное! Ибо Сынъ—
 не изъ числа сотворенныхъ, а также написанное и
 сказанное здѣсь: *буди и бысть* означаетъ не начало
 бытія, но помощь оказанную нуждающимся. Богъ
 всегда есть и всегда тотъ-же, но люди сотворены
 Словомъ въ-послѣдствіи, когда восхотѣлъ самъ Отецъ.
 Богъ невидимъ и неприступенъ существамъ сотворен-
 нымъ, наипаче же людямъ сущимъ на землѣ. Посему,
 когда люди, изнемогая, призываютъ, когда гонимые

имѣютъ нужду въ помощи, когда притѣсняемые молятся, тогда Невидимый, какъ человеколюбивый, являетъ Себя въ Своемъ благодѣяннн, какое оказываетъ собственнымъ Своимъ Словомъ и въ сеиъ самомъ Словѣ. И слѣдствія сего богоявленія удовлетворяютъ уже потребности каждаго: для немощныхъ бываетъ оно силою, для гонимыхъ — прибежищемъ и домоу спасенія, притѣсняемымъ говорятъ: *еще глаголющу ти реку: се придохъ* (Иса. 58, 9.). А что совершается Сыномъ въ помощь каждому, о томъ говоритъ каждый: «Богъ сталъ для меня симъ»; потому что помощь отъ самого Бога подается Словомъ. Сие известно и въ общеупотребительной рѣчи человеческой, и сей образъ выраженія всякій, кто бы ни былъ, призываетъ превосходнымъ. Нерѣдко и отъ людей бываетъ помощь людямъ. Иный помогъ ближнему, какъ Авраамъ—Лоту; иный отверзъ домоу свой гонимому, какъ Авдїй—сынамъ Пророческимъ; иный упокоилъ странника, какъ Лоть—Ангеловъ; иный снабдилъ нуждающихся, какъ Іовъ—просящихъ у него. И какъ облагодѣтельствованные, — если одинъ скажетъ: «такой-то сталъ моимъ помощникомъ», и если другїй скажетъ: «сталъ моимъ прибежищемъ, а его снабдителемъ», — говоря это означаютъ не начало бытія и не сущность облагодѣтельствовавшихъ, но самое благодѣяніе, оказанное ими нуждающимся: такъ, когда Святые говорятъ о Богѣ: *бысть и буди*, означаютъ не какое-либо начало бытія (потому что Богъ безначаленъ и несотворенъ), но содѣланное Имъ спасеніе человекамъ. Поелику же такъ понимаемъ сие; то слѣдуетъ удерживать тотъ-же смыслъ, какъ-скоро и о Сынѣ сказается: *бысть и буди*. Посему, слыша и

сказанное: *бывъ лучший Ангеловъ и бысть* не должны мы предполагать какое-либо начало бытію Слова, и вовсе не представлять Слова единымъ изъ сотворенныхъ, разумѣть же сказанное Павломъ о служеніи и домостроительствѣ, когда Слово стало человѣкомъ. Ибо когда *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іов. 1, 14.), когда пришло Оно послужить и даровать всѣмъ спасеніе; тогда Оно бысть намъ спасеніе, бысть намъ жизнь, бысть намъ очищеніе, тогда домостроительство Его о насъ содѣлалось лучшимъ ангельскаго, и Слово стало путемъ, стало воскресеніемъ. И какъ сказанное: *буди ми въ Бога защитителя* означаетъ не происхожденіе сущности самого Бога, но, по объясненному выше, Его челолюбіе; такъ и теперь изреченія: *лучшій бывъ Ангеловъ, и: бысть, и: потолику лучшаго бысть испоручникъ Исусъ* означаютъ не сущность Слова сотворенную (да не будетъ сего!), но оказанное намъ вочеловѣченіемъ Его благодѣяніе, хотя еретики и пребудутъ неблагодарными и упорными въ нечестіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО АѢНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	<i>Стр.</i>
Защитительное слово Аѣнасія , Архіепископа Александрійскаго, предъ Царемъ Констанціемъ.	5
Защитительное слово, въ которомъ Св. Аѣнасій оправдываетъ бѣгство свое во время гоненія, произведеннаго дукомъ Сиріаномъ.	45
Посланіе къ брату Серапіону.	74
Посланіе.	75
Посланіе Епископа Аѣнасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ о томъ , что сдѣлано аріанами при Констанціѣ.	78
На аріанъ слово первое.	158
— — слово второе.	255
— — слово третье.	380
— — слово четвертое.	478

О П Е Ч А Т К И.

		<i>напечатано.</i>	<i>должно читать.</i>
<i>стр.</i>	<i>стр.</i>		
45	7	свер. Лаодинн	Лаодикия
56	10	— и не станутъ	не станутъ
67	6	— отваживались	отважились
71	11	снизу съ повѣствованіемъ	повѣствованіемъ
103	15	— Медиокагъ	Медиолавъ
114	4	— жа	же
126	14	свер. Феликситиму	Филикиссиму
128	6	снизу Поелику всъ	Всъ
135	8	свер. сообразное	сообразное
138	7	— пѣвицы	пѣвицы
160	8	снизу учителям	учителями.
168	9	свер. всякое	всякое
182	15	снизу а давать	и давать
192	7	свер. измѣняемъ	не измѣняемъ
211	5	снизу имѣюмъ	имѣютъ
260	7	— первоначальнаго	правильнаго
274	10	свер. <i>разумѣйте</i>	<i>разумѣете</i>
292	10	снизу составляетъ	сопоставляетъ
320	14	— имена	Имена
—	12	— имена	Имена
322	15	свер. Притчахъ	притчахъ
370	3	— воспріиметь	восприметь
372	8	снизу Слово	слово
374	2	свер. <i>премудро</i>	<i>премудръ</i>
392	11	— <i>Иисусъ</i>	<i>Иисусъ Христъ</i>
395	10	снизу образомъ	Образомъ
405	13	свер. называетъ	называете
437	10	— ежели прежде	а прежде
442	11	— названіе	незнаніе
462	10	снизу въ Немъ	Имъ
—	8	— руководство и церковное	руководство Церковное
465	5	— призошли и силы	призошла и сила

087

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

АѢАНАСІА,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

—•••••
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
—•••••

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1852.

281.1
АТ 3536

v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 7 дня, 1859 года.

*Цензоръ, Московской Духовной Академіи
Инспекторъ Архимандритъ Сергій.*

НА АРІАНЪ СЛОВО ВТОРОЕ.

Думалъ я, что защитники аріанства удовольствуются тѣми противъ нихъ обличеніями и доводами истины, какіе предъ симъ были изложены, и успокоившись, раскаются, наконецъ, въ томъ, что и мудрствовали и говорили о Спасителѣ худо. Но они (не знаю, почему) все-еще не приходятъ въ стыдъ, и какъ свиньи и псы, валяясь въ своей блевотинѣ и тинѣ, еще болѣе изобрѣтаютъ себѣ вымысловъ злочестія. Не понимая ни того, что написано въ Притчахъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. 8, 22.), ни того, что сказано Апостоломъ: *вѣрна суща Сотворшему Его* (Евр. 3, 2.), упорно стоятъ въ томъ, что Сынъ Божій есть произведеніе и тварь. Если не вовсе утратили они чувства: то изъ сказаннаго прежде достаточно могли видѣть, что, по засвидѣтельствованію истины, Сынъ не изъ не-сущихъ и вовсе не изъ числа вещей созданныхъ; потому что, какъ Богъ, не можетъ Онъ быть произведеніемъ, и непозволительно—именовать Его тварію; а только тварямъ и произведеніямъ приличны такія выраженія:

это изъ не-сущаго, и: сего не было, пока не рождено. Поелику же, какбы боясь отступить отъ своихъ вымысловъ, выставляютъ, по обычаю, на видъ приведенныя выше изреченія божественныхъ Писаній, которыя имѣютъ добрый смыслъ, но ими перетолкованы худо; то, повторивъ значеніе сихъ изреченій, какъ утвердимъ сіе въ памяти вѣрныхъ, такъ аріанамъ даже наждымъ изъ сихъ изреченій докажемъ, что вовсе не знаютъ они христіанства.

187.
57.
29.
46.
23.
0.

А если бы знали, то не затворяли бы себя въ невяріе нынѣшнихъ іудеевъ; но спросили бы, и услышали, что *въ началѣ бы Слово, и Слово бы къ Богу, и Богъ бы Слово* (Іоан. 1, 1.); когда же, по благоволенію Отца, само Слово стало человѣкомъ, тогда справедливо сказано о Немъ Іоанномъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 13.); и Петромъ: *Господа и Христа Его сотворилъ есть* (Дѣян. 2, 36); и Соломономъ какбы отъ лица самого Господа: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*; и Павломъ: *толико лучшій бывъ Ангеловъ* (Евр. 1, 4.); и еще: *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. 2, 7.); и также: *тѣмже, братіе святая, званія небеснаго причастницы разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего Иисуса, вѣрна суща Сотворшему Его* (Евр. 3, 1. 2.). Всѣ таковыя изреченія имѣютъ одну и туже силу, одну благочестную мысль, показывающую и Божество Слова и сказуемое о Немъ по человѣчеству; потому что Слово стало и сыномъ человѣческимъ.

Хотя и сего достаточно къ опроверженію аріанъ: но поелику, не разумѣя сказаннаго Апостоломъ (упомяну объ этомъ прежде), по причинѣ написаннаго:

вѣрна суца Сотворителю Его, думаютъ, что Божіе Слово есть произведеніе; то почель я необходимымъ снова вразумить утверждающихъ это, какъ сказано было нами и прежде, у нихъ же заимствовавъ главное положеніе.

Если Слово—не Сынъ: то пусть нарицается произведеніемъ; пусть и о Немъ сказуется все сказуемое о произведеніяхъ; пусть не Оно одно нарицается и Сыномъ, и Словомъ, и Премудростію; и самъ Богъ пусть именуется не Отцемъ, а только Зиждителемъ и Творцемъ Своихъ созданій; пусть, какъ тварь будетъ образомъ и начертаніемъ зиждительнаго Отчаго изволенія, такъ самъ Отецъ, по словамъ ихъ, не имѣетъ раждающаго естества; и потому, нѣтъ ни Слова, ни Премудрости, ни вообще Образа собственной Отчей сущности. Ибо если нѣтъ Сына, то нѣтъ и Образа.

А если нѣтъ Сына, то почему говорите, что Богъ есть Творецъ, когда все созидаемое приводится въ бытіе чрезъ Слово и Премудростію, и ничто не пришло въ бытіе безъ Слова; по вашему же мнѣнію нѣтъ у Бога, чрезъ Кого и Кѣмъ творить Онъ все? Если, по мнѣнію аріанъ, самая Божія сущность не плодоносна, но бесплодна, какъ несвѣтящій свѣтъ и сухой источникъ; то почему не стыдятся они утверждать, что Богъ имѣетъ зиждительную силу? И почему, отъемля то, чтѣ—отъ естества, не краснѣютъ, когда хотятъ предпочесть то, чтѣ—отъ изволенія? А если Богъ, изволяя, чтобы имѣло бытіе и то, чтѣ внѣ Его, и чтѣ прежде не существовало, и зиждетъ сіе, и дѣлается Творцемъ сего; то гораздо прежде можетъ Онъ быть

Отцемъ Раждаемаго отъ собственной Его сущности. Если приписываютъ Богу изволеніе о бытіи не-сущаго; то почему же не признаютъ въ Богъ того, что предваряетъ сіе изволеніе? Предваряетъ же сіе изволеніе — имѣть Богу сродное естеству и быть Отцемъ собственнаго Своего Сына. Поэтому, если бы, по ихъ неразумному разсужденію, не было въ Богъ перваго, что — отъ естества, то какъ могло бы въ Немъ быть второе, что — отъ изволенія? Первое же есть Слово, а второе — тварь.

Но, хотя злочестивые осмѣлятся еще больше вопіять противъ сего: у Бога есть Слово: потому что Словомъ приведена въ бытіе тварь. И явно, что Богъ, какъ Творецъ, имѣетъ и зиждительное Слово не отънѣ, но собственно отъ Себя. Ибо опять должно повторить то же. Если Богъ имѣетъ изволеніе, и изволеніе Его есть творческое, и одного изволенія Его достаточно, чтобы состоялись твари; Слово же Его есть творческое и зиждительное: то несомнѣнно, что Слово сіе есть живая Отчая воля, существенная дѣйственность, истинное Слово, Которымъ все и состоялось, и прекрасно управляется. Никто не можетъ усумниться, что Приводящій въ стройность — первоначальнѣе и самой стройности и приводимаго въ стройность, и что, какъ сказалъ я прежде, для Бога созидать есть второе, первое же — раждать; потому что раждаемое есть Сынъ, собственно и истинно сущій отъ оной блаженной и всегда существующей Сущности; а созидаемое по изволенію сей Сущности приходитъ въ бытіе, составляясь отънѣ, и зиждется собственнымъ отъ сущности Божіей сущимъ Рожденіемъ.

Итакъ, поелику въ словѣ семъ показана великая несообразность такого положенія, будто бы Слово—не Сынъ Божій, но произведеііе; то необходимо уже исповѣдать съ нами, что Господь есть Сынъ. А если Онъ—Сынъ, что и дѣйствительно; о Сынъ же исповѣдуются, что Онъ не отънѣ, но отъ Родшаго: то пусть, по сказанному прежде, не спорятъ о реченіяхъ, если о самомъ Словѣ вмѣсто реченія: *Родшему* святые употребляютъ реченіе: *Сотворшему*, какъ-будто бы реченіе сіе безразлично съ первымъ, пока исповѣдуются то, что согласно съ естествомъ. Ибо реченія не уничтожаютъ естества; скорѣе же, естество прѣмѣняетъ значеніе присвояемыхъ ему реченій. Реченія—не первоначальныя сущностей; но сущности суть первое, а реченія—второе по нихъ. Почему, когда сущность есть произведеііе или тварь; тогда реченія: *сотворилъ*, *сталъ*, и *создалъ*, сказуются о тваряхъ въ собственномъ смыслѣ, и означаютъ произведеііе; а когда сущность есть рожденіе и сынъ, тогда реченія: *сотворилъ*, *сталъ* и *создалъ*, употребляются о сынѣ уже не въ собственномъ смыслѣ, и не означаютъ произведеііа; но вмѣсто реченія: *родилъ* иной безъ различія употребляетъ и реченіе: *сотворилъ*.

Такъ отцы нерѣдко рожденныхъ ими сыновей именуііютъ своими рабами, и тѣмъ не отрицаііютъ подлинности рожденія; нерѣдко же, выражая благорасположеніе къ рабамъ своимъ, называютъ ихъ чадами, и вмѣстѣ съ тѣмъ не скрываютъ, что издавна обладаютъ ими. Въ первомъ случаѣ, какъ отцы, говорятъ они по власти; а во второмъ даютъ именованіе по человѣколюбію. Сарра называетъ

Авраама господиномъ, хотя она—не раба, но супруга. Апостоль раба Онцсима какъ брата сблизилъ съ владѣтелемъ его Филимономъ. Вирсавія, будучи матерью, назвала сына рабомъ, говоря отцу; Соломона, раба твоего (3 Цар. 4, 19.); потомъ и Пророкъ Нааванъ, вошедши, согласно съ Вирсавіею, сказалъ Давиду: *Соломона раба твоего* (26). И они не затруднились назвать сына рабомъ; потому что и отецъ, слыша сіе, призналъ его сыномъ, и они, говоря это, знали, что Соломонъ—сынъ, и достойнымъ наслѣдства по отцъ признавали того, кого именовали рабомъ; ибо по естеству былъ онъ Давидовъ сынъ.

Посему, какъ читающіе это о Соломонѣ понимаютъ правильно, и слыша, что именуется онъ рабомъ, признаютъ его не рабомъ, но по естеству и подлиннымъ сыномъ: такъ, если и о Спасителѣ Который истинно исповѣдуется Сыномъ, и по естеству есть Слово, говорятъ святые: *вѣрна суща Сотворшемъ Его*; если самъ Онъ говоритъ о Себѣ: *Господь созда Мя, и: Азъ раба Твой, и сынъ рабыми Твоея* (Псал. 115, 7.), и все тому подобное; то да не отрицаютъ посему иные того, что собственно принадлежитъ Ему отъ Отца, но пусть объ Отцъ и Сынъ, какъ о Соломонѣ и Давидъ, держатся первоначальнаго разумѣнія. Ибо если, слыша, что Соломонъ названъ рабомъ, признаютъ его сыномъ; то не справедливо ли многократно погибнуть тѣмъ, которые не удерживаютъ тогоже разумѣнія и о Господѣ; но когда слышатъ, что именуется Рожденіемъ, Словомъ, Премудростію, — стараются перетолковать сіе, и отрицаютъ преискреннее по есте-

ству рожденіе Сына отъ Отца ; когда же слышатъ реченія и выраженія приличныя произведенію, — тотчасъ готовы признать Сына произведеніемъ по естеству, и отрицать бытіе Слова, тогда-какъ, зная, что Сынъ содѣлался человѣкомъ, всѣ таковыя реченія могутъ относить къ Его человѣчеству? Не мерзкими ли оказываются они предъ Господомъ, имѣя у себя *сугубый вѣсъ* (Притч. 20, 23.), и по одному вѣсу выводя сказанное выше заключеніе, а по другому хуля Господа?

Но, можетъ быть, соглашаются они, что реченіе: *рабъ* употреблено какбы по благорасположенію ; останавливаются же на реченіи: *Сотворшему*, какъ на великомъ какомъ-то пособіи для ихъ ереси.

Впрочемъ и сія опора ихъ есть трость сокрушенная. Ибо вскорѣ сами себя осудятъ, если только изучатъ словоупотребленіе Писанія. Какъ Соломонъ называется рабомъ, хотя онъ и сынъ ; такъ (повторимъ опять сказанное прежде), если родители рожденныхъ ими сыновъ называютъ творимыми, создаемыми, бывшими, то симъ нимало не отрицаютъ ихъ естества. Езекиа, по написанному у Исаи, сказалъ въ молитвѣ: *отъ днесь бо дѣти сотворю, аже возвѣстятъ правду Твою, Господи спасенія моего* (Исаи 38, 19.). И самъ онъ сказалъ: *сотворю* ; а Пророкъ въ тойже книгѣ, и въ четвертой книгѣ Царствъ, говоритъ такъ: *и сыны твои, аже изыдутъ изъ тебе* (4 Цар. 20, 16. Исаи 39, 7.). Слѣдовательно, Езекиа сказалъ: *сотворю* вмѣсто *рожду*, и раждаемыхъ имъ именууетъ какбы творимыми ; и никто не спорить, что реченіе сіе употреблено о рожденіи естественномъ. И Ева, родивъ

Каина, говорила: *стяжашъ* челоуька богомъ (Быт. 4, 1.). Она сказала: *стяжашъ* вмѣсто *родила*. Ибо видѣла прежде рожденіе свое, а потомъ присовокупила: *стяжашъ*; и изъ сказаннаго ею: *стяжашъ* никто не заключить, что Каинъ купленъ у другихъ, а не ею рожденъ. И патриархъ Іаковъ сказалъ Іосифу: *нынѣ убо два сына твоя, иже быша тебѣ въ земли египетскѣй прежде пришествія моего къ тебѣ во Египетъ, мои суть, Ефремъ и Манассіа* (Быт. 48, 5.). И объ Іовъ Писаніе говоритъ: *быша ему сынове седмь, и дщери три* (Іов. 1, 2.); какъ и Моисей говорилъ въ Законъ: *если будутъ у кого сыны и: если сотворишь сына.*

Вотъ и о рожденныхъ говорили, что они были и сотворены, зная, что, какъ-скоро признаются сынами, нѣтъ разности, если и скажетъ кто: *быша*, или *стяжашъ*, или *сотвори*; потому что мысль сама собою останавливается на ествѣ и дѣйствительности. Поэтому и спрашивающихъ: не тварь ли и не произведеніе ли Господь? надобно прежде спросить: не Сынъ ли Онъ, не Слово ли, не Премудрость ли? Когда послѣднее рѣшено будетъ утвердительно: тогда немедленно отринется и уничтожится мысль, что Онъ — произведеніе и тварь; потому что не можетъ произведеніе быть сыномъ и словомъ, и сынъ — произведеніемъ.

Если же сіе такъ; то явное опять въ этомъ для всѣхъ доказательство, что выраженіе: *Сотворшему Его* служить не въ пользу, а болѣе въ осужденіе аріанской ереси. Ибо оказывается, что реченіе: со-

творилъ въ божественномъ Писаніи употребляется о подлинныхъ по естеству чадахъ. Почему, какъ-скоро доказано, что Господь есть Сынъ по естеству и Сынъ преискривній, явствуетъ изъ сего, что, если и сказается о Немъ: *сотвори*, или *бысть*, то скажется не какъ о произведеніи; напротивъ же того, святые употребляютъ реченіе сіе безразлично, какъ и о Соломонѣ, и объ Езекиинныхъ чадахъ. И о тѣхъ, которые сами родили ихъ, написано: *сотвори*, и *спяжахъ*, и *бысть*.

Поэтому богоборцы, которые неоднократно выставляли въ предлогъ подобныя реченія, въ-слѣдствіе сказаннаго должны, хотя современемъ, отложить злочестивое мудрованіе, и мудрствовать о Господѣ, что Онъ есть истинный Сынъ, Слово и Отчая Премудрость, а не произведеніе, не тварь. Ибо если Сынъ есть произведеніе; то какимъ словомъ и какою премудростію произведенъ Онъ? Всѣ созданія приведены въ бытіе Словомъ и Премудростію, какъ написано: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 113, 24.); и: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.). А если Сынъ есть это Слово и эта Премудрость, Которою все производится: то Онъ уже не въ числѣ творимыхъ и вообще приводимыхъ въ бытіе, но есть Отчее рожденіе.

Смотрите, какая погрѣшность — называть произведеніемъ Божіе Слово. Соломонъ въ одномъ мѣстѣ Екклесіаста говоритъ: *все твореніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво* (Еккл. 12, 14.). Ужели же и Слово, если Оно произведеніе, по вашимъ словамъ, приведено будетъ на судъ? И гдѣ наконецъ судъ, когда судится Судія?

Кто воздастъ праведнымъ благословенія, а недостойнымъ наказанія, когда, по вашимъ словамъ, и Господь предстанетъ со всѣми на судъ? По какому закону судимъ будетъ самъ Законодатель? Созданіямъ свойственно это—быть судимыми, пріять отъ Сына благословеніе и наказаніе. Убойтесь наконецъ Судіи, убедитесь Соломоновымъ словомъ. *Если все твореніе приведетъ Богъ на судъ; а Сынъ не въ числѣ судимыхъ, но гораздо болѣе Самъ есть Судія всѣхъ твореній: то не ясте ли солнца дѣлается, что Сынъ—не произведеніе, но Отчее Слово, Которымъ и производятся и судятся творенія?*

Если же арианъ смущаетъ опять написанное: *вѣрна суца*, и полагаютъ они, что какъ о всѣхъ, такъ и о Сынъ сказуется: *вѣрна суца*, потому что Онъ, вѣруя, пріемлетъ мзду вѣры; то посему слѣдуетъ имъ укорить также и Моисея, который говоритъ: *Богъ вѣренъ* и истиненъ (Второз. 32, 4.), и Павла, который пишетъ: *вѣренъ Богъ, Иже не оставитъ васъ искутитися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 13.). Но говоря это, святые не представляли себѣ о Богѣ чего-либо человеческого; напротивъ того, знали, что слово: *вѣрный* имѣетъ въ Писаніи двоякое значеніе, а именно: *вѣрующій* и: *достойный вѣры*; и первое значеніе приличествуетъ людямъ, а второе — Богу. Вѣренъ Авраамъ, потому что повѣрилъ глаголющему Богу; вѣренъ же Богъ, потому что, какъ воспѣваетъ Давидъ, *вѣренъ, то-есть достоинъ вѣры, Господь во всѣхъ словесехъ Своихъ* (Псал. 144, 13.), и невозможно Ему солгать. *И аще кто вѣрна имать вдовицы* (1 Тим. 5, 16.); то вѣрною называется за то, что право вѣруетъ. *Слово же вѣрно* (1 Тим.

3, 1.) потому, что обязываемся вѣрить сказанному; ибо это истинно, и не можетъ быть иначе. Посему и написанное: *вѣрна суца Сотворшему Его* не уподобляетъ Сына другимъ, и значитъ не то, что Онъ, вѣруя, сталъ благоугоденъ, но то, что, какъ Сынъ истиннаго Бога, вѣренъ Онъ, и мы обязываемся вѣрить Ему во всемъ, что сказалъ и содѣлалъ Онъ, пребывая непреложнымъ и неизмѣняемымъ даже въ человѣческомъ домостроительствѣ и явленіи во плоти.

Такимъ образомъ, иный, продолжая борьбу съ безстыдствомъ арианъ, и однимъ симъ реченіемъ: *сотвори* можетъ уличить ихъ, что заблуждаются они, признавая Божіе Слово произведеніемъ. Поелику же написанное имѣетъ правильный смыслъ, показывая, какое время означается реченіемъ: *сотвори*, и о чемъ оно сказано; то необходимо и симъ доказать неразуміе еретиковъ, особливо если, по сказанному прежде, взяты будутъ нами во вниманіе и время и потребность написаннаго. Итакъ, Апостолъ сказалъ сіе, разсуждая не о времени, предшествовавшемъ твари, но о времени, когда *Слово плоть бысть*. Ибо такъ написано: *тѣмже, братіе овятая, званіа небеснаго причастницы, разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего Иисуса, вѣрна суца Сотворшему Его*. Когда же Онъ посланъ? Не тогда ли, какъ облекся въ плоть нашу? Когда сталъ Святителемъ исповѣданія нашего? Не съ того ли времени, какъ принесъ Себя за насъ, воскресилъ изъ мертвыхъ тѣло, и приходящихъ къ Нему съ вѣрою Самъ донынѣ приводитъ и приносить ко Отцу, всѣхъ избавляя и за всѣхъ умиловляя Бога? Не сущность

Слова и не естественное рожденіе отъ Отца желалъ означить Апостоль, когда сказалъ: *вѣрна суца Сотворшему Его*. Да не будетъ сего! Слово есть творящее, а не творимое. Означаетъ же Апостоль снисшествіе Слова къ чловѣкамъ и совершенное Имъ святительское служеніе, что всякій хорошо можетъ видѣть изъ исторіи Закона и Аарона. Такъ, Ааронъ раждається не первосвященникомъ, но чловѣкомъ, и современемъ, когда угодно стало Богу, дѣлается первосвященникомъ, дѣлается же не просто, не въ обычныхъ являясь одеждахъ, но облакаясь въ ефудъ, въ слово и въ подирь, по Божію повелѣнію сдѣланный женами, и въ сихъ облаченіяхъ входя во Святая, приносить Богу жертву за народъ, и служитъ въ семъ какбы посредникомъ между Божіимъ видѣніемъ и чловѣческими жертвами. Такъ и Господь въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Когда же благоволилъ Отець, чтобы давъ Онъ былъ въ искупительную цѣну за всѣхъ, и всѣмъ дарована была благодать, тогда, какъ Ааронъ облакался въ подирь, такъ и Слово пріяло на Себя плоть отъ земли, имѣвъ матерью по тѣлу, вмѣсто невоздѣланной земли, Марію, чтобы Ему, какъ Святителю, имѣя у Себя приносимое, Себя самого принести ко Отцу, и собственною Своею кровію всѣхъ насъ очистить отъ грѣховъ и воскресить изъ мертвыхъ.

Сѣнію сего было ветхозавѣтное; и что совершилъ пришеши Спаситель, то по Закону въ сѣняхъ изображаетъ Ааронъ. Ааронъ, будучи одинъ и тотъ же, не измѣнялся, когда возлагалъ на себя первосвятительскую одежду; но, пребывая однимъ и тѣмъ же, прикрывался только сею одеждою. И если кто,

увидѣвъ его приносящаго жертву, говорилъ: «вотъ Ааронъ сталъ сегодня первосвященникомъ»: то не означалъ смѣ, что въ этоже время сталъ Ааронъ и человѣкомъ, потому что человѣкомъ былъ онъ прежде, нежели сталъ первосвященникомъ; выражалъ же только, что Ааронъ содѣлался первосвященникомъ въ служеніи, облекшись въ устроенныя и уготованныя первосвященству одежды. Такимъ же образомъ можно и о Господѣ правильно представлять себѣ, что, пріявъ на Себя плоть, не сталъ Онъ инымъ, но будучи одинъ и тотъже, прикрылся плотію; и реченія: *сталъ, сотворенъ, слѣдуетъ* понимать не въ томъ смыслѣ, что сотворено само Слово, какъ Слово, но въ томъ, что Слово — Звждитель всего въ-послѣдствіи содѣлалось святителемъ, облекшись въ созданное и тварное тѣло, которое и можетъ принести за насъ, почему и сказуется сотвореннымъ. Поэтому, если Господь не содѣлался человѣкомъ; то пусть спорятъ аріане. Если же Слово *плоть бысть*; то о Словѣ, содѣлавшемся человѣкомъ, что надлежало сказать, кромѣ сего: *вѣрна суца Сотворшему Его?* Какъ о Словѣ свойственнѣе всего говорить: *въ началѣ бѣ Слово*; такъ человѣку свойственно содѣлаться и быть сотвореннымъ. И о Господѣ, видя, что ходитъ Онъ какъ человѣкъ, а въ дѣлахъ являетъ Себя Богомъ, не всякій ли могъ спросити: кто сотворилъ Человѣка сего? И опять, не всякій ли могъ отвѣтити на сіе: Отецъ сотворилъ Человѣка сего, и послалъ Его намъ Святителемъ?

И самъ Апостолъ, написавшій: *вѣрна суца Сотворшему Его*, всего болѣе можетъ уяснить такую мысль, показать время и лице, если возьмемъ

261. 272.

256

во вниманіе сказанное имъ прежде. Ибо рѣчь идетъ въ одной связн, и чтеніе продолжается объ одномъ и томъ же. Итакъ, въ Посланіи ко Евреямъ пишеть ояъ слѣдующее: *Понеже убо дѣти приобщившася крови и плоти, и Той приискренихъ приобщившася тѣхъ же, да смертію упразднитъ и мущаго державу смерти, сирѣчь, діавола, и избавитъ силъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работь. Не отъ Ангелъ бо когда приѣмлетъ, но отъ съмене Авраамова приѣмлетъ: отнюдуже долженъ бѣ по всему подобитися братіи, да милостивъ будетъ и вѣрнъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія. Въ немъ же бо пострада, Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи (Евр. 2, 14,—18.). Тѣмъ же, братіе святая, званія небеснаго причастницы, разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего Иисуса: вѣрна суща Сотворшему Его (3, 1. 2.). Кто, прочитавъ все сіе мѣсто, не осудитъ ариана, и не подивится блаженному Апостолу, такъ прекрасно выразившемуся? Ибо когда сотворенъ, когда сталъ Посланникомъ? Не тогда ли, какъ и Той приискренихъ приобщившася съ нами крови и плоти? И когда содѣлался милостивымъ и вѣрнымъ Первосвященникомъ? Не тогда ли, какъ по всему уподобился братіи? Уподобился же тогда, какъ сталъ человекомъ, облекшись въ нашу плоть. Слѣдовательно, Павелъ, пиша о домостроительствѣ Слова, по человечеству, а не о сущности Слова, сказалъ: *вѣрна суща Сотворшему Его.**

Поэтому, не безумствуйте болѣе, утверждая, что Слово Божіе есть произведеніе. Ибо Слово есть еди-

вородный по естеству Сынъ. И Сынъ тогда сталъ имѣть братій, когда облекся въ подобную нашей плоть, и принося ея Самъ въ лицѣ Своемъ, наименованъ Первосвященникомъ, и содѣлался милостивымъ и вѣрнымъ, — милостивымъ, потому что, принеши Себя за насъ, помиловалъ насъ; вѣрнымъ же не потому, что, подобно намъ, сталъ причастникомъ вѣры и увѣровалъ въ кого-либо, но потому, что мы обязаны вѣровать всему, что Онъ говоритъ и дѣлаетъ, и потому, что приноситъ Онъ жертву вѣрную, всегда пребывающую и непрестающую. Жертвы, приносимыя по Закону, не имѣли въ себѣ вѣрнаго, какъ переходившія съ каждымъ днемъ и снова имѣвшія нужду въ очищеніи; а жертва, принесенная Спасителемъ единожды, все совершила, и навсегда пребываетъ вѣрною. Ааронъ имѣлъ преемниковъ, и вообще, подзаконное священство перемѣняло прежнихъ священниковъ по времени и по смерти; Господь же, имѣя *непреступное* (Евр. 7, 24.) и непреемственное первосвященство, *вѣренъ* сталъ *первосвященникъ*, всегда пребывавъ, и содѣлавшись вѣрнымъ по обѣтованію, потому что внемлетъ приходящимъ къ Нему, и не вводитъ ихъ въ обманъ. И сіе можно видѣть также изъ Посланий великаго Петра, который говоритъ: *тѣмже и страждущи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадутъ души своя* (1 Петр. 4, 19.). Ибо вѣренъ не тотъ, кто премѣняется, но тотъ, кто всегда пребываетъ и воздаетъ, что обѣтовалъ.

У язычниковъ, такъ называемые ими, лжеименные боги невѣрны въ-отношеніи и къ бытію, и къ обѣтованіямъ; потому что они повсюдны, но, и мѣст-

но будучи чтимы, современемъ исчезаютъ и сами собою падаютъ. Потому и Слово взываетъ о нихъ, что вѣрность не укрѣпилась въ нихъ (Іер. 9, 3.), что они—вода лживая (Іер. 15, 18.), и: *нѣсть вѣры въ нихъ* (Второз. 32, 12.). Въ подлинномъ же смыслѣ единый и истинный Богъ всяческихъ вѣренъ; Онъ всегда одинъ и тотъже, и вѣщаетъ: *видите, видите, яко Азъ есмь* (Второз. 32, 39.), и *не измѣняюся* (Мал. 3, 6.). Потому и Сынъ Его вѣренъ, всегда пребываетъ, не измѣняется, не лживъ и по бытію, и въ обѣтованіяхъ, какъ опять говоритъ Апостолъ, пиша къ Фессалоникійцамъ: *вѣренъ Призавый насъ, Иже и сотворить* (1 Сол. 5, 24.). Поелику творить, что обѣтовалъ, то вѣренъ Глаголющій. А что реченіе сіе въ Посланіи ко Евреямъ означаетъ и неизмѣняемость, о семъ пишетъ такъ: *аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ, отрещи-ся бо Себе не можетъ* (2 Тим. 2, 13.). Следовательно, Апостолъ, ведя рѣчь о тѣлесномъ пришествіи Слова, справедливо говоритъ: *Посланника, и вѣрна суца Сотворшему Его*, показывая, что, и содѣлавшись человекомъ, *Исусъ Христосъ вчера и днесь тойже, и во вѣки* не измѣняется (Евр. 13, 8.).

И какъ Апостолъ въ Посланіи, по причинѣ перво-
священства, упоминаетъ о вочеловѣченіи Слова; такъ
опять не умалчиваетъ надолго, но вскорѣ упомина-
етъ и о Божествѣ Его, чтобы обезопасить насъ
со всѣхъ сторонъ, особливо когда говорятъ объ уни-
чиженіи, и чтобы намъ тотчасъ познать высоту и
Отчее величіе Слова. Посему, говоритъ: *Моисей —*
слуга, а Христосъ — Сынъ (Евр. 3, 5. 6.); *первый*
вѣренъ въ дому, а Христосъ есть Господь и Зиди-

тель самого дома, потому что Самъ устроилъ его, и, какъ Богъ, святитъ его. Моисей, человекъ по естеству, содѣлался вѣрнымъ, вѣруя Богу, глаголющему къ нему чрезъ Слово; Слово же было въ тѣлѣ не какъ единый изъ созданныхъ, не какъ тварь въ твари, но какъ Богъ во плоти, Творецъ и Строитель въ устроенномъ Имъ. Люди облакаются плотью, чтобы прійти въ бытіе и существовать; Божіе же Слово содѣлалось человекомъ, чтобы освятить плоть, и будучи Господомъ, было во образъ раба; потому что всякая тварь, будучи приведена въ бытіе и сотворена Словомъ, рабственна Слову. А изъ сего явно, что сказанное Апостоломъ *сотвори* представляетъ творимымъ не Слово, но пріятное Словомъ, нашему подобное, тѣло. Посему, содѣлавшись человекомъ, наименовалось Оно и нашимъ братомъ.

Если же доказано, что когда и употребляетъ кто о самомъ Словѣ реченіе: *сотворилъ*, употребляетъ оное вмѣсто реченія: *родилъ*; то какой еще вымысль могутъ изобрѣсти къ перетолкованію сего, когда слово наше, давъ реченію сему смыслъ во всѣхъ отношеніяхъ чистый, показало, что Сынъ — не произведеніе, но по сущности Отчее рожденіе, *домостроительственно же*, по благоволенію Отца, ради насъ сотворенъ и содѣлался человекомъ; почему и говорится у Апостола: *вѣрна суща Сотворшему Его*, и въ Притчахъ: *созда Мл.* Какъ-скоро исповѣдуемъ, что Сынъ содѣлался человекомъ, — можно, по замѣченному выше, безъ различія сказать о Немъ, что Онъ содѣлался, или сотворенъ, или созданъ, или образованъ, или есть рабъ, или сынъ рабыни, или сынъ человѣческой, или поставленъ, или отшелъ,

или есть женихъ, или братаничъ, или братъ; потому что всѣ сн реченія свойственны человѣческому состоянію, и подобныя симъ выраженія означаютъ не сущность Слова, но что Слово содѣлалось человѣкомъ.

237, 256, 281
Такой смыслъ имѣеть и приводимое также еретиками изреченіе изъ Дѣяній, когда Петръ говоритъ: *яко Господа и Христа сотворилъ есть сего Иисуса, Егоже вы распяте* (Дѣян. 2, 36.). Не написано здѣсь: сотворилъ Себѣ Сына, или: сотворилъ Себѣ Слово, почему еретики могли бы вообразить нечто подобное. А поэтому, если не забыли они, что разсуждаютъ о Сыне Божіемъ, то пусть отыщутъ, написано ли гдѣ: Богъ сотворилъ Себѣ Сына, или создалъ Себѣ Слово? Или еще написано ли гдѣ явно, что Сынъ Божій есть произведеніе или тварь? И тогда пусть укажутъ сіе, чтобы и въ этомъ случаѣ обличены были сн неразумныя. Если же не находятъ ничего подобнаго, берутъ же только тѣ мѣста, гдѣ написано: сотворилъ, или сотворенъ; то боюсь, что въ скоромъ времени, слыша: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), сотворилъ солнце и луну, сотворилъ море, скажутъ, что и небо есть Слово, что и свѣтъ, сотворенный въ первый день, есть Слово же, что и земли и каждая изъ сотворенныхъ вещей также есть Слово, и въ этомъ уподобятся наконецъ, такъ называемымъ, стонкамъ; потому что стонки самого Бога распространяютъ на все, а еретики Божіе Слово ставятъ на ряду съ каждою изъ тварей.

Хотя и прежде говорили еретики подобное, утверждая, что Слово есть одна изъ тварей; но пусть сно-

ва услышать тоже, и во-первыхъ пусть знаютъ, что Слово (о чемъ говорено было и прежде) есть Сынъ, а не произведение, и что подобныхъ речений не должно принимать о Божествѣ Слова, надлежитъ же входить въ изслѣдованіе, почему и въ какомъ смыслѣ написано это; и тогда, безъ сомнѣнія, для ищущихъ откроется человѣческое домостроительство, ради насъ пріятное на Себя Словомъ. Ибо и Петръ, сказавъ: *Господа и Христа Его сотворилъ всть*, тотчасъ присовокупилъ: *сего Иисуса, Егоже вы распяте*. И встѣмъ стало явно (да будетъ же явно и еретикамъ, если соблюдутъ послѣдовательность рѣчи!), что Апостоль сказалъ не о сущности Слова, но по человѣчеству наименовалъ Его сотвореннымъ. Ибо что распято? Не тѣло ли? Да и чѣмъ было Апостолу означить тѣлесное естество Слова, какъ не реченіемъ: *сотворилъ есть*? Притомъ же, сказанное здѣсь: *сотворилъ есть*, имѣетъ правый смыслъ. Ибо, по замѣченному выше, не сказалъ Апостоль: *сотворилъ Его—Слово*, но *Господа сотворилъ Его*, и не просто сотворилъ, но сотворилъ у васъ и среди васъ, а это тѣ же значить, что—содѣлалъ извѣстнымъ. И сіе самъ Петръ примѣтнымъ образомъ далъ выразить въ началѣ первой сей проповѣди, когда сказалъ: *мужіе израилстїи, послушайте словесъ сихъ: Иисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ силами и чудесы и знаменїи, яже сотвори Тѣмъ Богъ посредь васъ, якоже сами вѣсте* (Дѣян. 2, 22.). Итакъ, выраженное въ концѣ реченіемъ: *сотворилъ*, въ началѣ выразилъ Апостоль словами: *сдѣлалъ извѣстнымъ*; потому что знаменїями и чудесами, какія сотворилъ Господь, извѣствовано, что

Христосъ не просто есть человекъ, но Богъ во плоти и самъ Господь. Подобно сему сказанное въ Евангелии у Иоанна: *сего ради паче гониху Его иудеи: яко не токмо разорыше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равеня творя Богу* (Иоан. 5, 16. 18.). Ибо тогда Господь не представлялъ только Себя Богомъ (Онъ вовсе не есть притворяющій Себя Богомъ), но доказывалъ о Себѣ дѣлами, говоря: *аще Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте: да разумѣйте, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* (Иоан. 10, 38.). Такъ, Отецъ и Господа и Царя сотворилъ есть Его среди насъ и у насъ, которые прежде были непокорны Ему. И явно, что извѣствуемый теперь Господомъ и Царемъ, не Царемъ и Господомъ начинаетъ при семъ быть, а начинаетъ только показывать Свое господство и распространять оное и на непокорявшихъся.

Посему, если еретики думаютъ, что Спаситель не былъ Господомъ и Царемъ, пока не содѣлался человекомъ и не претерпѣлъ крестъ, но съ сего только времени началъ быть Господомъ; то пусть знаютъ, что явно повторяютъ они слова Самосатскаго. Если же, какъ изъясняли и говорили мы выше, Онъ—вѣчный Господь и Царь; потому что Авраамъ покланяется Ему, какъ Господу своему, и Моисей говоритъ: *и Господь одожди на Содомъ и Гоморръ жупель, и огонь отъ Господа съ небесе* (Быт. 19, 24.); и Давидъ воспѣваетъ: *рече Господь Господеву моему: спди одесную Мене* (Псал. 109, 1.), и: *престолю Твой Боже въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости жезлъ царствія Твоего* (Псал. 44, 7.), и: *царство Твое царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. 144, 13.): то

лвно , что прежде , нежели содѣлался человѣкомъ , былъ онъ вѣчнымъ Царемъ и Господомъ , какъ Отчій Образъ и Отчее Слово. А поелику Слово есть вѣчный Господь и Царь ; то явствуетъ еще , что не о сущности Сына сказалъ Петръ : *сотворилъ есть* , но о господствѣ Его надъ нами , пріятномъ Имъ на Себя , когда содѣлался человѣкомъ , и всѣхъ избавивъ крестомъ , сталъ Господомъ и Царемъ всѣхъ.

Если же , по причинѣ написаннаго : *сотворилъ есть* , еретики упорствуютъ , и по недоразумѣнію , или по христорборному своему произволенію , не хотятъ признать равнозначительными реченій : *сотворилъ* и *сдѣлалъ* извѣстнымъ ; то пусть слышать , что слова Петровы и въ этомъ случаѣ имѣютъ правый смыслъ. Кто дѣлается надъ кѣмъ-либо господомъ , тотъ подъ владычество свое пріобрѣтаетъ уже существующихъ. Если же Господь есть Зиждитель и вѣчный всѣхъ Царь , когда же содѣлался человѣкомъ , тогда пріобрѣлъ и насъ ; то и изъ сего явствуетъ , что сказуемое Петромъ и въ этомъ случаѣ означаетъ не то , будто бы сущность Слова есть произведеніе , но указываетъ на совершившееся въ-послѣдствіи подчиненіе всѣхъ Спасителю и на Его надъ всѣми господство. И сіе подобно изъясненному выше. Какъ тамъ предложили мы изреченія : *буди ми въ Бога защитителя* (Псал. 30, 3.) , и : *бысть Господь приближище убогому* (Псал. 9, 10.) , и слово показало , что изреченія сіи означаютъ не то , будто бы самъ Богъ приходитъ въ бытіе , но указываютъ на совершаемое Имъ каждому благодѣяніе : такъ и Петрово изреченіе имѣетъ тотъ же смыслъ.

Самъ Божій Сынъ , какъ Слово , есть Господь все-

ленной ; мы же , прежде нежели получили бытіе , изначала подлежали рабству тлѣнія и клятвѣ законной , потомъ , сами себѣ постепенно измысливъ не-сущее , какъ говоритъ блаженный Апостолъ , стали служить *не по естеству сущимъ богамъ* (Гал. 4, 8.) , не познавали Бога истиннаго , и не-сущее предпочитали истинѣ ; по напоследокъ , подобно тому , какъ древле возсталъ народъ обременяемый въ Египтѣ , и мы , имѣя въ себѣ насажденный законъ , съ неизглаголавными воздыханіями духа начали просить и говорить : *Господи Боже нашъ , стяжи ны* (Исаи 26, 13.) ; и Онъ сталъ намъ какъ бы *въ домъ прібытшища и въ Бога защитителя* , а такимъ образомъ содѣлался нашимъ Господомъ . Не Онъ возымѣлъ при семъ начало бытія , но мы начали имѣть Его Господомъ своимъ . Богъ , какъ благодѣй и какъ Отецъ Господа , всѣхъ помиловавъ и соблаговоливъ , чтобы всѣ узнали Его , творитъ наконецъ , что Сынъ Его облекается въ тѣло человеческое , содѣлывается человѣкомъ , и наименованъ Иисусомъ , чтобы , въ тѣмъ семъ принесши Себя за всѣхъ , освободить Ему всѣхъ отъ богонеразумія и тлѣнія , и Самому содѣлаться Господомъ и Царемъ всѣхъ . Но семъ-то , а именно , что такъ содѣлался Онъ Господомъ и Царемъ , Петръ сказалъ : *Господа и Христа Его сотворилъ* и послалъ *естъ* ; а сіе значитъ тѣ же , что Отецъ сотворилъ Его человѣкомъ ; потому что человѣку свойственно быть сотвореннымъ . Не просто же сотворилъ человѣкомъ , но сотворилъ , чтобы господствовать Ему надъ всѣми , и всѣхъ освятить помазаніемъ . Ибо , хотя сущее во образъ Божиемъ Слово пріяло на Себя рабскій зракъ ; однакоже , воспріятіе плоти не

поработило Слова, Которое по естеству есть Господь. Напротивъ того, совершенно Словомъ освобожденіе всего человѣчества, и само Слово по естеству Господь, содѣлавшись и человѣкомъ, чрезъ самый рабій зракъ содѣлывается Господомъ всѣхъ и Христомъ, именно же, для освященія всѣхъ Духомъ. И какъ Богъ, содѣлывался Богомъ защитителемъ и говоря : буду имъ Богомъ, не тогда наипаче содѣлывается и не тогда только начинаеть быть Богомъ, но чѣмъ всегда Онъ есть, тѣмъ, какъ-скоро угодно Ему, бываеть и для имѣющихъ въ томъ нужду : такъ и Христось, по естеству вѣчный Господь и Царь, не тогда, какъ посылаеться, наипаче содѣлывается Господомъ, и не въ это время начинаеть быть Господомъ и Царемъ ; но чѣмъ всегда Онъ есть, тѣмъ творится тогда и по плоти, и всѣхъ избавивъ, въ семь уже отношеніи дѣлается Господомъ живыхъ и мертвыхъ. Ибо Ему, наконецъ, служебно все ; и сіе-то самое воспѣваетъ Давидъ : *рече Господь Господеву моему : сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. 109, 1.). Искупленію прилично было совершиться не чрезъ другаго кого, но чрезъ Того, Кто Господь по естеству, чтобы намъ, сотвореннымъ чрезъ Сына, не имѣовать Господомъ инаго, и не впасть въ аріанское и языческое неразуміе, послуживъ твари наче создавшаго всяческаго Бога.

Таковъ смыслъ сего изреченія по немощному моему разумѣнію. У Петра была истинная и добрая причина говорить такъ іудеямъ. Ибо іудеи, уклонившись отъ истины, хотя ожидаютъ пришествія Христа, но не думаютъ, что Христось претерпитъ

страданіе , и говорятъ , чего сами не понимаютъ : «мы знаемъ, что, когда придетъ Христосъ , пребудетъ во плоти: како Ты глаголеши, вознеси́ся Ему подобаетъ (Іоан. 12, 34.)? Сверхъ того, предполагаютъ, что Христосъ—не Слово пришедшее во плоти , но простой есть человекъ , каковы были всѣ цари. Посему-то Господь, вразумляя Клеопу и бывшего съ нимъ , научалъ ихъ , что Христу сперва подобаше пострадати (Лук. 24 , 26.) ; а прочіихъ іудеевъ вразумляя , что Пришедшій есть Богъ , говорятъ имъ : *аще оныхъ рече боговъ , къ нимже слово Божіе бысть , и не можетъ разоритися Писаніе : Егоже Отецъ святи и посла въ міръ , въ глаголете , яко хулу глаголеши , зане рѣхъ , Сынъ Божій есмь* (Іоан. 10, 35. 36.). Посему Петръ , научившись сему у Спасителя , и въ томъ и другомъ (*) наводя іудеевъ на истинное разумніе , говоритъ : «Божественныя Писанія возвѣщаютъ вамъ , іудеи, что грядетъ Христосъ. И хотя вы почитаете Его простымъ человекомъ , какъ единаго изъ потомковъ Давидовыхъ ; однакоже, написанное о Немъ даетъ разумѣть, что Онъ не таковъ , какъ вы утверждаете. Напротивъ же того, Писанія возвѣщаютъ, что Онъ—Господь и Богъ , безсмертенъ и Податель жизни. Ибо Моисей сказалъ : узрите животъ вашъ вислицъ предъ очима вашима (Второз. 28, 66.), а Давидъ въ 109 псалмѣ говоритъ : *рече Господь Господеви моему : съди одесную Мене , дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (ст. 1.), и въ 15 псалмѣ:

(*) Что Христу надлежало пострадать , и что Онъ— во плоти пришедшій Богъ.

не оставиши душу Мою во адъ, ниже даси Преподобному Твоему видѣти истлѣнія (ст. 10.). А что таковыя изреченія относятся не къ Давиду, объ этомъ самъ онъ свидѣтельствуеть, называя грядущаго Господомъ своимъ. Да и сами вы видите, что Давидъ умеръ, и останки его у васъ. Но что Христу должно быть такимъ, какъ изображаютъ Его Писанія, въ этомъ, безъ сомнѣнія, согласитесь и вы. Богомъ изречены словеса сіи, и въ нихъ не можетъ быть лжи. Поэтому, если можете сказать, что Предсказанный пришелъ еще прежде, и можете доказать знаменіями и чудесами, какія совершены симъ приходившимъ, что онъ Богъ; то въ-правъ вы спорить съ нами. А если не можете доказать, что Онъ уже пришелъ, но донынѣ еще ожидаете Его: то освѣдомитесь у Данила о времени; потому что сказанное Данииломъ относится къ настоящему времени. Если же настоящее время есть то самое, которое предвозвѣщено издревле, и видѣли вы, что совершилось у насъ нынѣ: то познайте, что сей Иисусъ, *Егоже вы распяте*, есть ожидаемый Христосъ; потому что Давидъ и всѣ Пророки умерли, и гробы всѣхъ ихъ у васъ. Совершившееся же нынѣ воскресеніе показало, что написанное относится къ сему Иисусу. Ибо на распятіе указываютъ слова: узрите *животъ* вашъ *висящъ*; въ провзеніи копіемъ ребра исполнилось сказанное: *яко овча на заколеніе ведеса* (Исаи 53, 7.). А что Онъ не только воскресъ, но и древнихъ мертвецевъ воздвигъ изъ гробовъ (какъ весьма многіе изъ васъ видѣли это сами), то и сіе предсказано въ словахъ: *не оставиши душу Мою во адъ, и: пожре смерть возмогши, и пакы отъятъ Богъ* (Исаи

25, 8.). И это, что Имъ совершены таковыя бывшія у насъ знаменія , показываетъ , что Пришедшій во плоти есть Богъ , что Онъ есть жизнь и Господь смерти. Ибо Христу, Который даетъ жизнь другимъ, подобало Самому не *быти держиму* отъ смерти. Но сего не могло быть, если бы, какъ думаете вы, Христосъ былъ простой человекъ. Напротивъ того, Онъ есть Божій Сынъ, потому что всѣ люди подлежатъ смерти. Поэтому, никто уже да не сомнѣвается , но *твердо да разуметь* *всѣ домъ Израилевъ* (Дѣян. 2, 36.), что сей Исусъ , Котораго видѣли вы во образъ человека творящимъ знаменія и такія дѣла , какихъ никто никогда не творилъ , есть Христосъ и Господь всѣхъ. Содѣлавшись человекомъ и нареченъ будучи Исусомъ, какъ говорили мы и выше, не умаленъ Онъ человѣческими немощами, но въ томъ самомъ, что содѣланъ человекомъ , паншаче являетъ Себя Господомъ живыхъ и мертвыхъ. *Понеже бо , какъ сказалъ Апостоль , въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога , благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти спрующихъ* (1 Кор. 1, 21.). Поелпку мы люди не захотѣли познать Бога чрезъ Слово Его, и послужить Божію Словоу — Владыкъ нашему по естеству; то благоизволилъ Богъ явить въ человекъ господство Свое и всѣхъ привлечь къ Себѣ. Исприлично же было совершить сіе чрезъ простаго человека , чтобы , имѣя господомъ человека , не стали мы человекъ-поклонниками. По сему-то само *Слово плоть бысть* , и наречено Ему имя Исусъ ; и такимъ образомъ *Господа и Христа Его Отецъ сотворилъ есть* ; а сіе значитъ : сотворилъ, чтобы Онъ господствовалъ и царствовалъ, да

о плени Иисуса, Егоже вы распяте, какъ всякое колѣно поклонится, такъ и мы признаемъ самого Сына и Господомъ и Царемъ, а чрезъ Него познаемъ и Отца». Многіе изъ іудеевъ, слыша сіе, пришли въ себя, и признали наконецъ Христа, какъ написано въ Дѣянїяхъ.

Но поелику аріане рѣшаются оставаться іудеями и препираться съ Петромъ; то и имъ предложимъ таковыя же реченїя. Можетъ быть, хотя симъ вразумятся, узнавъ, что такія выраженїя обыкновенно употребляются въ божественномъ Писанїи. Что Христосъ есть вѣчный Господь и Царь, сіе явнымъ стало изъ сказаннаго предъ симъ, и никто не сомнѣвается въ этомъ; потому что, какъ Божїи Сынъ, подобенъ Онъ Богу; а какъ подобный Богу, безъ сомнѣнїя, Онъ и Господь и Царь. Ибо Самъ говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.). А что и сіе самое сказанное Петромъ: *Господа и Христа Его сотворилъ есть*, не значитъ, будто бы Сынъ есть произведеше, — можно видѣть изъ благословенїя Исаакова, хотя изображенїе сіе и слабо въ сравненїи съ тѣмъ, о чемъ у насъ рѣчь. Итакъ, Исаакъ сказалъ Іакову: *буди господинъ брату твоему* (Быт. 27, 29.); а Исаву: *вотъ, господина его сотворишь тебѣ* (37.). Если бы реченїе: *сотворишь* означало сущность и начало бытїи Іаковлева; то и въ этомъ случаѣ аріанамъ не надлежало бы даже помыслить что-либо подобнос о Божїемъ Словѣ; потому что Сынъ Божїи — не тварь, подобно Іакову; по крайней мѣрѣ, научившись сколько-нибудь у другихъ, могли бы они не предаваться болѣе своему безумїю.

Если же Исааковы слова относятся не къ сущности и не къ началу бытія, тогда-какъ Іаковъ по природѣ есть тварь и произведеніе; то не превосходятъ ли въ неистовствѣ самого діавола, когда то самое, чего, на основаніи подобныхъ реченій, не смѣютъ приписать и созданнымъ по естеству, прилагаютъ къ Божію Сыну, говоря: Онъ есть произведеніе? Исаакъ сказалъ: *буди*, и: *сотвори хъ*, означая симъ не начало Іаковлева бытія, и не сущность Іаковлеву; потому что сказалъ сіе, когда прошло болѣе тридцати лѣтъ отъ рожденія Іаковлева, разумѣлъ же власть, какую Іаковъ возымѣлъ надъ братомъ въ послѣдствіи. Тѣмъ паче Петръ выразился такъ, не означая симъ, что сущность Слова есть произведеніе; потому что исповѣдалъ уже Его Сыномъ Божіимъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 16.), но разумѣлъ и надъ нами по благодати сотворенное и собывшееся царство и господство Христово. Ибо, говоря сіе, не умолчалъ о вѣчномъ и Отческомъ Божествѣ Сына Божія; напротивъ же того, еще прежде сказалъ, что излілся на насъ Духъ; а подавать Духа со властью — не дѣло твари и произведенія, но Божій есть даръ; потому что твари освящаются Духомъ Святымъ, Сынъ же, не Духомъ освящаемый, но паче Самъ подающій всѣмъ Духа, показываетъ тѣмъ о Себѣ, что Онъ — не тварь, но истинный Отчій Сынъ. А поелику о Немъ же, подающемъ Духа, говорится, что Онъ сотворенъ; то значитъ, что сотворенъ у насъ Господомъ по человечеству, подаетъ же Духа, потому что Онъ есть Божіе Слово. Ибо всегда и былъ и есть какъ Сыномъ, такъ и Господомъ и Всецаремъ всѣхъ, во всемъ уподобляясь

Отцу, и имѣя все то, что имѣеть Отецъ, какъ ска-
залъ сіе Самъ (Іоан. 16, 15.).

Разсмотримъ наконецъ и сказанное въ Притчахъ :
Господь *созда* *Мя начало путей Своихъ въ дѣла*
Своя (Притч. 8, 22.); хотя доказаннымъ уже о Сло-
въ, что Оно—не произведение , всего болѣе доказы-
вается , что Оно—и не тварь ; потому что реченія :
произведение и тварь тождезначущи; почему и дока-
зательство , что Слово —не произведение , служитъ
также доказательствомъ , что Оно—и не тварь. И
иный подивится , что еретики вымышляютъ себѣ
предлоги къ нечестно , и не прѣходятъ въ стыдъ
послѣ каждаго сдѣланнаго имъ обличенія. Сперва
умыслили они обольщать людей простыхъ, спраши-
вая ихъ: не-сущаго ли изъ не-сущаго, или сущаго
сотворилъ Сущій? и имѣлъ ли ты сына, пока не ро-
диль его? Поелику же оказалось сіе непрочнымъ,
изобрѣли новый вопросъ : одно ли Несозданное, или
ихъ два? Потомъ обличенные и въ семь присово-
купили тотчасъ: свободенъ ли Сынъ, и измѣняемаго
ли Онъ естества? Но когда и сіе отринуто, —приду-
мали еще сказать : толико лучший бывъ Ангеловъ.
Поелику же истина обличила и сіе, то теперь уже ,
сводя вмѣстѣ все сіе, думаютъ утвердить ересь свою
реченіями : произведение и тварь. Ибо снова указы-
ваютъ на сіе , и не отступаютъ отъ своего зломы-
слия , различно измѣняя и превращая одно и то же,
чтобы обольстить имъ кого-нибудь хотя этимъ раз-
нообразіемъ. Правда, что сказанное досель всего бо-
лѣе показываетъ, сколько напрасенъ и сей ихъ умы-
селъ : однакоже , поелику повсюду повторяютъ они
изреченіе взятое изъ Притчей , и многимъ, незнаю-

нцмъ христіанской вѣры, кажется, будто бы слова ихъ не безъ значительности, то необходимо особо пзсмѣловать реченіе: созда, какъ разсмотрѣли изреченіе: вѣрна суца Сотворишему Его, и тѣмъ показать, что какъ во всемъ, такъ и въ этомъ, нѣтъ у нихъ въ основаніи ничего, кромѣ одной мечты.

И сперва посмотримъ, что вначалѣ, когда пзобрѣтасма была имп ересь, представляли они блаженной памяти Александру. Тогда писали: «тварь, но не какъ одна изъ тварей; произведеніе, но не какъ одно изъ произведеній; рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій». Пусть же всякій обратитъ вниманіе на коварство и хитрость этой ереси. Примѣтивъ горечь своего зломудрія, усиливается она прикрасить себя правдоподобіемъ реченій. Высказываетъ свое мудрованіе, а пиенно: «Сынъ—тварь»; и вмѣстѣ почитаетъ возможнымъ утанъся, говоря: «но не какъ одна изъ тварей». Лучше же сказать, написавъ это, ересь сія еще болѣе обличила тѣмъ свое злочестіе. Ибо если, по словамъ вашимъ, Сынъ точно тварь; то почему же лицемѣрите, говоря, но не какъ одна изъ тварей? Если точно Онъ—произведеніе, то почему же не какъ одно изъ произведеній? Въ этомъ и можно видѣть ядъ ереси. Говоря: Онъ—рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій, въ одинъ рядъ ставитъ многихъ сыновъ, и учитъ, что Господь есть одинъ изъ нихъ. Такъ, по словамъ ихъ, Онъ уже не единородный, но какъ единный изъ многихъ братій именуется и рожденіемъ и Сыномъ. Какая же нужда въ лицемѣрїи, называть Его тварію, и говорить, что Онъ—не тварь? Если и присовокупите: не какъ одна изъ тварей; то подобное ваше ухищреніе

окажется неразумнымъ ; потому что вы же опять называете Его одною изъ тварей , и что иный сказалъ бы о другихъ тваряхъ , то вы , подлинно *буи и слѣпѣи* (Матѳ. 23 , 17.) , мудрствуете и о Сынѣ . Ибо какаѣ иная тварь такова же , каковою создана всякая другая , чтобы утверждать вамъ сіе о Сынѣ , какъ нѣчто исключительное ? Вся видимая тварь создана въ шесть дней ; и въ первый созданъ свѣтъ , который и *нарекъ Богъ день* (Быт. 1 , 5.) ; во второй создана твердь ; въ третій Богъ , собирая во едино воды , явилъ сушу , и произвелъ на ней различные плоды ; въ четвертый сотворилъ солнце и луну , и весь звѣздный сонмъ ; въ пятый создалъ животныхъ въ морѣ и птицъ въ воздухъ ; въ шестый сотворилъ четвероногихъ живущихъ на землѣ , и наконецъ человека . И *невидимая Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть* (Рим. 1 , 20.) . И свѣтъ не то , что ночь ; солнце не то , что луна ; безсловесныя животныя не то , что разумный человекъ ; ангелы не то , что престолы , и престолы не то , что власти . Напротивъ того , хотя всѣ они — твари , однакоже , каждая созданная вещь по роду , въ собственной сущности своей , какою сотворена , такою есть и пребываетъ .

Посему , Слово или пусть будетъ исключено изъ числа произведеній , какъ Творецъ , возвращено Творцу , и исповѣдуются по естеству Сыномъ , или , если Оно точно есть тварь , пусть будетъ признано состоящимъ въ томъ же числѣ , въ какомъ и прочія твари относительно другъ къ другу . Пусть каждая изъ нихъ наименована будетъ тварію , но , не какъ одна изъ тварей , рожденіемъ или произведеніемъ ,

но не какъ одно изъ произведеній или рожденій. Ибо реченія: рожденіе и произведепіе признали въ тождественными, написавъ: рожденнаго или сотвореннаго. Хотя по сравненію съ другими тварями Сынъ преимуществуетъ, но тѣмъ не менѣе Онъ — тварь, какъ и прочія твари. Ибо и въ самыхъ по естеству тваряхъ можно найти, что одніе предъ другими преимуществуютъ. *Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41.). И всѣ прочія твари сравнительно одна съ другою имѣютъ разность. Однакоже, по этому самому одніе не господствуютъ, а другія не рабобпствуютъ совершеннѣйшимъ; одніе не служатъ причинами творящими, и другія не создаются первыми; напротивъ того, всѣ имѣютъ одно свойство — быть производимыми и творимыми, сами въ себѣ исповѣдуютъ своего Зиждителя, какъ воспѣваетъ Давидъ: *небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь* (Псал. 18, 2.); какъ и мудрый Зоровавель говоритъ: *вся земля истину призываетъ и небо оную благословляетъ, вся дѣла трясутся и трепещутъ* (2 Ездр. 4, 36.). А если вся земля воспѣваетъ и благословляетъ Создателя и истину, и трепещетъ; Создатель же земли есть Слово, и Самъ въщаетъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.): то, конечно, Слово—не тварь, но единственное собственное Отчее Слово. Имъ все устроится, и Оно воспѣвается всѣми, какъ Зиждитель, о чемъ само Оно говоритъ: *блѣхъ у Него устроая* (Притч. 8, 29); и: *Отець Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.). Реченіе же досель показываетъ, что Слово, какъ Слово, вѣчно пребываетъ во Отцѣ. Ибо

Слову свойственно—совершать дѣла Отця, и быть не внѣ Отца.

—Если же, что дѣлаетъ Отецъ, то дѣлаетъ и Сынъ, и что созидаетъ Сынъ, то есть и Отчее созиданіе; но Сынъ есть дѣло и созиданіе Отца: то Сынъ, или будетъ самъ Себя производить, и самъ Себя творить (потому что тоже самое, что дѣлаетъ Отецъ, есть дѣло и Сына), а это нелѣпо и невозможно, или, творя и дѣлая, что дѣлаетъ Отецъ, Самъ не будетъ ни дѣломъ, ни тварію, чтобы Ему, будучи творящею причиною, въ числѣ прочаго творимаго не оказаться творящимъ и то, чѣмъ содѣлался самъ Онъ, вѣрнѣе же сказать, чтобы не оказаться неспособнымъ творить. Ибо если, по словамъ вашимъ, произошелъ Онъ изъ не-сущаго; то какъ возможно Ему содѣлывать сущимъ не-сущее? Если же созидаетъ тварь, Самъ будучи тварію; то и о каждой твари должно будетъ представлять то же, а именно, что и ова можетъ созидать. Но если соглашаетесь на сіе; то какая потребность въ Словѣ, когда низшія твари могли получить бытіе отъ тварей высшихъ, или и вообще, каждая созданная вещь могла вначалѣ услышать отъ Бога: да будетъ! или: да созиждется! и такимъ образомъ создалась каждая тварь? Но сего нѣтъ въ Писаніи; сіе и невозможно; потому что ничто созданное не есть причина творящая. Все приведено въ бытіе Словомъ, но и Слово не произвело бы всего, если бы Само было въ числѣ тварей. Не могутъ созидать и Ангелы, потому что и они твари, хотя и держатся такой мысли Валентинъ, Маркіонъ и Василидъ, и вы дѣлаетесь ихъ ревнителями. И солнце,

будучи тварію, никогда ничего не приведетъ изъ небытія въ бытіе, и человекъ не создастъ человека, и камень не измыслитъ камня, и дерево не возраститъ дерева. Напротивъ того, Богъ образуетъ человека во чревѣ матернемъ, поставляетъ горы, даетъ ростъ дереву; а человекъ, по способности приобрѣтаетъ познаніе, слагаетъ, обдѣлываетъ сіе вещество, и, какъ научился, обрабатываетъ уже существующее, довольствуется же тѣмъ однимъ, что это имъ сдѣлано; и сознавая природу свою, если имѣетъ въ чемъ нужду, проситъ о томъ Бога.

Посему, если и Богъ производитъ и слагаетъ изъ готоваго вещества (таково языческое мудрованіе, и по оному Бога можно будетъ назвать только художникомъ, а не Творцемъ); то пусть и Слово обрабатываетъ сіе же вещество, по Божію вѣлѣнію и услуживая Богу. Если же Богъ не-сущее призываетъ въ бытіе Словомъ Своимъ; то Слово не въ числѣ не-сущихъ и призываемыхъ; иначе, должны будемъ искать инаго слова, которымъ и Оно призвано; потому что не-сущее приведено въ бытіе Словомъ. И если Богъ Имъ созидаетъ и творитъ, то само Оно не въ числѣ создаемыхъ и творимыхъ, но паче, есть Слово зяждущаго Бога. И о семъ Словѣ изъ дѣлъ Отца, совершаемыхъ самимъ Словомъ, познается, что Оно во Отцѣ, и Отецъ въ Немъ, что видѣвшій Его видѣлъ и Отца, потому что Слову принадлежитъ сущность Отца, и Сынъ по всему подобенъ Отцу. Какъ Богъ созидаетъ чрезъ Сына, если Онъ—не Отчее Слово и не Отчая Премудрость? И какъ будетъ Сынъ Словомъ и Премудростію, если не есть собственное рожденіе

Отчей сущности, но Самъ произошелъ изъ не-сущихъ? Когда всѣ вещи изъ не-сущаго и суть твари, а также и Сынъ, по словамъ еретиковъ, есть одна изъ тварей, вѣкогда несуществовавшихъ; почему Онъ одинъ открываетъ Отца? Почему никто другой, кромѣ единаго Сына, не знаетъ Отца? Ибо если Сыну, будучи тварию, возможно познать Отца: то пусть познается Отецъ и всѣми, соответственно мѣрѣ каждаго существа; потому что всѣ они, подобно Сыну, суть произведенія. Если же созданнымъ невозможно ни видѣть, ни познавать, напротивъ того, Божіе лицезрѣніе и вѣдѣніе превосходитъ силы всѣхъ тварей; ибо самъ Богъ сказалъ: никтоже узрѣтъ лице Мое, и живъ будетъ (Исх. 33, 20.); и Сынъ говорилъ: никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ (Матѣ. 11, 27.): то не одинаково съ вещами сотворенными будетъ Слово, Которое одно познаетъ и одно видитъ Отца, какъ изрекло само Оно: не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо Сый отъ Отца (Іоан. 6, 46.); и: никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, хотя и не такъ кажется сіе Арію. Почему же позналъ одинъ Сынъ, если не Онъ одинъ есть собственный Отчій Сынъ? Почему былъ бы собственнымъ Отчимъ Сыномъ, если Онъ — тварь, а не истинный Сынъ отъ Отца?

Ради благочестія нетягостно будетъ и много разъ повторить одно и тѣже, а именно: нечестиво — думать, будто бы Сынъ есть одинъ изъ всѣхъ, а также хульно и неразумно — утверждать, будто бы Онъ — тварь, но не какъ одна изъ тварей, — произведеніе, но не какъ одно изъ произведеній, — рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій. Почему Сынъ

не какъ одно изъ всего этого, если, по словамъ ихъ, Его не было, пока не рожденъ? Ибо тварямъ и произведеніямъ свойственно — не быть, пока не приведены въ бытіе, и происходить изъ ничего, хотя бы и преимуществовали предъ другими славою; потому что и всѣ прочія твари окажутся въ этомъ отношеніи различествующими между собою, какъ усматривается сіе въ тваряхъ видимыхъ. Но если, по мнѣнію еретиковъ, Сынъ былъ тварь и произведеніе, но не какъ одна изъ тварей, потому что отличенъ отъ нихъ славою; то Писанію надлежало бы означить и показать Его превосходство сравнительно съ иными тварями, надлежало бы на примѣръ сказать, что Онъ выше Архангеловъ, честиѣ Престоловъ, свѣтлѣ солнца и луны, выше неба. Но теперь сего о Немъ не означается. Отецъ же показываетъ, что Онъ собственный и единственный Его Сынъ, говоря: *Сынъ Мой еси Ты* (Псал. 2, 7.), и: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъже благоволихъ* (Матѳ. 3, 17.).

Потому и служили Ему Ангелы, какъ не одинаковому съ ними, и покланяются Ему не какъ высшему по славъ, но какъ неодинаковому со всѣми тварями, и съ ними самими, единому и собственному по сущности Отчему Сыну. А если бы покланялись Ему, какъ превосходящему славою: то и каждый изъ низшихъ долженъ былъ бы поклоняться превосходящему его. Но сіе не такъ; тварь не поклоняется твари; поклоняется же рабъ Владыкѣ, и тварь Богу. Петръ Апостоль Корнилию, который хотѣлъ поклониться ему, возбраняетъ сіе, говоря: *и азъ человекъ есмь* (Дѣян. 10, 27.). И Ангель въ

откровеннѣи Іоанну, когда хотѣлъ поклониться ему, также возбраняетъ сіе, говоря: *Виждь, ни: клеветя твой есмь и братіи твоя Пророковъ, и соблюдающихъ словеса книги сая. Богу поклонися* (Апок. 22, 9.). Слѣдовательно, поклоненіе принадлежитъ единому Богу; и это знаютъ самыя Ангелы. Хотя и превосходятъ другихъ славою, но всѣ они—твари, и не приѣмлютъ поклоненія, но сами поклоняются Владыкѣ. Когда отецъ Сампсоновъ Маной хотѣлъ принести жертву Ангелу,—Ангель возбранилъ ему, говоря: не мнѣ, но Богу принеси (Суд. 13, 16.). Господу же поклоняются и Ангелы; ибо написано: *и да поклоняются Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6.); и всѣ народы, какъ говоритъ Исаія: *утрудися Египеть, и купли египетскія, и саваимстїи мужи висоцни къ Тебѣ придуть, и Тебѣ будутъ раби, и въ-слѣдъ за симъ: и поклоняются Тебѣ, и въ Тебѣ помолятся, яко въ Тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развъ Тебе* (Исаіа 45, 14.). Приѣмлетъ Онъ и учениковъ поклоняющихся, и удостовѣряетъ ихъ о Себѣ, Кто Онъ, говоря: не вы ли глаголете *Мя Учителя и Господа? и добръ глаголете, есмь бо* (Іоан. 13, 13.). И когда Ѳома говоритъ Ему: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28.),—позволяетъ ему говорить сіе, даже приѣмлетъ сказанное, не возбраняя ему; потому что, какъ говорятъ другіе пророки и какъ воспѣваетъ Давидъ, Онъ есть *Господь силъ* (Псал. 47, 9.), Господь Саваоѣ, что значитъ, Господь воинствъ, Богъ истинный и Вседержитель, хотя аріанамъ и нестерпимо слышать сіе. Ему не поклонялись бы, и не было бы о Немъ сказано сего, если бы Онъ былъ въ числѣ тварей.

Теперь же, поелику Онъ—не тварь, но собственное рожденіе сущности достопоклоняемаго Бога и Сынъ по естеству ; то поклоняются Ему и вѣрують, что Онъ, какъ и Отецъ, есть Богъ, Господь воинствъ, Властитель и Вседержитель. Ибо Самъ сказалъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. 16, 15.). Сыну же свойственно имѣть принадлежащее Отцу и быть таковымъ, чтобы въ Немъ созерцаемъ былъ Отецъ, чтобы Имъ было все сотворено, въ Немъ совершалось и утверждалось спасеніе всѣхъ.

Чтобы обличеніе ереси арианъ еще болѣе было явственно, хорошо будетъ спросить у нихъ и о семъ: поелику всѣ существа суть твари, и всѣ они приведены въ бытіе изъ ничего, а по словамъ вашимъ, и самъ Сынъ есть тварь и произведеніе, и одинъ изъ несуществовавшихъ нѣкогда ; то почему же Имъ однимъ все сотворилъ Богъ, и *безъ Него ничтоже бысть*? Или, почему, когда говорится: *все*, представляетъ себѣ всякій, что реченіемъ: *все* не Сынъ означается, но означаются сотворенныя вещи? Когда же Писанія говорятъ о Словѣ,—всякій опять представляетъ, что Слово не въ числѣ означаемыхъ реченіемъ: *все*, но со Отцемъ составляетъ Того, Кѣмъ Отецъ промышляетъ о всемъ, содѣлываетъ и творитъ спасеніе всѣхъ, хотя и всѣ существа могли бы получить бытіе по тому же повелѣнію, по которому и Слово получило бытіе отъ единого Бога? Богъ не утруждается, повелѣвая, не до того немогъ къ совершенію всего, что единого Сына могъ сотворить Онъ одинъ, къ созиданію же прочихъ существъ имѣлъ нужду въ содѣйственникѣ и помощникѣ—Сынѣ. Безъ укосненія приходитъ въ бы-

тіе все, чѣмъ ни восхоцеть Богъ. Напротивъ того, едва восхотѣлъ Онъ, какъ все совершилось, и никто не воспротивился волю Его. Итакъ, почему и все не пришло въ бытіе по тому повелѣнію единого Бога, по которому пришелъ въ бытіе Сынъ? Или, пусть скажутъ: почему Сыномъ *вся быша*, хотя и самъ Сынъ созданъ?

Отъ аріанъ можно ожидать всякаго неразумія; на сіе впрочемъ скажутъ: «Богъ, восхотѣвъ создать тварную природу, видѣлъ, что она не можетъ пріять на себя ничѣмъ не умѣряемой Отчей руки и Отчей зпждительной силы, потому, первоначально одинъ производитъ и творитъ Единого только, и Его именуеть Сыномъ и Словомъ, чтобы, при Его посредствѣ, Имъ могло уже прійдти въ бытіе и все прочее. Сіе не говорили только, но осмѣлились и написать Евсевій, Аріій и приносившій жертвы Астерій. Какъ же за это не осудить ихъ кому-либо въ совершенномъ злочестіи, когда, съ великимъ неразуміемъ растворивъ себѣ оное, и упиваясь имъ до такой мѣры, не стыдятся они истины? Если въ томъ предположеніи, что Богъ утрудился бы произведеніемъ иныхъ тварей, говорятъ, что самъ Онъ сотворилъ одного Сына: то вся тварь возопіеть на нихъ, произносящихъ о Богѣ недостойное Бога; возопіеть и Исаія, говоря въ Писаніи: *Богъ вѣчный, устроившій концы земли, не взалчетъ, ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости Его (Исаія 40, 28.)*. Если же Богъ, какбы признавая для Себя недостойнымъ творить все прочее, сотворилъ единого Сына, сотворить же прочее поручилъ Сыну, какъ помощнику: то и сіе недостойно Бога;

потому что въ Богъ нѣтъ киченія. Впрочемъ, разумитъ ихъ Господь, говоря: *Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ? И ниедина отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца вашего небеснаго (Матѣ. 10, 29.); и еще: не пецытеся душою вашею, что ясте, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся: не душа ли болшии есть пищи, и тѣло одежды? Возрите на птицы небесныя, яко не съютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучшии ихъ есте? Кто же отъ васъ пекийся можетъ приложити возрасту своему лакоть единый? И о одежди что печетеся: смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей слави облечеся, яко единый отъ нихъ. Аще же спно сельное днесъ суще, и утръ въ пець вметаемо, Богъ тако одѣваетъ, не много ли паче васъ маловѣри (Матѣ. 6, 25—30.)? Если не недостойно Бога промышлять о вещахъ даже столько маловажныхъ, о волосахъ на головѣ, о воробѣ и о снѣ сельномъ; то не было недостойно Бога и произвести сіе. Ибо о чемъ промышляетъ, то и творитъ собственнымъ Словомъ Своимъ. Иначе, утверждающіе это впадутъ въ большую несообразность; потому что тварей отдѣлятъ отъ самого дѣла творенія, и одно назовутъ дѣломъ Отца, а другое — дѣломъ Сына. Необходимо, или и всему вмѣстѣ съ Сыномъ получить бытіе отъ Отца, или, если все сотворенное приходитъ въ бытіе чрезъ Сына, не говорить, что и Сынъ есть одинъ изъ сотворенныхъ.*

Сверхъ сего, иный станетъ обличать ихъ мало-

смысліе и такимъ еще образомъ. Если и Слово есть тварнаго естества ; то почему, когда естеству сему нестерпимо быть непосредственнымъ Божіимъ дѣломъ, изъ всего сотвореннаго одно Слово, какъ вы говорите, могло получить бытіе отъ несозданной и пречистой Божіей сущности ? Необходимо, или, поелику возможно сіе Слово, имѣть ту же возможность и всему естеству, или, поелику невозможно естеству, не имѣть сей возможности и Слово ; потому что и Оно, по словамъ вашимъ, есть одно изъ существъ сотворенныхъ. Еще же, если, по невозможности естеству сотворенному быть непосредственнымъ Божіимъ дѣломъ, была нужда въ посредникѣ : то, поелику Слово создано и есть тварь, и при Его созданіи, по всей необходимости, нужно было посредство ; потому что и само Слово включается въ томъ же сотворенномъ ествѣ, которое не можетъ быть причастнымъ Божіа дѣланія, но имѣетъ потребность въ посредствѣ. А если и для Слова найдется какое посредство ; то и для сего посредства потребенъ опять иной посредникъ ; и такимъ образомъ, восходя и допытываясь помысломъ, отыщется иной великую толпу стекающихся посредниковъ ; въ-слѣдствіе же сего невозможно будетъ и состояться твари ; потому что она всегда требуетъ для себя посредника, а этотъ посредникъ не можетъ прійти въ бытіе безъ другаго посредника, такъ-какъ всѣ они созданнаго естества, которое, какъ утверждаете вы, не можетъ быть причастнымъ дѣланія единаго Бога. Поэтому, какого неразумія исполнены аріане, когда и для того, чтѣ пришло въ бытіе, признають невозможнымъ прійти въ бы-

тіе! Или, можетъ быть, донынѣ ища посредника, воображаютъ они, что все сіе и не приходило еще въ бытіе. Ибо, по такому нечестивому и буему разумнію ихъ, не могутъ состояться твари, пока не отыскано будетъ посредство.

Но возражаютъ: «Вотъ и чрезъ Моисея Богъ извелъ народъ изъ Египта, чрезъ него далъ законъ, хотя Моисей и человекъ. Поэтому, возможно подобному приходитъ въ бытіе посредствомъ подобнаго». Говорить это прилично было бы имъ, закрывъ себѣ лице, чтобы не понести великаго стыда. Моисей посланъ былъ не созидать, не призвать въ бытіе не-сущее, не сотворить подобныхъ ему человекъ, но послужить только словомъ предъ народомъ и предъ Царемъ Фараономъ. Въ этомъ же великая есть разность: служить свойственно созданнымъ, какъ рабамъ, а созидать и творить принадлежатъ единому Богу и собственному Его Слову и Премудрости. Поэтому, при созданіи никто не найдетъ инаго, кромѣ единаго Божія Слова. Все произведено Премудростію, и безъ Слова ничто не приходило въ бытіе. На служенія не одинъ употребляется, но многіе изъ существъ всякаго рода, кого угодно бываетъ послать Господу. Ибо много Архангеловъ, много Престоловъ, Властей и Господствъ; тысячи тысячъ и тмы темъ предстоятъ служащихъ и готовыхъ быть посланниками; много Пророковъ, двѣнадцать Апостоловъ, и еще Павелъ, и самый Моисей не одинъ, но съ нимъ Ааронъ, и въ-послѣдствіи другіе семдесятъ исполнились Святаго Духа, и Моисею былъ преемникомъ Иисусъ Навинъ, а Иисусу Судіи, Судіямъ не одинъ, но мно-

гіе Цари. Посему, если бы и Сынъ былъ тварь и одинъ изъ созданныхъ, то надлежало бы многимъ быть подобнымъ сынамъ, чтобы Господу имѣть многихъ подобныхъ служителей, такъ-какъ много ихъ въ другихъ родахъ существъ. Если же не видно сего; а напротивъ того, тварей много, Слово же одно: кто не усмотритъ и изъ сего, что Сынъ отличенъ отъ всѣхъ и несравнимъ съ тварями, но есть собственный Отчій Сынъ? Посему, не многіа Слова, но только единое есть единого Отца Слово, единый единого Бога Образъ.

Но «вотъ», говорятъ, «и солнце только одно, и земля одна». Пусть скажутъ сіи несмысленные, что и вода одна, и огонь одинъ, и тогда услышатъ, что и каждое сотворенное существо одно есть по своей сущности, но въ-отношеніи къ служенію и дѣлу, какое поручается каждому, оно недостаточно и не удовлетворяетъ оному одно. Ибо рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ и между ноцію: и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта. Потомъ сказано: и сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ начала дне, и свѣтило меньшее въ начала ноци, и звѣзды. И положи я на тверди небеснѣй, яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и ноцію (Быт. 1, 14—17.). Вотъ, свѣтилъ много, а не одно солнце, и не одна луна. Но хотя каждое свѣтило по сущности одно, однакоже, у всѣхъ есть одно и общее служеніе; и недостатокъ каждаго восполняется другимъ, и потребность освѣщать удовлетворяется всѣми. Солнцу дана власть являться въ-продолженіе только

дня, а лунѣ ночью, звѣзды же вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ времена и годы, и каждое свѣтло служитъ знаменіемъ по требованію нужды. Такъ и земля не ко всему служить, а только къ произведенію плодовъ, и къ тому, чтобы поддерживать на себѣ животныхъ. А тверди назначено разлучать между водою и водою; на ней же утверждены и свѣтила. Такъ и огонь и вода со всѣми другими веществами получили бытіе, чтобы входить въ составъ тѣлъ. И вообще, ни одна изъ сотворенныхъ вещей не существуетъ отдѣльно, но всѣ онѣ, служа какбы членами другъ другу, составляютъ изъ себя какбы единое тѣло — міръ. Поэтому, если тоже предполагаютъ и о Сынѣ, почитая Слово частию цѣлаго, и частию безъ прочихъ частей недостаточною къ совершенію порученнаго Ему служенія; то всякій пусть мещетъ въ нихъ камнями. А если это явнымъ образомъ злочестиво; то да признаютъ, что Слово не изъ числа созданныхъ, но есть единственное собственное Отчее Слово, Зиждатель тварей.

Но еретики возражаютъ: «Слово есть тварь и единое изъ созданныхъ, научилось же созидать у Бога какъ у учителя и художника, и такимъ образомъ послужило научившему Богу».—Софистъ Астерій, какъ обучившійся отрекаться отъ Господа, отважился написать сіе, не примѣчая нелѣпыхъ изъ сего слѣдствій. Если и зиждительность есть нѣчто изучаемое; то пусть размыслить, не сказать ли имъ, что и самъ Богъ есть Зиждитель не по естеству, а по наукѣ, а потому можетъ лишиться зиждительности. Притомъ, если Премудрость Божія

приобрѣла зиждительность посредствомъ обученія ; то уже Премудрость ли Она, когда имѣеть нужду въ обученіи ? И что такое была Она, пока не обучилась ? Она не была еще Премудростію, поколику не доставало Ей ученія. Слѣдовательно, была чѣмъ-то пустымъ и несущественною Премудростію: имя же Премудрости получила въ-слѣдствіе преуспѣянія, и доколь будетъ Премудростію, пока сохранитъ, чему обучилась. Ибо что не отъ естества, но привзошло въ-слѣдствіе обученія, въ томъ современномъ можно и разучиться. Но о Божіемъ Словѣ говорятъ что-либо подобное сему, прилично не христіанамъ, а язычникамъ. Если зиждительность приобретається ученіемъ, по мнѣнію сихъ неразумительныхъ: то приписывается этимъ Богу и зависть и немощь;—зависть, потому что не научилъ созидать многихъ, чтобы окрестъ Его, какъ много Архангеловъ и Ангеловъ, такъ много было и зиждителей;—немощь же потому, что не могъ творить одинъ, но возымѣлъ нужду въ содѣйственникѣ, или въ помощникѣ, хотя доказано, что созданное естество могло получить бытіе отъ единого Бога, если только Сынъ, по словамъ ихъ созданный, могъ получить бытіе отъ единого Бога.

Но Богъ ни въ чемъ не имѣеть недостатка; да не будетъ сего! Самъ Онъ сказалъ: *исполненъ есмь* (Исаи 1, 11.). И въ-слѣдствіе ученія стало Зиждителемъ Слово, но, какъ Отчій Образъ и Отчая Премудрость, совершаетъ свойственное Отцу; и не для совершенія созданныхъ существъ сотворилъ Богъ Сына. Ибо вотъ и при Сынъ Отецъ оказывается еще дѣлающимъ, какъ говорятъ самъ Господь: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17.).

Если же Сынъ, по вашему мнѣнію, получилъ бытіе для того, чтобы содѣлано было происшедшее послѣ Сына; Отецъ же оказывается дѣлающимъ и при Сынѣ: то и въ этомъ отношеніи сотвореніе такового Сына, по вашему ученію, излишне. Сверхъ того, для чего Богъ, желая сотворить насъ, ищетъ посредника, какъ-будто недостаточно воли Его къ произведенію того, что угодно Ему? Писанія говорятъ: *вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. 113, 11.); и: *воли Его кто противится можетъ* (Римл. 9, 19.)? Если же и одной Его воли достаточно къ созданію всего; то опять потребность въ посредникѣ, по вашему ученію, излишня. Ибо нетвердымъ оказался и представленный вами примѣръ Моисея, солнца и луны.

А еще посрамить васъ и сіе. Если Богъ, желая сотворить созданное естество и размышляя о немъ самъ съ Собою, примышляетъ и творить, по вашему ученію, Сына, чтобы чрезъ Него создать насъ; то смотрите, какое нечестіе осмѣлились изречь вы. И во-первыхъ, оказывается изъ сего, что самъ Сынъ получилъ бытіе ради насъ, а не мы ради Него; ибо не мы сотворены ради Его, но Онъ творится ради насъ; почему, болѣе, нежели мы Ему, Онъ обязанъ намъ благодарностію, какъ и жена мужу. Ибо, говоритъ Писаніе, *не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. 11, 9.). А посему, какъ мужъ есть образъ и слава Божія, жена же слава мужу (7.); такъ мы—образъ Божій и во славу Божию получили бытіе, а Сынъ нашъ есть образъ и существуетъ для нашей славы; мы созданы для бытія, а Божіе Слово, по вашему ученію, творится не

для бытія, но, какъ орудіе, въ нашу потребу; по-этому, не мы отъ Него, но Онъ существуетъ въ-слѣдствіе нашей потребности. И допускающіе только мысль сію не превосходятъ ли мѣру всякаго безумія? Если для насъ получило бытіе Слово; то не прежде насъ Оно отъ Бога; потому что, не Его имѣя въ Себѣ, помышляетъ о насъ; но, насъ имѣя въ Себѣ, какъ говорятъ они, помышляетъ о Словѣ Своемъ. Если же сіе такъ; то, можетъ быть, Отецъ и не желалъ вовсе Сына, и не Его желая, сотворилъ Его; но насъ желая, ради насъ создалъ Его, потому что примыслилъ Его послѣ насъ. А такимъ образомъ, по ученію сихъ нечестивцевъ, излишенъ уже Сынъ, получающій бытіе, какъ орудіе, когда получаютъ бытіе тѣ, для которыхъ Онъ сотворенъ.

Если же единый Сынъ, какъ мощный, получилъ бытіе отъ единого Бога, а мы, какъ немощные, получили бытіе отъ Слова; то для чего же не о Немъ, какъ о мощномъ, но о насъ помышляетъ прежде Богъ? Или, почему Мощнаго не предпочитаетъ немощнымъ? Или, для чего, творя Его прежде, не помышляетъ о Немъ первомъ? Или, для чего, помышляя прежде о насъ, не насъ первыхъ производитъ, когда изволенія Его достаточно къ произведенію всего? Напротивъ того, хотя Его творитъ перваго, однакоже прежде помышляетъ о насъ, и насъ желаетъ прежде, нежели Посредника. Впрочемъ насъ, которыхъ желаетъ сотворить, и о которыхъ помышляетъ, именуетъ тварями; а Его, Котораго создаетъ ради насъ, называетъ Сыномъ и собственнымъ Своимъ наследникомъ. Между-тѣмъ надлежало бы именоваться лучше сынами намъ, ради которыхъ творитъ и Его;

или надлежало Богу помышлять прежде о Немъ, и Его желать, какъ дѣйствительнаго Сына, чрезъ Котораго творить и насъ всѣхъ. Вотъ что изрыгнуто и изблевано еретиками.

Не должно умалчивать и о томъ, какъ мудрствуетъ истина, но тѣмъ паче прилично—велегласно возвѣстить о семъ. Не ради насъ получило бытіе Божіе Слово, напротивъ же того, мы ради Его получили бытіе, и о Немъ создашася всяческая (Кол. 1, 16.). Не по нашей немощи, Онъ, какъ мощный, получилъ бытіе отъ единаго Отца, чтобы Имъ, какъ орудіемъ, создать Отцу и насъ. Да не будетъ сего! Не таково ученіе истины. Если бы угодно было Богу и не созидать тварей; тѣмъ не менѣе было Слово у Бога, и въ Немъ былъ Отецъ. Тварямъ невозможно было получить бытіе безъ Слова, потому и получили бытіе Имъ, что и справедливо. Поелику Слово есть собственный по естеству Сынъ Божіей сущности; поелику Оно отъ Бога и въ Богъ, какъ Само изрекло о семъ: то созданіямъ невозможно было не Имъ получить бытіе. Какъ свѣтъ освѣщаетъ все сіяніемъ своимъ, и ничто не освѣщалось бы безъ сего сіянія: такъ и Отецъ, какъ рукою, сдѣлалъ все Словомъ, и ничего не творить безъ Него. Поэтому, какъ предаль о семъ памяти Моисей, рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и: да соберется вода; и: да изведетъ земля; и: сотворимъ челоуька (Быт. 1, 3. 9. 24. 26.), какъ и святыи Давидъ воспѣваетъ: Той рече, и быша: Той повелъ, и создашася (Псал. 32, 8.). Не съ тѣмъ рече, чтобы, какъ у людей, услышалъ какой-либо помощникъ, и узнавъ волю глаголющаго, пошелъ и сдѣлалъ; это свойственно

тварямъ, о Словѣ же неприлично—такъ представлять себя или говорить; потому что Божіе Слово есть зиждительное и творческое; Оно есть Отчая воля. Посему, божественное Писаніе не сказало, чтобы слышавшій, какъ или какія твари должны получить бытіе по волѣ Отца, выслушалъ это и отвѣчалъ; но, сказавъ только: *рече Богъ: да будетъ*, присовокупило: *и бысть тако* (Быт. 1, 9.); потому что удобное Богу и помышленное Имъ немедленно приведено въ бытіе и совершено Словомъ. Когда Богъ повелеваетъ другимъ или Ангеламъ, или бесѣдуетъ съ Моисеемъ, или даетъ обѣтованіе Аврааму; тогда слышавшій отвѣтствуетъ, и одинъ говоритъ: *почесому уразумѣю* (Быт. 15, 6.)? другой: *избери иного* (Исх. 4, 13.), и еще: *аще вопросятъ мя, что имя Ему? что реку къ нимъ* (Исх. 3, 13.)? И Ангелъ, какъ сказалъ Захаріи: *сице глаголетъ Господь*, такъ самъ вопрошаетъ Господа: *Господи Вседержителю, доколь не имаша помиловати Иерусалима*. (Зах. 1, 12—17.)? и ожидаетъ услышать слова благія и утѣшительныя. Каждый изъ нихъ имѣетъ посредника—Слово и Божію Премудрость, извѣщающую о волѣ Отца. Когда же дѣлаетъ Богъ и Слово творить: тогда нѣтъ ни вопроса, ни отвѣта; потому что въ Словѣ Отецъ, и Слово во Отцѣ. Тогда достаточно восхотѣть, и совершается дѣло, такъ что извѣщеніемъ воли для насъ служить слово: *рече*, а слова: *и бысть тако*, обозначаютъ дѣло, совершенное Словомъ и Премудростію, въ Которой и заключена Отчая воля. И сіе опять: *рече Богъ* извѣстуется Словомъ. Ибо сказано: *вся Премудростію сотворишь еси* (Псал. 103, 24.), и: *Словомъ Господнимъ*

небеса утвердишася (Псал. 32, 6.), и: *единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тъмъ* (1 Кор. 8, 6.).

Изъ сего можно усмотрѣть, что ариане не съ нами препираются о ереси, но, повидимому, препираясь съ нами, возстаютъ на самое Божество. Если бы нашъ былъ гласъ, глаголющій: *Сей есть Сынъ Мой*; то обвиненіе наше было бы для нихъ неважно. А если это—гласъ Отца, и ученики слышали, самъ же Сынъ говоритъ о Себѣ: *прежде всѣхъ холмовъ рождаеть Мн* (Притч. 8, 25.); то не подобно ли баснословнымъ исполнамъ и ариане богоборствуютъ нынѣ, по слову Псалмопѣвца, имѣя *языкъ—мечъ остръ* на злочестіе (Псал. 56, 5.)? Не убоялись они Отчаго гласа, не уважили словъ Спасителя, не повѣрвали святымъ, хотя одинъ изъ нихъ пишетъ: *Иже сый сіяніе славы и образъ въпостаси Его* (Евр. 1, 3.), и: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.); и другой воспѣваетъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 85, 10.), и: *вся Премудростію сотворилъ еси*, и Пророки говорятъ: *и бысть слово Господне ко мнѣ* (Іер. 2, 1.), и Іоаннъ вѣщаетъ: *въ началъ бѣ Слово*; и Лука: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе* (Лук. 1, 2.), какъ и Давидъ еще говоритъ: *посли Слово Свое, и исцѣли я* (Псал. 106, 20.).

Все сіе предаетъ арианскую ересь повсюдному позору, даетъ же уразумѣть вѣчность Слова, и что Слово нечуждо Отчей сущности, но собственно ей принадлежитъ. Ибо кто когда видѣлъ свѣтъ безъ сіянія? Или, кто осмѣлится сказать, что образъ упо-

стаси чуждъ ей? Не паче ли, неистовъ помыслившій только, будто бы Богъ когда-либо былъ безъ Слова и безъ Премудрости? Писаніе представило намъ таковыя начертанія и таковыя образы, чтобы мы, поелику природа человѣческая не въ-состояніи постигнуть Бога, изъ оныхъ хотя отчасти и неясно, по мѣрѣ силъ своихъ, могли уразумѣть Его. И какъ къ познанію того, что Богъ есть и промышляетъ, достаточно твари: *отъ величества бо и красоты созданийъ сравнительно Рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. 13, 5.), и мы къ своему наученію не требуемъ отъ твари произносимыхъ словъ, но, внимая Писаніямъ, вѣруемъ, пріимъчая во всемъ этотъ порядокъ и эту стройность, познаемъ, что Онъ есть Творецъ, Владыка и Богъ всего, постигаемъ чудное Его о всемъ промышленіе и міроуправленіе: такъ, при достаточномъ свидѣтельствѣ о Божествѣ Сына приведенныхъ выше изреченій, излишнее, лучше же сказать, безумное дѣло—сомнѣваться и спрашивать съ еретиками: какъ можетъ Сынъ быть вѣчно? Или, какъ можетъ Онъ быть отъ Отчей сущности, и не быть частию? Быть отъ чего-нибудь значитъ быть частию этого чего-нибудь; а удѣленное не есть уже цѣлое.

Таковы велемудрыя злоухищренія иномысленныхъ. И какъ въ сказанномъ прежде предварительно обличили мы суесловіе ихъ въ этомъ, такъ и точный смыслъ сихъ изреченій и образовъ, употребленныхъ въ Писаніи, показываетъ намъ въ очеркъ мерзкое еретическое ученіе. Ибо въ Писаніяхъ видимъ всегда сущее Слово, сущее отъ Отца, собственно принадлежащее сущности Того, Чье Оно Слово, не имѣю-

щсе въ Себѣ ни предшествующаго, ни послѣдующаго. Видимъ сіяніе отъ солнца, собственно принадлежащее солнцу, нераздробляющее и неумалюющее солнечной сущности, такъ что и сущность пребываетъ всецѣлою, и сіяніе совершенно и всецѣло, не умаляетъ сущности свѣта, какъ истинное его рожденіе. Видимъ Сына не отънѣ, но отъ Отца раждаемаго, и Отца пребывающаго всецѣлымъ, Сына же всегда сущаго образомъ упостаси, сохраняющаго въ Себѣ сходство со Отцемъ и неизмѣнный Его образъ; почему, кто видитъ Сына, тотъ усматриваетъ въ Немъ и ту Упостась, Которой Онъ — Образъ, и по дѣйственности Образа уразумѣваетъ истинное Божество Упостаси. Сему уча, и самъ Спаситель сказалъ: *Отець во Мнѣ пребывай, Той творить дѣла, яже Азь творю* (Іоан. 14, 11. 12.), и: *Азь и Отець едино есма* (Іоан. 10, 30.), и: *Азь во Отцѣ, и Отець во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.). Поэтому, пусть христорборная ересь покусится сперва объяснить образы, взятые съ вещей сотворенныхъ, и сказать: «солнце было нѣкогда безъ сіянія, или: сіяніе не собственно принадлежитъ сущности свѣта, или, хотя и принадлежитъ, но происходитъ чрезъ отдѣленіе и есть часть свѣта». И еще, пусть объяснитъ происхожденіе Слова и скажетъ: «слово чуждо уму; или: не было сго нѣкогда; или: не собственно принадлежитъ оно сущности ума; или: слово есть отдѣльная часть ума». Пусть объяснится объ образъ, о свѣтъ и о силѣ, также какъ о словѣ и о сіяніи; и тогда уже пусть воображаетъ, чтд хочетъ. А если еретики не могутъ на сіе отважиться; то не велико ли ихъ безуміе — напрасно напрягать свои силы къ уразумѣнію пре-

вышающаго все созданное и собственную ихъ природу, и браться за невозможное?

Если и у сихъ созданныхъ и тѣлесныхъ существъ отыскиваются такія рожденія, что они суть не части сущностей, отъ которыхъ происходятъ, и не страдательно производятся, и не умаляютъ породившихъ сущностей; то не безумствуютъ ли опять еретики, когда въ безплотномъ и истинномъ Богѣ отыскиваютъ и предполагаютъ части и страданія, безстрастному и неизмѣняемому Богу приписываютъ раздѣленія, чтобы возмутить симъ слухъ людей простодушныхъ и отвратить ихъ отъ истины? Ибо кто, слыша слово: *Сынъ*, не представляетъ въ мысли собственно принадлежащаго Отчей сущности? И кто, при первоначальномъ оглашеніи, услышавъ, что Богъ имѣетъ Сына, и все сотворилъ собственнымъ Словомъ Своимъ, не въ такомъ принималъ это смыслъ, какъ мудрствуемъ теперь мы? И когда появилась мерзкая аріанская ересь, кто, услышавъ утверждаемое еретиками, не приходилъ тотчасъ-же въ изумленіе, что утверждаютъ они нечто чуждое, и посягаютъ несогласное съ ученіемъ, какое всѣяно въ нихъ вначалѣ? Вначалѣ же въ каждой душѣ всѣяно, что Богъ имѣетъ Сына—Слово, Премудрость, Силу, и это есть Его образъ и сіяніе. А изъ сказаннаго тотчасъ сами собою рождаются понятія: о бытіи всегда, о бытіи отъ Отца, о подобіи, о вѣчности рожденія отъ сущности, и ниодного понятія о твари или произведеніи. Когда же сплщимъ *человѣкомъ врагъ* *человѣкъ* посягалъ сіи понятія: *тварь*; *было, когда не было*; и: *какъ сіе возможно*: тогда уже явились плевелы—эта зловредная ересь христорцевъ.

И еретики, какбы лишенные вдругъ всякаго правильнаго образа мыслей, наподобіе разбойниковъ вторгаются и осмѣливаются говорить: «Какъ можетъ Сынъ вѣчно сопребывать со Отцемъ? Ибо у людей сыны ихъ появляются современемъ. Отцу уже тридцать лѣтъ, а сынъ только еще рожденъ. И вообще, всякій сынъ человѣческій не былъ, пока не рожденъ». И еще твердятъ еретики: «Какъ Сыну можно быть Словомъ, или Слову — Образомъ Божиимъ? Человѣческое слово, состоя изъ слоговъ, едва выразитъ изволеніе говорящаго, какъ тотчасъ престаеъ и исчезаетъ». Поэтому, какбы забывъ изложенныя выше противъ нихъ обличенія, и снова опутываясь подобными симъ узами злочестія, рассуждаютъ, какъ теперь сказано. Но слово истины обличаетъ ихъ такъ: Если рассуждаютъ о какомъ-либо человѣкѣ, то пусть и о словѣ его и о сынѣ его говорятъ по-человѣчески, Если же рассуждаютъ о Богѣ, создавшемъ человѣковъ, то пусть представляютъ не человѣчески, но иначе и выше естества человѣческаго. Ибо каковъ раждающій, таковоже по необходимости и рожденіе; и каковъ отецъ слова, таково и слово его. Человѣкъ, раждаемый во времени, и самъ во времени раждаетъ чадъ. И поелику произошелъ онъ изъ ничего; то и слово его престаеъ и не пребываетъ. Но Богъ не яко человѣкъ; сіе сказано и Писаніе (Иудв. 8, 16.). Онъ есть *Сый*, и всегда пребываетъ (Исх. 3, 14.). Посему и Слово Его есть *Сый*, и Оно вѣчно со Отцемъ, какъ сіяніе свѣта. Слово человѣческое составляется изъ слоговъ, не имѣетъ ни жизни, ни дѣйственности, но выражаетъ только мысль говорящаго; едва выходитъ изъ устъ, какъ уже и прехо-

дѣтъ, не являясь болѣе; потому что вовсе его не было, пока не изречено. Поэтому, человѣческое слово не имѣетъ ни жизни, ни дѣйственности, и вообще, оно — не чловѣкъ. Таково же оно, какъ сказалъ уже я, по той причинѣ, что раждающій его чловѣкъ имѣетъ естество происшедшее изъ ничего. Но Божіе Слово — не слово провозносимое, какъ сказалъ бы иный, Оно — не звучная рѣчь, и не Божіе повелѣніе есть Сынъ; но какъ сіяніе свѣта, такъ Слово Божіе есть совершенное Рожденіе отъ Совершеннаго; потому и Образъ Божій есть Богъ; ибо сказано: *Богъ бѣ Слово*. Человѣческія слова не для дѣйствованія служатъ; потому, чловѣкъ дѣйствуетъ не словами, но руками; руки чловѣческія имѣютъ дѣйствительное бытіе, а слово чловѣческое несамостоятельно. Что же касается до Слова Божія, то, какъ сказалъ Апостолъ, *живо Слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслямъ сердечнымъ: и нѣсть неявлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово* (Евр. 4, 12. 13.). Посему, Оно есть Создатель, безъ Него ничтоже бысть, и ничто не можетъ прійти въ бытіе.

Не должно же доискиваться, почему Слово Божіе не таково, какъ наше; потому что, какъ сказано уже, и Богъ не таковъ, какъ мы. Неприлично также доискиваться: какъ Слово отъ Бога, или какъ Оно — Божіе сіяніе, или какъ раждаетъ Богъ, и какой образъ Божія рожденія. Кто отваживается на подобныя изслѣдованія, тотъ безумствуетъ, потому что

желаетъ истолковать словами, что неизреченно, свойственно Божію естеству, и вѣдомо одному Богу и Сыну Его. Это то же значить, что и доискиваться: гдѣ Богъ, почему Онъ—Богъ, и каковъ Отецъ. Но какъ предлагать подобные вопросы—нечестиво и свойственно невѣдущимъ Бога; такъ непозволительно—отваживаться на подобныя изслѣдованія о рожденіи Божія Сына, и Бога и Премудрость Его измѣрять своимъ естествомъ и своею немощію. Но поэтому не слѣдуетъ представлять о семъ вопреки истинѣ; и если кто при сихъ изслѣдованіяхъ приходитъ въ недоумѣніе, то не долженъ не вѣрить и написанному. Лучше—недоумѣвающимъ молчать и вѣровать, нежели не вѣрить по причинѣ недоумѣнія. Недоумѣвающий можетъ еще быть извиненъ, потому что, хотя и допытывался, но потомъ совершенно успокоился. А кто по недоумѣнію примышляетъ себѣ неподобающее и говоритъ о Богѣ, что недостойно Бога, тотъ неизвинителенъ въ своей дерзости; потому что въ подобныхъ недоумѣніяхъ изъ божественныхъ Писаній можетъ извлечь для себя нѣкоторое пособіе, и хорошо выразумѣть написанное, представлять же въ умъ какъ бы для примѣра наше слово. Какъ оно собственно отъ насъ, а не внѣшнее наше дѣло; такъ и Божіе Слово собственно отъ Бога, и не есть произведеніе. Оно не то же, что слово человѣческое, иначе, и Бога необходимо—представлять себѣ человѣкомъ. Ибо вотъ ежедневно проходятъ многія и различныя слова человѣческія; потому что прежнія слова не пребываютъ, но исчезаютъ. Сіе же опять бываетъ потому, что отцы ихъ, какъ люди, и возрасты имѣютъ преходящія, и представленія послѣдовательно смѣняющіяся;

а на чемъ останавливаются мыслно и о чемъ размышляютъ, о томъ они и говорятъ, почему, много у нихъ бываетъ словъ, и послѣ многихъ вовсе не остается ниодного. Какъ-скоро говорящій прекращаетъ рѣчь, — тотчасъ утрачивается и слово. Но Слово Божіе есть одно и тѣже, и, какъ написано, Слово Божіе во вѣкъ пребываетъ (Псал. 118, 89.), не измѣняясь и пребывая не первымъ или вторымъ по первымъ, но всегда тѣмже. Поелику Богъ единъ, то прилично быть единому Божію Образу, единому Слову и единой Премудрости.

Посему, дивлюсь, какъ еретики, когда Богъ единъ, по собственному своему примышленію вводятъ многіе образы, премудрости и слова, и утверждаютъ, что «одно слово есть собственное и по естеству Отчее слово, которымъ Богъ сотворилъ и Сына, истинный же Сынъ только по примышленію нарицается Словомъ, также какъ и виноградною лозою, путемъ, дверію, древомъ жизни. И Премудростию по имени только, говорятъ они, нарицается Сынъ; есть же иная собственная и истинная Отчая премудрость, верожденно Отцу соприсущая, которою сотворивъ Сына, по причастию сей премудрости, наименовалъ Его также Премудростию». И сіе не на словахъ только преподается у нихъ, но и Аріи помѣстилъ въ своей Талии, и софистъ Астерій, какъ говорили мы въ предыдущемъ словѣ, написалъ такъ: «Не сказалъ блаженный Павелъ: проповѣдуемъ Христа сію Божію силу или сію Божію Премудрость, но безъ приложенія члена говорить: Божію силу и Божію Премудрость, проповѣдуя, что есть иная собственно самому Богу принадлежащая сила, естественная и Ему

нерожденно соприсущая; и она-то есть родительница Христа, зиждительница всего міра; о ней уча Апостоль въ Посланіи къ Римлянамъ говорить: невидимая бо Его отъ созданія міра творенни помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество (Римл. 1, 20.). Какъ никто не скажетъ, что именуемое здѣсь Божество есть Христось, а не самъ Отець; такъ, думаю, и присносущная сила Его и Божество есть не едиnorodный Сынъ, но родившій Сына Отець; Апостоль же учить, что иная есть сила и премудрость являемая чрезъ Христа». И вскорѣ потомъ сейже Астерій говорить: «Хотя присносущная Его Сила и Премудрость, Которая, по истинному разсужденію, безначальна и нерожденна, безъ сомнѣнія, есть одна и таже; однакоже, многія силы и премудрости, отдѣльно сотворенныя Богомъ, и въ числѣ ихъ перворожденный и едиnorodный Христось, всѣ подобнымъ образомъ зависятъ отъ обладающаго ими Бога, и всѣ справедливо именуются силами самого Бога, ихъ сотворшаго и употребляющаго въ дѣйствіе. Такъ на примѣръ, о пругахъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи человѣческіе Пророкъ говоритъ, что самъ Богъ называетъ ихъ не только силою, но и силою великою (Иоил. 2, 25.); а блаженный Давидъ не только Ангеловъ, но и силы призываетъ къ славословію Божию».

Недостойны ли они всякой ненависти за это одно ими сказанное? Если, какъ полагаютъ еретики, Господь не Сынъ по рожденію отъ Отца и по усвоенію сущности, но именуется Словомъ ради разумныхъ тварей, Премудростию ради одаренныхъ мудростию, и силою ради облеченныхъ силою; то

безъ сомнѣнія и Слыномъ нареченъ ради усыновляемыхъ, а, можетъ быть, и бытіе имѣеть по примышленію ради сущихъ въ бытіи. Поэтому, что же такое Онъ? Не можетъ Онъ быть ничѣмъ изъ поименованнаго, если все это только имена Его, и если имѣеть Онъ въ Себѣ одинъ призракъ бытія, ради насъ украшаясь сими именами. Но подлинно дѣвольское, или еще и большее это высокоуміе! — Сами хотятъ быть истинно самостоятельными, о Словѣ же Божіемъ думаютъ, что существуетъ только именемъ. И не странны ли сіи вѣщанія ихъ? — Премудрость называютъ соприсущею Отцу, утверждаютъ же, что Христосъ не есть сія Премудрость, но что много созданныхъ силъ и премудростей, и что одна изъ нихъ есть Господь, примѣняемый ими къ гусеницѣ и пругамъ. Не коварны ли они? Слыша у насъ, что Слово сопробываетъ со Отцемъ, поднимаютъ вдругъ ропотъ, говоря: «слѣдовательно, по утверждаемому вами, несозданныхъ два». Сами же утверждая, что Премудрость Его несоздана, ужели не видятъ, что упрекъ, какой напрасно дѣлаютъ намъ, падаетъ на нихъ? И опять, не совершенно ли юродива эта ихъ мысль—утверждать, что несозданная соприсущая Богу премудрость есть самъ Богъ? Соприсущее не себѣ, но кому-либо соприсутствуетъ; на примѣръ, Евангелисты говорятъ о Господѣ: былъ съ учениками; потому что былъ не самъ съ Собою, но съ учениками. Развѣ скажутъ уже, что Богъ можетъ имѣть премудрость, которая сопряжена съ Нимъ и восполняетъ собою Его сущность, будучи сама несозданна, и ее-то еретики выставляютъ зиждительницею міра, чтобы

отнять зиждательность у Сына; потому что при-
нуждены утверждать все, только бы не мудрство-
вать о Господѣ по истинѣ.

Гдѣ же они нашли вообще сказаннымъ въ божественномъ Писаніи, или отъ кого слышали, будто бы кромѣ сего Сына есть иное слово и иная премудрость, и потому, изобрѣтаютъ подобныя вымыслы? Написано правда: *еда словеса Моя не суть лкоже огонь, или млатъ сотрыющій камень* (Иер. 23, 29.)? И въ Притчахъ сказано: *научу же васъ Моимъ словесемъ* (Притч. 1, 23.). Но это заповѣди и повелѣнія, какія изглаголамъ Богъ святымъ чрезъ собственное Свое и единое истинное Слово. О сихъ словесахъ сказалъ Псалмопѣвецъ: *отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ, яко да сохранию словеса Твоя* (Псал. 118, 101.). И Спаситель, давая разумѣть, что таковыя словеса не тѣже, что Онъ, и Имъ изглаголаны, сказалъ: *глаголы, [яже] азъ глаголахъ вамъ* (Іоан. 6, 68.). Таковыя словеса не суть рожденія или сыны; не такъ много зиждательныхъ словесъ, не такъ много образовъ единаго Бога, не такъ много содѣлавшихся насъ ради чело-вѣками, и не единое изъ сихъ многихъ словесъ есть то Слово, Которое *плоть бысть*, по сказанному Іоанномъ. Объ единственномъ сущемъ Божіемъ Словѣ благовѣствовано Іоанномъ: *Слово плоть бысть, и: вся Тѣмъ быша*. Поэтому, о семъ единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и объ единствѣ Его со Отцемъ написаны и служатъ доказательствомъ тѣ свидетельства, въ которыхъ и Отецъ объявляетъ, что единъ есть Сынъ, и святые и научились и говорятъ, что единое есть Слово, и Оно

есть однородный Сынъ. Тѣже доказываютъ и совершенныя Имъ дѣла. Ибо все видимое и невидимое Имъ получило бытіе, и *безъ Него ничтоже бысть*. О другомъ же комъ, или объ иномъ чемъ не имѣютъ представленія святыя, и не вымышляютъ словъ или премудростей, которыхъ ни имени, ни дѣлъ не показываетъ Писаніе, и которыхъ именуютъ одни еретники сїи. Ибо ихъ это изобрѣтеніе, ихъ христорборное предположеніе; они употребляютъ во зло имя Слова и Премудрости, вымышляя же себѣ что-то иное, жалкіе люди сїи отрицаются истиннаго Божія Слова, истой и единственной Отчей Премудрости, и подражаютъ, наконецъ, манихеямъ. Ибо и манихеи, взирая на дѣла Божія, отрицаются самого единственно-сущаго и истиннаго Бога, вымышляютъ же себѣ инаго Бога, хотя не могутъ показать ни дѣлъ сего Бога, ни какого-либо о Немъ свидетельства въ божественныхъ Писаніяхъ.

Итакъ, если въ божественныхъ Писаніяхъ не отыскивается иной премудрости, кромѣ сего Сына, и отъ Отцевъ не слышали мы ничего подобнаго; еретики же исповѣдуютъ и написали, что есть премудрость несозданно соприсущая Отцу, Ему собственно принадлежащая и зиждительница міра: то Сынъ сей будетъ Тотъ самый, Который, и по ихъ словамъ, вѣчно соприсущъ Отцу. Ибо Онъ есть и Зиждитель, какъ написано: *вся Премудростію сотворилъ еси*. И самъ Астерій, какбы забывъ, что писалъ прежде, когда вступаетъ въ споръ съ язычниками, подобно Кіафѣ, невольно не именуетъ въ послѣдствіи ни многихъ премудростей, ни гусеницы, но исповѣдуетъ уже одну Премудрость, пиша такъ:

«одинъ Богъ Слово, словесныхъ же существъ мно-
го ; одна сущность и одно естество Премудрости,
существъ же мудрыхъ и совершенныхъ много». И
черезъ нѣсколько словъ говорить еще: «Кто же тѣ,
которыхъ удостоиваютъ именовать Божиими сынами?
Конечно, не скажутъ, что и они суть слова, и не
станутъ утверждать, что премудростей много. По-
елику Слово одно и Премудрость, по доказанному,
одна; то невозможно сему множеству сыновъ при-
своить сущность Слова, и давать наименованіе Пре-
мудрости». Посему, неудивительно, что аріане пре-
пираются съ истиною, когда во взаимныхъ спорахъ
они разногласятъ и сами съ собою, иногда утвер-
ждаютъ, что премудростей много, а иногда объ-
являютъ, что Она одна; то примѣняютъ Прему-
дрость къ гусеницѣ, то говорятъ, что Она сопри-
суца и собственно принадлежитъ Отцу ; иногда
одного Отца признаютъ несозданнымъ, иногда же и
Премудрость и силу Его именуютъ несозданною ;
спорятъ съ нами, утверждающими, что Слово Бо-
жіе всегда пребываетъ, и сами же забываютъ слова
свои, говоря, что Премудрость несозданно сопри-
суца Богу. Такъ во всемъ омрачены они умомъ,
отрицаютъ истинную Премудрость, и отыскиваютъ
премудрость несуществующую, подобно манихеямъ
измышляютъ себѣ инаго Бога, и отрицаютъ Бога
истиннаго.

Но пусть и прочія ереси и манихеи слышатъ, что
одинъ есть Отецъ Христовъ, Владыка и Творецъ
твари, создавшій все Словомъ Своимъ ; особенно же
пусть слышатъ аріане, что едино есть Божіе Слово,
единственный собственный и преискренній Сынъ, отъ

Божіей сущности, имѣющей неотдѣлимое отъ Отца Своего единство Божества, какъ говорили мы о семъ неоднократно, научившись тому у самого Спасителя. Ибо иначе, почему же Отецъ Имъ творить, и въ Немъ, кому хочеть, открываетъ Себя, и кого хочеть, просвѣщаетъ? Или, почему и въ таинствѣ крещенія Сынъ именуется вмѣстѣ со Отцемъ? Если скажутъ, что недостаточно Отца; то отвѣтъ злочестивъ. А если достаточно (что и позволительно только сказать); то къ чему потребенъ Сынъ, или въ дѣлѣ творенія, или при святой купели? Какое общеніе у твари съ Творцемъ? Или, для чего въ общемъ всѣхъ тайноводствъ къ Сотворившему сопричисляется сотворенное? Или, для чего предана намъ въра, по словамъ вашимъ, въ единого Творца и въ единую тварь? Если для того, чтобы сочетались мы съ Божествомъ, то какая потребность въ твари? А если для того, чтобы вступили мы въ единеніе съ Сыномъ, Который есть тварь; то именованіе Сына въ крещеніи, въ-слѣдствіе утверждаемаго вами, излишне. Богъ, всыновившій Сына, одинъ силенъ всыновить и насъ. Сверхъ того, если Сынъ есть тварь, то, поелику одно есть естество словесныхъ тварей, никакой помощи не будетъ твари отъ твари; потому что всѣ твари имѣютъ нужду въ благодати отъ Бога.

Не задолго предъ симъ говорили мы, сколько сообразности въ томъ, что все приведено въ бытіе Словомъ. Поелику же послѣдовательность рѣчи потребовала, чтобы упомянуть намъ и о святомъ крещеніи; то, какъ думаю и какъ увѣренъ, необходимо

сказать, что Сынъ соименуется со Отцемъ, и не потому что Отецъ не самодоволенъ, и не просто, безъ всякой причины. Но поелику Сынъ есть Божіе Слово, собственная Божія Премудрость, и будучи Отчимъ сіяніемъ, всегда есть со Отцемъ; то по сему самому Отцу, преподающему благодать, не иначе можно преподавать ее, какъ въ Сынъ; потому что Сынъ во Отцѣ, какъ сіяніе во свѣтѣ. Богъ, не какъ недостаточествующій, но какъ Отецъ, Премудростію Своею основа землю (Притч. 3, 19.), все сотворилъ сущимъ отъ Него Словомъ, и святую купель утверждаетъ Сыномъ же. Гдѣ Отецъ, тамъ и Сынъ; какъ и гдѣ свѣтъ, тамъ сіяніе. И какъ, что ни дѣлаетъ Отецъ, дѣлаетъ чрезъ Сына, и самъ Господь говоритъ: что вижу творящаго Отца, то творю и Я (Іоан. 5, 19.); такъ и въ преподаваемомъ крещеніи, кого крещаетъ Отецъ, того крещаетъ Сынъ, и кого крещаетъ Сынъ, тотъ святится Духомъ Святымъ. И еще, какъ при явленіи солнца, можно сказать, что свѣтитъ и сіяніе; потому что свѣтъ одинъ, и не можетъ быть раздвляемъ и разлучаемъ: такъ опять, гдѣ есть, или гдѣ именуется, Отецъ, тамъ, безъ сомнѣнія, пребываетъ и Сынъ. Но въ крещеніи именуется Отецъ; потому, необходимо именоваться вмѣстѣ и Сыну. Посему, и изрекая обѣтованіе святымъ, Господь сказалъ такъ: *придемъ Азъ и Отецъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23.); и еще: *да якоже Азъ и Ты едило есмы, и тиѣ въ насъ едино будутъ* (17, 21. 22.). И преподаваемая благодать есть единая, отъ Отца подаваемая въ Сынъ, какъ пишетъ Павелъ во всякомъ Посланіи: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа*

Исуса Христа (Рим. 1, 7.) (*). Свѣту надлежитъ быть вмѣстѣ съ лучемъ, и сіянію быть видимымъ вмѣстѣ съ собственнымъ свѣтомъ.

Поэтому, іудей, вмѣстѣ съ аріанами, отрицая Сына, не имѣютъ и Отца. Оставивъ *Источника премудрости*, какъ, укоряя ихъ, сказалъ Варухъ (Вар. 3, 12.), и сущую отъ Него Премудрость—Господа нашего Исуса Христа (ибо Христосъ, говоритъ Апостоль, *Божія сила и Божія Премудрость* 1 Кор. 1, 24.), отринули онъ отъ себя, сказавъ: не имамы царя токмо Кесаря (Іоан. 19, 15.). И іудей несутъ на себѣ наказаніе, заслуженное отреченіемъ: вмѣстѣ съ городомъ утратили они и разсудокъ. Еретики же въ опасности уже утратить и самую полноту таинства, разумью крещеніе. Ибо если тайноводство преподается во имя Отца и Сына, они же не именуютъ истиннаго Отца, отрицаютъ Сущаго отъ Него и подобнаго Ему по сущности, отрицаютъ и истиннаго Сына, именуютъ же инаго, по собственному ихъ вымышленію, сотвореннаго изъ не-сущихъ; то не совершенно ли пусто и бесполезно преподаваемое ими крещеніе, имѣющее только мнимый видъ, въ действительности же нисколько не вспомошествоющее благочестію? Аріане преподаютъ крещеніе не во Отца и Сына, но въ Творца и тварь, въ Создателя и въ произведеніе. Какъ иное есть тварь и иное Сынъ, такъ и крещеніе, мнимо ими преподаваемое, есть иное, и неистинное, хотя наружно произносятся они,

(*) Сличн: 1 Кор. 1, 3; 2 Кор. 1, 2; Гал. 1, 3; Евес. 1, 2; Фил. 1, 2; Кол. 1, 3; 1 Сол. 1, 1; 2 Сол. 1, 2; 1 Тим. 1, 2; 2 Тим. 1, 2.

по написанному, имя Отца и Сына. Не тотъ преподаеть, кто говоритъ только: Господи! но кто съ симъ именемъ соединяетъ и правую вѣру. Посему и Спаситель не просто заповѣдалъ крестить; но говорить прежде: *научите*; а потомъ уже: крестите *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѣ. 28, 19.), чтобы отъ наученія произошла правая вѣра, а съ вѣрою соединялось тайноводство крещенія.

И другія многія ереси, произнося только Имена, но мудрствуя не право, а потому, какъ сказано, не имѣя здоровой вѣры, бесполезною дѣлаютъ преподаваемую ими воду, какъ скудную благочестіемъ; почему, окропляемый ими болѣе сквернится нечестіемъ, нежели омывается. Такъ и язычники, хотя произносятъ устами Божіе имя, но обвиняются въ безбожій, потому что не знаютъ подлинно сущаго и истиннаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа. Такъ манихеи, фриги и ученики Самосатскаго, хотя произносятъ имена, но тѣмъ не менѣе суть еретики. Такъ наконецъ и мудрствующіе по-аріеву, хотя читаютъ написанное и произносятъ имена, но вводятъ въ обманъ приѣмлющихъ отъ нихъ крещеніе; потому что сами нечестивѣе прочихъ еретиковъ, и постепенно преуспѣваютъ предъ ними въ нечестіи, даже оправдываютъ ихъ необузданностію языка своего. Прочія ереси измышляютъ нѣчто сверхъ истины, и погрѣшаютъ или въ ученіи о тѣлѣ Господнемъ, говоря, что Господь не отъ Маріи заимствовалъ плоть, или въ томъ, что вовсе не было смерти Господней, и Господь вовсе не содѣлался человѣкомъ, казался только человѣкомъ, не былъ же имъ дѣйствительно, повидимому имѣлъ тѣло, не имѣя онаго, и по види-

мости только казался человѣкомъ, какбы въ сонномъ мечтаніи. Аріане же явно нечествуютъ въ ученіи о самомъ Отцѣ; потому что, слыша въ Писаніяхъ свидѣтельство о Божествѣ Его въ Сынѣ, какъ въ образѣ, хулятъ Его Божество, и говорятъ, что Сынъ — тварь, и какъ грязь въ мѣшкѣ, носятъ съ собою, и какъ змѣя ядъ, мечутъ всюду такую о Немъ рѣчь: «Его не было». Поелику же омерзительно для всѣхъ такое ихъ ученіе; то какбы въ опору падающей ереси, не задумываются употреблять человѣческое покровительство, чтобы человѣкъ простой, смотря на оное, или даже и убоявшись онаго, не постигъ вредности ихъ злоумія. Посему, не достойны ли сожалѣнія обольщаемые ими? И не оплакивать ли должно ихъ, когда они обольщаясь привременнымъ, лишаются своей пользы и теряютъ надежду въ будущемъ. Приѣмля, повидимому, крещеніе во имя не-сущаго, ничего не примутъ они. Вступая въ договоръ съ тварию, никакой помощи не будутъ имѣть отъ твари; вѣруя въ Сына, неподобнаго Отцу и чуждаго Ему по сущности, не сочетаются со Отцемъ, не имѣя собственнаго Ему, по естеству отъ Него рожденнаго, Сына, Который во Отцѣ, и въ Которомъ Отецъ, какъ сказалъ самъ Сынъ (Іоан. 14, 10.). Напротивъ того, заблуждаясь въ этомъ, жалкіе сіи люди пребудутъ, конечно, оставлены Божествомъ. Земная пышность не послѣдусть за ними по смерти ихъ; и когда сего Господа, Котораго отреклись они, увидятъ сѣдющимъ на престолѣ Отца Его и судящимъ живыхъ и мертвыхъ, тогда не возмогутъ призвать къ себѣ на помощь кого-либо изъ обольстившихъ ихъ пыль; потому что и ихъ

увидятъ судимыми и раскаявающимися въ своихъ неправдахъ и въ своемъ злочестіи.

Сіе предложили мы пока до изъясненія сказаннаго въ Притчахъ, въ опроверженіе произвольно сложенныхъ сретками неразумныхъ басней, чтобы они, зная, сколько неприлично — называть Сына Божія тварію, и сами научились съ должнымъ разумніемъ читать сіе мѣсто Притчей, которое заключаетъ въ себѣ правую мысль. Ибо написано: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Свои.* Но прѣлку это — притча, и сказано сіе приточно; то предлагаемаго реченія не должно принимать просто, надлежитъ же найдти лице, о комъ сіе сказано, и потомъ уже благочестно приаровитъ къ нему смыслъ рѣчи. Ибо чтò говорится въ Притчахъ, то неслучайно высказывается, но выражается прикровенно, какъ самъ Господь научилъ сему, говоря въ Евангеліи отъ Іоанна: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но придетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явь* (Іоан. 16, 25.). Посему, надобно открыть смыслъ сего изреченія, и доискиваться онаго, какъ сокровеннаго, а не принимать его просто, какъ сказаннаго *явь*, чтобы въ толкованіи не уклониться отъ истины.

Поэтому, если написано сіе объ Ангелѣ, или о другомъ какомъ созданномъ существѣ; то пусть и сіе сказуемое: *созда Мя* разумѣется какъ объ одной изъ подобныхъ намъ тварей. Если же Божія Премудрость, Которою создано все получившее бытіе, говоритъ сіе сама о Себѣ; то не должно ли понимать такъ, что, говоря: *созда*, выражаетъ не противное нѣчто реченію: *роди*? Не къ тварямъ соприсчисляетъ

Она Себя, какбы забывъ, что Сама творить и живетъ, или не зная различія между Творцемъ и тварями, но выражаетъ нѣкую мысль, какъ въ притчахъ, *не явь*, по сказанную прикровенно, которую святымъ вдохнула нзречь пророчески; Сама же вскорѣ потомъ въ соотвѣтственность *созда*, выражая ту же мысль другими реченіями, говоритъ: *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1.). Явно же, что домъ Премудрости есть наше тѣло, какое воспріявъ на Себя, содѣлалась Она человѣкомъ. И справедливо говорится у Іоанна: *Слово плоть бысть*. У Соломона же Премудрость говоритъ о Себѣ предусмотрительно, не такъ: «Я—тварь»; но только: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя; созда же Мя, не бытіе Мнѣ давъ, и не потому, что общее съ тварію нмѣю начало и происхожденіе. И здѣсь Слово вѣщало чрезъ Соломона, означая не сущность Божества Своего, и не вѣчное пренскреннее рожденіе Свое отъ Отца, но опять, Свое человѣчество и о насъ домо-строительство. Поэтому, какъ и прежде замѣчено, не сказало: Я—тварь, или стало тварію; но только: созда. Твари, нмѣя созданную сущность, принадлежать къ числу созданныхъ, и о нихъ сказается, что созидаются, и тварь, безъ сомнѣнія, созидается. Одно же сіе реченіе: *созда* не указываетъ еще непременно на сущность или рожденіе, но выражаетъ, что, о комъ сказается оно, съ тѣмъ происходитъ нѣчто иное; и о чемъ сказается, что оно созидается, то не есть уже непременно тварь по естеству и по сущности.*

И сіе различіе извѣстно божественному Писанію. О тваряхъ говоритъ оно: *исполнися земля твари*

Твоя (Псал. 103, 24.); и сама тварь совоздыхает и сболъзняетъ (Рим. 8, 22.); и въ Апокалипсисѣ сказано: и умре третія часть созданийъ существъ въ мори и мущихъ души (Апок. 8, 9.); какъ и Павелъ говоритъ: всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отъмѣтно со благодареніемъ пріемлемо (1 Тим. 4, 4.); и въ книгѣ Премудрости написано: Премудростію Твоею устроишь чловѣка, да владѣетъ сотворенными отъ Тебе тварми (Прем. 9, 2.). А что Писаніе о спхъ въ собственномъ смыслѣ тваряхъ говорить: онѣ создаются, — сіе можно также слышать отъ самого Господа, Который говоритъ: Сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть (Матѣ. 19, 9.); и Моисей пишетъ въ пѣсни: вопросите дней первыхъ, бывшихъ прежде васъ, отъ дне въ оныже сотвори Богъ чловѣка на земли, и отъ края небесе (Второз. 4, 32.). Павелъ же въ Посланіи къ Колоссянамъ говоритъ: Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари: яко Тъмь создани быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видима и невидима, аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тъмь и о Немъ создашася: и Той есть прежде всѣхъ (Кол. 1, 15—17.). Итакъ, что существа, по естеству имѣющія тварную сущность, называются тварями и создаются, — для напоминанія о семъ достаточно приведенныхъ мѣстъ изъ Писанія, наполненнаго ими; а что одно употребленное реченіе: созда не означаетъ непременно сущности и происхожденія, — о семъ воспѣваетъ Давидъ: да напишется сіе въ родъ шль, и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа (Псал. 101, 19.); и еще: сердце чисто со-

жизни во мнѣ Боже (Псал. 50, 12.). Павелъ же въ Посланіи къ Евреямъ говоритъ : законъ заповѣдей учении упразднилъ , да оба созиждетъ Собою во единого новаго чловѣка (Ефес. 2, 15.); и еще: облечитесь въ новаго чловѣка , созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины (Ефес. 4, 24.). Давидъ говорилъ не о какихъ-либо по сущности живыхъ людяхъ, и молился не о яномъ сердцѣ кромѣ того , которое имѣлъ , разумѣлъ же обновленіе и освященіе сердца по Богу. И Павелъ имѣлъ въ виду не два какіе-нибудь народа, по сущности создаваемые о Господѣ , и совѣтовалъ намъ не въ инаго какого облечься чловѣка, чловѣкомъ же по Богу наименовалъ добродѣтельную жизнь, и подѣ создаваемыми о Христѣ разумѣлъ два народа обновляемые о Христѣ. Подобно сему сказанное у Іереміи : *созда Господь спасеніе въ насажденіе ново, въ немже спасеніи обидутъ чловѣцы* (Іер. 31, 22.). Пророкъ, говоря сіе, означаетъ не какую-либо сущность твари, но пророчествуетъ о спасеніи обновляемомъ въ чловѣкахъ и совершаемомъ для насъ во Христѣ.

Поелку таково различіе между тварями и тѣмъ, о чемъ сказуются только : *созда*; то, если найдете гдѣ въ божественномъ Писаніи, что Господь нарицается тварію, покажите это и стойте въ своемъ. Если же нигдѣ не написано, что Онъ есть тварь, Самъ же о Себѣ говоритъ въ Притчахъ : *Господь созда Мн*; то устыдитесь объясненнаго теперь различія, и сказаннаго приточно, а когда слышите : *созда*, разумѣйте, что не Себя называетъ Онъ тварію, но Свое чловѣчество, которому и свойственно быть созданнымъ. Не явно ли погрѣшаете, когда, слыша

у Павла и у Давида реченіе : *созда* , разумѣете ли сущность и начало бытія , но обновленіе , слыша же у Господа реченіе сіе : *созда* , Его сущность сопричисляете къ тварямъ? И также слыша: *Премудрость созда Себѣ домъ, и утверди столповъ семь, реченіе: домъ* толкуете иносказательно, а реченіе: *созда, принимая въ прямомъ значеніи, превращаете оное въ реченіе: тварь*. Не устыдило васъ и то, что Господь есть Создатель; не убоялись вы и того, что Онъ—единственно собственное Отчее рожденіе, но, какбы опредѣливъ себя на противоборство, съ Нимъ препираетесь, и думаете о Немъ гораздо менѣе, нежели о людяхъ.

Самое изреченіе сіе показываетъ, что ваше есть только изобрѣтеніе — называть Господа тварию. Господь зная, что сущность Его есть едиnorodная Премудрость, Отчее рожденіе, и неодинакова съ созданными и по естеству тварями, челоуѣколюбиво говоритъ теперь: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*; а сіе значить: *Отецъ тѣло совершилъ Ми есть* (Евр. 10, 5.), и *созда Мя для челоуѣковъ, ради челоуѣческаго спасенія*. Ибо, какъ слыша у Іоанна: *Слово плоть бысть*, представляемъ, что не само Слово всецѣло есть плоть, но что облеклось Оно плотію и содѣлалось челоуѣкомъ; и слыша, что *Христосъ бысть по насъ клятва* (Гал. 3, 13.), и: *невѣдѣвшаго грѣхи по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21.), представляемъ, что не Онъ всецѣло содѣлался клятвою и грѣхомъ, но что принялъ на Себя клятву лежавшую на насъ, по сказанному Апостоломъ: *искупилъ ны есть отъ клятвы* (Гал. 3, 13.), и по слову Исаіи, носилъ грѣхи наши (Исаіи 53, 4.),

и по написанному у Петра, *вознесе ихъ на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24.) : такъ, если слышимъ въ Притчахъ : *созда*, должны представлять, что не Слово всецѣло по естеству есть тварь, но что облеклось Оно въ тварное тѣло, что ради насъ *созда* Его Богъ, для насъ, по написанному, совершивъ Ему тварное тѣло, чтобы мы могли въ Немъ обновиться и обожиться. Поэтому, что же обольстило васъ, несмысленные, Творца называть тварию? Или, гдѣ испутили вы себѣ это новое мудрованіе, и величааетесь имъ? Притчи говорятъ : *созда*; но Сына называютъ не тварию, а рожденіемъ, и по изъясненному предъ симъ, на основаніи Писаній, различенію реченій : *созда* и *тварь*, признаютъ собственно по естеству принадлежащее Сыну, то-есть, что Онъ—единородная Премудрость и Зиждатель тварей; говоря же: *созда*, не о сущности Сына говорятъ сіе, но означаютъ, что содѣлался Онъ началомъ многихъ путей, такъ что реченіе : *созда* противопоставляется реченію : *рожденіе*, и выраженіе : *начало путей*—тому, что Сынъ есть единородное Слово.

А если Сынъ—рожденіе, то почему называете Его тварию? Никто не называетъ раждаемымъ, что создаетъ, и тварей не именуется собственными своимъ рожденіями. Также, ежели Сынъ есть единородный, то какъ Онъ дѣлается началомъ путей? Кто самъ сотворенъ въ начало всему, тотъ по необходимости не есть единственный, имѣя происходящихъ въ-слѣдъ за нимъ. И Рувимъ, ставъ началомъ чадъ, былъ не единородный, но первый по времени, по естеству же и по сродству одинъ изъ родившихся въ-слѣдъ за нимъ. Слѣдовательно, если Слово есть начало путей;

то и Оно будетъ таковоже , каковы пути , и пути будутъ таковыже , каково и Слово , хотя и создается Оно первымъ по времени прежде путей. Начало города таковоже , каковы и прочія части города , и сіи части , взятыя всовокупности съ началомъ , составляютъ цѣлый и единый городъ , какъ многіе члены одинаго тѣла. И не льзя сказать , что иное въ городъ есть творящее , а иное создаемое и подчиненное другой части , но весь городъ равно зависитъ отъ попечительности соорудителя и имъ произведенъ. Поэтому , если и Господь въ такомже смыслѣ создается въ начало всему , то Самъ по необходимости со всѣмъ прочимъ составляетъ единую тварь , и ничѣмъ не отличается отъ прочихъ созданий , хотя и содѣлывается началомъ всѣхъ; Онъ—не Господь прочихъ частей твари , хотя и старѣе ихъ по времени; потому что и Самъ на ряду съ прочими имѣетъ единую причину созданія и одинаго Владыку.

Если же Онъ—тварь совершенно намъ подобная ; то какъ можетъ быть созданъ единымъ и первымъ , чтобы Ему быть началомъ всего , когда изъ предыдущаго ясно видно , что въ тваряхъ нѣтъ неподной самостоятельной и первосозданной , но всякая имѣетъ начало бытія вмѣстѣ со всѣми прочими , хотя и разнится отъ прочихъ славою. Каждая изъ звѣздъ и каждое изъ великихъ свѣтилъ явились не такъ , чтобы иное было первымъ , а иное вторымъ ; но въ одинъ день однимъ и тѣмже повелѣніемъ всѣ призваны въ бытіе. Такъ положено начало бытію четвероногихъ , птицъ , рыбъ , скотовъ и растений ; такъ и родъ человѣческой созданъ по образу Божию. Ибо хотя одинъ Адамъ созданъ изъ земли , но въ немъ

были основанія къ преимству цѣлаго рода. Восходя же отъ видимой твари міра сего, рассмотримъ *невидимая Его творенми помышляема*; и тамъ увидимъ не каждое существо особо, и не одно первымъ, другое вторымъ, но всѣ тогоже рода состоятъ всовокупности; потому что и Апостолъ не перечисляетъ по-одиначкѣ, и не говоритъ: Ангель ли, престолъ ли, господство ли и власть; но совокупно именуетъ всѣхъ тогоже чина: Ангелы ли, Архангелы ли, начала ли (Кол. 1, 16.). Таково происхожденіе тварей. Поэтому, ежели Слово есть тварь, то, какъ сказано выше, надлежало Ему прійти въ бытіе не первому предъ прочими силами, но вмѣстѣ съ ними, хотя и много превосходитъ Оно силы сін славою. Сіе можно видѣть на прочихъ силахъ, а именно, что вмѣстѣ получили они бытіе, и нѣтъ между ними ни перваго, ни втораго; одни одесную, другіе окрестъ, иные же ошуюю, во всѣ всовокупности пѣснословятъ, и предстоятъ Господу въ служеніи. Слѣдовательно, если Слово есть тварь, не будетъ Оно ни первымъ, ни началомъ прочихъ тварей.

Если же Слово прежде всѣхъ (что и дѣйствительно), и Оно одно есть первое и Сынъ; то не по сущности уже оно есть начало всего, потому что начало всѣхъ тварей само сопричисляется къ тварямъ. А если не начало и не тварь; то явно, что по сущности и по естеству далеко отстоитъ отъ тварей и есть иное отъ нихъ, Само же будучи единымъ есть подобіе и образъ единаго и истиннаго Бога. Посему и Писанія не поставляютъ Его наряду съ тварями, напротивъ же того, Давидъ укоряетъ осмѣлившіхся даже помыслить о Немъ что-либо подобнос, и говоритъ:

кто подобенъ Тебѣ въ бозьихъ Господи? и : кто уподобится Господеву въ сынѣхъ Божіихъ (Псал. 85, 8. 88, 7. 9.)? И Варухъ говоритъ : сей Богъ нашъ , и не вѣднтся инъ къ Нему (Вар. 3, 36.). Онъ творитъ , а твари созидаются; Онъ—собственно Отчей сущности Слово и Премудрость, существа же созданныя , не имѣвъ прежде бытія , сотворены самимъ Словоиъ.

Такъ , повторяемое нами непреставно изреченіе : Сынъ есть тварь , не имѣетъ въ себѣ истины , и есть ваше единственно мечтаніе ; и Соломонъ обвиняетъ васъ въ томъ , что неоднократно вы лгали на него. Онъ назвалъ Сына не тварію , но Божіимъ рожденіемъ и Божіею Премудростію , сказавъ : *Богъ Премудростію основа землю* (Притч. 3, 19.) , и : *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1.). Даже и самое разсматриваемое нами мѣсто обличаетъ ваше злочестіе. Ибо написано : *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*. Итакъ , если Сынъ , прежде всего , говоритъ же о Себѣ : *созда Мя* , не да сотворю дѣла , но *въ дѣла Своя* ; то , или сіе созда поздне Его самого , или окажется , что самъ Онъ поздне дѣлъ , и созидаемый находитъ уже прежде Него совершенными тѣ дѣла , для которыхъ получаетъ бытіе. Если же справедливо сіе , то какъ же Онъ прежде всего ? Какъ *вся Тьма быша* (Іоан. 1, 3.) , и *въ Немъ состоится* (Кол. 1, 17.)? Ибо вотъ , по словамъ вашимъ , прежде Него состоялись дѣла , для которыхъ Онъ созидается и посылается. Но сіе не такъ ; и да не будетъ сего ! жива сіа еретическая мысль. Божіе Слово есть не тварь , но Творецъ ;

тогда же приточно говоритъ о Себѣ: *созда Мя*, когда облеклось Оно въ созданную плоть.

И сіе опять можно уразумѣть пзъ самого сего изреченія. Будучи Сыномъ и Отцемъ имѣя Бога, какъ собственное Его рожденіе, теперь однакоже Отца именуешь Господомъ, не потому что Сынъ — рабъ, но потому что пріимъ на Себя зракъ раба. Ибо какъ Слову, существу отъ Отца, прилично было наименовать Бога Отцемъ (что и свойственно Сыну въ-отношеніи къ Отцу): такъ, пришедши совершить дѣло, и пріимъ на себя зракъ раба, прилично Ему стало наименовать Отца Господомъ. И сему различію съ совершенною опредѣленною научилъ самъ Онъ, говоря въ Евангеліи: *исповѣдаются, Отче*, и потомъ: *Господи небесе и земли* (Матѳ. 11, 25.). Въ-отношеніи къ Себѣ говоритъ, что Богъ есть Отецъ; въ-отношеніи же къ тварямъ именуешь Его Господомъ. А снмъ ясно показывается, что, когда облекся въ тварное, тогда называетъ Отца Господомъ. Сіе же различіе даетъ разумѣть Духъ Святыи и въ Давидовой молитвѣ, говоря во Псалмахъ: *даждь державу Твою отроку Твоему, и спаси Сына рабы Твоея* (Псал. 85, 16.). Инаковъ Тотъ, Кто по естеству и истинный есть Божій Отрокъ, инаковы же чада рабы, то-есть, инаково естество созданныхъ, а посему Тотъ, какъ Сынъ, имѣетъ Отчую державу, а сіи имѣютъ нужду въ спасеніи.

Если же глумятся надъ тѣмъ, что названъ Отрокомъ; то пусть знаютъ, что и Исаакъ наименованъ отрокомъ Авраамовымъ (Быт. 21, 8.); а сынъ Сумативины названъ отрокомъ (4 Цар. 4, 18.). Поелку мы рабы, то когда Сынъ содѣлался подобнымъ

намъ, по справедливости и Самъ подобно намъ именуется Отца Господомъ. И сіе содѣлалъ Онъ по чловѣколюбію, чтобы и мы, будучи по естеству рабами, но пріявъ Духа Сына, дерзновенно называли Отцемъ по благодати Того, Кто Господь нашъ по естеству. Но какъ мы, называя Господа Отцемъ, не отрицаемъ рабства своего по естеству; потому что Его мы дѣло; *Той сотвори насъ, а не мы* (Псал. 99, 3.): такъ, когда Сынъ, пріемля зракъ раба, говоритъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, да не отрицаютъ вѣчности Его Божества, и того, что *въ началѣ бѣ Слово, и: вся Тѣмъ быша, и: всяческая о Немъ создашася* (Кол. 1, 16.).

Сказанное же въ Притчахъ, какъ говорилъ уже я, означаетъ не сущность, но чловѣчество Слова. Ибо если именуется Себя созданнымъ *въ дѣла*; то явно съ намѣреніемъ—означить не сущность, но совершенное въ дѣлахъ Его домостроительство, что есть второе уже по бытіи. Существа, приводимыя въ бытіе и творимыя, преимущественно творятся для того, чтобы быть и существовать, второе же для нихъ по бытіи—дѣлать, что повелитъ имъ Слово, какъ подобное сему можно видѣть на всѣхъ тваряхъ. Адамъ созданъ не для того, чтобы дѣлать, но чтобы сперва быть чловѣкомъ; ибо послѣ сего пріямъ заповѣдь *дѣлати* (Быт. 2, 15.). Ной созданъ не ради ковчега, но чтобы прежде быть и содѣлаться чловѣкомъ; а потомъ уже пріямъ заповѣдь устроить ковчегъ. Если кто разыщетъ, то же найдетъ и о каждомъ чловѣкѣ. И великій Моисей сперва сталъ чловѣкомъ, а потомъ ввѣрено ему правленіе народомъ. Посему и здѣсь можно разумѣть то же. Ибо

видишь, не въ бытіе создается, но *въ началъ бѣ Слово*, потомъ же посылается въ дѣла, для ихъ домоустроительства. Прежде нежели произведены дѣла, всегда былъ Сынъ, но не было еще нужды создать Его. Когда же созданы дѣла, и настала потомъ нужда въ домоустроительствѣ, для поправленія дѣлъ; тогда предаетъ Себя Слово, снисходитъ и уподобляется дѣламъ. И сіе-то означило Оно симъ реченіемъ *созда*.

Подобную сей мысль желая выразить, Сынъ говоритъ еще чрезъ Пророка Исаію: *и шипъ тако глаголетъ Господь, создавый Мя отъ чрева раба Себѣ, еже собрати іакова къ Нему и израиля: соберуся и прославлюся предъ Господемъ (Исаіи 49, 5.)*. Видишь, и здѣсь создается не въ бытіе, но чтобы собрать колѣна, существовавшія прежде, нежели созданъ Собирающій. Какъ тамъ *созда*, такъ и здѣсь *созда отъ чрева*, и какъ тамъ *созда въ дѣла*, такъ здѣсь *еже собрати*. А потому, изъ всего явствуетъ, что Слово уже существуетъ, а потомъ скажется о Немъ: *созда и созда отъ чрева*. И какъ прежде созданія отъ чрева былъ тѣ колѣна, для которыхъ создается отъ чрева; такъ явно, что были и дѣла, въ которыя созданъ. И какъ, когда *въ началъ бѣ Слово*, тогда, по сказанному предъ симъ, не было еще дѣлъ; такъ, когда сотворены дѣла, и потребовала нужда, тогда сказано: *созда*. Если какой сынъ по требованію нужды, когда потеряны подвластные и по собственному нерадѣнію взяты въ плѣнъ врагами, посланъ будетъ отцемъ собрать и возвратить ихъ, и онъ пойдетъ, облечется въ подобную рабской одежду, приметъ

на себя рабскій видъ, чтобы удерживающіе рабовъ во власти своей не признали въ немъ властелина и не предались бѣгству, и чтобы это не воспрепятствовало ему снизойдти къ рабамъ, которыхъ враги скрываютъ подъ землею; и послѣ этого спросить кто сына: для чего такъ поступлено? а онъ отвѣтитъ: такъ отецъ создалъ и уготовалъ меня на дѣла свои; то, говоря такимъ образомъ, сынъ не даетъ о себѣ разумѣть, что онъ — рабъ и дѣло отца, потому что говоритъ не о началѣ своего бытія, но разумѣетъ попеченіе о дѣлахъ, возложенное на него въ-послѣдствіи. Такъ и Господь, облекшись въ нашу плоть, и образомъ обрѣтшись якоже *человѣкъ* (Фил. 2, 7.), если бы спросили взирающіе на Него при этомъ и удивляющіеся Ему, могъ бы отвѣтствовать: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя; и: созда Мя еже собрати израиля.*

Сіе также и Духъ предуказуя въ Псалмахъ, сказалъ: *поставилъ еси Его надъ дѣлы руку Твою* (Псал. 8, 7.); сіе же и самъ Господь давая разумѣть о Себѣ, говоритъ: *Азъ же поставленъ есмь Царь отъ Него надъ Сіономъ горою святою Его* (Псал. 2, 6.). Но какъ не тогда воспріялъ начало бытію и царствованію, когда тѣлесно возсіалъ Сіону, напротивъ того, Сынъ Божіе Слово и вѣчный Царь, соблаговолилъ, чтобы царство Его человѣчески возсіало и на Сіонѣ, и чтобы іудей и мы, искупленные отъ царствовавшего во всѣхъ грѣха, подчинены стали отеческому Его царству; такъ и поставляемый въ дѣла поставляется не въ тѣ дѣла, которыхъ еще нѣтъ, но въ тѣ, которыя уже совершены и требуютъ поправленія.

Посему, реченія: *созда, созда отъ чрева, поставилъ есть*, имѣя одинъ и тотже смыслъ, указываютъ не на начало бытія, не на тварную сущность Сына, но на то обновленіе, которое по Его благодѣянію совершается въ насъ. И употребляя сіи реченія, научилъ Онъ также о Себѣ, что имѣлъ бытіе прежде сего, когда сказалъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. 8, 59.); *п: егда готоваше небо, съ Нимъ бѣхъ* (Притч. 8, 27.); *и: бѣхъ при Немъ устрояя* (29.). Какъ былъ Онъ *прежде даже Авраамъ не бысть*, Израиль же произошелъ послѣ Авраама, и явно, что, если, и прежде существовалъ, въ-послѣдствіи создается, то созданіе сіе означаетъ не начало бытія, а вочеловѣченіе, въ которомъ и собираетъ колѣна израильскія: такъ, вѣчно сопрѣбывая со Отцемъ, Онъ есть Зиждитель твари, и явно, что дѣла позднѣе Его, и реченіе: *созда* означаетъ не начало Его бытія, но домо-строительство о дѣлахъ, какое совершилъ Онъ во плоти. Ему, Который есть не то же, что дѣла, и лучше сказать, Ему, Который есть Зиждитель дѣлъ, подобало воспріять на Себя и обновленіе дѣлъ, чтобы Ему же, ради насъ создаемому, все возсоздать въ Себѣ. И сказавъ: *созда*, немедленно присовокупилъ и причину, наименовавъ дѣла, чтобы симъ: *созидается въ дѣла, выражалось: содѣлывается челоуѣкомъ для обновленія дѣлъ*. Такого рода выраженія обыкновенны въ божественномъ Писаніи. Ибо, когда даетъ разумѣть о рожденіи Слова во плоти, тогда присовокупляетъ и причину, по которой Слово содѣлалось челоуѣкомъ. А когда, или самъ Сынъ говоритъ о Божествѣ Своемъ, или воз-

Т. XIX. 22

вѣщаютъ о Немъ служители Его, тогда все выражается простымъ реченіемъ, въ отрѣшенномъ смыслѣ, безъ присовокупленія причины, потому что Онъ есть Отчее сіяніе. Какъ Отецъ имѣетъ бытіе не по какой-либо причинѣ; такъ не надобно доискиваться причины и Его сіянія. Посему, написано: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*; и не прибавлено: для чего сіе? А когда *Слово плоть бысть*, тогда Писаніе представляетъ и причину, по которой Слово стало плотію, говоря: *и вселися въ ны*. И также Апостолъ, сказавъ: *Иже во образѣ Божіи сѣй*, не представилъ причины, пока не сказалъ: *зракъ раба пріялъ*. Ибо тогда присовокупляетъ и причину, говоря: *смирилъ Себе даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 7. 8.); потому что для сего сталъ Онъ плотію, и пріялъ на Себя зракъ раба.

Самъ Господь о многомъ говорилъ въ притчахъ, давая же разумѣть о Себѣ, говорилъ отрѣшенно: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.); и: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12.); и: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.), не присовокупляя при каждомъ изреченіи причины, не объясняя, почему это, чтобы не подать мысли, будто бы Онъ позднѣе того, ради чего содѣлался снѣ; потому что причина, безъ которой и самъ Онъ не содѣлался бы снѣ, необходимо должна была бы предшествовать Ему. Такъ Павелъ, избранъ Апостолъ во благовѣстіе, еже прежде обѣща Господь Пророки (Рим. 1, 1.), имѣлъ прежде себя евангеліе, котораго и сталъ

служителемъ. И Іоаннъ, на котораго возложено было предшествовать Господу, имѣлъ прежде себя Господа. Но Господь, не имѣя прежде Себя причины быть Словомъ, кромѣ того, что Онъ — Отчее рожденіе и едиnorodная Премудрость, когда содѣлывается челоувкомъ, тогда представляетъ и причину, по которой будетъ носить плоть. Ибо тому, чтобы содѣлался Онъ челоувкомъ, предшествуетъ нужда челоувковъ, безъ которой не облекся бы Онъ въ плоть. Объясняя же, какая была нужда, по которой содѣлался Господь челоувкомъ, самъ Онъ сказалъ: *Снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя. Се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскресу е въ послѣдній день. Се же есть воля Отца Моего, да всякъ видѣль Сына и вѣруй въ Него, имать животъ вѣчный, и воскресу его Азъ въ послѣдній день* (Іоанн. 6, 38—40.); и еще: *Азъ свѣтъ въ мѣръ придохъ, да всякъ вѣруй въ Мя во тмѣ не пребудеть* (Іоан. 12, 46.). И еще говоритъ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ мѣръ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. 18, 37.). Іоаннъ же написалъ: *сего ради явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола* (Іоан. 3, 8.).

Итакъ, Спаситель пришелъ засвидѣтельствовать, пріять за насъ смерть, воскресить челоувковъ и разрушить дѣла діавола; — вотъ причина явленія Его во плоти. Не было бы иначе и воскресенія, если бы не было смерти. А какъ быть смерти, если бы не имѣлъ смертнаго тѣла? И Апостоль, научившись сему отъ Господа, сказалъ: *понеже*

убо дѣти приобщашися плоти и крови, и Той прискреннь приобщися тѣхже, да смертію упряднитъ имущаго державу смерти, діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ чрезъ все житіе повинни бѣша работъ (Евр. 2, 14. 15.); и: понеже челоуѣкомъ смерть бысть, и челоуѣкомъ воскресеніе мертвыхъ (1 Кор. 15, 21.); и еще: немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсъ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу (Рим. 8, 3.). Іоаннъ же говоритъ: не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасетя Имъ міръ (Іоан. 3, 17.). Еще Спаситель сказалъ о Себѣ: на судъ Азъ въ міръ сей придохъ, да не видящии видятъ, и видящии слѣпы будутъ (Іоан. 9, 39.). Поэтому, не для Себя пришелъ Онъ, но для нашего спасенія, чтобы упряднить смерть, осудить грѣхъ, слѣпыми дать прозрѣніе, воскресить встѣхъ изъ мертвыхъ.

Если же не для Себя пришелъ, а для насъ; то и созидается не для Себя, а для насъ. А если не для Себя созидается, но для насъ; то самъ Онъ — не тварь, но, облекшись въ нашу плоть, говоритъ о Себѣ, что созидается. И что Писанія имѣютъ сію мысль, можно вразумиться о семъ у Апостола. Ибо въ Посланіи къ Ефесянамъ говоритъ: *средостѣнне ограда разоривый, вражду плотию Своею, законъ заповѣдей ученми упряднивъ: да оба созиждетъ Собою во единого новаго челоуѣка, творя миръ* (Ефес. 2, 14. 15.). Если же въ Немъ созидаются оба, и они въ тѣлѣ Его; то, нося обоихъ въ Себѣ,

справедливо и Самъ именуется какбы созданнымъ. Въ Себѣ соединилъ Онъ созданныхъ, и Самъ былъ въ нихъ. тѣмже, что и сами они; и, поелику оба созданы въ Немъ, то прилично можетъ сказать о Себѣ: *Господь созда Мя*. Какъ пріявшій на Себя немощи наши, Самъ именуется немоществующимъ, хотя не немощенъ, потому что есть Божія сила. За насъ сталъ Онъ грѣхомъ и клятвою, хотя Самъ не согрѣшилъ, а только понесъ на Себѣ наши грѣхи и нашу клятву. Такъ, созидая насъ въ Себѣ, говоритъ о Себѣ: *созда Мя въ дѣла*, хотя Самъ—не тварь.

А если, по словамъ еретиковъ, поелику сущность Слова есть тварная, Слово, будучи тварію, говоритъ: *Господа созда Мя*; то не ради насъ. Оно создано. Поелику же не ради насъ создано, то и мы не въ Немъ созданы. А не въ Немъ созданные не въ себѣ имѣемъ Его, имѣемъ же совнѣ, если и пріяли отъ Него ученіе, какъ отъ наставника. Въ такомъ же случаѣ грѣхъ плоти не менѣе прежняго царствуетъ еще, пребывая во плоти, и не изринуть изъ нея. Но Апостолъ утверждаетъ противное сему, за нѣсколько прежде до приведенныхъ словъ говоря: *Того бо есмь твореніе, создани во Христь Иисусъ* (Ефес. 2, 10.). Если же во Христь мы созданы; то не Онъ создается, создается же въ Немъ мы, и ради насъ употреблено сіе реченіе: *созда*. По нашей нуждѣ Слово, хотя Оно — Творецъ, присвоило Себѣ реченіе, приличное тварямъ. И сіе реченіе: *созда* несвойственно Ему, какъ Слово, свойственно же намъ, въ Немъ созидаемымъ. И какъ всегда есть Отецъ, а потому всегда есть и

Слово Его, всегда же сущее Слово говоритъ всегда: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его* (Притч. 8, 30.); и: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.); такъ, когда по нашей нуждѣ Слово содѣлалось человѣкомъ, сообразно съ симъ, подобно намъ, говоритъ о Себѣ свойственное намъ: *Господь созда Мя*, чтобы, по вселеніи Его во плоти, совершенно изгнанъ былъ изъ плоти грѣхъ, и мудрствованіе наше стало свободно.

И что надлежало бы сказать Слову, содѣлавшись человѣкомъ? Сказать ли: въ началѣ было Я человѣкомъ? Но сіе было бы и неприлично Ему, и несправедливо. Сколько же неприлично было сказать о Словѣ, столько свойственно и въ собственномъ смыслѣ можно сказать о человѣкѣ: *созда, и сотвори его*. Поэтому, присоединяется и причина созданія, именно, потребность, какую имѣли дѣла. Но гдѣ прилагается причина, тамъ самая причина сія, безъ сомнѣнія, совершенно разрѣшаетъ, что значитъ читаемое мѣсто. И здѣсь Слово при реченіи: *созда* представляетъ причину — *дѣла*; о рожденіи же отъ Отца выражаясь отрѣшенно, тотчасъ присовокупляетъ: *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя* (Притч. 8, 25.). Не сказываетъ Слово, для чего раждаетъ, какъ при реченіи: *созда Мя* присовокупило: *въ дѣла*, но говоритъ отрѣшенно: *раждаетъ Мя*, какъ и въ Евангеліи: *въ началѣ бѣ Слово*. Если и не были бы сотворены дѣла; то было Божіе Слово, и *Богъ бѣ Слово*. Но не содѣлалось бы Оно человѣкомъ, если бы нужда самихъ человѣковъ не стала тому причиною. Поэтому, Сынъ — не тварь. А если бы

Онъ былъ тварію, то не сказалъ бы: *раждаетъ Мя*; потому что твари суть вышнія дѣла Творящаго, Рожденіе же не сонмъ, какъ дѣло, но собственность Отчей сущности. И посему-то дѣла суть твари, а Сынъ—Божіе Слово, однородный Сынъ.

И подлинно, не сказалъ Моисей о твари: въ началъ роди, и: въ началъ бѣ, говоритъ же: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю. Не воспѣлъ Давидъ: руцѣ Твои родили меня, но: сотворишь мя и создашь мя* (Псал. 118, 73.). О тваряхъ вездѣ употребляя реченіе: *сотвори*, иначе говоритъ о Сынъ; ибо не сказалъ: *сотвори*, но: *родихъ* (Псал. 109, 4.), и: *раждаетъ Мя* (Притч. 8, 25.), и: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2.). И о твари сказано: *въ началъ сотвори*, о Сынъ же: *въ началъ бѣ Слово*.

Есть же разность и въ томъ, что твари создаются въ продолженіи начала, имѣютъ продолжительное начало бытія. Посему, сказанное о нихъ: *въ началъ сотвори* равнозначительно о нихъ также сказанному: *сотворилъ искони*. И Господь, въдаѣя, что сотворено Имъ, самъ учитъ насъ сему, когда, въ постыженіе фарисеевъ, говоритъ: *Сотворивый ихъ искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Матѣ. 19, 4.). Созданное, воелику сего нѣкогда не было, получило бытіе *искони* и сотворено. Сіе далъ разумѣть и Духъ Святой, говоря во Псалмахъ: *въ началъхъ Ты Господи землю основалъ еси* (Псал. 101, 26.); и еще: *помни сонмъ Твой, егоже стяжалъ еси исперва* (Псал. 73, 2.). Явно же, что совершаемое *въ началъхъ* имѣеть начало созданія, и что сонмъ стяжалъ Богъ съ

нѣкоего начала. А что выраженіе: *сотвори въ началѣ*, по смыслу слова: *сотвори*, значить: *началъ творить*, сіе объясняетъ намъ Моисей, когда, по окончаніи всего міротворенія, говоритъ: *и благослови Богъ день седмый, и освяти его, яко въ той почѣ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже начатъ Богъ творити* (Быт. 2, 3.). Слѣдовательно, твари начали приходить въ бытіе; Божіе же Слово, не имѣя начала бытію, по всей справедливости не начинало быть и приходить въ бытіе, но было всегда. И дѣла имѣютъ начало въ своемъ сотвореніи, начало предшествуетъ созидаемому, Божіе же Слово, не принадлежа къ числу созидаемыхъ, Само паче дѣлается Звждителемъ всего имѣющаго начало. Бытіе созидаемаго измѣряется со мгновенія созданія, и съ нѣкоего начала Богъ начинаетъ творить это Слово, чтобы всякій зналъ, что сего не было, пока не сотворено. Слово же имѣетъ бытіе не въ иномъ началѣ, но во Отцѣ, и по ученію еретиковъ, безначальномъ, почему и Само безначально пребываетъ во Отцѣ, будучи не тварию, но рожденіемъ Отца.

Такъ божественному Писанію извѣстно сіе различіе между рожденіемъ и произведеніями, и оно показываетъ, что рожденіе есть Сынъ, не начавшійся съ какого-либо начала, но вѣчный; о произведеніи же, какъ о дѣлѣ внѣшнемъ для Сотворившаго, даетъ разумѣть, что оно начало приходить въ бытіе. Такъ и Іоаннъ, богословствуя о Сынѣ, и зная сіе различіе реченій, не сказалъ: въ началѣ получило бытіе, или сотворено, но: *въ началѣ бѣ Слово*, чтобы въ самомъ реченіи: *бѣ* подразумевалось слово: *рожденіе*, и чтобы не заключилъ кто о Сынѣ,

будто бы произошел Онъ въ продолженіи времени, но вѣровалъ, что существуетъ Онъ всегда и вѣчно.

Почему же вы, аріане, послѣ всѣхъ сихъ доказательствъ, не выразумѣвъ изреченій во Второзаконіи, осмѣливаетесь и въ этомъ еще нечестовать противъ Господа, говоря, что Онъ произведение, или тварь, или рожденіе? Ибо говорите, что реченія: *рожденіе* и *произведение* значатъ одно и тѣже. И тѣмъ не менѣе даете симъ о себѣ знать, что вы невѣжды и злочестивы. Первое изреченіе есть слѣдующее: *не Самъ ли сей Отецъ твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя* (Второз. 32, 6.)? И нѣсколько ниже въ тойже пѣсни сказано: *Бога рождашаго тя оставилъ еси, и забылъ еси Бога питающаго тя* (18). Весьма чуденъ смыслъ, заключающійся въ сихъ словахъ! Не сказалъ Моисей въ первомъ мѣстѣ: *родилъ*, чтобы реченіе сіе не показалось безразличнымъ съ реченіемъ: *сотворилъ*, и еретики не имѣли предлога говорить: «самъ Моисей сказалъ, что вначалѣ рече Богъ: *сотворимъ чловѣка* (Быт. 1, 26.), и онъ же послѣ того говорить: *Бога рождашаго тя оставилъ еси*, какъ-будто реченія сіи безразличны, и рожденіе и произведение есть одно и тѣже». Напротивъ того, послѣ реченій: *стяжа и: сотвори*, присовокупилъ онъ въ-послѣдствіи реченіе: *родилъ*, чтобы рѣчь видимо объясняла сама себя. Ибо реченіемъ: *сотвори* означаетъ, что въ дѣйствительности естественно людямъ, а именно, что они суть дѣла и произведенія; реченіемъ же: *родилъ* выражаетъ Божіе чловѣколюбіе, явленное людямъ по сотвореніи ихъ. И

поелику при всемъ этомъ содѣлались они неблаго-
дарными; то Моисей, уже укоряя ихъ, говоритъ
сперва: *сіе ли Господеви воздаете?* потомъ присо-
вокупляетъ: *не Самъ ли сей Отець твой стяжа
тя, и сотвори тя, и созда тя?* И потомъ еще
говоритъ: *Пожроша бѣсовомъ, а не Богу, богомъ,
ихже не вѣдѣша: нови и недавни приидоша, ихже
не вѣдѣша отцы ихъ. Бога рождашаго тя оста-
вили еси* (Второз. 32, 6. 17. 18.). Богъ не только
создалъ ихъ людьми, но и наименовалъ сынами,
какбы родилъ ихъ. Ибо и здѣсь реченіе: *родилъ*
означаетъ *сынъ*, какъ и чрезъ Пророка говоритъ:
сыны родихъ и возвысихъ (Исаи 1, 2.); и вообще,
когда Писаніе хочетъ выразить это понятіе: *сынъ*,
дастъ сіе разумѣть не реченіемъ: *создалъ*, но непре-
мѣнно реченіемъ: *родилъ*.

Сію, кажется, мысль имѣетъ также и Іоаннъ, го-
воря: *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти,
вѣрующимъ во имя Его: ихже не отъ крове, ни
отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія,
но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13.). Весьма
кстати и здѣсь употреблена предусмотрительность.
Іоаннъ реченіемъ: *быти* выражаетъ, что сынами
нарицаются не по естеству, а по усыновленію; ре-
ченіе же: *родишася* употребилъ, потому что и они
вполнѣ получили именованіе: *сынъ*. Но люди, какъ
говоритъ Пророкъ, *отвергошася* Благодѣтеля (Исаи
1, 2.). И то есть Божіе челоуѣколюбіе, что Богъ
въ-послѣдствіи по благодати дѣлается Отцемъ тѣхъ,
которыхъ сотворилъ: дѣлается же Отцемъ, когда
созданные Имъ люди, какъ сказалъ Апостоль, при-
смяютъ въ сердца свои Духа Сына его, *вопіюща:*

Ава Отче (Гал. 4, 7.). Сія-то, елицы пріяша Слово, пріяли отъ Него область чада Божіи быти; а иначе, бывъ по естеству тварями, не содѣлялись бы сынами, если бы не пріяли Духа Сына, Сына сущаго по естеству и истиннаго. Поэтому, чтобы совершилось сіе, Слово плоть бысть, да содѣляетъ человекъ способнымъ къ пріятію въ себя Божества.

Туже мысль можно видѣть и у Пророка Малахія, который говоритъ: *не Богъ ли единъ созда васъ? Не Отецъ ли единъ встѣмъ вамъ* (Мал. 2, 10.)? И здѣсь также Пророкъ сперва сказалъ: *созда, а потомъ присовокупилъ: Отецъ*, показывая тѣмъ, что первоначально по естеству мы твари, и Богъ сотворилъ насъ Словомъ, въ-послѣдствіи же усно-вляемся, и Богъ Творецъ дѣлается уже нашимъ Отцемъ. Поэтому, Отецъ есть собственность Сына, и собственность Отца—не тварь, но Сынъ; а такимъ образомъ и сіе показываетъ, что по естеству не мы—сыны, но пребывающій въ насъ Сынъ, и также Богъ—не нашъ по естеству Отецъ, но пребывающаго въ насъ Слова, о Которомъ и чрезъ Котораго воиѣмъ: *Ава Отче*. А какъ несомнѣнно сіе; такъ Отецъ, если видитъ въ комъ Сына Своего, то и Самъ называетъ тѣхъ сынами, и говоритъ о нихъ: *родихъ*. Поелику же реченіемъ: *раждать* означается сынъ, и реченіемъ: *творить* указывается на дѣла; то по сему самому мы именуемся прежде не рожденными, но сотворенными. Ибо написано: *сотворимъ человекъ* (Быт. 1, 26.), въ-послѣдствіи же, по пріятіи нами благодати Духа, сказуемся уже и рожденными.

Безъ сомнѣнія и великій Моисей въ пѣснѣ стѣ

доброю мыслию употребилъ сперва реченіе: *стяжа*, а въ-послѣдствіи и реченіе: *родилъ*, чтобы Израильтяне, услышавъ слово: *родилъ*, не забыли первоначальнаго своего естества, но знали, что первоначально они — твари, да и когда по благодати называются люди рожденными, какъ сыны, все-еще по естеству суть созданія.

А что тварь и рожденіе суть не одно и то же, но далеки между собою и по естеству и по значенію самыхъ реченій, сіе показываетъ самъ Господь въ тѣхже Притчахъ. Ибо сказавъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, присовокупилъ: *прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя*. Итакъ, если бы Слово по естеству и по сущности было тварію, и не было бы разности между рожденіемъ и тварію; то не присовокупилъ бы: *раждаетъ Мя*, но удовлетворился бы реченіемъ: *созда*, какъ означющимъ то же, что и реченіе: *родилъ*. Теперь же, сказавъ: *созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя*, не просто присовокупилъ: *раждаетъ Мя*, но въ сопряженіи съ союзомъ: *же*, какбы ограждая симъ реченіе: *созда*, говоритъ: *прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя*. Ибо реченіе: *раждаетъ Мя*, поставляемое въ связи съ реченіемъ: *созда*, составляетъ одну мысль, и показываетъ, что какъ реченіе: *созда* употреблено по причинѣ; такъ сіе: *раждаетъ Мя* предшествуетъ созданію. Какъ если бы наоборотъ сказалъ: *Господь раждаетъ Мя*, и потомъ присовокупилъ: *прежде же всѣхъ холмовъ созда Мя*, то, безъ сомнѣнія, созданіе предшествовало бы рожденію: такъ, сказавъ прежде: *созда*, и потомъ присовокупивъ: *прежде же всѣхъ раж-*

даетъ *Мя*, необходимо показываетъ, что рожденіе предшествуетъ созданію. Ибо, говоря: *прежде всѣхъ рождаетъ Мя*, даетъ о Себѣ разумѣть, что Онъ есть нный отъ всѣхъ, такъ-какъ предъ симъ доказано было самою истиною, что изъ тварей ниодна другой не предшествовала, но все созданное произведено вдругъ въ-совокупности однимъ и тѣмже повелѣніемъ.

Посему, не тѣже поставлено при реченіи: *созда*, что и при выраженіи: *рождаетъ Мя*. Напротивъ же того, при реченіи: *созда* поставлено: *начало путей*; при выраженіи же: *рождаетъ Мя*, не сказалъ: *вначалѣ* рождаетъ *Мя*, но: *прежде всѣхъ рождаетъ Мя*. А Кто прежде всѣхъ, Тотъ не есть начало всѣхъ, но иной отъ всѣхъ. Если же иной отъ всѣхъ, въ числѣ же всѣхъ разумѣется и начало всѣхъ; то явно, что иной отъ тварей. Изъ сего явствуетъ, что Слово, будучи инымъ отъ всѣхъ и прежде всѣхъ суще, въ-послѣдствіи созидается началомъ путей въ дѣла, по причинѣ вочеловѣченія; какъ сказалъ Апостоль: *Иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, да будетъ во всѣхъ Той первенствуя* (Кол. 1, 18.).

Поелику же такова разность выраженій: *созда* и *рождаетъ Мя*, *начало путей* и *прежде всѣхъ*; то, какъ Богъ, Творецъ чловѣковъ, по сказанному, дѣлается въ-послѣдствіи Отцемъ ихъ, ради обитающаго въ нихъ Слова Его, такъ о Словѣ должно сказать наоборотъ: Богъ, Отецъ Его по естеству, дѣлается потомъ Творцемъ Его и Создателемъ, когда Слово облекается въ тварную и созданную плоть, и содѣлывается чловѣкомъ. Какъ люди,

пріемля Духа Сына, дѣлаются чрезъ Него чадами; такъ Божіе Слово, когда облеклось въ плоть человѣческую, именуется тогда созданнымъ и сотвореннымъ. Поэтому, если мы — сыны по естеству, то явно, что и Онъ — по естеству тварь и произведеніе. А если мы дѣлаемся сынами по усыновленію и по благодати; то явно, что Слово, для дарованія намъ благодати содѣлавшись человѣкомъ, изрекмо о Себѣ: *Господь созда Мя.*

Притомъ, поелику Господь, облекшись въ тварное, содѣлался подобенъ намъ по тѣлу; то посему справедливо наименованъ и братомъ нашимъ и первороднымъ. Ибо хотя и послѣ насъ содѣлался Онъ ради насъ человѣкомъ и братомъ нашимъ по подобію тѣла, однакоже и при этомъ именуется первороднымъ въ насъ, и дѣйствительно таковъ; потому что, когда всѣ люди по Адамовомъ преступленіи гибли, Его плоть прежде иныхъ спаслась и освободилась, какъ содѣлавшаяся тѣломъ самого Слова, и мы уже спасаемся послѣ нея, какъ стѣлесники Слова. Ибо въ семъ тѣлѣ Господь дѣлается нашимъ вождемъ въ небесное царство и ко Отцу Его, говоря: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6.) и *дверь*, и Мною должны входить всѣ (Іоан. 10, 9.).

Посему, называется также и перворожденнымъ изъ мертвыхъ, не потому что умеръ прежде насъ (умерли прежде мы); но потому что для насъ пріять смерть и привести ее въ бездѣйствіе, первый воскресъ, какъ человѣкъ, для насъ воскресивъ тѣло Свое. Поелику Онъ воскресъ; то наконецъ уже и мы Имъ и ради Него возставаемъ изъ мертвыхъ.

Если же Господь именуется и перворожденнымъ

твари (Кол. 1, 15.); то именуется, не какъ сравни-
 ваемый съ тварями, и не какъ первый изъ нихъ
 по времени (ибо какъ быть Ему перворожденнымъ,
 когда Онъ есть едиnorodный?), но по снисхожденію
 Слова къ тварямъ, по которому Оно содѣлалось
 братомъ многихъ. Единородный едиnorodенъ пото-
 му, что не имѣеть другихъ братьевъ; первородный
 же называется первороднымъ по причинѣ другихъ
 братьевъ. Посему, Господь нигдѣ въ Писаніи не
 именуется первороднымъ Божіимъ и Божією тва-
 рію. Именованія: Единородный, Сынъ, Слово, Пре-
 мудрость показываютъ близкое отношеніе ко Отцу
 и свойствѣ съ Нимъ. Видѣхомъ славу Его, славу
 яко Единороднаго отъ Отца (Іоан. 1, 14.); и:
 посла Богъ Сына Своего едиnorodнаго (1 Іоан.
 4, 9.); и: во вѣкъ Господи Слово Твое пребы-
 ваетъ (Псал. 118, 89.); и: въ началѣ бѣ Слово, и
 Слово бѣ къ Богу (Іоан. 1, 1.); и: Христосъ Божія
 сила и Божія Премудрость (1 Кор. 1, 24.); и:
 Сей есть Сынъ Мой возлюбленный (Матѣ. 3, 17.),
 и: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго (Матѣ.
 16, 16.). Именованіе же: *первородный* показываетъ
 снисхождение къ твари; потому что названъ перво-
 рожденнымъ твари. И реченіе: *созда* показываетъ
 милость къ дѣламъ; потому что и создается *въ*
дѣла. Итакъ, если Господь едиnorodенъ, какъ и
 дѣйствительно; то объясни мнѣ наименованіе перво-
 роднымъ. Если первороденъ, то пусть не будетъ
 едиnorodнымъ; ибо невозможно одному и тому же
 быть и едиnorodнымъ и первороднымъ, развѣ толь-
 ко въ разныхъ отношеніяхъ, и едиnorodнымъ, какъ
 уже сказано, именуется по рожденію отъ Отца,

257.25

351, 353, 354

первороднымъ же по снисхожденію къ твари, и потому что многихъ содѣлалъ Своими братіями. И безъ сомнѣнія, по справедливости можно сказать, что изъ сихъ двухъ противоположныхъ между собою реченій къ Слову преимущественнѣе идетъ качество едиnorodнаго, потому что нѣтъ другаго Слова, или другой Премудрости, но одно Оно есть истинный Отчій Сынъ; и, какъ замѣчено прежде, безъ присокупленія какой-либо причины, но отрѣшенно говорится о Немъ: *едиnorodный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18.); а съ наименованіемъ: *первороденъ* соединяется причина, указуемая въ твари, каковую и присокупилъ Павелъ, сказавъ: *яко Тѣмъ создана быша всяческая* (Кол. 1, 16.). Если же всѣ твари созданы Имъ; то Онъ есть иной отъ тварей, и не тварь, но Творецъ тварей. И такъ, первороднымъ наименованъ Господь, не потому что Онъ отъ Отца, но потому что Имъ получила бытіе тварь. И какъ прежде твари былъ Онъ Сыномъ, чрезъ Котораго тварь пришла въ бытіе; такъ и прежде наименованія *первороденнымъ* *всѣя твари*, тѣмъ не менѣе было само Слово къ Богу, и *Богъ бѣ Слово*.

Но злочестивые, и сего не уразумѣвъ, ходятъ всюду, и говорятъ: «если перворожденъ всѣя твари, то явно, что и Самъ есть единая изъ тварей». Несмысленные! Если *первороденъ* вообще *всѣя твари*, то слѣдуетъ, что иной отъ всей твари. Апостолъ не сказалъ, *первороденъ* иныхъ тварей, чтобы не почли единою изъ тварей; написалъ же: *первороденъ всѣя твари*, чтобы явствовало, что иной отъ твари. Рувимъ называется первенцемъ не

всѣхъ чадъ Іаковлевыхъ , но самого Іакова и братій (Быт. 35, 23.), чтобы не почли его инымъ отъ чадъ Іаковлевыхъ. Да и о самомъ Господѣ Апостолъ не сказалъ: *яко быти первородну во всѣхъ* , чтобы не подумалъ кто , будто бы носитъ Онъ на Себѣ инаковое съ нашимъ тѣло, но: *первородну во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 25.), по подобію плоти. Поэтому, если бы Слово было единою изъ тварей; то Писаніе сказало бы о Немъ: *перворожденъ* иными тварей. А теперь , поелику Святые говорятъ : *перворожденъ вся твари* , прямо симъ показывается , что Сынъ Божій есть иной отъ всей твари , а не тварь. Ибо если Онъ—тварь ; то будетъ перворожденнымъ и Себя самого. Какъ же можно, ариане, быть и первоначальнѣе и позднѣе себя самого? Сверхъ того, если Онъ—тварь , а всякая тварь Имъ получила бытіе и о Немъ состоялась , какъ можетъ и создать тварь, и быть единымъ изъ состоявшихся о Немъ?

Поелику же сама собою видна несообразность такого вымысла арианъ; то истина уличаетъ ихъ , что Сынъ наименованъ *первороднымъ во многихъ братіяхъ* по сродству плоти , *перворожденнымъ же изъ мертвыхъ*, потому что воскресеніе мертвыхъ отъ Него и послѣ Него , и *перворожденнымъ вся твари* по чловѣколюбію Отца , по которому Словомъ Его не только всяческая состоится , но и сама тварь , какъ сказалъ о ней Апостолъ, чая *откровенія сыновъ Божіихъ* , *свободится вѣкогда отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19, 21.). По такомъ же освобожденіи твари , Господъ будетъ *первороднымъ* и ея , какъ и всѣхъ содѣлавшихся чадами , чтобы , съ наименованіемъ Его пер-

вымъ , пребывало и то , что по Немъ , завися отъ Слова, какъ отъ нѣкоего начала.

Думаю же , что при такомъ разумнѣи Писаніи постыдятся и самые нечестивые. Ибо, если утверждаемое нами несправедливо, напротивъ же того, угодно имъ , чтобы Слово было перворожденнымъ всея твари, какъ по сущности тварь; то пусть разсудятъ, что, по ихъ предположенію, будетъ Онъ братомъ безсловесныхъ и неодушевленныхъ тварей, и уподобится имъ; потому что и сн существа составляютъ часть всея твари ; перворожденному же необходимо первенствовать по одному времени, по роду же и по подобію быть со всеми тождественнымъ. Но утверждая сіе , не превосходятъ ли еретики всякую мѣру злочестія? Или, кто терпѣливо выслушаетъ отъ нихъ сіе? Или, какъ не возненавидѣтъ ихъ за одну такую мысль? Для всякаго явно, что не ради себя самого, какъ тварь , и не потому что въ сущности имѣеть нѣкое средство со всею тварию , Слово наименовано перворожденнымъ твари, но какъ потому, что Слово, вначалѣ созидавая твари, снизошло къ созданнымъ, чтобы могли прійти въ бытіе (иначе же, не стерпѣли бы Его ипчѣмъ не умѣряемаго естества и подлинно Отческой свѣтлости , если бы по Отчему человеколюбію Слово не снишло къ нимъ на помощь, и пріявъ во власть Свою , не ввело ихъ въ сущность), такъ во-вторыхъ и потому еще, что, по снихожденію Слова, усыновляется Имъ самая тварь; и такимъ образомъ , какъ сказано, Слово дѣлается перворожденнымъ твари по всяческимъ , и тѣмъ , что созидаеть , и тѣмъ , что за всѣхъ вводится въ самую вселенную. Ибо такъ написано : *егда же вводитъ*

Первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи (Евр. 1, 6.). Пусть слышать христорборцы и сами себя терзаютъ; вшествіе Слова во вселенную причиною того, что Оно наименовано перворожденнымъ всѣхъ. А такимъ образомъ, Оно есть едиnorodный Отчий Сынъ, потому что Оно одно отъ Отца; называется же перворожденнымъ твари, по усыновленію всѣхъ. Но какъ первородный въ братіяхъ и отъ мертвыхъ воста наче токъ умершимъ (1 Кор. 15, 20.); такъ, поелику во всемъ подобало Ему первенствовать, создается поэтому и какъ начало путей, чтобы и намъ, вступивъ на сей путь и вошедши Тѣмъ, Кто говоритъ: *Азъ есмь путь и дверь*, а также пріобщившись въ дѣнія отъ Отца, услышать: *блаженіи непорочни въ пути* (Псал. 118, 1.), и: *блаженіи чистіи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8.).

Итакъ, поелику истина показала, что Слово по естеству не тварь; то слѣдуетъ уже сказать, почему называется началомъ путей. Поелику первый путь чрезъ Адама былъ потерянъ, вмѣсто рая уклонились мы въ смерть, и услышали: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19.); то челолюбивое Божіе Слово, по изволенію Отца, облекается въ созданную плоть, чтобы ту плоть, которую первый челолюбъ умертвилъ преступленіемъ, оживотворить Ему кровію тѣла Своего и обновить для насъ путь новый и живой, какъ сказалъ Апостоль, *завѣсою, сиречь плотию Своею* (Евр. 10, 19. 20.). Сіе же давая разумѣть, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *тѣмъже аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша всѣ нова* (2 Кор. 5, 17.). Если же

произошла новая тварь; то надлежало кому-либо быть первым сей твари. Простый и перстный только человекъ, какими содѣлался мы въ-слѣдствіе преступленія, не могъ быть первымъ; потому что и въ первоначальной твари люди стали невѣрными, и чрезъ нихъ погибла первоначальная тварь; потребенъ былъ иной обновляющій первоначальную тварь и соблюдающій ту, которая содѣлалась новою тварию. Посему-то человеклюбовно не иной кто, но Господь, начало новой твари, создается путемъ, и справедливо говорить о Себѣ: *Господь созда Мл' начало путей Своихъ въ дѣла Своя*, чтобы человекъ жителствовалъ уже не по оной первоначальной твари, но, послѣдуя положено начало новой твари, то, началомъ путей ея имѣя Христа, послѣдовали мы уже Ему, глаголющему о Себѣ: *Азъ есмь путь*. Сему уча, и блаженный Апостолъ въ Посланіи къ Колоссянамъ, сказалъ: *Той есть глава тѣлу Церкви, Иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствуя* (Кол. 1, 18.).

Если, какъ сказано, по причинѣ воскресенія изъ мертвыхъ, Господь называется за сіе начаткомъ; воскресеніе же совершилось тогда, какъ, нося на Себѣ нашу плоть, предалъ Себя за насъ на смерть: то явно, что сказанное Имъ: *созда Мл' начало путей* означаетъ не сущность Его, но пришествіе Его въ тѣль; потому что смерть была свойственна тѣлу. И какъ тѣлу свойственна смерть, такъ тѣлесному пришествію будетъ свойственно сказанное: *Господь созда Мл' начало путей Своихъ*; потому что, когда Спаситель такимъ образомъ созданъ по плоти, сталъ начаткомъ создаемыхъ, и имѣетъ нашъ начатокъ—

воспріятую Имъ на Себя человѣческую плоть, тогда, сообразно съ симъ, создаются по Немъ и будущіе люди, какъ говоритъ Давидъ: *да напишется сіе въ родъ инъ*, и людие *зизждимии* *восхвалятъ Господа* (Псал. 101, 19.); и еще въ двадцать первомъ псалмѣ: *возвѣститъ Господеви родъ грядущій, и возвѣстятъ правду Его людемъ родитися имущимъ, яже сотвори Господь* (Псал. 21, 32.). Не услышимъ бо-
 лѣе: *въ онъже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17.); слышимъ же: *идъже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. 14, 3.); почему и говоримъ: *Того бо есмь твореніе, создани на дѣла благая* (Ефес. 2, 10.). Еще же, поелику Божіе дѣло, то-
 есть человѣкъ созданный совершеннымъ, въ-слѣд-
 ствіе преступленія содѣлалось недостаточнымъ и умерщвлено стало грѣхомъ, дѣлу же Божію непри-
 лично было оставаться несовершеннымъ; то всѣ свя-
 тые умоляли о семъ, говоря во сто тридцать седмю псалмѣ: *Господи воздаждь за мя: Господи дѣль руку Твою не презри* (Псал. 137, 8.). Посему-то совершенное Божіе Слово облагается несовершеннымъ тѣломъ и именуется создаемымъ въ дѣла, чтобы Ему, воздавъ за насъ долгъ, восполнить Собою, чего не доставало человѣку. А человѣку не доставало без-
 смертія и пути въ рай. И сіе-то значитъ сказанное Спасителемъ: *Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Миъ да сотворю* (Іоан. 17, 4.); и еще: *дѣла, яже даде Миъ Отецъ, да совершу я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Миъ* (Іоан. 5, 36.). Дѣла же, о которыхъ гово-
 ритъ здѣсь, что даны Ему Отцемъ для совершенія, суть тѣ самыя, для которыхъ создается, говоря о

Себѣ въ Притчахъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя. Ибо одно и то же значить сказать: даде Мнѣ Отецъ дѣла, и: созда Мя Господь въ дѣла.*

Итакъ, богоборцы, когда Сынъ пріямъ дѣла, да совершитъ? Изъ сего дознанъ будетъ смыслъ и реченія: *созда*. Если скажете, что пріямъ вначалѣ, когда приводилъ ихъ изъ небытія въ бытіе; то сіе ложно; тогда дѣла не были еще произведены; явно же, что говоритъ Онъ о пріятіи дѣлъ уже существующихъ. Но непозволительно — разумѣть время предшествовавшее тому, какъ *Слово плоть бысть*; иначе, пришествіе Слова окажется уже излишнимъ; потому что пришествіе сіе было для пріятія дѣлъ. Следовательно, остается наконецъ сказать, что, когда Сынъ сталъ человѣкомъ, тогда пріямъ и дѣла. Ибо тогда довершилъ ихъ, изцѣливъ наши язвы и даровавъ намъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Если же, когда *Слово плоть бысть*, тогда даны Ему дѣла; то явно, что, когда содѣлалось Оно человѣкомъ, тогда и создается въ дѣла. Итакъ, реченіе: *созда* означаетъ не сущность Слова, о чемъ говорено уже многократно, но тѣлесное Его бытіе. Поелику дѣла въ слѣдствіе преступленія стали несовершенными и недостаточными: то о Словѣ говорится тѣлесно, что Оно создается, да, совершивъ дѣла и содѣлавъ всецѣлыми, *представитъ Отцу Церковь, какъ сказалъ Апостоль, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 27.). Посему, родъ человѣческой, какъ вначалѣ получилъ бытіе Словомъ, такъ Имъ же усовершеняется и возстановленъ, и притомъ еще

при бѣльшей благодати ; потому что , воставъ изъ мертвыхъ , не убоимся уже мы смерти , но всегда о Христѣ будемъ царствовать на небесахъ . Сіе же совершилось , потому что само Божіе собственное Слово, сущее отъ Отца, облеклось въ плоть и содѣлалось человѣкомъ . Если бы Слово, бывъ тварію, содѣлалось человѣкомъ ; то и человѣкъ все-еще оставался бы тѣмъ же , чѣмъ былъ , не сочетавшись съ Богомъ . Ибо, будучи созданиемъ , могъ ли бы сочетаться съ Творцемъ посредствомъ созданія ? Или, какая была бы помощь подобнымъ отъ подобныхъ , которые сами имѣютъ пужду въ тойже помощи ? Если бы Слово было тварію ; то какъ имѣло бы Оно силу отмѣнить Божій приговоръ и отпустить грѣхъ , когда у Пророковъ написано , что сіе принадлежитъ Богу ? *Кто Богъ якоже Ты , отъемлай грѣхи , и оставлялай беззаконія* (~~Михаи~~ ^{Михаи} 7, 18) ? Богъ сказалъ : *земля еси , и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19.) ; и люди содѣлались смертными . Посему , возможно ли разрѣшить грѣхъ сотворенному ? Напротивъ того , разрѣшаетъ самъ Господь , какъ и сказалъ Онъ : *аще не Сынъ вы свободитъ* (Іоан. 8, 36) . И освободившій Сынъ дѣйствительно доказалъ о Себѣ , что Онъ — не тварь , не единый изъ созданныхъ , но собственное Слово и образъ Отчей сущности ; потому что и вначалѣ осудилъ грѣхъ Отецъ , и Онъ одинъ отпускаетъ грѣхи . Поелику Словомъ изречено : *земля еси , и въ землю отыдеши* ; то , сообразно съ симъ , тѣмъ же Словомъ и о Немъ совершается освобожденіе и отмѣненіе осужденія .

Но говорятъ : « если Спаситель и тварь ; то Богъ могъ сказать только и тѣмъ разрѣшить клятву » .

Тоже самое можетъ быть сказано и еретикамъ: если бы и вовсе не приходилъ Спаситель ; то Богъ могъ сказать только , и разрѣшить тѣмъ клятву. Но надобно имѣть въ виду полезное для людей , а не то принимать въ разсужденіе , что Богу все возможно. И прежде Ноева ковчега Богъ могъ истребить согрѣшившихъ тогда людей , однакоже содѣлалъ сіе по устройеніи ковчега. И безъ Моисея могъ сказать только и извести народъ изъ Египта ; но полезно было совершить сіе чрезъ Моисея. И безъ Судей Богъ могъ спасти народъ , но для израильтянъ полезно было, чтобы по времени возставляемъ былъ у нихъ Судія. Спаситель могъ прійти еще вначалѣ , или пришедши не быть преданнымъ Пилату ; но Онъ и пришелъ при скончаніи вѣковъ , и , когда искали Его, сказалъ : *Азъ есмь* (Іоан. 18, 5.). Что творить Господь, то и полезно людямъ , тому и быть иначе не подобало. Что полезно и прилично , о томъ и промышляетъ Онъ. Посему, пришелъ, не да послужать Ему, но послужити (Матѣ. 20, 28.) , и содѣлать наше спасеніе. Безъ сомнѣнія, могъ Онъ и съ неба изглаголатъ законъ, но зналъ, что для людей полезно изглаголатъ оный съ Синая, и содѣлалъ сіе, чтобы и Моисей могъ взойти, и Израильтяне, слыша слово вблизи, тѣмъ паче могли увѣровать. Впрочемъ, благословную причину, по которой такъ совершено, можно видѣть и изъ слѣдующаго. Если бы Богъ по всемогуществу изрекъ, и разрѣшилась клятва; то въ семъ было бы видно могущество Повелѣвшаго, и чело-вѣкъ содѣлался бы такимже, какимъ былъ Адамъ до преступленія, пріявъ благодать совнѣ, безъ при-способленія ея къ тѣлу (ибо таковымъ и тогда чело-

вѣкъ введенъ былъ въ рай), но при семъ онъ, можетъ быть, содѣлался бы еще худшимъ, потому что научился преступать законъ. А въ такомъ состояніи, если бы обольщенъ сталъ змѣемъ, снова настала бы нужда Богу изрекать повелѣніе и разрѣшать клятву. И посему, потребность въ этомъ продолжалась бы въ безконечность, люди же все еще были бы виновны, рабѣя грѣху. Непрестанно согрѣшая, непрестанно имѣли бы они нужду въ прощеніи, и никогда не освободились бы отъ вины, сами въ себя будучи плотію, и по немощи плоти всегда пренебѣждаемые закономъ.

Еще же, если бы Сынъ былъ тварь, то человѣкъ все еще оставался бы смертнымъ, не сочетаваясь съ Богомъ; потому что тварь не сочетавала бы тварей съ Богомъ, и сама требуя для себя сочетающаго, и одна часть твари не могла бы служить спасеніемъ для всей твари, сама имѣя нужду въ спасеніи. Итакъ, въ предотвращеніе сего, Богъ посылаетъ Сына Своего, и Сынъ содѣлывается человѣкомъ, пріимъ на Себя созданную плоть, чтобы, поелику всѣ повинны смерти, самому Ему, будучи инымъ отъ всѣхъ, собственное Свое тѣло принести за всѣхъ на смерть; и Слову, какъ-будто всѣ чрезъ Него умерли (потому что и дѣйствительно всѣ умерли о Христѣ), исполнить наконецъ приговоръ, всѣмъ же чрезъ Него содѣлаться уже свободными отъ грѣха и отъ проклятія за грѣхъ, и дѣйствительно пребывать во вѣки, воставъ изъ мертвыхъ и облекшись въ безсмертіе и негнѣніе. Поелику Слово облеклось плотію; то сею плотію, какъ неоднократно было доказываемо, содѣлано совершенно недѣйствительнымъ всякое угрызе-

ніе змія. Если бы и возродилось что злое въ-слѣд-
ствіе тѣлесныхъ движеній, то оно было бы отсѣкаемо,
и тѣмъ истреблялась послѣдующая за грѣхомъ
смерть, какъ говоритъ самъ Господь : *грядетъ сего*
міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже (Іоан. 14,
30.). *И сего ради явися, какъ написалъ Іоаннъ, да*
разрушитъ дѣла діаволя (1 Іоан. 3, 8.). Поелику же
дѣла сін разрушены плотію Его ; то всѣ мы чрезъ
это освободились по средству плоти, и сами сочета-
лись уже съ Словомъ. А сочатавшись съ Богомъ ,
не останемся болѣе на землѣ, но, какъ сказалъ самъ
Господь, *идъже Онъ, и мы будемъ* (Іоан. 14, 3.), и
не убоимся уже змія; потому что приведенъ онъ въ
бездѣйствіе плотію, прогнанный Спасителемъ и услы-
шавъ отъ Него: *иди за Мною сатано* (Матѣ. 4, 10.).
Такъ зміи внѣ рая ввергается въ огонь вѣчный. Не
нужно уже намъ остерегаться и обольщающей жены;
въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но
яко Ангели Божіи суть (Матѣ. 22, 30.). И о Хри-
стѣ *Іисусъ* будетъ нова тварь (Гал. 6, 15.), ни
мужескій полъ, ни женскій (Гал. 3, 28.), но всяче-
ская и во всѣхъ Христось. А гдѣ Христось ; тамъ
будетъ ли какой еще страхъ, или какая опасность ?

Но сего не послѣдовало бы, если бы Слово было
тварію; потому что съ тварію всегда велъ бы брань
діаволь, который также тварь, и человекъ, будучи
посредникомъ, самъ оставался бы всегда повиннымъ
смерти, не имѣя у себя, о комъ и къмъ содѣлаться
бы Ему свободнымъ отъ всякаго страха, сочатавшись
съ Богомъ. Сямъ сама истина показываетъ, что
Слово не изъ числа созданныхъ, а паче, Само есть
ихъ Зиждитель. Для того и воспріяло на Себя тѣло

созданное и человѣческое, чтобы Ему, какъ Зиждителю, обновивъ сіе тѣло, обожить въ Себѣ, и такимъ образомъ, всѣхъ насъ, по подобію Своего тѣла, ввести въ небесное царство. Но опять не обожился бы человѣкъ, сочетавшись съ тварію, если бы Сынъ не былъ истинный Богъ. Человѣкъ не предсталъ бы Отцу, если бы облекшійся въ тѣло не былъ истинное по естеству Отчее Слово. И какъ не освободились бы мы отъ грѣха и проклятія, если бы плоть, въ какую облеклось Слово, не была по естеству человѣческая (потому что съ чуждымъ для насъ не было бы у насъ ничего общаго); такъ не обожился бы человѣкъ, если бы содѣлавшійся плотію не былъ по естеству сущее отъ Отца, истинное и собственное Отчее Слово. Для того совершилось такое соединеніе, чтобы по естеству Сущему отъ Божества сочетать съ Собою по естеству человѣка, и чтобы чрезъ сіе твердыми содѣлаться спасенію и обоженію человѣка. Слѣдовательно, отрицающіе, что Сынъ по естеству отъ Отца и собственно Отчей есть сущности, пусть отрицаютъ и то, что пріямъ Онъ истинную человѣческую плоть отъ Присно-Дѣвы Маріи. Равно не было бы пользы для насъ человѣковъ, если бы Божіе Слово не было истиннымъ и по естеству Сыномъ, и если бы не была истинною воспріята Имъ на Себя плоть. Напротивъ того, Слово пріямъ на Себя истинную плоть, хотя и неистовствуетъ Валентинъ; Слово же было по естеству и истинный Богъ, хотя и неистовствуютъ аріане. Въ сей плоти Слово содѣмалось для насъ начаткомъ новой твари, ставъ созданнымъ за насъ человѣкомъ, и, какъ сказано, обновивъ намъ оный путь.

Итакъ, Слово—не тварь и не дѣло ; ибо одно и то же—тварь, произведеніе, дѣло. И если бы Слово было тварию и произведеніемъ; то было бы и дѣломъ. Посему, не сказало Оно о Себѣ: *созда Мя дѣло*, или: сотворилъ Меня вмѣстѣ съ дѣлами, чтобы не подать мысли, будто бы Оно есть тварь по естеству и по сущности. Не сказало также : *создалъ*, да сотворю дѣла, чтобы опять злочестивые по злоумію своему не почли Его ради насъ содѣланнымъ подобно орудію. Не возвѣстало о Себѣ также: *создалъ* Меня прежде дѣлъ, чтобы, какъ изъ того, что Оно прежде всѣхъ, слѣдуетъ, что Оно есть рожденіе, такъ и тѣмъ, что создано прежде всѣхъ, не привести къ мысли, будто бы тождественны между собою реченія : рожденіе и созда. Напротивъ того, съ строгою осмотрительностію сказало: *созда Мя въ дѣла*. А сіе значитъ: Отецъ сотворилъ Меня, чтобы во плоти содѣлаться Мнѣ человѣкомъ. А потому и изъ сего опять явствуетъ, что Слово—не дѣло, но рожденіе. Какъ входящій въ домъ не составляетъ части дома, но есть иное, а не домъ: такъ Созидаемый въ дѣла по естеству не тоже, что дѣла. Ибо если, какъ утверждаете вы, аріане, Слово Божіе есть дѣло ; то какою рукою и премудростию приведено Оно въ бытіе ? Все приведенное въ бытіе приведено Божіею рукою и Премудростию, какъ говоритъ самъ Богъ: *вся сія сотвори рука Моя* (Исаи 66, 2.). Давидъ же воспѣваетъ: *въ началѣхъ Ты Господи землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса* (Псал. 101, 26.), и еще въ сто сорокъ второмъ псалмѣ : *помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣльхъ Твоихъ, въ твореніихъ руку Твоею поучахся* (Псал. 142, 5.).

Поэтому, если созданія совершены Божіею рукою , написано же , что *вся быша Словомъ , и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.), и еще: *единъ Господь Іисусъ , Имже вся* (1 Кор. 8, 6.), и : *всѣческая въ Немъ состоится* (Кол. 1, 17.); то явно, что Сынъ— не дѣло, но Онъ есть Божія рука и Премудрость. Зная сіе, и бывшіе въ Вавилонѣ мученики , Ананія , Азарія , Мисаиль , обличаютъ аріанское злочестіе. Ибо, сказавъ: *благословите вся дѣла Господил Господа* (Дан. 3, 57.), въ ряду дѣлъ перечислили все, что на небѣ и на землѣ, и всякую тварь, но не наименовали Сына; ибо не сказали: благослови Слово , пѣснословъ Премудрость, давая тѣмъ знать, что всѣ прочія существа пѣснословятъ, и суть дѣла , Слово же не есть дѣло , и Оно не изъ числа пѣснословящихъ, но Его со Отцемъ пѣснословятъ, Ему поклоняются , о Немъ богословствуютъ ; потому что Оно есть Отчее Слово, Отчая Премудрость и Зиждитель дѣлъ. Сіе и Духъ съ совершеннымъ различіемъ изрекъ во Псалмахъ : *яко право Слово Господне, и вся дѣла Его въ вѣрѣ* (Псал. 32, 4.) ; какъ и въ другомъ псалмѣ говоритъ : *яко возвеличишися дѣла Твоя Господи : вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.).

Если бы Слово было дѣломъ; то, безъ сомнѣнія, и Оно приведено было бы въ бытіе Премудростію , и Писаніе не различало бы Его отъ дѣлъ , и не стало бы ихъ именовать дѣлами , о Немъ же благоговѣствовать, какъ о Божіемъ Словѣ и о собственной Божіей Премудрости. Теперь же, Писаніе, отличая Его отъ дѣлъ, показываетъ , что сія Премудрость есть Зиждательница дѣлъ, а не дѣло. Тѣже различеніе на-

блодаеть и Павелъ , пиша къ Евреямъ : *Живо бо Слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ: и плоть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово* (Евр. 4, 12. 13.). Видишь, созданныя вещи наименовалъ тварію, Сына же разумѣтъ сущимъ Божіимъ Словомъ ; такъ-какъ Онъ не тѣже , что тварь. И еще говоря : *вся же нага и объявлена предъ очима Его: къ Нему же намъ слово, даетъ разумѣть , что Онъ есть иное отъ всѣхъ тварей. Посему, Сынъ судить, каждое же изъ существъ получившихъ бытіе обязано дать Ему отвѣтъ. Такъ и тѣмъ , что вся тварь совоздыхаетъ съ нами объ освобожденіи отъ работы истлѣнія* (Рим. 8, 21.), показывается, что Сынъ есть иное отъ тварей. Ибо , если бы и Онъ былъ тварь, то и Самъ находился бы въ числѣ воздыхающихъ , и имѣлъ нужду, чтобы кто-либо и Его вмѣстѣ со всѣми содѣлалъ Сыномъ и освободилъ. Если же вся тварь воздыхаетъ объ освобожденіи отъ работы истлѣнія , а Сынъ не въ числѣ воздыхающихъ и требующихъ освобожденія , но Самъ всѣхъ всыновляетъ и освобождаетъ , говоря тогдашнимъ іудеямъ : *Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ : Сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободите, во истину свободни будете* (Іоан. 8 , 35. 36.): то симъ яснѣе свѣта показывается , что Слово Божіе—не тварь , но истинный и по естеству прескренній Отчій Сынъ.

Итакъ, о семъ изреченіи: *Господь созда Мя начало*

путей, хотя кратко, однакоже, какъ думаю, достаточно сказано для того, чтобы людямъ ученѣйшимъ дать симъ поводъ сочинить что-либо болѣе сильнае къ низложенію аріанской ереси. Но еретики, читая и слѣдующій стихъ и толкуя оный худо, полагають: поелику написано: *прежде вѣкъ основа Мя*, то и сіе сказано о Божествѣ Слова, а не о явленіи Его во плоти. Посему, необходимо, разобравъ и этотъ стихъ, показать заблужденіе еретиковъ.

Написано: *Богъ Премудростию основа землю* (Притч. 3, 19.). Поэтому, если Премудростию основана земля; то какъ основывается Полагающій основаніе? Но и сіе сказано притчно, и должно искать смысла въ сказанномъ, а чрезъ это дознать, что, какъ Премудростию Отецъ созидаетъ и основываетъ землю, чтобы она была непоколебима и пребывала, такъ и сама Премудрость основана въ насъ, чтобы содѣлаться Ей начаткомъ и основаніемъ новой въ насъ твари и нашего обновленія. И здѣсь не сказалъ Господь: прежде вѣкъ сотворилъ Меня Слово или Сына, дабы не подать мысли, будто имѣетъ начало, какъ сотворенный. Ибо прежде всего надобно спросить: *Сынъ ли Онъ?* и о семъ преимущественно испытывать Писанія. Сіе и Петръ, когда вопрошены были Апостолы, исповѣдалъ говоря: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѣ. 16, 16.). О семъ и отецъ аріанской ереси спрашивалъ прежде всего: *аще Сынъ еси Божій* (Матѣ. 4, 6.)? Ибо зналъ, что это—истина и главное въ нашей вѣрѣ; зналъ, что если Онъ—Сынъ, то конецъ дѣвольскому мучительству. А если Онъ—тварь и одинъ изъ потомковъ обольщеннаго Адама; то не о чемъ заботиться дѣволу. Посему и

тогдашніе іудеи негодовали, что Господь наименовалъ Себя Сыномъ Божиимъ, а Бога—Отцемъ Своимъ. Ибо если бы назвалъ Себя одною изъ тварей, или сказалъ о Себѣ: Я—произведеніе; то не было бы сіе страннымъ для слушающихъ, и такихъ словъ не почли бы они хулою, зная, что къ отцамъ приходили и Ангелы. Но поелику именовалъ Себя Сыномъ, то усматривали въ семъ признакъ не твари, но Божества и естества Отцаго.

Посему, аріанамъ, хотя бы въ подражаніе отцу своему діаволу, надлежало полюбобытствовать, и, если Господь сказалъ: основалъ Меня Слово и Сына, мудрствовать, какъ мудрствуютъ; а если не такъ сказалъ, не вымышлять, чего нѣтъ. Но не сказалъ Онъ: прежде вѣкъ *основа* *Мя* Слово и Сына, говоритъ же просто: *основа* *Мя*, снмъ, какъ и прежде замѣтилъ я, желая опять показать, что и сіе говоритъ приточно не ради Себя, но ради назидаемыхъ на Немъ. Зная сіе, и Апостолъ пишетъ: *Основаніа бо инаго никтоже можетъ положить паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ. Кійждо же да блюдетъ, како назидаетъ* (1 Кор. 3, 10. 11.). Основанію же нужно быть такимъ, каковы и назидаемые, чтобы возможна была взаимная сообразность. Посему, Господь, какъ, будучи Словомъ, поколпку Онъ—Слово, не имѣетъ въ сообразность Себѣ таковыхъ же, каковъ Самъ, потому что Онъ едиnorodенъ; такъ, содѣлавшись человѣкомъ, имѣетъ подобныхъ Себѣ, потому что облекся въ плоть подобную ихъ плоти. Слѣдовательно, по человѣчеству полагается Онъ въ основаніе, чтобы и мы могли быть назидаемы

на Немъ какъ драгоценные камни , и содѣлался храмомъ живущаго въ насъ Святаго Духа. Но какъ Онъ—основаніе, а мы—назидаемые на Немъ камни ; такъ опять Онъ есть виноградная лоза, а мы—какъ бы розги, соединенныя съ Нимъ не по сущности Божества (сіе невозможно), но также по человѣчеству ; потому что и розги должны быть подобны лозѣ, и мы по плоти подобны Ему.

Сверхъ того, еретиковъ, разсуждающихъ по-человѣчески, првлично—обличить человѣческими примѣрами, заимствованными изъ тѣхже словъ. Господь не сказалъ: содѣлалъ Меня основаніемъ, чтобы еретики и въ семъ не нашли себѣ безстыднаго предлога къ нечестію, будто Онъ есть произведение и имѣетъ начало Своего бытія. Но говоритъ : *основа Мл.* Полагаемое же въ основаніе полагается ради камней на ономъ назидаемыхъ, и сіе не просто дѣлается, но когда камень перенесенъ изъ горы и опущенъ въ земную глубину. Пока камень—въ гору,—не положенъ онъ въ основаніе. Но когда потребуетъ нужда, и камень перенесенъ и ввергнутъ въ земную глубину, тогда уже онъ, если получить возможность говорить, скажетъ : «теперь основалъ меня перенесшій сюда изъ горы». Следовательно и Господь не съ того времени имѣетъ начало бытія, когда полагается въ основаніе. Слово было и прежде сего. Но когда облекся въ наше тѣло, изсѣченное и воспріятое Имъ отъ Маріи ; тогда говоритъ : *основа Мл* ; а сіе значитъ: Меня—Слово обложилъ земнымъ тѣломъ. Такъ, для насъ полагается въ основаніе, приѣмля на Себя наше, чтобы мы, какъ стѣлесники въ Немъ составляемые и связуемые по подобію плоти, достигнувъ

въ мужа совершенна, пребыли безсмертными и не-
тлѣнными.

Никого да не приводятъ въ смущеніе реченія: *прежде вѣкъ, прежде неже землю сотворити, и прежде неже горамъ водрузитися* (Притч. 8, 23. 25.). И сіе весьма кстаті присовокупило Слово къ реченіямъ: *основа и созда*; потому что и это ка-
сается также домостроительства по плоти. Благодать, дарованная намъ Спасителемъ, хотя, какъ говоритъ Апостолъ, *явилась и дарована только съ пришествіемъ Спасителя* (Тит. 2, 11.), однакоже, *предуготовляема была прежде, нежели мы получили бытіе, лучше же сказать, даже прежде сложенія міра* (1 Петр. 1, 20.). И какая благая и чудная тому причина! Неприлично было Богу составить о насъ со-
вѣтъ въ-послѣдствіи, чтобы не оказаться какбы невѣдущимъ, что постигнетъ насъ. Посему, Богъ вслѣдскихъ, созидаъ насъ Словомъ Своимъ, болѣ насъ самихъ зная наше положеніе, и предувѣдавъ, что мы, сотворенные совершенными, въ-послѣдствіи содѣлаемся преступниками заповѣди и за преслушаніе изринуты будемъ изъ рая, какъ челоуѣколюбивый и благій, въ собственномъ Словѣ Своемъ, Который и создалъ насъ, предуготовляетъ домостроительство нашего спасенія, чтобы, хотя и отпадемъ мы обольщенные змиемъ, не остались однакоже совершенно мертвыми, напротивъ же того, имѣя въ Словѣ предуготованное намъ избавленіе и спасеніе, снова востали и пребыли безсмертными, когда само Слово будетъ создано для насъ началомъ путей, и Первороденный твари содѣлается первороднымъ въ братіяхъ, и воскреснетъ Самъ начатокъ умершихъ.

Сему учить блаженный Апостолъ Павелъ. Ибо, толкуя сказанное въ Притчахъ: *прежде вѣкъ*, и прежде нежели создана земля, въ Посланіи къ Тимоѳею говоритъ такъ: *спостражди благовѣствованію Христову по силѣ Бога, спасаго насъ и призвашаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по Своему предложению и благодати данный намъ о Христвъ Исусъ прежде лѣтъ вѣчныхъ, явлейся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего Исуса Христа, разрушившаго убо смерть, и возсіяшаго жизнь* (2 Тим. 1, 8—10.); и въ Посланіи къ Ефеслянамъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Исуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христвъ Исусъ, якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви, прежде нарекъ насъ во усыновленіе Исусъ Христомъ въ Него* (Ефес. 1, 3—5.).

Посему, какъ же избралъ прежде, нежели получили мы бытіе, если не были мы, какъ сказалъ Господь; предъизображены въ Немъ? Вообще, какъ нарекъ насъ во усыновленіе до созданія челоуковъ, если *прежде вѣкъ* не былъ положенъ въ основаніе самъ Сынъ, пріавъ на Себя домоустройство о насъ? Или какъ, что еще присовокупляетъ Апостолъ, *наслѣдницы сотворихомся, прежде наречени бывше* (14), если *прежде вѣкъ* не былъ положенъ въ основаніе самъ Господь; почему и возымѣлъ изволеніе всю тяготу нашего осужденія за насъ воспріять на Себя плотию, и потомъ усыновить насъ въ Себѣ? Какъ пріяли мы благодать *прежде временъ вѣчныхъ*, не получивъ еще бытія, происшедши же во времени,

если сія предвѣряющая насъ благодать не была уготована во Христвъ? Посему и на судъ, когда каждый воспріемлетъ по дѣламъ своимъ, Господь скажетъ: *приидите благословенніи Отца Моего, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. 25, 34.). Какъ же, или въ комъ, уготовано оно прежде созданія нашего, если не въ Господь, прежде вѣкъ положенномъ для сего въ основаніе, чтобы мы, какъ хорошо принаровленные камни, на Немъ назидаемые, отъ Него приобщались жизни и благодати? Сіе же (сколько можно разумѣть сіе челоуѣку благочестно) совершилось для того, чтобы мы, какъ говорилъ я уже, воставъ отъ кратковременной смерти, могли жить вѣчно. Но мы люди земные не имѣли бы сей возможности, если бы прежде вѣкъ не была предуготована намъ во Христвъ надежда жизни и спасенія. Итакъ Слово, нисходя въ плоть нашу, и въ ней созидаемое началомъ путей въ дѣла Свол, такъ какъ, по сказанію, въ Немъ было Отчее изволеніе, справедливо полагается въ основаніе *прежде вѣкъ*, прежде нежели создана земля, *прежде неже горамъ водрузитися*, *прежде неже произыти источникомъ*, чтобы и тогда, какъ при скончаніи настоящаго вѣка миондутъ земля и горы и всѣ образы видимаго, не обветшали мы подобно всему этому, но и послѣ того могли еще жить, имѣя въ самомъ Словѣ, по избранію, прежде сего уготованныя намъ жизнь и духовное благословеніе. Такимъ образомъ, возможемъ не временную только имѣть жизнь, но и послѣ всего этого пребывать, живя во Христвъ; потому что и прежде сего жизнь наша была основана и уготована во Христвъ Іисусь.

Да и неприлично было бы нашей жизни быть основанною въ иномъ, а не въ суцемъ *прежде вѣкъ* Господь, *Имже и вѣки* сотворены (Евр. 1, 2.). Поелнку жизнь наша въ Немъ, то и намъ возможно наследовать жизнь вѣчную; потому что Богъ благъ, и какъ всегда благій, благоизволилъ сіе, зная, что немощная природа наша имѣеть нужду въ Его помощи и спасеніи. И какъ мудрый какой зодчій, предполагая построить домъ, имѣеть уже въ мысли опятъ обновить этотъ домъ, если онъ по построеніи прійдетъ современемъ въ ветхость, и съ сею мыслію заготавливаетъ и отдаетъ трудящимся въ постройкѣ все нужное для обновленія, и предуготовленіе въ обновленію предшествуетъ самому дому: такъ прежде еще насъ полагается во Христь основаніе обновленію нашего спасенія, чтобы въ Немъ могли мы быть возсозданы. И сей совѣтъ, сіе преднамѣреніе уготованы прежде вѣка; дѣло же совершилось, когда потребовала нужда, и пришелъ Спаситель. Ибо самъ Господь все зачѣпнть намъ Собою на небесахъ, пріемля насъ въ вѣчную жизнь.

Хотя и сего достаточно въ доказательство, что Божіе Слово — не тварь, и что въ семъ изреченіи заключается правый смыслъ; однакоже, поелику изъясняемое реченіе имѣеть и во всѣхъ отношеніяхъ правый же смыслъ, то слѣдуетъ указать и этотъ смыслъ. И сіи неразумные устыдятся, можетъ быть, многихъ доводовъ. Но для сего опятъ нужно припомнить сказанное прежде, потому что дѣло идетъ о тойже притчѣ и о тойже Премудрости. Слово не сказало о Себѣ, что Оно—по естеству тварь, но говоритъ въ Притчахъ: *Господь созда Мл.* И оче-

видно, что означает сие мысль не явно выраженную, но прикровенную, которую впрочем и намъ можно отыскать, если снимемъ покрывало съ притчи. Кто же, слыша, что Зиждителява Премудрость говоритъ о Себѣ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, не станетъ тотчасъ доискиваться смысла, разсуждая такъ: можетъ ли быть создана Премудрость зиждущая? Кто, услышавъ, что едиnorodный Божій Сынъ именуетъ Себя созданнымъ началомъ путей, не станетъ допытываться значенія, дивясь, какъ можетъ едиnorodный Сынъ содѣлаться началомъ ивыхъ многихъ? Это — загадка; но сказано: *разумный уразуметь притчу и темное слово, реченія же премудрыхъ и гаданія* (Притч. 1, 6).

Хотя едиnorodная и источникъ Божія Премудрость все творить и зиждетъ; ибо сказано: *всѣ Премудростию сотворилъ еси; и исполнися земля твари Твоея* (Псал. 103, 24.): однакоже, чтобы созданное не только имѣло бытіе, но и благобытіе, Богъ благоволилъ, чтобы Премудрость Его снизошла къ тварямъ, чтобы во всѣхъ вообще тваряхъ и въ каждой порознь были положены нѣкій отпечатокъ и подобіе Его образа, и чтобы приведенное въ бытіе оказалось и премудрымъ и достойнымъ Бога дѣломъ. Ибо какъ Слово наше есть образъ истаго Слова — Божія Сына, такъ опять образъ истой Божіей Премудрости есть являемая въ насъ мудрость, въ которой имѣя силу въдѣнія и мышленія, дѣлаемся удобоприемлющими зиждительную Премудрость, и чрезъ Нее приходимъ въ состояніе познавать Отца Ея. Ибо сказано: кто чмѣетъ въ себѣ Сына, тотъ имѣетъ и Отца. *Иже приѣмлетъ Мене, приѣмлетъ Пославшаго Мя* (Матѣ.

10, 40.). Поелнку же въ насъ и во всѣхъ дѣлахъ есть таковой отпечатокъ созданной премудрости; то истинная и зиждительная Премудрость, воспріемли на Себя принадлежащее отпечатку Ея, справедливо говорить о Себѣ: *Господь созда Мя въ дѣла Своя.* Чтò сказала бы сущая въ насъ премудрость, тò самъ Господь именуеть какбы Своимъ. И хотя Онъ, какъ Творецъ, несозданъ, однакоже, по причинѣ созданнаго образа Своего въ дѣлахъ, говоритъ сіе какбы о Себѣ. И какъ самъ Господь изрекъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Матѹ. 10, 40.), потому что въ насъ есть Его отпечатокъ; такъ, не будучи въ числѣ создаемыхъ, поелнку создается образъ и отпечатокъ Его въ дѣлахъ, какбы самъ Онъ былъ симъ образомъ, говоритъ: *Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя.* Отпечатокъ же Премудрости положенъ въ дѣлахъ, какъ сказалъ я, чтобы мїръ позналъ въ Премудрости Зиждителя своего—Слово, а чрезъ Слово—Отца. И сіе-то самое сказалъ Павелъ: *зане разумное Божіе явлѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ: невидимая бо Его отъ созданія мїра творенми помышляема видима суть* (Рим. 1, 19. 20.). Посему-то Слово въ сущности не есть тварь, сказанное же въ Притчахъ относится къ премудрости въ насъ сущей и именуемой.

Если же и сему не вѣрятъ; то пусть сами скажутъ: есть ли въ тваряхъ какая премудрость, или нѣтъ? Если нѣтъ, то почему же обвиняетъ Апостоль, говоря: понеже бо въ премудрости Божіей не разумъ мїръ премудростію Бога (1 Кор. 1, 21.)? Или, ежели нѣтъ премудрости; то почему въ Писа-

ни встрѣчается множество премудрыхъ (Притч. 6, 26.)? Ибо и премудро убоаяся уклонится зла (Притч. 14, 16.) и: съ премудростію зиждется домъ (Притч. 24, 3.). И Екклесіастъ говоритъ: мудрость чело-
вѣка просвѣтитъ лице Его (Еккл. 8, 1.), и безраз-
судныхъ укоряетъ, говоря: *да не речеши, что бысть, яко дне преждеи бѣша блази паче сихъ? яко не въ мудрости вопросилъ еси о семъ* (Еккл. 7, 11.).
А если, какъ говоритъ о премудрости и Сирахъ, *излія ю на вся дѣла Своя: со всякою плотію по дальню Своему, и дарова ю любящимъ Его* (Сирах. 1, 10.); таковое же изліяніе есть признакъ сущности не Премудрости источникъ и однородной, но премудрости изобразившейся въ міръ: что невѣроятнаго, если сія зиждительная и истинная Премудрость, отпечаткомъ Которой суть изліявныя въ міръ премудрость и знаніе, по сказанному выше, какбы о Себѣ самой говоритъ: *Господь созда Мя въ дѣла Своя?*
Ибо въ міръ не зиждущая Премудрость, но создаемая въ дѣлахъ, по которой небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь (Псал. 18, 2.). Но если люди виѣстятъ въ себя и сію премудрость; то познаютъ истинную Божию Премудрость, познаютъ, что подлинно сотворены они по образу Божию. Если царскій сынъ, когда отцу угодно стало построить городъ, на каждомъ выводимомъ зданіи станеть надписывать свое имя, какъ для безопасности, чтобы, по причинѣ на каждомъ зданіи начертаннаго имени его, сохранились самыя зданія, такъ и для того, чтобы по имени могли помнить о немъ и объ отцѣ его; по совершеніи же города спросить его: каково построенъ городъ, а

онъ отвѣтитъ: надежно ; потому что , по изволенію отца , изображенъ я на каждомъ зданіи , и имя мое создано въ сихъ зданіяхъ : то , говоря сіе , будетъ онъ разумѣть не свою созданную сущность , но свой отпечатлѣнный въ имени образъ . Такъ , по подобію съ представленнымъ примѣромъ , удивляющимся премудрости въ тваряхъ отвѣтствуетъ истинная Премудрость: « *Господь созда Мя въ дѣла ;* потому что Мой въ нихъ образъ , и до такой степени снизошла Я въ дѣлѣ творенія » .

Не должно также дивиться , если Сынъ о Своемъ образѣ въ насъ говоритъ какъ о Себѣ . Господь нѣкогда (не утомимся повторять одно и то же) и Савлу , гнавшему тогда Церковь , на которой былъ Его отпечатокъ и образъ , какъ-будто говнѣмъ былъ Самъ , сказалъ: *Савле , что Мя гониши (Дѣян. 9, 4.)?* Поэтому , еслибы , какъ сказано , сей отпечатокъ премудрости , сущій въ дѣлахъ , сказалъ: *Господь созда Мя въ дѣла ;* то никто не удивился бы тому . Такъ , если и сама истинная и зиждательная Премудрость—Единородное Божіе Слово , что свойственно образу Ея , то говоритъ какбы о Себѣ ; никто не долженъ , оставляя премудрость внѣдренную въ міръ и въ дѣлахъ , думать , что *созда* сказано о сущности Премудрости источникъ ; иначе , мѣшая вино съ водою , окрадетъ онъ истину ; потому что источникъ Премудрости есть творящая и зиждательная ; а отпечатокъ Ея внѣдрится въ дѣла , какъ образъ образа . Называется же ее Слово началомъ путей , потому что таковая премудрость дѣлается вѣкииъ началомъ и какбы начатками боговѣдѣнія . По ея первоначальному руководству человѣкъ , какбы вступивъ на

путь, и, охраняя ее страхомъ Божиимъ, какъ сказалъ Соломонъ: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7.), а потомъ восходя мыслію и уразумѣвъ зиждительную въ твари Премудрость, уразумѣть въ ней и Отца Ея, какъ сказалъ самъ Господь: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.), и какъ пишетъ Іоаннъ: *исповѣдай Сына, и Отца имать* (1 Іоан. 2, 23.). Говоритъ же: *прежде вѣкъ основа МЯ*, потому что дѣла неизменно и вѣчно пребываютъ утвержденными въ образѣ сей Премудрости. И потомъ, чтобы, слыша о сей въ дѣлахъ созданной премудрости, не подумалъ кто, что истинная Премудрость—Божій Сынъ есть тварь по естеству, по необходимости присовокупляетъ: *прежде горъ, прежде земли, прежде водъ, и прежде всѣхъ холмовъ рождаеть МЯ* (Притч. 8, 25.), чтобы, сказавъ: *прежде всей твари* (такъ какъ въ предыдущихъ словахъ изображена вся тварь), показать тѣмъ, что Премудрость по сущности не создана вмѣстѣ съ дѣлами. Ибо, если создана въ дѣла и предшествуетъ дѣламъ; то явно, что предшествуетъ и самому созданію. А поэтому по естеству и по сущности Она—не тварь, но, какъ присовокупляетъ Слово, есть рожденіе. А чѣмъ различаются, или сколько далеки между собою, по естеству тварь и рожденіе, объяснено сіе выше.

Поелику же Премудрость присовокупляетъ: *егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ* (Притч. 8, 27.); то надобно знать, что говоритъ сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы Отецъ не чрезъ Нее уготовляетъ небо, или горнія облака. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что все создано Премудростію, и безъ Нея *ничтоже бысть*.

Напротивъ того, Премудрость говорить: «Все получило бытіе Мною и чрезъ Меня. Поелику же потребно видѣрить премудрость въ дѣлахъ ; то , хотя по сущности пребывала Я со Отцемъ, однакоже, по свисхожденію къ тварямъ отпечатывала Свой образъ въ дѣлахъ примѣнительно къ нимъ , чтобы цѣлый міръ былъ, какбы единое тѣло , не въ разладѣ , но въ согласіи съ самимъ собою». Посему всѣ тѣ, которые, по данной имъ премудрости, правымъ умомъ взирають на тварей , въ-состояніи и сами сказать : *учиненіемъ Твоимъ все пребываетъ* (Псал. 118, 91.). А которые возверадѣли о семъ, тѣ услышатъ : *глаголющеся быти мудри обзюродѣша: зане разумное Божіе явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ: невидимая бо Его отъ созданія міра творенни помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ. Занеже разумѣше Бога, не яко Бога прославиша, но послужиша твари паче Создавшаго все, Иже есть благословенъ во вѣки аминь* (Римл. 1, 19—25.). И они постыдятся, слыша сіе , понеже бо, по изъясненному, въ премудрости Божіей не разумъ міръ премудростію Бога; благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (1 Кор. 1, 21.). Богъ благоизволилъ, чтобы познавали Его , уже не какъ въ прежнее время, не чрезъ образъ и сѣнь Премудрости , содѣлалъ же , что сама истинная Премудрость пріяла на Себя плоть, стала человѣкомъ, претерпѣла крестную смерть , чтобы наконецъ всѣ вѣрующіе могли спастись вѣрою въ сіе. И это есть та Божія Премудрость, Которая первоначально являла Себя, а чрезъ Себя и Отца Своего посредствомъ

образа Своего въ тваряхъ (по которому и называется созидаемою); въ-послѣдствіи же времени Премудрость сія, то-есть Слово, *плоть бысть*, какъ сказалъ Іоаннъ, и послѣ того, какъ привела въ бездѣйствіе смерть и спасла родъ нашъ, еще поляе открыла Себя, а чрезъ Себя и Отца Своего, говоря: *дай имъ, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси Исусъ Христа* (Іоан. 17, 3.).

И вся земля исполнилась вѣдѣнія Его. Ибо одно вѣдѣніе объ Отцѣ—чрезъ Сына, и о Сынѣ—отъ Отца, и радуется о семъ Отецъ, и тоюже радостію веселится Сынъ во Отцѣ, говоря: *Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся, на всякъ же день веселѣхся предъ лицемъ Его* (Притч. 8, 30.). Сіе опять показываетъ, что Сынъ не чуждъ Отчей сущности, но собственно ей принадлежитъ. Ибо вотъ не насъ ради получилъ бытіе, какъ говорятъ нечестивые, и Онъ вовсе не изъ не-сущихъ, Богъ не внѣ Себя приобрѣлъ виновника радости, напротивъ того, сказанное служитъ признакомъ собственности и подобія. Посему, было ли когда, чтобы не радовался Отецъ? А если всегда радовался, то всегда было, о чемъ радовался. О чемъ же радуется Отецъ, не о томъ ли, что видитъ Себя въ собственномъ Своемъ образѣ, который есть Слово Его? Если же и о *сынѣхъ человеческихъ веселѣхся, совершивъ вселенную*, какъ написано въ тѣхъ же Притчахъ (8, 32.); то и сіе имѣетъ тотже смыслъ. Ибо и въ этомъ случаѣ веселился не по причинѣ прибывшей у Него радости, но потому что снова видитъ дѣла творимыя по образу Его; почему и здѣсь предлогомъ къ радости служитъ Богу Образъ Его. О чемъ и Сынъ веселится, не о томъ ли, что

видитъ Себя во Отца? Ибо сіе тѣже значить, что и сказанное: *видѣвый Мене, видѣ Отца; и: Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 9. 10.).

Итакъ, изъ всего открывається, что суетна похвала ваша, христорборцы, что напрасно торжествовали и возглашали вы повсюду сіе: *Господь созда Мя начало путей Своихъ*, перетолковывая смыслъ сего изреченія, лучше же сказать, передавая свой вымысль, а не Соломонову мысль. Ибо вотъ доказано, что мудрованіе ваше есть одна мечта. Изреченіе же Притчей и все выше сказанное доказываетъ, что Сынъ по естеству и по сущности — не тварь, но собственное Отчее рожденіе, Премудрость и истинное Слово, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть.*

НА АРІАНЪ СЛОВО ТРЕТІЕ.

Аріане, какъ видно, однажды рѣшившись быть отступниками и противниками истины, упорно домогаются, чтобы къ нимъ относилось написанное: егда придетъ нечестивый во глубину золь, пера-дуть (Прем. 18, 3.). Обличаемые не успокоивают-ся, приведенные въ затрудненіе не чувствуютъ сты-да, но какъ лице жены блудницы, не хотятъ по-стыдиться ко всѣмъ (Іер. 3, 3.) въ своихъ нече-стіяхъ. Поелику изреченія, которыя выставляютъ они на видъ: Господь созда Мя (Прит. 8, 22.), и: лучшій былъ Ангеловъ (Евр. 1, 4.), и: первород-ный (Рим. 8, 29.), и: вѣрна суца сотворшему Его (Евр. 3, 2.), имѣютъ правый смыслъ, и пока-зываютъ благочестивое вѣрованіе во Христа; то они (не знаю, почему), снова, какъ напоенные змі-инымъ ядомъ, не видя того, что должно видѣть, не понимая того, что читаютъ, изрыгнувъ изъ глу-бины нечестиваго сердца своего, начали уже пори-цать сказанное Господомъ: Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть (Іоан. 11, 10.), говоря: «какъ можетъ вмѣщаться и Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ? Или вообще, какъ можетъ Отецъ, Который больше, вмѣщаться въ Сынѣ, Который меньше? Или, что удивительнаго, если Сынъ во Отцѣ, когда и о насъ написано: въ Немъ живемъ, движемся и есмь» (Дѣян. 17, 28.)?

Они впадаютъ въ сіе въ-слѣдствіе своего злоумія, думая, что Богъ есть тѣло, и не понимая, что такое истинный Отецъ и истинный Сынъ, что такое невидимый и вѣчный Свѣтъ и невидимое Сіяніе Его, что такое невидимая Упостась и безплотный Образъ. А если бы знали, то не стали бы осмѣивать и хулить Господа славы, и безплотное понимая тѣлесно, перетолковывать сказанное въ добромъ значеніи. Слыша сіе, достаточно было бы знать, что говорить Господь, и вѣровать; ибо вѣра въ простотѣ лучше излишнихъ словопреній. Но поелику вознамѣрились они къ утвержденію своей ереси ругаться и надъ симъ; то необходимо обличить ихъ злоуміе, и для огражденія вѣрныхъ показать истинный смыслъ.

Слова: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть*, не означаютъ, какъ думаютъ еретики, будто бы Они одинъ въ другаго перемѣщаются, подобно пустымъ сосудамъ наполняемме другъ другомъ, такъ что Сынъ наполняетъ пустоту въ Отцѣ, а Отецъ наполняетъ пустоту въ Сынѣ, каждый же изъ Нихъ неполонъ и несовершенъ. Ибо сіе свойственно тѣламъ, потому даже и говорить это совершенно неестивно: Отецъ полонъ и совершенъ, и Сынъ есть полнота Божества. И еще, Богъ въ Сынѣ не такъ, какъ бываетъ Онъ во святыхъ, сообщая имъ крѣпость; потому что Сынъ есть Отчая сила и Премудрость. Существа созданія освѣщаются Духомъ чрезъ общеніе съ Сыномъ; а самъ Сынъ не по причастию Сынъ; но есть собственное рожденіе Отца. И еще, не въ такомъ смыслѣ Сынъ во Отцѣ, въ какомъ мы въ Немъ живемъ, и движемся, и есмь;

потому что Сынъ есть, какъ изъ источника, изъ Отца лиющаяся жизнь, которою все животворится и существуетъ. А жизнь живетъ не другою жизнью, иначе, не была бы она и жизнь; напротивъ же того, самъ Сынъ все раждаетъ въ жизнь.

Посмотримъ же, что говоритъ защитникъ ереси, софистъ Астерій; ибо онъ, соревнуя въ этомъ иудеямъ, написалъ слѣдующее: «Явно, что и Себя наименовалъ во Отца, и также Отца въ Себя, означая тѣмъ, что и слово, Имъ преподаваемое, есть не Его, но Отчее, и дѣла суть не Его собственныя, но Отца, давшего Ему силу». Но если бы сказала

сѣ просто отрокъ, то было бы ему извинительно по возрасту. Поелику же написавшій это есть, такъ называемый, софистъ, возвѣщающій о себѣ, что знаетъ все; то какого достоинъ онъ осужденія? И не показываетъ ли себя чуждымъ Апостолу, превозносясь *препретельными словесами премудрости* (1 Кор. 2, 4.), и думая, что можетъ обольстить ими, когда самъ не понимаетъ, что говоритъ и о чемъ спорить? Что Сынъ наименовалъ свойственнымъ и приличнымъ одному Сыну, какъ Слову и Премудрости и образу Отчей сущности, то Астерій относитъ ко всемъ тварямъ, и дѣлаетъ общимъ и Сыну и тварямъ. Сей незаконникъ говоритъ о силѣ Отца, будто бы она пріемлетъ въ себя силу, чтобы, по своему злочестію, можно было съ послѣдовательностію сказать ему, что Сынъ усыновленъ въ сынъ, и Слово пріяло власть слова. И онъ не хочетъ еще согласиться, что сѣ сказано Сыномъ, какъ Сыномъ, но и Его, какъ пріемлющаго и научившагося сему, ставитъ въ одинъ рядъ со всеми созданіями.

Если Спаситель сказалъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*, не потому, что произнесенныя Имъ слова суть слова Сына, но потому, что это суть слова и дѣла Отца; то и Давидъ говоритъ: *услышу, что речеть о мнѣ Господь Богъ* (Псал. 84, 9.); и Соломонъ: *моя словеса рекошася отъ Бога* (Притч. 31, 1.). И Моисей былъ служителемъ словесъ, прореченныхъ Богомъ; и каждый Пророкъ говорилъ не отъ себя, но отъ Бога: *сице глаголетъ Господь*; и дѣла, какія совершали святые, называли они не своими, но приписывали Богу, подавшему силу. Такъ, Илія и Елисей призывали Бога, чтобы Онъ воскресилъ мертвецовъ. Нееману, очистивъ его отъ проказы, говоритъ Елисей, да разумеешь, что есть Богъ во израили; и самъ Самуилъ во дни жатвы молился Богу, чтобы далъ дождь; и Апостолы говорили, что творять знаменія не своею силою, но по благодати Господа. Изъ сего явствуетъ, что сіе изреченіе могло бы для всѣхъ быть общимъ, и каждый, подобно Спасителю, могъ бы сказать: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. И потому, уже не одинъ Онъ есть Сынъ, Слово и Премудрость, а только въ числѣ многихъ. Но если бы въ такомъ смыслѣ говорилъ Господь; то надлежало бы Ему сказать не такъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*, но лучше: и Я во Отца, также Отецъ и во Мнѣ, чтобы показывало сіе не собственное и исключительное отношеніе Его ко Отцу, какъ Сына, но общую Ему со всѣми благодать. Но не такъ сказано, какъ думаютъ еретики. Не признавая, что Онъ есть преискренній Сынъ отъ Отца, клеветуютъ они на преискренняго Сына, Которому одному приличе-

Т. XIX. 25

ствуеть о Себѣ сказать: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*. Сынъ во Отцѣ, сколько сіе можно постигать; потому что всецѣлое бытіе Сына собственно принадлежитъ Отчей сущности; Сынъ отъ Отца, какъ сіяніе отъ свѣта, какъ потокъ изъ источника. Посему, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отцу. Такъ, бытіе Сына, будучи отъ Отца, и есть во Отцѣ. И Отецъ въ Сынѣ. Ибо чтѣ собственно отъ Отца, то есть Сынъ. Онъ въ Сынѣ, какъ въ сіяніи солнце, какъ въ словѣ умъ, какъ въ потокѣ источникъ. Такимъ образомъ, кто видитъ Сына, тотъ видитъ и представляетъ собственно принадлежащее Отчей сущности; потому что Отецъ въ Сынѣ. Поелику бытіе Сына есть Отчій образъ и Отчее Божество; то слѣдуетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ.

Поэтому, Спаситель справедливо, сказавъ прежде: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.), присовокупилъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*, чтобы показать тождество Божества и единство сущности. Они едино не въ томъ смыслѣ, что одно раздѣлено на двѣ части, которыя изъ себя составляютъ одно, и не въ томъ смыслѣ, что одно поименовано дважды; такъ что одинъ и тотже иногда есть Отецъ, а иногда Сынъ самаго Себя; такъ думавшій Савеллій признанъ еретикомъ. Напротивъ того, два суть по числу; потому что Отецъ есть Отецъ, и не Онъ же есть Сынъ, и Сынъ есть Сынъ, и не Онъ же есть Отецъ: но естество одно; потому что Рожденіе не неподобно Родившему, и есть Его образъ, и все, чтѣ принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну.

Поэтому, Сынъ есть не другой Богъ ; ибо не совнѣ примышленъ. Иначе, безъ сомнѣнія, было бы много боговъ, если бы примышлено было чуждое Божество, кромѣ Божества Отцаго. Если Сынъ есть иное, какъ рожденіе; то Онъ тѣже самое, какъ Богъ. Онъ и Отецъ суть едино, какъ сказано, по свойственности и сродственности естества, и по тождеству единого Божества. Ибо и сіяніе есть свѣтъ, а не второе что по солнцѣ, не иной свѣтъ, не свѣтъ по причастію свѣта, но всецѣлое собственное его порожденіе. Таковое же порожденіе по необходимости есть единый свѣтъ, и никто не скажетъ, что это суть два свѣта ; но хотя солнце и сіяніе суть два; однакоже, одинъ отъ солнца свѣтъ, въ сіяніи свѣтящій повсюду. Такъ и Божество Сына есть Божество Отца ; а потому оно и нераздѣльно ; и такимъ образомъ, одинъ Богъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Поелику Они едино, и Божество одно и тѣже; то, кромѣ наименованія: Отецъ, тѣже самое сказывается о Сынѣ, что сказывается объ Отцѣ, такъ на примѣръ, Сынъ именуется Богомъ: *и Богъ бѣ Слово*, — *Вседержителемъ: сія глаголетъ Иже бѣ, и сый, и грядый, Вседержитель* (Апок. 1, 8.), — *Господомъ: единый Господь Иисусъ Христосъ* (1 Кор. 8, 6.). Говорится, что Сынъ есть свѣтъ: *Азъ есмь свѣтъ* (Іоан. 8, 12.); — *изглаждаетъ грѣхи: но да увѣсте, сказано, яко власть имать Сынъ челоуѣческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. 5, 24.). А найдешь и многое иное. Ибо самъ Сынъ говоритъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть*. (Іоан. 16, 15.), и *Моя Твоя суть* (Іоан. 17, 10.). Кто

слышитъ, что свойственное Отцу сказуется о Сынѣ, тотъ и чрезъ сіе узритъ Отца въ Сынѣ; узритъ же и Сына во Отцѣ, когда сказуемое о Сынѣ сказуется также и объ Отцѣ. Почему же о Сынѣ сказуется свойственное Отцу? Не потому ли, что Сынъ есть Отчее рожденіе? Почему же и свойственное Сыну принадлежитъ Отцу? Не потому ли опять, что Сынъ есть собственное рожденіе Отчей сущности? Будучи же собственнымъ рожденіемъ Отчей сущности, Сынъ справедливо именуется Своимъ принадлежащее Отцу.

Посему, прилично и согласно съ сказаннымъ: *Азъ и Отецъ едино есма, присовокупилъ: да разумьете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть*, а прежде сего сказалъ еще: *видѣвый Мене, виде Отца* (Іоан. 14, 9.). И въ сихъ трехъ изреченіяхъ одинъ и тотже смыслъ. Такимъ образомъ, кто уразумѣлъ, что Сынъ и Отецъ едино суть, тотъ знаетъ, что Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; потому что Божество Сына есть Божество Отца, и Оно тоже въ Сынѣ. И кто постигъ сіе, тотъ вѣруетъ, что видѣвый Сына, видѣ Отца; потому что въ Сынѣ созерцается Божество Отца.

Сіе же ближе иной можетъ усмотрѣть въ подобіи царскаго изображенія; потому что въ изображеніи есть видъ и образъ царя, а въ царѣ есть видъ представленнаго въ изображеніи; представленное въ изображеніи подобіе царя неотлично отъ него; почему, кто смотритъ на изображеніе, тотъ видитъ въ немъ царя, и наоборотъ, кто смотритъ на царя, тотъ узнаетъ, что онъ представленъ въ изображеніи. А по сему безразлично подобія, желаю-

щему послѣ изображеніи видѣть царя изображеніе можетъ сказать: «Я и царь — одно и тѣже; я въ немъ, и онъ во мнѣ. Чтѣ видишь во мнѣ, то усмотришь и въ немъ; и чтѣ видѣлъ ты въ немъ, то усмотришь во мнѣ». Посему, кто покланяется изображенію, тотъ покланяется въ немъ царю; потому что изображеніе есть сго образъ и видъ. Такъ, поелику Сынъ есть образъ Отца; то необходимо представлять себѣ, что Божество Отца и свойственное Ему есть бытіе Сына, и Сынъ есть всецѣлый Богъ. Посему, равенъ будучи Богу, *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Фил. 2, 6.).

И еще, поелику Божество и образъ Сына принадлежатъ не иному кому, но Отцу; то сіе и значитъ сказанное: *Азъ во Отцѣ*. Такъ, *Богъ бѣ во Христѣ мѣръ примиряя Себѣ* (2 Кор. 5, 19.). Ибо Сынъ есть собственность Отчей сущности, въ Немъ тварь примиряется съ Богомъ. Такъ, чтѣ совершилъ Сынъ, все то есть дѣла Отца. Ибо Сынъ есть образъ Отчаго Божества, Которое совершило дѣла. Такъ, кто взираетъ на Сына, тотъ видитъ Отца; ибо въ Отчемъ Божествѣ и есть и созерцается Сынъ, и Отчій образъ въ Сынѣ показывается въ Немъ Отца, и такимъ образомъ, Отецъ въ Сынѣ. А свойственное Отцу и Божество въ Сынѣ показывается Сына въ Отцѣ и то, чтѣ Сынъ всегда неотдѣленъ отъ Отца. И кто сказуемое объ Отцѣ слышитъ, или видитъ, какъ сказуемое также и о Сынѣ, не въ томъ смыслѣ, что по благодати, или по причастию, привзошло сіе въ сущность Сына, но въ томъ, что самое бытіе Сына есть собственное рожденіе Отчей сущности, тотъ, по замѣчен-

ному выше, хорошо пойметъ сказанное: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*; и: *Азъ и Отецъ единосма*. Сынъ таковъ же, каковъ и Отецъ, потому что имѣетъ все, что свойственно Отцу, потому и подразумевается съ именемъ Отца; никто не именуется Отцемъ, когда нѣтъ Сына. Называющій Бога Творцемъ не означаетъ симъ непременно и сотвореннаго, потому что Творецъ прежде тварей; но кто именуется Богомъ Отцемъ, тотъ вмѣстѣ со Отцемъ даетъ разумъ и о существованіи Сына. Посему, кто вѣруетъ въ Сына, тотъ вѣруетъ во Отца; потому что вѣруетъ въ свойственное Отчей сущности. И такимъ образомъ, одна есть вѣра во единого Бога. Кто поклоняется Сыну и чтитъ Его, тотъ въ Сына поклоняется Отцу и чтитъ Отца; потому что Божество едино. Посему, единая честь и единое поклоненіе, именно то, которое въ Сына, и чрезъ Него воздается Отцу; и поклоняющійся такъ поклоняется единому Богу; потому что Богъ единъ, и нѣтъ инаго кромѣ Его.

Посему, когда одинъ Отецъ именуется Богомъ, и говорится, что Богъ единъ: *Азъ есмь и нѣсть Богъ развѣ Мене* (Второз. 32, 39.), и: *Азъ первый и Азъ и по сихъ* (Исаи 44, 6.); тогда говорится сіе прекрасно; потому что единъ есть Богъ, единственный и первый. Но говорится сіе не въ отрицаніе Сына. Да не будетъ сего! Ибо и Онъ въ единомъ, и первомъ, и единственномъ, какъ единственное Слово единого и перваго и единственнаго, Его Премудрость и сіяніе. Но и самъ Онъ есть первый и исполненіе перваго и единого Божества, всецѣлый и совершенный Богъ. Слѣдовательно, не

ради Его говорится сіе, но показываетъ, что нѣтъ другаго такого же, каковъ Отецъ, и каково Его Слово. И этотъ смыслъ пророческихъ словъ всѣмъ явенъ и очевиденъ.

Но нечестивые, и сіе выставляя на видъ, хулятъ Господа и насъ укоряютъ, говоря: «вотъ Богъ называется единымъ, единственнымъ и первымъ; какъ же говорите вы, что Сынъ есть Богъ? Если бы и Сынъ былъ Богъ, то не сказалъ бы самъ Богъ: Я единственный, или, Богъ есть единъ». Посему, необходимо, сколько можно, объяснить смыслъ и сихъ изреченій, чтобы и изъ этого всѣ уразумѣли, что аріане подлинно богоборцы.

Ежели у Сына есть соперничество со Отцемъ; то пусть слышатъ такія слова. Или, если, какъ Давидъ выслушалъ объ Адоніи и Авессаломъ, такъ и Отецъ взираетъ на Сына; то пусть самъ къ Себѣ говоритъ и произноситъ такія слова, чтобы Сынъ, именуя Себя Богомъ, не отвѣкъ иныхъ отъ Отца. Если же кто знаетъ Сына, тотъ лучше знаетъ Отца, потому что самъ Сынъ открываетъ ему Отца; и онъ, какъ сказано, лучше узритъ Отца въ Словъ; Сынъ же, пришедши, прославлялъ не Себя, но Отца, когда говорилъ приступльщему къ Нему: что *Мя глаголеши блага? Никтоже блага, токмо единъ Богъ* (Матѣ. 19, 17.), и во-просившему: *кая заповѣдь больше есть въ законъ* (Матѣ. 22, 36.) отвѣчалъ: *слыши израилю, Господь Богъ вашъ Господь единъ есть* (Марк. 12, 29.); и народу говорилъ: *сидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. 6, 38.), и учениковъ училъ: *Отецъ Мой болій*

Мене есть (Іоан. 14, 28.), и: кто читъ Меня, читъ Пославшаго Мене (Іоан. 5, 23.); если, говорю, Сынъ таковъ къ Своему Отцу: то какое противленіе между Ними, чтобы изъ подобныхъ изреченій выводилъ такое подозрѣніе? Съ другой стороны, если Сынъ есть Отчее Слово, то у кого, кромѣ христорборцевъ, станеть безразсудства думать, что Богъ изглаголамъ такое слово въ оклеветаніе и отрицаніе Слова Своего? Это не христіанская мысль. Да не будетъ сего! Не ради Сына написано сіе, но въ низложеніе измышленныхъ людьми лжеименныхъ боговъ. И сей смыслъ таковыхъ реченій имѣеть основательную причину. Поелику преданные лжеименнымъ богамъ уклоняются отъ Бога истиннаго; то, какъ благій и благопопечительный о людяхъ, Богъ, взывая къ заблудшимъ, говоритъ: *Азъ есмь Богъ единъ*, и: *Азъ есмь, и нѣсть Богъ развъ Мене* (Второз. 32, 39.), и подобными сему словами, чтобы посрамить не-сущее, всѣхъ же обратитъ къ Себѣ. И какъ, если бы кто среди дня и при сіяніи солнца написалъ просто дерево, немѣющее въ себѣ призрака свѣта, и сказалъ бы, что сіе изображеніе есть причнна свѣта; солнце же, смотря на сіе, скажетъ: «я одно составляю дневный свѣтъ, и нѣтъ другаго дневнаго свѣта кромѣ меня»; то оно скажетъ сіе, имѣя въ виду, не свое сіяніе, но обманъ, производимый изображеніемъ дерева и несходствомъ пустаго начертанія. Такъ и изреченія: *Азъ есмь*, и: *Азъ есмь Богъ единъ, и нѣсть развъ Мене* сказаны для отвращенія людей отъ боговъ лжеименныхъ, и въ наученіе ихъ познать наконецъ истиннаго Бога. Безъ сомнѣнія, Богъ, говоря сіе,

изрекъ чрезъ Слово Свое, развѣ нынѣшніе іудеи присовокупятъ и то, что не чрезъ Слово глаголаъ Богъ. Но хотя и бѣснуются сіи чада діавола,—такъ сказано въ Писаніи. Ибо слово Господне было къ Пророку, и онъ слышалъ это. Если же Господне было Слово, и чрезъ Слово изрекъ сіе Господь; а чтò говоритъ и дѣлаетъ Богъ, не иначе говоритъ и дѣлаетъ, какъ въ Словѣ, то конечно, богоборцы, не ради Его сказано сіе, но по причинѣ чуждыхъ и не-сущихъ отъ Него. Ибо и по сказанному выше подобію, если бы солнце произнесло означенныя прежде слова, то, не вѣ имѣя свое сіяніе, но въ сіяніи являя свѣтъ свой, стало бы обличать заблужденіе, и говоритъ сказанное. Слѣдовательно, не въ отрицаніе Сына и не ради Его употреблены таковыя изреченія, но въ низложеніе лжи.

Богъ не говорилъ такихъ словъ вначалѣ Адаму, хотя съ Нимъ было Слово, Которымъ *вся быша*. Тогда не было нужды, потому что не было *пдоловъ*. Когда же люди возстали противъ истинны и наименовали себя, какихъ хотѣли, боговъ; тогда настала нужда въ подобныхъ реченіяхъ къ низложенію не-сущихъ боговъ. А я бы присовокупилъ: подобныя изреченія напередъ сказаны, и къ разумленію безразсудства христорборцевъ, что вымышленный ими вѣ Отчей сущности богъ не есть истинный, не есть образъ и сынъ единственнаго и перваго Бога. Посему, если Отецъ именуется единственнымъ истиннымъ Богомъ, то говорится сіе не въ отрицаніе Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.), но опять въ отверженіе неспьющихъ качествъ быть истинными, какъ Отецъ и какъ

Слово Его. Ибо и самъ Господь непосредственно присовокупилъ: и *Егоже послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. 17, 3.). А если бы Онъ былъ тварь, то не присоединилъ и не причислилъ бы Себя къ Сотворшему Его. Ибо какое общеніе у истиннаго съ неистиннымъ? Теперь же присоединивъ Себя къ Отцу, показалъ тѣмъ, что Отцаго Онъ естества, и далъ намъ разумѣть, что истинное Онъ рожденіе истиннаго Отца. Сіе уразумѣвъ, и Іоаннъ научилъ насъ, пиша въ Посланіи: *И да будемъ во истиннымъ, въ Сынь Его Иисусъ. Сей есть истинный Богъ и животь вѣчный* (1 Іоан. 5, 20.). И поелюку о твари Пророкъ говоритъ: *прострый единъ небо* (Іов. 9, 8.), и самъ Богъ: *Азъ распрострохъ небо единъ* (Исаин 44, 24.); то всякому сдѣлалось явно, что реченіемъ *единъ* означается и Слово Единнаго, *Имже вся быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3.). Итакъ, если тварь приняла въ бытіе Слово, Богъ же говоритъ: *Азъ единъ*; то вмѣстѣ съ Единнымъ разумѣется и Сынь; Имъ сотворено и небо. Такъ, если говорится: *единъ Богъ*, и *Азъ единъ*, и *Азъ первый*, то и Слово разумѣется соприсуцимъ въ единомъ, единственномъ и первомъ, какъ сіяніе во свѣтъ. Сіе же не можетъ быть разумѣемо объ иномъ комъ, кромѣ единаго Слова; потому что все прочее изъ ничего произведено Сыномъ, и далеко отстоитъ по природѣ. А самъ Сынь по естеству отъ Отца и есть истинное рожденіе.

Поэтому, изреченіе: *Азъ первый*, которое сіи неразумные думали представить въ защиту своей ереси, обличаетъ болѣе ихъ злоуміе. Богъ говоритъ: *Азъ первый, и Азъ по сихъ*. Итакъ, если, какъ со-

причисляемый къ послѣдующимъ за Нимъ тварямъ, именуется первымъ изъ нихъ, и потому твари суть вторыя по Немъ; то, по мнѣнію вашему, и самъ Онъ будетъ превосходить тварей только однимъ временемъ. А сіе одно уже выше всякаго нечестія. Если въ означеніе того, что Онъ не отъ кого-либо другаго, что ничего нѣтъ прежде Его, что самъ Онъ есть начало и впаа всего, и въ опроверженіе еллинскихъ басенъ сказалъ: *Азъ первый*; то явно, что при наименованіи Сына первороднымъ, не по причинѣ сопрічисленія Его къ твари называется Онъ первороднымъ, но въ показаніе того, что всѣ созидаются и усыновляются чрезъ Сына. Ибо какъ Отецъ есть первый, такъ и Сынъ, поколику Онъ—образъ Перваго, и первый въ Немъ пребываетъ, есть первый же, но и рожденіе отъ Отца, и о Немъ всякая тварь создается и усыновляется.

Но еретики готовы и на сіе возражать своими баснотворными вымыслами, говоря: «не въ томъ смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино и подобны одинъ другому, въ какомъ проповѣдуетъ сіе Церковь, но въ какомъ намъ это угодно». Ибо говорятъ: «поелп-ку, чего хочетъ Отецъ, тогоже хочетъ и Сынъ, и не противорѣчитъ Отцу и въ вѣлѣніяхъ и въ сужденіяхъ, напротивъ же того, во всемъ съ Нимъ согласенъ, соблюдая тождество вѣлѣній, и преподавая ученіе сообразное и тѣсно соединенное съ ученіемъ Отца; то въ этомъ смыслѣ Онъ и Отецъ едино суть». И сіе нѣкоторые изъ еретиковъ осмѣлились не только говорить, но и писать. Но можно ли что сказать болѣе несообразное и неразумное? Ибо, если по сей причинѣ Сынъ и Отецъ суть

едино, и въ этомъ только смыслъ Слово подобно Отцу ; то слѣдуетъ, что и Ангелы и ныня высшія насъ существа, начала, власти, престолы, господства, даже видимыя твари, солнце, луна и звѣзды, подобно Сыну, суть также сыны, и о нихъ должно сказать, что они и Отецъ едино суть , и каждое изъ существъ сихъ есть образъ Божій и Слово Божіе. Ибо, чего хочетъ Богъ , тогоже хотятъ и они, не разногласятъ ни въ сужденіяхъ, ни въ велѣніяхъ, но во всемъ покорны Сотворшему. Они не пребыли бы въ своей славѣ, если бы и сами не желали того, чего хочетъ Отецъ. И тому , кто не пребылъ въ семъ согласіи, но пренебрегъ онымъ, сказано: *како спаде съ небесе денница восходящая завтра* (Исаи 14, 12.)? Въ такомъ же случаѣ, почему сей одинъ есть едиnorodный Сынъ, и Слово, и Премудрость? И почему, при такомъ множествѣ подобныхъ Отцу, Онъ одинъ есть образъ? Ибо и изъ людей найдутся многіе подобныя Отцу; много мучениковъ, а прежде нихъ были Пророки и Апостолы, и еще прежде сѣхъ патріархи. Многіе и нынѣ соблюли заповѣдь Спасителю, содѣлавшись милосердыми, *якоже Отецъ*, Иже на небесяхъ (Лук. 6, 36.), и сохранили сказанное: *бывайте убо подражатели Богу якоже чада возлюбленная: и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ* (Ефес. 5, 1. 2.). Многіе содѣлались подобными Павлу, какъ и онъ Христу (1 Кор. 4, 16.). Однакоже, никто изъ нихъ не есть ни Слово , ни Премудрость, ни едиnorodный Сынъ, ни образъ; никто изъ нихъ не дерзнулъ сказать: *Азъ и Отецъ едино есма*, или: *Азъ во Отца*, и *Отецъ во Мнѣ есть*.

Напротивъ того, о всѣхъ сказано: кто *подобенъ Тебѣ въ бозьхъ, Господи* (Псал. 86, 8.)? Или: кто *уподобится Господеву въ сынѣхъ Божіихъ* (Псал. 88, 7.)? О Немъ же говорится, что одинъ Сынъ есть истинный и по естеству образъ Отчій. Если и мы созданы по образу, именуемъ *образомъ и славою Божіею* (1 Кор. 11, 7.); то опять сію благодать званія имѣемъ не сами по себѣ, но потому, что въ насъ обитаетъ образъ Божій и истинная слава Божія, то-есть Слово Божіе, ради насъ содѣлавшееся напоследокъ плотию. Поелику и такое мудрованіе еретиковъ оказывается неприличнымъ и неразумнымъ; то необходимо подобіе и единство относить къ самой сущности Сына. Если же понимать не въ томъ смыслѣ; то окажется, по сказанному, что Сынъ ничѣмъ не преимуществуетъ предъ тварями, и Онъ не будетъ подобенъ Отцу, уподобится же вельніямъ Отца, и отличенъ будетъ отъ Отца; потому что Отецъ есть Отецъ, а [вельнія и ученіе суть Отцевы. Посему, если Сынъ подобенъ Отцу только по вельніямъ и ученію; то, по словамъ ихъ, Отецъ будетъ Отцемъ только по имени, а Сынъ не будетъ неразличнымъ образомъ, лучше же сказать, окажется вовсе немѣющимъ какого-либо свойства или подобія со Отцемъ. Ибо какое подобіе и свойствѣ у того, кто отличенъ отъ Отца? И Павелъ, который учить подобно Спасителю, не подобенъ Ему по сущности. Посему, еретики, мудрствуя такъ, обманываются.

Сынъ и Отецъ едино суть въ томъ смыслѣ, какъ это сказано. Сынъ подобенъ Отцу и отъ самого Отца, какъ только можно разумѣть и представлять

себѣ Сына въ-отношеніи къ Отцу, какъ можно разумѣть сіяніе въ-отношеніи къ солнцу. Поелику таково бытіе Сына, то, когда дѣлаетъ Сынъ, дѣлающій есть и Отецъ, и когда Сынъ приходитъ къ святымъ, приходищій въ Сынъ есть Отецъ, какъ самъ Онъ возвѣстилъ, говоря: *придемъ Азъ и Отецъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23.). Ибо въ образъ созерцается Отецъ, въ сіяніи пребываетъ свѣтъ. Посему, какъ сказали мы нѣсколько выше, когда Отецъ даетъ благодать и миръ, даетъ ихъ и Сынъ, какъ выражаетъ это Павелъ, пиша во всякомъ Посланіи. *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Ибо одна и таже благодать, подаваемая отъ Отца въ Сынъ, какъ одинъ свѣтъ въ солнцѣ и сіяніи, и солнце свѣтитъ посредствомъ сіянія. Такъ опять, молясь о Фессалоникійцахъ и говоря: *самъ же Богъ и Отецъ нашъ, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ да исправитъ путь нашъ къ вамъ* (1 Сол. 3, 11.), Павелъ соблюлъ единство Отца и Сына. Ибо не сказалъ: *да исправитъ*, какъ о двоякой благодати, подаваемой двоими, но: *да исправитъ*, желая показать, что Отецъ подаетъ благодать чрезъ Сына. Злочестивые еретики, хотя могли бы при семъ почувствовать стыдъ, но не хотятъ. Если бы не было единства, если Слово не собственное рожденіе отъ Отчей сущности, какъ сіяніе отъ свѣта, и Сынъ естествомъ далекъ отъ Отца; то было бы достаточно одного Отца, чтобы подавать благодать, не приобщая въ даруемомъ къ Сотворшему единой изъ тварей. Теперъ же таковое даяніе показываетъ единство Отца и Сына. Никто не станетъ молиться

о пріятіи чего-либо отъ Отца и отъ Ангеловъ, или отъ какой-нибудь другой твари, никто не скажетъ: да подастъ тебѣ Богъ и Ангелъ, но просить и Отца и Сына по причинѣ единства и единого дѣянія. Ибо даруемое дается чрезъ Сына, и что ни дѣлаетъ Отецъ, все дѣлаетъ чрезъ Сына. Потому и пріемлющій имѣетъ несомнѣнную благодать.

Если же патриархъ Іаковъ, благословляя внуковъ Ефрема и Манассію, сказалъ: *Богъ, Иже питаетъ мя изъ млада даже до дне сего, Ангелъ, Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ, да благословитъ дѣтища сія* (Быт. 48, 15. 16.); то къ сотворшему ихъ Богу присовокупилъ не одного изъ сотворенныхъ и по естеству сущихъ Ангеловъ, и не у Ангела просилъ благословенія внукамъ, оставивъ питающаго его Бога, но сказавъ: *Иже мя избавляетъ отъ всѣхъ золъ*, показалъ тѣмъ, что это есть не сотворенный какой Ангелъ, но Божіе Слово, Которому молился онъ совокупно со Отцемъ, и чрезъ Котораго Богъ избавляетъ, кого хочетъ. Зная, что Онъ именуется и Ангеломъ великаго совета Отцаго, Его, а не другаго кого, нарекъ благословляющимъ и избавляющимъ отъ золъ. Не того желалъ онъ, чтобы его самого благословилъ Богъ, а внуковъ Ангелъ; но Кого самъ призывалъ, говоря: *не пушу Тебе, аще не благословиши мене* (Быт. 32, 26.), а это былъ Богъ, какъ говоритъ самъ Іаковъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу* (30); Тогоже умолялъ благословить и сыновъ Іосифовыхъ. Ангелу свойственно служить Божію повелѣнію; неоднократно Ангелъ предшествуетъ народу Божію, чтобы изгнать Амморей, и посылается охра-

нять народъ на пути ; но и это не его есть дѣло, но повелѣвшаго ему и пославшаго его Бога, Который одинъ можетъ избавлять, кого восхощетъ избавить. Посему, не иной кто, но самъ явившійся Господь Богъ сказалъ Иакову: *се Азъ есмь съ тобою, сохраняяй тя на всякомъ пути, и мже аще пойдеши* (Быт. 28, 15.); опять не иной кто, но явившійся Богъ воспрепятствовалъ Лаванову злоумышленію, повелѣвъ Лавану, *да не возглаголетъ ко Иакову зла* (Быт. 31, 24.); и самъ Иаковъ не иного кого, но Бога призывалъ, говоря: *изми мя отъ руки брата моего Исава, яко боюся его* (Быт. 32, 11.), и бесѣдуя съ женами, говорилъ: *не даде Богъ Лавану зла сотворити мнѣ* (Быт. 31, 7.). Посему и Давидъ не иного кого, но Бога умолялъ объ избавленіи: *къ Тебѣ Господи, внемди скорбѣти ми, воззвахъ, и услышалъ мя еси. Господи избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ, и отъ языка льстива* (Псал. 119, 1. 2.). Ему воспісуя благодареніе, глагола слова пѣсни въ семнадцатомъ псалмѣ *въ день, въ онъже избави его Господь отъ руки встѣхъ врагъ его, и изъ руки Саула, и рече: возлюблю Тя Господи крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое, и приближище мое, и избавитель мой* (Псал. 17, 1—3.). И Павелъ, претерпѣвъ многія гоненія, не иного кого, но Бога благодарилъ, говоря: *отъ всего избавилъ меня Господь, и избавитъ, на-Нъже уповахомъ* (2 Кор. 1, 10.). Не иной кто, но Богъ благословилъ Авраама и Исаака. И Исаакъ, молясь объ Иаковѣ, сказалъ: *Богъ мой да благословитъ тя, и возраститъ тя, и умножитъ тя: и будеши въ собранія языковъ.*

И да дастъ тебѣ благословеніе Авраама отца моего (Быт. 28, 3. 4.). Если же благословлять и избавлять принадлежитъ не иному кому, но Богу, и избавляющій Иакова былъ не иной кто, но самъ Господь, патриархъ же призывалъ на внуковъ Избавляющаго его самого; то явно, что въ молитвѣ не пнаго кого присоединилъ онъ къ Богу, но Слово Его, Которое посему назвалъ и Ангеломъ, потому что Оно одно открываетъ намъ Отца.

Сіе же сдѣлалъ и Апостолъ, говоря: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*. Ибо въ такомъ случаѣ и благословеніе было надежно по нераздѣльности Сына со Отцемъ, и потому что даруемая благодать есть одна и таже. Хотя даетъ Отецъ, но даруется чрезъ Сына. Хотя Сынъ именуется дарствующимъ, но чрезъ Сына и въ Сынъ подаетъ Отецъ. *Благодарю*, говоритъ Апостолъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ, *Бога моего всегда о васъ, о благодати Божіей данный вамъ о Христѣ Иисусѣ* (1 Кор. 1, 4.). Сіе же самое можно видѣть въ свѣтѣ и сіяніи. Чтò освѣщаетъ свѣтъ, тò озаряетъ сіяніе; и чтò озаряетъ сіяніе, тò есть освѣщеніе самого свѣта. Такъ и когда видимъ Сынъ, видимъ и Отецъ; потому что Сынъ есть Отчее сіяніе. И такимъ образомъ, Отецъ и Сынъ едино суть.

Но сего никто не скажетъ о созданныхъ вещахъ и о тваряхъ. Когда дѣлаетъ Отецъ, не дѣлаетъ того же кто-нибудь изъ Ангеловъ, или пная какая тварь; ипдна изъ тварей не есть творящая причина, но всѣ онѣ въ числѣ созданныхъ. Сверхъ того, онѣ отдѣлены и далеки отъ Единаго, инаковы съ Нимъ по естеству, и сами будучи дѣла, не могутъ дѣлать

того, что дымасть Богъ, не могутъ, какъ сказали я прежде, содарствовать, когда дарствуетъ Богъ. Взв-рая на Ангела, никто не скажетъ, что видѣлъ Отца. Ибо Ангелы, какъ написано, *суть служебнии души въ служеніе посылаеми* (Евр. 1, 14.), и о дарахъ, подаваемыхъ отъ Бога Словомъ, возвѣщаютъ пріемлющимъ. И самъ явившійся Ангелъ исповѣдаетъ о себѣ, что посланъ онъ Владыкою; такъ, Гавріилъ Захаріи и Богородицъ Маріи самъ сіе исповѣдалъ. Кто видитъ явленіе Ангеловъ, тотъ знаетъ, что видитъ Ангела, а не Бога. Захарія видѣлъ Ангела, а Исаія видѣлъ Господа. Маное, отецъ Сампсоновъ, видѣлъ Ангела, а Моисей зрѣлъ Бога. Гедеонъ видѣлъ Ангела, Аврааму же явился Богъ. И кто видѣлъ Бога, тотъ не говорилъ, что видѣлъ Ангела; а кто видѣлъ Ангела, тотъ не думалъ, что видѣлъ Бога. Ибо много, или лучше сказать, совершенно по естеству различны созданныя существа съ сотворившимъ ихъ Богомъ.

Если же иногда при явленіи Ангела видѣвшій слышалъ гласъ Божій, какъ было при купинѣ; ибо *явися Ангелъ Господень въ пламени огненнѣ изъ купины: и воззва Господь Моисею изъ купины, глаголя: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль* (Исх. 3, 2. 4. 6.): то не Ангелъ былъ Богъ Авраамовъ, но въ Ангелѣ былъ глаголющій Богъ; и хотя видимъ былъ Ангелъ, но глаголалъ въ немъ Богъ. Ибо какъ въ облачномъ столпѣ глаголалъ Богъ Моисею въ Скинии, такъ и въ Ангелахъ является Онъ глаголющимъ. Такъ и Навину глаголалъ Онъ чрезъ Ангела.

Но что глаголетъ Богъ, то, какъ извѣстно, глаго-

летъ чрезъ Слово , а не чрезъ инаго кого. И что дѣлаеть Слово, Которое неотлучно отъ Отца, не неподобно и не чуждо Отчей сущности , то суть дѣла Отца; и Слово со Отцемъ единое совершаеть дѣло. И что даеть Сынъ, то есть Отчее дааніе. И кто видѣль Сына, тотъ знаеть , что видѣль Его , видѣль не Ангела, и не существо высшее Ангеловъ , не какую-либо тварь , во самого Отца. И кто слышитъ Слово , тотъ знаеть , что слышитъ Отца ; какъ и озаремый сіяніемъ знаеть , что освѣщается солнцемъ.

И божественное Писаніе, желая, чтобы такъ разумѣли мы , представило намъ , о чемъ говорили мы и прежде , такіа подобія , которыми могли бы мы и пристыдить предателей іудеевъ , и оразить обвиненіе елливовъ, когда они говорятъ и думаютъ, будто бы въ ученіи о Троицѣ и мы признаемъ многихъ боговъ. Ибо , какъ показываютъ самыя подобія , не вводимъ мы трехъ началъ, или трехъ отцевъ, какъ послѣдователи Маркіона и манихеи. Не трехъ солнцевъ представляемъ образъ , но солнце и сіяніе , и одинъ свѣтъ отъ солнца въ сіяніи. Такъ знаемъ единое начало, и говоримъ, что зиждительное Слово имѣеть не иный какій образъ Божества, но Божество единого Бога; потому что рождено отъ Бога.

Посему, ариане гораздо справедливѣе могутъ быть обвиняемы въ многобожїи или въ безбожїи , потому что суетловяеть, будто Сынъ есть тварь отвнѣ , и Духъ изъ ничего. Ибо говорятъ, что Слово—не Богъ, или , и называя Его Богомъ , по причинѣ написаннаго, но не собственно принадлежащимъ Отчей сущности, по разнородности Отца и Сына, вводятъ мно-

гихъ боговъ , если только не осмѣливаются утверждать , что и Слово нарицается Богомъ по причастию , въ какомъ смыслѣ и все можетъ быть такъ названо. Но и такъ думая , равно нечествуютъ , говоря , что Слово есть одна изъ всѣхъ тварей. А намъ и на умъ никогда не приходило сего. Ибо одинъ видъ Божества , который есть и въ Словѣ , и одинъ Богъ Отецъ самосушій , потому что Онъ *надъ всьмъ* (Рим. 9, 5.), являющійся въ Сынѣ , потому что *проницаетъ чрезъ всяческая* (Прем. 7, 24.), и въ Духѣ , потому что во всѣхъ дѣйствуетъ о Немъ чрезъ Слово. Такъ исповѣдуя Троицу , исповѣдуемъ единого Бога и гораздо благочестивѣе рассуждаемъ о Богѣ , нежели еретики , признающіе многовидное и многочастное Божество ; потому что признаемъ единое въ Троицѣ Божество. Ибо если не такъ , напротивъ того , Слово изъ не-сущихъ , есть тварь и произведеніе : то Оно или не есть Богъ истинный , потому что есть одна изъ тварей ; или , если еретики , постыжаемые Писаніемъ , называютъ Его Богомъ , то по необходимости должны именовать двухъ боговъ , — одного Творца , другаго же сотвореннаго , и служить двумъ господамъ , — одному Несозданному , другому же созданному и твари , имѣть двѣ вѣры , — одну въ истиннаго Бога , другую же въ сотвореннаго , или вымышленнаго и наименованнаго Богомъ. А слѣпотствуя такимъ образомъ , по необходимости должны , когда поклоняются Несозданному , презирать созданнаго , а когда приступаютъ къ твари , отвращаться отъ Творца. Ибо невозможно видѣть одного въ другомъ ; потому что чужды и различны между собою ихъ естества и дѣйствія. А такъ думающіе непременно

сочетавають во едно многихъ боговъ : къ сему вестъ вачинаніе отпадающихъ отъ единого Бога.

Почему же аріане, такъ разсуждая и представляя, не причислютъ себя къ язычникамъ? Ибо, какъ тѣ, такъ и они, служатъ твари паче сотворившаго вселенскія Бога. Хотя избѣгаютъ они именования язычниками для обольщенія несмысленныхъ; однакоже, въ тайнѣ содержатъ мысль, подобную языческой. Ибо и мудрое это изреченіе, обыкновенно ими употребляемое: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», употребляютъ, повидимому, для обольщенія простодушныхъ. Говоря: «не именуемъ двухъ несозданныхъ», именуяютъ двухъ боговъ, и боговъ, имѣющихъ различныя естества: одного, имѣющаго естество созданное, а другаго—несозданное. Если язычники служатъ одному Несозданному и многимъ созданнымъ, они же одному Несозданному и одному созданному: то и въ такомъ случаѣ не различаются отъ язычниковъ; потому что именуемый у нихъ созданнымъ есть одинъ изъ многихъ созданныхъ, а также и многіе языческіе боги съ нимъ однимъ имѣютъ тѣже естество; и сей одинъ и тѣ суть твари. Жалки еретики, тѣмъ болѣе, что сами себя вредятъ, мудрствуя противъ Христа; отпали они отъ истины, и отрицаясь отъ Христа, превзошли іудеевъ въ предательствѣ, погрязаютъ же вмѣстѣ съ язычниками сіи богоненавистники, служа твари и различнымъ богамъ.

Единъ есть Богъ, а не многіе, и едино есть Слово Божіе, а не многія. Богъ есть Слово. Оно одно имѣетъ Отчее видѣніе. Сямъ-то будучи видѣніемъ, самъ Спаситель постыждаетъ іудеевъ, говоря: *Пославый Мн Отецъ самъ свидѣтельствова о Мнѣ.*

Ни гласа Его нигдѣже слышасте , ни видѣнія Его видѣсте: и словесе Его не имате пребывающа въ васъ , зане , Егоже Той посла , Се му вы вѣры не емлете (Іоан. 5, 37. 38.). Прекрасно къ Слову при-
совокупилъ видѣніе, показывая симъ, что само Слово Божіе есть изображеніе и образъ и видѣніе Отца Своего, и что іудей, непринявшіе Глаголавшаго сіе, не приняли Слова, то-есть Божія видѣнія. Сіе-то видѣніе патріархъ Іаковъ узрѣвъ, былъ благословленъ, и вмѣсто Іакова нареченъ отъ Него Израилемъ, какъ свидѣтельствуеть божественное Писаніе, говоря: *возсіа же ему солнце, егда преиде видѣ Божій* (Быт. 32, 31.). Но видѣ сей былъ Тотъ, Кто говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца, и: Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ; и: Азъ и Отецъ едино есма.* Такъ, единъ есть Богъ, и одна вѣра въ Отца и Сына. И поелику Слово есть Богъ; то опять *Господь Богъ нашъ Господь единъ есть* (Второз. 6; 4.); потому что Онъ есть собственный и нераздѣльный Сынъ по свойственности и сродству сущности.

Но непостыжаемые и симъ, аріане говорятъ: «Не какъ вы говорите, но какъ намъ хочется. Поелику отвергли вы прежніе наши вымыслы, то нашли мы новый, и утверждаемъ: въ такомъ же смыслѣ Сынъ и Отецъ суть едино, Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ, въ какомъ и мы можемъ быть въ Немъ. Сіе написано въ Евангеліи отъ Іоанна, сего Христось желалъ и для насъ, говоря: *Отче святыи соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино якоже и мы* (Іоан. 17, 11.); и еще чрезъ нѣсколько словъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да*

вси едино будутъ : якоже Ты , Отче , во Мнѣ , и Азъ въ Тебѣ , да и тиѣ въ Насѣ едино будутъ : да и мѣръ въру иметъ , яко Ты Мѣ послалъ еси . И Азъ славу , юже далъ еси Мнѣ , дахъ имъ , да будутъ едино , якоже Мы едино есмы : Азъ въ нихъ , и Ты во Мнѣ , да будутъ совершени во сдино , и да разумѣетъ мѣръ , яко Ты Мѣ послалъ еси (20—23.)» .
 Потомъ сїи хитрецы , какбы нашедши предлогъ , присовокупляютъ сіе : « Если какъ мы во Отцѣ бываемъ едино , такъ Онъ и Отецъ едино суть , такъ и Онъ есть во Отцѣ ; то почему же , по сказанному Имъ : Азъ и Отецъ едино есма , и : Азъ во Отцѣ , и Отецъ во Мнѣ , называетъ Его собственно принадлежащимъ и подобнымъ Отчей сущности ? Необходимо , или и намъ быть собственно принадлежащими Отчей сущности , или и Ему быть чуждымъ , какъ чужды мы » .

Такъ неразумительно суесловятъ еретики . А я не вижу въ такомъ ихъ злоуміи ничего инаго , кромѣ неразумной дерзости и діавольскаго высокоумія ; потому что и они , подобно діаволу , говорятъ : на небо взыдемъ , будемъ подобны Вышнему . Чтò раздается людямъ по благодати , то хотятъ они сравнять съ Божествомъ Дарующаго . Слыша , что люди называются сынами , возмнили , что и сами они равны истинному по естеству Сыну . И теперь опять слыша отъ Спасителя : да будутъ едино , якоже и Мы , сами себя вводятъ въ обманъ , дерзко мечтаютъ , что и они также будутъ въ Богъ , какъ Сынъ во Отцѣ , и Отецъ въ Сынѣ , не примѣчая того , что отъ такого самолюбиваго палъ отецъ ихъ діаволь . Ежели , какъ говорили мы неоднократно , Слово Божіе есть тоже ,

что и мы, и ничѣмъ не отличается отъ насъ, какъ только временемъ: то пусть будетъ Оно подобно намъ; пусть у Отца имѣетъ тоже мѣсто, какое имѣемъ и мы; пусть не называется ни едиnorodнымъ, ни единымъ Словомъ, ни Отчею Премудростию, но пусть будетъ имя сіе общимъ у Него со всѣми нами, подобными другъ другу. Ибо у тѣхъ, у которыхъ естество одно, справедливо быть общему имени, хотя и различаются между собою по времени. Адамъ—человѣкъ, и Павелъ—человѣкъ; и нынѣ раждающійся—также человѣкъ, и время не измѣняетъ естества рода. Поэтому, если Слово отличается отъ насъ только временемъ, то и намъ должно быть такими же, каково Слово. Но мы—не Слово или Премудрость, и Оно—не тварь или произведеніе. Ибо почему всѣ мы произошли отъ одного, а Оно одно есть Слово? Но если еретикамъ прилично говорить такіа рѣчи; то намъ неприлично и мыслию касаться ихъ хулы. И хотя не следовало бы даже входить въ какое-либо разсмотрѣніе представленныхъ изреченій, при такомъ ясномъ и благочестномъ ихъ смыслѣ и правотѣ нашей вѣрѣ; однакоже, чтобы еретики и въ семъ оказались злочестивыми, самымъ снѣмъ изреченіемъ, какъ научились отъ Отцевъ, кратко обличимъ ихъ неправославіе.

Въ Писаніи нерѣдко предметы естественные представляются людямъ въ образъ и примѣръ. И это для того, чтобы изъ естественнаго видѣнїе были произвольныя движенія въ людяхъ. И такимъ образомъ, показывается или дурный, или правдивый, чело-вѣческій нравъ. Такъ, дурные нравы имѣетъ въ виду, если заповѣдуетъ: *не будите яко конь и мекъ,*

иже ипсть разума (Псал. 31, 9.) ; или когда, укоряя сдѣлавшихся таковыми , говоритъ : *человѣкъ въ чести сый не разумѣ , приложися скотомъ немысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. 48, 13.) ; и еще : *кони жепоисловни сотворишася* (Иер. 5, 8.) . И Спаситель , показывая , каковъ Иродъ , сказалъ : *рцыте лису тому* (Лук. 13, 32) ; и Апостоламъ заповѣдалъ : *се посылаю васъ яко овцы посреде волковъ : будите убо мудри яко змѣя , и цѣли яко голубѣ* (Матѣ. 10, 16.) . Сказалъ же сіе не съ тѣмъ , чтобы мы по природѣ сдѣлались подобными скотамъ , стали змѣями , или голубями (не такими сотворилъ Онъ насъ ; посему и природа не допускаетъ сего) , но съ тѣмъ , чтобы избѣгали мы неразумныхъ стремлений , зная же мудрость змѣя , не вдавались въ его обманъ , и присвоили себѣ кротость голубя . Въ-разсужденіи же Божественнаго , представляя опять людямъ образы , Спаситель говоритъ : *будите милосерди , якоже и Отецъ вашъ , Иже на небесѣхъ , милосердъ есть* (Лук. 6, 36.) ; и : *будите вы совершени , якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48.) . Сказалъ же сіе не для того опять , чтобы стали мы такимиже , каковъ Отецъ , потому что намъ тварямъ , изъ ничего приведеннымъ въ бытіе , невозможно сдѣлаться такимиже , каковъ Отецъ ; напротивъ того , какъ заповѣдалъ : *не будите яко конь не съ тѣмъ , чтобы не сдѣлались мы скотами , но чтобы не подражали ихъ неразумію : такъ сказалъ : будите милосерди якоже Отецъ не съ тѣмъ , чтобы стали мы такимиже , каковъ Отецъ , но чтобы , взирая на Его благодѣянія , когда дѣлаемъ что доброе , дѣлали не ради людей , но ради Его , ожидая награды отъ*

Него, а не отъ людей. Какъ, хотя одинъ есть Сынъ по естеству, истинный и единопородный, но и мы дѣлаемся сынами, не Ему подобно, не по естеству и не въ дѣйствительности, но по благодати Призвавшаго; и, будучи земными людьми, именуемся богами, не такими, каковъ Богъ и каково истинное Слово Его, но какъ восхотѣлъ даровавшій сіе Богъ: такъ подобно Богу дѣлаемся милосердыми, не приходя чрезъ сіе въ равенство съ Богомъ, не дѣлаясь по естеству и истинными благодѣтелями; потому что благодѣтельствовать—не наше, но Божіе изобрѣтеніе, но, поколику совершаемое по благодати для насъ самимъ Богомъ дѣлаемъ мы общимъ и для другихъ, не разсуждая, но просто на всѣхъ простирая благотворительность. Симвъ только, а не инымъ образомъ, можемъ и мы содѣлаться нѣсколько подражателями Богу; потому что даруемымъ отъ Него услуживаемъ другъ другу.

Но какъ хорошо и правильно понимаемъ сіе, такъ и читаемое въ Евангеліи отъ Іоанна мѣсто имѣетъ тотже смыслъ. Ибо не сказано: какъ Сынъ во Отцѣ, такъ да будемъ и мы. И возможно ли сіе, когда Онъ есть Божіе Слово и Божія Премудрость, а мы созданы изъ земли; Онъ по естеству и сущности есть Слово и истинный Богъ (такъ говорятъ Іоаннъ: *въмы яко Сынъ Божій прииде, и далъ есть намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и животь вѣчный* 1 Іоан. 5, 19. 20.), а мы по усыновленію и благодати чрезъ Него дѣлаемся сынами, приобщаясь Его Духа (ибо сказано: *елицы приѣша Его, даде имъ области чи-*

долзъ Божіимъ быти, върующимъ во имя Его (Іоан. 1, 12.)? Посему, Онъ есть истина, самъ о Себѣ свидѣтельствуя : *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6.), что подтвердилъ и бесѣдуя со Отцемъ Своимъ : *святи ихъ во истину Твою: Слово Твое истина есть* (Іоан. 17, 17.); а мы по подражанію дѣлаемся добродѣтельными и сынами. Итакъ, Спаситель сказалъ : *да будутъ едино якоже и Мы* (Іоан. 17, 22.), не для того, чтобы содѣлались мы такимиже, каковъ Онъ, но чтобы, какъ Онъ, будучи Словомъ, пребываетъ во Отцѣ Своемъ, такъ и мы, взирая на Него и у Него заимствуя цѣлотворный образъ, стали едино другъ съ другомъ по единодушію и единству духа, и не разогласили подобно Коринѣянамъ, но мудрствовали одно и тоже, подобно упоминаемымъ въ Дѣянїяхъ пяти тысячамъ, которые всѣ были какъ одинъ человекъ (Дѣян. 4, 32.). Будемъ какъ сыны, а не какъ Сынъ, и боги, но не каковъ самъ Онъ, и милосерды какъ Отецъ, но не каковъ Отецъ, а какъ сказано, содѣлавшись едино, *якоже Отецъ и Сынъ*; не въ такомъ смыслѣ будемъ едино, въ какомъ по естеству Отецъ въ Сынъ, и Сынъ во Отцѣ, но въ какомъ сообразно сіе съ нашимъ естествомъ, въ какомъ возможно для насъ сообразовать себя съ этимъ и научиться, какъ должны мы стать едино, подобно тому, какъ научились быть милосердыми; потому что обыкновенно въ единенїи бываютъ подобное съ подобнымъ, и всякая плоть входитъ въ единенїе по роду. Слово намъ неподобно, но подобно Отцу; поэтому, Оно по естеству и въ дѣйствительности есть едино со Отцемъ Своимъ, а мы, будучи однородны другъ съ другомъ, потому что всѣ произошли отъ одного,

и у всѣхъ людей одна природа, дѣлаемся другъ съ другомъ едино по расположенію, имѣя для себя образцемъ естественное единеніе Сына со Отцемъ. Какъ кротости училъ Онъ Своимъ примѣромъ, говоря: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. 11, 29.), не для того, чтобы сравнились мы съ Нимъ (сіе невозможно), но чтобы, взирая на Него, пребывали всегда кроткими: такъ и здѣсь, желая, чтобы имѣли мы истинное, твердое и нерасторгаемое благорасположеніе другъ къ другу, беретъ примѣръ съ Себя и говорить: *да будутъ едино, якоже и Мы. А единство наше нераздѣльно; посему и они, познавъ въ насъ нераздѣльное естество, да сохраняютъ также взаимное между собою согласіе*. Люди же, какъ сказано, *безопаснѣе подражаютъ тому, что заимствуется изъ естества; потому что сіе пребываетъ одинаковымъ и никогда не измѣняется, человѣчскій же нравъ измѣнчивъ, и, только взирая на неизмѣняемое по естеству, можетъ избѣгать худаго и сообразовать себя съ лучшимъ. И такимъ образомъ, сказанное: да и ти въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21.), имѣетъ правильный смыслъ.

Если бы намъ возможно было содѣлаться тѣмъ, что Сынъ во Отцѣ, то надлежало бы сказать: *я ти въ Тебѣ едино да будутъ, какъ Сынъ во Отцѣ. Теперь же не сказалъ сего, а говоря: въ Насъ, показалъ разстояніе и различіе, а именно, что Онъ единый есть въ единомъ Отцѣ, какъ единое Слово и Премудрость, мы же—въ Сынѣ и чрезъ Сына во Отцѣ. Но говоря сіе, не вное что даль разуметь, какъ слѣдующее: «Нашимъ единствомъ и ти да*

содѣлаются едино другъ съ другомъ такъ-же, какъ мы едино по естеству и въ дѣйствительности: иначе, не содѣлаются едино, если не научатся единству въ *Насъ*». А что реченіе: *въ Насъ*, имѣеть сіе значеніе, послушай Павла, который говоритъ: *сіл же преобразихъ на себе и Аполлоса, да отъ насъ научитесь не паче написанныхъ мудрствовать* (1 Кор. 4, 6.). Итакъ, реченіе: *въ Насъ* не значитъ: *во Отца*, какъ Сынъ во Отца, но есть только примѣръ и образъ, и употреблено вмѣсто словъ: да научатся отъ *Насъ*. Какъ Павелъ для Коринѳянъ, такъ и единство Сына и Отца для всѣхъ служитъ образцемъ и урокомъ, изъ котораго, взирая на естественное единство Отца и Сына, люди могутъ научиться, какъ и они должны въ образъ мыслей содѣлаться едино другъ съ другомъ.

Если же въ-разсужденіи сего изреченія должно защищаться и инымъ образомъ, то можно еще сказать, что реченіе: *въ Насъ* равнозначительно словамъ: силою Отца и Сына да будутъ едино, говоря тѣже самое; потому что безъ Бога невозможно стать едино. И сіе опять можно найдти и въ божественномъ словѣ, напримѣръ: *о Бозь сотворимъ силу* (Псал. 59, 14.); и: *Богомъ преиду стѣну* (Псал. 17, 30.); и: *о Тебѣ враги наша избодемъ роги* (Псал. 43, 6.). Итакъ, явно, что о имени Отца и Сына можемъ содѣлаться едино, возымѣть твердый союзъ любви. Ибо, ту же опять мысль распространяя, Господь говоритъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы*. Весьма прилично и здѣсь не сказалъ: да будутъ въ Тебѣ, какъ и Я въ Тебѣ, но говоритъ: *якоже и Мы*. А говоря: *якоже*,

показываетъ въ сказанномъ не тождество, по образъ и примѣръ. Посему, Слово подлинно и истинно имѣетъ тождество естества со Отцемъ; а намъ, какъ сказано, возможно только подражать. Ибо немедленно присовокупилъ: *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино.* Здѣсь Господь проситъ уже для насъ чего-то большаго и совершеннѣйшаго. Ибо извѣстно, какъ Слово стало въ насъ; Оно облеклось въ нашу плоть. Но и Ты во Мнѣ, Отче, потому что Твое Я Слово. И поелику Ты во Мнѣ, потому что Твое Я Слово, а Я въ нихъ по тѣлу, и чрезъ Тебя совершилось во Мнѣ спасеніе людей; то прошу, *и тѣмъ едино да будутъ по тѣлу во Мнѣ и по его совершенію; да и тѣмъ совершени будутъ*, имѣя единство съ тѣломъ симъ и въ немъ ставъ *едино*, да всѣ, какъ понесенные Мною на Себѣ, будутъ едино тѣло, и единъ духъ, и достигнуть въ мужа совершенна. Ибо всѣ мы, приобщаясь Его тѣла, дѣлаемся едино тѣло, имѣя въ себѣ единаго Господа.

Когда же изреченіе сіе имѣетъ такой смыслъ, — еще болѣе обличается неправославіе христорборцевъ. Ибо, снова повторяя, скажу: если бы сказалъ просто и отрѣшенно: да будутъ въ Тебѣ едино, да тѣмъ и Азъ въ Тебѣ едино будемъ; то богоборцы имѣли бы хотя непостыдный предлогъ. Теперь же не просто сказалъ, но: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да вси едино будутъ.* И опять говоря: *якоже*, показываетъ, что далеко людямъ быть въ Отцѣ, какъ Онъ во Отцѣ, и далеко не по мѣсту, но по естеству. Ибо по мѣсту ничто не далеко отъ Бога, все же далеко отъ Него по одному естеству. И какъ замѣтилъ я прежде, кто произноситъ частіцу: *яко-*

же , показываетъ не тождество и не равенство, но примѣръ сказуемаго сравнительно въ какомъ-либо отношеніи. И сему опять можно научиться у самого Спасителя , Который говоритъ : *якоже бѣ Іона во чревь китовъ три дни и три ноци: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли* (Матѣ. 12, 10.). Іона былъ не то, что Спаситель ; Іона не сошелъ во адъ; китъ былъ не адъ, да и поглотенный Іона не извелъ съ собою поглотенныхъ китомъ , но изшелъ одинъ, когда повельно было киту. Поэтому, никакого тождества и равенства не означается симъ реченіемъ: *якоже*, а напротивъ того, отличается одно отъ другаго ; сходство же Іоны показывается нѣсколько выраженіемъ: *три дни*. Такъ и мы, поелику Господь говоритъ: *якоже*, не содѣлываемся тѣмъ же, что Сынъ во Отцѣ , и Отецъ въ Сынѣ ; но *якоже* Отецъ и Сынъ , такъ и мы содѣлываемся едино по образу мыслей и по согласію духа. Спаситель, *якоже* Іона, будетъ въ землѣ. Но какъ Спаситель не Іона, и Господь не такъ сошелъ въ адъ, какъ тотъ былъ поглоченъ , одно же съ другимъ различно : такъ , если и мы содѣлаемся едино , какъ Сынъ во Отцѣ , не будемъ посему тѣ же , что Сынъ , и равны Ему, но совершенно отъ Него отличны. Потому-то о насъ сказано : *якоже*, ибо то, что не въ естествѣ и клонится къ чему-то иному, дѣлается какъ естественное. Посему, самъ Сынъ просто и безъ всякаго посредства есть во Отцѣ, потому что свойственно Ему сіе по естеству; а мы, не имѣя сего въ естествѣ своемъ, имѣемъ нужду въ образѣ и примѣрѣ, чтобы и о насъ сказать Ему: *якоже* Ты во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ.

Когда же, говоритъ , будутъ они такъ совершен-

ны, тогда уразуметь миръ, яко Ты Мя послалъ еси. Если бы не пришелъ Я и не понесъ на Себѣ тѣла ихъ; то никто изъ нихъ не сталъ бы совершеннымъ, но всѣ пребывали бы тлѣнными. Поэтому, Ты дѣйствуй въ нихъ, Отче, и какъ далъ Мнѣ понести сіе тѣло, такъ дай и имъ Духа Твоего, *да и ти едино будутъ*, и содѣлаются совершенными во Мнѣ. Ибо совершение ихъ показываетъ, что было пришествіе Слова Твоего, и миръ, видя ихъ совершенными и богоносными, безъ сомнѣнія, увѣруетъ, яко Ты Мя послалъ еси, и Я приходилъ къ нимъ. Откуда бы имъ пріять совершение, если бы Я—Слово Твое не содѣлался челоуькомъ, пріавъ на Себя тѣло ихъ, и не совершилъ дѣло, которое далъ Мнѣ Ты, Отче? Дѣло же совершено, потому что люди, испуленные отъ грѣха, не остаются болѣе мертвыми, но, обожившись и взирая на Насъ, имѣютъ между собою взаимный союзъ любви.

Итакъ, мы, сколько можно было простѣе рассмотреть выраженія сего изреченія, предложили сіе пространно, блаженный же Іоаннъ въ Посланіи въ немногихъ словахъ, и гораздо совершеннѣе нашего, покажетъ смыслъ написаннаго, обличитъ разумніе нечестивыхъ, научитъ, какъ бываемъ мы въ Богъ, и Богъ въ насъ, а также, какъ мы дѣлаемся въ Немъ едино, и сколько Сынъ отстоитъ отъ насъ по естеству, а тѣмъ заставитъ наконецъ арианъ не думать о себѣ, что и они будутъ такимиже, каковъ Сынъ, чтобы иначе и имъ не услышать: *ты же челоуькъ еси, а не Богъ* (Иезек. 28, 3.); и: *не распростирайся убогъ сый съ богатыми* (Притч. 23, 4.).

Итакъ, Иоаннъ пишетъ , говоря слѣдующее : *о семъ разумѣемъ, яко въ Немъ пребываемъ, и Той въ насъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ* (1 Иоан. 4, 13.). Итакъ , по данной намъ благодати Духа и мы бываемъ въ Немъ, и Онъ въ насъ. И поелику Духъ, Который бываетъ въ насъ , есть Божій , то и мы , имѣя въ себѣ Духа, справедливо почитаемся пребывающими въ Богъ , а такимъ образомъ и Богъ бываетъ въ насъ. Слѣдовательно, не какъ Сынъ во Отцѣ, такъ и мы бываемъ во Отцѣ. Сынъ не дѣлается причастникомъ Духа, чтобы чрезъ это быть Ему во Отцѣ. Не Онъ пріемлетъ Духа, а паче, Самъ подаетъ Его всѣмъ , и не Духъ сочетаваетъ Сына со Отцемъ, но паче, Духъ пріемлетъ отъ Слова. И Сынъ во Отцѣ, какъ собственное Его Слово и сіяніе. А мы безъ Духа чужды Богу и далеки отъ Него , причастіемъ же Духа сочетаваемся съ Божествомъ ; почему, быть намъ въ Отцѣ есть не наше , но сущаго и пребывающаго въ насъ Духа , пока сохраняемъ Его въ себѣ исповѣданіемъ , какъ опять говоритъ Иоаннъ: *иже аще исповѣсть, яко Иисусъ есть Сынъ Божій , Богъ въ немъ пребываетъ , и той въ Бозѣ* (1 Иоан. 4, 15.).

Итакъ, какое подобіе и какое равенство у насъ съ Сыномъ? Или, не обличаются ли аріане всѣми, особливо Иоанномъ, что иначе Сынъ во Отцѣ, иначе бываемъ въ Немъ мы? И мы никогда не будемъ такими, каковъ Онъ , и Слово не таково , какъ мы , развѣ еретики и теперь, какъ и всегда, осмѣляются сказать, что Сынъ и Самъ сталъ во Отцѣ по причастію Духа и за превосходство дѣлъ. Но и сіе опять даже въ мысляхъ только допустить до крайности нечестиво.

Ибо Онъ, какъ сказано, даетъ Духу, и что имѣетъ Духъ, имѣетъ сіе отъ Слова (Іоан. 16, 15.).

Итакъ, Спаситель, говоря о насъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ*, не означаетъ симъ, что будемъ имѣть съ Нимъ тождество; ибо примѣромъ Іоны доказано и это. Но это есть моленіе ко Отцу, какъ написалъ Іоаннъ, чтобы чрезъ Него подавался въ-рующій Духъ, чрезъ Котораго и надѣмся быть въ Богъ и сочетаться съ Нимъ. Поелику Слово во Отцѣ, а Духъ дается Словомъ; то хочетъ, чтобы пріяли мы Духа, и чтобы, когда пріимемъ Его, имѣя въ себѣ Духа Слова, сущаго во Отцѣ, оказались и мы по Духу содѣлавшимися *едино въ Слово*, а чрезъ Слово и во Отцѣ. Если же говоритъ: какъ мы; то сіе не иное что значитъ, какъ слѣдующее: таковая данная благодать Духа да содѣлается въ ученикахъ неутратимою и непреложною. Ибо что, по сказанному прежде, Слово во Отцѣ естественно, о томъ желаетъ, чтобы и намъ чрезъ Духа дано сіе было непреложно. Зная сіе, Апостоль ска-залъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіа* (Рим. 8, 35.)? *Нераскаяши бо дарованія Божія и благодать призванія* (11, 29.). Слѣдовательно, Духъ пребываетъ въ Богъ, а не мы сами по себѣ. Какъ мы—сыны и боги по существу въ насъ Слово, такъ будемъ въ Сынъ и во Отцѣ, и будемъ почитаемы содѣлавшимися *едино въ Сынъ и во Отцѣ*; потому что въ насъ тотже Духъ, Который и въ Словѣ, сущемъ во Отцѣ. Посему, когда отпадаетъ кто отъ Духа по причинѣ какого-либо порока, то хотя непреложная благодать пребываетъ въ желающихъ,

если кто по паденіи раскаивается, однакоже, сей падшій уже не въ Богъ; потому что отступилъ отъ Него сущій въ Богъ святой и утѣшительный Духъ; напротивъ же того, согрѣшающій будетъ въ томъ, кому подчинилъ себя, какъ было сіе съ Сауломъ. Ибо *Духъ Господень отступи отъ него, и давлше его духъ лукавый* (1 Цар. 16, 14.).

Слыша сіе, надлежало бы наконецъ устыдиться богоборцамъ, и не воображать себя равными Богу. Но они не разумѣютъ сего; ибо сказано: *нечестивый не разумѣетъ разума* (Притч. 29, 7.). Они не терпятъ благочестивыхъ словесъ; потому что тяжело имъ и слышать ихъ. Ибо вотъ, какъ неутомимые въ злостіи и ожесточенные подобно Фараону, видя и слыша опять въ Евангеліяхъ повествуемое о чловѣчествѣ Спасителя, по примѣру Самосатскаго, забыли совершенно Отчее Божество Сына, и дерзкимъ языкомъ смѣло говорятъ: «Какъ можетъ быть отъ Отца по естеству и уподобляться Ему по сущности Сынъ, Который говоритъ: дадеся Ми всяка власть (Матѣ. 28, 18.); и: Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови (Іоан. 3, 22.); и: Отецъ любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Его. Вѣруй въ Сына иматъ животъ вѣчный (Іоан. 3, 35. 36.); и еще: вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще восхоцетъ Сынъ открыти (Матѣ. 11, 27. 28.); и еще: все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ» (Іоан. 6, 37.)? Потомъ еретики присовокупляютъ: «Если бы Онъ былъ, какъ утверждаете, Сыномъ по естеству, то не имѣлъ бы нужды принимать, но, какъ Сынъ, имѣлъ

бы сіе по естеству. Или, какъ можетъ быть по естеству истинною Силою Отчею, Кто во время страданій говорить: *Нынѣ душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего, но сего ради придохъ на часъ сей. Отче прослави имя Твое. Приде же гласъ съ небесе, и прославихъ, и паки прославию* (Іоан. 12, 27. 28.)? Подобное также сему сказалъ Онъ: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ чаша сія* (Матѣ. 26, 39.). *И сія рекъ Исусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова и рече: аминь аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. 13, 21.). И при семъ говорятъ зломудренныя: «если бы Онъ былъ силою, то не страшился бы, но и другимъ подавалъ бы силу». Потомъ говорятъ: «Если бы Онъ былъ по естеству истинною и собственною Отчею Премудростію; то почему написано: *Исусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатию у Бога и чловѣкъ* (Лук. 2, 52.)? И пришедши во страны Кесаріи Филипповы спрашивалъ учениковъ: *кого Мя глаголютъ чловѣцы быти* (Матѣ. 16, 13.)? И пришедши въ Визанію спрашивалъ: *гдѣ лежитъ Лазарь* (Іоан. 11, 31.)? Сверхъ того, говорилъ ученикамъ: *колико хлѣбы имате* (Марк. 6, 38.)? Почему же, говорятъ, Тотъ есть Премудрость, Кто преспѣваетъ премудростію, и не знаетъ того, о чемъ желалъ узнать отъ другихъ? Ещѣ же говорятъ они и слѣдующее: «Какъ собственнымъ Отчимъ Словомъ, безъ Котораго, какъ мудрствуете вы, Отецъ никогда не былъ, и чрезъ Котораго все творить, можетъ быть Тотъ, Кто на крестѣ говоритъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ*

(Матѣ. 27, 46.)? И прежде сего молится Онъ: *Отче, прослави имя Твое* (Іоан. 12, 28.), *прослави Мя Ты Отче славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5.), и въ пустынь молился и повелѣлъ ученикамъ: *молитесь, да не внидете въ напасть, и сказалъ: духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѣ. 26, 41.), и: *о дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ* (Марк. 13, 32.). Потомъ опять и въ-разсужденіи сего говорить сіи жалкіе: «Если бы Сынъ, по вашему разумѣнію, существовалъ у Бога вѣчно, то не былъ бы Ему неизвѣстенъ день, напротивъ того, Онъ зналъ бы, какъ Слово, и Соприсущій не былъ бы оставленъ, не сталъ бы просить о пріятіи славы, имѣя ее во Отцѣ, и вообще, не сталъ бы молиться; потому что, какъ Слово, ни въ чемъ не имѣлъ бы нужды. Но поелику Онъ—тварь и въ числѣ получившихъ бытіе, то и говорилъ такимъ образомъ, и имѣлъ нужду въ томъ, чего не имѣлъ; потому что тварямъ свойственно имѣть недостатокъ и нужду въ томъ, чего не имѣютъ».

На подобныя рѣчи отваживаются злочестивые; но разсуждающихъ такъ должно смѣло спросить: почему вообще Слово содѣлалось плотію? Или, присо-вокупить еще: какъ Ему, будучи Богомъ, можно было содѣлаться человѣкомъ? Или, какъ Безплотный могъ понести на Себѣ тѣло? Или, и по-іудейски сказать съ Каіафою: почему вообще Христосъ, будучи человѣкомъ, творилъ Себя Богомъ? Такъ, или подобно сему роптали тогда іудеи, взирая на Христа, а нынѣ аріане, читая о Немъ, не вѣрують и впадаютъ въ хулы. Если кто, сличивъ слова

тѣхъ и другихъ, подвергнетъ ихъ изслѣдованію ; то непременно найдетъ , что тѣ и другіе вдаются въ тоже невѣріе, у тѣхъ и у другихъ равная дерзость нечестія, у тѣхъ и у другихъ общая прія съ нами. Іудеи говорили: какъ, будучи человѣкомъ, можетъ быть Богомъ ? Аріане же говорятъ: если былъ истинный Богъ отъ Бога, то какъ могъ содѣлаться человѣкомъ ? И какъ іудеи соблазнялись и посмѣвались, говоря: не претерпѣлъ бы Онъ креста, если бы Божій былъ Сынъ ; такъ аріане, ставъ прямо съ ними въ рядъ, говорятъ намъ: какъ смѣете вы называть собственнымъ Словомъ Отчей сущности Имѣющаго тѣло, почему и претерпѣлъ сіе ? Потомъ, какъ іудеи искали убить Господа за то, что Бога называлъ Отцемъ Своимъ и творилъ Себя равнымъ Богу, дѣлая то же, что дѣлаетъ Отецъ ; такъ аріане, и сами научились говорить: не равенъ Онъ Богу, Богъ не собственный по естеству Отецъ Слова, и ницуть смерти тѣхъ, которые не такъ думаютъ. И еще іудеи говорятъ: *не сей ли есть Сынъ Іосифовъ, егоже мы знаемъ отца и матеръ, како убо глаголетъ: прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь, и: съ небесе снидохъ* (Іоан. 6, 42. 8, 59.)? Внимаютъ имъ и аріане, равнымъ образомъ говоря: какъ можетъ быть Словомъ, или Богомъ, Кто, какъ человѣкъ, спитъ, плачетъ, спрашиваетъ. Тѣ и другіе за то, что въ Спаситель было чело- вѣческаго по причинѣ носимой Имъ на Себѣ плоти, отрицаютъ вѣчность и Божество Слова. Итакъ, поелику такое безуміе есть іудейское, и іудейское занятое у предателя Іуды; то пусть аріане, или явно исповѣдуютъ себя учениками Каіафы и Ирода,

не прикрывая іудейства именемъ христіанства, и совершенно, какъ говорили мы и прежде, отрицають пришествіе Спасителя во плоти. (это мудрованіе свойственно ихъ ереси); или, если, въ-угожденіе Констанцію и обольщеннымъ ими, боятся явно іудействовать и обрѣзаться, то не говорятъ свойственнаго іудеямъ. Ибо справедливо — отвращаться мудрованія тѣхъ, отъ имени которыхъ отказываются.

Да будетъ же извѣстно аріанамъ, что мы христіане. Мы христіане, и намъ свойственно хорошо понимать сказанное о Спасителѣ въ Евангеліяхъ, и какъ вмѣстѣ съ іудеями не метать въ Него камнями, если слышимъ о Божествѣ и о Его вѣчности, такъ вмѣстѣ съ вами не соблазняться тѣми смиренными реченіями, какія ради насъ употребляетъ, какъ человекъ. Посему, если и вы желаете быть христіанами, то отложите Аріево безуміе, и слухъ свой, оскверненный хульными реченіями, омойте словесами благочестія, зная, что, какъ-скоро, переставъ быть аріанами, оставите зломудріе нынѣшнихъ іудеевъ, тотчасъ, какъ изъ тмы, возсіяетъ вамъ истина, и не будете уже укорять насъ, что признаемъ двухъ вѣчныхъ, но и сами узнаете, что Господь есть истинный и по естеству Божій Сынъ, и познается не просто вѣчнымъ, но соприсуцимъ Отчей вѣчности. Ибо именуются вѣчными и такія вещи, которыхъ Онъ есть Зиждитель. Такъ, въ псалмѣ двадцать-третьемъ написано: *возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вѣчная* (Псал. 23, 9.); но явно, что и сіи врата сотворены Имъ. Если же Онъ есть Зиждитель вѣчнаго; то можетъ

ли кто изъ насъ сомнѣваться еще, что Онъ превыше и сего вѣчнаго? Но Господь познается не столько по вѣчности, сколько потому, что Онъ Божій есть Сынъ. Ибо, будучи Сыномъ, неотлученъ отъ Отца, и не было, когда бы Онъ не былъ, напротивъ того, Онъ всегда, и будучи образомъ и сіяніемъ Отца, имѣетъ и Отчую вѣчность.

Посему, сколько еретики изобличили себя худо понимающими тѣ изреченія, какія выставляли они на видъ, сіе можно видѣть изъ сказаннаго нами прежде кратко; но что и въ-разсужденіи изреченій, нынѣ представляемыхъ ими изъ Евангелій, разумѣніе ихъ оказывается неосновательнымъ, сіе удобно можно видѣть, если и теперь особенно обратимся къ цѣли нашей христіанской вѣры, и принявъ ее для себя за правило, будемъ, какъ сказалъ Апостоль, внимательны къ чтенію богодухновеннаго Писанія (1 Тим. 4, 13.). Ибо христорборцы, не уразумѣвъ сей цѣли, совратились съ пути истинны, и преткнулись о *камень претыканія* (Рим. 9, 33.), мудрствуя паче, нежели какъ должно мудрствовать. Итакъ, цѣль сія и отличительная черта святаго Писанія, какъ неоднократно говорили мы, — возвѣститъ намъ о Спасителѣ двѣ истины: что Онъ всегда былъ Богъ, и есть Сынъ, будучи Словомъ, сіяніемъ и Премудростію Отца, и что напоследокъ, ради насъ принявъ на Себя плоть отъ Дѣвы Богородицы Маріи, содѣлался человекомъ. И можно находить, что сіе дается разумѣть во всемъ богодухновенномъ Писаніи, какъ сказалъ самъ Господь: *испытайте Писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. 5, 39.). Но, чтобы, собирая во едино всѣ

изреченія, не написать много, удовольствуемся тѣмъ, что, вмѣсто всѣхъ мѣстъ, приведемъ на память слѣдующія. Іоаннъ говоритъ: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ни-чтоже бысть* (Іоан. 1, 1—4.); потомъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, яко единороднаго отъ Отца* (14.). И Павелъ пишетъ: *Иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещеза равенъ быти Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба примъ, въ подобіи чловѣчествѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтесе якоже чловѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 6—8.). Ибо кто, начавъ съ сего, съ тоюже мыслию пройдетъ все Писаніе, тотъ увидитъ, какъ вначалѣ сказалъ Слово Отець: *да будетъ свѣтъ* (Быт. 1, 4.), *да будетъ твердь* (6.), *сотворимъ чловѣка* (26.), при скончаніи же вѣковъ посла Его въ міръ, *не да судитъ мірови, но да спасетса Имъ міръ* (Іоан. 3, 17.); и написано: *се Дѣва во чревъ приметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануиль: еже есть сказано, съ нами Богъ* (Матѣ. 1, 23.). Посему, читающій божественное Писаніе да изучаетъ и ветхозавѣтныя изреченія, и въ Евангеліяхъ да усматриваетъ Господа содѣлавшагося чловѣкомъ. Ибо сказано: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны.*

Слово содѣлалось чловѣкомъ, а не снизошло въ чловѣка. И сіе необходимо знать, чтобы злочестивые, остановившись на семъ, не обольстили иныхъ, и обольщенные не подумали, что, какъ въ прежнія времена въ каждомъ изъ святыхъ было слово, такъ

и нынѣ низошло Оно въ человѣка, и осватило его, и явилось въ немъ, какъ и въ прочихъ людяхъ. Ибо если бы такъ это было, и Слово явилось только въ человѣкѣ, то не было бы въ семъ ничего необыкновеннаго, и видящіе не дивились бы и не стали говорить: *кто есть Сей* (Матѣ. 8, 27.)? И почему *Ты человѣкъ съй, твориши Себе Бога* (Іоан. 10, 33.)? Привычно было для нихъ слышать, что было Слово Господне къ каждому Пророку. Поелику же теперъ само Божіе Слово, *Имже вся быша*, снизошло до того, что содѣлалось и сыномъ человѣческимъ, и смирило Себя, *зракъ раба приимъ*; то посему іудеямъ крестъ Христовъ есть соблазнъ, намъ же *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Ибо, какъ сказалъ Іоаннъ, *Слово плоть бысть*; Писанію обычно человѣка называть плотію, какъ сказано чрезъ Пророка Іоіля: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоіл. 2, 28.); и какъ Даніилъ сказалъ Астіагу: *не поклоняюся кумиромъ руками сотвореннымъ, но живому Богу, сотворшему небо и землю, и владущему всякою плотію* (Дан. 14, 5.) (*). Ибо Даніилъ и Іоіль родъ человѣческой называютъ плотію. Итакъ, въ древности къ каждому изъ святыхъ бывало Слово, и освящало приѣмлющихъ Его искренно; но когда раждались они,—не говорилось, что Слово содѣлалось человѣкомъ, и когда страдали,—также не

(*) По слав. пер. и *владущему всѣми*. Впрочемъ въ Греческомъ текстѣ по Ватиканскому списку читается такъ же, какъ у Аевнасія: *Ἐχοντα πᾶσαν οὐρανὸν καὶ γῆαν.*

говорилось, что Слово пострадало. Когда же отъ Маріи пришелъ единою въ кончину въковъ, во отпечтаніе грѣха (Евр. 9, 26.), потому что, такъ благоволивъ, Отецъ посла Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ (Гал. 4, 4.); тогда говорится, что Слово, воспріявъ на Себя плоть, содѣлалось человѣкомъ, и въ ней (какъ сказалъ Петръ: *Христу убо пострадавшу за ны плотию* | Петр. 4, 1.), пострадало за насъ, чтобы явно стало, и всѣ мы увѣровали, что, всегда будучи Богомъ, освящая тѣхъ, къ кому приходило, и все устраивая по волѣ Отца, напоследокъ ради насъ содѣлалось Слово человѣкомъ, и, какъ говоритъ Апостолъ, Божество обитало во плоти *тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9.). А сіе значитъ, что Слово, будучи Богомъ, имѣло собственное тѣло, и, употребивъ его какъ орудіе, ради насъ содѣлалось человѣкомъ.

И поелику Слово было во плоти; то о Немъ скажется свойственное плоти, наприимъ: алканіе, жажда, страданіе, утружденіе, и все тому подобное, что удобопріемлемо для плоти. Дѣла же свойственныя самому Словоу, каковы: воскресеніе мертвыхъ, дарованіе прозрѣнія слѣпымъ, изцѣленіе кровоточивой, совершало Оно посредствомъ тѣла Своего. И Слово немощи плоти носило на Себѣ, какъ собственныя, потому что плоть сія была Его; и плоть служила дѣламъ Божества, потому что въ ней пребывало Божество, и тѣло было Божіе. Хорошо сказалъ Пророкъ: *понесе* (Исаи 53, 11.), не сказалъ: *изцѣлилъ* наши немощи, чтобы Словоу, какъ существу внѣ тѣла и изцѣлившему только оное, что и всегда дѣлало, не оставить людей снова по-

винными смерти; но Оно носитъ наши немощи, несетъ наши грѣхи, чтобы видно было, что ради насъ содѣлалось человѣкомъ, и тѣло, на себѣ носящее сіи немощи, есть Его собственное. И какъ само Слово не потерпѣло вреда, вознесши, какъ сказалъ Петръ, *грѣхи наша на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. 2, 23.); такъ мы люди освободились отъ своихъ страстей и исполнились правды Слова. Посему, когда страдала плоть, не внѣ ея было Слово; почему и страданіе называется Его страданіемъ. И когда Божески творило Оно дѣла Отца,—не внѣ Его была плоть, но опять въ самомъ тѣлѣ творилъ сіе Господь. Потому, и содѣлавшись человѣкомъ, говорилъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не мните Ми въры: аще ли творю, аще и Мнѣ не въруете, дѣломъ Моимъ въруйте: да разумѣете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ въ Немъ* (Іоан. 10, 37. 38.). Конечно, когда нужно было воставить Петрову тещу *огнемъ жегому* (Матѣ. 8, 14.), тогда по-человѣчески простеръ руку, а Божески прекратилъ болѣзнь. И слѣдому отъ рожденія отъ плоти человеческой сотворилъ плюновеніе, и Божески отверзъ очи брениемъ. И Лазаря, какъ человѣкъ, воззвалъ человеческимъ гласомъ, а Божески, какъ Богъ, воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ.

Все же такъ дѣлалось и показывало, что не мечтаніемъ, но дѣйствительно имѣлъ тѣло. И Господу, облекшемуся въ плоть человеческую, прилично было облечься въ совершенную плоть со всеми собственными ей страданіями, чтобы, какъ тѣло именуется собственнымъ Его тѣломъ, такъ и тѣлесныя страданія именовались Его только собственными,

хотя и не касались Божества Его. Если бы тѣло принадлежало иному; то и страданія именовались бы страданіями сего инаго. А если это—плоть Слова (ибо *Слово плоть бысть*); то необходимо и страданіямъ плоти именоваться страданіями Того, Чья плоть. А Кому приписываются страданія, каковы особливо: быть осужденнымъ, быть предану на бѣніе, а также жажда, крестъ, смерть и другія немощи тѣлесныя, Того и составляютъ они заслугу и благодать. Посему, сообразно съ истиною и прилично, таковыя страданія приписываются не иному кому, но Господу, чтобы и благодать была отъ Него, и мы содѣлялись не служителями инаго кого, но истинно богочестивыми; потому что не кого-либо изъ созданныхъ, не простаго какого чловѣка, но по естеству сущаго отъ Бога и истиннаго Сына, и когда содѣлялся Онъ чловѣкомъ, призываемъ тѣмъ не менѣе именуя Господомъ, и Богомъ, и Спасителемъ.

Ктожъ не подивится сему? Или, кто не согласится, что воистину Божіе это дѣло? Ибо если бы дѣла свойственныя Божеству Слова совершились не посредствомъ тѣла, то чловѣкъ не былъ бы обоженъ. И наоборотъ, если бы свойственное плоти не приписывалось Слову, то чловѣкъ не освободился бы отъ сего совершенно, но хотя, какъ сказали мы прежде, избавился бы не надолго, однакоже, въ немъ оставались бы еще грѣхъ и тлѣніе, какъ было это съ людьми, жившими прежде. И это очевидно. Многіе содѣлялись святыми и чистыми отъ всякаго грѣха: Іеремія былъ освященъ отъ матерняго чрева

(Иер. 1, 5.), Иоаннъ носимый еще во чревъ *взыграся радощами* отъ гласа Богородицы Маріи (Лук. 1, 44.). Однакоже, *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова* (Рим. 5, 14.). А такимъ образомъ, люди тѣмъ не менѣе оставались смертными, тлѣнными, доступными свойственнымъ естеству страданіямъ. Теперь же, поелику Слово содѣлалось человѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти, сіе не касается уже тѣла по причинѣ бывшаго въ тѣлѣ Слова, но истреблено Имъ, и люди не остаются уже грѣшными и мертвыми по своимъ страстямъ, но, воставъ силою Слова, навсегда пребываютъ бессмертными и нетлѣнными. Посему, когда раждается плоть отъ Богородицы Маріи, родившимся именуется Тотъ, Кто другимъ даетъ бытіе, чтобы на Себя перенести Ему наше рожденіе, и намъ, какъ единой землѣ, не отходить въ землю, но, сочетавшись съ Словомъ, Которое съ неба, отъ Него быть возведенными на небо. Посему, не безъ причины перенесъ Онъ на Себя также и прочія немощи тѣла, чтобы мы уже, не какъ чловѣки, но какъ свои Словоу, стали причастниками вѣчной жизни. Ибо не умираемъ уже по прежнему бытію во Адамѣ, но поелику бытіе наше и всѣ тѣлесныя немощи перенесены на Слово, то встаемъ отъ земли по разрѣшеніи клятвы за грѣхъ Тѣмъ, Кто въ насъ и за насъ содѣлался клятвою. И сіе справедливо. Какъ всѣ мы отъ земли сущіе умираемъ въ Адамѣ; такъ, *возродившись свыше водою и Духомъ*, всѣ оживотворяемся во Христвъ, потому что плоть наша ссть уже какбы не земная, но съ Словомъ при-

веденная въ тождество самимъ Божиимъ Словомъ, Которое ради насъ *плоть бысть*.

Но чтобы точнѣе уразумѣть и безстрастіе естества въ Словѣ, и немощи, приписываемыя Ему по причинѣ плоти, хорошо выслушать блаженнаго Петра. Ибо онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ о Спасителѣ. И такъ пишетъ онъ въ своемъ Посланіи, говоря: *Христу убо пострадавшу за ны плотию* (1 Петр. 4, 1.). Слѣдовательно, когда скажется о Христвѣ, что алчетъ, жаждетъ, утруждается, не знаетъ, спитъ, плачетъ, проситъ, убиваетъ, раждается, отказывается отъ чаши, и вообще, приписывается Ему все свойственное плоти, каждый разъ справедливо будетъ повторять то же. Такъ, Христосъ алчетъ и жаждетъ *за ны плотию*; именуетъ Себя незнающимъ, заушается и утруждается *за ны плотию*; и еще, возносится на крестъ (Іоан. 12, 37.), раждается, возрастаетъ *плотию*; страшится, скрывается *плотию*; говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидеть отъ Мене чаша сія* (Матѣ. 26, 39.), терпитъ бїеніе, приемлетъ раны *плотию*; и вообще, все подобное сему воспріемлетъ на Себя *плотию*. По сему и самъ Апостольскій сказалъ: Христу убо пострадавшу, не Божествомъ, но: за ны плотию, чтобы разумѣмы были страданія, не самому Слову по естеству свойственныя, но свойственныя по естеству самой плоти. Поэтому, никто да не соблазняется тѣмъ, что въ Господѣ есть челоувѣческое, а напротивъ того, да знаетъ, что само Слово по естеству безстрастно, и однакоже, по причинѣ плоти, въ которую облеклось Оно, скажется о Немъ это; потому что свойственно сіе плоти, а

тѣло стало собственнымъ тѣломъ Спасителя. И Онъ, какъ безстрастный по естеству, и пребываетъ безстрастнымъ, не терия отъ сего вреда, но паче, уничтожая и истребляя все сіе; люди же, такъ какъ немощи ихъ перешли на Безстрастнаго и истреблены, и сами уже на вѣки дѣлаются безстрастными и свободными отъ немощей, какъ учитъ Іоаннъ, говоря: *и вѣсте, яко Онъ лвися, да грѣхи наша возметъ, и грѣха въ Немъ нѣсть* (1 Іоан. 3, 5.).

Поелику сіе такъ, то никто изъ еретиковъ не будетъ вопіять: почему востанетъ плоть по природѣ смертная? Почему, если востанетъ, опять не будетъ алкать, жаждать, страдать, и не останется смертною? Почему, хотя она изъ земли произошла, прекратится въ ней то, что ей естественно? Иначе, плоть могла бы отвѣчать такому упорному еретику: «Хотя я изъ земли, по природѣ смертная, но въ послѣдствіи стала плотию Слова; само Слово, хотя Оно безстрастно, понесло на Себѣ мои страданія, и я сдѣлалась свободною отъ нихъ, и отъ рабства имъ уволена освободившимъ меня отъ нихъ Господомъ. Если вопіешь на то, что избавилась я отъ естественнаго тлѣнія; то смотри, не вздумай вопіять и на то, что Слово Божіе воспріяло на Себя мой рабскій образъ». Какъ Господь, облекшись плотию, содѣлался человекомъ, такъ мы люди, воспріяты Словомъ, обожаемся ради плоти Его, и уже наследуемъ вѣчную жизнь.

Сіе по необходимости подвергли мы предварительному изслѣдованію, чтобы намъ, если увидимъ Спасителя божески что-либо совершающаго, или изрекающаго, орудіемъ собственнаго тѣла Своего,

разумѣть, что дѣлаетъ Онъ сіе, какъ Богъ; и опять, если увидимъ Его по-человѣчески говорящаго, или страждущаго, не оставаться въ невѣдѣніи, что, понесши на Себѣ плоть, содѣлался Онъ человѣкомъ, и такимъ образомъ, дѣлаетъ и говоритъ это. Зная свойственное тому и другому естеству, видя и разумѣя, что то и другое совершается однимъ, право будемъ вѣровать, и никогда не впадемъ въ заблужденіе. Если же кто, взирая на совершаемое Словомъ божески, будетъ отрицать тѣло; или, взирая на свойственное тѣлу, будетъ отрицать плотское пришествіе Слова, или по человѣческимъ дѣйствіямъ Слова станетъ думать о Немъ низко; то таковой, какъ іудейскій корчемникъ, мѣшалъ вино съ водою, почтетъ крестъ соблазномъ, а какъ язычникъ, признаетъ проповѣдь буйствомъ. Сіе и постигло богоборцевъ аріанъ. Ибо, взирая на человѣческія дѣла Спасителя, почли Его тварію. Посему, и взирая на Божескія дѣла Слова, надлежало имъ отрицать бытіе тѣла Его, и сопричислить уже себя къ манихеямъ.

Но пусть, хотя поздно, вразумятся они, что Слово плоть бысть; а мы, держась цѣли вѣры, признаемъ имѣющимъ правильный смыслъ то, что повимають они худо. Сказанное: *Отець любитъ Сына, и вся даде въ руку Его* (Іоан. 3, 35.), и: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѣ. 11, 26.), и: *не могу Азъ о Себѣ творити ничесоже. Якоже слышу, сужду* (Іоан. 5, 30.), и всѣ подобныя симъ изреченія показываютъ не то, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ сего. И почему же того, что имѣетъ Отець, не имѣло вѣчно единое по сущности

Отчее Слово и Премудрость, не имѣлъ Тотъ, Кто говоритъ: *всѣ, елика имать Отецъ, Моя суть, и Мое принадлежитъ Отцу* (Іоан. 16, 15. 17, 10.)? Если, что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну, а Отецъ имѣетъ это всегда; то явно, что все, что имѣетъ Сынъ, поколику сіе принадлежитъ Отцу, всегда есть въ Сынѣ. Итакъ, не потому сказалъ сіе, что нѣкогда не имѣлъ, но потому, что Сынъ, что ни имѣетъ, имѣя сіе вѣчно, имѣетъ отъ Отца. Чтобы нѣкій, видя Сына имѣющимъ все, что имѣетъ Отецъ, и введенный въ заблужденіе симъ безразличнымъ подобіемъ и тождествомъ того, что имѣетъ, не вознечествовалъ, какъ Савеллій, и не почелъ Сына Отцемъ,—говорилъ Сынъ: *дадеся Ми* (Матѣ. 28, 18.), и *пріяхъ* (Іоан. 10, 18.), и *Мнѣ предана суть*, показывая смѣть то одно, что Онъ не Отецъ, но Отчее Слово и вѣчный Сынъ, по подобію со Отцемъ вѣчно имѣющимъ то, что имѣетъ отъ Отца. Поелику же Онъ Сынъ, то отъ Отца имѣетъ все, что ни имѣетъ у Себя вѣчно.

А что реченія: *дадеся, предана*, и подобныя смѣть не умаляютъ Божества въ Сынѣ, напротивъ же того, болѣе доказываютъ, что Онъ истинно Сынъ, сіе можно дознать изъ самыхъ сихъ изреченій. Ибо если *всѣ предана* Ему; то во-первыхъ отличень Онъ отъ всего, что пріяхъ; а потомъ, будучи наследникомъ всего, есть единственный и собственный по сущности Отчий Сынъ. А если бы Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, то не былъ бы наследникомъ всего, но и каждый пріималъ бы, сколько восхотѣлъ бы и далъ Отецъ. Теперь же, Онъ, пріемля

все, есть истинный отъ есго, и единственный собственный Отчий Сынъ.

А что реченія: *дадеса и предана и весь нмъ подобныя* не показываютъ, что Сынъ нѣкогда не имѣлъ,—сіе можно видѣть изъ другаго подобнаго изреченія. Самъ Спаситель говоритъ: *якоже Отець имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти съ Себѣ* (Іоан. 5, 26.). Словомъ: даде даетъ разумѣть о Себѣ, что Онъ не Отець, а словомъ: *такъ* показываетъ естественное подобіе и единство Сына со Отцемъ. Поэтому, если было, когда не имѣлъ Отець, то явно, что было, когда не имѣлъ и Сынъ. Ибо какъ имѣетъ Отець, такъ имѣетъ и Сынъ. А если нечестиво—говорить это, гораздо же благочестивѣе—сказать, что Отець всегда имѣетъ; то, когда говоритъ Сынъ, что, какъ имѣетъ Отець, такъ имѣетъ и Сынъ, совместно ли съ чѣмъ утверждать еретикамъ, что Онъ имѣетъ не такъ, но иначе? Посему, болѣе достойно вѣры Слово, и всегда имѣя все то, что именуетъ Себя пріившимъ, имѣетъ это отъ Отца. Отець имѣетъ не отъ кого-либо, а Сынъ имѣетъ отъ Отца. Какъ въ-разсужденіи сіянія, если самое сіяніе скажетъ: «свѣтъ далъ мнѣ освѣщать всякое мѣсто, и я освѣщаю не отъ себя, но какъ хочетъ сіе свѣтъ»; то, говоря сіе, покажетъ не то, что нѣкогда не имѣло оно сего, а напротивъ слѣдующее: «я собственность свѣта, и все, что принадлежитъ ему, есть мое»: такъ, и еще въ большей мѣрѣ, должно представлять себѣ и о Сынѣ. Отець, все давъ Сыну, все опять самъ имѣетъ въ Сынѣ. И когда имѣетъ Сынъ, Отець опять имѣетъ это, потому что Божество Сына есть

Божество Отца. Такъ, Отецъ въ Сынъ промышляетъ о всемъ. Посему, таковъ смыслъ подобныхъ симъ изреченій.

А что касается до сказаннаго о Спасителѣ по-человѣчески, то и сіе также имѣетъ благочестный смыслъ. Ибо для того и входили мы въ изслѣдованіе таковыхъ реченій, чтобы намъ,—если услышимъ Его спрашивающаго: гдѣ лежитъ Лазарь, и когда, пришедши въ предѣлы Кесаріи, вопрошаетъ Онъ: *кого Мнѣ глаголютъ челосъцы быти* (Матѣ. 16, 13.)? *и: колико хлѣбы имате* (Марк. 6, 38.)? *и: что хочета, да сотворю вама* (Матѣ. 20, 32.)?—изъ сказаннаго прежде сего уразумѣвать правильный смыслъ сихъ изреченій, и не соблазняться подобно христорборнымъ аріанамъ. И во-первыхъ, симъ нечестивымъ должно сказать слѣдующее: почему думаютъ, что Спаситель не знаетъ? Кто спрашиваетъ, тотъ не по незнанію непременно спрашиваетъ; напротивъ того, и вѣдущему можно спрашивать о томъ, чтò знаетъ. И дѣйствительно, Іоаннъ о Христвъ, вопрошающемъ: *колико хлѣбы имате?* зналъ, что Онъ не былъ въ невѣдѣніи, а напротивъ, вѣдалъ сіе. Ибо говоритъ: *сіе же глаголаше искушая Филиппа: Самъ бо вѣдалше, что хочеть сотворити* (Іоан. 6, 6.). А если зналъ, чтò творилъ, то и спрашивалъ не по невѣдѣнію, но зная. А подобно сему, должно понимать и другія таковыя же изреченія, именно, когда спрашивалъ Господь: *гдѣ лежитъ Лазарь?* или: *кого Мнѣ глаголютъ челосъцы быти?*—спрашивалъ не какъ незнающій, но зналъ то, о чемъ спрашивалъ, вѣдая, *что хочеть сотворити*. А такимъ образомъ, ухищреніе еретиковъ немедленно испровергается.

Если же еще будутъ упорствовать въ-разсужденіи того, что Христосъ спрашивалъ; то пусть слышать, что въ Божествѣ нѣтъ невѣднїя, а плоти, какъ сказано, свойственно невѣдать. И что сіе справедливо, то смотри, какъ Господь, вопрошавшій: гдѣ лежитъ Лазарь? когда не былъ еще на мѣстѣ, а находился далеко, говорилъ: *Лазарь умре* (Іоан. 11, 14.), и сказывалъ, гдѣ умеръ. И Кого еретики почитаютъ невѣдущимъ, Тотъ предузнаетъ помышленія учениковъ, вѣдаетъ, чтò въ сердцѣ у каждаго, и чтò въ челоуѣкѣ; а чтò еще важнѣе, Онъ одинъ знаетъ Отца и говоритъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мя* (Іоан. 14, 10.). Итакъ, не для всякаго ли очевидно, что невѣдѣніе свойственно плоти, само же Слово, поколку Оно—Слово, знаетъ все и прежде событія. Оно, и когда содѣлалось челоуѣкомъ, не перестало быть Богомъ, и не избѣгаетъ челоуѣческаго, потому что Оно—Богъ. Да не будетъ сего. Напротивъ же того, будучи Богомъ, прїяло на Себя плоть; и будучи во плоти, обожило плоть. И какъ вопрошало во плоти, такъ въ нейже и воскресило мертваго, и всѣмъ показало, что Животворящій мертвыхъ и воззывающій душу тѣмъ паче знаетъ тайны всѣхъ. Оно вѣдало, гдѣ лежитъ Лазарь, однакоже вопрошало. Поступило же такъ все ради насъ претерпѣвшее всесвятѣйшее Божіе Слово, чтобы такимъ образомъ, понесши на Себѣ и невѣдѣніе наше, даровать намъ познаніе единаго истиннаго Его Отца и Его самого, ради насъ посланнаго во спасеніе всѣхъ;—а выше этой милости и быть нпчего не можетъ.

Посему и объ изреченїяхъ, представляемыхъ еретиками, когда говоритъ Спаситель: *дадеса Ми власть*

(Матѣ. 28, 18.), и: *прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1.); и когда Петръ говоритъ: *дава Ему власть* (*), знаемъ, что все сказано въ томъ же смыслѣ; потому что говорится все сіе по-человѣчески, по причинѣ тѣла. Ибо хотя не имѣетъ нужды, однакоже, скажется какбы Самъ пріившимъ, что пріялъ по человечеству, чтобы опять, такъ-какъ пріемлетъ Господь, и такъ-какъ на Немъ почиваетъ даваніе, твердою пребывала благодать. Простый человѣкъ пріивъ, можетъ и лишиться пріяго; и сіе видно стало на Адамъ, потому что онъ, пріивъ, утратилъ. Но чтобы благодать содѣлалась неотъемлемою, и постоянно соблюлась у людей, для этого Онъ присвоетъ Себѣ даваніе, какъ человѣкъ, называетъ Себя пріившимъ *власть*, которую всегда имѣетъ, какъ Богъ; прославляющій другихъ говоритъ: *прослави Мя*, желая показать, что имѣетъ плоть, которой нужно прославленіе. Посему, когда пріемлетъ плоть, поелику пріемлющая плоть въ Немъ, и пріивъ оную, содѣлался Онъ человѣкомъ, то Себя именуетъ какбы пріившимъ. Итакъ, если, какъ говорено было неоднократно, Слово не содѣлалось человѣкомъ; то пусть, по словамъ вашимъ, Слово принадлежитъ и пріятіе, и нужда въ прославленіи, и невѣдніе. А если содѣлалось человѣкомъ (ибо и дѣйствительно содѣлалось); то человѣку принадлежитъ и пріятіе, и имѣть нужду, и невѣдать.

Почему же Дающаго почитаемъ пріемлющимъ, о томъ, Кто снабждаетъ другихъ, предполагаемъ, что

(*) Въ 1 Посланіи св. Ап. Петра, читаемъ: *славу Ему давши* (1, 21.)

имѣть нужду, и Слово, какъ несовершенное и имѣющее нужду, отдѣляемъ отъ Отца, а человечество лишаемъ благодати? Если само Слово, поколику Оно—Слово, ради Себя и пріемлетъ, и прославлено, если Оно по Божеству прославлено и воскресло; то какаѣ надежда людямъ? Они, какъ и были, остаются нагими, и жалкими, и мертвыми, нимало не участвующими въ дарованномъ Сыну. Для чего же Слово и приходило, и *плоть бысть*? Если для пріятія того, что, говоритъ Оно, приняло, ежели прежде не имѣло сего: то по необходимости Оно должно благодарить тѣло, потому что, когда стало съ тѣломъ, тогда приняло отъ Отца, чего не имѣло до снисхожденія въ плоть; а изъ сего оказывается, что Оно само наче усовершилось чрезъ тѣло, нежели тѣло чрезъ Него. Но это — іудейское мудрованіе. А если Слово приходило искупить родъ человеческій, и чтобы людей освятить и обожить, *Слово плоть бысть* (ибо для сего и стало Оно плотію); то кому уже не лжно, что если именуетъ Себя пріившимъ что-либо, когда стало плотію, то именуетъ относительно не къ Себѣ, но къ плоти? Во плоти былъ Именующій Себя пріившимъ; плоти и дарованія были даны чрезъ Него Отцемъ.

Разсмотримъ же, что такое было, чего просилъ Онъ Себѣ, и вообще, что такое именовалъ Онъ Себя пріившимъ, чтобы хотя этимъ могли быть пристыжены еретики. Итакъ, просилъ Себѣ славы, и сказалъ: *вся Мнѣ предана быша* (Лук. 10, 22.). И по воскресеніи говоритъ, что пріялъ всякую власть. Но и прежде, нежели сказалъ: *вся Мнѣ предана быша*, былъ Господомъ всего; ибо *вся Тѣмъ быша* (Іоан.

1, 3.), и *единъ Господь, Имже вся* (1 Кор. 8, 6.). И прося славы, былъ и есть Господомъ славы, какъ говоритъ Павелъ : *аще быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8.). Ибо имѣлъ и ту славу, о какой просилъ, говоря: *славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5.). И ту власть, какую пріявшимъ Себя наименовалъ по воскресеніи, имѣлъ прежде сего пріятія и прежде воскресенія ; потому что самъ отъ Себя запрещалъ сатанъ, говоря: *иди за Мною сатано* (Матѣ. 4, 10.), ученикамъ же далъ надъ нимъ власть, когда возвратившимся имъ сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18.). Но что и еще именовалъ Себя пріявшимъ, то оказывается имѣвшимъ и до пріятія ; потому что изгонялъ бѣсовъ, Самъ разрѣшалъ, что было связано сатаною, какъ учинилъ сіе надъ дочерію Авраамлею (Лук. 13, 16.); отпускалъ грѣхи, говоря разслабленному и жецъ помазавшей поги : *отпускаются грѣси твои* (Матѣ. 9, 2. Лук. 7, 48.); воскрешалъ мертвыхъ ; обновилъ бытіе слѣпца, даровавъ ему зрѣніе, и совершилъ это, не отложивъ до того времени, когда пріиметь, но какъ властитель. Почему и изъ сего явствуетъ, что, содѣлавшись человекомъ и по воскресеніи, то самое, что имѣлъ Онъ, какъ Слово, именуетъ Себя пріявшимъ по человечеству, чтобы чрезъ Него люди на земль, какъ содѣлавшіеся причастниками Божественнаго естества, имѣли наконецъ власть надъ бѣсамп, а на небесахъ, какъ освободившіеся отъ тлѣнія, вѣчно царствовали. Вообще же надобно знать, что если именуетъ Себя пріявшимъ что-либо, не какъ неимѣвшій пріялъ Онъ сіе ; потому что Слово,

будучи Богомъ , имѣло это всегда , именуется же теперь приѣмлющимъ по человѣчеству, чтобы , по пріятіи сего плотию въ Немъ, отъ нея уже твердымъ пребыло и въ насъ. Такой имѣетъ смыслъ и сказанное Петромъ: *пріемъ отъ Бога честь и славу* (2 Петр. 1, 17.), *покоршимся Ему Ангеломъ* (1 Петр. 3, 22.). Какъ по человѣчеству Онъ вопрошалъ и по Божеству воскресилъ Лазаря, такъ говорится по человѣчеству о Немъ: *пріемъ*; покорность же Ангеловъ доказываетъ Божество Слова.

Поэтому, умолкните , богоненавистники, и не унижайте Слова , не отъемлите у Него единого со Отцемъ Божества , какъ у имѣющаго въ чемъ-либо нужду, или у невѣдущаго , чтобы не возвергнуть вамъ на Христа своихъ недостатковъ, какъ сдѣлали іудеи, метавшіе тогда въ Него камнями. Все сіе принадлежитъ не Слову, какъ Слову, но свойственно человѣкамъ. И какъ слыша , что Онъ *плюю* (Іоан. 9, 6.), *протеръ руку* (Матѣ. 8, 3.) , воззвалъ Лазаря, двѣствія сіи, хотя и совершены они съ помощію тѣла, называемъ не человѣческими, но Божіими; такъ, если въ Евангеліи о Спасителѣ сказуется что-либо человѣческое , то , вникая опять въ свойство сказуемаго и находя сіе чуждымъ Богу, приписываемъ это не Божеству Слова, но Его человѣчеству. Ибо , хотя *Слово плоть бысть* , но немощи суть собственность плоти ; и хотя плоть стала богодвижима въ Словъ , но благодать и сила принадлежатъ Слову. Дѣла Отчія совершалъ Онъ съ помощію плоти , и тѣмъ не менѣе видны также были въ Немъ немощи плоти. Такъ Онъ вопрошалъ , и воскресилъ Лазаря ; возражалъ Матери, говоря : *не у*

прииде часъ Мой (Іоан. 2, 4.) , и въ тоже время содѣлалъ воду виномъ ; потому что во плоти былъ истинный Богъ , и Слово имѣло истинную плоть. Посему, дѣламъ давалъ познавать и Себя—Сына Божія, и Отца Своего; а немощами плоти показывалъ, что носить на Себѣ истинное тѣло , и что оно есть Его собственное.

Поелику же приведено это въ ясность; то изслѣдуемъ и сіе изреченіе : *о дни же и о часѣ никтоже вѣсть , ни Ангели , ни Сынъ* (Марк. 13, 32.) . Ибо еретики , всего болѣе оставаясь въ великомъ о семъ невѣдѣніи и омрачаясь при семъ смысломъ , думаютъ имѣть въ этомъ сильный предлогъ къ своей ереси. Но мнѣ кажется, что они, представляя сіе въ предлогъ и ища себѣ въ этомъ опоры , снова богоборствуютъ , какъ исполны. Ибо Господь неба и земли, *Имже вся быша* (Іоан. 1, 3.) , судится о дни и часѣ , всевѣдущее Слово обвиняется ими, какъ незнающее о дни, вѣдающій Отца Сынъ именуется незнающимъ часа во дни. Можно ли кому сказать что-либо сего малосмысленнѣе? Или, какое безуміе можно сравнить съ ихъ безуміемъ? Словомъ произведено все, и годы, и времена, и ночь, и день, и вся тварь; и Зиждитель именуется незнающимъ созданія ! Самая связь рѣчи въ представленномъ мѣстѣ показываетъ , что Сынъ Божій знаетъ *день и часъ* , хотя аріане и претыкаются о невѣдѣніе. Сказавъ: *ни Сынъ* , описываетъ ученикамъ предшествующее дню , говоря: *будетъ то и то, и тогда кончина* (Матѳ. 24, 14.) . Но Кто говоритъ о предшествующемъ дню , Тотъ , конечно, знаетъ и день, который явится послѣ предсказаннаго. А если бы не зналъ *часа* , — не могъ бы

означить и предшествующаго часу, не зная, когда будетъ часъ сей. Какъ, если кто иный, желая незнающимъ обозначить домъ или городъ, опишетъ, что предъ домомъ или городомъ, обозначивъ же все это, скажетъ: «потомъ вскорѣ и городъ или домъ; то, безъ сомнѣнія, обозначающій знаетъ, гдѣ этотъ домъ или городъ; а если бы не звалъ, то не сталъ бы обозначать, что передъ ними, чтобы по незнанію или слушающихъ не завести куда далеко, или самому, говоря это, не ошибиться и не обмануться въ обозначеніи: такъ Господь, говоря о предшествующемъ *дню и часу*, въ-точности зналъ, и не можетъ же имѣть вѣдѣнія о томъ, когда настанетъ сей *часъ и день*.

Почему же, зная, не сказалъ тогда ученикамъ явно? Никто не долженъ допытываться, о чемъ самъ Онъ умолчалъ. *Кто бо разумъ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть* (Рим. 11, 34.)? Почему же, зная, сказалъ, что не знаетъ и Сынъ? Известно, думаю, всякому вѣрующему, что и сіе сказалъ не по иному чему, но какъ человекъ, по причинѣ плоти. Не есть это недостатокъ Слова, но человеческому естеству свойственно и не знать. И сіе опять вполне можно уразумѣть, если кто съ благою совѣстію изслѣдуетъ время, когда и кому сказалъ сіе Спаситель. И такъ, сказалъ Онъ сіе не тогда, какъ приведено Имъ въ бытіе небо, не тогда, какъ Слово устроило все у самого Отца, и не прежде того, какъ содѣлалось человекомъ, но когда *Слово плоть бысть*. Поэтому и все, что Слово, послѣ того, какъ содѣлалось человекомъ, говоритъ по-человѣчески, справедливо—относится къ человечеству. Ибо Слово свой-

ственно знать сотворенныя вещи, и не имѣть невѣдѣнія о началѣ и концѣ ихъ; потому что твари—Его дѣло. И Слово знаетъ, сколько тварей произвело Оно, и долго ли существовать имъ. Зная же начало и конецъ каждой твари, безъ сомнѣнія, знаетъ рѣшительный и общій конецъ всего. Говоря въ Евангеліи о Себѣ по челоувѣчеству: *Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего* (Іоан. 17, 1.), конечно, какъ Слово, знаетъ и часъ общаго конца, не знаетъ же какъ челоувѣкъ; потому что челоувѣку свойственно не знать, особливо сего не знать. Но и это названіе усвоено Спасителемъ по челоувѣколюбію; ибо, когда Господь содѣлался челоувѣкомъ, не стыдится, по причинѣ незнающей плоти, говорить о Себѣ: не знаю, желая показать, что, вѣдая какъ Богъ, не знаетъ по плоти. Не сказалъ: не знаетъ и Сынъ Божій, чтобы не оказалось невѣдущимъ Божество; но говорить просто: *ни Сынъ*, чтобы невѣдѣніе относилось къ Сыну челоувѣческому. Посему, говоря объ Ангелахъ, не простирается выше, и не сказалъ: *ни Духъ Святой*, но умолчалъ, дѣлая тѣмъ двойное указаніе, что, если знаетъ Духъ, тѣмъ паче, какъ Слово, знаетъ Слово, отъ Котораго и Духъ пріемлетъ (Іоан. 16, 14.); и что, умолчавъ о Духѣ, дѣлаетъ явнымъ, что о челоувѣческомъ Своемъ служеніи сказалъ: *ни Сынъ*.

Въ доказательство же того, что сказанное *ни Сынъ вѣсть* относится къ челоувѣчеству, показываетъ вмѣстѣ, что по Божеству вѣдаетъ Онъ все. Ибо о томъ же Сынѣ, о Которомъ сказалъ, что не знаетъ *часа*, говоритъ, что знаетъ Онъ Отца. *Ни Отца*, сказано, *кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѣ. 11, 27.). Всякій

же, кромѣ аріанъ, согласится, что Знающій Отца, тѣмъ паче знаетъ все касающееся твари, а въ числѣ всего и конецъ ея. И если день и часъ опредѣлены уже Отцемъ; то явно, что опредѣлены чрезъ Сына, и Сынъ знаетъ опредѣленное чрезъ Него. Ибо нѣтъ ничего, что пришло бы въ бытіе и опредѣлено было не чрезъ Сына. Слѣдовательно, Сынъ, будучи Творцемъ всего, знаетъ, какими, въ какомъ числѣ и на долго ли, по изволенію Отца, получили бытіе твари, въ чемъ и когда будетъ ихъ измѣненіе. Еще же, если все, что принадлежитъ Отцу, принадлежитъ и Сыну (какъ это сказалъ самъ Сынъ Іоан. 16, 15.), а Отцу принадлежитъ знать день; то явно, что знаетъ и Сынъ, и сіе собственно принадлежащимъ Себѣ вмѣя отъ Отца. И еще, если Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; Отецъ же знаетъ день и часъ: то явствуетъ, что и сущій во Отцѣ Сынъ и въдущій, что во Отцѣ, Самъ знаетъ день и часъ. Если также Сынъ есть истинный Образъ Отца, а Отецъ знаетъ и день и часъ; то явно, что и Сынъ знаніемъ сего уподобляется Отцу.

И неудивительно, если Тотъ, *Имже вся быша*, и въ Комъ *всяческая состоятся* (Кол. 1, 17.), знаетъ созданныя вещи, и когда конецъ каждой вещи и всѣхъ вообще. Но удивительно то, что и такую истину защищать принудило насъ сіе безразсудство, подлинно приличное только безумію аріанъ. Ибо, причисляя къ созданнымъ Сына Божіа—присносущное Слово, вскорѣ обучатся они утверждать, что и самъ Отецъ меньше твари. Если Знающій Отца не знаетъ дня и часа; то боюсь, чтобы не сказали сіи безумцы, что въдѣніе о твари, и даже о малой

части твари , важпѣ вѣдѣнія объ Отцѣ . Но они ,
 пронося такую хулу на Духа , пусть остаются въ
 томъ ожиданіи , что , какъ сказалъ Господь , ни-
 когда не получаютъ отпущенія въ семь печестій
 (Матѣ . 12, 31.).

Мы же , какъ христілюбивые и христіносные ,
 знаемъ , что Слово сказало : « не знаю » , не приписы-
 вая незнанія Себѣ , какъ Слово , потому что Оно
 знаетъ ; но указывая на челоѣчество , потому что
 челоѣкамъ свойственно не знать ; и поелику обле-
 клось въ невѣдущую плоть , то , въ ней пребывая ,
 въ-отношеніи къ плоти сказало : « не знаю » . Такъ ,
 сказавъ тогда : не знаетъ и Сынъ , и представивъ въ
 примѣръ незнаніе людей при Ноѣ , тотчасъ присово-
 купилъ Господь : *бдите убо , яко не вѣсте и вы , въ
 кій часъ Господь вашъ приидеть* (Матѣ . 24, 42.), и
 еще : *въ онъже часъ не мните , Сынъ челоѣческой
 приидеть* (44.). Ради васъ , содѣлавшись подобнымъ
 вамъ , сказалъ Я : *ни Сынъ* . А если бы не зналъ по
 Божеству ; то надлежало бы сказать : *бдите* , потому
 что не знаю , и въ какой часъ не ожидаю . Но Го-
 сподь не сказалъ сего ; сказавъ же : *яко не вѣсте*
вы , и въ онъже не мните , показалъ , что не знаетъ
 свойственно людямъ , ради которыхъ и Онъ , имѣя
 подобную съ ними плоть и содѣлавшись челоѣ-
 комъ , говоритъ : не знаетъ и Сынъ ; пбо не знаетъ
 по плоти , хотя и знаетъ , какъ Слово . И примѣръ
 жившихъ при Ноѣ снова обличаетъ безстыдство
 христіборцевъ ; потому что и здѣсь не сказалъ о
 Себѣ : Я не зналъ ; но говоритъ : *не увѣдѣша , до-
 деже прииде вода* (Матѣ . 24, 39.). Не знали люди ;
 а Кто навелъ потопъ (это былъ самъ Спаситель) ,

Тотъ зналъ день и часть, въ который отверзъ хляби небесныя, и разверзъ бездны, и сказалъ Ною: *види ты, и сынове твои, въ ковчегъ* (Быт. 6, 18. 7, 1.). Если бы не зналъ, то не предсказалъ бы Ною: *еще дней седмь, Азъ наведу потопъ на землю* (Быт. 7, 4.). Если же означаетъ день изображеніемъ бывшего при Ноѣ, день же потопа зналъ; то знаетъ, конечно, и день Своего пришествія. И сказавъ притчу о двѣхъ, еще яснѣе показалъ, кто суть незнающіе дня и часа, когда говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте дне, ни часа* (Матѳ. 25, 13.). Не задолго предъ симъ говорилъ: *никтоже вѣсть, ни Сынъ*; а теперь не сказалъ: и Я не знаю; но говоритъ: *вы не вѣсте*. Слѣдовательно, когда и ученики спрашивали о кончинѣ, сказалъ Онъ: *ни Сынъ*, по причинѣ тѣла, относительно къ плоти, желая показать, что не знаетъ, какъ человекъ; потому что людямъ свойственно не знать. Если Онъ есть Слово, и самъ имѣющій прійти, самъ Судія, Самъ женихъ; то знаетъ, когда и въ какой часъ прійдетъ, и когда скажетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14.). Какъ, содѣлавшись человекомъ, Онъ съ людьми алчетъ, и жаждетъ, и страждетъ; такъ съ людьми и не знаетъ, какъ человекъ, по Божеству же, какъ во Отцѣ сущее Слово и Премудрость, знаетъ, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ вѣдѣній Его.

Такъ и о Лазарѣ опять по человечеству вопрошаетъ Тотъ, Кто пришелъ его воскресить, и знаетъ, откуда воззоветъ душу Лазаря; но знаетъ, гдѣ была душа, важнѣе, нежели знать, гдѣ лежало тѣло. Спрашивалъ же по человечеству, чтобы воскресить по

Божеству. Такъ спрашиваетъ учениковъ, пришедши во страны Кесаріи, хотя зналъ и прежде отвѣта Петра. Ибо, если Отецъ открылъ Петру то, о чемъ вопрошалъ Господь: явно, что откровеніе было чрезъ Сына; ибо сказано: *никтоже вѣсть Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ, и есмьже аще волю Сына открыти* (Матѳ. 11, 27.). Если же вѣдѣніе объ Отцѣ и Сынѣ открывается чрезъ Сына; то несомнѣнно, что вопрошающій Господь, Самъ прежде открывъ Петру отъ Отца, въ-послѣдствіи спрашивалъ по человѣчеству, желая тѣмъ показать, что, вопрошая по плоти, знаетъ по Божеству, что скажетъ Петръ. Итакъ, вѣдаетъ Сынъ, потому что знаетъ все, знаетъ Своего Отца, а сего знанія ничто не можетъ быть выше и совершеннѣе.

Хотя и сего достаточно къ обличенію еретиковъ; но чтобы еще болѣе чрезъ это показать въ нихъ враговъ истинны и христорборцевъ, желательно мнѣ спросить въ свою очередь. Апостоль въ второмъ Посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *вѣмъ челоуька о Христѣ, прежде лѣтъ четьредесяти: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть* (2 Кор. 12, 2.). Поэтому, что же скажете? Зналъ ли Апостоль, что съ нимъ было въ видѣніи, хотя говоритъ: *не вѣмъ, или не зналъ?* Если не зналъ; то смотрите, чтобы вамъ, павыкнувъ падать, не впасть и въ беззаконіе Фриговъ, которые говорятъ, будто бы Пророки и другіе служители Слова не знаютъ, ни что дѣлаютъ, ни о чемъ возвѣщаютъ. Если же, говоря: *не вѣмъ*, Апостоль зналъ, потому что имѣлъ въ себѣ Христа, открывающаго ему все; то, подлинно, не развращенно ли

и не самоосужденно ли сердце христорборцевъ ? Объ Апостоля, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ , что знаетъ, о Господѣ же, когда говоритъ: *не вѣмъ*, утверждаютъ , что не знаетъ. Если Павелъ потому, что былъ въ немъ Христосъ , знаетъ и то , о чемъ говоритъ : *не вѣмъ* ; то не тѣмъ ли паче вѣдаетъ самъ Христосъ , хотя и говоритъ : *не вѣмъ* ? Апостоль , поелику открываетъ ему Господь , знаетъ , что было съ нимъ; потому и говоритъ : *вѣмъ чело-вѣка о Христѣ* ; зная же челоувѣка , знаетъ и то , какъ былъ восхищенъ этотъ челоувѣкъ. Такъ, Елисей видѣлъ и зналъ , какъ взять былъ Илія. Но и зная , когда сыны пророческіе стали думать , что Илія повергнутъ Духомъ *на едину отъ горъ* (4 Цар. 2, 16.), сначала увѣрялъ ихъ въ томъ, что видѣлъ и зналъ; когда же стали принуждать его, — умолокъ и согласился , чтобы шли искать. Неужели , поелику умолокъ , то и не зналъ? Зналъ, конечно , но согласился какъ незнавшій , чтобы они, убѣдившись , не сомнѣвались болѣе о взятіи Иліи. Тѣмъ паче Павелъ , будучи самъ восхищенъ , зналъ , какъ онъ былъ восхищенъ; потому что и Илія зналъ, и если бы спросилъ кто , сказалъ бы , какъ былъ взять. Однакоже, Павелъ говоритъ : *не вѣмъ*, какъ думаю, двухъ ради причинъ , во-первыхъ , какъ самъ сказалъ, *да не како за премногая откровенія* почитать кто его инымъ паче , *еже видитъ* (2 Кор. 12, 6.) ; а во-вторыхъ , поелику Спаситель сказалъ: *не вѣмъ*, и Павлу сказать прилично было: *не вѣмъ*, чтобы не казаться рабу выше Господина своего и ученику выше Учителя (Матѣ. 10, 24.).

Слѣдовательно, Давній вѣдѣніе Павлу гораздо паче

зналъ Самъ. Ибо, говоря о томъ, что предшествуетъ дню, какъ сказано выше, зналъ Онъ, когда день, и когда часъ. Однакоже, зная, говоритъ: не знаетъ и Сынъ. Для чего же тогда наименовалъ Себя незнающимъ, что зналъ, какъ Владыка? Сколько изследователямъ нужно прибѣгать къ догадкамъ, думаю, что для нашей пользы сдѣлалъ сіе Господь. Предположенію моему самъ Онъ даетъ значеніе истины. Въ томъ и другомъ Спаситель соблюлъ полезное для насъ; потому что и сдѣлалъ извѣстнымъ, что встрѣтится прежде конца, чтобы, какъ самъ Онъ сказалъ, не изумлялись мы симъ событіямъ, и не ужасались ихъ (Матѳ. 24, 6.), но по онымъ ожидали послѣдующаго за тѣмъ конца; о днѣ же и часѣ не благоволилъ сказать по Божеству: «знаю», но по причинѣ невѣдущей плоти, по замѣченному выше, сказалъ: *не вѣмъ*, чтобы еще не предложили Ему вопросовъ, и тогда уже Ему или не опечалить учениковъ, не сказавъ, или сказавъ, не сдѣлать того, что не было бы полезно имъ и всѣмъ намъ. Ибо что ни дѣлаетъ Онъ, все это, безъ сомнѣнія, для насъ; такъ-какъ ради насъ *Слово плоть бысть*. Поэтому, ради насъ сказалъ: не знаетъ и Сынъ. И не солгалъ, сказавъ это, потому что, какъ человекъ, по человѣчеству сказалъ: не знаю, и не допустилъ учениковъ вынуждать у Него отвѣтъ; потому что сказаннымъ: не знаю, остановилъ ихъ вопросъ.

Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ написано, что,—когда *възиде* на Ангелы (Псал. 17, 12.), восходя какъ человекъ, и вознося на небо плоть, которую понесъ на Себѣ, когда и ученики, видя сіе, снова вопрошали,

скоро ли будетъ конецъ, и скоро ли придетъ?— тогда сказалъ имъ яснѣе: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. 1, 7.). Не сказалъ тогда: *ни Сынъ*, какъ говорилъ прежде сего по челоуѣчеству, но: *нѣсть ваше разумѣти*; потому что плоть Его была уже воскресшая, отложившая мертвенность и обоженная, и Ему восходящему на небеса прилично уже было отвѣчать не по плоти, но научить, наконецъ, по Божеству: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти: но примите силу*. Какая же Отчая сила, кромѣ Сына? Ибо Христосъ *сила Божія и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 25.). Итакъ, Онъ, будучи Словомъ, зналъ. Ибо, говоря сіе, давалъ разумѣть: Я знаю, но *нѣсть ваше разумѣти*; для васъ, и сидя на горѣ, говорилъ Я по плоти: *не знаетъ и Сынъ*, имѣя въ виду вашу и общую всѣхъ пользу. Ибо вамъ полезно слышать сіе и объ Ангелахъ и о Сынѣ, по причинѣ обманщиковъ, какіе будутъ послѣ сего, чтобы вы, когда демоны преобразятся въ Ангеловъ и вознамѣрятся говорить о кончинѣ, не вѣрили имъ, потому что они не знаютъ, и когда антихристъ, принявъ притворный видъ, скажетъ: «я христосъ», и для обольщенія слушающихъ покусится также говорить о днѣ и о кончинѣ, и ему не повѣрили, помни Мое слово: *ни Сынъ*.

Сверхъ того, не знать, когда конецъ, или когда день кончины, полезно людямъ, чтобы, зная, не содѣлаться имъ небрегающими о текущемъ времени во ожиданіи двей близкихъ къ концу, и не имѣть предлога, что тогда только позаботятся о себѣ.

Поэтому, умолчалъ и о смертной кончинѣ каждаго, чтобы, подѣ предлогомъ знанія люди, надмившись, не начали большую часть времени нерадѣть о себѣ. Такъ Слово сокрыло отъ насъ то и другое, и конецъ всего, и предѣлъ каждаго (потому что съ общемою кончиною соединенъ конецъ и каждаго, и кончиною каждаго приближается общій конецъ), чтобы, поелику конецъ неизвѣстенъ, и непрестанно ожидается, съ каждымъ днемъ, какъ призываемые, преспѣвали мы, *въ преднѣя простираясь, заднѣя же забывая* (Фил. 3, 13.). Ибо кто, зная день кончины, не оставитъ безъ вниманія текущаго времени? Не зная же дня сего, не будетъ ли готовиться каждый день? Посему-то и присовокупилъ Спаситель къ сказанному, говоря: *бдите убо, яко не вѣсте вы, въ кій день Господь вашъ придетъ* (Матѣ. 24, 42.); и: *въ онъже не мните часъ, Сынъ человеческій придетъ* (Лук. 12, 40.). Слѣдовательно, сказавъ сіе по причинѣ пользы такого невѣднѣя; ибо говорить сіе съ тою цѣлію, чтобы всегда были мы готовы. Вы, говорятъ, не знаете, а Я, Господь, знаю, когда прииду, хотя аріане и не ожидаютъ Меня, Отчее Слово. Итакъ, Господь, лучше насъ зная полезное для насъ, предостерегалъ сямъ учениковъ; и они, выразумѣвъ сіе, исправилтъхъ Фессалоникійцевъ, которые готовы были погрѣшить въ этомъ.

Но поелику христорборцы и сямъ не приводятся въ стыдъ; то, хотя знаю, что сердце ихъ ожесточеннѣе Фараонова, хочу однакоже спросить ихъ еще и о семъ. Богъ спрашиваетъ въ раю, говоря: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9)? Вопрошаетъ и Каина:

гдѣ есть Авель, братъ твой (Быт. 4, 9.)? Поэтому, что скажете о семъ? Если полагаете, что Богъ не знаетъ, и потому спрашиваетъ; то вы присоединяетесь уже къ манихеямъ; потому что имъ принадлежитъ такая дерзкая мысль. Если же, опасаясь явнаго наименованія манихеями, принудите себя сказать, что спрашиваетъ, зная; то какую несообразность или странность можете гримѣчать въ томъ, что Сынъ, чрезъ Котораго тогда вопрошалъ Богъ, сей, говорю, Сынъ и нынѣ, облеченный плотію, какъ человекъ, вопрошаетъ учениковъ? Развѣ пожелаете, ставъ манихеями, порицать и данный тогда Адаму вопросъ, только бы имѣтъ вамъ случай похвалиться своимъ злоуміемъ.

Во всемъ обличаемые, еще ропщете вы по причинѣ сказаннаго у Луки, хотя и хорошо сіе сказано, вы же понимаете худо. Что же это именно, необходимо предложить здѣсь, чтобы и въ этомъ виднѣ былъ развращенный умъ еретиковъ. Итакъ, Лука говоритъ: *и Иисусъ преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатию у Бога и человекъ* (Лук. 2, 52.). Таково изреченіе. Но поелику аріане и въ семъ находятъ преткновение; то необходимо опять спросить ихъ, какъ саддукеевъ и фарисеевъ: о комъ говоритъ Лука? Спрашиваемъ же такъ: Иисусъ Христосъ есть ли человекъ, какъ и всѣ прочіе человеки, или Богъ, посящій на Себѣ плоть? Если и Онъ обыкновенный человекъ, подобный другимъ людямъ; то пусть и преусиѣваетъ также, какъ человекъ. Это—мудрованіе Самосатскаго, котораго и вы въ сущности держитесь, по имени же только отрицаетесь ради людской молвы. А если

Лука II: 52.

Онъ—Богъ, носящій на Себѣ плоть (какъ и дѣйствительно), и *Слово плоть бысть*, и, будучи Богомъ, снишло на землю; то какое преспѣваніе имѣлъ Тотъ, Кто равенъ Богу? Или, съ чего начавъ, возрасталъ Сынъ, всегда сущій во Отцѣ? Если преспѣваетъ всегда Сущій во Отцѣ,—что будетъ выше Отца, въ чемъ бы преспѣвать Сыну? Потомъ, хорошо будетъ сказать здѣсь тѣже, что сказано о пріятіи и прославленіи. Если преспѣваетъ, содѣлавшись человѣкомъ; то явно, что, пока не содѣлался человѣкомъ, былъ несовершенъ, и болѣе плоть стала причиною Его совершенства, нежели Онъ причиною совершенства плоти. И еще, если, будучи Словомъ, преспѣваетъ, то чѣмъ же можетъ содѣлаться высшимъ Слова, Премудрости, Сына, Божіей силы? А Слово есть все это, и кто можетъ содѣлаться сколько-нибудь причастникомъ сего, какъ луча, тотъ дѣлается совершеннѣйшимъ человѣкомъ и равноангельнымъ. Ибо и Ангелы, и Архангелы, и Господства, и всѣ Силы, и Престолы, по общенію съ Словомъ, *всѣ видятъ* лице Отца Его. Какъ же Дарующій совершенство другимъ Самъ преспѣваетъ послѣ нихъ? Ангелы служили и при человѣческомъ Его рожденіи, и сказанное Лукою говорится послѣ служенія Ангеловъ. Какъ же вообще можетъ даже прійти сіе на мысль чело­вѣку? Или, какъ Премудрость преспѣвала премудростію? Какъ Подающій благодать другимъ (о чемъ Павелъ зная, что Имъ преподается благодать, говоритъ во всякомъ Посланіи: *благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами*) Самъ преспѣвалъ благодатно? Или, пусть скажутъ, что Апостоль со-

лгалъ; или, пусть осмѣлятся утверждать, что Сынъ не есть Премудрость. А если Онъ — Премудрость, какъ Соломонъ сказалъ, и написалъ Павелъ: *Христосъ Божія сила и Божія Премудрость*; то какое преспѣваніе допускала Премудрость? Люди, будучи тварями, могутъ простираться впередъ и преспѣвать въ добродѣтели. Такъ, Энохъ *преложенъ бысть*, и Моисей возрастая усовершенялся, и Исаакъ преспѣвая сталъ великъ, и Апостолъ сказалъ о себѣ, что съ каждымъ днемъ *простирается въ предняя*. Ибо каждому было въ чемъ преспѣвать, взирая на лежащую ему степень. Но Сынъ Божій, какъ единый, къ чему могъ простираться? Все преспѣваетъ, взирая на Него, самъ же Онъ единъ во единомъ Отцѣ, в отъ Него уже не простирается, но въ Немъ всегда пребываетъ. Посему, преспѣвать свойственно людямъ; Сынъ же Божій, поелику Ему не въ чемъ преспѣвать, будучи совершеннымъ во Отцѣ, смирилъ Себя насъ ради, чтобы Его смиреніемъ мы могли паче возрастать; возрастаніе же наше не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ удаленіи отъ чувственнаго и въ приближеніи къ самому Слову, потому что и Его смиреніе не иное что есть, какъ воспріятіе нашей плоти. Поэтому, преспѣвало не Слово, поелику Оно—Слово, совершенное отъ совершеннаго Отца, ни въ чемъ не имѣющее нужды, но и другихъ возводящее къ преспѣванію; но и здѣсь именуется преспѣвающимъ по человечеству, потому что и преспѣваніе свойственно также людямъ.

И Евангелистъ, говоря съ строгою осмотрительностію, къ преспѣванію присоединилъ и *возрастъ*.

Слово и Богъ не измѣняется возрастомъ, возрасты же принадлежатъ тѣламъ; слѣдовательно и преспѣваніе принадлежитъ тѣлу. Съ преспѣваніемъ тѣла преспѣвало въ немъ для видящихъ и явленіе Божества. А въ какой мѣрѣ открывалось Божество, въ такой болѣе и болѣе для всѣхъ людей возрастала благодать, какъ въ человѣкѣ. Будучи младенцемъ, былъ Онъ носимъ; ставъ отрокомъ, остался во храмъ и вопрошалъ священниковъ о Законѣ; а по мѣрѣ того, какъ постепенно возрастало тѣло и являло Себя въ немъ Слово, исповѣдуютъ уже сперва Петръ, а потомъ и всѣ, что *воистину Божій Онъ Сынъ*, хотя іудеи, и древніе и сіи новые, добровольно смежаютъ очи, и не хотятъ видѣть, что преспѣвать премудростию не то значитъ, будто бы преспѣваетъ сама Премудрость, скорѣе же то, что преспѣваетъ премудростию человѣчество.

И Иисусъ преспѣваше премудростию и благодатию. Если же надобно выразиться вмѣстѣ истинно и удобопонятно; то Иисусъ преспѣвалъ самъ въ Себѣ, потому что *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1.), и содѣлала, что домъ преспѣвалъ Ею. О какомъ же говорится преспѣваніи? Не о томъ ли обоженіи, и не о той ли благодати, какія, по замѣченному выше, послѣ уничтоженія въ людяхъ грѣха и бывшаго въ нихъ тѣмніа, по подобію и сродству съ плотію Слова, преподаются имъ Премудростию? Такъ, когда съ лѣтами возрастало тѣло, соответствовало сему въ немъ и явленіе Божества, и всѣмъ дѣлалось явно, что Божій это храмъ, и что Богъ былъ въ тѣлѣ.

Если же будутъ упорствовать, что Слово, содѣ-

лавшееся плотію, наречено Иисусомъ, и къ Нему станутъ относить сказанное: *преспѣваше*; то пусть слышать, что и сіе не умаляетъ Отчаго свѣта (потому что Сынъ есть Отчій свѣтъ), показываетъ же опять, что Слово содѣлалось человѣкомъ и носило на Себѣ истинную плотъ. И какъ говорили мы, что Слово плотію страдало, плотію алкало и плотію утруждалось; такъ справедливо можно сказать, что Оно плотію преспѣвало; потому что не внѣ было Слово, когда совершалось сіе, какое бы то ни было, сказанное нами преспѣваніе. Въ Словѣ была преспѣвающая плотъ и называется плотію Слова. И сіе опять для того, чтобы` человеческое преспѣваніе, по причинѣ соприсущаго Слова, пребывало непогрѣшительнымъ. И такъ это—не преспѣваніе Слова, Премудрость не была плотію; но плотъ содѣлалась тѣломъ Премудрости. Посему, какъ уже сказали мы, не Премудрость, поколюку Она — Премудрость, сама въ Себѣ преспѣвала, но человѣчество преспѣвало премудростію, постепенно возвышаясь надъ естествомъ человѣческимъ, обожаясь, содѣлываясь и являясь для всѣхъ органомъ Премудрости для дѣйственности Божества и Его возсіянія. Потому, не сказалъ Евангелистъ: преспѣвало Слово, но Иисусъ преспѣваше, а симъ именемъ нареченъ Господь, содѣлавшись человѣкомъ. И такимъ образомъ, преспѣваніе, какъ сказали мы и выше, принадлежитъ естеству человѣческому.

Посему, какъ съ преспѣваніемъ плоти Господь самъ именуется преспѣвающимъ, потому что тѣло принадлежало Ему собственно: такъ и сказуемое относительно ко времени смерти, что Господь воз-

мущался, плакалъ , надобно приниматьъ въ томъ же смыслѣ. Ибо еретники, кидаясь туда и сюда, и на этомъ какбы вновь созидая свою ересь, говорятъ: вотъ плакалъ и говорилъ: *нынѣ душа Моя возмутися* (Іоан. 12, 27.), и молился, *да мимоидеть чаша* (Матѣ. 26, 39.); почему же, если говорилъ это, Онъ—Богъ и Отчее Слово? Такъ; написано, богоборцы, что плакалъ, и говорилъ: *возмутися*, и на крестѣ сказалъ: *Элои, Элои, лима савахѣани, еже есть, Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Марк. 15, 34. Матѣ. 27, 46.); молился и о томъ, *да мимоидеть чаша*: и сіе написано. Но я желалъ бы также, чтобы и вы дали отвѣтъ. Ибо каждое изъ вашихъ возраженій необходимо отражать тѣмъ же. Если Глаголющій есть простой человѣкъ; то пусть плачетъ и боится смерти, какъ человѣкъ. Если же Онъ — Слово во плоти (для насъ необременительно—повторять всегда одно и то же); то чего было бояться Ему—Богу? Или, почему убоился смерти, будучи Самъ жизнь и другихъ спасая отъ смерти? Или, почему говоря: *не убойтеса отъ убивающихъ тѣло* (Лук. 12, 4.), Самъ убоился? Почему Тотъ, Кто говоритъ Аврааму: *не бойся, яко съ Тобою есмь* (Исаиѣ 43, 5.), и Моисея поощрять къ мужеству предъ Фараономъ, и Навину говорить: *крѣпнися и мужайся* (Ис. Нав. 1, 6.),—Самъ пришелъ въ боязнь отъ Ирода и Понтія? Притомъ, другимъ ставъ помощникомъ, чтобы не имѣли страха (ибо сказано: *Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ чловѣкъ* Псал. 117, 6.), Самъ устрашился игеионовъ, людей смертныхъ, и, доброволь-

во пришедши на смерть, убоился смерти? Совмѣстно ли съ чѣмъ и не злочестиво ли—говорить, что убоился смерти или ада Тотъ, Кого видѣвшє вратницы адовы убоишася (Іов. 38, 17.)? Если же, по словамъ вашимъ, убоилось Слово; то почему же не задолго предъ симъ говоря о злоумышленіи іудеевъ, Оно не спаслось бѣгствомъ, но когда искали, сказало: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 5.)? Господь могъ и не умереть, какъ говорилъ: *область имаю положить душу Мою, и область имаю паки прияти ю; и: никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. 10, 18.). Напротивъ того, бояться свойственно было не естеству Слова, какъ Слова, христорборцы и неблагодарные іудеи, но Слово было во плоти, подверженной страху, И не говорилось сего о Словѣ до пріятія Имъ плоти; когда же Слово *плоть бысть*, и содѣлалось человѣкомъ, тогда написано сіе относительно къ человѣчеству. Несомнѣнно же, что, о Комъ написано сіе, Тотъ воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ, воду содѣлалъ виномъ, даровалъ зрѣніе родившемуся слѣпымъ, и говорилъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.).

Итакъ, если еретники человѣческія свойства выставляютъ въ предлогъ къ тому, чтобы о Сынѣ Божіемъ думать низко, лучше же сказать, почитаютъ Его человѣкомъ совершенно земнымъ и не небеснымъ; то почему изъ дѣлъ Божескихъ не признаютъ Слова, суцаго во Отцѣ, и не отрекутся наконецъ отъ своего злочестія? Ибо можно имъ видѣть, почему Творящій дѣла есть Тотже самый, Кто являетъ и удобостраждущее тѣло, попуская ему плакать и алкать, и обнаруживать въ

себѣ свойственное тѣлу. Чрезъ подобное сему дѣлалъ Онъ извѣстнымъ, что Онъ — безстрастный Богъ, и пріялъ на Себя удобоображающую плоть; а дѣлами доказывалъ о Себѣ, что Онъ есть Божіе Слово, въ-послѣдствіи содѣлавшееся человѣкомъ, и говорилъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, видя Меня облеченнымъ въ человѣческое тѣло, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 10, 38.).

Но весьма великими кажутся мнѣ безстыдство и хула христорборцевъ. Слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, усиливаются перетолковать смыслъ, и раторгнуть единство Отца и Сына; а слыша, что плакалъ, проливалъ потъ, страдалъ, не обращаютъ вниманія на тѣло, но причисляютъ за сіе къ твари Того, Кѣмъ тварь получила бытіе. Чѣмъ же наконецъ еретики сіи отличаются отъ іудеевъ? Какъ тѣ хульно приписывали дѣла Божіи веельзевулу; такъ и они, причисляя къ тварямъ совершившаго дѣла сіи Господа, понесутъ на себѣ и одинакое съ іудеями непощадное осужденіе. Но имъ, слыша: *Азъ и Отецъ едино есма*, надлежало видѣть единое Божество и свойственное Отчей сущности; а слыша: плакалъ и подобное тому, именовать сіе свойственнымъ тѣлу, тѣмъ паче, что въ томъ и другомъ имѣютъ основательный поводъ признавать одно написаннымъ о Немъ, какъ о Богѣ, а другое сказаннымъ по причинѣ человѣческаго Его тѣла. Въ Безплотномъ не было бы свойственнаго тѣлу, если бы не пріялъ на Себя тѣннаго и смертнаго тѣла. Ибо смертною была святая Марія, отъ Которой было тѣло. А потому, когда былъ Онъ въ тѣлѣ

страждущемъ, способномъ плакать и утомляться, тогда необходимо стало, чтобы Ему вмѣстѣ съ тѣломъ приписывалось и то, что собственно принадлежитъ плоти. Итакъ, если Онъ плакалъ и возмущался, то и плакало и возмущалось не Слово, какъ Слово, но это свойственно было плоти; если и молился, да мимоидеть чаша, то не Божество страшилось, но и сія немощь свойственна была чело-вѣчеству.

И слова: *вскую Мл еси оставилъ*, по сказанному выше, Емуже опять, хотя нимало не страждущему (потому что Слово было безстрастно), приписали однакоже Евангелисты. Ибо Господь содѣлался чело-вѣкомъ; и сіе совершается и говорится Имъ, какъ чело-вѣкомъ, чтобы Ему самому, облегчивъ и сія страданія плоти, содѣлать плоть свободною отъ нихъ. Посему, не можетъ быть и оставленъ Отцемъ Господь, всегда сущій во Отцѣ, какъ и прежде нежели изрекъ сіе, такъ и по произнесеніи сихъ словъ. Но непозволительно опять сказать, будто бы убоялся Господь, Котораго убоявшись, *вратницы адовы дали свободу содержимымъ во адѣ, и гробы отверзошася, и многа тѣлеса святыхъ восташа, и явишася своимъ* (Матѳ. 27, 52, 53.). Итакъ, да умолкнетъ всякій еретикъ, и да утрашится говорить, будто бы имѣлъ боязнь Господь, отъ Кого бѣжитъ смерть какъ змій, предъ Кѣмъ трещутъ демоны, Кого страшится море, для Кого разверзаются небеса, и всѣ силы колеблются. Ибо вотъ, когда говоритъ Онъ: *вскую Мл еси оставилъ*, Отецъ показываетъ, что, какъ всегда, такъ и въ это время былъ Онъ въ Немъ; потому что земля,

зная вѣщающаго Владыку, немедленно потряслась, завѣса раздралась, солнце сокрылось, камни разсѣлись, гробы, какъ сказано выше, отверзлись, и бывшіе въ нихъ мертвецы востали, и, что всего удивительнѣе, предстоящіе, которые прежде отреклись отъ Него, когда увидѣли сіе, исповѣдуютъ, что *воистину Божій Сынъ есть Сей* (Матѣ. 27, 54.).

Въ-разсужденіи же сказаннаго Имъ: *еще возможно есть, да мимоидеть чаша* (Матѣ. 26, 39.), обратите вниманіе на то, почему Сказавшій сіе въ иномъ случаѣ сдѣлалъ упрекъ Петру: *не мыслиши, яже Божія, но человѣческая* (Матѣ. 16, 23.). Объ отиѣненіи чего просилъ, Самъ того хотѣлъ, на то и прпшелъ. Но какъ Ему было свойственно хотѣть сего, потому что на сіе и прпшелъ, такъ плоти свойственно было и страшиться; почему, какъ человѣкъ, сказалъ Онъ слова сіи. И опять, то и другое сказано было Имъ въ доказательство, что Онъ—Богъ, Самъ хотѣлъ сего, но, содѣлавшись человѣкомъ, сталъ имѣть страшливую плоть, и по причинѣ оной волю Свою срастворилъ человѣческою немощію, чтобы, и сіе также уничтоживъ, снова содѣлать человѣка неболящимся смерти. Вотъ подлинно необычайное дѣло! Кого христорборцы почитаютъ говорящимъ по болзни, Тотъ мнимою болзнію содѣлалъ людей отважнымъ и неболящимся. И блаженные Апостолы, послѣ Него, въ-слѣдствіе словъ сихъ, столько начинаютъ презирать смерть, что не обращаютъ вниманія на судей своихъ, но говорятъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. 5, 29.). Другіе же святые мученики до того простирали неболязненность,

что скорѣе можно было почтвать ихъ преходящими въ жизнь, нежели претерпѣвающими смерть. Итакъ, не явная ли несообразность—удивляться мужеству служителей Слова, и приписывать болзнь самому Слову, сплюю Котораго и они презирали смерть? Самою твердою рѣшимостію и мужествомъ святыхъ мучениковъ доказывается, что не Божество имѣло боязнь, но нашу боязнь отгяль Спаситель. Ибо, какъ смерть привелъ въ бездѣйствіе смертію и все чело̀вѣческое—Своимъ чело̀вѣчествомъ; такъ и мнимою боязнію отгяль нашу боязнь, и содѣлалъ, что люди не боятся уже смерти. Поэтому и говорилъ и вмѣстѣ дѣлалъ сіе. Чело̀вѣчеству свойственно было говорить: *да мимоидеть чаша, и вскую Мя еси оставилъ*; а по Божеству содѣлалъ Онъ, что меркнетъ солнце, и встають мертвые. И опять, говоря по-чело̀вѣчески: *нынѣ душа Моя возмутися*, говорилъ божески: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю*. Возмущаться свойственно было плоти, а имѣть власть положить и пріять душу, когда хочеть, не чело̀вѣкамъ уже свойственно, но возможно только силѣ Слова. Чело̀вѣкъ умираеть не по собственной своей власти, но по необходимости природы и противъ воли: Господь же, Самъ будучи безсмертенъ, но имѣя смертную плоть, былъ властенъ, какъ Богъ, разлучиться съ тѣломъ и снова воспріять оное, когда Ему было угодно. О семъ и Давидъ воспѣваетъ: *не оставиши душу Мою во адъ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Псал. 15, 10.) Плоти тлѣнной прилично было не оставаться болѣе смертною, сообразно съ

естествомъ своимъ , но пребывать нетлѣнною по причинѣ облекшагося въ нее Слова. Какъ Оно , бывъ въ нашемъ тѣлѣ , подражало свойственному намъ , такъ мы , пріявъ Его , отъ Него приобретаемъ безсмертія .

Посему , аріане напрасно притворяются соблазняющимися , и низко думаютъ о Словѣ , если написано : *возмутися , и : плакаль* . Повидимому , не имѣютъ они человѣческаго чувства , не зная естества человѣческаго и свойственнаго людямъ . Надлежало болѣе дивиться сему , что Слово было въ такой удобостраждущей плоти , и не воспрепятствовало злоумышляющимъ , не наказало убійцъ , хотя и могъ сіе сдѣлать Тотъ , Кто другихъ удерживалъ отъ смерти и умершихъ воскрешалъ изъ мертвыхъ . Напротивъ того , Слово попустило пострадать собственному Своему тѣлу . Для того , какъ говорилъ я прежде , и пришло Оно , дабы пострадать плотию и плоть содѣлать наконецъ безстрастною и безсмертною , и , дабы чрезъ страданія и все бывшее , поколику относилось это и къ самому Слову , содѣлать , чтобы болѣе уже не касалось это людей , но совершенно уничтожилось въ Немъ , и люди , какъ храмъ Божій , пребывали уже нетлѣнными во вѣкъ .

Если бы такъ разсуждали о семъ христорборцы , руководство и церковное признавали за якорь вѣры ; то не подверглись бы крушенію въ вѣрѣ и не дошли бы до такого безстыдства , чтобы противиться желающимъ возставить ихъ отъ паденія , и лучше сказать , почитать врагами увѣщавающихъ къ благочестію . Но , какъ видно , еретикъ имѣетъ подлинно лукавое и во всемъ развращенное нечестіемъ

сердце. Ибо вотъ во всемъ обличаемые, и, какъ оказывается, лишенные всякаго смысла, они не стыдятся; но какъ описываемая въ еллинскихъ басняхъ гидра, когда умерщвляли у нея прежнихъ змѣй, пораждала новыхъ, и упорно противилась умерщвляющему, противопоставляя вновь поражаемыхъ змѣй: такъ и сіи богоборцы и богоненавистные, подобно гидрамъ въ душѣ смертельно поражаемые во всемъ, что выставляютъ въ свою защиту, изобрѣтаютъ себѣ новые іудейскіе и буіи вопросы, и, какъбы враждуя противъ истины, вымышляютъ новое, чтобы только во всемъ показать себя христорборцами. Ибо послѣ столь многихъ обличеній, при которыхъ и самъ отецъ ихъ — діаволъ обратился бы вспять, они снова ропщутъ, вымышляя въ ухищренномъ сердцѣ своемъ, и однимъ шепчутъ, другимъ, какъ комары, жужжать, говоря: «положимъ, что такъ толкуете вы это, и преодолеваете умозаключеніями и доводами; но должно сказать, что по хотѣнію и изволенію произошелъ Сынъ отъ Отца». И ограждая себя Божиимъ хотѣніемъ и изволеніемъ, обольщаютъ симъ многихъ. Но если бы кто изъ правовѣрующихъ говорилъ сіе въ простотѣ; то не было бы ничего подозрительнаго въ сказанномъ, потому что простодушное произнесеніе такихъ словъ превозмогалось бы православнымъ разумѣніемъ. Поелику же говорятъ это еретики, а еретическія рѣчи подозрительны, и, какъ написано, *управляютъ же нечестивіи лести, и словеса ихъ лстива* (Притч. 12, 5. 6.), хотя бы сдѣлали и одинъ намекъ, потому что имѣютъ развращенное сердце: то изслѣдуемъ сказанное ими и разсмотримъ,

не съ тѣмъ ли они, во всемъ обличенные, наконецъ, подобно гидрамъ, измыслили новое реченіе, чтобы, при такомъ хитрословіи и при своей вкрадчивости, снова въ иномъ видѣ посѣять свое нечестіе.

Кто говорить, что Сынъ произошелъ по хотѣнію, означаетъ снѣмъ тоже, что и утверждающій: «было, когда не было Сына, и Онъ произошелъ изъ не-сущаго, и есть тварь». Но поелику ариане постыждены за такія рѣчи; то хитрецы сіи вознамѣрились пначе означить тоже самое, ограждаясь хотѣніемъ, какъ каракатицы черной влагой, чтобы омрачить тѣмъ людей простосердечныхъ, а самимъ не забыть своей ереси. Откуда сіе по хотѣнію и изволенію? Или, изъ какого Писанія приводятъ такія слова? Пусть скажутъ сіи подозрительные въ рѣчахъ своихъ и изобрѣтатели злочестія! Отецъ, съ небеси открывая Слово Свое, изъявлялъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17.); и чрезъ Давида сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо* (Псал. 44, 2.), и Іоанну повелѣлъ сказать: *въ началъ бѣ Слово*; и Давидъ воспѣвая говоритъ: *яко у Тебе источникъ живота, во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.); Апостолъ же пишетъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. 1, 3.); и еще: *Иже во образъ Божіи сый* (Фил. 2, 6.); и: *Иже есть образъ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15.). Вся и вездѣ говорятъ о бытіи Слова, и нигдѣ о томъ, что Оно отъ хотѣнія, и вообще, что Оно сотворено. Гдѣ же нашли еретики хотѣніе или изволеніе, предшествующее Божію Словоу? Развѣ, оставивъ Писанія, прикроются злоуміемъ Валентина. Ибо

Птолемей, ученикъ Валентиновъ, говорилъ, что Нерожденный имѣетъ два рога—мысль и изволеніе, и сперва помыслить, потомъ изволимъ; и что помысливъ, того не могъ бы произвести, если бы не призвали и силы воли. И научившись изъ сего, ариане хотятъ, чтобы Слову предшествовали изволеніе и хотѣніе. Итакъ, пусть соревнуютъ они въ заблужденіяхъ Валентину; а мы, читая Божіи словеса, находимъ о Сынѣ: *бгъ*, и слышимъ, что Онъ одинъ во Отцѣ и есть Отчій образъ; объ однихъ же созданныхъ, потому что ихъ и по естеству нѣкогда не было, призвали же они въ-послѣдствіи, читаемъ, что имъ предшествовало хотѣніе и изволеніе, какъ воспѣваетъ Давидъ во сто тринадцатомъ псалмѣ: *Богъ нашъ на небеси и на земли: вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. 113, 11.); и во сто десятомъ: *веля дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Его* (Псал. 110, 2.); и еще во сто тридцать четвертомъ: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (Псал. 134, 6.). Посему, если Сынъ есть дѣло и произведеніе, и одинъ изъ всего; то пусть будетъ сказано, что и Онъ произведенъ хотѣніемъ; ибо, по указанію Писанія, такъ произошли твари. И защитникъ ереси, Астерій, соглашаясь съ симъ, пишетъ такъ: «Если недостойно Создателя производить по изволенію, то пусть во всемъ также отъята будетъ у Него воля, чтобы неприкосновеннымъ сохранилось у Него достоинство. Если же прилично Богу хотѣть, то пусть и въ-разсужденіи перваго рожденія принадлежитъ Ему совершеннѣйшее. Ибо невозможно, чтобы одному и тому же Богу и приписываема

была воля въ-разсужденіи производимаго, и приличествовало не хотѣть». Сложивъ въ словахъ своихъ величайшее, какое только возможно, злочестіе, а именно, что произведеніе и рожденіе есть одно и то же, и что Сынъ есть одно изъ всѣхъ сущихъ рожденій, лжеумствователь заключилъ тѣмъ, что о произведеніяхъ слѣдуетъ говорить: они по хотѣнію и изволенію.

Итакъ, если Сынъ иной есть отъ всѣхъ, какъ и прежде сего было доказано, вѣрите же сказать, Имъ произведены и дѣла; то пусть не говорятъ, что и Онъ по хотѣнію, иначе и Онъ будетъ происходить также, какъ состоялось все сотворенное Имъ. Ибо Павелъ, котораго прежде не было, въ-послѣдствіи однако волею Божіею сталъ Апостоломъ (4 Кор. 1, 1.). И наше званіе, котораго не имѣли мы нѣкогда, нынѣ же получили, имѣетъ предшествовавшее ему хотѣніе, какъ опять говоритъ тотже Павелъ: *бысть по благоволенію хотѣнія Его* (Ефес. 1, 5.). Сказанное же Моисеемъ: *да будетъ свѣтъ, и: да изведетъ земля, и: сотворимъ человека*, думаю, какъ сказано было и выше, означаетъ хотѣніе Творящаго, потому что Создатель совѣщаваетъ сотворить не существовавшее нѣкогда, приводящее же совнѣ. Но собственному Его Слову, рожденному отъ естества Его, не предшествуетъ совѣщаніе: потому что Отецъ все прочее, о чемъ совѣщаваетъ, Имъ производитъ, и Имъ зиждетъ, какъ учитъ насъ и Апостоль Іаковъ, говоря: *восхотѣвъ породити насъ Словомъ истины* (Іак. 1, 18.). Посему, о всѣхъ возраждаемыхъ и единожды приводимыхъ въ бытіе есть Божіе хотѣніе въ Словѣ, Которымъ Богъ предначь-

ренное Имъ производитъ и возраждаетъ. И сіе опять даетъ разумѣть Апостолъ, пиша въ Фессалоннику: *сія бо есть воля Божія о Христѣ Исусѣ въ васъ* (1 Сол. 5, 18.). Если же, Кѣмъ творить, въ Томъ и хотѣніе, и во Христѣ воля Отца; то какъ же самъ Христосъ можетъ происходить по хотѣнію и изволенію? Если и Онъ, подобно намъ, произошелъ по хотѣнію; то необходимо и о Немъ состояться хотѣнію въ другомъ какомъ-либо словѣ, которымъ и Онъ производится. Ибо доказано, что хотѣніе Божіе не въ томъ, что приводится въ бытіе, но въ Томъ, Кѣмъ и о Комъ приходятъ въ бытіе всѣ созданія.

Притомъ, поелюку сказать: по хотѣнію, значить тѣже, что и: было, когда не былъ; то пусть удовольствуются симъ изреченіемъ: было, когда не былъ, и постыждаемые тѣмъ, что чрезъ сіе означаютъ время, пусть знаютъ, что, употребляя слово: по хотѣнію, опять наводятъ на мысль, что прежде Сына было время. Ибо тому, чего нѣкогда не было, какъ должно сказать о всѣхъ тваряхъ, предшествуетъ совѣщаніе. Если же Слово есть Зиждитель тварей, Само же соприсуще Отцу; то Присносущему можетъ ли, какъ не-сущему, предшествовать совѣщаніе? Если предшествуетъ Ему совѣтъ, то какъ же Имъ все? Напротивъ того, одинъ изъ всѣхъ будетъ и самъ Сынъ, рожденный по хотѣнію, подобно тому, какъ и насъ Слово истины содѣлало сынами; и необходимо уже намъ, какъ сказано, искать другаго слова, которымъ и Сынъ получилъ бытіе и рожденъ вмѣстѣ со всѣми, кого восхотѣлъ породить Богъ.

Поэтому, ежели есть иное Божіе слово, то пусть

и Сынъ произведенъ будетъ словомъ. Если же нѣтъ
 инаго слова (какъ и дѣйствительно нѣтъ), но все,
 что угодно было Отцу, получило бытіе Сыномъ; то
 не выказывается ли въ этомъ многоглавое коварство
 еретиковъ? Постыжденные за наименованіе Сына про-
 изведеніемъ и тварію и за это положеніе: не было
 Божія Слова, пока не рождено, снова выражаютъ
 иначе, что Сынъ есть тварь, ограждая себя речени-
 емъ: хотѣніе, и говоря: если Онъ не по хотѣнію
произошелъ, то значить, что по необходимости и
противъ воли имѣлъ Богъ Сына. Но кто же нала-
 гаетъ на Него необходимость, прелукавые еретики,
 старающіеся все обратить въ пользу своей ереси?
 Усмотрѣли вы, что противоположно хотѣнію, а что
 важнѣе и выше, того не примѣтили. Какъ хотѣнію
 противопоставляется несогласное съ волею, такъ выше
 и первоначальнѣе свободнаго избранія то, что въ
 естествѣ. Человѣкъ строить домъ по свободному
 изволенію, а сына раждаетъ по естеству. И что
 устроивается по хотѣнію, то получило начало бытія,
 и оно для творящаго есть внѣшнее; а Сынъ есть
 собственное рожденіе Отчей сущности, не отвнѣ Отца.
 Поэтому, Отецъ не совѣщаваетъ о Сынѣ, иначе, дол-
 жно было бы заключить, что Онъ совѣщаваетъ и о
 Себѣ самомъ. Итакъ, въ какой мѣрѣ Сынъ выше
 твари, въ такой же и то, что отъ естества, выше
 хотѣнія. И еретикамъ, слыша сіе, надлежало не вмѣ-
 нять хотѣнію того, что отъ естества; но они, за-
 бывъ, что слышатъ о Сынѣ Божіемъ, осмѣливаются
 употреблять о Богѣ человѣческія противоположенія:
 «по необходимости и противъ воли», чтобы отрицать
имъ бытіе истиннаго Сына Божія.

Дѣйствительно, пусть скажутъ гамъ сами: по хотѣнію ли, или не по хотѣнію у Бога то, что Онъ благъ и милосердъ? Если по хотѣнію; то должно замѣтить, что Онъ началъ быть благимъ, и есть возможность не быть Ему благимъ; потому что при со-
вѣщаніи и избраніи имѣетъ мѣсто склонность къ тому и другому; и состояніе сіе свойственно разумной природѣ. Если же, по причинѣ заключающейся въ сѣмъ необходимости, Богъ благъ и милосердъ не по хотѣнію; то пусть услышатъ то же, что сказали сами: слѣдовательно, Онъ благъ по необходимости и не по волѣ. Кто же налагаетъ на Него и сію необходимость? Если ни съ чѣмъ несообразно приписывать Богу необходимость, и поэтому, Онъ благъ по естеству; то гораздо паче и съ большою несомнѣнностію по естеству, а не по хотѣнію, Онъ—Отецъ Сына.

Но намѣреваясь безстыдству ихъ предложить вопросъ, хотя и смѣлый, впрочемъ (да помируетъ Владыка!) имѣющій цѣлю благочестіе; пусть еще скажутъ намъ и сіе: самъ Отецъ, совѣщавшись прежде и потомъ возжелавъ, или и прежде совѣщанія, такъ существуетъ? Еретикамъ, дерзнувшимъ отзываться такъ о Словѣ, надлежитъ выслушать и это, и изъ сего выразумѣть, что такая ихъ продерзость касается и самого Отца. Итакъ, если, однажды навсегда рѣшившись разсуждать о хотѣніи, скажутъ они, что и Отецъ — въ слѣдствіе хотѣнія; то чѣмъ же былъ Онъ до совѣщанія? Или, что большее сталъ имѣть, какъ говорите вы, по совѣщаніи? Если же такой вопросъ нелѣпъ и несостоятеленъ, и вообще, непозволительно даже и говорить что-либо подобное (ибо

слыша о Богѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что Онъ есть Сый); то не будетъ ли неразумно подобнымъ образомъ думать и о Словѣ и выставлять на видъ хотѣніе и изволеніе? Ибо слыша и о Словѣ, достаточно для насъ знать и представлять въ мысли только одно, что не въ-слѣдствіе хотѣнія сущій Богъ, не по хотѣнію, но по естеству, имѣетъ собственное Слово. Не выше ли всякаго безумія даже и помыслить только, будто бы самъ Богъ совѣщаваетъ, размышляетъ, избираетъ и побуждаетъ Себя къ созволенію не быть безъ Слова и Премудрости, но имѣть Слово и Премудрость? Совѣщавающій о Томъ, Кто собственно отъ Его сущности, видимо совѣщаваетъ о Себѣ самомъ.

Поэтому, много хульнаго въ такомъ мудрованіи, благочестно же будетъ сказать, что существа созданныя пришли въ бытіе по благоволенію и хотѣнію, а Сынъ—не привзошедшее, подобно твари, созданіе воли, но собственное по естеству рожденіе сущности. Ибо, будучи собственнымъ Отчимъ Словомъ, не позволяетъ думать о какомъ-либо предшествовавшемъ Ему хотѣніи; потому что самъ Онъ есть Отчій совѣтъ, Отчая сила и Зиждитель угоднаго Отцу. И сіе самъ Онъ говоритъ о Себѣ въ Притчахъ: *Мой совѣтъ и утверждение, Мой разумъ, Моя же крѣпость* (Притч. 8, 14.). Какъ самъ Онъ есть разумъ, которымъ уготовалъ небеса, и Самъ есть крѣпость и сила (потому что Христосъ Божія сила и Божія Премудрость 1 Кор. 1, 24.), теперь же, превративъ рѣчь, сказалъ: *Мой разумъ и Моя крѣпость*: такъ, говоря: *Мой совѣтъ*, Самъ есть живый Отчій совѣтъ, какъ научены мы и Пророкомъ, что

Онъ дѣлается Ангеломъ велика совѣта (Исаиѣ 9, 6.), и Онъ же нареченъ Отчею волею (Исаиѣ 62, 4.). Такъ надобно обличать еретиковъ, которые о Богѣ представляютъ человѣческое. Итакъ, если созданія произошли по хотѣнію и благоволенію, и вся тварь получила бытіе по волѣ, и Павелъ волею Божіею нареченъ посланникъ (Ефес. 1, 1.), и званіе наше было по благоволенію и волѣ (Ефес. 1, 9.), все же получило бытіе Словомъ; то Слово состоитъ внѣ получившихъ бытіе по хотѣнію, лучше же сказать, само Оно есть тотъ живый Отчій совѣтъ, Которымъ вся быша, Которымъ и святой Давидъ, благодаря, сказалъ въ семдесятъ второмъ псалмѣ: *удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ Твоимъ поставилъ мя еси* (Псал. 72, 23. 24.). Какъ же Слово, будучи совѣтомъ и волею Отца, можетъ и Само, подобно каждой твари, прійти въ бытіе по волѣ и хотѣнію? Развѣ еретики, по сказанному прежде, въ безуміи своемъ скажутъ опять, что Слово произведено само Собою, или другимъ какимъ словомъ. Поэтому, кѣмъ же получило Оно бытіе? Пусть измыслятъ иное слово, и, соревнуя Валентинову ученію, наименоуютъ инаго христа. Въ Писаніи нѣтъ сего. Но если и измыслятъ иное слово; то, безъ сомнѣнія, и оно приходитъ въ бытіе кѣмъ-либо. И наконецъ, когда разсуждаемъ такимъ образомъ и доискиваемся слѣдствій, открывается передъ нами многоглавая ересь безбожниковъ, впадающая въ многобожіе и безтѣрное безуміе, по которой еретики, желая, чтобы Сынъ былъ тварію и изъ не-сущихъ, тоже самое выражаютъ иначе, прикрывая себя словами: хотѣніе и позволеніе, которыя всего болѣе съ

основательностию можно употреблять о вещах созданныхъ и о тваряхъ.

Не нечестиво ли же свойственное существамъ созданнымъ относить къ Создателю? Не богохульно ли говорить, что во Отцѣ есть хотѣніе прежде Слова? Если хотѣніе во Отцѣ предшествуетъ; то не истину говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ* (Іоан. 14, 10.). Или, если и Онъ во Отцѣ, но будетъ считаться вторымъ; то неприлично было Ему сказать о Себѣ: *Азъ во Отцѣ*, когда прежде Него было хотѣніе, которымъ, по словамъ вашимъ, *вся быша*, и состоялся самъ Сынъ. Ибо хотя отличается Онъ славою, однакоже тѣмъ не менѣе есть одинъ изъ получившихъ бытіе по хотѣнію. Но въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы прежде, почему Онъ—Господь, а прочіе — рабы? А Онъ есть Господь всѣхъ; потому что въ единеніи съ господствомъ Отца; и тварь, безъ сомнѣнія, есть раба, потому что она внѣ единства со Отцемъ, и нѣкогда не существовавъ, пришла въ бытіе.

Но ерѣтики, говоря, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, должны были сказать: и по разумѣнію, потому что разумѣніе и хотѣніе, какъ думаю, есть одно и тѣже. Кто совѣщаваетъ о чемъ, тотъ и разумѣетъ сіе, и что разумѣетъ, о томъ совѣщаваетъ. Самъ Спаситель соотносилъ между собою то и другое, какъ родственное, говоря: *Мой совѣтъ и утвержденіе, Мой разумъ, Моя же крѣпость*. Какъ крѣпость и утвержденіе есть одно и тѣже, потому что это есть самая сила: такъ одно и тѣже значить сказать, что есть разумъ и совѣтъ; потому что это есть Господь. Но нечестивые не соглашаются, что Сынъ есть Слово и живой совѣтъ;

баснословятъ же о Богъ, что разумъ, и совѣтъ, и премудрость бывають въ Немъ по-человѣчески, какъ состояніе случайное и неимѣющее иногда мѣста; и все приводятъ въ движеніе, выставляють на видъ съ Валентиномъ мысль и изволеніе, только бы разлучить Сына со Отцемъ, и сказать, что Онъ — не собственное Отчее Слово, но тварь.

И они пусть услышатъ подобное тому, что сказано Спмону волхву: нечестіе Валентиново съ вами *да будетъ въ погибель* (Дѣян. 8, 20.). Каждый же изъ насъ да повѣритъ лучше Соломону, который говоритъ, что Слово само есть премудрость и разумъ; ибо сказано: *Богъ Премудростию основа землю, уготова же небеса разумомъ* (Притч. 3, 19.). И какъ здѣсь сказано: *разумомъ*; такъ во Псалмахъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6.). И какъ небеса Словомъ, такъ и *всѣ елика восхотѣ, сотвори* (Псал. 134, 6.); какъ и Апостоль пишетъ Фессалоникійцамъ: *есть воля Божія о Христѣ Иисусѣ* (1 Сол. 5, 18.). Посему, Сынъ Божій самъ есть Слово и Премудрость, Самъ—разумъ и живой совѣтъ; въ Немъ воля Отчая, Онъ есть истина, свѣтъ и сила Отчая. Если же хотѣніе Божіе есть премудрость и разумъ; также и Сынъ есть премудрость: то утверждающій, что Сынъ получилъ бытіе по хотѣнію, утверждаетъ съ симъ вмѣстѣ, что Премудрость произведена премудростию, Сынъ сотворенъ сыномъ, Слово создано словомъ. А сіе прекословно Богу и противно Его Писаніямъ. Ибо Апостоль проповѣдуетъ, что Сынъ есть собственное сіяніе и образъ не хотѣнія, но самой Отчей сущности, говоря: *Иже сый сілніе славы и образъ ипостаси*

Его (Евр. 1, 3.). Если же, какъ сказали мы выше, Отчая сущность и уполтасть не отъ хотѣнія; то явно, не отъ хотѣнія также и то, что составляетъ собственность Отчей уполтасы. Ибо какова есть и какъ есть она блаженная уполтасть, такимъ и такъ должно быть и собственное Ея Рожденіе. И самъ Отець не сказалъ: Сей есть по хотѣнію Моему происшедшій Сынъ, или: Сынъ, Котораго имѣю по благоволенію, но просто говоритъ: *Сынъ Мой*, и сверхъ того: о Немже благоволихъ, показывая тѣмъ, что Онъ есть Сынъ по естеству, по въ Немъ Мое хотѣніе угоднаго Мнѣ.

Поелнку же Сынъ по естеству, а не по хотѣнію; то ужели Онъ есть нежеланный Отцу, и противный Отчому хотѣнію? Никакъ; напротивъ того, и желателенъ Сынъ Отцу, и, какъ Самъ говоритъ, *Отець любитъ Сына, и вся показываетъ Ему* (Іоан. 5, 20.). Какъ Богъ, хотя не по хотѣнію началъ быть благимъ, однакоже, благъ не противъ хотѣнія и воли; ибо каковъ Онъ есть, то и желательно Ему: такъ и сіе, что есть Сынъ, хотя не по хотѣнію началось, однакоже, не противъ желанія и воли Божіей. Какъ желательна Богу собственная Своя уполтасть; такъ не нежелателенъ Ему и собственный Сынъ, сущій отъ Его сущности. Итакъ, желателенъ и возлюбленъ Отцу да будетъ Сынъ. Такъ да разсуждаютъ благочестно о волю Божіей и о томъ, что непротивно Божію хотѣнію. Ибо Сынъ тѣмже изволеніемъ, какимъ изволяетъ Его Отець, и Самъ любитъ, и изволяетъ, и чтитъ Отца, и единая есть воля, сущая въ Сынъ отъ Отца; почему, и изъ сего усматривается, что Сынъ во Отцѣ, и Отець въ Сынѣ.

Посему, никто, согласно съ Валентиномъ, да не вводитъ предшествующаго хотѣнія, и подъ предлогомъ хотѣнія да не ставитъ себя посредникомъ между единымъ Отцемъ и единымъ Словомъ. Ибо безумствуетъ, кто между Отцемъ и Сыномъ поставляетъ хотѣніе и совѣщаніе. Иное дѣло—говорить: произошелъ по хотѣнію, иное же—сказать: любить и желаетъ Сына, какъ собственнаго Своего по естеству. Сказать: произошелъ по хотѣнію, значитъ во-первыхъ предположить, что нѣкогда Онъ не былъ; а потомъ, по сказанному, допустить, что возможна наклонность къ тому и другому; почему, иной можетъ подумать, что Богъ могъ и не похотѣть Сына. Но сказать о Сынѣ: могъ и не быть, есть злочестивая дерзость, простирающаяся и на Отчую сущность. Если сказать, что могло не быть собственно принадлежащее сей сущности; то сіе значитъ то же, какъ и сказать, что Отецъ могъ не быть благимъ. Но какъ Отецъ всегда по естеству благъ, такъ всегда по естеству Родитель. Слова же: Отецъ хочетъ Сына, и Слово хочетъ Отца, не на предшествующее указываютъ хотѣніе, но даютъ разумѣть преискренность естества, свойство и подобіе сущности. Какъ можно о сіяніи и свѣтѣ сказать, что сіяніе не имѣетъ въ свѣтѣ предшествующаго хотѣнія, но есть по естеству рожденіе, изволяемое породившимъ его свѣтомъ, не по совѣщанію воли, но по естеству и въ дѣйствительности: такъ правильно будетъ сказать объ Отцѣ и Сынѣ, что Отецъ любитъ и хочетъ Сына, а Сынъ любитъ и хочетъ Отца. Посему, да не именуется Сынъ созданиемъ воли, и да не вводятся въ Церковь Валентиновы попятія, да именуется

ся же Сынъ живымъ совѣтомъ и истинно рожденіемъ по естеству, подобно сіянію свѣта. Такъ и Отецъ сказалъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо*; и согласенъ съ симъ говоритъ Сынъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*. Если же слово въ сердце, то гдѣ хотѣніе? И если Сынъ во Отцѣ, то гдѣ изволеніе? И если хотѣніе есть самъ Онъ; то какъ совѣтъ въ хотѣніи? Это нелѣпо: иначе, какъ говорено было неоднократно, будетъ Слово въ Словѣ, Сынъ въ Сынѣ, Премудрость въ Премудрости; потому что Отчій Сынъ есть все это. И ничего нѣтъ во Отцѣ прежде Слова, но въ Словѣ и хотѣніе, и Имъ изволенія Отчаго хотѣнія совершаются на дѣлѣ, какъ показываютъ божественныя Писанія.

Но желалъ бы я, чтобы злочестивые, до такой мѣры испадшіе въ неразуміе и разсуждающіе о хотѣніи, не спрашивали уже болѣе раждающихъ женъ своихъ, какъ спрашивали ихъ прежде, говоря: «имѣла ли ты сына, пока не родила?»—но чтобы спросили отцевъ: «отъ своей ли только воли бываете вы отцами, или по естеству вашего хотѣнія? еще: дѣти ваши подобны ли естеству вашему и сущности вашей? Тогда, можетъ быть, пристыдили бы ихъ родители, у которыхъ искали рѣшенія задачи о рожденіи и отъ которыхъ надѣялись получить вѣдѣніе. Родители отвѣтили бы имъ: «что раждаемъ, то не воля, а намъ подобно; и бываемъ родителями не въ слѣдствіе только своего преднамѣренія, но раждать свойственно естеству, какъ и мы сами—образъ родившихъ насъ». Посему, пусть еретики, или осудятъ сами себя и перестанутъ спрашивать у женъ о Божіемъ Сынѣ, или вразумятся отъ нихъ, что сынъ

раждается не по хотѣнію, но по естеству и дѣйствительности. Прилично же сплѣ зломудреннымъ такое обличеніе, взятое съ людей, потому что и о Божествѣ разсуждаютъ они по-человѣчески.

Поэтому, что же еще безумствуютъ христорборцы? И о семъ, какъ и о другихъ возраженіяхъ ихъ, доказано и обнаружено, что это только мечта и баснотворство. И потому, хотя поздно усмотрѣвъ, въ какую стремнину неразумія впали они, должны, по увѣщанію нашему, обратиться вспять и бѣжать отъ діавольской сѣти. Ибо челоуѣколюбивая Истина всегда взываетъ: *аще и Мнѣ не вѣруете, по причинѣ тѣлеснаго покрова, дѣломъ вѣруйте, да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ, и: Азъ и Отецъ едино есма, и: видѣвый Мене, видѣ Отца.* Но, хотя Господу и свойственно челоуѣколюбіе и желаетъ Онъ возводити вся низверженныя (Псал. 145, 8.), какъ говоритъ Давидъ въ своемъ хваленіи, однакоже злочестивые, не хотя слышать Господняго гласа, и не терпя видѣть (о жалкіе!), что Господь отъ всѣхъ исповѣдуются Богомъ и Божиимъ Сыномъ, подобно *хрущамъ* (Авв. 2, 11.), обходятъ всюду, съ отцемъ своимъ діаволомъ ища предлоговъ къ злочестію. Какіе же предлоги, или гдѣ, возмогутъ найдти еще послѣ сего? Развѣ у іудеевъ и у Каиафы займутъ хулы, а у язычниковъ возмутъ безбожіе? Божественныя же Писанія для нихъ заключены; въ нихъ все обличаетъ сплѣ несмысленныхъ, какъ и христорборныхъ.

НА АРИАНЪ СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Слово есть Богъ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово; и еще: *иже отцы, и отъ нихже Христосъ, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5.). И поелику Христосъ есть Богъ отъ Бога и Божіе Слово, Премудрость, Сынъ и сила, то въ божественныхъ Писаніяхъ возвыщается посему единый Богъ. Ибо Слово, будучи Сыномъ единого Бога, возводится къ Тому, Чье Оно Слово, такъ что Отецъ и Сынъ суть два и вмѣстѣ нераздѣльная и неразлагаемая единица Божества. Можно сказать еще и такъ: одно начало, а не два начала, Божества. Отсюда и единоначаліе въ собственномъ смыслѣ. Отъ сего же начала есть Слово, Сынъ, по естеству, не самъ Собою состоявшійся, какъ другое начало, иже внѣ сего начала произшедшій (пначе, сею разностию производилось бы двоеначаліе и многоначаліе), но единого начала собственный Сынъ, собственная Премудрость; собственное Слово, отъ сего начала сущее. Ибо, по сказанному Іоанномъ, *въ семъ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу. Начало есть Богъ. И послѣку Слово отъ сего Начала, то посему и Богъ бѣ Слово. Но какъ одно Начало, и посему, единъ Богъ; такъ подлинно, истинно и дѣйствительно сущая сущность и упостась есть единая, именно та, которая говорить: *Азъ есмь сый* (Исх. 3, 14.), а не двѣ сущности; пначе будутъ два начала. Отъ единой же*

сущности есть Слово, Премудрость, ея собственная и неотлучная отъ нея Сила, по естеству и истинно Сынъ: но какъ не иная сущность, чтобы не было двухъ началъ, такъ и отъ единой сущности не слово разръшаемое, не просто знаменательный гласъ, но существенное Слово, существенная Премудрость, то-есть воистину Сынъ. А если бы Слово было не существенное, то Богъ глаголалъ бы на воздухъ, и имѣлъ тѣло ничѣмъ не преимущественнѣе человѣческаго. Поелику же Богъ — не человѣкъ, то и Слово Его не можетъ быть подобно человѣческой немощи. Какъ начало есть единая сущность, такъ одно существенное и самостоятельное Слово сей сущности и одна Премудрость. Какъ отъ Бога есть Богъ, отъ Премудраго—Премудрость, отъ Словеснаго—Слово, отъ Отца—Сынъ; такъ отъ Упостаси—Упостасный, отъ Сущности—Существенный и Самосущный, отъ Сущаго—Сущій.

Если Премудрость несущественна, Слово несамосущно, Сынъ не есть сущій, но просто Премудрость и Слово и Сынъ во Отцѣ; то самъ Отецъ будетъ сложенъ изъ Премудрости и Слова. Если же допустить сіе, то будутъ слѣдовать сказанныя прежде несообразности; Отецъ будетъ Отцемъ самого Себя, Сынъ раждающимъ самого Себя и раждающимся отъ самого Себя. Или, одно только имя есть Слово, Премудрость и Сынъ, и несамостоятеленъ Тотъ, о Комъ сіе сказуется, лучше же сказать, Кто есть все это. А если несамостоятеленъ, то напрасны и лишены значенія имена, развѣ кто скажетъ, что Богъ есть источникъ Премудрости и источникъ Слово. Въ такомъ же случаѣ, Онъ самъ

Себя и Отецъ и Сынъ, Отецъ, когда Онъ премудръ, а Сынъ, когда Онъ — Премудрость. Но это въ Богъ не какое-либо качество. Нѣтъ, такая мысль неприлична, потому что, иначе, Богъ будетъ сложенъ изъ сущности и качества, потому что всякое качество бываетъ у сущности. А въ-слѣдствіе сего, нераздѣльная Божественная единица окажется сложною, разскаемою на сущность и случайное. Посему, должно спросить сихъ продерзливыхъ: о Сынъ проповѣдуется, что Онъ есть Божія Премудрость и Божіе Слово. Какъ же это? Если какъ качество, то несообразность сего показана. А если Богъ есть источникъ Премудрости, то слѣдующая изъ сего несообразность высказана Савелліемъ.

Слѣдовательно, проповѣдуется Сынъ, какъ въ собственномъ смыслѣ рожденіе отъ самого Отца, по подобію свѣта. Ибо какъ отъ огня свѣтъ, такъ отъ Бога Слово, Премудрость отъ Премудраго, Сынъ отъ Отца. Въ семъ смыслѣ и Единица пребываетъ нераздѣльною и всецѣлою, и Сынъ Ея — не несамосущное, не несамостоятельное, но истинно существенное Слово. А если представлять инымъ образомъ, то все сказуемое о Сынъ будетъ сказуемо по примышленію и неосновательно. Если же должно избѣгать несообразностей, вытекающихъ отъ примышленія: то слѣдуетъ, что истинное Слово существенно; какъ Отецъ есть истинно, такъ истинно есть Премудрость. Въ-слѣдствіе же сего, хотя Ихъ два, потому что не одинъ и тотже есть и Отецъ и Сынъ, какъ учитъ Савеллій, но Отецъ есть Отецъ, и Сынъ есть Сынъ: однакоже, Они — едино; потому что Сынъ по естеству Отчей есть

сущности, собственное Отчее Слово. Сіе-то сказалъ Господь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.). Слово неотлучно отъ Отца, и Отецъ никогда не былъ и не есть безъ Слова. Поэтому и Слово—Богъ, и Отецъ не безъ Слова. Потому Сынъ и сказалъ: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11.).

И еще: Христось есть Божіе Слово. Итакъ, самъ ли отъ Себя состоялся Онъ, и состоявшисъ прильпился къ Отцу? Или Богъ сотворилъ Его и наименовалъ Словоиъ Своимъ? Если первое, то-есть, Христось самъ Собою состоялся и есть Богъ; то будутъ два начала, и несправедливо называть Сына собственно принадлежащимъ Отцу, потому что Онъ не отъ Отца, но отъ самого Себя. Если же сотворенъ отъ Него, то будетъ тварь. Поэтому, остается, конечно, сказать то, что Онъ отъ самого Бога. А если такъ, то иное будетъ тотъ, кто отъ кого-либо, и иное тотъ, отъ кого онъ; въ-слѣдствіе же сего будутъ два. А если не два, но скажется сіе объ одномъ и томже; то одно и тоже будетъ и причиною и слѣдствіемъ причины, и раждаемымъ и раждающимъ; несообразность же сего доказана учениемъ Савеллія. Если Христось и отъ Отца, но не иное отъ Него, то будетъ и раждающимъ и не раждающимъ; раждающимъ, потому что отъ Отца изводитъ Себя, а нераждающимъ, потому что—не иное отъ Него. Если это такъ; то одинъ и тотже скажется по примышленію Отцемъ и Сыномъ. Но если сіе неприлично; то будутъ два, Отецъ и Сынъ, но вмѣстѣ и едино, потому что Сынъ не отъ Него, но отъ Бога рожденъ.

Если же кто пзбгаетъ сего реченія: рожденіе, а говоритъ только, что Слово существуетъ съ Богомъ; то пусть убоятся таковой, чтобы ему, избгая употребляемаго въ Писаніи, не впасть въ несообразность и не ввести какого-либо двойственнаго Бога. Ибо, не соглашаясь, что Слово отъ Единицы, но просто присоединяя Слово ко Отцу, вводитъ онъ двѣ сущности, изъ которыхъ ниодна не есть Отець другой. Тѣже самое должно сказать и о Слвѣ. Но яснѣе всякій увидитъ это, приложивъ къ Отцу. Отець одинъ, а не два Отца, но отъ Сего одного есть Сынъ. И какъ не два Отца, а одинъ; такъ и не два начала, а одно, и отъ сего едиаго начала —существенный Сынъ.

Но, говоря съ аріанами, должно пзвратить вопросы, потому что савеліанъ надлежитъ опровергать изъ понятія о Сынѣ, а аріанъ изъ понятія объ Отцѣ. Посему, надобно спросить: премудръ ли и имѣетъ ли Слово Богъ, или, напротивъ того, Онъ непремудръ и не имѣетъ Слова? Если допустить послѣднее, то несообразность видна сама собою. А если первое, то слѣдуетъ спросить: какъ Онъ премудръ и имѣетъ Слово? Отвнѣ ли, или отъ Себя самого имѣетъ Онъ Слово и Премудрость? Если отвнѣ, то будетъ нѣкто, сообщившій Ему первоначальнѣ, самъ же Онъ до пріятія сообщеннаго былъ и непремудръ и безъ Слова. Если же Слово отъ Него, то явно, что Оно не изъ не-сущихъ, и не было, когда бы Его не было. Всегда было Слово, потому что всегда существуетъ Тотъ, Чей Оно образъ.

А если скажутъ, что хотя Богъ премудръ и не

безъ Слова, но въ Себѣ самомъ имѣеть собственную Свою премудрость и собственное Свое Слово, именно же, не Христа, но то слово, которымъ и Христа сотворилъ; то должно сказать на сіе: если онымъ словомъ приведенъ въ бытіе Христосъ, то явно, что имже приведено въ бытіе и все. И Оно будетъ тѣмъ Словомъ, о Которомъ говоритъ Іоаннъ: *вся Тѣмъ быша* (Іоан. 1, 3.); и Псалмопѣвецъ: *вся Премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Тогда же Христосъ окажется ложно сказавшимъ: *Азъ во Отцѣ*, потому что другой во Отцѣ. Несправедливо, по словамъ еретиковъ, будетъ и сіе: *Слово плоть бысть*. Ибо, если Тотъ, Кѣмъ *вся быша*, Самъ сталъ плотію, а Христосъ не есть то Слово во Отцѣ, *Имже вся быша*; то слѣдуетъ, что Христосъ не содѣлался плотію, развѣ только Христосъ наименованъ Словомъ. И если принять это, то во-первыхъ Христосъ будетъ нѣто, что показываетъ Его имя, а потомъ: не Имъ *вся быша*, но тѣмъ словомъ, которымъ приведенъ въ бытіе и Христосъ. Если же скажутъ, что Премудрость во Отцѣ есть качество, или, что Отецъ есть источная Премудрость, то изъ сего будутъ слѣдовать сказанныя выше несообразности. Отецъ будетъ сложенъ, содѣлавшись самъ Себѣ и Сыномъ и Отцемъ.

Сверхъ того, въ обличеніе и постыженіе еретиковъ должно будетъ сказать, что Слово сущее въ Богъ не будетъ тварь, и Оно не изъ не-сущихъ. Какъ-скоро Слово въ Богъ; то Оно есть Христосъ, Который говоритъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*; а потому, и едиnorodный Сынъ; ибо никто

другой не рожденъ отъ Отца. Сынъ сей одинъ ; Онъ есть Слово, Премудрость и Сила; потому что Богъ не слагается изъ сего, но раждаетъ. Какъ тварей созидаетъ Словомъ, такъ по естеству низлетъ рожденіе собственной Своей сущности — Слово, Которымъ все зиждеть, творить, всѣмъ править; потому что все приведено въ бытіе Словомъ и Премудростію, и учиненіемъ Слова пребываютъ *всѣмѣская* (Псал. 118, 91.).

Тѣже должно сказать и о Сынѣ. Если Богъ не раждаетъ, то и не дѣлаетъ ; потому что Сынъ — Его рожденіе, и чрезъ Него Богъ дѣлаетъ. Въ противномъ случаѣ, безстыднымъ еретикамъ будутъ слѣдовать тѣже вопросы и тѣже несообразности.

Во Второзаконіи сказано: *вы же прилежащии Господу Богу вашему, живете вси доднесь* (Второз. 4, 4.). Изъ сего можно видѣть различіе, и уразумѣть, что Сынъ Божій — не тварь. Ибо Сынъ говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.), и: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11.). А существа созданныя, когда преспѣваютъ, *прилежатъ* Господу. Слово, какъ собственное, пребываетъ *во Отца*, а существа созданныя, будучи отънѣ, *прилежатъ*, какъ чуждыя по естеству и *прилежащии* по произволенію. И Сынъ по естеству едино есть съ Раждающимъ, а усыновленный отънѣ приложится къ роду. Потому и присовокуплено вскорѣ: *кій бо языкъ тако велий, емуже есть Богъ, приближайся* (Второз. 4, 7.)? И въ другомъ мѣстѣ: *Богъ приближайся Азъ есмь* (Іерем. 23, 23.). Ибо къ созданнымъ приближается, какъ къ чуждымъ, къ Сыну же, какъ къ собственному, не

приближается, но въ Немъ пребываетъ. И Сынъ не прилежитъ, но соприсущъ Отцу. Посему и еще говоритъ Моисей въ томже Второзаконіи: *гласа Его послушайте; и къ Нему прильпнитесь* (Втор. 13, 4.). А прильпняющееся прильпняется совнѣ.

Въ-разсужденіи же этого немощнаго и человѣческаго понятія арианъ, по которому предполагаютъ, что Господь имѣлъ недостатокъ, когда говоритъ: *дадеса Ми* (Матѣ. 28, 18.), и *прияхъ* (Іоан. 10, 18.), и когда говоритъ Павель: *Богъ Его превознесе* (Фил. 2, 9.), и *посади одесную* (Ефес. 1, 20.), и тому подобное, должно сказать, что Господь нашъ, будучи Словомъ и Сыномъ Божиимъ, понесъ на Себѣ тѣло, и содѣлался Сыномъ человѣческимъ, чтобы, ставъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, тѣмъ, что Божіе, послужить намъ, а тѣмъ, что наше,— Богу. Посему, когда говорится, что алчетъ, плачетъ, утомляется, взываетъ: *Елои, Елои*; тогда отъ насъ пріемлетъ собственно человѣческія и наши немощи и приносятъ Отцу, ходатайствуя за насъ, да уничтожатся немощи сіи въ Немъ. Когда же говорится: *дадеса Ми власть, и: прияхъ, и: тѣмже и Богъ Его превознесе*;—это суть дарованія, намъ чрезъ Него сообщаемыя отъ Бога. Слово не было недостаточнымъ, Оно не было когда-либо приводимымъ въ бытіе. Также и люди не въ-состояніи были сами себѣ послужить симъ; даруется же это намъ чрезъ Слово. Посему, сообщается намъ даруемое какбы Ему. Для того и вочеловѣчилось Слово, чтобы даруемое какбы Ему, перешло на насъ. Простой чловѣкъ не могъ бы сего сподобиться, а также Слово единое не имѣло бы въ себѣ

нужды. Посему, Слово соединилось съ нами, и тогда сообщило намъ власть, и превознесло насъ. Слово, сущее въ человѣкѣ, превознесло человѣка. И послѣку въ человѣкѣ Слово, то пріялъ человѣкъ. Итакъ, послѣку во плоти Слово, то превознесенъ и пріялъ власть человѣкъ. Посему и воспѣвается сіе слову; потому что даровано ради Его. Ради Слова, сущаго въ человѣкѣ, даны сѣ дарованія; и какъ *Слово плоть бысть*, такъ человѣкъ пріялъ пріятное Словомъ. Ибо все, что пріялъ, сказуется пріявшимъ Слово, чтобы видно было, что Онъ, какъ человѣкъ, сколько сообразно сіе съ Его природою, недостойнъ былъ пріять, однакоже пріялъ ради Слова, содѣлавшагося плотию. Посему, если сказуется, что дается нѣчто Господу, или что-либо сему подобное, то должно представлять, что не Ему дается, какъ имѣющему нужду, но человѣку подается чрезъ Слово. И всякой, ходатайствующій за другаго, пріемлетъ милость, не самъ имѣя въ ней нужду, но ради того, о комъ ходатайствуетъ. Какъ пріемлетъ наши немощи, не немоществуя Самъ, и алчетъ не алча, но о нашихъ немощахъ возсылаетъ моленіе, чтобы онѣ были изглажены: такъ Самъ опять вмѣсто немощей пріемлетъ отъ Бога дары, чтобы могъ причаститься оныхъ вступившій съ Нимъ въ единеніе человѣкъ. Такъ, Господь говоритъ: *всѣ, елика далъ еси Мнѣ, дахъ имъ* (Іоан. 17, 7. 8.); и еще: *Азъ о сихъ молю*. О насъ Онъ молился, воспріемля на Себя наше, и намъ подавалъ то, что пріималъ. Поелику Слово соединилось съ человѣкомъ, то Отецъ, взиралъ на Слово, даровалъ человѣку возможность вознестись, имѣть вся-

кую власть и все тому подобное. Поэтому, восписуется самому Слову и какбы Ему дается все, что чрезъ Него приемлемъ мы. Какъ ради насъ вочеловѣчилось Слово, такъ чрезъ Него возносимся мы. Посему, нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что Оно, какъ ради насъ уничижило Себя, такъ ради же насъ скажется превознесеннымъ. Итакъ, дарова Ему значить: даровалъ ради Его намъ, и превознесе Его значить: превознесъ въ Немъ насъ. Само же Слово, когда мы возносимся и приемлемъ и получаемъ помощь, какбы Оно возносилось, принимало и получало помощь, благодарить Отца, Себѣ восписуя наше, и говоря: *вся, елика далъ еси Мнѣ, далъ имъ.*

Аріане, послѣдующіе Евсевію, приписывая Сыну начало бытія, показываютъ видъ, будто не соглашаются на то, что Сынъ имѣеть начало царствованія. Но это смѣшно. Ибо приписывающій Сыну начало бытія очевидно приписываетъ Ему и начало царствованія; а посему, признавая то, что сами отвергаютъ, они слѣпотствуютъ. А также, утверждающіе, что Сынъ есть одно имя, что несамосущенъ и несамостоятеленъ Сынъ Божій, то-есть, Отчее Слово, показываютъ видъ, будто бы негодуютъ на утверждающихъ, что было, когда не было Сына. И это также смѣшно. Ибо вовсе не приписывающіе Сыну бытія негодуютъ на приписывающихъ хотя временное бытіе. И они, что сами отрицаютъ, то признаютъ въ укоръ другимъ. Еще жѣ, Евсевіевы послѣдователи, признавая Сына, отрицаютъ, что Онъ есть Слово по естеству, и хотятъ, чтобы Сынъ именовался Словомъ по примышленію.

Другіе же, признавая Слово, отрицаютъ, что Оно есть Сынъ, и ровно ни на чемъ не опираясь, хотѣть, чтобы Слово именовалось Сыномъ по мышлению.

Азъ и Отецъ едино есма. Вы говорите: означить, два суть едино, или одно имѣть два имени, или еще, одно раздѣлено на два. Итакъ, если одно дѣлится на два, то раздѣленному необходимо быть тѣломъ, и ни то ни другое не совершенно, потому что каждое есть часть, а не цѣлое. Если одно имѣть два имени, то Савелліово это ученіе; Савеллій говоритъ, что одинъ и тотже есть и Сынъ и Отецъ; а тѣмъ уничтожаетъ Того и Другаго, именно же, когда Онъ — Сынъ, уничтожаетъ Отца, а когда — Отецъ, — Сына. Если же два суть едино, то необходимо быть какъ двумъ, такъ и единымъ по Божеству; и поколику Сынъ единосущенъ Отцу, необходимо Слово быть отъ самого Отца; почему, хотя суть два, потому что есть Отецъ и Сынъ, то-есть Слово, но Они едино, потому что Богъ одинъ. А если не такъ, то надлежало сказать: *Азъ есмь Отецъ, или Азъ и Отецъ есмь.* Теперь же, реченіемъ: *Азъ* означается Сынъ, а реченіемъ: и *Отецъ* — Родившій, реченіемъ же: *едино* — единое Божество и Его единосущіе. Ибо не одинъ и тотже есть и Премудрый и Премудрость, какъ говорятъ еллина; или, не одинъ и тотже есть Отецъ и Сынъ, потому что неприлично быть Ему Отцемъ Себя самого. Божественное же ученіе знаетъ Отца и Сына, Премудраго и Премудрость, Бога и Слово, хотя совершенно сохраняетъ во всемъ нераздѣльность, неразрывность, неразлагаемость на части.

Если же кто, слыша, что Отецъ и Сынъ суть два, станетъ клеветать, будто бы проповѣдуются два Бога (иные дѣйствительно воображаютъ себѣ подобное и не медлятъ насмѣяться, говоря: двухъ скажете Боговъ); то должно таковымъ отвѣчать: если признающій Отца и Сына скажетъ двухъ Боговъ, то сказующій единого уничтожаетъ Сына и проповѣдуетъ савелліанство. Ибо, если сказующій двухъ елиниствуетъ; то слѣдуетъ, что сказующій единого савелліанствуетъ. Но дѣло не такъ. Да не будетъ сего! Напротивъ того, какъ сказующій, что Отецъ и Сынъ суть два, скажетъ единого Бога; такъ и сказующій, что Богъ единъ, содержитъ въ мысли двухъ, Отца и Сына, едино сущихъ по Божеству; потому что Слово, сущее отъ Отца, отъ Него неотложно, неотдѣльно, неотлучно. Возми человеческое подобіе: огонь и сіяніе отъ него; по бытію и по видимости здѣсь два, но и одно, потому что сіяніе отъ огия и съ нимъ нераздѣльно.

Савелліане впадаютъ въ одинакое неразуміе съ аріанами. И сіи говорятъ, что Сынъ сотворенъ ради насъ, чтобы мы были сотворены, какъ-будто Богъ выжидалъ нашего сотворенія, чтобы, по словамъ однихъ, проявить, или, по словамъ другихъ, сотворить Сына. Посему, аріане уступаютъ болѣе намъ, нежели Сыну. Ибо говорятъ, что не мы ради Его, а Онъ ради насъ получилъ бытіе; такъ-какъ для того и сотворенъ и существуетъ, чтобы чрезъ Него насъ сотворить Богу. Савелліане же, въ равной мѣрѣ и еще болѣе нечестуя, приписываютъ Богу менѣе, нежели намъ. Ибо мы верьдемъ и молча однимъ помышленіемъ дѣйствуемъ, такъ что

мыслимое облекается въ образы ; они же хотятъ, чтобы Богъ, пока молчитъ, былъ бездѣйственъ, и тогда только имѣлъ силу, когда издаетъ Слово ; потому что молча не могъ Онъ творить, началъ же созидать возглаголавъ.

Справедливо будетъ спросить у нихъ: Слово, будучи въ Богъ, было ли совершенно, такъ что могло и творить ? Если, будучи въ Богъ, Оно было несовершенно, родившись же стало совершеннымъ ; то мы причиною Его совершенства, потому что Оно рождено ради насъ. Ибо ради насъ получило возможность творить. А если Оно совершенно было въ Богъ, такъ что могло и творить ; то излишне Его рожденіе, потому что, и будучи во Отцѣ, могло созидать. А посему, не раждается ли Оно, или раждается, сіе не для насъ, но потому что всегда Оно отъ Отца. Рожденіемъ Его показывается не наше созданіе, но бытіе Его отъ Бога ; потому что было Оно и прежде нашего созданія.

Умствованія еретиковъ окажутся столько же дерзкими и въ-отношеніи къ Отцу. Если Отецъ не могъ творить молча, то необходимо заключить, что родивъ, то-есть возглаголавъ, воспріялъ Онъ силу. Но откуда же воспріялъ, и для чего ? Если же могъ творить, въ Себѣ еще имѣя Слово, то напрасно раждаетъ, имѣя возможность творить и молча. Притомъ, если Слово до рожденія было въ Богъ ; то слѣдуетъ, что рождено вовнѣ, и стало внѣ Бога. А если допустить сіе, то почему же говорить нынѣ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ* ? Если нынѣ Оно во Отцѣ ; то слѣдуетъ, что всегда было во Отцѣ, какъ и нынѣ, и напрасно говорятъ,

что для насъ Оно раждается, послѣ же насъ возвращается, чтобы Ему быть, чѣмъ и было; потому что и прежде не было, чѣмъ не есть теперь, и теперь не есть, чѣмъ не было прежде. Напротивъ того, Слово такъ и есть, какъ всегда было, имѣя все тоже и въ тойже мѣрѣ, иначе, окажется несовершеннымъ и измѣняемымъ. Ибо, если чѣмъ было, тѣмъ послѣ будетъ, какъ не-сущее спитъ теперь; то явно, что теперь Оно не то, чѣмъ было и будетъ, то-есть, если прежде было въ Богъ, и послѣ опять будетъ въ Богъ же, то явно, что теперь нѣтъ въ Богъ Слова. Но ихъ изобличаетъ Господь, говоря: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ*. Такъ, Онъ и теперь, какъ былъ всегда. А если такъ и нынѣ, какъ былъ всегда; то явно невозможно, чтобы иногда Онъ раждался, а иногда нѣтъ, чтобы иногда было въ Богъ безмолвіе, иногда же глагола въ Богъ. Напротивъ того, всегда есть Отецъ и Сынъ; Отчее Слово, не по имени только Слово; Слово не по примышленію, но дѣйствительно есть Сынъ единосущный Отцу, не ради насъ рожденный; потому что мы ради Его получили бытіе. А если Онъ ради насъ рожденъ, и при рожденіи Его мы созданы, и Его рожденіемъ состоялась тварь, возвратится же, чтобы Ему быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде; то, во-первыхъ, Родившійся опять будетъ нерожденнымъ. Ибо если исхождение Его есть рожденіе, то возвращеніе есть прекращеніе рожденія. Какъ-скоро будетъ Онъ въ Богъ,—Богъ снова умолкнетъ. Если же умолкнетъ,—снова будетъ тоже, что было при Его молчаніи,—безмолвіе, а не тварь; следовательно, тварь полу-

читъ конецъ. Какъ съ исхожденіемъ Слова тварь получила бытіе и осуществилась, такъ съ возвращеніемъ Слова тварь перестанетъ существовать. Какая же была нужда приходить въ бытіе, если прекратится? Или, почему и глаголаъ Богъ, чтобы послѣ умолкнуть? На что и проявлялъ Того, Кого воззываетъ? На что и раждалъ, Чье рожденіе хотѣлъ прекратить? Чтò будетъ опять? Невѣстно. Или навсегда умолкнетъ, или снова родитъ и измыслитъ новую тварь; потому что не будетъ творить ту же (иначе, могла бы оставаться получившая бытіе), но сотворитъ другую; а слѣдственно, и эту прекратить, измыслитъ же еще новую, и такъ до безконечности.

Сіе же, можетъ быть, занялъ Савелій у стоиковъ, утверждающихъ, что Богъ сжимается, и также вмѣстѣ съ тварию распростирается, и безмѣрно поконится. Ибо расширяющееся расширяется изъ стѣсненія, и разпространяющееся разпростирается, будучи сперва сжато; и пребываетъ тѣмъ же, не иное же что преслѣдуетъ, какъ одно видоизмѣненіе. Посему, если расширившаяся Единница содѣлалась Троицею, Единница же есть Отецъ, а Троица — Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; то во первыхъ, расширившаяся Единница потерпѣла видоизмѣненіе и содѣлалась, какою не была; потому что расширилась, не бывъ прежде расширенною. А потомъ, если самая Единница расширилась въ Троицу, Троица же есть Отецъ и Сынъ и Святой Духъ; то слѣдуетъ, по словамъ Савелія, что самъ Отецъ содѣлался и Сыномъ и Духомъ, развѣ только именуемая Савеліемъ Единница есть

ничто иное отъ Отца. Въ такомъ же случаѣ, должно было сказать, что Единица не разширилась, но произвела трехъ, такъ что сперва — Единица, а потомъ — и Отецъ, и Сынъ, и Духъ. Ибо если бы Она сама разширилась и разпростерла Себя, то осталась бы тѣмъ же, что было разпростерто. Но Троица уже не разширившаяся Единица; будучи Единицею, Она не была еще Троицею. Следовательно, Отецъ, будучи Отцемъ, не былъ Сыномъ и Духомъ, содѣлавшись же Имъ, не есть уже только Отецъ. А пный въ насмѣшку назоветъ это Божіимъ тѣломъ, вводя видоизмѣняемаго Бога. Ибо что значитъ разширеніе, не видоизмѣненіе ли разширяемаго? Или, что такое разширенное, не то ли, что прежде было не разширено, но стѣснено? Ибо это есть одно и тоже, и различается само съ собою только временемъ. Сіе знаетъ и божественный Апостолъ, пиша въ Посланіи къ Коринѳянамъ: *вы не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ*: распространитесь и вы, Коринѳяне (2 Кор. 6, 12. 13.). Не другимъ, а тѣмъ же самимъ Коринѳянамъ совѣтуетъ изъ стѣсненнаго состоянія прійти въ разширенное. Но какъ, если бы тѣсно вмѣщенные Коринѳяне снова разширились, то не другими бы стали, но опять были бы Коринѳянами: такъ, если Отецъ разширился въ Троицу, то Троица опять есть единый Отецъ. И еще, тоже говоритъ Апостолъ: *сердце наше распространися* (2 Кор. 6, 11.). И Ной говоритъ: *да распространитъ Богъ Іафееви* (Быт. 9, 27.). И сердце тѣ же, и Іафеевъ тот же и при разширеніи. Посему, если Единица разширилась; то, можетъ быть, разши-

рилась въ другихъ. А если расширилась въ Себѣ, то будетъ тѣмъ, что расширено. Что же это, какъ не Сынъ и Духъ Святой? Но хорошо—спросить самого разсуждающаго такъ: какое же дѣйствіе такого расширенія? Или, сказать передъ самою истинною, для чего, вообще, Единица расширена? Не пребывающее тѣмже, но въ-послѣдствіи расширяемое, по необходимости должно имѣть причину, по которой оно расширено. Если Отецъ расширился для того, чтобы присущи Ему были Слово и Духъ; то излишне будетъ сказанное: сперва: Единица, а потомъ: расширилась. Ибо Слово и Духъ не въ-послѣдствіи, но всегда, иначе, Богъ былъ бы безъ Слова, какъ и говорятъ аріане. Посему, если всегда было Слово и былъ Духъ, то Единица всегда была расширена, а не только что расширилась. Если же расширилась въ-послѣдствіи, то и Слово—въ-послѣдствіи. Если же расширилась по причинѣ вочеловѣченія, и тогда содѣлалась Троицею; то слѣдуетъ, что до вочеловѣченія не было Троицы. Окажется же, что Отецъ сталъ и плотію, потому что Онъ, будучи Единицею, расширился въ чело-вѣкъ. А, можетъ быть, Единица будетъ уже и плотію, и въ третьихъ, Духомъ, потому что расширился одинъ и тотже. Да и Троица будетъ только по имени. А если Единица расширилась для творенія, то сіе нелѣпо. Ибо возможно ей было, и Единицею будучи, сотворить все; Единица не имѣла нужды въ расширеніи, и не была неможною до расширенія. Нелѣпо и нечестиво такъ думать и говорить о Богѣ. Но слѣдствіемъ сего будетъ и другая несообразность. Если Единица расширилась

радн твари, а пока была Единицею, не было твари, по совершеніи же твари Единица опять будетъ безъ разширенія; то и тварь уничтожится. Ибо какъ разширялась для сотворенія, такъ съ прекращеніемъ разширенія прекратится и тварь. Таковыя-то несообразности встрѣтятся въ-слѣдствіе положенія, что Единица разширяется въ Троицу.

Послику же утверждающіе сіе осмѣливаются раздѣлять Слово и Сына, и говорятъ, что иное есть Слово, а иное—Сынъ, и прежде Слово, а потомъ Сынъ; то разсмотримъ и сіе. Но еретики дерзкую мысль свою выражаютъ различно: одни говорятъ, что Сынъ есть тотъ человѣкъ, котораго воспріямъ на Себя Спаситель; другіе же, что оба, и человѣкъ и Слово, тогда содѣлались Сыномъ, когда стали соединены. А есть и иные утверждающіе, что само Слово тогда содѣлалось Сыномъ, когда вочеловѣчилось. Отъ Слова, говорятъ они, произошелъ Сынъ, будучи прежде не Сыномъ, а только Словомъ. Стойкамъ подражаютъ въ томъ и другомъ, и утверждаютъ, что Богъ разширяется, и отрицаютъ Сына. Но до крайности несмысленно то, что, именуя Слово, отрицаютъ, что Оно есть Сынъ. Ибо если Слово не отъ Бога, то справедливо могутъ отрицать, что Оно есть Сынъ. Если же Оно отъ Бога, то почему не могутъ примѣтить, что отъ кого-либо существующій есть сынъ. того, отъ кого существуетъ? Потомъ, если Богъ есть Отецъ Слова, то почему Слову не быть Сыномъ Своего Отца? Тотъ отецъ и называется отцемъ, у кого есть сынъ; тотъ сынъ и называется сыномъ, у кого есть отецъ. Поэтому, если Богъ не есть Отецъ Христу, то и Слово не Сынъ.

Если же Богъ есть Отецъ ; то по всей справедливости и Слово будетъ Сыномъ. Если же Онъ въ послѣдствіи Отецъ, а первоначально Богъ ; то арианское это мудрованіе. При томъ, ни съ чѣмъ несообразно—Богу переимѣняться; это свойственно тѣламъ. Если же, какъ въ-отношеніи къ твари Богъ содѣлался Творцемъ въ-послѣдствіи, такъ и Отцемъ сталъ въ-послѣдствіи ; то должно знать, что тамъ въ-послѣдствіи произошло преимѣненіе созданнаго, а не самого Бога. Посему, если и Сынъ есть произведеніе ; то и въ-отношеніи къ Нему Богъ справедливо могъ содѣлаться Отцемъ въ-послѣдствіи. А если Сынъ не произведеніе; то слѣдуетъ, что всегда есть Отецъ, и всегда—Сынъ. Если же Сынъ всегда, то Сыномъ будетъ само Слово. Ибо если Слово—не Сынъ (и это осмѣлился сказать нѣкто), то утверждающій сіе, или Слово именуетъ Отцемъ, или Сына представляетъ совершеннѣйшимъ Слова. Послику Сынъ *въ лонѣ Отца* (Іоан. 1, 18.), то необходимо, или не быть Словоу прежде Сына, потому что ничто не прежде Сущаго во Отцѣ, или, если Слово не то же, что Сынъ, самому Словоу быть Отцемъ, въ которомъ есть Сынъ. Если же Слово—не Отецъ, а Слово; то Слово будетъ внѣ Отца; потому что Сынъ *въ лонѣ Отца*. Не оба Они, и Слово и Сынъ, *въ лонѣ Отца*, по единому должно быть въ лонѣ, и сей одинъ есть Сынъ, то-есть Единородный. И опять, если ный есть Слово и ный—Сынъ : то Сынъ найдется совершеннѣйшимъ Слова; ибо *никтоже знаетъ Отца*, ни даже Слово, *токмо Сынъ* (Матѳ. 11, 27.). Поэтому, или Слово не знаетъ Отца, или, если знаетъ, ложно сказанное: *никтоже знаетъ*.

Тѣже самое должно разумѣть и въ-разсужденіи сказаннаго: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9.), и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.). Это, по утверженію еретиковъ, слова Сына, а не Слова.

Сіе видно и изъ Евангелій. По Евангелію отъ Іоанна, когда Господь говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма, взяша каменіе іудее, да побіютъ Его. Отвѣща имъ Исусъ, многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца Моего: за кое ихъ дѣло каменіе мещете на Мя? Отвѣщаша Ему іудее, о добръ дѣль каменіе не мещемъ на Тя, но о хуль, яко Ты человекъ съй, твориши Себе Бога. Отвѣща имъ Исусъ, нльсть ли писано въ законъ вашемъ, Азъ рѣхъ, бози есте? Аще оныхъ рече боговъ, къ нимже слово Божіе бысть, и не можетъ разоритися Писаніе: Егоже Отецъ святи и посла въ міръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рѣхъ, Сынъ Божій есмь. Аще не творю дѣла Отца, не имите Ми вѣры: аще ли творю: аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ вѣруйте: да увѣсте и разумѣете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Отцѣ* (Іоан. 10, 30—38.). Впрочемъ, сколько должно понимать сказанное ясно, Христосъ не говорилъ ни сего: «Я Богъ», ни сего: «Я—Сынъ Божій»; сказалъ же только: *Азъ и Отецъ едино есма*. Поэтому и іудеи, услышавъ сіе: *едино*, подумали, будто бы Онъ, согласно съ Савелліемъ, говоритъ: Я—Отецъ; Спаситель же нашъ изъ погрѣшительнаго ихъ мнѣнія выводитъ такое заключеніе: если бы и назвалъ Я Себя Богомъ, то вамъ надлежало знать написанное: *Азъ рѣхъ, бози есте*. Потомъ, объясняя сказанное: *Азъ и Отецъ едино есма*, указалъ на единство Сына со Отцемъ, говоря:

зане грѣхъ, Сынъ есмь Божій; ибо если не сказать точными словами, то значеніе сихъ реченій: *едино есма* объяснилъ реченіемъ: Сынъ. Ничто не можетъ быть *едино* со Отцемъ, кромѣ того, что отъ Отца. А что можетъ быть отъ Отца, кромѣ Сына? Потому и присовокупляетъ: *да разумѣете, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*. Ибо, толкуя реченіе: *едино*, сказалъ, что единеніе и неразлучность состоятъ не въ тождествѣ Сына съ Тѣмъ, съ Кѣмъ Онъ *едино*, но въ томъ, что Онъ *во Отцѣ*, и *Отецъ въ Сынѣ*. Сямъ опровергаетъ Онъ какъ Савеллія, сказавъ: Я—не Отецъ, но Сынъ Божій, такъ и Арія, сказавъ: *едино есма*. Посему, ежели иное есть Сынъ, а иное—Слово, то не Слово, а Сынъ есть *едино* со Отцемъ, и *видѣвый* не Слово, но Сына, *видѣ Отца*. А по такому объясненію, или Сынъ больше Слова, или Слово ничѣмъ не преимуществуетъ предъ Сыномъ. Ибо что выше или совершеннѣе сего: *едино*, и: *Азъ во Отцѣ*, и *Отецъ во Мнѣ*, и: *видѣвый Мене*, *видѣ Отца*? Сыну же принадлежатъ, какъ говоритъ тотъ же Іоаннъ, и слѣдующія изреченія: *видѣвый Мене*, *видѣ пославшаго Мя* (Іоан. 12, 45.); и: *иже пріемлетъ Мене*, *пріемлетъ Пославшаго Мя* (Матѣ. 10, 40.); и: *Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ*, *да всякъ вѣруя въ Мя во тмѣ не пребудетъ*. И *аще кто услышитъ глаголы Моя* и не сохранитъ, *Азъ не сужду ему*, *не пріидохъ бо*, *да сужду мірови*, *но да спасу міръ*. Слово, еже слышитъ, то *судитъ ему въ послѣдній день* (Іоан. 12, 46—48.), *яко Азъ ко Отцу гряду* (Іоан. 14, 12.); *проповѣдь*, *говоритъ Онъ*, *судитъ несохранившаго заповѣди*. Ибо, какъ говоритъ, *аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ*, *грѣха не*

быша имѣли ; нынѣ же извиненія не имутъ (Іоан. 14, 22.) , слыша слова Мои , отъ которыхъ сохраняющіе ихъ пожинаютъ спасеніе.

Можетъ быть, еретики по безстыдству своему скажутъ , что это—изреченіе не Сына , но Слова. Но изъ сказаннаго выше ясно стало видно, что Глаголющій есть Сынъ ; ибо указано , что Глаголющій здѣсь: Я пришелъ не судить, но спасти міръ , есть не иной кто , но однородный Божій Сынъ. Ибо тотже Іоаннъ выше сего говоритъ : *Тако бо возлюби Богъ міръ , яко Сына Своего едиnorodнаго далъ есть , да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ , но имать животъ вѣчный. Не посла бо Богъ Сына въ міръ , да судитъ мірови , но да спасетсѣ Имъ міръ. Вѣруй въ Онъ, нѣсть осужденъ: а не вѣруй, уже осужденъ есть , яко не вѣрова во имя едиnorodнаго Сына Божіа. Сей же есть судъ, яко свѣтъ прииде въ міръ , и возлюбиша челоувѣцы паче тму, неже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла (Іоан. 3, 16—19).* Если Глаголющій: *не придохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ*, есть Тотже, Кто говоритъ: *видѣй Мя , видитъ Пославшаго Мя, Пришедшій же спасти міръ , а не осудитъ его , есть однородный Сынъ Божій; то явно, что и Глаголющій: видѣй Мя, видитъ Пославшаго Мя* есть тотже самый Сынъ. Ибо и Тотъ, Кто говоритъ: *вѣруй въ Мя* , и если кто не послушаетъ словесъ Моихъ, не Я сужду ему, есть тотже Сынъ , о Которомъ сказано сіе : *вѣруй въ Онъ, нѣсть осужденъ, а не вѣруй, уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя едиnorodнаго Сына Божіа. И еще : сей есть судъ невѣрующему въ Сына, яко свѣтъ прииде въ міръ и не увѣровали въ*

Него , очевидно , въ Сына. Ибо Онъ тотъ *свѣтъ* , иже просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка , грядущаго въ мiръ (Іоан. 1, 9.). И все то время, какъ пребывалъ Онъ на землѣ по вочеловѣченіи, свѣтъ былъ въ мiръ, какъ Самъ сказалъ: *дондеже Свѣтъ имате, въруй­те во Свѣтъ, да сынове Свѣта будете* (Іоан. 12, 36.). И : *Азъ свѣтъ въ мiръ придохъ* (16.). И такъ, въ-слѣдствіе доказаннаго явно, что Слово есть Сынъ. Если же Сынъ есть Свѣтъ, пришедшій въ мiръ, то неоспоримо , что мiръ получилъ бытіе чрезъ Сына. Ибо въ началѣ Евангелiя, говоря о Крестителѣ Іоаннѣ, Евангелистъ присовокупляетъ: *не бѣ той Свѣтъ, но да свидѣтельствуеть о Свѣтѣ* (Іоан. 1, 8.); по­тому что, какъ говорено прежде, самъ Христосъ *бѣ свѣтъ истинный , иже просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, грядущаго въ мiръ* (9.). Ибо если Онъ въ мiръ бѣ, и мiръ Тьмъ бысть (10.), то по необходимости Онъ же самый есть то Слово Божіе , о Которомъ сказалъ Евангелистъ: *во тьмъ быша* (3.). Или, ере­тики должны будутъ наименовать два мiра , такъ чтобы одинъ получилъ бытіе чрезъ Сына , а другой чрезъ Слово ; или , если мiръ одинъ и тварь одна , то слѣдуетъ одного и тогоже наименовать Сыномъ и Словомъ прежде всякой твари , потому что тварь чрезъ Него получила бытіе. Слѣдовательно , если , какъ Словомъ, такъ Сыномъ *вся быша* ; то не ока­жется противорѣчуцимъ , но одно и то же будетъ сказать: *въ началѣ бѣ Слово, въ началѣ бѣ Сынъ*.

Если же , поелику Іоаннъ не сказалъ : *въ началѣ бѣ Сынъ*, скажутъ, что неприлично Сыну приписуе­мое Слово ; то смотрите , и приписуемое Сыну не­прилично будетъ Слово. Доказано же , что Сынъ

говорить: *Азъ и Отецъ едино есма*, что Сынъ есть *сый въ лонѣ Отчи*, и Онъ же говоритъ: *видѣй Мя, видѣть Пославшаго Мя*. Общее, правда, отношеніе къ Слову и къ Сыну имѣеть сказанное: *міръ Тъмъ бысть* (Іоан. 1, 10.); почему и доказывается симъ, что Сынъ прежде міра; ибо Звждителю необходимо быть прежде созданнаго; но сказанное Филиппу, по ихъ разсужденію, относилось бы не къ Слову, а къ Сыну. Ибо сказано: *Рече Иисусъ, толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе: видѣвый Мене, видѣ Отца: и како глаголеши, покажи намъ Отца? Не въруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть? Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не глаголю: Отецъ же во Мнѣ пребываяй, той творитъ дѣла. Въруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ: аще же ни, за та дѣла стру имите Ми. Аминь аминь глаголю вамъ, въруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ: яко Азъ ко Отцу Моему гряду. И еже аще что просите во имя Мое, то сотворю: да прославится Отецъ въ Сынъ* (Іоан. 14, 9—15.). Итакъ, если Отецъ прославляется въ Сынъ, то Сынъ есть Глаголющій: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*. Онъ же говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца*. Ибо Тотъ самый, Который говоритъ сіе, доказываетъ о Себѣ, что Онъ—Сынъ, присовокупляя: *да прославится Отецъ въ Сынъ*. Поэтому, если говорятъ, что тотъ человекъ, котораго воспріяло на Себя Слово, есть Сынъ Божій едиnorodный, Слово же не есть Сынъ; то будетъ слѣдовать, что человекъ есть и Тотъ, Кто во Отцѣ, и въ Комъ Отецъ, человекъ есть и Тотъ, Кто *едино* есть со

Отцемъ, Кто въ лонѣ Отчи, Кто есть свѣтъ истинный. Принуждены же будутъ сказать, что симъ человѣкомъ *міръ бысть*, что сей же человѣкъ есть Пришедшій не судить міръ, но спасти его, что онъ есть *прежде даже Авраамъ не бысть*. Ибо сказано: *рече имъ Исусъ : аминь аминь глаголю вамъ , прежде даже Авраамъ не бысть , Азъ есмь* (Іоан. 8, 58.). Какая же несообразность, въ-слѣдствіе ихъ мудрованія, Тому, Кто произошелъ отъ Авраамова сѣмени чрезъ сорокъ два рода послѣ Авраама, сказать : *прежде даже Авраамъ не бысть , Азъ есмь*? Какая несообразность—если плоть, которую пріямъ на Себя Слово, сама есть Сынъ—сказать, что плоть отъ Маріи есть та самая, еюже *міръ бысть*? Какъ же объяснять сіе: *въ міръ бѣ* (Іоан. 1, 10.)? Ибо Евангелистъ, означая то, что предшествовало бытію Сына во плоти, присовокупилъ : *въ міръ бѣ*. Какъ же—если не Слово, но человѣкъ, есть Сынъ—можетъ Онъ спасти міръ, будучи и Самъ однимъ изъ сущихъ въ міръ? Если же и сіе не приводитъ въ стыдъ еретиковъ; то гдѣ будетъ Слово, когда человѣкъ во Отцѣ? Которымъ по числу Слово въ-отношеніи къ Отцу, когда человѣкъ и Отецъ едино суть? Если уже человѣкъ есть Единородный, то которымъ послѣ него будетъ Слово? Развѣ скажетъ иной, что Слово есть второе по Единородномъ. Или, если Оно выше Единороднаго, то Само есть Отецъ. Ибо, какъ Отецъ единъ, такъ и единородное отъ Него едино же. Чѣмъ же и пренуждаетъ Слово предъ человѣкомъ, когда Слово даже не Сынъ? Хотя написано, что и Сыномъ и Словомъ *міръ бысть*, что общее есть Сыну и Слову созидать міръ; но видѣть

Отца приписано уже не Слову, а Сыну, и спасается міръ, по сказанному, уже не Словомъ, но едиnorodнымъ Сыномъ. Ибо сказано: *рече Иисусъ, толико время съ вами есмь, и не позналъ ли еси Мене Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца.* И Отца знаетъ, по написанному, не Слово, но Сынъ; потому что видитъ Отца, какъ сказано, не Слово, но едиnorodный Сынъ, *сый въ лоно Отчи.* Чтò же преимущественнаго предъ Сыномъ привноситъ къ нашему спасенію Слово, если, по словамъ ихъ, иный есть Сынъ, и иный есть Слово? Намъ дапо повелѣніе вѣровать не въ Слово, но въ Сына. Ибо Іоаннъ говоритъ: *вѣруй въ Сына, имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота* (Іоан. 3. 36.). И святое крещеніе, на которомъ держится составъ всей нашей вѣры, преподается не въ Слово, но въ Отца и Сына и Святаго Духа. Посему, ежели, по словамъ ихъ, иный есть Слово, и иный есть Сынъ, и Слово—не Сынъ; то крещеніе не имѣетъ никакого отношенія къ Слову. Поэтому, какже, по ученію ихъ, Слово соприсуще Отцу, не будучи соприсущимъ Ему въ даяніи крещенія?

Но, можетъ быть, скажутъ, что въ имени Отца заключается и Слово. Итакъ, почему же не заключается и Духъ? Или Духъ внѣ Отца? И человѣкъ, такъ какъ Слово—не Сынъ, пменуется послѣ Отца, а Духъ послѣ человѣка? И даже еще, по ученію ихъ, Единица расширяется не въ Троицу, но въ четверицу: въ Отца, въ Слово, въ Сына, въ Духа Святаго?

Пристыждаемые симъ, прибѣгаютъ они къ другому, и говорятъ, что не самъ по себѣ—человѣкъ,

котораго воспріялъ на Себя Господь, но то и другое вмѣстѣ, и Слово и человѣкъ, есть Сынъ ; ибо то и другое въ соединеніи, какъ говорятъ они, именуется Сыномъ. Посему, что же чего виною, и кто кого содѣлалъ Сыномъ? Или, скажу яснѣе, ради ли плоти Слово есть Сынъ, или ради Слова плоть называется Сыномъ? Или ни Слово, ни плоть, а только соединеніе обоихъ именуется Сыномъ? Итакъ, если Слово ради плоти, то необходимо плоти быть Сыномъ ; и слѣдствіемъ сего будутъ тѣже несообразности, какія, по сказанному прежде, вытекаютъ изъ наименованія человѣка Сыномъ. Если же ради Слова плоть именуется Сыномъ, то, конечно, и прежде плоти существе Слово было Сыномъ. Ибо какъ можно кому-либо усыновлять другихъ, самому не будучи Сыномъ, особливо когда есть Отецъ? Посему, если Себѣ усыновляетъ, то само Оно—Отецъ ; а если Отцу, то необходимо самому быть Сыномъ, особливо же быть Сыномъ Тому, Кѣмъ другіе усыновляются. Ибо если, когда Слово—не Сынъ, мы бываемъ сынами, то Богъ нашъ, а не Его Отецъ. Почему же Себѣ паче присволяетъ, говоря: *Отецъ Мой* (Іоан. 5, 17.), и : *Азъ отъ Отца* (Іоан. 16, 28.)? Если Богъ—общій всѣхъ Отецъ ; то не Его только Отецъ, и не одно Слово изшло отъ Отца.

Писаніе говоритъ иногда, что Богъ именуется и нашимъ Отцемъ, потому что Слово приобщилось нашей плоти. Ибо для сего Слово плоть бысть, чтобы, поелику Слово есть Сынъ, по причинѣ обитающаго въ насъ Сына, Богъ именовался и нашимъ Отцемъ. Сказано: *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца наша, вопіюща : Авва Отче* (Гал. 4, 6.).

Итакъ , Сынъ , въ насъ призывающій собственнаго Своего Отца, дѣлаетъ, что именуется Онъ и нашимъ Отцемъ. Конечно же, у кого въ сердцѣ нѣтъ Сына, Отцемъ того не именуется Богъ. Итакъ, если ради Слова человекъ называется Сыномъ, то, поелику и до вочеловѣченія ветхозавѣтные назывались сынами, по всей необходимости, Слову должно быть Сыномъ и прежде пришествія. Сказано: *сыны родихъ* (Исаин 1, 2.); и при Ноѣ: *видѣвши же сынове Божіи* (Быт. 6, 2.); и въ Пѣснѣ: *не самъ ли сей Отець твой* (Второз. 32, 6.). А поэтому, былъ и истинный Сынъ, ради Котораго и они были сынами.

Если же опять, по словамъ еретиковъ, ни Слово, ни плоть не именуется Сыномъ, дается же сіе именованіе ради соединенія обоихъ, то по необходимости ни то, ни другое, то-есть, ни Слово, ни человекъ, не есть Сынъ; будетъ же Сыномъ какая ни есть причина, ради которой они соединены. Такимъ образомъ, предшествовать будетъ причина сочетанія, которая творить Сына. Слѣдовательно, и посему Сынъ былъ прежде плоти.

Послѣ сихъ разсужденій прибѣгаютъ они къ другому предположенію, говоря, что не человекъ есть Сынъ, и не то, ни другое вмѣстѣ, но Слово. Въ началѣ Оно есть просто Слово, а когда вочеловѣчилось, тогда наименовано Сыномъ; ибо до явленія во плоти нѣтъ Сына, а есть только Слово. И какъ Слово плоть бысть, не бывъ прежде плотию, такъ Слово содѣлалось и Сыномъ, не бывъ прежде Сыномъ. Таковы суесловныя предположенія еретиковъ; и служащее къ ихъ опроверженію само собою ясно. Если Слово, вочеловѣчившпсь, содѣлалось совершенно

Сыномъ, то причина—вочеловѣченіе. Если же чело-
вѣкъ, или то и другое вмѣстѣ, причиною тому, что
Слово есть Сынъ; то встрѣтятся прежнія несообраз-
ности. Притомъ, если первоначально—Слово, а въ-по-
слѣдствіи—Сынъ; то окажется Оно въ-послѣдствіи,
а не первоначально, познавшимъ Отца; потому что
знаетъ Отца не Слово, но Сынъ: *никтоже знаетъ*
Отца, токмо Сынъ (Матѹ. 11, 27.). Встрѣтятся же
и слѣдующее: Слово въ-послѣдствіи стало въ *лонѣ*
Отца; въ-послѣдствіи Оно и Отецъ содѣлались *еди-*
но; въ-послѣдствіи стало имѣть мѣсто и сіе: *видѣ-*
вый Мене, видѣ Отца; потому что все сіе сказано
о Сынѣ. А въ-слѣдствіе сего вынуждены будутъ
сказать, что Слово было не что-либо иное, а одно
только имя; потому что ни въ насъ не было Его со
Отцемъ, ниже *видѣвый* Слово усматривалъ Отца,
ниже вообще къ-либо познаваемъ былъ Отецъ.
Ибо Отецъ познается чрезъ Сына, какъ и написано:
и емуже аще Сынъ откроетъ (Матѹ. 11, 27.); когда
же Слово не было еще Сыномъ,—никто не зналъ
Отца. Поэтому, какъ же Богъ являлся Моисею и
Отцамъ? Ибо Самъ говоритъ въ книгѣ Царствъ:
открываяся открыхся всѣмъ отцамъ вашимъ (1 Цар.
2, 27.). А если Богъ открывался, то явно, что От-
крывающій былъ Сынъ, какъ Самъ говоритъ: *и ему-*
же аще Сынъ откроетъ. Посему, нечестиво и нера-
зумно—говорить, что иной есть Слово, и иной—
Сынъ.

Но хорошо спросить еретиковъ: откуда у нихъ
такое предположеніе? Скажутъ, конечно: «въ Ветхомъ
Завѣтѣ не говорится о Сынѣ, говорится же о Словѣ;
это утверждаетъ въ томъ предположеніи, что Сынъ

позднѣ Слова , потому что о Сынѣ сказано не въ Ветхомъ , а въ одномъ Новомъ Заветѣ ». Вотъ что говорятъ они въ своемъ злочестіи. Во-первыхъ , раздѣлять Заветы и говорить , что одинъ съ другимъ не въ связи , есть дѣло манихеевъ и іудеевъ , изъ коихъ одни оспариваютъ Ветхій , а другіе Новый Заветъ . Потомъ , по словамъ ихъ , если заключающееся въ Ветхомъ Заветѣ предшествуетъ по времени , а содержащееся въ Новомъ есть позднѣйшее , и симъ определяется время въ Писаніяхъ ; то по необходимости опять должно разумѣть о позднѣйшемъ времени сіи изреченія : *Азъ и Отецъ едино есма ; и : Единородный и : видѣвый Мене , видѣ Отца ;* потому что свидѣтельствуется сіе не Ветхимъ , а Новымъ Заветомъ . Но , впрочемъ , положеніе еретиковъ неверно , истинно же то , что и въ Ветхомъ Заветѣ многократно говорится и о Сынѣ , наприкладъ : во второмъ псалмѣ : *Сынъ Мой еси Ты , Азъ днесъ родихъ Тя* (Псал. 2, 8.) , и въ написаніи девятого псалма : *въ конецъ , о тайныхъ Сына , Псаломъ Давиду ;* и въ псалмѣ сорокъ четвертомъ : *въ конецъ , о измѣняемыхъ сыномъ Кореовымъ въ разумъ , пѣснь о возлюбленнымъ ;* и у Исаіи : *Воспою Возлюбленному пѣснь Возлюбленнаго винограду моему . Виноградъ бысть Возлюбленному* (Исаіи 5, 1.) . Кто же сей Возлюбленный , какъ не Сынъ единородный ? Такъ и въ псалмѣ сто девятомъ сказано : *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя* (Псал. 109, 3.) , о чемъ говорено будетъ въ-послѣдствіи ; и въ Притчахъ : *прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ Мл* (Притч. 8, 5.) ; и у Даніила : *зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію* (Дан. 3, 92.) ; есть и многія другія изреченія . Итакъ , если

Handwritten notes in the right margin, including the word "Handwritten" and some illegible scribbles.

Ветхимъ Завѣтомъ доказывається древность ; то древень будетъ и Сынъ , ясно проповѣдуемый во многихъ мѣстахъ и Ветхаго Завѣта.

Да, говорятъ они : « и тамъ упоминается о Сынѣ, но пророчески ». Посему, можно сказать , что и о Словѣ говорится пророчески. Ибо нельзя сказать, что одно говорится такъ, а другое иначе. Если о будущемъ сказано : *Сынъ Мой еси Ты* , то явно , что о будущемъ же говорится и сіе: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Псал. 32, 6.). Ибо не сказалъ Давидъ : *быша* , или *сотворилъ*. А что реченіемъ : *утвердилъ* означается будущее, то сказано: *Господь воцарися* , и потомъ : *ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал. 92 , 1.). И если въ сорокъ четвертомъ псалмѣ о *Возлюбленномъ* говорится о будущемъ, то явно, что будущее означается и присовокупленнымъ: *отрыгну сердце Мое Слово благо*. И если реченіе : *изъ чрева* употреблено о чловѣкѣ ; то слѣдуетъ, что о чловѣкѣ же разумѣть должно и реченіе : *отъ сердца*. Если чрево есть нѣчто чловѣческое , то и сердце есть нѣчто тѣлесное. А если реченіе : *отъ сердца* означаетъ вѣчное , то и реченіемъ : *изъ чрева* означается вѣчное. И если Единородный—въ лонѣ, то и Возлюбленный—въ лонѣ; потому что реченія : Единородный и Возлюбленный значать одно и тѣже. Напримѣръ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. 3, 17.). Ибо не съ намереніемъ выразить любовь сказалъ : *возлюбленный*, иначе, подалъ бы мысль, будто ненавидитъ другихъ; но выразилъ симъ единородность , желая показать , что Онъ одинъ отъ Него. Такъ Слово, желая означить Аврааму единородность, говорить: *поими Сына*

твоего возлюбленнаго (Быт. 22, 2.) ; всякому же извѣстно, что отъ Сарры—только одинъ Исаакъ. Итакъ, Слово есть Сынъ, не недавно произшедшій или наименованный Сыномъ, но Сынъ всегда сущій. Ибо, если не Сынъ, то и не Слово; и если не Слово, то и не Сынъ. Чтò отъ Отца, тò есть Сынъ. Чтò же отъ Отца, кромѣ Слова, изшедшаго отъ сердца и рожденнаго изъ чрева? Отець—не Слово, и Слово—не Отець, но одинъ—Отець, другой—Сынъ, одинъ раждаетъ, другой раждается.

Посему, безумствуетъ Арій, говоря, что Сынъ изъ не-сущихъ, и было, когда Его не было. Безумствуетъ и Савелій, говоря, что Отець есть Сынъ, и наоборотъ, Сынъ есть Отець, едино по упостаси и два по имени. Безумствуетъ и тотъ, кто представляетъ въ примѣръ благодать Духа, и говоритъ : « какъ есть раздѣленіе дарованій, но Духъ одинъ и тотже, такъ и Отець хотя одинъ и тотже, но расширяется въ Сына и Духа ». Такое ученіе исполнено несообразностей. Ибо, если, какъ сказано о Духѣ, такъ разумѣть и о Богѣ; то Отець будетъ и Слово и Святой Духъ, для одного бывая Отцемъ, для другаго Словомъ, а для инаго Духомъ, сообразно съ потребностію каждаго; и хотя по имени Онъ—Сынъ и Духъ, но въ дѣйствительности только Отець; какъ имѣеть начало бытію Сыномъ, такъ перестаетъ именоваться Отцемъ, воочеловѣчился только по имени, а по истинѣ не приходилъ на землю, и ложно говоритъ : *Азъ и Отець*; потому что въ дѣйствительности это—самъ Отець. Отсюда же вытекають и всѣ прочія несообразности Савелліева мудрованія. Необходимо же прекратиться и самому

иени Сына и Духа, по удовлетвореніи потребности. Все совершающееся уже будетъ одна игра ; потому что являлось не въ дѣйствительности, а только подъ ииенемъ. А съ прекращеніемъ, по ученію ихъ, ииени Сына прекратится и благодать крещенія ; потому что дана ради Сына. И что за симъ послѣдуетъ , какъ не уничтоженіе твари ? Ибо , если для того , чтобы мы были сотворены, произошло Слово, и поелику Оно произошло , то мы существуемъ ; явствуетъ, что, какъ говорятъ еретики , по возвращеніи Сына въ Отца , не будемъ уже существовать. Потому что тогда все будетъ тѣмъ, чѣмъ было , а слѣдовательно, и насъ не будетъ, какъ и прежде не было ; поелику Слово болѣе не происходитъ , то не будетъ болѣе и твари. Столько въ семъ несообразностей.

А что Сынъ не имѣетъ начала бытію, но всегда и до вочеловѣченія пребывалъ у Отца, ясно выражаетъ это Іоаннъ въ первомъ Посланіи, говоря такъ: *еже бѣ исперва, еже слышхомъ, еже видѣхомъ очима нашими, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ: и животъ явися намъ, и видѣхомъ, и свидѣтельствуемъ, и возвыцаемъ вамъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ* (1 Іоан. 1, 1. 2.). Сказавъ здѣсь, что Животъ вѣчный не произошелъ, но бѣ у Отца, въ концѣ Посланія онъ говоритъ, что животъ сей есть Сынъ; пишетъ же такъ: И да будемъ во истиннѣмъ, въ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ, и животъ вѣчный (3, 20.). Если же Сынъ есть жизнь, и жизнь у Отца, и если Сынъ бѣлъ у Отца, говоритъ же самъ Іоаннъ: *и Слово бѣ къ Богу;*

то Сынъ есть Слово, всегда сущее у Отца. А какъ Сынъ есть Слово, такъ Богъ есть самъ Отецъ. Но и Сынъ, по слову Иоаннову, есть не просто Богъ, но Богъ истинный, а по егоже слову, и Богъ бѣ Слово (Иоан. 1, 1.), и Сынъ говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Иоан. 14, 6.). Слѣдовательно, Сынъ есть Слово и жизнь, сущая у Отца. И еще, сказанное у тогоже Иоанна: *единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи* (1, 18.) показываетъ, что Сынъ существуетъ всегда. А Кого Иоаннъ именуетъ Сыномъ, Того Давидъ восхваляетъ, называя рукою и говоря: *вскую отвращаеши руку Твою и десницу Твою отъ среды нѣдра Твоего* (Псал. 73, 11.)? Итакъ, если рука въ нѣдрѣ, и Сынъ въ лонѣ; то Сынъ есть рука, и рука есть Сынъ, и Имъ все сотворилъ Отецъ. Ибо сказано: *рука Твоя сотвори сія вся* (Исаи 41, 20.); и: *рукою извелъ еси люди* (Вар. 2, 11.), слѣдовательно, извелъ Сыномъ. Если же сказано: *и сія измѣна десницы Вышняго* (Псал. 76, 11.), и еще: *въ конецъ, о измѣняемыхъ, пѣснь о Возлюбленномъ* (Псал. 44, 1.); то слѣдуетъ, что измѣненная рука есть Тотъ Возлюбленный, о Которомъ говоритъ Божественный гласъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*. Одно и тоже значитъ: сія рука Моя, и: Сей Сынъ Мой.

Поелику же нѣкоторые изъ невѣждъ, отрицая бытіе Сына, не придають важности сказанному: изъ чрева прежде денницы родиъ Тя (Псал. 109, 3.), и, какъ-будто можетъ сіе быть прилагаемо къ Маріи, говорятъ, что «родился Онъ отъ Маріи прежде звѣзды утренней, Богу же приписывать чрево неприлично»; то необходимо—сказать кратко и на сіе. Если чрево есть нѣчто человѣческое, и потому чуждо Богу;

то лвно, что и сердце означаетъ нѣчто человѣческое, потому что ивъищему сердце слѣдуетъ имѣть и чрево. А поелику то и другое есть человѣческое, то или необходимо отрицать то и другое, или надобно поискать значенія того и другаго. Ибо какъ отъ сердца слово, такъ изъ чрева рожденіе, и какъ, если говорится о сердцѣ Божіемъ, представляемъ себѣ не человѣческое сердце, такъ, если Писаніе говоритъ: *изъ чрева*, должно понимать не тѣлесное чрево. Божественное Писаніе обыкновенно по-человѣчески выражаетъ и объясняетъ и то, чтѣ выше чловѣка. И, конечно, описывая твореніе, говоритъ: *руцъ Твои сотвори стль мя, и создастль мя* (Псал. 118, 73.), и: *рука Моя сотвори вся сія* (Исаи 66, 2.), и: *Той повелъ, и создашася* (Псал. 32, 9.); и о каждомъ предметѣ выражаясь прилично, о Сынѣ даетъ разумѣть Его свойствѣ со Отцемъ и преискренность, о твари же начало ея бытія; потому что тварей Богъ творитъ и созидаетъ, а Сына—Слово и Премудрость раждаетъ отъ Себя. Но чрево и сердце выражаютъ свойствѣ со Отцемъ и преискренность; потому что и мы раждаемое имѣемъ изъ чрева, а дѣла совершаемъ рукою.

Посему, чтоже значтъ, говорятъ, *прежде денницы*? Отвѣчу на сіе: если реченіе: *прежде денницы* указываетъ на чудное рожденіе Его отъ Маріи, то и другіе многіе родились прежде восхожденія сей звѣзды. Посему, чтоже удивительнаго скажется о Немъ, и почему о томъ, чтѣ есть общее для многихъ, Писаніе упоминаетъ какъ о чемъ-то исключительномъ? Притомъ, есть разность въ выраженіяхъ: раждать и изводить. Въ реченіи: раждать заключаетъ

ся помятіе о началѣ произведенія, а изводить значитъ не иное что, какъ производить уже существующее. Посему, если реченіе сіе относите къ тѣлу; то должно знать, что не тогда получило оно начало бытія, когда было благовѣстіе пастырямъ ночью, но когда Ангелъ вѣщалъ Дѣвѣ. Тогда же была не ночь, потому что не сказано сего. Но была ночь, когда изшелъ изъ чрева. Сію разность постаеляетъ на видѣ Писаніе, и одно называетъ рожденіемъ прежде денницы, а другое именуется нѣшествіемъ изъ чрева, какъ въ псалмѣ двадцать первомъ: *Ты еси неоторгій мя изъ чрева* (Псал. 21, 10.). Притомъ же, не сказалъ: прежде восхожденія денницы, но просто: *прежде денницы*. Посему, если изреченіе сіе понимать о тѣлѣ, то необходимо тѣлу быть прежде Адама, потому что звѣзды прежде Адама. Или надобно доискаться смысла въ семъ письмени, и сіе можемъ заимствовать у Іоанна. Въ Апокалипсисѣ сказано: *Азъ есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній, начатокъ и конецъ. Блажени разширившіи ризы свои, да будетъ область имъ на древо животное, и враты внидутъ во градъ. Внѣ пси и чародѣи, и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякъ творяй и любяй лжу. Азъ Іисусъ послахъ Ангела Моего засвидѣтельствовати вамъ сія въ церквахъ. Азъ есмь корень и родъ Давидовъ, и звѣзда свѣтлая и утренняя. И Духъ и невѣста глаголютъ: прійди: и слышай да глаголетъ: прійди. И жаждай да прійдетъ, и хотѣй да приметъ воду животную туне* (Апок. 22, 13—17.). Итакъ, если родъ Давидовъ есть звѣзда свѣтлая и утренняя; то, явно, денницею названо явленіе Спасителя во плоти,

которому предшествовало рожденіе отъ Бога. Почему, сказанное въ псалмѣ значитъ какбы сіе: «изъ Себя самого родилъ Я Тебя прежде явленія во плоти»; потому что выраженіе: прежде денницы значитъ тоже, что и: прежде воплощенія Слова.

Слѣдовательно, и въ Ветхомъ Заветѣ есть мѣста, ясно говорящія о Сынѣ, хотя и излишнее дѣло сомнѣваться въ этомъ. Ибо, если, чего не сказано въ Ветхомъ Заветѣ, все то есть новѣйшее; то пусть скажутъ сіи любопрители, гдѣ въ Ветхомъ Заветѣ говорится о Духѣ Утѣшителѣ? Сказано, правда, о Духѣ Святомъ, но объ Утѣшителѣ нигдѣ. Ужели же поэтому иный есть Духъ Святой, а иный—Утѣшитель, и притомъ Утѣшитель, поелику не упоминается въ Ветхомъ Заветѣ, есть нѣчто новое? Но да не будетъ того, чтобы или Духа именовать новымъ, или разделять Его, и одного называть Духомъ Святымъ, а другаго — Утѣшителемъ! Одинъ и тотже есть Духъ, и тогда и нынѣ освящающій и утѣшающій приемлющихъ Его, какъ одно и тоже Слово — Сынъ, и тогда еще приводившее достойныхъ въ synopоложеніе; потому что и въ Ветхомъ Заветѣ были сыны, усыновленные не чрезъ кого-либо другаго, но чрезъ Сына. Ибо если Сынъ Божій не былъ и прежде Маріи, то какъ же Онъ прежде всѣхъ, когда прежде Его есть сыны? Почему и Первородный, оказываясь позднѣйшимъ многихъ? Но и Утѣшитель не позднѣе другихъ, потому что былъ прежде всѣхъ, и Сынъ не новъ, потому что *въ началѣ бѣ Слово.* И какъ одно и тоже — Духъ и Утѣшитель, такъ одно и тоже — Сынъ и Слово. И какъ Спаситель о Духѣ, не разделяя, но разумѣя одно и тоже, говоритъ: *Утѣши-*

тель же, *Духъ Святой*, Егоже послеть Отець во имя Мое (Іоан. 14, 26.); такъ, подобно сему выражаясь, Іоаннъ говоритъ: и Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца (Іоан. 1, 14.); ибо и здѣсь не раздѣлилъ, но засвидѣтельствовалъ тождество. Какъ не иный—Утѣшитель, а иный—Духъ Святой, но одинъ и тотже, такъ не иный—Слово, а иный—Сынъ, но Слово есть Единородный; потому что Евангелистъ говоритъ не о славѣ плоти, но о славѣ Слова. Посему, кто осмѣливается раздѣлять Слово и Сына, тотъ пусть раздѣляетъ Духа и Утѣшителя. Если же нераздѣленъ Духъ, то нераздѣльно и Слово; Оно само есть Сынъ, и Премудрость, и Сила.

Что же касается до реченія: *возлюбленный*, то и свѣдущимъ въ слововыраженіи елиномамъ извѣстно, что оно равнозначительно реченію: *единородный*. Ибо Омиръ о Телемакѣ, единородномъ сынѣ Одиссея, во второй книгѣ Одиссеи говоритъ:

«Что же ты, милое чадо, на сердцѣ мысли такіа
«Держишь? зачѣмъ еще хочешь идти въ отдаленную землю?
«Вотъ, одинъ ты, возлюбленный нашъ. Вдали отъ отчизны
«Богорожденный погибъ Одиссей у народовъ безвѣстныхъ».

Итакъ Телемакъ, будучи одинъ у отца, именуется возлюбленнымъ.

Нѣкоторые изъ послѣдователей Самосатскаго, отдѣляя Слово отъ Сына, говорятъ, что Сынъ есть Христось, иный же есть Слово, и въ предлогъ сему берутъ мѣсто изъ Двѣний, и что Петръ сказалъ прекрасно, то понимаютъ они худо: *Слово посла сыномъ Израилевымъ, благовѣствуя миръ, Іисусъ*

Христомъ, Сей есть всѣмъ Господь (Дьян. 10, 36.). Ибо говорятъ: «Слово въщало чрезъ Христа, какъ и о Пророкахъ говорится: *сія же глаголетъ Господь*: но иный былъ Пророкъ, и иный—Господь». На сіе можно возразить подобнымъ же мѣстомъ въ первомъ Посланіи къ Коринѣянамъ: *чающимъ откровенія Господа нашего Исуса Христа, Иже и утвердитъ васъ даже до конца неповинныхъ въ день Господа нашего Исуса Христа* (1 Кор. 1, 7.). Какъ не иный Христось утверждаетъ день инаго Христа, но Самъ въ день Свой утверждаетъ чающихъ; такъ Отець послалъ Слово, содѣлавшееся плотию, чтобы самъ собою проповѣдовалъ произшедшій человекъ. Потому и присовокупляетъ Апостолъ непосредственно за сямъ: *Сей есть всѣмъ Господь*. Господь же всѣхъ есть Слово. *И рече Моисей Аарону: приступи ко алтарю, и сотвори еже грѣха ради твоего, и все-сожженіе твое, и помолися о себѣ, и о домъ тво-емъ: и сотвори дары людскія и помолися о нихъ, якоже заповѣда Господь Моисею* (Лев. 9, 7.). Вотъ и здѣсь, хотя Моисей одинъ, какбы о другомъ Моисеѣ говоритъ Моисей: *якоже заповѣда Господь Моисею*. Такъ, если блаженный Петръ говоритъ о Божіемъ Словѣ, посланномъ сынамъ израилювымъ Исусъ-Христомъ, то надобно разумѣть не инаго подъ именемъ Слова, а инаго подъ именемъ Христа, но одного и тогоже по причинѣ единенія въ Божественномъ и человѣколюбивомъ Его снисхожденіи и вочеловѣченіи. Если же понимается и двойственно, то безъ отдѣленія Слова, какъ сказалъ и божественный Іоаннъ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны*. По-сему, хорошо и правильно сказанное блаженнымъ

Петромъ худо и превратно понимая, послѣдователи Самосатскаго не стоятъ во истинѣ. Въ божественномъ Писаніи подѣ именемъ: Христосъ разумѣется то и другое вмѣстѣ, напримѣръ, когда говорится: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). Поэтому, если Петръ говоритъ, что Слово послано къ сынамъ израилевымъ Исусъ-Христомъ, то пусть разумѣется сіе въ томъ значеніи, что сынамъ израилевымъ явилось воплотившееся Слово, чтобы сіе согласно было съ сказаннымъ: и *Слово плоть бысть*. Если же понимаютъ иначе, и Слово исповѣдуя Божиимъ, каково Оно и есть, воспринятаго Имъ на Себя чловѣка, съ которымъ, какъ вѣруемъ, соединилось Оно, отдѣляютъ отъ Него, говоря, что «послано Оно Исусъ-Христомъ; то не понимаютъ они, что сами себѣ противорѣчатъ. Ибо разумѣютъ здѣсь Божіе Слово въ-отдѣльности отъ Божественнаго воплощенія, и потому умаляютъ оное, слыша, что *Слово плоть бысть*, и рассуждаютъ уже по-язычески, потому что дѣйствительно предполагаютъ, будто бы Божественное воплощеніе есть измѣненіе Слова. Но измѣненія нѣтъ. Да не будетъ сего! Какъ Іоаннъ проповѣдуетъ здѣсь неизреченное единеніе, послѣ того какъ мертвенное пожерто жизни, и жизнию источною, какъ сказалъ Господь Марѣ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 11, 25.): такъ и блаженный Петръ, когда говоритъ, что Слово послано Исусъ Христомъ, означаетъ симъ Божественное единеніе. Какъ тотъ, кто слышитъ, что *Слово плоть бысть*, не подумаетъ, что нѣтъ уже болѣе Слова (что, по сказанному прежде, нѣспо); такъ и тотъ, кто слышитъ, что Слово сочеталось съ пло-

тію, да разумѣть одну и простую Божественную тайну. Но яснѣ и несомнѣннѣ всякаго умствованія покажетъ единство Бога-Слова и чловѣка сказанное Архангеломъ самой Богородицѣ; ибо говоритъ: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осянеть Тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій* (Лук. 1, 35.). Поэтому, послѣдователи Самосатскаго неразумительно отдѣляютъ Слово, когда ясно доказано, что Оно соединилось съ чловѣкомъ отъ Маріи. Не Онъ посланъ Словомъ, но обитающее въ Немъ Слово посылало, говоря: *идеши научите вся языки* (Мате. 28, 19.). И нерѣдко въ Писаніи выражается рѣчь нестрога и просто. Такъ, иный и въ книгѣ Числъ найдетъ; сказано: *рече Моисей Рагуилу мадіанитину, тестю Моисееву* (Числ. 10, 29.). Не иный Моисей говоритъ это, иный же тотъ, кому Рагуиль былъ тестемъ, но Моисей одинъ и тотже. Если подобнымъ образомъ Слово Божіе называетъ Себя Премудростію, силою, десницею, мышцею и другими такими же именами, и если по чловѣколюбію входитъ въ единеніе съ нами, облакаясь въ нашъ начатокъ и съ нимъ срастворяясь; то слѣдуетъ, что одно и тоже Слово по справедливости пріямю на Себя и прочія именованія. Сказанное Іоанномъ: *въ началѣ бѣ Слово*, и Оно *бѣ къ Богу*, и есть самъ Богъ, и *вся Тѣмъ*, и *безъ Него ничтоже бысть*, ясно показываетъ, что и чловѣкъ есть созданіе Божія Слова. Посему, если, пріемля на Себя сего воплощеннаго, пакъ обновляетъ его обновленіемъ твердымъ къ нескончаемому пребыванію, и сего ради соединяется съ нимъ, возводя его къ Божественному жребію; то

можно ли сказать, что Слово послано человекомъ отъ Маріи, и Господа Апостоловъ сопричислить къ прочимъ Апостоламъ, то-есть, къ посланнымъ Имъ Пророкамъ? Какъ простой человекъ можетъ быть названъ Христомъ? Но, соединясь съ Словомъ, справедливо называется Христомъ и Сыномъ Божіимъ, какъ древле Пророкъ ясно провозгласилъ въ Немъ Отчую упостась, и сказалъ о Немъ: *послю Сына Моего Христа*. И на Иорданѣ возвъщено: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*. Ибо, исполнивъ обътованіе, Отецъ не безъ причины указалъ, что Онъ—Тотъ самый, Котораго обътовалъ послать.

Посему, подъ именемъ Христа разумѣемъ и то и другое вмѣстѣ, то-есть, Божіе Слово, соединенное въ Маріи съ Тѣмъ, Кто отъ Маріи; ибо въ утробѣ Ея Слово создало Себѣ домъ, какъ и вначалѣ изъ земли Адама, или лучше сказать, божественнаго сего. О семъ и Соломонъ, ясно зналъ, что Слово называется и Премудростию, говорить: *Премудрость созда Себѣ домъ* (Притч. 9, 1.); Апостолъ же, объясняя это, сказуетъ: *Егоже домъ мы есмы* (Евр. 3, 6.); а въ другомъ мѣстѣ называетъ тотже домъ храмомъ, потому что Богу прилично—обитать во храмѣ, образъ котораго повелѣлъ ветхозавѣтнымъ создать чрезъ Соломона изъ камней: почему съ явленіемъ истины образъ преталъ. Ибо когда неблагодарные вознамѣрились утверждать, что образъ есть самая истина, разорить же истинный храмъ, который, какъ твердо вѣруемъ, есть единеніе Божества и человечества; тогда не угрожалъ имъ, но, зная, что отваживаются они возставать сами противъ себя, говорить: *разорите церковь сію, и трети днми воз-*

двигну ю (Іоан. 2, 19.). А симъ ясно показаль Спаситель нашъ , что все замышляемое **Людми** скоро приходитъ въ разореніе. Ибо *еще не Господь созиждетъ домъ , и сохранитъ градъ , всеу трудишася зиждущи, и бдѣша стрегущи* (Псал. 126, 1.). Поэтому, іудейское рушилось, такъ какъ было тѣнь; а Церковь утвердилась, потому что основана на камени, и *врата адова не одолгють ей* (Матѣ. 16, 18.). Іудеямъ свойственно было говорить : какъ *Ты чело-вѣкъ сый твориши Себе Бога* (Іоан. 10, 33.)? А Самосатскій—ихъ ученикъ. Потому (что и естественно) преподаетъ своимъ , чему научился самъ. Но мы не такое свѣдѣніе имѣемъ о Христвъ , если Его самого слушали и у Него научились, отложивъ *ветхаго чело-вѣка, тльющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, облекшись же въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобиі истины* (Ефес. 4, 22—24.). Посему, благочестно представляй себѣ, что Христось есть то и другое вмѣствъ. Если же Писаніе во многихъ мѣстахъ и тѣлю Христово называетъ Христомъ , на-примѣръ , когда блаженный Петръ говоритъ Корне-лію: *Исуса, иже отъ Назарета, Егоже помаза Богъ Духомъ Святымъ* (Дѣян. 10, 38.), и также іудеямъ: *Исуса Назореа , мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ* (Дѣян. 2, 22.); а еще и блаженный Павелъ—Аен-нянамъ : *о Мужъ , Егоже представи , вѣру подаа пствъ , воскресивъ Его отъ мертвыхъ* (Дѣян. 17, 31.); находимъ же, что извѣствованіе и посланіе во многихъ мѣстахъ значать одно и тоже съ помазаніемъ ; посему, желающему можно изъ сего уразу-мѣть, что нѣтъ никакого разногласія въ словахъ Свя-тыхъ , но различно именуютъ они соединеніе Бога—

Слова съ чeлoвѣкомъ отъ Маріи , а имено, иногда помазаніемъ , иногда посланіемъ , а иногда извѣствованіемъ : то сказанное блаженнымъ Петромъ имѣетъ правый смыслъ и проповѣдуетъ истинное Божество Единороднаго , не разлучая Бога—Слова съ чeлoвѣкомъ отъ Маріи. Да не будетъ сего! Ибо какъ сталъ бы разлучать тотъ , кто многократно слышалъ : *Азъ и Отець едино есма, и: видѣвый Мене, видѣ Отца?* Посему и по воскресеніи тоже тѣло, *дверемъ затвореннымъ*, входитъ въ общее собраніе Апостоловъ, и что представлялось въ семъ невѣроятнаго , разрешаетъ , сказавъ : *осяжите Мя и видите : яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лук. 24, 39.). Не сказалъ : осяжите сіе тѣло , или чeлoвѣка Мною воспріятого, но: *Мя*. Почему, никакого извиненія не возможетъ найдти Самосатскій , отрицающій единеніе Бога—Слова при свидѣтельствѣ столь многихъ и самого Бога—Слова , Который ко всемъ обращаетъ Свое благовѣстіе, удостовѣряя вкушеніемъ пици и дозволеніемъ осязать Его , чтѣ конечно и было сдѣлано , потому что когда подавалъ Онъ, или подавали Ему пицу, несомнѣнно, касались рукъ. Сказано : *они же даша Ему рыбы печены часть и отъ пчель сотъ*, и ядя предъ ними, и пріявъ остальное, отдалъ имъ (Лук. 24, 42. 43.). Итакъ вотъ , если не какъ осязалъ Его Фoма , то инымъ способомъ осязаемый , удостовѣрилъ ихъ. Если же хочешь видѣть и язвы , то научись у Фoмы ; ибо сказано ему : *принеси руку твою, и вложи въ ребра Моя, и принеси персть твой, и виждь руцъ Мои* (Иоан. 20, 27.). Своими пменуя ребра и руки , Богъ—Слово показуетъ всего Себя—вмѣстѣ и чeлo-

вѣка и Бога ; потому что Слово , какъ можно понимать , даетъ теперь ощутить Себя святымъ посредствомъ тѣла , когда входитъ *дверемъ затвореннымъ* , внезапно представъ съ тѣломъ и давая имъ удостовѣриться .

Сіе да будетъ сказано , какъ достаточное къ утверженію вѣрныхъ и къ исправленію невѣрныхъ . Да вразумится и Павелъ Самосатскій , внявъ Божественному гласу , вѣщающему : «Мое тѣло, нѣтъ инаго Христа, кромѣ Меня Слова ; Онъ со Мною, и Я съ Нимъ; потому что помазаніе—Я Слово, а помазанное Мною—человѣкъ. Посему, безъ Меня не именовался бы Христомъ ; именуется же , потому что Онъ со Мною, и Я въ Немъ». Поэтому, упоминаемое посланіе Слова означаетъ соединеніе Его съ рожденнымъ отъ Маріи Иисусомъ, Иисусъ же, какъ толкуется сіе имя, есть Спаситель не по иному чему, но по соединенію съ Богомъ—Словомъ. Сіе изреченіе тоже означаетъ, чтд—и слова: *пославый Мя Отець* (Іоан. 8, 17.), и: *не о Себѣ придохъ , но Отець Мя посла* (42.). Соединеніе съ человѣкомъ, въ которомъ можно было людямъ посредствомъ видимаго естества дать познаніе о естествѣ невидимомъ, наименовалъ посланіемъ. Богъ, когда подъ образомъ нашей малости показываетъ бытіе Свое во плоти, не перемѣняетъ мѣста , подобно намъ, сокрывающимся въ какомъ-либо мѣстѣ. Ибо какъ перемѣнять мѣсто Наполняющему небо и землю? Но по причинѣ явленія Его во плоти, посланіемъ наименовали сіе святыя, а потомъ наименовалъ и самъ Богъ—Слово. Итакъ, отъ Маріи Богочеловѣкъ есть Христосъ , не иной какой Христосъ , но одинъ и тотже. Онъ прежде *вѣковъ* отъ Отца ,

Онъ же напоследокъ дней отъ Дѣвы , прежде невидимый и святымъ небеснымъ силамъ , а нынѣ видимый по причинѣ соединенія съ видимымъ человекомъ, видимый же, разумью, не по невидимому Божеству, но по дѣйствию Божества , посредствомъ человеческого тѣла и цѣлаго человека, котораго обновилъ присвоеніемъ Себѣ. Ему чествованіе и поклоненіе, прежде, и нынѣ, и всегда, и во вѣки Сущему!
Аминь.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО АѢНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

	<i>Стр.</i>
Защитительное слово Аѣнасія , Архіепископа Александрійскаго, предъ Царемъ Констанціемъ.	5
Защитительное слово, въ которомъ Св. Аѣнасіѣ оправдываетъ бѣгство свое во время гоненія, произведеннаго дукомъ Сиріаномъ.	45
Посланіе къ брату Серапіону.	74
Посланіе.	75
Посланіе Епископа Аѣнасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ о томъ , что сдѣлано аріанами при Констанціѣ.	78
На аріанъ слово первое.	158
— — слово второе.	255
— — слово третье.	380
— — слово четвертое.	478

О П Е Ч А Т К И.

		<i>напечатано.</i>	<i>должно читать.</i>
<i>стр.</i>	<i>стр.</i>		
45	7	свер. Лаодинн	Лаодикия
56	10	— и не стануть	не стануть
67	6	— отваживались	отважились
71	11	снизу съ повѣствованіемъ	повѣствованіемъ
103	15	— Медиокагъ	Медиолавъ
114	4	— жа	же
126	14	свер. Феликситиму	Филикиссиму
128	6	снизу Поелику всъ	Всъ
135	8	свер. сообразное	сообразное
138	7	— пѣвницы	пѣвницъ
160	8	снизу учителямъ	учителями.
168	9	свер. всякое	всякое
182	15	снизу а давать	и давать
192	7	свер. измѣняемъ	не измѣняемъ
211	5	снизу имѣюмъ	имѣютъ
260	7	— первоначальнаго	правильнаго
274	10	свер. <i>разумѣйте</i>	<i>разумѣете</i>
292	10	снизу составляетъ	сопоставляетъ
320	14	— имена	Имена
—	12	— имена	Имена
322	15	свер. Притчахъ	притчахъ
370	3	— воспріиметь	восприметь
372	8	снизу Слово	слово
374	2	свер. <i>премудро</i>	<i>премудръ</i>
392	11	— <i>Иисусъ</i>	<i>Иисусъ Христъ</i>
395	10	снизу образомъ	Образомъ
405	13	свер. называетъ	называете
437	10	— ежели прежде	а прежде
442	11	— названіе	незнаніе
462	10	снизу въ Немъ	Имъ
—	8	— руководство и церковное	руководство Церковное
465	5	— призошли и силы	призошла и сила